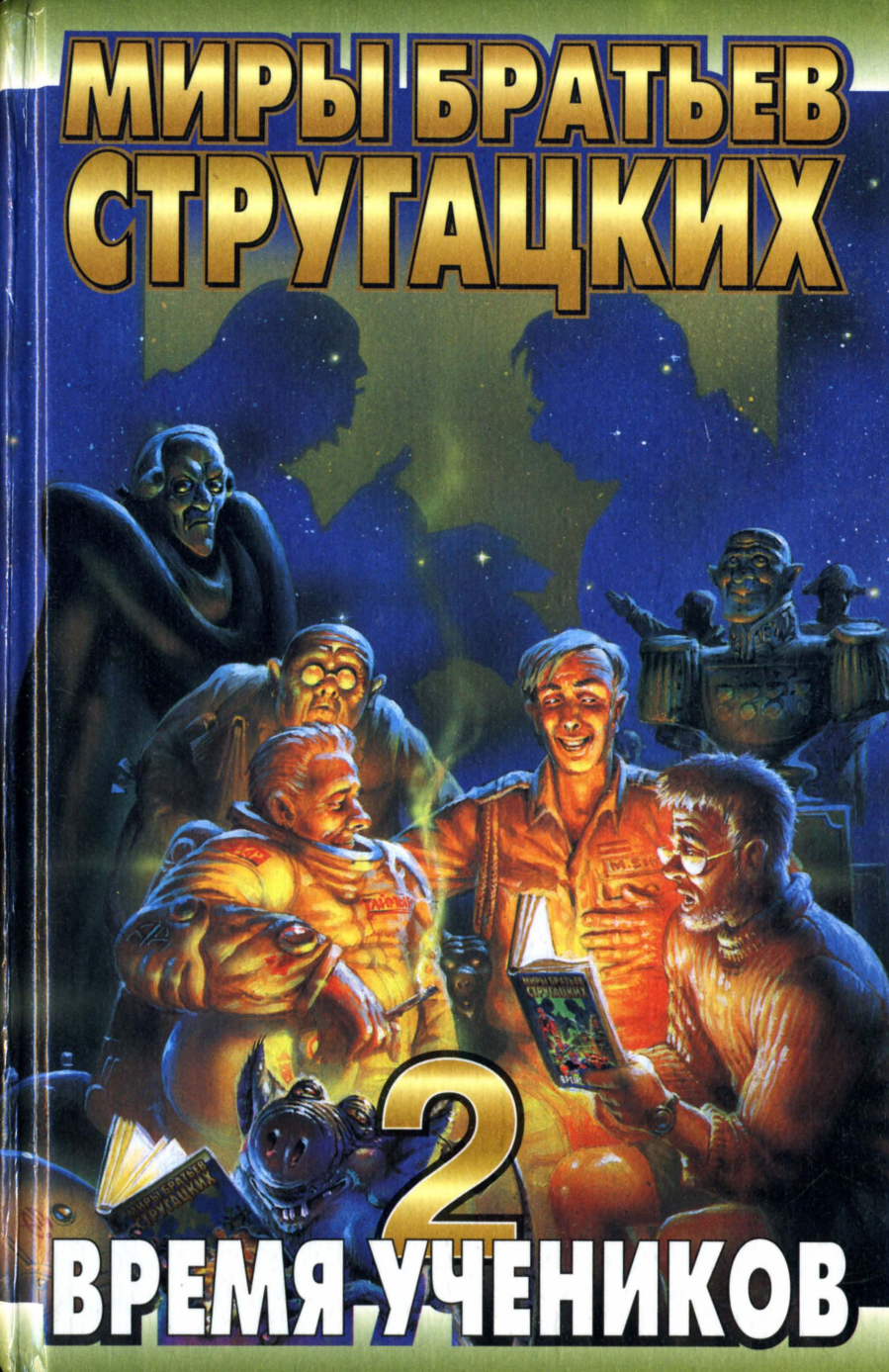
МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

2

ВРЕМЯ УЧЕНИКОВ

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

1998

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

ВРЕМЯ УЧЕНИКОВ 2

Москва

◆

Terra Fantastica

Санкт-Петербург

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
В81

Сканирование: vmakhankov
Обработка: Vitautus

Серия основана в 1996 году

Серийное оформление Светланы Герцевой,
Александра Кудрявцева

Составитель и автор предисловия Андрей Чертков

Иллюстрации Яны Ашмариной, Кирилла Гарина,
Игоря Куприна, Владимира Ноздрина, Льва Рубинштейна

Обложка Анатолия Дубовика

© Миры. А.Стругацкий,
Б.Стругацкий, 1957-1991
© Идея, составление и название сборника,
предисловие. А.Чертков, 1997
© Дизайн макета. А.Нечаев, 1997
© Обложка. А.Дубовик, 1997
© ООО "Издательство АСТ-ЛТД", 1997
®TERRA FANTASTICA

ISBN 5-7921-0222-X (TF)
ISBN 5-15-000774-9 (АСТ)

Писателям,
мыслителям
УЧИТЕЛЯМ
БРАТЬЯМ СТРУГАЦКИМ
посвящается
эта книга

Думать — не развлечение, а обязанность.

Аркадий Стругацкий,
Борис Стругацкий

АНДРЕЙ ЧЕРТКОВ

Проверка на разумность

От составителя

Опытный читатель, прочитавший не один десяток (а еще лучше — не одну сотню) фантастических книг, разумеется, всякие предисловия перевидал. Впрочем, если применить к ним, предисловиям, некий научный подход и составить условную классификацию, то можно вычленить, пожалуй, лишь три базовых варианта. В первом случае автор предисловия излагает сухую, но подробную биобиблиографическую информацию об авторе книги (стилевая манера «педант»); во втором — пытается разъяснить со своей колокольни замысел произведения, его сильные и слабые стороны (стилевая манера «умник»); ну а в третьем — автор предисловия, говоря вроде бы о писателе, на самом деле больше разглагольствует о себе, любимом: вот, мол, какой я умный, вот я какой эрудированный, вот как я ловко сплетаю слова, чтобы морочить читателю голову (стилевая манера «пижон»).

Признаюсь, грешен: накатав немало предисловий-послесловий к самым разным фантастическим книжкам, я и сам прибегал ко всем этим вариантам или сочетаниям их. Однако сейчас... сейчас решил изобрести новый велосипед. Так сказать, вариант четвертый: не столько предисловие, сколько письмо к читателю — доверительный и откровенный разговор с ним (стилевая манера «болтун»).

Что ж, друзья, давайте поговорим по душам. Благо данный сборник — лучший повод для такого разговора. Потому что эту книгу, как мне кажется, вряд ли будут читать случайные люди.

Итак, приступим.

Чуть более года прошло с тех пор, как на книжных прилавках страны появился первый сборник «Время учеников» — пилотная книга серии «Миры братьев Стругацких». С исторической точки зрения — срок небольшой. В то же время — вполне достаточный, чтобы подвести хотя бы первые итоги. Поскольку книга — даже в наше неблагоприятное для *настоящей* литературы время — действительно привлекла к себе внимание и вызвала немало толков и пересудов — как вербальных, тет-на-тет и в компаниях, так и овеществленных на материальных носителях — в письмах в редакцию, на страницах периодических изданий, в виртуальном космосе компьютерных сетей.

Сколько людей — столько и мнений. Причем, что характерно, мнений взаимоисключающих. Скажем, по поводу конкретных произведений конкретных авторов, включенных в первый сборник, мне довелось выслушать уже столько абсолютно не совпадающих выводов насчет «лучших» и «худших», что могу с уверенностью констатировать: *все* произведения были по-своему хороши, по-своему удачны. Во всяком случае, у каждого из них нашлись свои поклонники — уважаемые мной и авторитетные в фантастике люди.

Гораздо серьезнее дело обстоит с общей концепцией сборника. Здесь я подсчетов не вел, однако у меня сложилось устойчивое ощущение, что голоса разделились примерно поровну: на каждого читателя, принявшего сборник *в целом,* нашелся минимум один оппонент, для которого книга оказалась неприемлема *в принципе.* Разброс мнений оказался колоссальным: если одни критики утверждали, что антология «Время учеников» — «беспрецедентный для отечественной словесности проект», «любопытный литературный эксперимент», «дань уважения Учителям», «книга, этапная для российской фантастики», то у других находились на этот счет свои козырные контраргументы: «глумление над святынями», «нравственно ущербный замысел», «бездарная коммерческая поделка». М-да, такой жаркой полемики давненько у нас уже не случалось. Но вот что любопытно: когда я читал статьи и рецензии, письма и реплики, мне порой казалось, что оппоненты просто не слышат друг друга. Или — не хотят услышать?

Что ж, категоричность и безапелляционность, похоже, у нас в крови. Черно-белое мышление, неумение признавать за другими право на собственное мнение, на нестандартные взгляды, на неоднозначный поступок пустили в нас глубокие корни. Даже среди тех, кто читает и любит фантастику. И в этом смысле сборник «Время учеников» оказался чем-то вроде «проверки на

разумность». Настоящим испытанием, тестом для всех — и для писателей, и для критиков, и для читателей.

В своем предисловии я вовсе не собираюсь переубеждать «непримиримую оппозицию»: это дело, по-видимому, безнадежное. Я адресую его тем, кто выдержал испытание; тем, кто, не отвергая с порога сам замысел, каким бы «этически некорректным» он ни показался на первый взгляд, пытается разобраться в его сути; тем, кто не собирается решать за писателей, на что они имеют право, а на что — нет; наконец, тем, кто хочет судить каждое произведение не по тому, какую задачу ставил перед собой его автор, но — по конечному результату.

Не буду останавливаться подробно на статьях и рецензиях, отзывах и письмах, которые вызвал к жизни наш сборник и которых в моей коллекции уже немало. Значительную часть этих текстов благодаря усилиям компании «Рексофт» вы можете найти и прочитать сами — в глобальной сети Интернет на web-сайте издательства «Terra Fantastica» по адресу **http://www.tf.ru**. А при желании, кстати, можете дополнить это собрание и собственным отзывом.

Я же, пользуясь случаем, хочу разъяснить еще несколько моментов, которые, видимо, не прозвучали достаточно четко в послесловии к первому сборнику.

Дело в том, что одна из основных идей нашего Проекта — как антологии «Время учеников», так и всей книжной серии «Миры братьев Стругацких» — заключалась в следующем: попытаться доказать и самим себе, и собратьям по ремеслу, и нашим уважаемым читателям, что даже самые что ни на есть *классические* произведения — вовсе не забронзовевшее многопудье томов за стеклами шкафов академической библиотеки; нет, литература — это постоянный процесс, это вечно живая *мистерия,* происходящая здесь и сейчас.

Вот почему «ученики» поселили бок о бок с описанными не ими героями реальных людей из собственного окружения. Вот почему они внедрили в придуманные не ими миры упоминания о нынешних политических реалиях и разнообразные литературные аллюзии и реминисценции. Вот почему, наконец, произведения «продолжателей» в первом сборнике часто не стыкуются не только друг с другом, но даже и с оригинальными «мирами братьев Стругацких». В конце концов, ученые-историки никак не могут договориться о многих эпизодах *реального прошлого,* предлагая самые разные версии и трактовки ключевых событий истории. Что же тогда говорить о *будущем,* пусть даже и не о будущем вообще — а о конкретном будущем, придуманном

конкретными же авторами? Более того: как составитель, я вовсе не хотел, чтобы в книге были одни лишь прямолинейные «продолжения», я отнюдь не собирался отсекать те произведения, которые в чем-то противоречат «генеральной линии». Напротив, меня гораздо более занимали именно «ответвления» и «развилки», гораздо более радовала изобретательность авторов, когда они находили совершенно неожиданные повороты в развитие хорошо знакомых сюжетов, образов и идей.

(Да, по-видимому, и не меня одного. Во всяком случае, повесть Михаила Успенского «Змеиное молоко» в мае 97-го голосованием всех участников конференции «Интерпресскон» была признана лучшим произведением предыдущего года по номинации «средняя форма». После успеха Вадима Казакова там же, на «Интерпрессконе», но двумя годами ранее, это уже вторая премия в копилке «Времени учеников».)

В свое время американский редактор Дэвид Хартуэлл, отвечая на вопрос журналиста, почему он привлек к работе над книжным сериалом «Стар Трек» («Звездный путь») многих известных писателей, сказал так: *«Сейчас литературному уровню произведений уделяется большое внимание. И поэтому я убеждал написать „стартрековский" роман многих из тех, кого я искренне полагаю хорошими писателями, говоря им, что это нечто вроде выполнения акробатических трюков в смирительной рубашке. Ведь это же старая литературная традиция — показать свой класс, уложившись в жесткие, тесные рамки. Например, в эпоху Возрождения обычным способом продемонстрировать технику стихосложения было написание сонетов; этим занимались даже самые великие поэты».*

Лично я никогда не был поклонником вышеупомянутого заокеанского сериала (как, впрочем, и «Звездных войн», и «Конана-варвара», и многих-многих других им подобных), более того — глубоко убежден, что миры коммерческих сериалов и «миры братьев Стругацких» по внутренней сути своей весьма и весьма различны. Однако мне близок этот тезис: настоящий писатель должен быть профессионалом, а следовательно — способен творить и в чужих, не им придуманных мирах. Особенно если ему по силам привнести в этот чуждый мир нечто сугубо свое, личностное. Именно поэтому я предоставил полную свободу всем авторам и в выборе «миров», и в трактовке тех или иных происходящих в них событий. В конце концов, не мое это дело — указывать, *кому, что и как* писать. Я имею право лишь на одно: взять предложенное произведение в сборник или же отвергнуть его, доступно сформулировав отказ.

В то же время — авторы, принявшие участие в Проекте, вовсе не пытались «перестругачить Стругацких», как язвительно заметил один из рецензентов. Уверен: ни один из них не ставил перед собой столь неблагодарной задачи. А посему читателей, которые ожидали увидеть в нашем сборнике «новые вещи Стругацких», должно было постигнуть жестокое разочарование. Судя по некоторым письмам, так оно и случилось.

Итак, свои позиции по Проекту в целом я, надеюсь, разъяснил. Пора переходить к следующему пункту нашего разговора, а именно — к книге, которая у вас сейчас в руках.

И здесь я хочу донести до вас одну простую мысль — второй том антологии *во многом иной*, нежели первый. И по авторскому составу, и по общему настроению представленных текстов, и по композиции книги.

Нетрудно заметить, что в первом сборнике авторский коллектив был куда более однородный — авторы практически всех произведений были: а) представителями так называемой «четвертой волны» в отечественной фантастике и б) писателями-профессионалами, имеющими за плечами минимум одну книгу или хотя бы несколько публикаций. Что до второго сборника, то здесь картина уже иная: среди его авторов имеются и писатель-ветеран, дебютировавший задолго до того, как появилось такое понятие, как «четвертая волна», и автор-новичок, для которого данная публикация — первая в жизни, и представитель другого жанра, который фантастику ранее никогда не писал.

Произведения, включенные во второй сборник, тоже несколько иные и по своему настроению, и по подходу, избранному их авторами. Что неудивительно — во время работы на столе у каждого из них уже лежал первый том, а по протоптанной тропинке, как известно, идти гораздо легче, чем по целине.

Но в целом все это, конечно, не могло не отразиться на конечном результате — то есть на общей композиции книги. Впрочем, чтобы объяснить — как именно, я должен сказать несколько слов о редакторской «кухне», в секретах которой, боюсь, далеко не все читатели разбираются.

Каковы же обязанности редактора-составителя в таком проекте, как тематическая антология? Ну, во-первых, он должен придумать и сформулировать базовую идею, которая могла бы стать основой для будущей книги. Во-вторых, найти и привлечь талантливых авторов, чьи произведения могли бы превратить голый замысел в плоть художественных образов. В-третьих, обеспечить проекту прочный экономический фундамент.

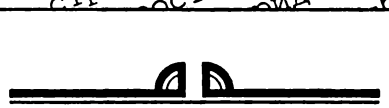
Наконец, в-четвертых — так скомпоновать отобранные произведения, чтобы из их сочетания образовалось нечто цельное, единое — по сути, некое новое произведение. В этом плане работу составителя можно сравнить с творчеством дизайнера или даже, может быть, режиссера. Недаром на Западе, где это давно и хорошо понимают, фамилию составителя, как правило, помещают на обложку сборника.

Так вот, когда я готовил к изданию первый том, когда прочитал все собранные рукописи и начал по своему обыкновению тасовать — сначала мысленно, а потом и на компьютере — имена и названия, базовая идея сложилась довольно быстро — расположить произведения по примерной внутренней хронологии «миров Стругацких», взятых за основу разными авторами: от «условных» 60-х годов XX века, когда творили маги из НИИЧАВО, до начала XXIII столетия, когда после Большого Откровения начался закат галактической империи землян. Что еще меня порадовало — при этом получилось достаточно удачное сочетание произведений по их настроению. Открывшись легкой и веселой повестью С. Лукьяненко, сборник постепенно (в произведениях А. Скаландиса, Л. Кудрявцева, Н. Романецкого) стал набирать серьезность, трагизм, можно сказать — некую даже «чернушность», которая достигла своего пика в повестях В. Рыбакова и А. Лазарчука, затем резко пошла на спад в блистательной пародии М. Успенского, завершилось же всё стилизованным под научную работу эссе В. Казакова. В общем, такая композиция показалась мне «играющей», и никакого другого расклада для данного корпуса текстов я теперь просто не вижу.

Когда же пришла пора для второго сборника, я понял, что прежний подход для него не годится. Не укладываются вновь собранные тексты в «прокрустово ложе» старой идеи. И после долгих и, честно говоря, мучительных размышлений, после многочисленных бесед с коллегами-издателями, имеющими к Проекту непосредственное отношение (Николаем Ютановым и Сергеем Бережным, Николаем Науменко и Кириллом Королевым — обязательно хочу назвать эти имена, чтобы хотя бы так выразить им свою признательность), после того как я перебрал и отбраковал более десятка вариантов — только тогда я и пришел к композиции, которую вы можете увидеть в этой книге.

Надеюсь, вы и сами убедитесь в том, что такое решение имело смысл, когда прочтете книгу целиком и — очень на это рассчитываю — в заданной мной последовательности.

Ну что, поехали?

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПОЧТИ ТАКИЕ ЖЕ

От составителя

(продолжение)

Первый раздел сборника, как и следует из его названия, включает в себя произведения, которые, на мой взгляд, либо являются «прямыми продолжениями» произведений братьев Стругацких, либо содержат некий новый взгляд на события, которые в них описаны.

Открывает его рассказ Василия Щепетнева, талантливого, но, к сожалению, пока еще малоизвестного писателя из Воронежа, ранее печатавшегося преимущественно в журнале «Уральский следопыт». Этот рассказ — первое произведение сборника! — имеет подзаголовок «Эпилог № 2». Необычное начало для книги, не находите ли? Я — не нахожу. Потому что это эпилог к самой первой повести братьев Стругацких — «Стране Багровых Туч». «Второй» же он потому, что в самой повести уже есть эпилог — такой же бравурный и героико-романтический, как и само это произведение. «Эпилог» Щепетнева — совсем иной. Хотя — если бы его написали сами Стругацкие, но сорок лет спустя, он, не исключаю, имел бы ту же тональность. Борис Натанович неоднократно подчеркивал, что «Страна...» — их самое нелюбимое произведение. Точнее, нелюбимое самими авторами, потому что читатели эту повесть по-прежнему любят и перечитывают — причем не только люди среднего и старшего поколений (это еще можно было бы объяснить ностальгией), но также и сравнительно молодые. Быть может, это потому что в «Стране...» имеется то, чего так не хватает в современной НФ? Я имею в виду ту романтическую атмосферу, которой она буквально пропитана и которая напрочь ушла из нашей нынешней жизни. И потому, казалось бы, какая разница, под какими знаменами — красными или трехцветными — герои повести

с честью проходят через все выпавшие на их долю суровые испытания?.. Похоже, однако, что именно эти знамена — знамена нашего прошлого, которые уже не будут знаменами нашего будущего — и стали главными героями нового «Эпилога», написанного сорок лет спустя и совсем другим автором. Да, это горький рассказ — но горький, как лекарство, которым лечат не тело, но душу.

Автор следующего рассказа Сергей Лукьяненко — один из самых ярких представителей самого последнего поколения в современной отечественной фантастике и единственный из всех участников предыдущей антологии, кто отважился на «вторую попытку». Однако на сей раз произведение, вышедшее из-под его пера, — не столько «продолжение», сколько попытка бросить еще один беглый взгляд на хорошо всем известную сцену из повести «Хищные вещи века». Причем взгляд не со стороны, а, если так можно выразиться, как бы изнутри. Но не кажется ли вам, уважаемые читатели, что подобная смена угла зрения позволяет увидеть эту сцену не просто по-другому, а совсем-совсем иначе?

Что до следующей повести, то, предвидя обвинения со стороны некоторых товарищей, хочу поспешить с чистосердечным признанием: да, граждане судьи, я виновен! — я взял ее в сборник только и исключительно «по блату». Да и как можно было не включить в книгу произведение не только своего старого друга, но и непосредственного начальника, к тому же написанное им после ба-альшого перерыва в литературной деятельности? Нехорошо, знаете ли! Для тех же, у кого такие обвинения не возникнут (потому что повесть и в самом деле любопытная), хочу пояснить следующее: Николай Ютанов, действительный член Семинара Бориса Стругацкого и автор двух книг, до того как стать директором издательства «Terra Fantastica», долгое время трудился научным сотрудником в небезызвестной Пулковской обсерватории — той самой, где двумя десятилетиями ранее работал Борис Стругацкий, и той самой, которая (что давно не секрет) стала прототипом знаменитого Научно-Исследовательского Института Чародейства и Волшебства из повестей «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о Тройке». Так кто же, если не он — человек, знающий в лицо многих астрономов и астрофизиков, которые чудесным образом преобразились в повестях Стругацких в магов и кудесников, — может вписать еще несколько славных страниц в историю этого храма науки? Что до возможных упреков, что в повести Ютанова наличествуют литературные реминисценции, никак не связанные со

Стругацкими... так ведь и повесть Стругацких буквально пронизана отсылками на самые разные литературные источники — от Алексея Толстого до Марка Твена. Так что установки «оригинала» в данном «сиквеле» выполняются неукоснительно. А вот что получилось в итоге — судить уже вам, уважаемые читатели.

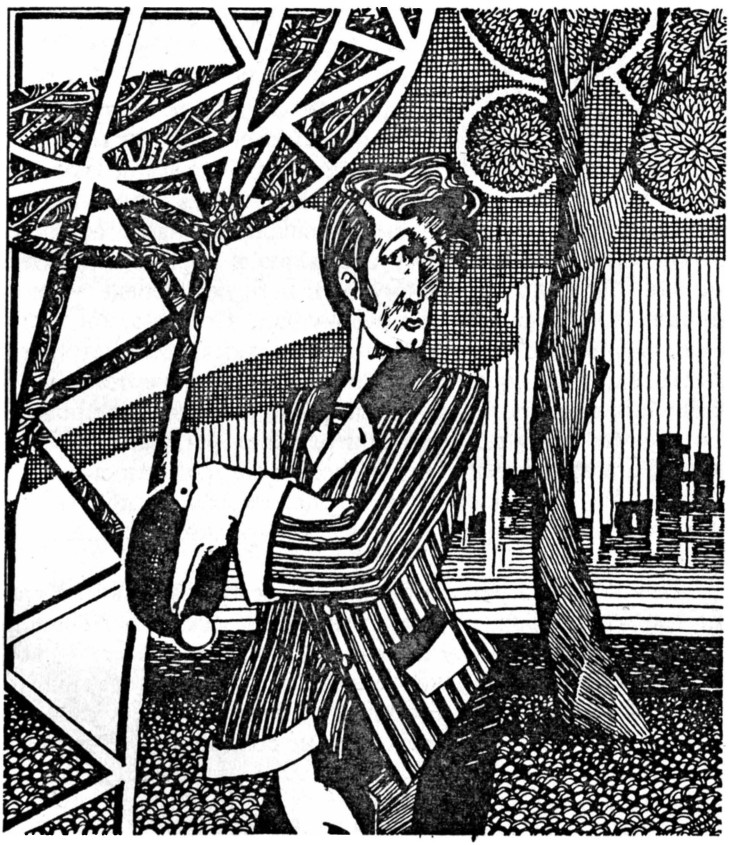
(Да, вот еще что. Пользуясь случаем, хочу добавить, что когда наше издательство только-только было создано и с деньгами и помещением было туго, мы некоторое время арендовали одну комнатку в подвале обсерватории — и именно ту, как признался мне однажды Борис Натанович, что перекочевала в их повесть в качестве места, где сочиняется стенгазета «За передовую магию!». Причем автору этих строк по причине его тогдашней необремененности питерской жилплощадью приходилось неоднократно ночевать в спальном мешке посреди залежей реликтовых останков культурно-массовой деятельности НИИЧАВО тех далеких времен. Быть может, и тех, к которым приложил руку один из авторов «Понедельника».)

Последняя вещь раздела — повесть Даниэля (Даниила) Клугера. Дэн Клугер — участник Малеевского семинара, автор ряда фантастических, приключенческих и исторических произведений, в прошлом — житель города Симферополя (где я с ним и познакомился в далеком уже 87-м году), а ныне — гражданин государства Израиль. Надо сказать, что, согласившись участвовать в Проекте, он рискнул поставить перед собой невероятно сложную задачу — написать продолжение к повести «Второе нашествие марсиан» — одной из самых необычных и самых законченных повестей братьев Стругацких. Думается, что в этой повести мэтры уже сказали всё, что только могли и хотели сказать о сущности мещанства, причем сделали это с такой яростной убедительностью, которую просто нельзя повторить. Поэтому о том, справился ли Дэн со своей задачей, я судить не берусь, скажу лишь, что по точности стилизации его вещь, на мой взгляд, — одна из самых удачных в сборнике. Впрочем, мое мнение — это только мое мнение, и я не собираюсь навязывать его вам. Просто прочтите повесть и сделайте выводы сами.

ВАСИЛИЙ ЩЕПЕТНЕВ

Позолоченная рыбка

(ЭПИЛОГ № 2)

Художник Игорь Куприн

сегодня он обедал в одиночестве. Дивный шашлык, брюссельская капуста, виноград «дамские пальчики», вино — выдержанная «Массандра», поданная в хрустальном графине, — не вызывали никакого отклика. А как он радовался этому изобилию в первые дни! Нет, не так. Он радовался всему, и в первую очередь — возвращению. Радовался и предвкушал. Конечно, он понимал, что время всенародного ликования, демонстраций, листовок, кубометрами разбрасываемых с вертолетов, и сияющих пионеров с огромными букетами сирени прошло, но все же, все же... «Покорители Венеры, вас приветствует Родина», что-нибудь в этом духе ожидалось непременно. А получилось куда проще, скромнее, приземленнее, что ли. Смотри, почти каламбур, жаль, сказать некому.

Быков налил вино в рюмку, посмотрел на свет. Красное вино. Багровое. Входит в курс восстановительного лечения. Поначалу думалось, что вино означает — всё, кончилась командировка, привыкай к Земле, товарищ, но и Михаилу полагался без малого литр на день, а уж Крутикова отлучать от космоса явно не собирались. Вымывает

© Текст. В. Щепетнев, 1997
© Оформление. И. Куприн, 1997

радиацию, объяснял Миша (с Михаилом Антоновичем они довольно быстро и естественно перешли на «ты» еще до посадки). Либо плохо вымывает, либо многовато ее скопилось, радиации.

Быков ограничился единственной рюмкой. Достаточно. Кивком поблагодарив официантку, он вышел из столовой. После ужина они с Мишей гуляли с полчасика по берегу, и привычка эта укоренилась.

Ветра сегодня почти не было, море спокойное. Неплохо бы летом приехать, пусть не сюда, а в Ялту или Анапу. И не одному, конечно, и даже не с Мишей.

Быков выбрал голыш, запустил в море. Блин, блин, блин, бульк. И пляж этот, и море, и прогулки казались странно знакомыми, виденными, хотя никогда раньше он не был не то что в санатории — просто на море. В кино, правда, часто видел здравницы. Да еще Иоганыч про свою любимую Прибалтику рассказывал, дюны и сосны, так честно рассказывал, что поначалу мерещились они на каждом шагу. И сейчас мерещатся.

Стало скучно, почти тоскливо, и он пошел дальше, шагом бодрым, энергичным. Нам нет преград ни в море, ни на суше. Давай, давай, иначе закиснуть можно. Очень даже скверно получится — закисший капитан Быков на почти необитаемом острове. В ожидании Пятницы. Правда, капитан сухопутный, бронетанковых войск.

Впереди показался пирс. И часовой в будке, готовый вежливо, но твердо завернуть товарища капитана. Конечно, строгость — вещь полезная и даже необходимая, но с тех пор, как Черное море стало внутренним морем... Впрочем, время вокруг непростое. Тревожное время, товарищ Быков.

Он повернул назад, досадуя, что снова начал думать о неприятном. А как не думать? Рычагом по голове, понимаешь, и всего делов...

В холле, пустынном, гулком, мерцал экран стереовизора. Опять про высокочастотную вспашку. Жизнь идет своим чередом, дорогие товарищи, неуклонно пре-

творяются идеи партии, растет благосостояние, и крепнут ряды.

Быков послонялся по холлу, пальцем потыкал землю в цветочных горшках — влажная, поливают, — полюбовался полотном Айвазовского «Бриг „Меркурий“», авторская копия. Спать рано, рано до неприличия. Он зашел в музыкальный салон. Музыкальных предметов здесь было два: кабинетный рояль, закрытый чехлом серой материи, саржи, что ли, и радиола «Фестиваль». Рояль за все время пребывания Быкова в санатории не раскрывали ни разу, радиолу слушали постоянно. Это дозволялось, более того, было практически обязательным — для поддержания языковых навыков. Китайская, немецкая, английская речь. Аппарат хороший, с чувствительным коротковолновым диапазоном, не то что «Пания», изделие братской республики, двухламповая машина, которая исправно ловила местную станцию, например, тот же Ашхабад, а при великой удаче — еще и Москву с Пекином. Впрочем, у большинства нет и «Панонии», довольствуются проволочным радио. В последнее время появились новые модели, трехпрограммные, Быков получил такую одним из первых — премировали за спасательную операцию, когда Иоганыча выручать пришлось.

Он нажал клавишу, засветилась веселым желтеньким цветом шкала, затем разгорелся зеленый глаз, и звук глушилки ударил по перепонкам. Лягушка в футбольном мяче, да. На матче ЦДКА — «Спартак», и мяч тот влетел в ворота «Спартака».

Быков повернул ручку настройки. Рев смолк, музыка, явно азиатская, заполнила комнату. Братья-китайцы. Мимо, мимо. Он шарил по диапазонам, пока наконец не набрел на передачу из Торонто. Английским Быков владел скверно, и в школе, и в училище долбили: «Зыс из зе тэйбл», и далее почему-то дело не двигалось. Впрочем, техническую литературу читать он в конце концов научился, но разговаривать...

Ничего, он ведь не разговаривать собирается, а только слушать.

Диктор частил взволнованно и горячо, Быков уловил названия Киева и Москвы, а затем длинный перечень городов американских. Корабли, танки, вторжение, бомбардировки, часть слов он угадывал, а остальное просто додумывал. С каждой секундой додумок становилось больше и больше, пока он с досадой не выключил приемник. Информационный блок, безо всяких там релятивистских теорий старика Эйнштейна. Правильно Миша говорит, языки учить нужно, без них тяжело. Где-то он видел набор пластинок. Завтра и начнет. «Зыс из зе тэйбл».

На столиках лежали подшивки газет, около дюжины. Конечно, «Правда», «Известия», «Труд», еще какие-то. Газеты свежие, есть и сегодняшние. Он по привычке начал с «Правды», затем перешел к «Известиям». Трудящиеся столицы обязуются сделать город краше прежнего, и по сему (так и написано: «по сему», — блюстители чистоты родного языка брали за образец петровские указы и ломоносовские оды) рабочие смены отныне длиться будут двенадцать часов, а выходные упраздняются вплоть до полного выполнения обязательств. Значит, краше прежнего. А, вот еще: полностью восстановлено движение по Садовому кольцу. Большего, как он ни старался, отыскать не смог. Новая посевная станет триумфом высокочастотной вспашки — все газеты писали именно об этом, даже «Советский спорт», даже «Оймякон штерн», невесть как попавшая сюда. Да, придется вам научиться мерзлоту пахать, ребятушки. Или надейтесь на манну небесную.

Сестричка милосердия пригласила его на очередной осмотр. Доктор долго расспрашивал про самочувствие, потом загнал в ящик, опять укол, опять мудрые, обязательные к исполнению советы — сон, прогулки, диета.

— Настоятельно рекомендую настольный теннис.

— Слушаюсь, доктор. — Он осмотрел себя в зеркало. Краше не стал, но отъелся почти до прежних размеров, одежда уже не болталась, и сила возвращалась помаленьку. — Только ведь играть вдвоем нужно, а я один с некоторых пор у вас числюсь.

— А вот со мной и сыграем.

Минут сорок они гоняли целлулоидный мячик. Доктор двигался с удовольствием, и Быков сообразил — прописали ему пинг-понг из корыстных интересов. Злоупотребление служебным положением. Тогда он собрался и начал так подрезать мячи, что доктор быстренько счел — на сегодня довольно.

— Долго мне еще... быть тут? — решился на вопрос Быков. Спорт, он сближает.

— С медицинской точки зрения процесс реабилитации практически завершен, но в отношении вас никаких распоряжений пока не поступало, — честно ответил зауважавший его доктор. — Да вы отдыхайте, отдыхайте, запасайтесь здоровьем впрок. Никогда, знаете ли, не помешает. Завтра реванш?

— Завтра, — согласился Быков.

Горячая вода отпускалась щедро, струи хлестко били по коже, вымывая из пор накопившуюся за день усталость. Хороший санаторий, об этом в один голос говорили и остальные — космогаторы, атмосферные летчики, подводники, все те, с кем отдыхал здесь Быков еще неделю назад. А сейчас он один, остальные убыли по срочному вызову, многие — не съев и трех обедов. Убыл и Миша, обняв на прощание, вздохнув и пожелав спокойствия: «Ты, Алешенька, не тревожься. Все хорошо, все будет хорошо».

С той поры он и тревожится.

Никогда, осознал вдруг Быков, никогда он не был наедине с собой так долго — неделю. И в сиротском доме (до сих пор он старался думать «школа-интернат», но сейчас не хотелось лгать и приукрашивать. Сиротский дом, паршивый, холодный и жестокий — при том, что он, Быков, не был забитым, изгоем, лишним, напротив, сам полбешники раздавал, впрочем, не часто и только за дело, даже старшие ребята его уважали и принимали в свою компанию), и в училище, а больше всего, как ни странно, в пустыне, всегда он был на людях, среди товарищей, весь на виду. Посидеть в покое, подумать ни о чем, о себе, о жизни было негде, разве в библиотеке.

Лечение одиночеством. Выздоровление хуже болезни. Очень не хочется поправляться.

Он вышел на балкон. Вид на море, вставить в рамку и предлагать лучшим музеям. Наверху, среди неподвижных звезд, плыла неспешно точка, яркая, даже не точка, диск. Патруль. Ашхабад может спать спокойно — он невольно поискал дерево, постучать. Ничего, сгодится и плетеный стул, материал родственный.

Хватит, нужно ложиться. Прохладные льняные простыни нежили кожу. Смотри, капитан, привыкнешь, барчуком станешь, избалуешься.

Быков уснул как в лучшие времена, быстро, почти без маяты. Сквозь третий сон донесся гудящий низкий звук, шмели разлетались, он повернулся на другой бок, не желая просыпаться, и не проснулся, о чем там, в третьем сне, подумал с удовлетворением.

Потом, уже в следующем сне, постучали в дверь.

— Войдите, не заперто. — А и возжелай он закрыться — не смог бы. Замков на дверях не было, таких замков, которые можно открыть и закрыть изнутри.

— Не обеспокоил доблестного специалиста по пустыням?

— А... Добрый вечер. — Быков нашарил наконец шнур плафона, дернул и теперь привыкал к свету.

— Вижу, обеспокоил. Но с самыми лучшими намерениями. — Юрковский стоял в проеме двери, свежий, стройный, просто английский лорд на рауте.

— Рад тебя видеть, пижон. — Быков действительно был рад. Сразу по возвращении Юрковский и Дауге исчезли. Иоганыч, конечно, в госпиталь попал, а вот Володька... Даже обидно было. Но Крутиков объяснил, как всегда, просто и доходчиво: служба.

— А уж я-то! Ты давай, поднимайся, нам срочно лететь туда. — Юрковский показал пальцем на потолок.

— В космос? На Венеру?

— Вошел во вкус, космопроходец. Не на Венеру. Нас хотят видеть очень ответственные лица.

— Прямо сейчас?

— Именно. Покоя лишились, подай, говорят, сюда специалиста по пустыням, и все тут. Снарядили экстренный гидроплан, аллюр три креста, и вот я здесь. А к утру требуется быть — там. Ты собирайся, назад возвращаться не будем. За четверть часа уложишься?

— Уложусь, — коротко ответил Быков.

Хватило четырнадцати минут, вместе с бритьем и чисткой зубов. Все это время Юрковский говорил о пустяках, передавал приветы от незнакомых людей, ходил по комнате, комментируя репродукции на стенах.

В коридоре мелькало лицо доктора, но входить тот — не решался.

— Я готов. — Быков поднял чемоданчик, девять килограммов личных вещей.

— Ничего не забыл?

— Предписание, оно...

— Товарищ, можно вас? Документы на товарища Быкова готовы?

— Пожалуйста. — Доктор протянул коричневый конверт. Юрковский заглянул внутрь, потом сунул конверт во внутренний карман шинели.

— Всё, Алексей, при нас доку́менты. — Он нарочно сделал ударение на второй слог, на «у».

— До свидания, — попрощался с врачом Быков. — В другой раз сыграем.

— Непременно, непременно сыграете, а пока — прощайте. Слушайте утренние новости. — Юрковский повел Быкова наружу.

Идти пришлось к самому пирсу. Пропустили, часовой даже под козырек взял.

— Ты не упади, смотри, — предупредил Юрковский.

Из темноты выплыл катер, катерок даже, маленький, вертлявый.

— На нем? — не мог поверить Быков.

— Сто метров. Кабельтов — по-морскому. Вытерпишь?

Действительно, плыли всего ничего. До самолета-амфибии, что ждал их неподалеку. У люка их встре-

тили, помогли забраться, с чемоданом было бы неловко.

— Можно взлетать, Владимир Сергеевич? — Летчик лихой, довольный. В три часа ночи, а довольный.

— Можно. — Узким проходом они прошли в салон.

— Однако, — только и нашел что сказать Быков.

— Нравится?

— Шахрезада, тысяча и одна ночь.

Салон занимал почти весь фюзеляж. Стол, диван, несколько кресел, даже буфет. Никакого пластика, дерево, кожа, шелк.

— Ты садись, садись, космопроходец.

Быков сел. Приятное кресло, в меру мягкое, в меру упругое. Тихо загудели турбины, гидроплан приподнялся на подушке, понесся вперед. Быков глянул в иллюминатор, не надеясь увидеть момент взлета, а просто — посмотреть.

— Видно что-нибудь? — Юрковский сидел вольно, свободно. Отдыхает.

— Темно.

— Ничего, Алексей. С завтрашнего дня светомаскировка станет историей. Вернее, с сегодняшнего. — Он потянулся, и Быков понял, что Юрковский устал. Очень устал.

— Как — историей?

— Сюрприз. Для всей страны сюрприз, но тебе скажу то, что остальные узнают в семь ноль-ноль по московскому времени. Атлантиды капитулировали. Всё, конец, finita. Как напишут в газетах, последняя цитадель империализма пала. Жизнь входит в мирное русло. Приходит время наград. Давай, Алексей, верти дырочку в кителе.

Гидроплан прекратил набор высоты, теперь летели гладко, неколебимо.

— Дырочку?

— Или даже две. Наверное, две.

— Ты расскажи, что происходит, пожалуйста, только серьезно.

— Серьезнее некуда, дорогой. Мы вернули свое, Аляску и Калифорнию, Мексика — Техас, Южные штаты будут преобразованы в Свободную конфедерацию, Северные обретут независимость, каждый штат станет отдельной страной.

— Так быстро?

— Революционный порыв рабочего класса Америки плюс гений генералитета. И вот, покончив с ратными делами, правительство решило воздать должное отважным покорителям Венеры. — Володька часто говорил с иронией, но сейчас он пытался говорить с иронией. Или просто кажется — от недосыпа, от случившихся событий?

— Нас всех собирают? Весь экипаж «Хиуса»?

— Всех, всех. Даже Иоганыч будет, медицина дала добро.

— И Миша?

— Разумеется, куда мы без него? Должен уже приземлиться. Миша наш вместе с Ляховым там летали, наверху. Обеспечивали господство в космосе. «Хиус», он целой флотилии стоит. Хотя, конечно, флотилия тоже без дела не осталась. — Юрковский встал, подошел к буфету. — Выпьем, Алеша? Шампанского? «Абрау Дюрсо», урожай шестьдесят шестого года. Знатоки хвалят.

— Не хочется. И поздно, то есть рано.

— Надо, надо. А то хозяин этого ковра-самолета обидится. — Юрковский по-гусарски хлопнул пробкой, пена просто клокотала. — За нас, Алеша. Сегодня — за нас.

Они выпили по бокалу, и Юрковский вернул бутылку в буфет.

— Или ты хочешь еще?

— Нет.

— Тогда я сосну, Алексей. Запарился. Нас утром примут, ранним утром. — Он снял пиджак, устраиваясь на диване, вытянул ноги, чтобы не помять безукоризненную стрелку. — Да, знаешь... Вроде обычая такого... Ты на одно желание имеешь право...

— Золотая рыбка?

— Весьма. И с норовом: не по ней — щукой обернется. Но простые желания исполняет справно — машину, квартиру, дачу там или еще что. Только в Москве квартиру не проси.

— Не дадут?

— Дадут. Но спроса на московские квартиры лет десять не будет. Подумай, чего хочешь. Не прогадай. Кого учу, ты умный. — Юрковский прикрыл глаза, нахохлился. — Запарился я...

Про желание Быков слышал и раньше. Значит, «Героя» дадут, раз желание. Ничего иного, если честно, он не ждал. И желание припас загодя. Просьбу. Хорошо выверенную просьбу.

Он тоже забился в угол кресла, но не спалось. В свете плафонов, горевших вполсилы, видно было, как сдал Володька. Сейчас он казался стариком; редкие волосы слиплись, череп, просто череп, а не голова. Стало стыдно своего здоровья, красной рожи, долгих дней ничегонеделания.

Тьма внизу, зато над тучами — луна. Большая, что прожектор. Для влюбленных старается.

Незаметно для себя он задремал и очнулся прямо перед посадкой. Снаружи серело, видна была тайга, тайга и снег.

— Отдохнул, герой? — Юрковский опять смотрелся молодцом. Умеет собираться, умеет, не отнять.

— Где мы, не пойму?

— Сейчас, недолго осталось. — И действительно, тайга надвигалась, ближе и ближе, затем показалось поле, бетон, фермы. — Новосибирск, друг мой, резервная столица.

Движение прекратилось нечувствительно, забытый бокал на столе не покачнулся. Это вам не на Венеру садиться, дорогие товарищи.

Через полчаса они были в зале ожидания — так определил для себя Быков комнату, в которую они попали из перехода метро. Над ними хлопотали не то парикмахеры, не то гримерши — подправляли прическу,

пудрили кожу. Быкова заставили переодеться в парадную форму, выданную тут же, — «это теперь ваша». Сидит ловчее, чем своя, и материя добротная, но — покоробило.

— Ничего, Алексей, искусство требует жертв. Это для кинохроники. — Юрковский подмигнул, но вышло невесело.

— А где остальные? Миша, Иоганыч? — И, словно услышав, из другой двери, не той, откуда прицли они, показались и Крутиков, и Дауге.

— Гриша, — шагнул было к нему Быков, но тут их позвали:

— Проходите, проходите, товарищи! — звали так, что медлить было — нельзя.

Он пропустил всех вперед — Юрковского, Мишу, улыбнувшегося им какой-то смущенной, даже тревожной, улыбкой Дауге — и пошел рядом с последним, искоса поглядывая в застывшее, серое лицо Иоганыча. И шел Гриша не своим шагом, легким, даже разболтанным, а ступал на всю подошву, твердо и в то же время неуверенно, так ходит застигнутый врасплох пьяный сержант перед нагрянувшим командиром полка.

Если бы действительно пьян.

Из довольно непритязательного перехода они прошли в чертоги — высокие потолки, мрамор, яркий дневной свет, странный на такой глубине — над ними метров пятьдесят породы, не меньше. По ровной, без складочки, дорожке они прошли вглубь, где и остановились. Напротив, за столиком с гнутыми ножками, сидел человек. Не первое лицо государства, даже не второе, но третье — несомненно. Хотя — как посмотреть. Откуда посмотреть. Для многих — он самый первый.

А рядом, но на своем неглавном месте — рангом пониже, всё больше незнакомые, за исключением одного Краюхина, в генеральском мундире, покрытом чешуей орденов. Tiranosaurus Rex, вспомнил Быков рисунок Дауге.

— А, вот они, наши герои. — Человек за столиком был непритворно доволен. Он любил быть добрым —

к своим, награждать, давать заслуженное. — Именно благодаря вам, таким как вы, наступил сегодняшний день. Впереди... Ах, какая впереди жизнь! С нынешнего дня... — Речь лилась, плавная, ласковая, сверхтекучая. Потом перешли к протокольной части: «За проявленные при этом мужество и героизм...» Всем вручили по ордену, а Быкову, как и предсказывал Юрковский, еще и Золотую Звезду. Дыры в кителе не потребовалось, по крайней мере сейчас — на орденах были хитрые крючочки, как у клещей. Держатся. Когда присосется, начинает раздуваться.

— А сейчас мы по-простому, по-семейному присядем. — Их провели в новый зал. Сколько же их здесь нарыто.

— Ну, здесь все свои. — Третье лицо огляделся с удовлетворением. К своим относились и Краюхин, и порученец, и, разумеется, новонагражденные. Остальные — свита, репортеры, телевизионщики — остались за дверью. — Большое дело своротили. По русскому обычаю... — Он хлебосольно повел рукой. — Жаль, времени мало. Ну, вы потом продолжите, верно, Николай Захарович?

— Непременно продолжим. — Краюхин потер руки, изображая продолжение. — Традиция!

— Чем богаты, как говорится. — Руководитель собственноручно резал хлеб, пахучий, ржаной. Сало, огурцы, лук уже лежали на блюде. — Мы по-русски, по-простому. Я слышал, вам, космогаторам, нельзя, но вы уж уважьте старика. — Из запотевшего графина он разлил водку по маленьким пузатым стопочкам. — Во здравие...

Выпили все, лишь Дауге запнулся, и Юрковский подтолкнул Иоганыча, давай, мол.

Быков захрустел огурцом, руководитель одобрительно поглядел на него:

— Люблю таких, парень. В работе тоже, чай, не последний?

— Алексей Петрович проявил себя с наилучшей стороны, — аттестовал Быкова Краюхин.

— Помню, как же. Значит, так. Начнем вот с тебя. Юрковский, да?

— Так точно. — Володька, не спросясь, налил себе вторую стопку. Лицо бледное, но улыбчивое. Переморгаем, Володька. Не то видели.

— Ну, Юрковский, о чем мечтаешь, чего не хватает для счастья?

— Я бы просил вас и в вашем лице правительство распорядиться о выделении средств для комплексного освоения Венеры, в частности — создать многопрофильный институт Венеры.

— Губа не дура. Ты кто, геолог?

— Так точно. — Но третью стопку не взял.

— Получишь институт геологии Венеры. Только учти, работать — кровь из носу! Нам много чего из Венеры получить нужно, много!

— Так точно. — А Володька дерзит, дерзит, шельмец. Нашел время.

— Ну а тебе? — Руководитель повернулся к Дауге.

— Семнадцать... Семнадцать городов... — почти прошептал Иоганыч.

— Что? Семнадцать городов? Эка ты хватил, братец. — Но тут Краюхин сказал ему что-то на ухо. — Больной, да? Ну ладно, поправляйся, поправляйся. Я не тороплю.

Быков заметил, как переглянулись Крутиков и Юрковский, переглянулись с облегчением.

— Ты выпей, выпей, Гриша, — поспешил со стопкой Юрковский.

— Во, молодец! Первое лекарство! А тебе чего?

— Спасибо, у меня, кажется, все есть... Не надо... — Миша покраснел, не то от выпитого, не то — просто.

— Все, говоришь? Дача, к примеру, на море есть?

— Нет, но...

— А дети, жена?

— Есть. — Быков заметил, как краснота сменилась бледностью — быстро, мгновенно.

— На Черном море дачу хочешь или на каком другом?

— На Черном, пожалуйста. — Миша теребил платок, не решаясь вытереть пот.

— Да ты не бойся, не бойся. Вдругорядь только не говори — все есть: позавидуют и отберут. В Крыму будет дача. Отдыхай!

Руководитель посмотрел на Быкова, усмехнулся:

— Ты, наверное, и не понимаешь, с чего начать? Молодой, многое нужно, знаю. Сам таким был.

Быков вытянулся, руки по швам.

— Разрешите обратиться!

— Давай, давай, на что созрел? Не продешеви... — Руководитель смотрел на него с интересом, но с интересом взрослого к ребенку, которому выбирать — пряник или петушка на палочке.

— Я хочу попросить повторно рассмотреть дело Олейникова Василия Михайловича, осужденного по указу от девятого сентября одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года... — Показалось ему или услышал, как ахнул Миша? Услышал — внутренним слухом.

— Рассмотреть дело? — Руководитель не удивился, только поскучнел. — Он тебе что?

— Я... понимаете... — Быкова сбило это «что». — Считаю своим долгом коммуниста.

Опять встрял Краюхин — на ухо, но внятно:

— Невеста — спецпереселенка. А тот — отец ее.

— А, невесты. — Руководитель ухватил крохотный кусочек сальца. — Бабьё, бабьё... — И пошел прочь, жуя на ходу. На пороге обернулся, бросил: — Добро, можешь жениться, парень. Не мешкай.

Пока они не сели в самолет, теперь краюхинский, никто не сказал ни слова, даже не смотрели друг на друга, и лишь в салоне, казавшемся после виденного донельзя простым, Юрковский перевел дух:

— Да, ребята, вы нынче того... Мало вам Голконды, черти, нашли где...

— Владимир Сергеевич, займитесь Дауге, — перебил его Краюхин. — А я распоряжусь. — Он скрылся в отсеке пилотов.

Иоганыч, бледный, молчаливый, сидел недвижно в кресле и, казалось, ничего не слышал, не замечал.

— Сейчас, Гришенька, сейчас. — Юрковский вытащил из кармана шприц-тюбик, содрал защитную пленку. — Сейчас... — Запахло эфиром, он вогнал иглу под кожу. — Потерпи, полегчает.

Самолет разбежался, но никто не замечал взлета.

— Ты поспи, поспи, — уговаривал Дауге Миша.

— Зачем мы вернулись? Семнадцать городов. — Он смотрел на Быкова, не узнавая. — Зачем...

— Ничего, Гришенька, ничего. Отдохнешь, поправишься, — уговаривал его Юрковский. Дауге всхлипнул тихонько и умолк.

— Заснул. Два грамма, к вечеру очистится от седуксена. Вредно, но лучше, чем веревка на шею.

— Он все болеет? — Быков вглядывался в лицо Дауге, усталое, изможденное. Все мы тут не красавчики, но Иоганычу досталось больше других.

— Поправляется. — Юрковский поколдовал с креслом, и оно разложилось. Миша укрыл Дауге откуда-то взявшимся пледом.

— А что он насчет городов?

— Переживает. Считает, что без него города бы уцелели.

— Какие города?

— Те самые. Детройт, Филадельфия, Бостон, другие... Ну и Москва с Киевом.

— Какой ты все же, Алеша, неосторожный... Попросил бы Николая Захаровича, он бы уладил потихоньку, не сразу, но уладил бы. Амнистия будет, под нее...

— Сам хорош, Михаил. Не нужно ничего, вот я какой гордый, — Юрковский.

— Да я...

— Погодите, погодите. Города...

— Разбомбили города, крепко разбомбили. Иначе с чего бы они капитулировали, американцы. Как начали — по городу в час, так они и не выдержали, — нехотя объяснил Юрковский.

— Понимаешь, Алеша, Гришенька на себя все валит, думает, без него ничего бы не случилось. — Крутиков вздохнул, отвернулся к иллюминатору. — А было бы то же самое, только в десять раз хуже.

— Не понял.

— Он, Гриша, и придумал эту красную дрянь привезти сюда, на Землю. За ней мы, собственно, и летали. — Юрковский тоже избегал смотреть на Быкова.

— Красную дрянь?

— Микробы, что актиноидами питаются, ураном, плутонием. Мы их привезли, тут немножко над ними поколдовали, а потом распылили в нужном месте и в нужном количестве. Все ядерное оружие атлантидов и того... сгнило, в общем.

— Понимаешь, Алеша, не мы, так другие бы добрались. Представь, атлантиды, ведь хуже бы было, правда? — Миша уговаривал и убеждал. Кого?

— А Москва, Киев?

— Не все, значит, сгнило, но процентов девяносто — точно. Потому мы их и сломали. Два к пятнадцати, кто может выдержать. Ты лучше вот что скажи, Алексей, тебе что, жена нужна обязательно с незапятнанной биографией? Хорошо, рыбка наша золотая в добром расположении духа оказалась, а то...

— Не мне. Она... Она отказывалась... Боится, что и меня из-за нее...

— Дураки вы, — вернулся Краюхин. — Берите бумагу, Алексей Петрович, пишите заявление.

— Какое?

— Прошу зачислить курсантом высшей школы космогации... Пишите, пишите.

— Зачем?

— Чтобы я, говоря высоким штилем, мог, в случае чего, спасти вашу шкуру, Алексей Петрович.

— Да, Лешенька, пиши. — Крутиков наконец обернулся, глаза умоляющие.

— Простите, Николай Захарович, вы не находите, что нам следует... — начал Юрковский.

— А мы туда и летим, в Ашхабад. Я связался с нужными людьми, есть у меня дружок, учительницу доставят

прямо на наш аэродром. Должны успеть, ребята шустрые. А у тех пьянка по случаю победы... Опередим.

— Вы о чем? — Быков переводил взгляд с Краюхина на Юрковского.

— Да ты не беспокойся, не беспокойся. — Юрковский положил руку на плечо Быкова. — Сиди. Пиши лучше.

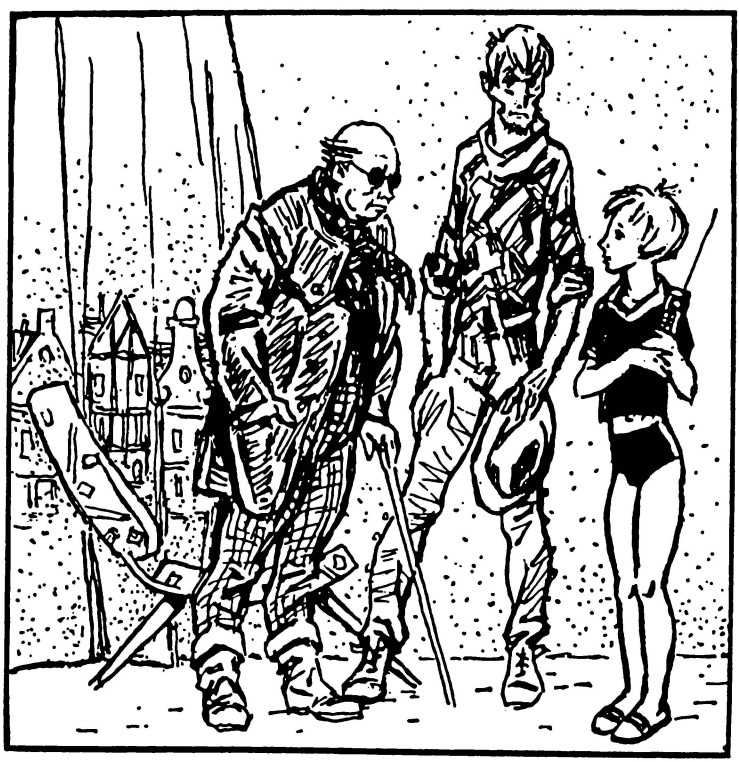
Быков взял протянутую авторучку и блокнот, прислушался — двигатели на форсаже, быстро летим — и вывел крупными буквами: «Председателю ГКМПС товарищу Краюхину Н. З.», помедлил минутку и продолжил, дописал лист, вырвал, скомкал, и начал другой.

Третий.

Четвертый...

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

Ласковые мечты полуночи

Художник Лев Рубинштейн

от того проснулся, что Рюг во сне тихонько завизжал. Вначале я вспотел, страх высыпал по коже ознобистыми пупырышками, потом раскрыл глаза и присел на кровати — спиной прижимаясь к стене, а руки выставив перед собой. Сна как и в помине не было.

Но это был всего лишь Рюг. И визжал он так, понарошку, то ли приснилось ему что-то противное, то ли вспомнилось. В свете от окна его бритая макушка слегка поблескивала, и до меня сразу дошло, что мы не в моей комнате, и даже не у Рюга, а у русского Ивана.

Верите не верите, а мне как-то сразу легче стало. Я сидел, смотрел на блестящую голову Рюга и раздумывал, не намазать ли ее зубной пастой или фломастером написать какое-нибудь слово. Но тут Рюг дрыгнул ногой, сбрасывая одеяло, и тихонечко сказал: «Ой!». Не просыпаясь, конечно.

И мне сразу расхотелось над ним издеваться. Я встал, подошел к двум составленным вместе креслам, на которых Иван постелил Рюгу, наклонился над ним и тихонечко подул в ухо. Это всегда помогает, я знаю, мне так Вузи делала, а я однажды проснулся и увидел.

Рюг замер и задышал чаще.

© Текст. С. Лукьяненко, 1997
© Оформление. Л. Рубинштейн, 1997

— Дрыхни, — сказал я ему погрубее, но тихо. Чтобы Иван не услышал, что кто-то не спит, и чтобы Рюг во сне мою грубость почувствовал. Когда говорят ласково — это плохо. Это почти всегда опасность.

Рюг теперь нормально спал, наверное, я ему все плохие сны выдул. Я подошел к окну, и посмотрел в сад. Было тихо, мамаша с хмырем Пети небось уже спали. Где-то далеко кричали про дрожку, привычно и скучно.

Вот только что-то было неправильно. Совсем-совсем неправильно, я это чувствовал и мучился, но никак не мог понять, в чем дело. На всякий случай решил подойти к двери в спальню Ивана и послушать.

Тут-то до меня и дошло.

За дверью тарахтело, шипело, булькало. Негромко и совсем нестрашно. Я облизнул губы и покосился назад. Но Рюг сладко спал. Стало так завидно, что я пожалел, что не разбудил его.

— Иван... — зачем-то сказал я.

Обидно было — до слез! Ну как же так! Почему?

Дверь к нам он запер, только все это ерунда была. Объяснял же я ему, что двери нигде не запираются, а он... «на полчаса работы»... И забыл. Вот так всегда, стараешься, а тебе не верят!

Я немножко подергал дверь, чтобы на той стороне с задвижки соскочил стопор. А потом повернул ручку, и дверь легко открылась. Мне все-таки хотелось верить, что это полная ерунда, что мне примерещилось и сейчас Иван от шума проснется, вскинется на постели и громко спросит: «Лэн, что, не спится? Слушай, по ночам детям надо спать, а не пугать мирных постояльцев!»

Но Ивана в спальне не было, конечно же. Потому что звук мне не померещился, шел он из ванной, а еще там шумела вода.

У меня еще немножко оставалась надежда, что Иван не успел. Что он только раздевается, или сыплет в воду «Девон», или размышляет, стоит ли... Он же умный мужик, не какой-нибудь дрянь-человечек!

И я сиганул через всю комнату, чуть не налетев на кресло, которое Иван зачем-то оттащил к окну. Само окно

было зашторено, и света в комнате было чуть-чуть — из холла да из щелки плохо прикрытой двери в ванную.

Глупо это было, конечно. Как Вузи говорит иногда, приходя с вечеринки: «Ах как хотелось обманываться!»

Лежал Иван в ванне, в горячей зеленой воде, от которой воняло «Девоном», голый, красный, с глупой блаженной улыбочкой на лице. Из полуоткрытого рта стекала слюна, тоже густо-зеленая, значит, все по правилам сделал, закусил «Девончиком». А приемник стоял на полочке и радостно шипел.

Дело, конечно, не в том, что он шипит и булькает, про это каждый пацан знает. Это просто побочный эффект, а все дело в волнах, которые слег излучает. Мне-то ничего, на детей, говорят, он почти не действует, даже если в ванну забраться.

А вот Ивану нравилось. Он то улыбался, то хмурился, то что-то бормотал неразборчиво.

— Иван, — сказал я зачем-то. Словно он мог меня сейчас услышать...

— Где Буба? Он мне срочно нужен... — тихо, но разборчиво прошептал Иван. Ему было сейчас хорошо и интересно.

А я смотрел на него, и мне было так паршиво! Словно со мной эта беда случилась!

Ну почему, почему именно Иван?

Надо было мне к нему пораньше подойти, до того как Рюг пришел, ну вместо того, например, чтобы в саду играть в спасателей из сериала «Марсианские пустыни», рассказать всё еще раз, про то, что слег — это такая гадость, которую даже один раз нельзя пробовать, а то хуже мертвого станешь, может, он и понял бы, но не мог же я все растолковывать, когда взрослым пытаешься что-то рассказать, они никогда не верят, они же все — взрослые, они себя самыми умными считают, и попробуй переспорь, когда тебе только одиннадцать лет, и ты ходишь в коротких штанишках и ешь кашу на завтрак, ничего бы я не смог, не поверил бы мне Иван и все равно забрался бы в эту вонючую зеленую воду, а теперь стой, хлюпай носом, только Ивану уже все равно, слишком много в нем любопытства и слишком мало терпения, любопытным быть просто, и лезть куда не надо — тоже, а быть терпеливым — трудно, почему-то все

думают, что если человек все на свете хочет узнать, и немедленно, то это здорово, а если он просто живет себе спокойно, занимается своими делами, а в чужие не суется, то он дурак, все равно, десять ему лет, или целых сорок, и не с Иваном первым так случилось, только он ведь и впрямь хороший, его жалко, он же не виноват, что хотел все узнать и сразу, лучше бы он просто отдыхать приехал, а не разнюхивать, тоже мне, Джеймс Бонд фигов, он бы, может, был не таким хорошим, но был бы, а теперь его просто нет, мутная зеленая вода и мускулистое тело, вот и все...

Я вздрогнул, потому что увидел: Иван чуть приоткрыл глаза. Только он смотрел не на меня, а сквозь, куда-то далеко-далеко, куда его утащил слег.

— Пеблбридж... — прошептал Иван. Помолчал немного и добавил: — Оскар...

Я даже всхлипнул, таким он был сейчас глупым и несчастным, со своим придуманным Оскаром Пеблбриджем, а еще у него на груди были шрамы, значит, он воевал, а у меня отец тоже был военным, мама думает, что я его совсем не помню, только это неправда. Конечно, мало ли как было, может даже, Иван и папа друг в друга стреляли, только на самом деле это не важно, война — это война, а дружба — это дружба, Иван ведь и впрямь старался быть моим другом, значит, не мог я его оставить гнить в зеленой воде...

Привстав на цыпочки, я потянулся к полочке, хотел выключить приемник, потом вспомнил, что это вредно, и просто закрыл подтекающий кран горячей воды. Когда ванна остынет, Иван сам очнется. Только я не хотел после этого с ним разговаривать, ничего уже нельзя было бы сделать, кончилось бы тем, что я бы разревелся...

На самом деле я и заплакал, выскочив в спальню, и долго стоял у окна, чуть раздвинув штору и глядя на луну, потом мне почудилось, что Иван уже очнулся и стоит за спиной, голый, страшный, с безумными глазами... Я повернулся и взвизгнул на всякий случай, но его там не было, конечно, слег так быстро не отпускает.

Тогда я подошел к телефону и быстро, чтобы не передумать, нажал кнопочку повтора. Номер набрался, и мне ответил скучный заспанный голос:

— Алло, отель «Олимпик»...

Такого я совсем не ожидал. И от растерянности бухнул первое, что в голову пришло:

— Соедините с Оскаром Пеблбриджем... пожалуйста...

В трубке помолчали немного, потом раздраженно сказали:

— Какой номер, мальчик?

Номера я не знал, и поэтому только всхлипнул и повторил:

— Пожалуйста... я один дома... пожалуйста.

Конечно, женщина разжалобилась и через полминуты переспросила:

— Оскар Пеблбридж? А ты не шалишь, мальчик?

— Нет, — сказал я.

— Соединяю, — сказали мне, и в трубке раздались долгие гудки. Я обрадовался тому, что угадал и что друг Ивана Оскар и впрямь жил в отеле, только еще неизвестно было, в номере ли он...

— Да! — сказали громко и раздраженно.

Голос был неприятный, совсем не сонный, но раздраженный, и я заколебался.

— Опять... — произнес человек куда-то в сторону, и я понял, что сейчас трубку бросят.

— Извините, пожалуйста, — громко крикнул я в телефон, — извините, вы знаете Ивана?

Наступила тишина, потом незнакомец вкрадчиво спросил:

— Знаю, а ты кто, мальчик?

Тут я сообразил, что, может быть, это вовсе не Оскар, и ответил вопросом на вопрос, хоть это и очень некультурно, меня мама всегда ругает за такое:

— А вас как зовут?

На той стороне провода приглушенно посоветовались, потом мужчина сказал:

— Я Оскар Пеблбридж. Кто ты? Откуда знаешь Ивана?

— Вы его друг? — поинтересовался я и решил, что если он скажет «да», то я нажму на рычаг.

— Как оказалось — да, — задумчиво ответил Оскар. — Честное слово.

У него вдруг в голосе прорезалось что-то от Ивана, и тогда я решился. Назвал адрес, объяснил, как войти,

чтобы никого не разбудить, попросил приехать быстрее. Даже пятки у меня вспотели от страха, когда я это делал. Только что еще оставалось, не врачей же вызывать?

Оскар помолчал, потом спросил:

— Можно, я приеду с другом? Он хороший человек.

Я представил Ивана, какой он здоровый и сильный, и сказал:

— Ладно.

В ванную заглядывать я больше не стал, вместо того пошел и разбудил Рюга. Он никак не хотел просыпаться, видно, ему снилось что-то хорошее, а когда проснулся и выслушал, то чуть меня не убил.

— Ты же говорил, он не такой! — возмущенно шипел Рюг, одеваясь. — Ты же... ты...

Понятно все, конечно, у него отец слегач, но разве я виноват? Может, Рюг это и поймет к утру, но сейчас он завелся.

— Я сматываюсь, — открывая окно, сказал он. Подумал, и предложил: — Пошли, я знаю, где доспим...

Значит, не до конца на меня обиделся, раз с собой зовет!

Но я помотал головой. Больше всего мне хотелось, чтобы Рюг остался, но просить его толку не было.

Пока Рюг вылезал, я смотрел в окно, а потом пошел и снова заглянул в ванную. Я боялся, что Иван захлебнется, но ванна для него оказалась слишком мала, и голова торчала наружу. От воды уже пар не шел, и видно было, что слег его отпускает.

— «Девон» на туалетной полочке — таблетку в рот, четыре в воду, — прошептал Иван. Я пулей вылетел в спальню, словно Иван и впрямь предложил слега мне, а не своим глюкам. Уселся на подоконник — если что, то можно попробовать выскочить, и стал ждать.

Видел бы меня сейчас Иван! Насмехался, крысой мускусной обзывал... Ну и что теперь? Он, взрослый и смелый, лежит с открытым ртом, а я пытаюсь ему помочь, хоть и маленький... и трусливый, наверное...

Оскар со своим другом пришли минут через десять. Хоть я и знал, откуда они в дом войдут, но не смог их заметить. Только когда в дверь заскреблись, понял, что они уже в доме.

Ох и попало бы мне от мамы! А Вузи вообще бы шкуру спустила!

— Это кто? — спросил я через дверь.

— Оскар, — послушно ответили мне. Как в шпионском фильме, и я немножко успокоился.

С виду Оскар был мужик неприятный, лупоглазый, костлявый, светловолосый. Но вроде не слегач. С ним пришел какой-то толстый старик с тростью и в темных очках, хотя была ночь. Они остановились на пороге и уставились на меня, Оскар держал одну руку в кармане, я понял, что там пистолет, и попятился.

— Ну-ну, — дружелюбно сказал старик. — Не бойся, Лэн. Ты храбрый мальчик. И очень помог Ивану.

— Ему уже не поможешь, — ляпнул я. Старик и Оскар переглянулись.

— Мария... — негромко сказал Оскар старику, — я полагаю...

— А тебе не надо полагать, — отрезал Мария. — Лэн, дружок, если хочешь, то можешь позвать маму или сестру.

Я понял, что они уже все про меня знают.

— Не надо, — сказал я. — Мне попадет.

Мария понимающе кивнул:

— Где Иван?

— В ванной, — я даже удивился такому вопросу. Мария кивнул Оскару, и тот, не вынимая руки из кармана, пошел к Ивану. А старик вздохнул, сел в кресло, задумчиво посмотрел на меня.

— Мальчик, скажи, Иван — хороший человек?

Я кивнул не раздумывая.

— Вот и я так думаю... — вздохнул старик и уставился в окно. В ванной пару раз звонко хлопнуло, словно кого-то били по щекам, потом послышалась невнятная ругань на незнакомом языке.

— Это же ничего не значит, — попытался объяснить я, косясь на дверь в ванную. — Хороший, плохой, а когда слег попробуют, то все...

— Думаешь? — заинтересовался Мария.

Я промолчал.

— Неверное было решение, — грустно сказал Мария. — Неверное... а как найдешь правильное, не ошибаясь...

Из ванной показались Оскар и Иван.

Оскар был весь в брызгах зеленой воды, злой и сосредоточенный. Иван, в одних брюках, мокрый и взъерошенный, казался пьяным. Он посмотрел на меня, потом на Марию, без всякого интереса. Оскар уронил Ивана на кровать, тяжело, словно куль с мусором, тот присел, упершись руками и тихонько хихикнул. Потом еще раз. Старик молча смотрел на него сквозь черные очки, Оскар брезгливо отряхивал руки, но далеко не отходил.

— Это слег, товарищи! — торжественно сказал Иван, словно кому-то еще не было ясно. — Это машинка, которая будит фантазию и направляет ее куда придется, а в особенности туда, куда вы сами бессознательно — я подчеркиваю: бессознательно — не прочь ее направить.

— Понятно, — сказал Мария.

— Чем дальше вы от животного, тем слег безобиднее, но чем ближе вы к животному... — Иван уронил голову на грудь и замолчал. Потом уставился на старика с легким удивлением. Видно, отходить начал. — Я для вас не авторитет, — вяло продолжил Иван, — но найдутся те, кто поверит...

— Кто-то будет пытать людей в темных подвалах, — мрачно сказал Мария. — Кто-то — обнимать гурий в садах... — Он покосился на меня и не закончил. — Да. А кто-то — спасать мир, побеждать слег и объяснять глупому начальству страшные тайны... которые начальство давно знает.

Иван ничего не понимал. В его фантазиях, наверное, тоже были Оскар, Мария, я, и сейчас его мечты так спутались с реальностью, что разделить их он не мог. Смотрел на нас, тер переносицу, хватался за лоб и молчал.

— Я виноват, — тоскливо сказал Мария. — Нельзя было тебя посылать, Иван. У тебя с Амальтеи остался этот комплекс... работать под самим Быковым — не шутка. И ведь знал же, что тебе захочется самому все раскопать, но...

— Вы не виноваты, Мария, — сказал Оскар.

— Виноват! — рявкнул Мария. — Виноват! Иван всегда, всегда старался быть первым! А рядом оказывались

такие титаны, что свободно было лишь последнее место! И в космосе, потому-то он и ушел, и на войне, и в интернате, и в управлении. Вот и зрела мечта... оказаться лучшим.

— Я ничего не понимаю... — прошептал вдруг Иван. — Мария... вы же... Оскар... я вас чуть не убил, Оскар!

Старик покосился на меня:

— Ты иди спать, мальчик, — ласково сказал он. — Иди.

Я замотал головой.

Мария вздохнул. Достал из кармана слег, покрутил в руках.

— Вакуумный тубусоид, — быстро сказал Иван. — Он очень похож на супергетеродин. Понимаете? Случайно поменяли их местами, и всё! Надо же было так получиться, что они одинаковые! Роковая случайность!

Мария молчал. Оскар вдруг решительно двинулся в ванную, где продолжал трещать и булькать приемник. Раздался грохот, и наступила тишина.

— Роковая случайность... — снова сказал Иван севшим голосом, глядя на слег в руках Марии. — Перевоспитывать. Внедрять человеческое мировоззрение...

Старик поднялся. Подошел ко мне, положил на плечо руку, и я напрягся.

— Лэн, дружок, скажи, ты стал бы пробовать слег? — спросил он. Очень серьезно.

— Нет, — я замотал головой.

— Ты же слышал, что это очень здорово, — сказал Мария.

— Вот еще, — я фыркнул, покосившись на Ивана. И тут мне в голову пришла мысль, что меня сейчас накормят «Девоном», сунут в ванну и включат слег, чтобы я тоже стал про́клятым, как Иван... Вывернувшись из-под руки Марии, я отбежал, но только он ни о чем таком не думал, он опять смотрел в окно и задумчиво говорил вслух:

— Строятся заводы по производству антивещества, космические корабли бороздят просторы галактики, раскапывают древние города, а в то же время... да какое мировоззрение им можно внедрить, Иван! Разве ж это поможет? Старое не уходит само, Иван. Оно цепляется за жизнь, фашистскими путчами, гангстерскими бандами,

наркоманами... тянется в будущее, в золотой век. Поздно их перевоспитывать. Вот, — Мария указал на меня, — вот это наша надежда! Они слега не попробуют. И на дрожку не пойдут. Верно, малыш?

На всякий случай я кивнул.

— А Страна Дураков... может захлебываться в горячей воде, истреблять друг друга, прыгать через высоковольтные провода, раз нравится. Эволюция, Иван. Жестоко, но справедливо. Прошлое уходит само, без насилия... — Он покрутил в руках слег и с отвращением швырнул о стену. Слег хрустнул и разлетелся. — Надо только...

Он замолчал.

Оскар, который вышел из ванной, взял Ивана за плечо и сказал:

— Но страдают и наши люди. Пек, Римайер, Жилин...

— Мы тебя увезем, Иван, — строго произнес Мария. — Все будет в порядке. Поверь.

Иван дернулся, как от удара.

— Никуда я не поеду! — зло сказал он. — Пока закон об иммиграции позволит — никуда не уеду! А потом нарушу закон! Не может быть, чтобы здесь не оказалось тех, кто ненавидит этот сытый мир! Я помогу им не растрачивать ненависть по мелочам!

Мария вздохнул:

— Пойдем, Иван. Еще поговорим. Пойдем.

Иван встал, зябко поежился, обхватывая плечи. Глянул на меня, и его взгляд прояснился:

— Знаешь, Лэн, я видел чудесный мираж! Ты и Рюг стояли передо мной почти взрослые, вы решили поехать в Гоби, на Магистраль...

Я ничего не сказал, не очень-то мне хотелось ехать в пустыню, где уже лет двадцать строили какую-то магистраль и, видно, собираются строить еще столько же. Мария взял Ивана за руку и, как ребенка, повел из спальни. Иван замолчал и обмяк.

Так он больше ничего и не сказал. Я подождал, пока они не вышли, и в окно проследил, что точно ушли. Потом пошел в ванную, открыл сток и стал убирать разбитый приемник. На полу валялись выпавший слег и

супергетеродин, вынутый Иваном. Эти супергетеродины почему-то всегда ломаются. И они во всех приемниках стоят. А слег, который Иван называл вакуумным тубусоидом, по виду точно такой же, и везде продается по пятьдесят центов. Дальше же все просто, правда? Обязательно кто-то слег вместо гетеродина вставит и в ванну заберется.

Может, я и маленький — пока, и трусливый — пусть даже навсегда, только не дурак. Все я понимаю, но кричать об этом не буду. И слег не стану пробовать, лучше уж в пустыне в песке возиться, магистраль эту дурацкую строить...

— Лэн, — сказали из-за спины. Я повернулся — это был Рюг. — Я в саду ждал, — пояснил он. — Думал, вдруг чего...

Он засопел.

— Помоги убраться, — попросил я. — Не хочу, чтобы Вузи это увидела, она расстроится очень.

— А так, думаешь, не узнает? — удивился Рюг. — Иван теперь никуда не уедет... — Взял тряпку, сыпанул на нее порошка, и принялся с сопением оттирать ванну от «Девона». Делал он это умело.

— Ну, узнает, только позже...

Мы убрались в ванной, умылись и не сговариваясь вернулись в холл. Конечно, спать уже не хотелось, да и рассвет наступал.

— Рюг, хочешь, когда вырастем, поедем в Гоби строить железную дорогу? — спросил я.

Рюг очень удивился:

— А что, надо?

Я подумал и кивнул:

— Да, наверное. Придется.

За окном светлело, и мы стояли рядом, держась за руки. Какая предстоит работа, подумал я. Какая работа...

Только что уж делать, раз мы все прокляты.

Апрель 1997 г.
Алма-Ата

НИКОЛАЙ ЮТАНОВ

Орден Святого Понедельника

Художник Яна Ашмарина

В мастерской повествования любой эпизод отбрасывает тень в будущее.

Хорхе Луис Борхес.
«Повествовательное искусство и магия»

Глава первая

Нам предстоит разговор о будущем.

Станислав Лем

То случилось однажды под вечер. Мой живот, предназначенный исключительно для положения на алтарь науки, был выведен из строя теплым кефиром, который подавали сегодня в институтской столовой. Я лежал на кровати и безмерно маялся животом, как вдруг вспомнил, что завтра приезжает из командировки Стеллочка, а в соловецком кинотеатре уже третий день идет обещанная ей «Кавказская пленница». Будь здесь Витька Корнеев, он бы сообщил мне, что кино — это вырожденчество и маловажность, если вообще не полный кретинизм. И что мне не пузо на одеяле греть надо, а собирать кости и двигать к «Алдану-3М», да подключать КАМАК-периферию для ми-кигами — зеркал Аматэрасу, изготовленных декаду назад в Опытном Производстве нашего института. У меня даже руки зачесались. Я протянул одну из них и,

© Текст. Н. Ютанов, 1997
© Оформление. Я. Ашмарина, 1997

пошарив в тумбочке, вытащил толстую пачку описаний, отпечатанных на селедочной бумаге. Полистав страницы, украшенные бесконечными ГОСТовскими ТУ, ТО, ЩА и ССТ, определяющими крепежные нормативы стальных уголков и параметры несметного числа плавких предохранителей, нашел единственную страницу с характеристиками новой ЭВМ. 128 килослов... вчетверо скорости счета, технология «больших интегральных схем». Скорее всего, придется освоить и вторую половину семнадцатого этажа. Поставим шкафы-блоки новой периферии, а десять новеньких вещих зеркал через трансгрессионные кабели — в машинный зал к старому и новому «Алданам»: достойный инструмент для модельного воплощения некоторых аспектов проблемы Ауэрса. Великой проблемы Ауэрса.

Живот явно начал утихать. Я сел и принялся спешно обуваться. Еще успею прогнать пару тестов на центральном процессоре, да и задачка Кристобаля Хозевича Хунты висит: по адекватности моральных и физических пыток. Отдел Смысла Жизни скучать не дает.

Я попытался запихнуть пачку описаний в папку. На пятой попытке махнул рукой и сложил все в авоську. Сунул туда же два заначенных на завтрак бублика. И тут вспомнил. Аж зубы заломило от тоски.

«Товарищ Привалов, вам надлежит завтра явиться на подшефный рыбозавод. Дубелей не присылать. Там вход по пропускам. В таком вот аксепте. Машина по порубке селедочных голов не справляется, а сельдь народ недоедает. — Модест Матвеевич Камноедов помолчал, глубокомысленно вздохнул. — Вы ребята молодые, порубаете головы и свободны. Сбор в пять тридцать у проходной. Будет автобус».

Из-под двери в коридор запахло жареным луком и картошкой. То ли маги-соседи проголодались, то ли лимитные сестры-кикиморы к ужину электроплитку включили.

Впрочем, какие маги в общежитии — я посмотрел на часы — в восемь вечера? Я решил, что черт с ним, с утренним рыбозаводом. Как-нибудь отосплюсь, а вот пару часов потестировать линии не помешает. Заверну Володе Почкину его программу и немного позлорадствую: спрошу у Корнеева, заточил ли тот свой топор для рыбьих голов.

Я взялся за ручку двери, но тут же голос Федора Симеоновича Киврина ласково произнес над ухом: «Побольше т-тренировок, почтеннейший. Дерзайте, дерзайте». Я вздохнул: слуховая галлюцинация — работа Эдика Амперяна. Сделал он это по моей просьбе. Глас совести, как сказал Роман.

С трансгрессией у меня всегда было плохо. И вынесло меня явно в какой-то подвал. В подвале было темно, только на полу, словно экран осциллографа, светился спиральный узор. Похож он был на галактику с маленьким баром — что-то между SBb и SBc по классификации Ван ден Берга. Часть спирали закрывало пятно, типа темного пылевого мешка Конская Голова на нашем Млечном Пути. Создавалось впечатление, что смотрю я на все с одного из ближайших спутников искомой галактики. У меня даже дух захватило: а что если меня занесло на Инфляционный этаж? Об этом этаже ходили самые дурные слухи. Явился он следствием работы в Институте старого немецкого мага Гейзена фон Берга.

Работал он еще при Петре Алексеевиче в государственном коште и был на ножах со всей Российской Академией. Был он одним из адептов Ордена Боевой (Оборонной) Магии, но по мелочам не разменивался, считая, что врага след поражать в каждой точке пространства-времени. А если враг все же не поразится, то на этот случай (считал Гейзен фон Берг) неплохо иметь мировой кингстон, который следует в должный момент открыть и пустить корабль Вселенной в пучину неизотропности. И тогда все враги непременно погибнут... Петр Алексеевич любил Гейзена фон Берга за прямолинейность, неудержимость по женскому вопросу и прекрасные метеорные фейерверки, устраиваемые последним на дни рождения государя. После смерти Петра Алексеевича Гейзен фон Берг был подвергнут остракизму членами Российской Академии Наук и покинул осиротевшую Россию и официальную науку. И долгое время не проявлял себя на небосклоне научной магии той эпохи. Лишь Кристобаль Хозевич Хунта еще долго встречался с Гейзеном фон Бергом после его внешней и внутренней эмиграций.

После фон Берга остался принцип Всеобщей Инфляции как силы, формирующей Вселенную, и принцип неопределенности, при помощи которого всплывший из

безвестности Гейзен фон Берг уже в XX веке пытался столкнуть современную науку в вакханалию квантовой механики и стохастической магии.

Именно в заброшенной лаборатории Инфляционной Магии, по легендам, хранятся — как следствие экспериментов над бесконечностью — тринадцать стаканов, в каждом из которых содержится своя вселенная, хоть одним параметром, но отличающаяся от нашей. И среди них, естественно, знаменитый тринадцатый стакан, куда слита вселенная без любви и дружбы. Где-то там же остался и Станок Небес с натянутой на его раме Возмущенной Матрицей Мироздания. И именно там, где причина никогда не вяжется со следствием, в магическом зеркале Лемуров, являющемся полом пещеры, замуровано мнимое изображение центра мира с разбегающимися галактиками.

Так что мой мандраж можно было понять. Но я решил не отвлекаться и приготовился к повторной трансгрессии, как вдруг увидел девушку, идущую по спирали галактики от края к центру. Шла она напряженно, словно канатоходец по канату, резко вышагивая и не останавливаясь. У ног ее при каждом движении вспыхивали костерки, в свете которых можно было разглядеть ее лицо: то сосредоточенное, как у вечной отличницы, то расплывающееся в счастливой улыбке бесшабашного двоечника. Любопытнейшая девица в одежде из мушкетерского фильма.

Не сразу я обратил внимание, что за идущей дамой наблюдали еще двое молодых ребят. Один — высокий, породистый; другой — низенький, с лицом умного второклассника. Оба — лет тридцати-тридцати пяти, явно из того же театра, что и девица.

И тут девица захохотала и начала трансформацию. Пара шагов — и она стала дамой в длинном парадном платье со шлейфом, еще пара — словно ее облик вылепил сам Сидур на пару с безумным бетонщиком, то она уже шла небрежной походкой юного пионера — в шортах, белой рубашке и красном галстуке. Перед самым исходом спирали хохот девицы уже заполнял все пространство зала. Детское личико вытянулось в козлиную клыкастую морду, изогнулись рога, мохнатые руки вскинулись в победном

жесте. Странная девушка шагнула в балдж запечатанной галактики, выкрикнула что-то хриплым басом и исчезла в снопе искр и света.

М-да. Слава старика Мерлина явно кому-то не давала покоя.

Ребята напротив сердито покивали головами. Судя по всему, девушка от них ускользнула. Высокий в расстроенных чувствах ухватился за рукоять то ли меча, то ли шпаги у пояса на перевязи. Низенький презрительно сплюнул. Они развернулись и двинули в дальний конец зала к винтовой лестнице, едва видной в свете факела... Факел! У меня закралось подозрение, что трансгрессировался я даже не в лабораторию фон Берга, а вообще черт знает куда.

— Ребята! — закричал я и, размахивая авоськой, кинулся через зал.

Один из бубликов вырвался из сетки и улетел в темноту.

— Постойте! Какой это этаж?

Но они меня, похоже, не слышали.

Я наступил на рукав нарисованной галактики, и меня, как ту девушку, потянуло по ниточке к центру. Хуже того, я понял, что идти могу только по рисунку, да и то это было непросто. Похоже, рисунок обладал свойствами легендарной композитной пентаграммы, заключавшей в себе не самих людей, богов или демонов, а их поступки, мысли или — хоть это и звучит несколько схоластически — судьбу.

Глава вторая

Кто сказал Дваркину, что он хороший художник?

Из записных книжек принца Брэнда

Я сделал шаг, медленный, вязкий, словно я шел по колено в солидоле. Другой. (Так я и до утра не доберусь до конца зала.) Еще один шаг. И вдруг... Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам,

поросшим желтой осокой. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом... Справа из леса вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, их рассматривая. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть, немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил, улыбаясь: — Вы нас не подбросите до Соловца?.. Еще четыре шага. Да на сто двадцать рублей... А как насчет крылышек? Или, скажем, сияния вокруг головы?.. А нам всего один и нужен... Шаг. Еще шаг.

— Композитная пентаграмма, — произнес голос кота Василия с характерными интонациями Ойры-Ойры, — дарит испытуемому понимание схемы мира, но совершенно не терпит отклонения от оной схемы хоть на один бит, ангстрем или хрон.

Я увидел Василия. Он стоял возле дуба, увитого сияющей, словно новогодняя мишура, золотой цепью. На ветвях сидела усталая дриада с фальшивым хвостом из папье-маше. Она явно старалась поддержать реноме Александра Сергеевича Пушкина. Сама же русалка, укрыв торс листьями кувшинки, дремала на мелководье. Рядом, завывая, стирала баньши. Группа невиданных зверей из ирландского, индийского, ацтекского, бушменского и австралийского фольклоров сновали, оставляя многочисленные следы, на неведомой дорожке ошую дуба.

— По существу, композитную пентаграмму, — кот провел лапой по гуслям, — глупо называть композитной, ее суть сводится к информационной структуре первоматерии. Да и пентаграммой она тоже не является, поскольку углов и абрисов в ней может быть сколько угодно, а может и не быть вовсе.

Василий зевнул и рухнул на четвереньки. Гусли со звоном полетели в траву.

— Надоело, — сказал он, — недалеких иванушек умуразуму учить.

И кот растворился в воздухе. Осталась одна, явно чеширская, улыбка.

Я сделал очередной шаг и попал в густой кисель тумана. Идти стало еще труднее. Шаг, еще шаг. Теперь мне казалось, что я продираюсь сквозь вату. Зачесался затылок. Я замотал головой, вытряхивая из волос мусор. Странный это был мусор, неожиданный: сухая рыбья чешуя... или вот, скажем, система двух интегральных уравнений типа уравнений звездной статистики; обе неизвестные функции находятся под интегралом. Решать, естественно, можно только численно, скажем... Узор вдруг качнулся под моими ногами. Раздался пронзительный протяжный скрип, затем, подобно гулу далекого землетрясения, раздалось рокочущее: «Ко-о... Ко-о... Ко-о...». Пещера заколебалась, как лодка на волнах. Пол круто накренился, я почувствовал, что падаю.

— Прозрачное масло, находящееся в корове, — с идиотским глубокомыслием произнесло зеркало, — не способствует ее питанию...

В глубине ниши, из которой тянуло ледяным смрадом, кто-то застонал и загремел цепями.

— Вы это прекратите, — строго сказал я. — Что за мистика! Как не стыдно!..

В нише затихли. Я хозяйски поправил сбившийся ковер и поднялся по лестнице. Весь первый этаж был занят отделом Линейного Счастья. Здесь было царство Федора Симеоновича. Здесь пахло яблоками и хвойными лесами, здесь работали самые хорошенькие девушки и самые славные ребята... Здесь делали все возможное в рамках белой, субмолекулярной и инфранейронной магии, чтобы повысить душевный тонус каждого отдельного человека и целых человеческих коллективов. Здесь конденсировали и распространяли по всему свету веселый, беззлобный смех...

...но тут из коридора донеслись голоса, топот ног и хлопанье дверей... через вестибюль все шли и шли покрытые снегом, краснолицые веселые сотрудники... Я был ошеломлен и не заметил, как в руке у меня очутился стакан. Пробки грянули в щиты Джян бен Джяна, шипя полилось ледяное шампанское. Разряды смолкли, джинн перестал скулить и начал принюхиваться. В ту же секунду кремлевские часы принялись бить двенадцать.

— Ребята! Да здравствует понедельник!

Я вырвался из пелены искристого тумана и почти побежал к следующему повороту рукава галактики. Жутко мешалась сетка с техдокументацией и уцелевшим бубликом.

— Амуниция, — сказал я. — Полиция. Амбиция. Юстиция.

В пещере было по-прежнему пусто, а я жутко страдал о потерянном времени. Ни черта не успею, а завтра рыбозавод с непробиваемой КПП-системой.

Меня снова тормознуло. Мне показалось, что на этот раз я влип в жидкую и горячую карамель. Я ощущал себя жуком в янтаре, а каждый шаг мой исчисляется столетиями. С другой стороны, очень может быть, что мне уже удалось пропустить шефскую работу по уважительной причине. Я еле-еле передвинул ногу.

Эдик вдруг сказал:

— Всю зиму у нее цвели орхидеи...

— Гм, — сказал Роман с сомнением.

— Не стал бы Янус сжигать идеального попугая, — убежденно сказал Эдик.

Витька встал.

— Это просто как блин, — сказал он.

У меня было такое ощущение, будто я читаю последние страницы захватывающего детектива. Пока они молчали, я лихорадочно суммировал, что же мы имеем на практике... закон этот остается справедлив в отдельности и для нормального мира... Точки разрыва.

Я вырвался в открытое пространство и, вспомнив студенческие младые годы, даже попытался пробежаться. Попытка получилась хилой. Сам себе я напомнил старикашку Эдельвейса, которого всегда несло по мировой линии его «ремингтона»... Да, не к темноте я его помянул: тени снова окружили меня.

— Народ желает знать все детали, — сказал Лавр Федотович, глядя на меня в бинокль. — Однако народ говорит этим отдельным товарищам: не выйдет, товарищи!

— Какого калибра? — рявкнул полковник.

— Хватать и тикать, — сказал Витька. — Я вам тысячу раз говорил, остолопам.

— Диспуты! — вскричал вдруг Панург, ударяя колпаком с бубенчиками об пол. — Что может быть благороднее диспутов? Свобода мнений! Свобода слова! Свобода самовыражений!

— Вуаля, — с горечью сказал Выбегалло, — ледукасьён куон донно жёнжен депрезан[1].

— Народ... — произнес Лавр Федотович. — Народ вечен. Пришельцы приходят и уходят, а народ наш, великий народ пребывает вовеки. Но (как и всякий) он попался в сети Слов, чтобы в них плутать всё безысходней: «Потом» и «Прежде», «Завтра» и «Сегодня», «Я», «Ты», «Налево», «Направо», «Те» и «Эти»...

Я сделал последний шаг и оказался в центре композитной пентаграммы. Я увидел наш институт, уходящий фундаментом в бездну знания, туда, где со скрипом проворачивалась в пасти Левиафана ось Колеса Фортуны. Я увидел наш институт, уходящий верхними этажами за горизонт событий. Я видел силовые поля воли и разума Федора Симеоновича, Кристобаля Хозевича, Жиана Жиакомо, видел Витьку и Романа, Эдика и Володю Почкина, окруженных эхом сомнений и сеткой синих разрядов их неудержимой энергии. Я видел путаные пустые блоки отдела Абсолютного Знания и клокочущую пустоту лаборатории Выбегаллы. Я видел нимб над блоком центрального процессора моего старого доброго «Алдана» и холодную бездушную мощь юного «Алдана-3М», опоясанного кольцом зеркал Аматэрасу.

Но самым странным было то, что здание института наискосок, частично скрывая от глаз отдельные этажи, нарушая стройную картину, туманя ясное свечение, пронзала серая пирамида. Чем-то она напоминала мне детский радиоконструктор «Собери радиоприемник»: плотно подогнанные пластиковые кубики со скрытыми внутри транзисторами, конденсаторами, диодами и прочими элементами простейших радиосхем. Что-то щелкало и стучало внутри, и серые кубики ровно и плавно перемещались, как костяшки в игре «15». И казалось, что серая пирамида

[1] Вот воспитание, которое теперь дают молодым людям.

каждым шажком коверкает белые стремительные линии. Или наоборот — белые линии оттесняют серые кубики...

Я всмотрелся. Родной вычислительный центр был совсем рядом. Мне безумно захотелось оказаться именно там. Времени ушло уйма, машина стоит. Ребята же скиснут, ожидая, пока я отработаю рыбозаводу. А так я, может, и успею расписать клеммы и оформить автозагрузчик...

Мироздание вокруг меня вздохнуло, спираль композитной пентаграммы сжалась часовой пружиной, со звоном распалась, и я увидел перед собой обтянутую ковбойкой спину Витьки Корнеева.

Глава третья

Чем ворон похож на письменный стол?

Мартовский Заяц

Я обрадовался ему как родному, хоть и заподозрил, что не зря он явился в машинный зал в столь неурочное время.

— Витька, — сказал я грозно, рассматривая одно из зеркал Аматэрасу, уже демонтированное и прислоненное к панели АЦПУ, — кефир в стакане ты сбродил? А может, экскурс по основам начертательного мироздания — тоже твоя работа?

Витька развернулся ко мне. Ехидная улыбка перечеркнула небритую физиономию.

— Это смотря что у тебя больше болит — живот или голова.

— У меня ничего не болит! — рявкнул я. — А вот у тебя сейчас заболит — живот или голова — смотря куда упадет авоська.

— Зря буянишь, — задумчиво сказал Витька, странно глядя на меня. — С кефиром я погорячился: ну поспал бы ты лишний час перед рыбозаводом, и — делу венец. А вот что ты про начертательное мироздание сказанул?..

И тут до меня дошло. Я даже сел на заваленный распечатками край стола. Начертательное мироздание как самая

слабо известная область начертательной магии упоминалось в книге Я. П. Невструева «Уравнения математической магии». Упоминалось как высшая ступень оной магии. Описывалось оно системой вариативно-интегральных уравнений Гора-Желязны в анизотропном поле арт-потенциала Ройо-Уилана-Дали. Система квадратурных решений не имела и считалась медленно, поскольку содержала неопределимый параметр ξ — «кси», — с легкой руки Кристобаля Хозевича Хунты названный «каприз». «Каприз» сводил на нет все попытки осуществить заклинание в режиме реального времени, уводя результат в неопределенно-туманное будущее. Поэтому дальше вульгарной материализации нарисованного яблока и привораживания девиц при помощи их портретов начертательная магия не пошла, породив только еще одну из лабораторий отдела Абсолютного Знания — лабораторию поиска Абсолютного Штриха.

То, что увидел я, могло оказаться просто виде́нием, следствием нелинейных эффектов пространственной трансгрессии. Тем не менее ви́дение подобных структур было описано Исааком Ньютоном в сгоревших записках последних лет его жизни. Именно в те годы Ньютон достиг немалых успехов в начертательной магии и смог обрисовать устройство мира. Но записки сгорели и опубликованы не были, хотя и были декриптотанатированы учениками после смерти мастера.

Витька, по-моему, даже забыл о зеркале. Он вцепился в меня как клещ. Он выспрашивал о структуре моей композитной пентаграммы. Тут же материализовал каталог галактик Ван ден Берга и заставил меня искать самую похожую. Время шло к полуночи, и в дверь постучал Эдик Амперян. Он был необычно расстроен, с красными от бессонницы глазами.

— Не прилетал? — спросил он у Витьки.

— Нет, — буркнул Корнеев, — не прилетал, но есть кое-что более интересное, чем твой белый мыш...

В моем рассказе Эдика страшно заинтересовала серая пирамида. Он набросал на распечатке расположение известных и гипотетических этажей института и попросил расчертить, как они соприкасаются с серой пирамидой.

Я расчертил.

— Правнук Невтона, — мрачно сказал Витька. — Минус второй этаж — один из уровней книгохранилища, третий — дирекция и главный механик, и семьдесят шестой — Колония Необъясненных Явлений...

Эдик помрачнел.

— А еще что-нибудь помнишь, Саша?

— Помню, — сказал я, — постоянно пахло то ли тухлой рыбой, то ли гнилой картошкой.

Раздался тонкий свист. Бескрайний стеллаж с колодой перфокарт всколыхнулся, словно отражение на пруду под порывом ветра. В полуметре от пола материализовался старинный письменный стол, повисел секунду и, мощно гупнув об пол, прочно утвердился посреди зала.

На зеленом сукне среди разбросанных бумаг сидела толстая белая мышь и смотрела на меня черными глазками-смородинами.

— Прилетел, — флегматично сказал Эдик. — Звоните Роману.

Глава четвертая

> К достоинствам очерков можно отнести и то, что авторы... не просмотрели весьма глубокого соотношения между законами административными и законами магическими.
>
> *Александр Привалов*

— Саша, — терпеливо сказал Роман Ойра-Ойра, — ко всем неприятностям можно относиться просто как к случайным неприятностям, а можно — воспринимать их как систему.

Я сидел у стола на экспедиционном ящике, где мы хранили старые перфоленты, — утомленный и пропахший рыбьим жиром. И хотя свой шефский долг я исполнил еще вчера, но способность мыслить пока не восстановил.

Магистры расположились вокруг новоприбывшего стола в вольных позах. Роман устроился на единственно доступном стуле, облокотившись на стол и уперев щеки кулаками. Перед ним лежал разрисованный лист распечатки. Витька в позе микеланджеловского Давида массировал спину КАМАК-шнуром. Эдик, как обычно, присел на край стола, чуть склонив голову.

Курить в машинном зале было нельзя, и он жевал спичку.

— Сколько раз в этом квартале тебя гоняли на рыбозавод? — сказал Корнеев грубо. — Ты ивасям головы отрываешь, а я фазовую развертку классического перехода «мертвый — живой» досчитать не могу.

Я непроизвольно понюхал руки. Они источали неистребимый запах селедочных голов.

— Действительно, — сказал я, — есть же целый институт промышленного чародейства и толкования открытий. У них что, работы нет?..

Маги задумчиво посмотрели на меня. Витька перестал чесать спину.

— Вот, — лаконично изрек Роман и снова водрузил щеки на кулаки.

— Видишь ли, Саша, — сказал Эдик, — я знаю, что ребята из НИИПРОЧТО три года назад завершили работу над проектом полностью автономных рогов изобилия.

Я ошеломленно открыл рот.

— Но почему...

— По определению, — грубо оборвал меня Витька. — Маги, может, распишем горизонтальные связи? По Пересу де Лега, например.

— О горизонтальных связях разговор особый, — сказал Роман, вставая. — Там нас ждут куда большие сложности и неприятности, чем нам хочется. Понимаешь, на мой взгляд, любая несанкционированная связь в иерархии — признак появления Левиафана...

Корнеев хмыкнул.

— Витька, — сказал я обиженно, — лучше не груби. Я тебе еще твой кефир припомню. И посторонний стол в машинном зале. Наверняка твоя работа, лучший трансгрессор Соловца.

Роман выудил из кармана умклайдет, поставил на ладонь, качнул. Белый мыш, аккуратно возвращаемый им на стол каждое утро, обеспокоенно забегал по зеленому сукну. Все как зачарованные не отрывали от него взгляда. Только Витька что-то буркнул и уперся ясным взором в окно.

— Нет, Саша, — сказал Роман, — не вали на Витьку. Стол — это моя работа. Просто первый темпоральный опыт не прошел без эксцессов. По нашему запросу in futura должен был прилететь только мыш — и к нам в лабораторию. Знакомься, Саша, это белый мыш, и он еще не родился. Он из ближайшего будущего. Месяца так три-четыре — по крайней мере, я на это рассчитываю... А стол... Ну, у меня пока есть такой же, так что пускай этот постоит у тебя, пока я свой не отправил.

— Интересно, — сказал Эдик. — Роман, а ведь теперь тебе *придется* отправить стол в прошлое.

— Вот уж да, — сказал Роман задумчиво и протянул мышу палец.

Мыш активно принялся его обнюхивать.

— Ребята! — возопил я. — Я слишком много времени провел около электронно-вычислительных машин и на рыбозаводе и отупел. Мне казалось, что мы долбим романову теорию фантастической общности, то бишь проблему Ауэрса. Или нет? Мы строим машину времени? Отправляем мышей в прошлое?

— Рекший это воспарил в небо... — загадочно произнес Эдик, перебираясь на подоконник. — Если совсем точно — мы их вынимаем из будущего.

Витька легким пассом создал коробку с монпансье, отсыпал пригоршню и бросил за щеку. Остальное поставил на стол. Белый мыш оторвался от пальца Романа, подскочил к коробке, вбросил передние лапки на край и схватил зубами конфету.

— Все проблемы Ауэрса — твои, Александр Иванович, — сказал Роман, — крушить их не перекрушить... Ну а машина времени — всего лишь один из инструментов, а не проблема. Этакий лабораторный автоклав, где варится экстракт темпоры. Так что давай взглянем на проблему с другой стороны. Смотри, что получается, Саша...

И я посмотрел.

Практика создания големов восходила к древнейшим доатлантическим временам.

Еще жители Лемурии начертанием магического слова оживляли вырубленных из скал каменных колоссов. Лемуры не переносили открытого водного пространства и не знали мореходства. Поэтому, чтобы добраться до соседнего материка Гондвана, они в течение нескольких тысяч лет складывали при помощи каменных големов грандиозный мост через океан. Големы, совершенно не нуждающиеся в воздухе, свободно перемещались под водой и возводили удивительное сооружение. Работа была практически завершена, но слишком большое количество магических знаков, начертанных на скальных породах, привело к фактическому оживлению целого участка земной коры, а может даже, и верхних слоев мантии. Движение коры вызвало грандиозный тектонический процесс. Лемурия погибла. А сами лемуры покинули Землю на вакуумных шарах, двигающихся по принципу инерциоида Толкунова. (Много тысяч лет спустя такие аппараты были описаны Сирано де Бержераком.)

Более простой технологией для кратковременного оживления каменных и деревянных големов пользовались древние египтяне (сфинксы), эллины (скульптуры богов-олимпийцев), язычники всех мастей (идолы, масленицы, болваны, Дагда и дагдиды), вудуисты и прочие. Первого долгоживущего голема в Европе сотворил Лев Бен Бецалель и долгое время держал это искусство в тайне. Голем Бецалеля был глиняным и многофункциональным. В XX веке в связи с развитием машиностроения, а затем и кибернетики, тема големов зачахла. Хотя во время Второй мировой войны барон фон Зеботтендорф проводил опыты по големизации богов арийского пантеона и пытался сформировать дивизию искусственных валькирий для нужд Третьего Рейха.

По идее, голем суть овеществленный приказ, овеществленная информация, а посему он относится к епархии теории информации в целом и кибернетики — в частности. Поэтому големов вполне можно именовать кибернетическими роботами.

Но два французских ученых — Андрэ ля Зарча и Пьер ле Лик — опубликовали труд, резко и принципиально расширяющий классификацию големов. Ля Зарча и ле Лик утверждали, что понятие «голем» применимо не только к одноэлементным системам (каменный/глиняный болван), но и к многоэлементным («много болванов»). Человечество вполне можно рассматривать как многоэлементную систему.

— Много болванов, — сказал я, — это к Витьке.

Витька ухмыльнулся.

— Но у человечества нет глобальной идеи развития, — сказал Эдик, — поэтому к големам его отнести сложно.

— Спорно, но пусть так: человечество — не голем, — сказал Роман, — а вот его социальные институты — точно големы.

— Ага, — сказал я, — то есть человек работает как транзистор: на катод поступает сигнал-запрос — в зависимости от потенциала на базе сигнал либо приходит на анод, либо нет. Это же ЭВМ. — Я запнулся. — И отдел материально-технического снабжения...

— И дирекция, — подхватил Роман, — и Академия Наук, и Тройка утилизаторов.

— Саша, — сказал Эдик, тоже вытаскивая умклайдет, — ты сам говорил, что ЭВМ, все усложняясь и усложняясь, могут рано или поздно достичь уровня искусственного интеллекта.

И у меня перед глазами поплыла серая пирамида, врастающая в белую башню.

— Ребята, — сказал я, — а досконально известно, что геометрические заклинания потеряли силу?..

— Ты смотри, — сказал, ухмыляясь, Витька, — соображает специалист по композитным пентаграммам. А ты говоришь: кефир, кефир... Ты, Сашок, лучше скажи, в новой машине датчик случайных чисел такая же дрянь, как в старом «Алдане»?

Корнеев вытащил из кармана мятую бумажку.

— Нет, — гордо сказал я, — здесь чисто аппаратно стоит двухуровневый трансцендентный датчик.

— Нормально, — сказал Корнеев, разглаживая листок на залётном столе, — смотри сюда. Вот алгоритм начертания простейших космограмм из неопубликованного тома «Магистэ» товарища К. Птолемея. Понял?

— Нет, — честно сказал я. — Мы что, запускаем новую машину?

— И чем быстрее, тем лучше, — сказал Роман.

— Но тесты, — жалобно возразил я.

— Лучший тест, Сашок, — сказал Витька, — это хорошая задачка! Ну, не будь ослом, запускай.

И он сделал пасс руками.

Силовой рубильник лихо, с искрой, впечатался в клеммы. Ровно загудели вентиляторы, панель пульта «Алдана-3М» вспыхнула шестнадцатью гирляндами визуального контроля ячеек памяти.

— Хорошо, — сказал я наглым голосом, — труд так труд, но кофе и бутерброд — это контрибуция в мой адрес. А ты, Витька, — на перфоратор: набивать свою программу. Чтобы неповадно.

— Что неповадно? — спросил заинтересованный Эдик.

— Сваливать на других черную перфораторную работу, — сказал я, начиная поячейно вводить команды автоматического загрузчика.

В комнате умопомрачительно запахло кофе. Я закатал тридцать второе законное полуслово и вложил в фотосчитыватель перфоленту операционной системы. Благословив хорошее дело глотком кофе, я нажал на клавишу «ИСПОЛНИТЬ».

Роман и Эдик хранили поле вокруг нашего эксперимента. Витька, приткнувшись в углу, одним пальцем стучал по клавиатуре перфоратора. Солнце за окном висело над горизонтом, судя по всему, не опустившись за последний час даже на долю угловой секунды. У меня сложилось впечатление, что магистры тормозят время.

ОС встала хорошо, и «Алдан-3М», как юный пионер, отшлепал на АЦПУ фразу: «Всегда готов!».

— Шутники, — сказал я в адрес желтоградских электронных волшебников.

— Витя, у тебя готово? — спросил Эдик.

Витька что-то неразборчиво буркнул и вручил мне жестяную бобину с перфолентой. Магистры, не выпуская из рук умклайдеты, сгрудились вокруг меня.

— Зеркала работают? — поинтересовался Роман.

— Если Витька свинтил не все, то попробуем запустить хотя бы одно в режиме осциллографа.

— Не все, — бодро сказал Витька, тыкая пальцем в сторону окна.

Роман поставил умклайдет на край стола и пошел за зеркалом.

Я бросил взгляд на волшебную палочку. Умклайдет потрескивал, источая запах озона. По его кожуху катили цвета побежалости. Напряжение М-поля, судя по всему, было чудовищным.

— Ребята, — сказал я, вставая, чтобы отыскать разъем для зеркала, — зачем такая зашита? Что может дать наводку на эксперимент?

— Голем, — сказал Витька. — Грузись быстрее.

Глава пятая

> Потом Хамелеон взял виноградную лозу и мух и сделал из них плащ.
>
> Когда солнечные лучи падают на мух, они сверкают и переливаются множеством цветов, но все же остаются мухами.
>
> *«Махабхарата»*

У нижней кромки зеркала темнело клеймо Исико Ридомэ — единственного мастера в Опытном Производстве нашего института, кто может изготавливать настоящие микигами. Очень симпатичная девушка, отливающая волшебные зеркала... Так. Главное — не отвлекаться.

На отладку программы мы потратили больше двух часов. Дважды перевыводили истрепанную перфоленту. Витька набил себе мозоль на рабочем указательном пальце, пока программа не обрела стройный безошибочный вид.

Я нажал «ИСПОЛНИТЬ». Фотосчитыватель с треском втянул Витькину перфоленту. Пульт, отмечающий состояние ячеек памяти, отозвался бегущей волной огней.

Поверхность зеркала Аматэрасу осветилась.

— Есть первая полиграмма, — сказал Эдик.

— Вторая, третья... — сказал Витька. — Старики, попрыгало! Говорил вам, остолопам, что все дело в той готической строчке...

Магистры облегченно улыбались. У меня было ощущение мыши, которую выпустили из исследовательского лабиринта: нос, битый током, болит, лапы подрагивают, а хвоста не чувствую совсем.

— Кофе... — просипел я и решительно глотнул из материализовавшейся кружки.

Умклайдеты потрескивали в руках магистров.

— Старики, — Витька резко помрачнел, раскачивая на ладони умклайдет по канону Аль-Генуби, — вы можете закуклить всю метрику мироздания, но...

— Изыди, Корнеев, — сказал Роман. На лбу его блестели бисеринки пота. — Никто не хочет отлучать тебя от магии и никто не будет рушить науку. Нам всего лишь надо изменить соотношение в неопределенности Ауэрса — фон Берга. Да, ребята, сейчас играйте не в реальном пространстве, а в фазовом.

— Зачем вам метрика мироздания? — сказал я, отдуваясь над пустой кружкой.

— Видишь ли, Саша, нам нужно поговорить с големом науки, — сказал Эдик, — ведь голем и есть практическое решение проблемы Ауэрса. Именно он овеществляет информацию.

Меня пробрал озноб.

— Но ведь не доказано, что големы существуют, — сказал я.

— Простейший способ доказать существование, — сказал Эдик, улыбаясь, — это пообщаться с самим объектом. Любой голем может быть описан некой формулой, объектом, законом, который является его сущностью или — что равносильно — оживляет его. Такие объекты хорошо

известны — это композитные пентаграммы и — что более правильно — полиграммы.

У меня снова захватило дух.

— То есть недавно я побывал в пасти голема?

— Нет, — сказал Роман. Он качнул свой умклайдет по канону Икшваку сына Ману Вайвасвады. — Ты прошел по полиграмме, заклинающей голема — или, точнее, воплощающей, — и научился этим големом пользоваться.

Знакомый холодок любопытства потек вдоль спины.

— Интересно, чему же я научился?

— Это интересно, — оживился Витька.

Он явно мне завидовал, но виду не подавал. У меня возникло опасение, что уже завтра, облепленный электродами, могу быть погружен в чан с живой водой и подвергнуться воздействию М-поля легендарного дивана-транслятора.

— По крайней мере, это был не административный и не научный голем, — сказал Роман, отрываясь от картинки на ми-кигами. — Этих големов ты видел со стороны в облике пространственных цветовых структур.

Я кивнул, соглашаясь.

— Может, ты научился рисовать миры? — предположил Эдик. — Или видишь их там, где не видит никто. Ну, завернул за угол, а картина на стене не там, где должна, а там, где *ты захотел.*

— Я скверно рисую, — растерянно сказал я, мысленно решив, что непременно попробую этим же вечером.

Магистры промолчали. Впрочем, вечер, судя по всему, у нас пока не планировался: солнце висело на прежнем месте, вызолачивая черепичные крыши лабазов. Я осторожно отошел в сторону и заглянул за угол старого, пропахшего бумажной пылью шкафа. Картина с раскинутым над каменистым горизонтом созвездием Ориона висела на прежнем месте, хотя я уже много месяцев хотел перевесить ее ближе к окну и задвинуть шкаф в глухой угол. Я оглянулся. К счастью, магистры на меня не смотрели, колдуя над умклайдетами. Витька даже напевал:

Дрожи, астро́ном, твой пришел черед.
Недолго ты над нами измывался!
Мы наш, мы новый мир построим,
Где все наоборот.
И заживем без всяких диаграмм...

Умклайдет у него на ладони явно накалился, и Корнеев, шипя и перебрасывая его с ладони на ладонь, довел до конца:

Никаких, никаких диаграмм!
Никаких диссипаций и гамм!
Куда хотим летим,
Сияем как хотим.
Свободны мы!..

«Алдан-3М» продолжал выстраивать сочетания. На поверхности ми-кигами вспыхивали и тлели полиграммы. Часть из них с трудом можно было отнести к этому классу знаков. Летели многоугольники, замкнутые ломаные, штриховые поля. Они переплетались друг с другом, наплывали, объединялись.

Руки у Романа были заняты умклайдетом, и его авторучка сама что-то помечала на листке бумаги, пугая настороженного мыша.

Витька перешел на насвистывание «Марша легкой кавалерии». Эдик недовольно морщился. Мне показалось, что солнце за окном чуть ниже склонилось к крыше лабаза. Похоже, ребятам не хватало мощности, чтобы удерживать время так долго.

— Есть резонанс, — тихо сказал Роман.

Мелькание на экране остановилось. На поверхности зеркала горело геометрическое заклинание науки: перевивающиеся на манер ДНК цепочки колец, соединенных друг с другом. Некоторых звеньев не хватало, некоторые цепочки были безнадежно короткими. Через неравные промежутки они, словно снопы, были перехвачены тонкими шипастыми кольцами.

— Пошла вторая итерация, — сказал я, поиграв ячейками памяти.

Теперь изменения были менее заметны и шли уже не по методу Монте-Карло, а в пошаговом режиме.

— Снова — резонанс, — сказал Роман.

— Третья итерация, — сказал я.

— И пока, я думаю, хватит, — с растяжкой сказал Роман. — Витя, делаем информационную кальку и печатаем в нежить. Готовь модель.

Модель у Витьки получилась на славу. Он содрал ее один в один с глиняного болвана из фильма «Пекарь императора».

Эдик и Роман остановили движение умклайдетов и, синхронным жестом сняв с зеркала готовую полиграмму, запечатали уста модели горящим знаком.

— Ну просто остолопы, — с каким-то странным жужжанием произнес голем. — Извините, но возились вы слишком долго. Я думаю, есть резон отпустить время.

Магистры захохотали. Я присоединился: похоже, на лексике голема отразились характеры минимум двух его создателей.

И время пошло. В спертый воздух временного кокона ворвался сквозняк, неся перекличку птиц за окном, фырканье далекого бульдозера, чей-то разговор в коридоре. Меня охватила странная безотчетная радость.

Глава шестая

— Нет. Наоборот. — Голем снова помолчал. — Они болваны.

Аркадий и Борис Стругацкие

— Саша, скажи, ты счастлив?

Эдик, полулежа на диване, пускал кольца дыма в угол, где громоздился голем: я уже махнул рукой и дал добро на сигареты.

— В принципе — да, — сказал я, подумав, — вот только рыбозавод...

— Рыбозавод — это один из вариантов, — сказал Роман. Он сидел за темпорированным столом и рисовал полиграммы на листочке. — Еще, может быть, армия...

— ...учения по гражданской обороне, — прожужжал голем, — астероидная опасность, урезание бюджета, поворот сибирских рек, контакты с инопланетным разумом...

— Погоди, остынь, — сказал Витька, вставая с подоконника. — Чертовщина какая-то. То есть всех нас радует то, что радует голема, и всем мешает то, что мешает голему?

— А как же, — сказал Эдик. — Ведь ты служишь науке? Служишь. А голем — и есть наука.

Витька раздосадованно засопел, рассматривая голема.

— Ну, ну, Корнеев, — сказал Ойра-Ойра, — ну оживил бы ты не глиняного болвана, а статую Аполлона Бельведерского или дубль Выбегаллы. Глазу приятней, а суть — та же.

— То есть я ему служу? — уточнил Витька, оттягивая ворот свитера.

— Угу, — сказал Роман, — и с удовольствием. Кто тут недавно говорил о бескрайности познания?

Меня тоже смущала недалекость голема науки.

— Мозгов в нем, как в Выбегалловом упыре, — сказал я.

— Саша, — сказал Эдик, отрываясь от дымных колец, — а ты не пробовал предъявлять подобную претензию к своему «Алдану»?

Я пристыженно замолк.

— Мозги — это основа мироздания, — заявил голем. — Знания, дундуки, — это все, что у вас есть. На картошке сгниете, — добавил он, помолчав.

Витька аж позеленел от злости.

— Ребята, — сказал Роман, — не забывайте, нас интересует будущее, реальное будущее. От чего оттолкнемся?

— А меня интересует, — сказал Корнеев, — можно ли подыскать голема поумнее? Может, я лучше в Камноедовы пойду и буду служить административному голему.

— Пойдешь-пойдешь, — сказал Роман серьезно, — и големов найдешь. Но институт создан, эта, значить, для этой модели. И бюджет, значить, тоже.

— Падает бюджет, ребята, — сказал голем и затикал, как часовая бомба.

Витька опасливо отодвинулся от него:

— От расстройства не рванет?

— Вряд ли, — рассеянно сказал Эдик. — Он, конечно, идею овеществляет, но не так буквально.

У меня зародилась интересная мысль.

— Есть мысль, — сказал я торопливо. — Законы големотехники. Надо их прописать, и будет ясно...

— Хорошая мысль, — оживился Эдик.

— Р-роскошная, — подтвердил Ойра-Ойра.

— Я есть закон, — высказал голем.

— Растешь, старичок, — отметил Витька и ткнул меня кулаком в бок.

Я почувствовал, что краснею. Хотя было не совсем ясно, к кому собственно относилось высказывание — ко мне или к голему. А магистры уже схватили лист бумаги.

— Поехали, — сказал Роман, — голем есть закон.

— Воплощенный закон, — сказал Эдик. — И суть.

— Приключения майора Пронина какие-то, — сказал Витька, — комиссар Мегре и инспектор Лестрейд. Я — не просто представитель закона! Я и есть закон!

— Тогда так, — сказал Эдик. — Голем — это воплощенная система достижения поставленной цели.

И мы под комментарии самого голема записали Первый закон големотехники. Потом Второй. Потом Третий. Получилось довольно стройно.

I закон големотехники:

голем — это воплощенная система достижения поставленной цели.

II закон големотехники:

число элементов системы, на которой паразитирует голем, должно определяться Первым законом големотехники и только им.

III закон големотехники:

любой элемент системы, неукоснительно следующий голему, достигает поставленной цели, если только это не противоречит Первому и Второму законам големотехники.

— Полный ажур, троглодиты, — заявил голем, — следуйте голему, и знание восторжествует.

— Следствие про цели и средства, — сказал Роман, — выведете сами перед сном. Но и не забывайте, что элементы системы — это мы: человеки, троглодиты, дундуки и остолопы.

Витька кровожадно прищурился:

— Надо его придушить по Второму закону.

— Не вижу как, — пробурчал я.

— Законы работают для системы, куда входит достаточное число ученых-исследователей. А если их число недостаточное? — вдруг спросил Эдик.

И тут голем заорал. Он упал на пол и стал перекатываться с боку на бок, сучить глиняными ножками-тумбами. Он стонал, он подвывал, он скреб глиной о глину. Я прыгал рядом и выхватывал у него из-под боков то магнитные ленты, то коробку с лампами, то авоську с кефиром.

Наконец голем угомонился.

— Нельзя так, гады, — сказал он, поднимаясь, — сами пожалеете. Хорошо не будет.

— А как будет? — быстро спросил Роман.

Голем молчал и тихо почакивал, словно пошаговый двигатель.

— Ребята, — сказал я, утирая пот, — коварные вопросы на него плохо влияют. Может, его на полигон заправить?

Корнеев пристально посмотрел на голема, покачиваясь с носка на пятку.

— Нос к носу, — сказал он, — зуб к зубу, Роман, или, в крайнем случае, око к оку. Иначе ты ничего не вытянешь из этого триггерного дурня.

— Саша, — сказал Ойра-Ойра, оборачиваясь ко мне, — ты не прочь посчитать еще одну полиграммку, а то у Витьки комплекс неутоленной зависти перед модельными опытами профессора Выбегаллы?

— А вторая модель тоже будет кидаться оземь? — осторожно спросил я.

— Как птица-горлица, — подтвердил Роман.

— Исико-сан сделает мне харакири, — быстро сказал я, — если этот колобок грохнет хоть одно зеркало.

— Харакири ты можешь сделать только сам, — нравоучительно сказал Витька. — Исико-сан вполне ограничится йокомен-учи — от левого уха до правой пятки.

Я живо представил роскошную картину и, вздохнув, кисло улыбнулся.

— Поехали-поехали, — сказал Витька.

Было видно, что нетерпение распирало его.

— Время остановили? — деловито напомнил я.

— Сейчас это ни к чему, — сказал Эдик, — тогда мы закрывались от нашего собственного голема.

Мы снова запустили «Алдан-3М» и поставили на прогон вариации иерархических полиграмм. По накатанной дорожке дело пошло значительно быстрее. Эдик и Роман перестраивали умклайдеты. А Витька, явно вдохновленный первым опытом, создавал образ. Когда полиграмма хлопнулась на положенное место, мы осмотрели дело рук своих.

— Фидий, — сказал Роман, — Микеланджело и Сидур в одном флаконе.

Административный голем стоял в углу и ворочал шеями. По какому наитию Витька создал его трехглавым, я не понял. То ли он хотел увековечить Тройку, бесчинствующую на семьдесят шестом этаже, то ли в его представлении администрация сливалась с образом трехголового Горыныча, но поскольку Микеланджело у нас был разлит в один флакон с Сидуром, а магистры ни о чем Витьку не спрашивали, замысел остался для меня тайной. Головы были одинаково кастрюлеобразны и двигались синхронно.

— Какой красавец, — сказал Эдик, смещая умклайдет на середину ладони.

— Что-нибудь спросим? — Я взглянул на Романа.

— Не стоит, — улыбнулся Роман. — Этот еще более недалекий, чем наш.

— Битва! Коррида! — сказал Витька. — Сашка, убирай зеркала, выноси мебель. Торо и тореро. Нет! Два торо!

— Ребята! — завопил я.

— Не бойся, — сказал Эдик, — за круг они не выйдут.

Я поверил и успокоился.

Тем временем администратор бочком, бочком подкатился к оппоненту и со всего размаха звезданул его по голове глиняной папкой, которой его снабдил создатель Витька, явно в честь Модеста Матвеевича Камноедова.

— Решили-постановили-освоили! — каждая голова рявкнула своё; голоса были как в кинокомедии-буфф: тоненький, мелодичный и грубый бас.

Научник потряс глиняной макушкой, четко рассчитал движение и провел прекрасную подсечку.

— В гробу видали, — прожужжал он. — Останешься без съедобной елки, тахионного звездолета и кварковой бомбы!

Администратор покатился по полу, стуча головами друг о друга.

Витька зааплодировал. На шум и гам начали стекаться сотрудники. Прилетела Стеллочка с надкушенным бутербродом в одной руке и чашкой чая в другой. Появились дубли Жиана Жиакомо и Кристобаля Хозевича, причем последний был вооружен бандерильей.

Тем временем администратор поднялся, расставил коротенькие ручки в стороны и пошел на противника, щелкая тремя парами челюстей. Научник пытался прикрыться снизу, но лишился части лысины и половины уха, озверел и, обхватив супротивника за бока, повалился с ним на пол. Они визжали, катались, дубасили друг друга по мослам, грызли глиняные жилы, в общем, вели себя безобразно.

— Тебе это ничего не напоминает? — спросил Роман.

— Драку школьников, — сказал я.

— Вот-вот, — задумчиво сказал Роман.

— По-моему, разогрелись, — сказал Витька оценивающе. — Пора модулировать рисунок борьбы.

— Попробуй коэффициент десять в шестой. Это где-то лет двадцать спустя. Событийная ошибка будет чудовищной, зато эмоциональная компонента — весьма точной.

Витька тремя пассами материализовал громадное серебристое покрывало и набросил на сцепившихся големов. Я почувствовал головокружение.

Глава седьмая

> Это далеко не первая из предпринимавшихся попыток и далеко не последняя, потерпевшая провал, но ее отличают два обстоятельства.
>
> *Хорхе Луис Борхес*

Первый раз я оказался под воздействием покрывала Майи. Раньше мне приходилось слышать только рассказы и анекдоты.

Образы и облики наплывали волнами, летели, смешивались, переплетались. Больше всего это походило на полет над рваным облачным слоем: то внизу покажется город, то река, то степь с пятнами пожаров, то бесконечное море.

Я прекрасно понимал, что стою в родном машинном зале, что вокруг столпились ребята, но поток искусственного времени повергал нас в Будущее. Всплывающие картины оказались не менее эпичными, чем в воображаемом будущем машины Луи Седлового.

Я видел космонавтов, шагающих по Луне, видел сотни знаменитых магов, перебирающих гнилую картошку в ангарах и дергающих кормовую свеклу на полях, я видел боевых ифритов, скованных словом в подземных шахтах, и несчетное число маленьких серых чиновников, наводнивших все этажи НИИЧАВО.

Дыры в тучах исчезли вместе с самими тучами. Ясное голубое небо рвалось в окна. Я стоял на первом этаже института среди знакомых портретов с ликами корифеев. Всё так же вокруг меня громоздились заброшенные гипсовые фигуры, старые приборы, которые выбросить было жалко. Тот же ледяной смрад в нишах, знакомое позвякивание, взревывание Змея Горыныча в подвале. Лишь я чувствовал себя бесплотным. Я озирался и понимал, что боюсь. Безотчетно боюсь и абсолютно беспричинно. Здесь обитало наше будущее, истинное, не придуманное кем-то, а созданное, сотворенное из нашей гениальности и на-

шей глупости, упрямства и соглашательства, достижений и провалов...

Я вздрогнул: за окном вдоль лабазов медленно шел пожилой человек с черным карликовым пуделем на поводке. Человек остановился, придерживая спешащего пуделя, и посмотрел в мою сторону. Вряд ли он мог видеть меня... С трудом я мог представить, что буду так выглядеть двадцать лет спустя.

«Саша, — прошелестел где-то над головой голос Эдика, — не ищи себя. Надо оценить все в целом. Не распыляйся».

Я вспомнил, что в одной из версий будущего Эдика ждет преждевременная смерть, устыдился и оторвал взгляд от человека на улице. Я осмотрел институт с высоты полета прошлогоднего листа. И первое, что мне бросилось в глаза, — это листки с некрологами на доске объявлений.

Я, конечно, понимал, что маги не умирают, они уходят. А это значило, что великие покинули наш мир. Может, посчитали бесперспективным, может, вообще безнадежным, сломанным. Переживал я страшно: похоже, вместо царства мысли и духа мне привиделось провинциальное учреждение, занимающееся рутинным подсчетом ушедших секунд.

Изменилось все. Никто не занимался больше Линейным Счастьем. Зато возник странный отдел Материального Счастья, работающий над разработкой мерила оного счастья. Заправлял в отделе по-прежнему замученный вопросами Магнус Федорович Редькин.

Категорически исчез отдел Смысла Жизни. Я просто не смог найти половины этажа. Похоже, что Кристобаль Хозевич, уходя, замкнул все мировые линии на себя, не оставив этому миру даже следа своих идей. Зато катастрофически разросся отдел Абсолютного Знания. Занимал он теперь два этажа. Сотрудники его почти все имели одинаковые фамилии и были несчетны числом. Правда, судить об этом можно было лишь по спискам на прибавку к зарплате. Найти кого-то на указанных этажах не представлялось возможным. Лишь иногда из-за приоткрытой двери доносилось: «Валёк! Алё, Валёк! Карбюратор сдох,

зараза!..», или можно было увидеть дубля, с упорством транспортера перекладывающего папки с одного стеллажа на другой.

В бывшем отделе Жиана Жиакомо неведомые девочки пифического вида нагревали на газовой горелке живую воду, разлитую в бесчисленные пробирки. Грели, смотрели и исступленно записывали результаты: как меняется температура воды в зависимости от давления газа, поступающего в горелку. Пробирка перегревалась, лопалась — они брали следующую.

У меня просто глаза на лоб лезли. Я чувствовал, что где-то здесь должна была быть молодая волшебная сила. Что-то должно было остаться в недрах храма науки. И где-то юные маги по-прежнему решали Единое Уравнение Мира исключительно в своих граничных условиях.

Я мысленно раскинул перед собой план института, как учил Саваоф Баалович Один, и пошел по силовой линии мысли.

И я нашел. Еще и еще. Их было по одному на этаж. По одному на отдел. Хельгочка Цууд, Тенгиз Гончаров, Саша фон Штиглиц, Володя Абрамакс, Юля Крыжовникова... Мне казалось, что я давно их всех знаю. Каждое имя звучало как чистая нота в сиплом оркестре.

А потом я нашел целую группу.

Как ни удивительно, две их комнатки находились на одном этаже с общежитием в нарушение всех санитарных норм. Маленькая группа Инфраконтурной Магии. В наше время мы и мечтать не могли о таких темах: не было ни техники, ни осмысленной теории — так, одна голая идея. Инфраконтурная магия находилась на стыке разработок по магической эманации, геометрии радуги и семи принципов Белого Гримуара. Руководил группой нудный педантичный маг — явно прибившийся откуда-то издалека, — Уро Боросович Абзу. А работали с ним три молодых магистра: веселый, легкомысленный трудоголик Ярополк Чудов-Юдов, романтический Волик Хорошниченко, бард и поэт, и смурной маг-теоретик Н. Вояка-Водкин.

Я почувствовал незримое присутствие моих друзей-магистров. Они все оказались здесь, в этом уголке НИИЧА-

ВО двадцать лет спустя. В одном из уголков, где еще оставалась сила нашей жизни. Магистры были печальны, за исключением Витьки, которого, как и следовало ожидать, распирала злость.

В каких условиях работали ребята! Как боевые мечи, на стенах были развешаны тяпки для мокрицы, секачи для рыбьих голов, совки для пикировки капусты и шесты-расщепы для сбора яблок. Судя по всему, отрабатывать барщину административному голему им приходилось постоянно.

Они сами делали чертежи приборов, сами программировали электронно-вычислительную машину «Обь-1033», сами проводили фундаментальные эфирные опыты. А Уро Боросович, если не ездил в столицу за финансированием, регулярно грузил на двадцать первую «Волгу» — машина-мечта! — колбы с сомой и амброзией, изначально предназначавшимися для смазки осей алхимических гониометров, и двигал в Китежград. Уро Боросович подъезжал к забору завода маготехники и принимался флегматично бросать через забор привезенные колбы с заветной жидкостью, а в ответ летели бруски кладенцовой стали, канистры с субстратом мертвой воды, запасные блоки для «Оби-1033» и новые умклайдеты — непривычные, странные, компактные, явно построенные на технологии сверхбольших интегральных схем. Молодежь тем временем вела работы вахтовым образом: двое творили опыты, а третий шел исполнять свой шефский долг. Потом возвращался в лабораторию, а его сменял другой и так же исправно «рубил муку и продувал макароны». Затем приезжал Абзу и, сгрузив трофеи, шел на Ученый совет — под председательством по-прежнему спящего многознатца Мориса-Иоганна-Лаврентия Пупкова-Заднего — и упрямо долдонил, что тема перспективная, что ребята хоть и молодые, но за весь персонал института свеклу драть не могут... И судя по всему, длилось это уже не первый год.

— Витька, — сдавленным голосом сказал Эдик, — отключай.

И Витька сорвал покрывало Майи.

Глава восьмая

Я говорю вам о трех превращениях..

Фридрих Ницше

— Да-а, — произнес Роман. — Это вам не «Драмба активирует уран»...

Големы топтались в углу, разделенные бандерильей дубля Кристобаля Хозевича. Влага выступила на глиняных лбах, глазки посверкивали, а руки с кирпичным стуком разжимались и сжимались в кулаки.

— Ой, мальчики, — сказала Стеллочка, судорожно сглатывая забытый кусок бутерброда. — Что же с ними делать?

— Учить, — сказал Роман устало.

И похлопал научного големчика по лысине.

— Ро́стить, холить и лелеять, — сказал Витька, запуская руку в коробку с монпансье. — Все големы — дураки. Полные и окончательные. Мелочь пузатая. Пацаны сопливые.

Стеллочка оценивающе посмотрела на големов.

— Не захотят они учиться, — уверенно сказала она.

Собравшийся народ загалдел, соглашаясь. Роман задумчиво смотрел на големчиков, мило лупающих четырьмя парами глаз.

Дубль Хунты, заложив левую руку за спину, правой держал клинок бандерильи наизготовку. Научный големчик опасливо, шаг за шагом, отступал от него к стене. Дубль с суровым выражением на лице сделал шаг вперед.

И тут големчик разревелся.

— Меня нельзя, я нельзя... — завыл он. — Пропадешь! Схарчат!

— Оставьте ребенка! — топнула ногой Стеллочка и подскочила к големчику.

Дубль Кристобаля Хозевича опустил клинок и отошел в сторону, по-прежнему не спуская с големов глаз.

— Не плачь, — сказала Стеллочка, гладя голема по лысине, — все будет хорошо.

Кто-то начал предлагать големчикам сушки, пошел разговор о молоке, витаминах. Я слегка растерялся.

— Ну что, магистры? — спросил Роман в пространство. — Они не справились, не справляются и потом не справятся. Они малы. Сейчас их Стеллочка молоком отпоит. Подраться могут, но устоять против...

Я понял, что вновь потерял нитку детектива.

— Ребята! — воззвал я. — Погодите! Разве не в големах дело?

— Ну что ты, Саша, — сказал Роман, — големы — это наше, родное. Мы их делаем, мы их любим, мы им служим. И будем создавать и служить. Ведь они нас защищают.

— От кого? — я живо вспомнил институт через двадцать лет.

— От Левиафана, конечно, — сказал Роман, грустно улыбаясь.

— Чудище обло, стозевно... — произнес Эдик, засовывая умклайдет во внутренний карман куртки. — И всплывет лет через пятнадцать, судя по нашим мальчикам.

— И сожрет их, — сказал Витька.

— Так что остается нам один вариант, — сказал Роман и потянулся.

— Ага, — сказал Витька кровожадно, — отправиться в прошлое, в Атлантиду, в Лемурию, стать верным учителем и соратником нашим новорожденным и пройти с ними плечом к плечу тысячелетия тяжелых испытаний. И притащить сюда на блюдечке не мальчика, — Витькин палец уперся в лысину големчика, — но мужа! А лучше — двоих.

Стеллочка ошеломленно взглянула на Корнеева.

— Полная чушь, — мрачно сказал Витька.

— А что, сдрейфил? — поинтересовался Эдик.

Витька фыркнул.

— Ну, если сам Корнеев сдрейфил... — протянул Роман. — Что ж, найдется добрый человек.

— Добрый молодец, — презрительно сказал Витька. — Алеша Никитич — Добрыня-попович.

Ойра-Ойра усмехнулся и пододвинул белому мышу еще одну монпансьину.

И я понял, что снова нам возводить форты, чистить пищали и аркебузы, драить кирасы и бончуги. И двинут вперед боевые големы человечества, чтобы защитить оное человечество от чудовища, на котором стоит мир.

— Всё, старики, — заявил Витька, — я пошел. У меня в лаборатории все скисло.

И замер.

В машинный зал входили Федор Симеонович Киврин и сухощавый, корректный А-Янус. Или нет — У-Янус. Я уже и раньше обращал внимание, что как минимум последние полгода я различаю наших директоров практически только по вопросу: «Мы не беседовали с вами вчера?».

Нет, это все-таки был А-Янус.

Федор Симеонович раскатисто поздоровался и, подойдя к големчикам, вручил каждому по карамельному карандашу в цветном полосатом фантике. Малыши принялись лизать и грызть. Три головы администратора, оттирая друг друга, по очереди жадно отхрустывали леденец. Научный големчик, поглядывая на конкурента, самодовольно хлюпал сладкой слюной в своем углу.

— Роман Петрович! — пророкотал Киврин. — Мышь долетела удачно?

— Вполне, — сказал Роман.

— И стол, — вдруг сказал я.

Мы обернулись. Возле стола стоял А-Янус и смотрел на белого мыша. Белый мыш стоял на зеленом сукне и рассматривал А-Януса. Два путешественника во времени смотрели друг на друга: мыш-первопроходец и будущий маг-контрамот, которому предстоит направиться в прошлое и, может, действительно строить и обучать големов, а может, найти там, в прошлом, первопричину грустного будущего... Но скорее всего, ему предстоит тяжелая работа путевого обходчика на Стреле Времени: шаг за шагом, день за днем проверять качество дороги, по которой двигалось человечество...

— Надо поспешать, — сказал Федор Симеонович, — у Януса Полуэктовича осталось не так уж много времени.

— Еще несколько месяцев, может быть, год, — сказал Ойра-Ойра. — Будем проверять и еще раз проверять.

Федор Симеонович взглянул на меня, шумно вздохнул.

— Что, р-ребята, — сказал он с улыбкой, — грустное будущее не по нраву? Н-ничего, н-ничего, знать — это еще не достигать.

Я пожал плечами. Витька скривил физиономию. Эдик вежливо улыбнулся.

— Вот п-помню, — продолжил Федор Симеонович, — не т-так давно — т-тогда еще якобинцы в силе были — г-гадалок р-развелось, как м-мать-и-м-мачехи по оврагам. Ну я т-тоже сходил: к самой з-знаменитой в-во в-всей Шампаньской п-провинции. Н-нагадала мне п-пять д-дуэлей на следующую н-неделю...

Киврин полез за платком, выдерживая паузу.

— И что? — не выдержала Стеллочка.

— Обманула, — грустно сказал Федор Симеонович, — одиннадцать б-было д-дуэлей, м-милая.

Стеллочка засмеялась. А с меня, словно по волшебству, спало напряжение последних дней. Даже магистры повеселели.

— Ну, п-пойдем, К-кристо-младший, — сказал Киврин и жестом поманил дубля Кристобаля Хозевича за собой.

— А было ли это грустное будущее? — задумчиво сказал Роман, провожая их взглядом.

— Нет, я все-таки побежал, — заявил Витька, растворяясь в воздухе.

— Роман Петрович, — вдруг произнес А-Янус, — если вы не возражаете, я заберу мышь.

— Конечно, — сказал Роман, — он — ваш.

Янус Полуэктович удалился, неся белого мыша на ладони. Народ потихоньку стал рассасываться.

Эдик тихо отошел к големам. И пока Стеллочка поила их молоком, разложил на полу коробочки, отвертки и

взялся настраивать новую версию своего этического усилителя.

— Чего стоишь? — сказал Ойра-Ойра. — Включай «Алдан».

— Что будем делать?

— Как что! Работать, конечно. До обеда еще час.

И словно свежий воздух хлынул мне в легкие. Я снова был счастлив: сейчас рассчитаем источник проблем, довинтим големов и...

— Роман, — спросил я осторожно, — а что за Левиафан намерен всплыть к концу века?

— Вспомни будущее, — сказал Роман. — Ты что, не видишь?

И я увидел. Но это была совсем другая история.

ДАНИЭЛЬ КЛУГЕР

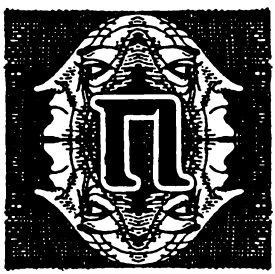
Новые времена

(ЗАПИСКИ ЗДРАВОМЫСЛЯЩЕГО)

Художник Владимир Ноздрин

9 сентября

огода вполне приличная для ранней осени. Переменная облачность, накрапывает мелкий дождь. Слабый ветер — три метра в секунду. Температура — десять градусов по Цельсию. Влажность обычная.

Перелистал сегодня старый дневник, испытывая смешанные чувства. Порядок и уверенность... Когда я думаю о том, что всего лишь два года назад закончил дневниковые записи этими словами, не знаю — плакать мне или смеяться. «Порядок и уверенность». Господи Боже мой! Именно это, как мне начинает казаться, в обществе нашем суть состояние недостижимое. Нет в мире силы, способной наконец-то принести успокоение в умы и сердца. Я отнюдь не настроен философствовать в дневнике и вернулся к ведению записей просто потому, что испытал неодолимую потребность. Происходят непостижимые вещи, а внимания на них никто не обращает. И это несмотря на то, что грозные признаки надвигающегося общественного кризиса возникают, можно сказать, прямо перед глазами. Взять, к примеру, Минотавра. В нем, как великое в малом, от-

© Текст. Д. Клугер, 1997
© Оформление. В. Ноздрин, 1997

ражается... Хотя нет, происшествие с Минотавром было сегодня утром, а я еще вчера почувствовал, если можно так выразиться, приметы надвигающейся грозы. Вот ведь странно: никогда не считал себя суеверным человеком, а тут вдруг начинаю испытывать прямо-таки болезненное стремление разложить по полочкам все приметы, предчувствия, чтобы самому себе сказать: «Все-таки я чувствовал, я ощущал грозное дыхание близкой бури!..»

С чего же все началось? С отъезда Харона в командировку? С Гермионовой мигрени? Или с моей внезапной бессонницы?

Похоже, что с последней. Гермиона уже спала, свет в комнате Артемиды тоже был погашен, а я все ворочался с боку на бок. Сна — ни в одном глазу. Лежу и думаю обо всем понемногу. В первую очередь, конечно, о пенсии: в этом месяце ее почему-то задержали уже на две недели, а я все никак не соберусь на почту выяснить — может быть, они там получили какое-то указание о сроках выплаты. Или сходить в муниципальный пенсионный отдел, поговорить, узнать, в чем дело, существуют же какие-то правила, определенные законом сроки... Словом, думаю я обо всем этом, сна, повторяю, ни в одном глазу.

Вдруг слышу — за окном голоса, шум, топот ног. Словно кто-то что-то тяжелое пронес — то ли из дома, то ли в дом. На несколько секунд все стихло. Потом опять. И показалось, что вроде бы узнаю голос соседа. А это мне совсем не понравилось. То есть умом я, конечно, понимал, что ничего страшного не может произойти. Но все равно — на душе стало тревожно. Слава богу, я прекрасно помню, как все началось два года назад — с такой вот беготни Миртилова семейства.

Гермиона тоже проснулась от шума, прислушалась. Спрашивает: «Слышишь? Ну-ка пойди посмотри, что там случилось... Времени-то уже часа два. С ума они посходили, что ли?»

Я послушно поднялся, быстренько оделся и вышел на улицу. У ворот дома стоял старый грузовик с высокими бортами, а Миртил и члены его многочисленного семейства сновали от дома к грузовику с какими-то узлами,

ящиками, коробками... Я обомлел. Правда, на секунду, потому что от традиционной паники всё происходившее отличалось тем, что, кроме Миртила, прочие наши соседи исполняли роли равнодушных зрителей. Даже госпожа Эвридика — что меня окончательно успокоило.

Заметив меня, Миртил бросил в кузов очередную коробку, подошел.

«Ну, Аполлон, — говорит, — будь здоров, не поминай лихом, если что не так, а только я к тебе всегда по-соседски хорошо относился...» — «Что случилось?» — Я встревожился, но, впрочем, не особенно, Миртил паникер известный, чуть что — узлы в кузов, детей под мышку — и вперед. «Ладно-ладно, — говорит, — сидите дожидайтесь, пока с голоду пухнуть начнете, а у меня такого желания нет...» Я, признаться, занервничал. «Какой голод? — спрашиваю. — Что за чепуха тебе, Миртил, в голову пришла? Ей-богу, взрослый человек, а рассуждаешь, извини, как какой-то дошкольник...» Тут он, как обычно, хвать шапкой о землю и давай кричать: «Кого мне слушать?! Тебя мне слушать? Или Силена слушать?»

Выяснилось, что Силен по секрету сообщил вчера нашим, будто запасов синего хлеба и табака в городе всего на три дня, а потом начнут выдавать по карточкам. По словам Миртила, Силен клялся, будто видел эти карточки собственными глазами. Мало того, даже за желудочный сок в ближайшее время начнут расплачиваться не деньгами, а талонами на хлеб и сигаретами «Астра». Словом, нес всякую чушь. Никто не поверил, кроме, естественно, Миртила, который тут же засобирался и весь вчерашний день увязывал и упаковывал вещи.

«Так что я лучше пережду в деревне, у родственников. Там-то уж голода не будет, как-нибудь переживем». — Брат Миртила был фермером.

Тут я вспомнил, что во время войны, говорят, в деревне голод был никак не меньше, чем в городе, и что если уж начнется, то повсеместно.

«Послушай, — сказал я ему, — ты же понимаешь, что это чушь. Ну как в наше время может начаться голод? Да подойди к любому магазину, на витрине — что душе угод-

но...» — «Ладно-ладно, — сказал Миртил. — Ты у нас грамотный, мы-то дураки, прости Господи, только знаешь ли...» И опять начал пересказывать басню Силена. Терпение мое лопнуло, я вернулся домой, хлопнул дверью. Потом уже слышал, как Миртил, ругаясь, перетаскивает вещи назад в квартиру.

Удивительно, насколько многие из нас бывают безответственными в серьезных вопросах! Один дурак что-то спьяну сболтнул, другой, наивная душа, в это поверил, а в итоге у нормального человека начинает прыгать давление и болеть сердце.

Хотя, с другой стороны, — задержка пенсии. Не знаю, не знаю... Словом, вернулся, рассказал все Гермионе. Она обругала соседей, позакрывала все ставни, чтобы шума не слышать. На всякий случай заглянула в холодильник на кухне. Легла и тут же уснула. Перед сном, правда, сказала: «Сходи с утра насчет пенсии, в доме скоро не на что будет хлеба купить. Вот это уже настоящий голод...» Артемида, слава богу, так и не поднималась.

Ну вот, вроде тихо стало, а мне все равно не спится. Не знаю, возраст сказывается или вообще характер такой — на каждый пустяк реагирую. Сердце колотится, перед глазами — как закрою — белые мушки кружатся. Ну это ладно, принял капель, выспался. Утром все уже немного по-другому воспринимается. Так нет — снова началось. Конечно, следовало сразу понять, сопоставить слова Силена с тем, что случилось с Минотавром... Или замечание Гермионы по поводу пенсии...

Но начну по порядку. Ничто не предвещало неприятностей. Правда, от Харона, уехавшего накануне в Марафины по делам, еще не было вестей, а то я бы спросил его насчет Силеновой сплетни. Интересно все-таки. Я-то знаю, что никакого голода нет и быть не может. Но, с другой стороны, дыма без огня, как говорится... Артемида с самого утра заявила, что ей надоело сидеть дома и что она хочет пройтись по магазинам. Гермиона занялась домашними делами, а я решил навестить наших. Гермиона вдогонку крикнула, чтобы я не забыл зайти насчет пенсии.

На пятачке собрались почти все, не было только одноногого Полифема и молодого Эака. Собственно, Эак не появлялся уже около месяца, так что его отсутствие я всегда фиксировал как бы автоматически. Миртил о чем-то спорил с Паралом, Силен задумчиво курил трубку, остальные лениво обсуждали какие-то новости. Я спросил, не видел ли кто Полифема. Заика Калаид начал дергаться и брызгать слюной, пытаясь ответить на мой вопрос.

И тут появился Минотавр. Бывший золотарь двигался по площади сложными зигзагами, а это могло означать только одно — что он мертвецки пьян.

Заметив Минотавра, и Миртил, и Парал прекратили спор на полуслове, а Силен отвлекся от своих мыслей. «Смотри-ка! — потрясенно сказал он. — Опять!» — «Во дает... — прошептал Миртил. — С чего это он так?» — «Два года был трезвым, — ответил Парал. — Что ж ты хочешь...»

Минотавр между тем продолжал лавировать по площади, давая все больший и больший крен вправо, пока наконец не упал прямо в дверь заведения мадам Персефоны. Оттуда немедленно донесся женский визг, крики, и Минотавр вылетел на улицу, подобно артиллерийскому снаряду, но удержался на ногах и вновь пошел дальше. Проходя мимо нас, он вдруг громко пропел: «Ниоба-Ниобея легла под скарабея...» — после чего ноги его подкосились и он упал, предварительно взмахнув рукой подобно трагической актрисе.

Мы переглянулись.

«Надо бы его поднять, — неуверенно сказал Миртил. — Мало ли. Вдруг человеку плохо».

Минотавр лежал неподвижно. На лице его застыла блаженная улыбка.

«Вряд ли, — заметил желчный Парал. — Ему-то сейчас как раз хорошо. Ему раньше было плохо».

Они затеяли спор о том, может ли человек, пьющий много, бросить пить в принципе. Для меня этот спор носил академический характер, но наших спорщиков предмет его брал за живое, особенно Морфея, чей зять был хроническим алкоголиком.

Поскольку Парал, как, к слову сказать, и Полифем, отнюдь не был заинтересован в выяснении истины, а Миртил был попросту не способен воспринять чьи бы то ни было аргументы, спор быстро превратился в два монолога. Парал попытался было привлечь на свою сторону Калаида — человека знающего, ветеринара. Калаид зашипел, задергался сильнее прежнего, а потом сказал: «Он н-на заседании П-патриотического комитета, А-ап-поллон...»

«Опять он отстает, — с досадой проворчал Миртил. — Честное слово, хоть не обращайся к тебе. А еще ветеринар...» Он махнул рукой и предложил тоже выпить. Мы отправились в трактир к Япету — действительно, не стоять же на улице, тем более что остальные наши наверняка туда подтянутся.

Япет, по обыкновению, выглядел мрачно, стоял за стойкой, подперев могучей ручищей щеку и, по-моему, ничуть не обрадовался нашему появлению.

Начали выяснять, кто что будет пить. Я заказал синюховки. Япет покачал головой.

«Феб, — проворчал он, — видно, что тебя давно не было. Синюховки у меня в заведении уже неделю нет».

Оказалось, что фермеры из окрестных деревень, регулярно поставлявшие Япету популярный дешевый напиток, уже неделю как не появлялись. Словно сквозь землю провалились.

«Может, эпидемия?» — предположил Миртил. «Скажешь тоже, — фыркнул Япет, — откуда там эпидемия? Фермеры вообще не болеют, у них организмы особые. Верно, Калаид?» Заика снова задергался, но ответить не успел.

На площади появился полицейский автомобиль. Пандарей с помощником погрузили Минотавра внутрь, после чего автомобиль уехал, а Пандарей зашел в трактир и подошел к нам.

«Привет, старички, — сказал он. — Слыхали? Марафины, говорят, опять сожгли». Голос у него при этом был оживленно-радостным. Хотя радость эта была связана скорее с возвратом Минотавра в прежнее состояние. Пандарей, после того как золотарь вдруг стал трезвенником, впал в уныние. Теперь он выглядел именинником.

«Кто говорит?» — воинственно спросил Парал.

«Кто сжег?» — одновременно с ним спросил Миртил.

«Да глупости все это, — сказал Япет. Он поставил перед нами по рюмке старой водки. — Ничего не сгорело».

Последним наконец появился одноногий Полифем. Мы его тут же оштрафовали за опоздание, но он даже не спорил — настолько его переполняли новости.

«Слыхали? — возбужденно закричал он. — Пункты приема желудочного сока второй день закрыты! Дожились. Эти сволочи теперь что хотят, то с нами и делают...»

Ну вот. Я как раз сегодня собирался с Гермионой пойти в ближайший и поправить немного домашний бюджет. Нет, по-моему, невезение написано у человека на роду. Нечего даже и пытаться спорить с судьбой. Это еще со времен войны так у меня повелось. Кто куда, а меня обязательно занесет либо в штрафную, либо в плен. Всегда одно и то же...

«Не может быть, — сказал Парал. — Ты, Полифем, что-то не так понял». — «А я говорю: закрыты! — настаивал Полифем. — Не веришь — пойди и посмотри. Да вот, даже подходить не надо, вот, напротив!»

Мы одновременно посмотрели на особняк, некогда принадлежавший господину Лаомедонту. Два года назад, после ареста хозяина, в нем открыли стационарный пункт приема желудочного сока. Действительно, никто не входил и не выходил из дверей, а сбоку было наклеено какое-то объявление. Видимо, оно и извещало о закрытии.

«Да-а... — сказал Морфей, до сих пор молчавший. — То-то, я смотрю, Минотавр напился. Конечно. Пришел на работу — а тут, понимаешь...»

Полифем оживился.

«Ей-богу? — спросил он. — Минотавр за старое взялся?» — «Вот, у Пана спроси, он его только что в участок отправил. Верно, Пан?»

Пандарей гордо кивнул. Мы снова посмотрели на пустующее здание. «Да, — вспомнил я, — а что это ты, Силен, вчера рассказывал о запасах хлеба?»

Силен сказал, что вчера он заходил в мэрию, насчет разрешения на строительство дачи за городом. И как раз,

пока он ждал, вышел секретарь мэра, молодой господин Никострат, и сказал: «Что же, господа, положение не из лучших, боюсь, придется всем подтянуть пояса». — «И все?» — с облегчением спросил я. «Все. А что, мало?»

Нет, ну в самом деле! Нельзя так безответственно относиться к сказанному! Слов нет, очевидно, что фраза господина Никострата относится к экономическому положению в городе, а оно, в свою очередь, безусловно сказывается и на нашем состоянии. Но так же очевидно и то, что фразу молодого секретаря следует рассматривать как образное выражение и ни о каком голоде речи нет и в помине! Так я и попытался растолковать Силену. Меня неожиданно поддержал Япет.

«Это ты верно сказал, Феб, — заметил он, — это конечно. Они все говорят переносно. А переносить нам приходится».

Силен собрался было возражать, но тут на площадь медленно и бесшумно выехал длинный черный лимузин. Силен захлопнул рот и вытаращил глаза. Собственно, у всех у нас физиономии были изумленными. Даже у Пандарея.

Автомобиль остановился у закрытого стационара, и из него вышел не кто иной, как господин Лаомедонт собственной персоной, в дорогом костюме серо-стального цвета. Он подошел к крыльцу, постоял, задумчиво разглядывая вывеску, потом повернулся к сопровождавшему его молодому человеку в узком пальто (мы тут же узнали в нем исчезнувшего несколько месяцев назад Эака) и что-то ему сказал. Эак кивнул. После этого они оба сели в лимузин и уехали.

«Вот тебе и раз, — сказал Миртил и тут же завел свою волынку: — Ох, старички, не нравится мне это. Кто как, а я уезжаю. Дай пять, Феб, не поминай лихом. Мы с тобой хорошо прожили все эти годы, соседом ты был душевным, слова худого не скажу, грех жаловаться, так что...»

Впервые в жизни я не нашелся что ответить соседу. Мало того, мне вдруг захотелось тоже погрузиться на какую-нибудь телегу. С вещами и Гермионой.

На душе стало совсем скверно. Разговоры о хлебе и табаке, закрытие пунктов приема желудочного сока. Напившийся до бесчувствия трезвенник Минотавр. Опять же, пенсию уже две недели как не выплачивают. Вот тебе и порядок вкупе со стабильностью...

«Опять казначей выпутался, сволочь, — сказал желчный Парал. — В позапрошлый раз, когда его собирались судить, сгорел городской театр. В прошлый — марсиане прилетели. А теперь вот Лаомедонта выпустили, да еще и Минотавр запил».

Мы некоторое время вяло обсуждали набивший оскомину вопрос о городском казначее, три года назад растратившем деньги, отпущенные на строительство городского стадиона, но до сих пор разгуливающем на свободе, потому что следствие никак не могло прийти к концу — все время действительно что-то мешало.

Тут Калаид зашипел, задергался так, что все невольно посмотрели на него.

«А-алкоголика вылечить пра-актически нев-в-возмож-ж...» — сказал он. Вмешался Пандарей. «Вот что, старички, — сказал он. — Только между нами, ясно? Чтобы никому ни слова. Никто его не выпускал. Понимаете?» — «Как это не выпускал, — возразил Полифем, — ты, Пан, ослеп, что ли, вот же он только что приезжал...» — «Это не он, — настаивал Пандарей. — Не господин Лаомедонт. Это они там, в столице, двойника нашли. Загримировали подходящего, чтобы он, значит, вроде как сам Лаомедонт и появился. Поняли? На живца ловить будут, вот как это называется. Придет он сегодня ночью туда, тут они его р-раз!..» — «Да-а, — протянул Полифем. — Не успел Минотавр появиться, а уже заездил тебя, Пан, можно сказать, до ручки довел. До живца то есть».

Тут все стали хлопать Пандарея по плечу и говорить: «Да, Пан, насчет живца Лаомедонта это ты, старина, дал...»

«Зачем же они его загримировали, — ехидно спросил Парал, — если сами же сегодня ночью хотят накрыть? Ну ты даешь, старина...»

Пан немного послушал, потом раздулся, как глубоководная рыба, застегнул мундир на все пуговицы

и заорал: «Поговорили — всё! Р-разойдись! Именем закона».

И правда, делать здесь больше было нечего. Мне, во всяком случае. И я направился на почту. Конечно, никаких распоряжений насчет пенсии и никаких объяснений по поводу задержки там не получали. Посоветовали зайти в городской совет. А еще лучше — просто немного подождать. В конце концов, задержка на две недели не может считаться чем-то совсем уж из ряда вон. Я решил, что — да, действительно, немного подождать вполне можно, и попрощался с почтмейстершей.

Вернулся домой, сел почитать газету. Вот ведь как получается: в тот момент, когда хоть что-то можно было бы узнать от Харона, мой дорогой зять исчезает спокойненько и даже не дает себе труда позвонить домой, успокоить. А газета его, оставшись на попечение заместителя редактора господина Корибанта, как и положено, мгновенно превращается в безвкусную и неправдоподобную жвачку на всех двадцати четырех страницах. Я перелистал газету и не нашел ни единого упоминания о возможном голоде. Или о пенсиях. Не говоря уже о таком важном событии, как, например, закрытие пунктов приема желудочного сока.

В качестве передовой статьи фигурировало творение некоего доктора Марсия (мне так и не удалось выяснить у Харона, кто скрывается за этим двусмысленным псевдонимом) о некоторых новейших исследованиях желудочного сока, проводившихся в последние месяцы. В частности, оказывается, что все человечество, в соответствии с составом данной жидкости, можно достаточно четко разделить на пять категорий, причем процентное содержание химических элементов передается внутри каждой из этих категорий по наследству с бóльшим постоянством, чем даже расовые признаки. Очень интересно. Написали бы лучше, что случилось с пенсиями.

Городское статистическое управление сообщало о стабильном росте благосостояния за минувшее лето — на 0,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Начальник управления господин Эвтибиад

высказал предположение, что это связано с притоком туристов.

Туристов этим летом, по-моему, можно было увидеть только в снах господина Эвтибиада.

Словом, повторяю, газета не содержала ровным счетом никакой полезной информации.

За обедом я рассказал Гермионе и Артемиде о закрытии стационара.

«Это, конечно, временно, — сказал я. — Не думаю, что они долго будут держать его закрытым. В конце концов, им же нужен желудочный сок». — «А пенсии? — спросила Гермиона. — Что с пенсиями?»

Артемида молчала, уткнувшись в тарелку. Вообще, выглядела она уставшей, — видимо, ночной шум и ей не дал выспаться как следует.

Я рассказал о пенсиях.

«И как же мы будем жить? — осведомилась Гермиона. — Кто-нибудь в этом доме скажет мне, на какие деньги я буду вести хозяйство?»

Больше всего на свете я не люблю разговоры о деньгах. То есть не вообще о деньгах, а об их недостатке. Тем более за столом. Мне буквально кусок в горло не лез. К тому же она преувеличивала: даже если предположить, что пенсию задержат еще на полмесяца, проблем с хозяйством не будет. В конце концов, и я кое-что откладывал на черный день (десятку-двадцатку в месяц), и сама Гермиона — женщина бережливая и экономная. Но спорить с ней в подобных случаях просто бессмысленно.

А она останавливаться не собиралась. Досталось всем: и мне — «бессовестному алкоголику, всякую копейку норовящему отнести в кабак» (она таки учуяла запах водки), и Артемиде — «только о тряпках думающей», и даже отсутствующему Харону — за то, что уехал и не оставил денег перед отъездом.

Тут я попробовал вступиться, сказать, что Харон ездит за счет редакции. Гермиона демонстративно встала из-за стола, хлопнула дверью. Следом ушла Артемида. И остался я за обеденным столом в полном одиночестве.

10 сентября

Погода обычная, осенняя. С утра дождь и ветер, температура около двенадцати градусов, влажно. То ли из-за этой влажности, то ли из-за событий вчерашнего дня, но моя экзема, похоже, обострилась.

От Харона ни слуху ни духу, зато Артемида как завеялась вчера с вечера с какими-то приятелями на пикник, так явилась только к обеду. Я не стал делать ей замечания, но на ее «Привет, папочка» ответил: «Доброе утро», — с наибольшей холодностью, на которую был способен. Жаль только, что она не поняла этого. Нет, хоть и проработал я столько лет в школе, а воспитать собственную дочь достойно так и не сумел. Нет пророка в своем Отечестве — и нет учителя в учительской семье. Где-то я читал, что свои дети остаются загадкой даже для профессионального педагога.

Конечно, давно следовало бы поговорить с зятем. Но мне казалось, что все у них налаживается, о своем скоропалительном романе с господином Никостратом Артемида забыла. Да и что там за роман! Ну постояли пару вечеров в саду, подержались за руки, глядя на закат. Пусть даже поцеловались. Пусть даже господин Никострат какое-то время провел в нашем доме. Но ведь, с другой стороны, ее можно понять — время было ужасное, всё словно летело в тартарары — и привычный уклад жизни, и маленькие радости — всё затягивалось безумным водоворотом грозных слухов. Девочка, словно за соломинку, схватилась за ближайшего к ней человека, и лишь по вине самого Харона этим человеком оказался не он, а холостой и привлекательный секретарь мэрии.

И потом: как только Харон вернулся, всё сразу же встало на свои места и стояло так два года. До позавчерашнего дня, когда Харон вдруг засобирался в командировку в Марафины. Слава богу, он перестал принимать в доме сомнительных типов вроде бывших инсургентов. Однако взгляды его оставались прежними. Он так же стремился уязвить новые власти, так же насмешничал над складывающимися патриархальными отношениями гражданин — общество.

Да и на семейную жизнь Харон смотрел, по-моему, как на необходимое зло, не более того. Молодые женщины хорошо чувствуют, когда их молодостью и красотой фактически пренебрегают в пользу неких священных коров, как-то: профессиональным призванием, общественным долгом и прочими (по их мнению) мужскими выдумками. До поры до времени они еще терпят. Но потом...

А Харон впервые за последние два года уехал на день — и третьи сутки не давал о себе знать.

Тут я некстати вспомнил слова Полифема насчет сожженных Марафин. Странная прослеживается зависимость: стоит Харону поехать в Марафины, как тут же разносится слух, что город сожгли.

А следом за тем я вспомнил и о возвращении господина Лаомедонта. Кстати говоря, господин Никострат ведь раньше ходил в дружках с господином Лаомедонтом, и если последний вдруг попал у нынешних властей в фавор, то, боюсь, зятю моему может не поздоровиться, они с Никостратом терпеть друг друга не могут. После того как Харон по-мужски поучил секретаря мэрии, застав его в саду с Артемидой. И опять выходило так, что виновата в будущих неприятностях моя дочь, а если уж совсем откровенно, то виноват я сам, поскольку не уделял девочке должного внимания, да и сейчас, признаться, не в состоянии сделать ей ни одного замечания.

Гермиона весь день не выходила из спальни, ссылаясь на разыгравшуюся мигрень. Я склонен ей верить: эти резкие перемены атмосферного давления кого хочешь доведут до больничной койки. У меня тоже не было никакого желания покидать дом, я поднялся к себе в кабинет и занялся марками. Рассматривание коллекции несколько подняло мне настроение, хотя и было обидно, что последнее ценное приобретение я сделал два месяца назад и с тех пор никак не мог себе позволить ничего подобного. Приобрел я тогда по случаю марку, выпущенную в 1931 году к 2010-летию основания Марафин. Особенность ее заключалась в том, что на части тиража по вине типографии не пропечатались первые две цифры, так что выходило, что юбилей не двухтысячелетний, а десятилетний. Марка была изъята из об-

ращения и уничтожена, остались считанные экземпляры, так что выложил я за нее... нет, даже в дневнике не рискну признаться. Правда, Ахиллес клялся, что есть в этом выпуске марки еще эффектнее. По его словам выходило, будто Министерство связи сначала распорядилось просто допечатать недостающие цифры и вновь пустить марку в продажу. Но поскольку на некоторых экземплярах с самого начала получились все цифры, то в итоге некоторые марки сообщали о «202010-летии Марафин». Не знаю, не знаю, мне это кажется маловероятным. Во всяком случае, весьма похожим на другие Ахиллесовы басни.

Таких задержек с пенсиями не случалось давно. Все-таки Гермиона — удивительная женщина. Ухитрялась эти две недели вести нормальное хозяйство. Нет, я должен был давно уже узаконить наши отношения, — в конце концов, она ждет столько лет. А что ворчит иной раз или покрикивает — вполне можно понять.

Что удивительно: словно злой рок довлеет над этим моим желанием! Примерно так же, как над привлечением к суду городского казначея. Стоит мне задуматься о необходимости пойти с Гермионой в ратушу, как непременно что-то происходит. Причем в те же сроки, что и с делом казначея.

Решено: как только приходит пенсия, мы с Гермионой отправимся в мэрию. В конце концов, при всех недостатках, она самоотверженная женщина и вправе рассчитывать на благодарность. После стольких лет совместной жизни... А с дочерью непременно поговорю. Немедленно. В смысле — завтра же. Или послезавтра.

Немного успокоившись, я отложил альбомы с марками в сторону, спустился вниз, за почтой. У подъезда стоял Миртил со всем семейством, правда, без вещей. О чем-то спорили вполголоса. Я склонился над почтовым ящиком и невольно прислушался. Речь у них шла о нежелании хозяина Миртиловой жены платить зарплату вовремя. Причем мотивировал он (хозяин) тем, что банк задерживает с выдачей наличных. У них там поставили какую-то новую систему обслуживания, которую теперь никак не могут отладить.

«Ладно-ладно, — ругался Миртил, — знаем мы их систему. У них вся система одна: кому бублик с дыркой, кому дырка от бублика...»

Странно, но у меня отлегло от сердца, когда я услышал об этом. Выходило так, что не меня одного и не только пенсий коснулись несвоевременные выплаты. Слава богу, а я уж думал, что опять оказался в числе неудачников.

Непонятно было лишь, почему бы не опубликовать в газетах причину задержки. В конце концов, любому должно быть понятно, что модернизация банка требует определенного времени, возможны и мелкие неполадки — все-таки сложная современная техника. Успокоили бы людей, ничего страшного не произошло бы.

Впрочем, возможно, в сегодняшней газете об этом и написано. Я вернулся к себе. Нет, о задержках с выплатами ничего не говорилось, зато на первой полосе была помещена большая статья «Санитары общества». Статья была подписана неизвестным мне именем. Речь в ней шла о неких полезных членах общества, вынужденных оставаться в тени в силу несовершенства законодательства, а также в связи с ложными доносами и клеветой.

Дураку ясно было, что в статье подразумевается не кто иной, как господин Лаомедонт. Не было у нас в городе никаких других «санитаров общества». Это с еще большей определенностью, нежели поведение моей дочери, означало одно: близкого возвращения Харона из командировки не ожидает ни жена, ни редакция. Остальные материалы этого номера газеты только укрепили меня в этом. Так, например, в статье д-ра Марсия (по сути, продолжении вчерашней — о категориях желудочного сока), занимавшей примерно половину второй полосы, автор проводил сравнительный анализ ценности различных категорий. Против воли я зачитался. Может быть, именно с этими исследованиями связано закрытие стационарных пунктов. Не исключено ведь, что марсианам нужен не любой желудочный сок, а, скажем, категории «А». Или «элита» (есть, оказывается, и такой. Интересно, к какой категории относимся мы? Конкретно — я? Помнится, врач как-то говорил мне что-то такое лестное о качествах моего желудочного сока...).

Пока я читал газету, Артемида опять куда-то завеялась. Я только и успел увидеть из окна сверкающую никелем новую машину господина Никострата. Решение мое серьезно с ней поговорить в очередной раз осталось невыполненным. Так я и не могу понять, в кого удалась характером моя дочь. Не в меня — это точно. И не в покойницу-мать — насколько я могу судить.

После ее ухода Гермиона принялась за меня.

«Где ты вчера нализался? — грозно вопросила она. — В каком кабаке и на какие деньги?»

Не мог же я объяснить ей, что меня угостили. Она бы в это все равно не поверила. Женщины вообще не верят в то, что на их мужей (или друзей) кто-нибудь, кроме них самих, рискнет хоть грош потратить. Поэтому я счел за лучшее сделать вид, что не слышу, и снова углубился в газету. Но Гермиона не позволила. В ультимативной форме она потребовала или выяснить наконец причины задержки пенсий, или найти средства для поддержания хозяйства. Пришлось снять телефонную трубку и позвонить в мэрию.

Ответила Тиона, юная секретарша мэра. Услышав ее веселый голосок, я немного размяк (черт возьми, вот уж не думал, что на меня до сих пор так действуют звуки нежного девичьего голоса!). Гермиона подбоченясь стояла в дверях и смотрела на меня с подозрением. Я спросил: «А что, господин мэр у себя? Нельзя ли поговорить с ним?» — на что Тиона ответила, что, к сожалению, это невозможно: господин мэр, равно как и его секретарь господин Никострат, находится сейчас в отъезде по очень важному делу. Как же, по очень важному! Я вспомнил автомобиль секретаря мэрии, несколько минут назад отъехавший от нашего дома.

По поводу задержки пенсий Тиона выразила сожаление и посочувствовала мне, поскольку и зарплату муниципальным служащим, оказывается, тоже задержали. Причины пока неясны, но ходят слухи, что готовится банковская реформа.

Я немного приободрился, а затем снова встревожился: банковские реформы всегда били по моему карману. Во

всяком случае, в прошлую реформу все отложенные деньги в течение одного дня обратились в прах.

«А почему второй день нет возможности сдать желудочный сок?» — спросил я. «Это безобразие, — согласилась Тиона, — господин мэр, насколько мне известно, уже обратился с запросом в Министерство здравоохранения. Думаю, в ближайшее время все образуется. Предполагается, что в системе здравоохранения, точнее в системе сбора желудочного сока, имели место некоторые нарушения. В частности, не проводились экспресс-анализы». — «Для чего?» — поинтересовался я. На это красотка Тиона ответить затруднилась. Я попрощался, повесил трубку. Гермиона молча смотрела на меня. Я красноречиво развел руками. Она хлопнула дверью.

Вдруг мне пришла в голову странная мысль. Я подумал, что все эти реорганизации — в банковском деле, в системе здравоохранения — имеют одну и ту же причину.

«Реформы», — подумал я.

Конечно. Реформы.

То самое, о чем все эти два года писали и говорили мой зять и иже с ним. Злоупотребления, реформы. Коррупция-кооперация, национализация-девальвация. Вот, добились.

Нет, я не против реформ. Любое общество без них попросту задохнется. Но почему всегда и везде реформы начинаются с того, что бьют по мне? Не по господину мэру и не по господину Лаомедонту, даже не по самому Харону — а именно по мне, отставному учителю астрономии! Какое-то узкоцелевое воздействие!

Впрочем, что толку рассуждать об очевидном? Остается надеяться, что, во-первых, отсутствие Харона связано с его личным участием в реформах и, во-вторых, что уж на этот раз он не окажется дураком и не позволит оттеснить себя от кормушки.

Сидеть целый день дома безвылазно оказалось выше моих сил. Я оделся, взял зонтик и потихоньку от Гермионы улизнул из дому.

Зашел к Ахиллесу в аптеку. Давненько я у него не был. Когда я вошел, он как раз продавал горничной мадам Персефоны «что-то понадежнее». Понадежнее! Зави-

дев меня, он тут же выложил на стол альбом. Все-таки человек не меняется. Сколько я его знаю, никогда еще Ахиллес не упускал случая похвастаться своими беззубцовочками. Всякий раз, стоит мне зайти в аптеку, как у него под рукой оказывается именно этот альбом. Будто нарочно. Я постарался сделать вид, что не заметил, и попросил у него таблетки от головной боли для Гермионы и что-нибудь сердечное для себя.

«Знаешь, Аполлон, мне удалось найти ту беззубцовку двадцать третьего года, — сказал он. — С надпечаткой и без дефектов. Вот, посмотри!»

Настроение у меня окончательно испортилось. Тем не менее я как ни в чем не бывало взял у него пинцет и лупу. Тем временем Ахиллес достал искомые лекарства, упаковал в пакет и положил на стойку. Я вернул ему альбом.

«Да, — сказал я беспечным голосом, — отличный экземпляр, поздравляю. Только вот кто-то выводил с него штемпель. Не знаю, не знаю, я бы не рискнул оставлять такую в коллекции». Это можно было увидеть даже без лупы. Ахиллес что-то буркнул и спрятал марки под прилавок. «А что, — спросил он, — зять твой еще не вернулся?» — «Нет, — ответил я. — Он в Марафинах». Ахиллес покивал головой, потом сказал: «В столице, говорят, сейчас неспокойно». — «С чего ты взял?» — спрашиваю. «Шурин приезжал, — ответил он. — Говорит, какие-то законы должны принять. Новые». — «О чем?» Ахиллес пожал плечами. «Ясно о чем, — скривился он. — О желудочном соке».

В трактире наши бурно обсуждали очередные новости. Оказывается, отныне стационарный пункт приема желудочного сока вновь открывается, и даже уже открылся (мэрия, как всегда, обо всем узнает последней), но только не как государственное учреждение, а как частное. Принадлежащее какому-то акционерному обществу «Марс Инкорпорейтед». Название никого не обмануло, все откуда-то узнали, что на самом деле новым хозяином стал чудесным образом вернувшийся в город господин Лаомедонт. Одноногий Полифем, движимый любопытством, успел посетить вновь открывшееся заведение и сообщил

нечто действительно невероятное: теперь за стакан желудочного сока будут давать пять монет далеко не каждому. Новым владельцем (или владельцами) установлено нечто вроде тарифа: все сдатчики желудочного сока подразделяются на пять категорий. Первая, вторая и так далее. Так вот: только представители первой категории будут получать пятерку за стакан. Второй — три монеты, а третьей — две. Сумму оплаты пятой категории, по-моему, невооруженным взглядом разглядеть невозможно.

Я не поверил. В конце концов, нельзя же принимать подобные решения вот так, ни с чего. И если уж изменять плату, то в сторону увеличения, а никак не уменьшения. Хотя, с другой стороны, появление статей доктора Марсия тоже о чем-то говорит.

«Вот-вот, — сказал Полифем. — Это ты ему скажи, Лаомедонту. Он живо тебе сопатку начистит».

Сколько я его знаю, кажется, лет тридцать пять, столько из него и лезет унтер-офицер. Раньше, в пору нашей общей молодости, когда он ходил на двух ногах, это почему-то не так бросалось в глаза.

Тут в разговор влез Зет, двоюродный брат заики Калаида. В отличие от Калаида, Зет не заикался, но понять его все равно с непривычки было трудно. Он высказался в том смысле, что, возможно, установили состав желудочного сока и признали его менее годным. «Ну, каких-то элементов не хватает. Или наоборот — больше, чем нужно. Потому изменили цену. Нужно спросить у Ахиллеса, может, надо какие-то витамины попить, чтоб, значит, сок был качественнее...» — «Заткнись, — посоветовал Полифем. — Тоже нашелся знаток. А у самого Лаомедонта не хочешь проверить состав желудочного сока? — Тут он несколько оживился. — А что? Дерьмо штатское! Проверить состав и набить морду. В соответствии с категорией. Отполировать мослы и дать копоти...»

Но сказал он это, против обыкновения, не совсем уверенно. Что в общем-то было понятно. Все молча принялись раскуривать погасшие за время разговора трубки и сигары, а Япет вернулся за стойку и зачем-то тщательно протер и без того чистую поверхность прилавка.

Полифем некоторое время обдумывал что-то, потом положил костыль поперек стола и заявил: «Вот что, старички. Тут надо всем быть заодно. Три монеты, ишь чего захотел! Он будет наш сок марсианцам втридорога перепродавать, а мы с этого будем иметь гроши, да еще и благодарить? Так не пойдет. Верно, Аполлон?» Дурацкая у него привычка: чуть что, обращаться ко мне за поддержкой. И все только потому, что когда-то воевали вместе. Я промолчал, но Полифем, видимо, счел мое молчание поддержкой и сказал: «Никто не должен идти в этот его поганый пункт. До тех пор, пока не даст нормальную цену. А что?»

Кто-то сказал: «А можно написать мэру», — но этого предложения никто не поддержал: секретарь мэра наверняка восстановил дружеские связи с новым хозяином. Все молчали, пряча друг от друга глаза. Первым не выдержал Мидас. Решительно отодвинув рюмку, он поднялся со своего места и пошел к выходу. «Ты куда?» — спросил было я. Он остановился и ответил не оборачиваясь: «Три монеты — тоже деньги. Не так, что ли?» — и вышел. Мы внимательно следили, как он быстрым шагом пересек площадь и скрылся за тяжелой дверью. Через некоторое время Мидас вышел, вернулся в пивную и, положив на стойку деньги, гордо сказал Япету: «Всем пива! За мой счет».

«Я от штрейкбрехеров пива не принимаю!» — заявил Полифем. Я тоже почувствовал себя неудобно. Действительно, поступок Мидаса нарушал нашу вроде как складывающуюся солидарность. В конце концов, рассуждения Полифема содержали рациональное зерно. Мы могли бы добиться от господина Лаомедонта повышения стоимости хотя бы до четырех за стакан — для минимальной категории. А так...

Но, с другой стороны, Полифем с его прямолинейностью и привычкой все делить исключительно на черное и белое вряд ли способен был стать организатором настоящей общественной акции протеста. Его неспособность к компромиссам просто отпугнула бы возможных участников, и в итоге мы остались бы в меньшинстве, столь

смехотворном, что с ним не посчитался бы не только господин Лаомедонт, но и любой здравомыслящий человек...

Тут оказалось, что, пока я предавался рассуждениям, все наши спокойно приняли кружки с пивом, и даже сам Полифем уже выцедил добрую половину, хотя и отвернулся демонстративно от улыбающегося Мидаса.

11 сентября

Погода неприятная. Нескончаемый дождь и порывистый ветер, температура каких-то десять градусов по Цельсию, а влажность непереносимая. Всю ночь пролежал на спине, хватая по-рыбьи открытым ртом воздух. И экзема совсем замучила. А тут еще утром Гермиона закатила скандал Артемиде из-за не убранной с вечера посуды. Скандалила-то она с Артемидой, но метила в меня: я засиделся вечером за марками, чай пил в кабинете и чашку с блюдцем оставил там же. Сделал вид, что не понимаю. Оделся, сказал, что схожу на почту, узнаю насчет пенсий. Пенсии по-прежнему не было, зато пришла телеграмма от Харона: «Связи изменившимися обстоятельствами вынужден заехать столицу буду через три дня». Телеграмма как будто подтверждала мои вчерашние предположения. Я вспомнил свои мысли о готовящихся реформах и о возможном участии в них моего зятя. Подождем, посмотрим.

Несмотря на ворчание Гермионы, я все-таки отправился сегодня в стационар. В конце концов, пенсии все нет и нет, а сбережения тают, как снег на солнце.

Странно, но внутри стационара все осталось по-прежнему — те же улыбчивые очаровательные девушки, тот же сверкающий кафель и никель. И все-таки что-то показалось мне изменившимся, даже неприятным. Сама процедура тоже как будто стала неприятнее. Или это от внутренней неуверенности? Не знаю, не знаю.

Действительно, на видном месте был вывешен новый прейскурант — с делением всех доноров на категории в

зависимости от результатов экспресс-анализа. Здесь мне неожиданно повезло — я получил категорию «элита». Конечно, пустяк, но хоть немного улучшилось настроение. Мне назначили даже не пять, а десять монет за стакан. Если и Гермионе установят «элиту», все пойдет совсем неплохо.

Несмотря на очевидный успех, я поспешил уйти, хотя улыбчивые сестрички традиционно предлагали после процедуры посидеть немного в уютном кресле, полистать иллюстрированные журналы.

Когда я вышел на улицу, как раз подъехал черный лимузин нового хозяина. Господин Лаомедонт вышел из автомобиля. Увидев меня, он сделал приветственный жест рукой — что меня весьма удивило — и улыбнулся. Улыбка у него приятная, я должен это отметить, несмотря на вполне естественную неприязнь к этому типу. По-моему, он даже хотел заговорить со мной, но тут случилось непредвиденное.

На площадь с ревом вылетело окутанное ужасной вонью чудовище. Только через какое-то время я узнал в нем цистерну золотаря и вспомнил, что Минотавр, по слухам, вернувшись к прежнему образу жизни, вернулся и к прежнему виду деятельности.

Вонючая машина неслась во весь опор, Минотавр блаженно улыбался, а все бывшие на площади зажимали носы и жались по стенам. И конечно, наш лихач-золотарь вписался прямехонько в центр сверкающего лимузина господина Лаомедонта. От удара у Минотавровой машины вылетели, видимо, какие-то пробки, и потоки зеленоватой жидкости хлынули наружу и побежали по площади, распространяя зловоние.

Господин Лаомедонт, подобно жене Лота, превратился в соляной столб. А Минотавр, заметив дело рук своих, мгновенно ретировался из машины. Еще через мгновение на площадь вылетел, завывая сиреной, полицейский джип, за рулем которого сидел Пандарей. Пандарей что-то орал, пытаясь перекричать собственную сирену.

Зажав нос пальцами и стараясь не ступать в образовавшиеся лужи, я поспешил в трактир.

Наши сидели у окна и наблюдали за развитием ситуации. Полифем даже не обратил внимания на то, что я вышел из стационара и, следовательно, тоже могу быть причислен к штрейкбрехерам.

Я взял пива и присоединился к собравшимся. На площади представление между тем закончилось. Пандарей отвез Минотавра в участок, вызванные господином Лаомедонтом пожарные мощными струями чистой воды смывали плоды деятельности пьяного золотаря. Тягач утянул с площади пострадавший лимузин.

Вскоре разговор перешел на другие темы, более тревожные, чем пьяные безобразия. По словам Миртила, в свою очередь узнавшего обо всем от брата-фермера, кто-то поджег у окрестных фермеров амбары. Сгорели все семенные запасы синей пшеницы. Поначалу фермеры не особенно беспокоились: власти в подобных случаях всегда приходили на помощь. Однако в этот раз все было по-другому. Из официальных представителей сельхозуправления никто к фермерам не явился, зато явились люди господина Лаомедонта и предложили семена по цене вдвое большей, чем государственная. Фермеры их предложения, естественно, не приняли. Тогда ночью загорелись и склады с убранным урожаем. Фермеры устроили настоящий бунт и даже изрядно поколотили людей господина Лаомедонта, приехавших с зерном на следующий день, то есть сегодня. Наши бурно обсуждали это событие. Естественно, все были на стороне фермеров.

«Молодцы мужики! — кричал Полифем. — Выдали этому вонючему дерьму по первое число!» — «Помяните мое слово: это не к добру, — мрачно сказал Парал. — Фермеры тоже свое получат».

С этим все согласились. Люди господина Лаомедонта не походили на таких, с кем подобные штучки проходили безнаказанно. Тут появился Пандарей в расстегнутом мундире, радостно возбужденный.

«Ну все, — сказал он, — все, старички, кончилось мое терпение. Теперь я упеку его на месяц, не меньше». — «А кто же будет чистить канализацию? — ядовито спросил Парал. — Опять полицейские?»

«А что господин Лаомедонт? — спросил Силен. — Очень рассердился?»

«Послушай, а как его все-таки выпустили? Черт те что, — сказал Полифем, — всякое дерьмо непременно выкрутится...» — «Есть мнение, — веско ответил Пандарей, — что господин Лаомедонт никуда и не отбывал. Это была особая операция. Его просто пригласили для консультаций. Проконсультировал — и отпустили. Возможно даже, именно господин Лаомедонт выставит свою кандидатуру на ближайших выборах мэра. Нам давно нужен энергичный человек во главе мэрии».

Выборы должны были состояться примерно через месяц. Заявление Пандарея прозвучало настолько неожиданно, что я едва не поперхнулся пивом.

«Ну ты даешь, Пан... — сказал Силен. — Это сколько ж надо выпить, чтобы голосовать за такого?»

«Да, — сказал желчный Парал. — Тут уж лучше выбрать моего зятя-майора...»

Все зашумели, принялись хлопать Пандарея по плечу: «Да, Пан, это ты дал сегодня... Не надо было тебе, Пан, за Минотавром гоняться...»

Пандарей начал раздуваться. Я ушел. Честно говоря, ничего смешного в его заявлении я не усмотрел. Конечно, оно противоречило здравому смыслу. Но у нас, по-моему, все происходящее противоречит здравому смыслу. Так что — все может быть. И господин Лаомедонт вполне может стать мэром.

12 сентября

Погода отвратительная. Все тот же дождь, ветер. Температура десять градусов. Влажность. Экзема совсем замучила. И ничего не хочется, даже коллекцией заниматься. Хочется просто лежать, закрыв глаза, и ни о чем не думать. Настроение прескверное. От Харона ни слуху ни духу, Артемида гуляет так, словно завтра конец света. Может, она права? Может, конец света уже наступил, а мы прозевали?

13 сентября

Погода просто ужасная. Ливень, ураганный ветер. Плюс десять по Цельсию, приходится кутать шею, когда выходишь на улицу. Влажность такая, что я до сих пор не могу понять, у меня насморк или в носу конденсируется атмосферная жидкость.

И несмотря на это, приходится выходить из дома и отправляться по делам. Хотя куда как лучше было бы, завернувшись в теплый плед, сидеть за столом, рассматривать марки и пить горячий чай с полынной настойкой. Увы! Пенсии по-прежнему нет, денег за желудочный сок не хватает, а тут еще ходят слухи, что господин Лаомедонт с понедельника снизит стоимость стакана до двух с полтиной — это для первой категории! Для «элиты», правда, оставили пятерку — и то хорошо... Ей-богу, я просто не понимаю — куда смотрят городские власти? Существуют, в конце концов, антимонопольные законы! Они у нас что, уже не работают?

Словом, я направился в мэрию в настроении мрачном, но решительном. Пора, пора поставить точки над «i». Должны же навести минимальный порядок.

Но оказавшись в приемной господина мэра, я, с вполне естественным раздражением на самого себя, обнаружил, что решительность моя куда-то улетучилась, а на лице появилось просительное выражение и идиотская улыбка.

В приемной за девственно-чистым столом без малейших признаков бумаг сидел секретарь мэрии господин Никострат и приводил в порядок ногти на руках. На мой взгляд, ногти выглядели идеально. Как и золотистые, тщательно уложенные волосы. Меня он встретил любезной улыбкой, предложил сесть и изложить суть моего дела.

Набравшись храбрости, я задал господину Никострату вопрос: «Будут ли в ближайшее время выплачены пенсии?»

На это он ответил, что непременно — как только городской банк опробует новую электронную систему, мон-

таж которой уже закончен. Кроме того, мэрия рассматривает возможность некоей компенсации для определенных категорий пенсионеров — из средств городской казны.

Ну, это обнадеживающее заявление меня нисколько не утешило: о том, что городская казна пуста, знали, по-моему, все. Даже Пандарей.

Пока я раздумывал, о чем же еще можно спросить господина Никострата, он вдруг сказал: «У вас, господин Аполлон, есть прекрасная возможность в будущем иметь постоянный источник пополнения семейного бюджета». И объяснил, что общество «Марс Инкорпорейтед», в совет директоров коего он имеет с некоторых пор честь входить, собирается пустить в продажу акции. Они будут иметь хождение наряду с государственными облигациями. Приобрести акции можно не только за деньги, но и подписав обязательство в течение какого-то времени («Весьма ограниченного», — пояснил господин Никострат) сдавать сок бесплатно.

Предложение выглядело, с одной стороны, чистым мошенничеством, но с другой — секретарь был все-таки представителем официальных властей. Я сказал, что подумаю. И неожиданно для самого себя спросил, как он относится к поведению служащих компании «Марс Инкорпорейтед» (в совет директоров которой он входит) во время событий, происходивших в окрестных деревнях? И не кажется ли ему, что методы угроз и шантажа не могут поддерживаться представителями государственных или общественных учреждений, каковым, без сомнения, является городская мэрия.

На это господин Никострат, продолжая полировать ногти пилочкой и нисколько не смутившись, туманно ответил в том смысле, что, дескать, конечно, методы некоторых подчиненных господина Лаомедонта нельзя отнести к законным. Но, с другой стороны, и методы фермеров, первыми начавших военные действия, тоже выходят за рамки закона. Поэтому, сказал он, городские власти приняли решение не вмешиваться в события. Что же до пенсий, заверил господин Никострат, то

они будут выплачены непременно. В определенное законом время.

«Кстати, — сказал он, — а почему бы вам, господин Аполлон, не поговорить, например, с господином Лаомедонтом?»

Признаться, от такого предложения я онемел. А господин Никострат словно не заметил моего удивления. «Не далее как позавчера, мы виделись... по одному общественному вопросу, — пояснил он, продолжая полировать ногти. — Разговорились — о том о сем, знаете ли. Господин Лаомедонт — человек широких взглядов». — «Да-да... — пробормотал я. — Куда уж шире...» — «Вот-с, и, представьте, он вспомнил о вас».

Я похолодел. Это очень нехорошо, когда такие люди, как господин Лаомедонт, о вас вспоминают.

«Да-да, господин Аполлон, он считает вас одним из самых почтенных граждан нашего города. — Тут Никострат на мгновение прервал свое занятие и взглянул на меня с доверительной улыбкой. — Должен вам сказать, господин Аполлон, что это его мнение разделяют все члены городского совета».

Мне ничего не оставалось, как поблагодарить. Странно, но я почувствовал себя даже польщенным от снисходительной похвалы из уст — кого же? — бандита, отпетого уголовника!

«Он сказал, что помнит вас еще по школе, — безмятежно говорил господин Никострат. — Вы ведь его учили то ли в пятом, то ли в шестом классе».

Я снял очки и дрожащими руками принялся протирать стекла.

«Но что же я ему скажу? — растерянно спросил я. — И о чем? Не понимаю...» — «Что тут понимать? — спросил господин Никострат с легким удивлением. — Вы будете говорить с ним, разумеется, о пенсии».

Я не понял, почему о государственной пенсии следует разговаривать с местным гангстером, но, естественно, промолчал.

«Господин Лаомедонт сообщил мне, — сказал господин Никострат, — что подумывает о создании фонда для под-

держки пожилых и малоимущих граждан. Согласитесь, это благородный жест».

Я спросил о предполагаемых реформах правительства.

«Но ведь они уже идут, — ответил господин Никострат, удивленно приподняв одну бровь. — Собственно, приватизация системы сбора желудочного сока — первое мероприятие такого рода. Так сказать, социально-экономический эксперимент». — «И каковы же результаты?» — «Обнадеживающие. — Господин Никострат улыбнулся. — Весьма обнадеживающие. Поскольку руководство „Марс Инкорпорейтед" обязалось регулярно выплачивать все налоги — а они, господин Аполлон, немаленькие, — мы серьезно надеемся на весьма ощутимое пополнение городской казны. А это, в свою очередь, позволит нам оказывать материальную помощь многим нуждающимся».

Никому из наших я, естественно, не стал пересказывать этот разговор. Но он заставил меня хорошенько призадуматься над ролью лиц, подобных господину Лаомедонту, в сложные периоды жизни общества. Разумеется, я нисколько не одобряю методов, которыми они пользуются, но ведь нельзя же, в конце концов, отрицать той энергии и напора, с которыми они вершат свои дела. Суть лишь в том, чтобы направить эту энергию и этот напор в нужном направлении. Взять, к примеру, того же господина Лаомедонта: ведь живет же в его душе светлое воспоминание о школьных годах, о старом учителе... А что? Может быть, общение с этим учителем именно и окажется тем поворотом, что необходим его душе. В конце концов, ведь и с господином Лаомедонтом можно договориться. И не все ли равно нам, обыкновенным обывателям, кто кладет в карман деньги, получаемые от нашего желудочного сока. И если только господин Лаомедонт и иже с ним действительно возьмут в свои руки наведение порядка, если сами они будут исправно платить налоги и заботиться о нравственном здоровье нации, то почему бы и нет?

В трактире сегодня впервые после долгого отсутствия появился Эак. Увидев его давеча в компании с господином

Лаомедонтом, мы сообща решили впредь игнорировать этого молодого человека. Но он как будто не заметил нашей холодности, подошел к нам очень радостный, со всеми перездоровался и заказал на всех выпивку. Тем не менее разговор у нас не клеился. Господин Эак, как обычно, пустился в воспоминания о годах жизни в столице. Рассказывал он замечательно, в лицах, мы в очередной раз заслушались. Все, кроме Полифема. Полифем демонстративно пил только за свой счет и перебивал истории Эака язвительными замечаниями.

14 сентября

Погода сегодня оставляет желать лучшего. Дождь, временами ветер. Температура плюс десять. С утра зашел в аптеку к Ахиллесу. Он был не в настроении, разговор касался общих тем, шел вяло. Я собрался уже уходить, но тут к аптеке подъехали на стареньком грузовике двое фермеров. Вид у них был изрядно потрепанный, вели они себя не просто тихо, а как-то противоестественно тихо. Закупили бинтов, ваты, йода, других лекарств. Похоже было, что военные действия между ними и людьми «Марс Инкорпорейтед» перешли в новую фазу. Они погрузили покупки в свой автомобиль, где, как я заметил, уже лежали различные продукты, и отъехали. Мы с Ахиллесом переглянулись и одновременно вышли из аптеки. Фермерский грузовик подъехал к Япетову трактиру. Ахиллес быстренько запер дверь, и мы поспешили туда же — узнать новости.

Когда мы пришли, фермеры уже сидели за угловым столиком, перед ними стояли кружки с пивом и рюмки с водкой. Водкой их угостил любопытный Димант в надежде немного разговорить. Выпить фермеры согласились, но разговаривать не желали. Наши стояли вкруговую и напряженно прислушивались. Мы тоже подошли.

«Ну что, мужики? — спросил Димант. — Как в этом году с урожаем?» — «А никак, — ответил один из фер-

меров, постарше. — Никак, мать его. Будете, значит, и без хлеба, и без мяса».

Молодой кивнул, подтверждая.

«Это почему? Засуха, что ли?»

«Нипочему».

Наконец, с паузами, фермеры рассказали, что банда господина Лаомедонта нагрянула неожиданно, когда они уже праздновали победу. Подробности они не сообщали, но ясно было, что некоторые из них предложение Лаомедонта приняли и зерно у него купили. Зато теперь и урожай свой они обязались продавать только через господина Лаомедонта. А господин Лаомедонт пообещал, со своей стороны, защищать их. Видимо, от самого себя.

После этого содержательного разговора фермеры сели в груженую машину и уехали. Димант тяжело переживал бессмысленную потерю двух рюмок.

Когда первое оцепенение прошло, все задвигались, заговорили.

«Мужичье, — презрительно заявил Полифем. — Нет в них настоящего боевого духа. Только их прижали, так сразу — полные штаны». — «При чем тут дух, — возразил Парал, — как раз от полных штанов и идет дух...» — «Заткнись, — посоветовал Полифем, — жаль, что нас с Аполлоном там не было, мы бы им по-солдатски...» Но его уже никто не слушал, всех куда больше интересовал другой вопрос: что же теперь будет с нами? Ведь если на продукты питания наложит лапу господин Лаомедонт, то и цены диктовать будет он, как уже диктует цены за желудочный сок.

«Хватит! — заорал Полифем. — Натерпелись! Становись! Слушай мою команду!»

В самом деле, все переходило в руки гангстеров, а наши городские власти и не собирались вмешиваться. Полифем предложил тут же реорганизовать созданную им Боевую Антимарсианскую Дружину в Патриотическую Дружину По Наведению Порядка. Организовать круглосуточное патрулирование по улицам и в случае необходимости вступить с «Марс Инкорпорейтед» в вооруженную борьбу.

Не знаю, не знаю. Как-то все это выглядит наивно. Дружины, вооруженная борьба... Впрочем, Полифема никто не поддержал, потому что мы давно перестали, по-моему, понимать, о каком порядке вообще идет речь и стоит ли наводить именно тот порядок, который близок сердцу отставного унтер-офицера.

Тут появился Пандарей. Держался он официально и неприступно, слова цедил сквозь зубы. Оказывается, Полифем развил бурную деятельность еще несколько дней назад. Он лично патрулировал по улицам с охотничьим ружьем наперевес, а также установил пикет — подбил Силена и Диманта встать с плакатами в руках напротив особняка господина Лаомедонта. На плакатах значилось: «Позор!» и «Верните желудочный сок народу!». Правда, пикет дежурил только в ночное время, так что господин Лаомедонт поначалу вообще не знал о его существовании и о гневных плакатах. Когда же сегодня утром узнал, то обратился в мэрию, после чего Пандарей разогнал пикетчиков. Пришел он, чтобы пообещать Полифему сгноить того в тюрьме, в одной камере со все еще не протрезвевшим Минотавром, если он не прекратит поносить честных и законопослушных граждан.

«Подумаешь, — задиристо ответил Полифем, — а вон Аполлонов зять однажды в газете черным по белому назвал его гангстером!»

Все немедленно посмотрели на меня, как мне показалось, осуждающе, а Пандарей, немедленно забыв о Полифеме и его патриотах, веско сказал: «Это верно, есть такая информация. Ну, с господином редактором господин Лаомедонт как-нибудь сам разберется».

И на меня снова посмотрели все, но уже как на покойника. Но, во-первых, Харон все еще отсутствовал, а во-вторых, статья о господине Лаомедонте была напечатана в его газете более трех лет назад, тогда же Харон был оштрафован по решению суда, и инцидент между ним и господином Лаомедонтом был исчерпан. Так я и сказал. Но дальше оставаться в трактире мне расхотелось, я почувствовал себя неуютно и вернулся домой.

15 сентября
(2 часа 30 минут ночи)

Среди ночи под окнами раздался жуткий грохот. Спросонок я не разобрал, что произошло. Гермиона немедленно побежала к окну, поманила меня: «Господи, неужели война?..» У меня сердце оборвалось. Подошел, тоже выглянул. По улице тянулась бесконечная череда армейских автомобилей. Каждый тянул за собой нечто вроде огромной цистерны на гусеницах. Автомобили были покрыты брезентом, солдат видно не было.

Я набросил на плечи халат, выбежал на улицу. Госпожа Эвридика металась от подъезда к кромке тротуара в одной ночной рубашке и кричала что-то невразумительное, временами даже перекрывая однообразный грозный рокот автомобильных двигателей. Прочие соседи тоже были в панике. Один Миртил, как обычно, деловито грузил вещи в свой старенький грузовичок. Увидев меня, закричал: «Что, дождались? Видишь, продукты увозят!» — «Что случилось?» — спросил я и сам почувствовал, как предательски дрожит голос. «А ты посмотри вон туда!» — Он указал в сторону Марафин. Небо пылало огненно-красными отсветами. Если это был пожар, то я просто не представляю себе, что могло полыхать так мощно. «Вот так-то, Аполлон, — сказал Миртил. — Прощай, выходит. Счастливо оставаться. Передавай нашим привет, еще неизвестно, доведется ли когда свидеться».

Машины продолжали двигаться по улице. На цистернах я заметил надпись: «Осторожно! Желудочный сок!». Жена Миртила уронила большую коробку, Миртил побежал к ней, отчаянно ругаясь. В полном расстройстве я отцепился от впившейся в мое плечо с нечеловеческой силой госпожи Эвридики и вернулся домой.

«Что там? — спросила Гермиона. — Собирать чемоданы?» Артемида стояла посреди комнаты и испуганно переводила взгляд с меня на Гермиону. Я махнул рукой, побежал к телефону. Позвонил в полицию.

Дежурил Пандарей. На мой вопрос о ситуации он ответил, что ситуация под контролем, Минотавр спит, а пикетчики оштрафованы. Что же до Полифема, то принято решение его на первый раз просто предупредить.

«При чем тут Полифем? — спросил я с раздражением. — Что происходит в Марафинах?» — «Марафины не сожгли», — ответил он и положил трубку. Черт знает что! Опять что-то случилось, и опять никто ничего не знает.

В мэрии никто не отозвался. Я снова позвонил Пандарею. На этот раз он объяснил. Оказывается, шла экстренная отгрузка в Марафины остатков желудочного сока, хранившихся на железнодорожной станции. Просто машины за неимением других применили армейские. Сейчас все уже закончено, что же касается ремонта дорог, пострадавших от армейских гусениц, то его обещали сделать за счет Министерства обороны.

Я положил трубку и медленно перевел дух. Не мог сразу ответить... Ну ладно, слава богу, все оказалось обычной транспортно-погрузочной операцией. Просто, как это обычно у нас бывает, никто никого не оповестил. Я отошел от тумбочки с телефоном и подошел к окну.

Колонна автомобилей с цистернами сока наконец миновала. Только вдалеке еще какое-то время слышно было металлическое громыхание и рокот двигателей. Я объяснил женщинам, что происходит. Гермиона в сердцах плюнула и потащила приготовленные было чемоданы назад в чулан. Артемида зевнула и пошла спать.

Я совсем уже собрался последовать ее примеру, как неожиданная мысль пришла мне в голову. Допустим, все обстояло так, как сказал Пандарей. Но при чем тут пожар, который был виден со стороны Марафин? Снова вернувшись к окну, я осторожно выглянул наружу. Здесь уже все стихло. Зарево погасло, я даже подумал — а не почудилось ли мне? Но нет, я же точно видел, огонь занимал полнеба.

Соседи разошлись, кто-то увел и рыдавшую в истерике госпожу Эвридику. Внизу была видна только одинокая фигура Миртила, неподвижно глядящего вслед скрывшимся цистернам.

15 сентября
(утро)

Газеты вышли вовремя, и это говорило о том, что ничего такого из ряда вон ночью не случилось. Я немедленно принялся искать сообщения о ночных происшествиях. Ничего. Пресс-конференция премьер-министра об экономических реформах. Приватизация, как там было сказано, «отдельных объектов системы здравоохранения». Пунктов, значит, донорских. Это мы уже поняли. Реформы, реформы... Знаем мы эти реформы. Черные рубашки тоже начинали с заявлений о необходимости оздоровления экономики. А чем кончилось? Фронт, котел, лесоповал. И очередное оздоровление нации. Ох-хо-хо, господа реформаторы...

Еще одна статья доктора Марсия. Положительно необходимо выяснить у Харона, кто же это такой. Весьма смелые взгляды выражает, хотя и несколько безапелляционен. Впрочем, возможно, только на мой взгляд. Я все-таки человек консервативный. На этот раз он выражал серьезное сомнение в целесообразности сдачи желудочного сока. Оказывается, с медицинской точки зрения этот процесс не столь безобиден, как думали раньше. Действительно, у меня тоже последнее время побаливает желудок. И как раз после сдачи сока...

Гермиона все еще спала, вниз не спускалась, так что я позволил себе к чашке кофе рюмку коньяка. Интересно, если мы еще два года назад приняли решение о демилитаризации и значительном сокращении армии (строго говоря, не мы приняли решение, а марсиане), то откуда вдруг появилась ночная бесконечная колонна? А я еще спрашиваю, почему задерживают выплату пенсии...

На почту я отправился скорее по привычке, нежели в надежде на получение (наконец-то) пенсии. Погода была традиционно-дождливой и ветреной. Я машинально взглянул в сторону Марафин — откуда ночью полыхало грозное зарево. Может быть, мне показалось, но небо в той стороне затягивала темно-серая дымка. Нет, скорее все-таки показалось, скорее это дождевые облака.

Мостовая вся была покорежена следами гусеничных траков. Я вспомнил слова Пандарея о ремонте. Ну да, как же, так тебе армия и станет на это тратиться. Нет, похоже, опять все будет делаться силами и средствами мэрии, а средств и сил нет, так что придется неизвестно сколько времени спотыкаться о выбоины и терпеть. Терпеть, терпеть...

Проходя мимо стационара (бывший особняк господина Лаомедонта), я обратил внимание на весьма внушительных размеров толпу. Люди тихо стояли у входа. Я проследил за направлением взглядов и обнаружил, что все читают новую вывеску. Она висела на месте старой и гласила, что отныне в здании располагается не донорский пункт, а предвыборный штаб кандидата в мэры нашего города господина Лаомедонта. Вот так та́к! А мы еще не принимали всерьез слова Пандарея. Почему бы и нет, собственно? Чем это господин Лаомедонт хуже нашего нынешнего, с позволения сказать, господина мэра? Что этот ворюга, что тот... Интересно, где теперь будут собирать желудочный сок?

Я постоял немного, послушал, но все молчали, пряча друг от друга глаза. Конечно, непривычное объявление, не так легко подобное принять сразу же и всей душой. Я пошел дальше.

Город весь был увешан предвыборными плакатами господина Лаомедонта. Господин Лаомедонт был изображен красавцем, сверкающим белозубой улыбкой и приветственно поднявшим руку. На некоторых плакатах он никого не приветствовал, а держал в руках рог изобилия, обрушивающий на наш город все мыслимые и немыслимые блага. Поглядим, поглядим. Странно, что никаких других кандидатов не было ни видно, ни слышно. Ну, с этим пусть разбирается окружная избирательная комиссия.

На почте все было по-прежнему — никаких пенсий. Правда, над окошком выдачи — тоже плакат господина Лаомедонта. На этом плакате кандидат в мэры протягивал мне крупную купюру. На купюре значилось: «Помощь нуждающимся и немощным».

По дороге домой заглянул в трактир к Япету, вспомнил, что вышел из дома, не позавтракав толком. Взял бифштекс по-фермерски, поджаренные булочки и кружку пива. Япет поставил заказ, рассеянно пожелал приятного аппетита и вернулся к стойке. Я не сразу заметил причину его рассеянности. Как не обратил поначалу внимания на то, что в трактире было непривычно тихо. Хотя почти все наши оказались уже здесь. И все читали газеты. Неужели я пропустил что-то важное? Я отставил бифштекс в сторону и заглянул в газету, которую держал перед собой ветеринар Калаид. «Вестник Милеса». Конечно, я-то утром просмотрел только нашу городскую. Наскоро позавтракав, я оглянулся в поисках свободного экземпляра.

Первым оторвался от чтения Парал. Против ожидания он не отпустил никаких язвительных замечаний по поводу прочитанного. Огляделся по сторонам с видом несколько обалделым и сказал: «Вот это да...» Я попросил у него газету. Он молча протянул ее мне, ткнул пальцем во вторую полосу, а сам закурил сигарету и задумчиво окутался белесым дымом.

Я спешно принялся за чтение. Статья называлась «Нам не зажать рот» и была написана господином Корибантом. А рассказывалось в ней о непримиримой борьбе автора статьи со зверской правительственной цензурой, в свое время вычеркнувшей в его поэтической публикации, подписанной «Икс-Игрек-Зет», слова: «А на далеком горизонте зловещий Марс горит пожаром...» Едва я начал читать, как у меня тут же появилось чувство, что за мной наблюдают. Я осторожно огляделся. Нет, все сидели, уткнувшись в газеты. Видимо, ощущение появилось от смелости сказанного в статье. Конечно, на первый взгляд повод мелкий — лирическая строка, вырезанная чересчур бдительным чиновником. Но автор не скупился на язвительные выпады в адрес властей вообще, на филиппики в защиту свободы слова и тому подобное. Что же до чтения между строк, то тут можно было усмотреть и того больше.

Нет, положительно, происходят какие-то перемены. Я еще не знаю, к лучшему ли, но — происходят. Почти

с отчаянием подумал я о все еще отсутствующем Хароне. Конечно же, он участвует в этих переменах. Так позвони же, скажи, черт возьми, что происходит! Чего нам ожидать? А ведь он-то мог бы, наверняка мог бы рассказать.

Я снова пробежал глазами статью. Наш мэр прямо назывался пособником столичных властей (ясно, что автор метил в марсиан) и провинциальным интриганом.

16 сентября

Не погода, а просто наказание. Ветер и дождь, ветер и дождь. Правда, температура прежняя — десять градусов по Цельсию. То ли из-за погоды, то ли от нервов, но экзема моя обострилась настолько, что ни о чем другом не могу думать. Ни мази, ни таблетки, купленные у Ахиллеса, не помогают. Пишу и чешусь, чешусь и пишу. Из дома не выходил и выходить не собираюсь, лучше уж терпеть ворчание Гермионы, чем узнавать новости, погружающие и мозг, и душу в самый настоящий хаос. Где же, в конце концов, Харон? И что происходит на свете? Впечатление такое, что в обществе вот-вот взорвется бомба — куда там атомной.

17 сентября

Все-таки есть в природе нечто не поддающееся рациональным объяснениям (уже не в первый раз мне приходится об этом писать). Я имею в виду человеческую способность к пророчествам, предсказаниям и предчувствиям. Пусть на уровне смутных прозрений, на уровне, может быть, подсознания, но есть, есть. Вот, написал вчера: «В обществе вот-вот взорвется бомба». И что же? Взорвалась! Причем прямо с утра. Взорвалась-таки бомба. Даже сейчас, по прошествии нескольких часов, стоило мне вспомнить об этом — и тут же начали дрожать руки. Да,

бомба взорвалась, и взрыв этот явился в виде очередной статьи в «Вестнике Милеса».

Уже одно название, вынесенное в заголовок гигантскими буквами, шокировало читателей — «Есть ли жизнь на Марсе?».

Сама статья занимала целую страницу. В ней автор, некий доктор Махаон (ни разу не слыхал этого имени) обстоятельно и академично, со множеством цифр и ссылок на авторитетнейших ученых — астрономов, биологов и т. д. — доказывал: вот уже миллионы лет на Марсе нет никаких признаков жизни. В лучшем случае — одноклеточные, типа земных амеб. Что же касается загадочных вспышек, наблюдавшихся два месяца назад астрономами Милесской обсерватории, то они, скорее всего, имеют характер вулканический.

При всей обстоятельности и академичности общий тон статьи показался мне откровенно оскорбительным — особенно в конце, когда господин Махаон начал иронизировать по поводу «легковерных обывателей, обожающих сенсации и упрямо не желающих расставаться с антинаучной точкой зрения». «На Марсе жизни нет и никогда — в обозримом историческом прошлом — не было», — так заканчивалась статья. Из чего можно было сделать вывод: а кто не согласен, тот дурак. Не люблю я эту безапелляционность нынешних, с позволения сказать, ученых. Вот и доктор Марсий грешит ею. Каждый считает себя гением, а возможных оппонентов — ничтожествами. Не то чтобы я принципиально возражал против положений статьи, но против недопустимо критиканского тона, кроющегося за кажущейся академичностью — да, безусловно.

Обсуждать прочитанное с Гермионой бесполезно, Артемида опять куда-то запропастилась. В полном расстройстве я позвонил в редакцию городской газеты господину Корибанту, заместителю Харона, и спросил, читал ли он статью в «Вестнике Милеса». На мой вопрос господин Корибант ответил, что еще не успел, но, если я хочу узнать подробности предвыборной платформы кандидата в мэры господина Лаомедонта, то он весьма советует не пропустить сегодняшний номер нашей газеты.

Как будто кого-нибудь может интересовать предвыборная платформа господина Лаомедонта в то время, когда неизвестно, есть ли жизнь на Марсе, или ее нет.

Я попытался дозвониться до мэрии, но там никого не было. Автоответчик сообщал одну и ту же фразу: «Извините, мэрия временно не работает, по всем вопросам обращайтесь через три дня к секретарю». Несмотря на то что автоответчик говорил нежным голоском очаровательной Тионы, никаких теплых чувств он у меня не вызвал.

Поистине, безответственность наших сограждан перешла всякие границы. И не только господина Корибанта или мэра, но и моего дорогого зятя. На Марсе жизни нет, а он торчит в столице и в ус не дует!

Словом, ничего мне не оставалось делать, кроме как отправиться в трактир и попытаться узнать хоть что-нибудь.

Предвыборные плакаты и портреты господина Лаомедонта по-прежнему красовались на всех стенах и во всех витринах. И вот что удивительно: мальчишки всегда обрывали афиши и объявления, а тут, несмотря на то что прошло целых два дня, ни один листок не был даже надорван. Может быть, кто-то специально следит за порядком? Слава богу, хоть что-то стабильное в этом безумном мире.

В отличие от сотрудников редакции и членов городского совета, наши были заняты обсуждением статьи в «Вестнике Милеса». Едва я вошел, все точно по команде повернулись в мою сторону, я даже немного встревожился.

«А вот Аполлон, — сказал Димант, — он у нас учитель астрономии, пусть ответит». Как будто можно объяснить научную теорию Полифему или, тем более, Пандарею! Однако делать нечего. Пришлось прочесть целую лекцию. Клянусь, никогда я не волновался так, как в этот раз! Я постарался говорить с максимальной объективностью, тщательно подбирая слова, потому что, в отличие от чиновников, прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько серьезна и опасна тема. Я ссылался и на теории Птолемея, и на новейшие исследования докторов Бриарея и

Котта из Марафинской астрофизической обсерватории. К концу я чувствовал себя словно на защите диплома в университете.

Некоторое время все молчали. Потом Полифем задиристо спросил: «Ты можешь ясно ответить: есть жизнь на Марсе или нет?» Ну вот попробуй такому что-нибудь объясни! О чем же я толковал перед ним битых полчаса? Не дождавшись ответа, Полифем тут же сделал вывод: «Все ясно, старички, это провокация. Этот Махаон — марсианский агент. Решил усыпить бдительность, сволочь. Дескать, жизни на Марсе нет и не было, так что живите спокойно, все в полном порядке. А они пока что приберут все к рукам». — «А что, есть еще что прибирать?» — ядовито поинтересовался Парал. «Нет, — сказал Димант, — тут надо подумать как следует. Может, сегодня на Марсе жизни и правда нет. Вчера, может, была, а сегодня — нет». — «А куда ж она, по-твоему, могла деться? — ехидно спросил Парал. — Это пенсия сегодня — есть, а завтра — тю-тю. Марсиане — не пенсия». — «Это точно, — подтвердил Полифем. — Насчет пенсии — это правильно. А насчет марсиан — не может такого быть, чтобы не было. Кто-то же нас завоевал? Или не завоевал? Кто-то за наш желудочный сок платил? Или не платил?»

Тут он замолчал. Потому что всем, как мне показалось, пришла в голову одна и та же мысль. Первым ее высказал Морфей. «Старички, — сказал он. — А что, если их всех того... А?» — «Кто? — спросил Полифем. — Лаомедонт, что ли?» И все снова замолчали. Потому что вот как раз-таки господин Лаомедонт, по мнению большинства наших сограждан, очень даже мог — не только марсиан, но и кого угодно.

Я высказался в том смысле, что сомнения в жизни на Марсе высказывались учеными давно. «Да ладно тебе, — сказал Полифем. — Нашелся тоже ученый. Астроном-гастроном».

Все-таки грубость и бесцеремонность его бывают порой просто возмутительны. В конце концов, что может понимать в астрономии одноногий отставной унтерофицер?

Заика Калаид задергался, зашипел. Когда все к нему обратились, он выдавил из себя: «Ж-жизнь на З-земле з-за-ародилась м-милл-лиа-ард лет наз-зад...»

«Отчего же, — съязвил Парал. — Может, они нашим желудочным соком отравились?» — «Так этим сволочам и надо», — заявил Полифем. «Ну нет, — возразил Ахиллес, — в статье-то сказано: миллион лет как жизни на Марсе нет...» — «Мало ли что там сказано». Тут в разговор вмешался Зет, двоюродный брат Калаида. «Старички, — задумчиво произнес он, — а откуда Минотавр обо всем заранее узнал? Вот ведь и напился еще неделю назад. Ведь не просто так напился...»

«А кто же теперь будет платить за желудочный сок?» — спросил вдруг Борей. После этих слов воцарилась глубокая тишина. Действительно, если марсиан нет — неважно, по какой причине, — то как же теперь будет с желудочным соком?

Полифем налился кровью, положил костыль поперек стола и широко открыл рот. По всему видно было, что он сейчас призовет нас всех то ли на Марс, то ли еще куда. Но тут дверь отворилась, и в трактир вошел неожиданный посетитель. При его появлении мы мгновенно забыли и о статье, и о марсианах, и даже о желудочном соке. Потому что к нашему столу, в сопровождении молодого Эака и с обаятельной улыбкой на устах, приближался не кто иной, как кандидат в мэры господин Лаомедонт!

«Здравствуйте, друзья! — сказал он. — Прекрасная сегодня погода, верно?» Каждый из нас ответил на приветствие по-своему: кто кивнул, кто промычал что-то невразумительное, кто сделал вид, что не слышит. Господин Лаомедонт выглядел довольным. Остановившись перед столом, он произнес небольшую речь о том, как славно заживем именно мы — сидящие здесь конкретные люди — под его, господина Лаомедонта, руководством. Надо только не забыть проголосовать через месяц именно за него.

«А памятные открытки, — добавил он, — вам вручат сейчас». Эак тут же раздал всем запечатанные конверты, после чего господин Лаомедонт нас покинул. Любопыт-

ный Полифем тут же разорвал конверт. «Ух ты, — сказал он, — хорошенькое напоминание. Старички, тут сотенная!»

Действительно, в каждом конверте оказалась сотенная купюра и открытка с портретом господина Лаомедонта.

«Фальшивка, — убежденно заявил Парал. — Что он, дурак, что ли, — такими деньгами разбрасываться?» — «А мы проверим», — сказал Полифем и заковылял к стойке. У стойки Япет долго рассматривал купюру на свет, мял ее, нюхал. Наконец сказал с тяжелым вздохом: «Настоящая».

Мы онемели. А Полифем уже заказал себе рюмку самого дорогого коньяку. «С дрянной собаки хоть шерсти клок, — заявил он. — Хрен я за него проголосую».

Действительно, как бы сладко ни улыбался господин Лаомедонт, как бы ни швырял деньгами, но иметь в мэрах гангстера — это, знаете ли, как-то...

К проблемам, затронутым в статье доктора Махаона, мы больше не возвращались. Да и что толку спорить? Все равно — никто и никогда не узнает правды о марсианах.

18 сентября

(первая половина дня)

Из-за экземы я с трудом уснул накануне. И спал плохо, видел отвратительные сны. Под утро мне вообще приснилось нечто невообразимое: Минотавр и Лаомедонт, оба пьяные вдрызг, едут в обнимку верхом на цистерне с надписью «Желудочный сок». Проснулся совершенно разбитым, а вспомнив все новости последней недели, так и вовсе почувствовал себя только что не на кладбище.

Не знаю почему, но возвращения зятя я уже ждал не просто с нетерпением, а, как писали в старых романах, — «сгорая от нетерпения». Мне почему-то казалось, что вот приедет Харон и все, по крайней мере, объяснит. Боже мой, когда же я наконец научусь: ни от событий, ни от

объяснений нельзя ждать ничего хорошего. В таком мире мы живем.

Так оно и произошло. Что же — Харон наконец-то вернулся. Был он мрачен и настолько озабочен, что даже не обратил внимания на неуверенную улыбку и бегающие глазки Артемиды. Так я и не удосужился с ней серьезно поговорить. Вечно что-то мешает: то одно, то другое. Слава богу, повторяю, что Харону, похоже, не до того было, семейного скандала я бы, наверное, не перенес.

Приехал он к обеду. Спасибо лаомедонтовым деньгам — Гермиона с утра отправилась по магазинам, так что к возвращению Харона у нее и впрямь получилось нечто вроде праздничного стола.

Увы, зять мой, как всегда, и на это не обратил никакого внимания. Впрочем, Гермиона привыкла и давно уже не обижалась на подобное поведение.

Мне не терпелось узнать, какие новости он привез из столицы, но я сдерживал вполне естественное любопытство, понимая, что новости могли оказаться не очень приятными. Во всяком случае, не предназначенными для женских ушей. Поэтому я сидел молча в ожидании обеда, а Харон быстро просматривал газеты, изредка ругаясь шепотом. Содержание некоторых номеров, по-моему, приводило его в настоящую ярость.

Вошла Гермиона с супницей, разлила по тарелкам и тихонько вышла. Еще один признак всеобщей растерянности. Обычно они с Артемидой стараются присутствовать при всех мужских разговорах. А тут тихонько уселись в кухне. Ну Артемида — понятно почему. Но и Гермиона не предприняла никаких попыток остаться в нашем обществе.

Обед закончился в молчании, но за десертом я все-таки спросил обычным, по возможности беспечным, тоном: «Что новенького?» — «Новенького? — Харон нехорошо усмехнулся. — Боюсь, что очередная смена властей, отец».

Я не поверил собственным ушам. Хотя, если разобраться, именно этого следовало ожидать.

«То есть как? — спросил я. — А марсиане?» Харон пожал плечами. «Разве вы не читали газет? — спросил

он. — Вот, например, доктор Махаон доказывает, что жизни на Марсе нет вот уже более миллиона лет. А раз нет жизни, то и марсиан, соответственно, тоже. И не было».

Все это он говорил с нескрываемым сарказмом. Я счел это вполне естественной реакцией на непроходимую и очевидную глупость газетных публикаций и решил подождать, пока он немного успокоится. Но он продолжал говорить.

То, что я узнал, повергло меня не то что в шок. Я даже не могу подобрать правильного определения своему тогдашнему состоянию. Правильнее будет охарактеризовать его как временное полное отупение. Только и сумел выдавить: «Как это может быть? Как они могут с нами так поступить?»

На что Харон ответил, что еще как могут, потому что с нами только ленивый не поступает, как захочет.

По его словам, выходило так, что марсиане еще около месяца назад начали интенсивную подготовку к возвращению. Загрузили все запасы сока, выкачанного из наших желудков. И наконец улетели.

Я вспомнил вереницу цистерн, проходивших ночью через наш город. Мне стало нехорошо. Что же это получается, господа марсиане? В тот самый момент, когда народ в вас поверил и даже ощутил некую благодарность — за то, что вы наконец позаботились о нем, обеспечили ему стабильное и безбедное существование, обеспечили источником дохода, не зависящим от инфляции, девальвации, приватизации, национализации и бог знает чего еще, — в этот самый миг, повторяю, вы вдруг закрываете пункты приема желудочного сока! Мало того — вы выпускаете из тюрьмы господина Лаомедонта, которым он, этот народ, был сыт уже по горло! И вы еще смеете считать себя цивилизованной властью? Вы такие же эгоисты и гангстеры, господа, как господин Лаомедонт и его подручные, ничуть не лучше. Хоть вам и удалось пересечь космическое пространство.

В конце Харон сказал: «Вот так-то, отец. Они нас покинули. Улетели. Фью-ють! И сделали ручкой. Так что никаких марсиан больше нет. А насчет того, были ли они,

тут доктору Махаону виднее». — «Но послушайте, Харон, они же просто не имеют права! — в полной растерянности промямлил я. — Существует же, в конце концов, какая-то ответственность. Перед обществом, перед людьми. Сейчас, когда народ принял их наконец с открытой душой, когда мы нашли общий язык, когда впервые — за столько-то лет! — никто не ругает власти... Ну не без претензий, конечно...» Я смутился и замолчал под ироничным взглядом моего дорогого зятя. Но все-таки сказал: «А как же желудочный сок?»

«Собственно, почему вы думаете, что их потребность в сем субстрате бесконечна? — с интересом спросил Харон. — Вам никогда не приходило в голову, что им нужно конечное, вполне определенное количество и что, получив его, они попросту уберутся восвояси?»

Нет, конечно же, нет. Никогда такое не приходило мне в голову.

«Представьте себе, — заметил Харон. — А ведь я писал об этом. Да и не один я». Как будто в нынешней ситуации может иметь серьезное значение — кто о чем писал.

Наш разговор прервался неожиданным образом. В столовую вошла Гермиона. Глаза ее были широко раскрыты, и она, по-моему, заикалась, почти как Калаид. Во всяком случае, ни я, ни Харон не смогли разобрать звуки, которые она издавала. В конце концов под нашими недоуменными взглядами она и вовсе замолчала, только указала рукой на входную дверь. Мы с Хароном одновременно посмотрели туда. Не знаю, как у моего зятя, а у меня немедленно появилось желание если не исчезнуть, то сделаться очень маленьким.

Дверь распахнулась, и на пороге нашей уютной семейной гостиной появился господин Лаомедонт собственной персоной. Он сделал вид, что не замечает нашего изумления. Улыбнулся точь-в-точь как на предвыборном плакате, в левой руке на отлете — шляпа. Пока я собирался с мыслями, господин кандидат в мэры прочувствованно пожал мне руку и, по-моему, даже справился о здоровье. Пишу так неуверенно, потому что не очень контролировал собственные мысли в тот момент. Повернувшись к Харону,

господин Лаомедонт попросил того уделить ему несколько минут для важного разговора. Харон молча указал ему на дверь своего кабинета, и они скрылись там.

Я осторожно выглянул в прихожую. Оказывается, господин Лаомедонт прибыл в сопровождении Эака и Никострата. Оба молодых человека держались официально. Я сделал неожиданный вывод: они были похожи друг на друга, как родные братья. Или так только казалось — из-за общего выражения лиц? Никострат старательно делал вид, что не узнает Артемиду, стоящую в двух шагах от него.

Я вернулся в столовую. Мы с Гермионой посмотрели друг на друга и, по-моему, вспомнили об одном и том же — о злосчастной статье Харона, в которой нынешний кандидат в мэры был назван обыкновенным гангстером.

Я на цыпочках подкрался к двери в кабинет и прислушался. В этот самый момент господин Лаомедонт сказал: «Интересы демократии...» Дальше я не расслышал, но мне стало по-настоящему плохо. Когда господа лаомедонты говорят о демократии, здравомыслящий человек испытывает неодолимое желание немедленно последовать примеру Миртила. То есть сбежать как можно дальше и сидеть как можно тише.

Что ответил Харон, я не расслышал. Вскоре господин Лаомедонт вышел. Харон сопровождал его. Лицо моего зятя было совершенно бесстрастно. Лицо кандидата сияло доброй улыбкой.

«Надеюсь, вы передумаете», — сказал он. Повернувшись к нам с Гермионой, произнес: «Всего хорошего».

На этот раз ни Гермиона, ни Артемида не усидели в кухне. Мы стояли втроем в каком-то столбняке и во все глаза смотрели на Харона, ставшего с уходом новоиспеченного кандидата еще более мрачным.

Оглядев нас по очереди, всех троих, Харон сообщил: «Господин Лаомедонт желает принять меня на работу».

Честно говоря, я ожидал услышать совсем другое. «На работу? — недоверчиво переспросила Артемида. — На какую работу?» Тогда Харон с неприятной усмешкой сообщил, что господин Лаомедонт, ценя его высокие

профессиональные качества и принципиальность позиции, предложил стать пресс-секретарем предвыборного штаба. А может быть, принять участие в кампании в качестве кандидата на пост вице-мэра. Естественно, при мэре Лаомедонте.

Гермиона прижала руку к груди и медленно опустилась на диван. Артемида молча хлопала глазами. Я осторожно нащупал стул за спиной и тоже сел.

«Мало того, — добавил он, — мне предложена зарплата, в несколько раз превышающая нынешнюю».

Мне оставалось только развести руками и поблагодарить бога. Но по лицу моего зятя я видел, что не всё с этим предложением обстояло гладко.

«И что же? — осторожно спросил я. — Надеюсь, вы согласились?» Харон посмотрел на меня так, будто я спросил: «Надеюсь, вы согласились ограбить Национальный банк?»

«Разумеется, нет, — ответил он. — Неужели вы не знаете, что из себя представляет этот тип? Как вы могли предположить, что я соглашусь?»

Артемида задохнулась от негодования и пулей вылетела из гостиной. Гермиона последовала за ней.

Я понимаю, что есть идеалы. Есть принципы. Человек не может жить без принципов. Прекрасно! Вот же он, удобный момент для того, чтобы попытаться воплотить их в жизнь! «Харон, — сказал я. — Не мне вас судить, вы человек взрослый. Не знаю, может быть, он предложил вам что-то противозаконное?» — «Противозаконное? Конечно, нет. Я просто должен буду создать образ идеального избранника народа из этого уголовника!»

Нет, все-таки его не переделаешь. Но я не мог уйти просто так, я должен был объяснить ему то, чего он не видел. При всем своем уме и всей своей принципиальности.

«Послушайте, Харон, — сказал я, — нельзя же так, в конце концов...» — «Как? — спросил он обманчиво-кротким голосом. — Как нельзя, отец?»

Ох как я не люблю выяснять отношения... Еще со времен женитьбы. Покойница как раз очень любила рас-

ставлять все точки и прочие знаки препинания. Артемида в этом отношении многое взяла от матери. А вот я не могу. Не могу! Стоит подумать о каком-то принципиальном споре, как я тут же — заранее — начинаю чувствовать себя виноватым. Неизвестно в чем и неизвестно почему. Начинаю сомневаться даже в очевидном. Причем состояние это никоим образом не связано с уверенностью в собственной правоте. Вот знаю, что прав, а чувствую себя виноватым.

Словом, пока я мучительно искал слова, которые не обидели бы моего зятя и в то же время прояснили для него реальную ситуацию, в гостиную вошла Артемида. Не вошла, а влетела. Глаза горят, щеки красные. Девица-громовержица, да и только. Я на всякий случай быстренько ретировался в дальний угол. Артемида встала с грозным видом напротив мужа, подбоченилась и выдала ему. Честное слово, мне даже стало неловко. Неприятно слышать от собственной дочери выражения подобного рода. Да и она к тому же сама не без греха... Так что я старался не слышать ее тирады.

Но, с другой стороны, я ее понимаю. Я Харона не понимаю. И не хочу понимать.

Артемида объяснила мужу, кем его считает. Самым мягким словом было, по-моему, слово «мул». После чего хлопнула дверью — теперь уже основательно.

На зятя жалко было смотреть. Взгляд, который он бросил на меня, просил о помощи. И я сказал: «Харон, мальчик мой. Не хочу обвинять вас в чем бы то ни было, вам и так тяжело. Но согласитесь, ведь часть вины за происходящее — и немалая часть — лежит на вас».

Харон уставился в дверь. Вид его стал отрешенно-задумчивым, и это меня приободрило. Я продолжил: «Ведь это вы — да-да, именно вы — несете значительную часть ответственности за то, что происходит! В глубине души вы знаете, что я прав. Вы не хотите кривить душей, идти против принципов. Очень хорошо. Вы верите в идеалы. Замечательно. Но ведь все это на словах! Что выходит на деле из этой вашей принципиальности, вы подумали?»

Теперь он уставился на меня, как давеча в дверь. Вид его из отрешенно-задумчивого стал удивленным. «О чем вы говорите, отец? — спросил он. — Я понимаю, что она ваша дочь, но, между нами говоря, самая настоящая шлюха!»

Я задохнулся. Нет, говорить с ним решительно не стоило. Я последовал примеру Артемиды — хлопнул дверью и ушел к себе.

18 сентября
(вечер)

Я ходил по комнате, натыкаясь на мебель, и дискутировал с зятем. То есть в действительности я был в полном одиночестве. Харон отправился разыскивать сбежавшую жену, Гермиона занималась хозяйством. А я поднялся к себе — выпить рюмку коньяку и успокоиться. Но успокоиться не смог. Слова переполняли меня, я должен был выговориться. Мне представилось, что Харон сидит в кресле напротив, а я расхаживаю перед ним и говорю: «Вы критиковали нашего старого премьер-министра, обличали коррупцию в его окружении. И вы преуспели в том, что эти обвинения стали общим местом. Может быть, именно поэтому, когда появились марсиане, то никто, кроме кучки свихнувшихся идеалистов — извините меня, Харон, но это так, — никто и не подумал вступиться за старую власть. Власть сменилась. Появились марсиане. И что же? Пробовали вы найти общий язык с ними? Не критиковать, но указывать — честно и принципиально — на их ошибки? Вам ведь позволили это делать! Вам даже предложили — цивилизованно, по-деловому. А что же вы? Со всей язвительностью обрушились на них! Каков результат? — Я осуждающе покачал головой. — Марсиане ушли. Может быть, и из-за вашей позиции тоже. Они ведь считали вас элитой общества! Вы отвергли союз с ними. Каков итог на этот раз? Долгожданная свобода? Да ничуть не бывало! Просто нас, слабых и беззащитных, вы

лишили хоть и небольшого, но стабильного источника дохода. Микроскопических средств к существованию. Тех самых, которых не обеспечите нам ни вы, ни вам подобные».

Я замолчал, чтобы просто перевести дух. Воображаемый Харон, разумеется, не возражал.

«Теперь появляется новая власть, — продолжил я тоном ниже. — Да, не идеальная. Да, может быть, в прошлом преступная. Этой новой власти сейчас мало кто доверяет. Ей, помимо всего прочего, недостает опыта. И она пытается протянуть руку вам, опереться на вас, справедливо полагая, что вы поможете ей навести порядок в нашей несчастной стране. И что же вы? Отвергаете — с типичным интеллигентским презрением и высокомерием!»

«И вы считаете, что народу нужны именно такие правители? — с обычным своим сарказмом спросил бы Харон. — Гангстеры? Вы верите, что они будут заботиться о нашем спокойствии и благоденствии? Вы правда так думаете?»

Тогда я рассказал своему воображаемому оппоненту о разговоре с господином Никостратом, о фонде, созданном господином Лаомедонтом для поддержки нуждающихся.

«Согласитесь, — сказал я, — согласитесь, Харон, ведь у этого человека в избытке есть то, чего так недостает вам. У него есть хватка, есть энергия, есть желание что-то реальное осуществить. Да, он шел против государства. Против общества. Но... вы ведь тоже были оппозиционером! Просто ваша оппозиционность — она в белых перчатках. А он... Что ж, ему не хватало культуры, образования, он попросту не знал, куда приложить силы. И оказался в конфликте с законом. Так помогите ему! Направьте его энергию в нужное русло!»

Конечно, я не смог бы переубедить его — вот так, сразу. Но я бы сказал то, о чем думал давно. Я сказал бы: «Харон, вы всегда говорили о государстве. Об обществе. О народе. Но сами-то вы за этими абстракциями никогда не видели реальных людей. На самом деле вы не любили народ. Вы любили собственную любовь к этому абстрактному понятию. Вы не знали практических нужд

народа. Не знали, чего же в действительности он хочет. Чего хотим все мы? Так я вам скажу. Мы хотим покоя. Понимаете? Покоя. Мы устали. Вы хотите вновь бороться? На этот раз с господином Лаомедонтом? Ладно. Боритесь. Только не прикрывайте это заботой о народе. Вы не знаете, чего он хочет. Вы думаете — реформ, новых властей, порядочного мэра? — Я покачал головой. — Нет, друг мой. Мы хотим только одного — чтобы вы и вам подобные не трогали нас».

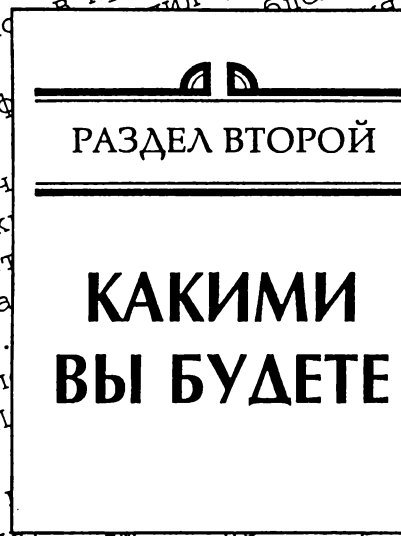
На этом я остановился и выпил еще одну рюмку. А потом записал все это сюда, в дневник. Перечитал. Нет, я не буду говорить Харону всего этого. Никогда люди, подобные ему, не поймут нас. Никогда.

Что ж, пусть поступает как знает. Хоть он и член нашей семьи, но имеет свою голову на плечах. Пусть выступает в своей газете против господина Лаомедонта, пусть обличает его прошлое (как будто это прошлое для кого-нибудь является тайной!). А я буду голосовать за господина Лаомедонта. Я хочу хотя бы под конец жизни почувствовать, что такое покой и уверенность в завтрашнем дне. Мне почему-то кажется, что только при новом мэре я смогу это почувствовать.

Странно, но сейчас я ощущал удивительную легкость. Выпил рюмку коньяка и лег.

Надо бы на днях навестить предвыборный штаб. Узнать — что да как. Почитать предвыборную программу, послушать. Кстати, показать эту запись. В конце концов, почему бы и нет? Я ведь писал это искренне, от чистого сердца. Я действительно так думаю.

Интересно, могу ли я рассчитывать на помощь от нового Фонда? И где, наконец, Гермиона?

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

КАКИМИ ВЫ БУДЕТЕ

От составителя

(продолжение)

Во втором разделе сборника представлены тексты, которые тоже можно было бы назвать «прямыми продолжениями» произведений братьев Стругацких. Тем не менее всем им присуща одна особенность, которая и позволила вынести их в отдельный раздел. Эта особенность — достаточно вольное отношение авторов к «первоисточнику». Можно даже сказать, что образы и реалии, позаимствованные авторами у Стругацких (и, кстати, весьма тщательно прописанные) — всего лишь декорации для их собственных идей и взглядов.

Открывает раздел короткая повесть Владимира Васильева, ученого, писателя и публициста из Ташкента. В годы перестройки этот автор опубликовал в журнале «Звезда Востока» несколько любопытных произведений, в том числе и большое эссе о творчестве Стругацких, а в последние годы — думается, по понятным причинам — практически исчез из поля зрения российских любителей фантастики. Особенность его нового произведения заключается в том, что это продолжение не столько повести братьев Стругацких «За миллиард лет до конца света», сколько «продолжение продолжения» — повести Вячеслава Рыбакова «Трудно стать Богом» из первого тома антологии. По-видимому, автор счел, что в своем произведении Рыбаков показал лишь одну сторону медали в противостоянии Человека и Мироздания, и решил доказать, что на эту проблему можно взглянуть и с другой точки зрения. Повесть Васильева довольно непроста для восприятия — по сути, это беллетризованный трактат, внутренний монолог героя, вокруг которого почти ничего не происходит. Однако мне думается, что среди читателей сборника найдется немало тех, кого «приключения мысли» увлекают не менее, чем «приключения тела».

Автор следующей вещи, Павел Амнуэль — из числа известных советских фантастов. Дебютировал он в довольно юном возрасте еще в начале шестидесятых годов, активно публиковался в семидесятые и восьмидесятые, но в начале девяностых перебрался из Баку в Израиль, где продолжает писать и ныне. Его повесть — вроде бы прямое продолжение «Жука в муравейнике», однако вдумчивый читатель быстро обнаружит, что между этими двумя произведениями существует довольно много нестыковок и несовпадений в антураже, терминологии, хронологии и образах героев. Взять хотя бы нарочитое использование некоторых элементов «киберпанка», которых нет и быть не могло в «Будущем по Стругацким». Поэтому мир этого «сиквела» по отношению к миру, описанному в «первоисточнике», следует рассматривать скорее как альтернативный. Тем более что базовая идея, заложенная автором в свое произведение, весьма нетривиальна — и с лихвой искупает все случайные (или, быть может, намеренные?) неточности.

А вот рассказ Александра Етоева, писателя из Санкт-Петербурга, члена Семинара Бориса Стругацкого, давнего моего друга и соавтора по ряду переводов, — это скорее лирическая и очень печальная зарисовка о «мире Полдня». События в ней описываются — но практически не объясняются. Однако Саша, судя по всему, и не ставил перед собой такой задачи. В его рассказе главное другое — стилистическая, образная и эмоциональная нысыщенность текста, превращающегося в финале в горький звон оборвавшейся струны.

Наконец, последний автор раздела — Леонид Филиппов. Хотя его повесть — дебют в литературе, в узком кругу профессионалов от фантастики эта личность давно и хорошо известна. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в выходные данные десятков книг отечественных фантастов, выпущенных издательством «Terra Fantastica» на протяжении ряда лет, и посмотреть фамилию редактора. Да и практически все тома серии «Миры братьев Стругацких» отредактированы тоже им. Впрочем, редактирование книг для Леонида — вроде как хобби и побочный заработок, поскольку в основной своей жизни он работает учителем в школе, где ведет такие, казалось бы, несовместимые предметы, как физика, литература и физкультура — уже одно это сочетание показывает, что он — человек неординарный. Должен сказать, что появление в сборнике повести Филиппова имеет гораздо менее «блатную» природу, нежели, скажем, произведений Ютанова и Етоева. Дело в том, что Леонид, принеся рукопись в издательство, долгое время морочил всем голову,

уверяя, что она написана одной его знакомой, пожелавшей скрыть свое истинное имя под псевдонимом «Ядвига Нелитова». Повесть мне понравилась, и я ее взял. И только на самой последней стадии подготовки сборника Филиппов раскрыл карты и признал свое авторство. *«Ты что, не понял прикола?* — спросил он меня. — *Достаточно прочесть псевдоним „Я. Нелитова" наоборот».* Короче, тот еще юморист. К своей повести автор (когда еще скрывался под псевдонимом) предпослал небольшое вступление. Публиковать его полностью я счел нецелесообразным, однако решил привести здесь один характерный фрагмент (разумеется, исправив родовые окончания): *«Я, собственно, не из этой тусовки. Не только не фантаст из „целого поколения, которое воспитали Стругацкие", но даже и не графоман. Честное слово! И никакого такого „вполне понятного" стремления дописывать книги Учителей у меня отродясь не возникало. Так что это — первый и последний раз. Очень уж накипело... Не знаю, стоит ли вообще приписывать писательскому труду воспитательные функции — темный это вопрос, оставим его теоретикам соцреализма. Но уж если так получилось — даже и помимо воли авторов, — что их книги оказали действительно огромное влияние на целое поколение, то откуда вдруг следует, что учеников следует искать среди писателей и только среди них? Ученики Стругацких — это не столько ученики Аркадия и Бориса Натановичей, сколько, конечно же, ученики их героев. Так что я и сам, как говорится,* ***по жизни*** *работаю учителем (что поделаешь — других способов быть Прогрессором нет), да и многие другие* ***ученики*** *заняты чем-то подобным. Хотя, конечно, есть и космонавты, и писатели, и ученые... Главное-то не* ***где, а кто!»*** Вполне разделяя пафос этих слов, скажу все же, что в данном случае речь все-таки идет о литературе. И если читатель (а редактор — это профессиональный читатель) может передать свою любовь к писателю в виде талантливого литературного произведения, то это уже о чем-то говорит. И хотя в повести Филиппова использованы многие приемы и обороты, характерные для творчества Стругацких, да и тема в принципе схожая — еще один вариант Большого Откровения, его произведение сугубо индивидуально. (Кстати, хотел бы обратить ваше внимание и на его некоторую перекличку с рассказом Рэя Брэдбери «Здравствуй и прощай».) Одним словом, я не стал бы зарекаться насчет «первого и последнего раза». Жизнь покажет.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

Богу — Богово...

(РУКОПИСЬ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО)

Художник Владимир Ноздрин

«...Можно много, очень много успеть за миллиард лет, если не сдаваться и понимать, понимать и не сдаваться...

...С тех пор все тянутся передо мной глухие, кривые окольные тропы...»

А. Стругацкий, Б. Стругацкий.
«За миллиард лет до конца света»

«...Значит, все-таки снова, как и прежде, спасибо Филу... Это опять было сродни озарению. Или откровению...

...Он повернулся и без колебаний пошлепал по грязной обочине шоссе... Смутное светлое пятно плаща постепенно удалялось, уменьшалось, погасли звуки шагов...»

В. Рыбаков. «Трудно стать Богом»

ью-ю-у-у... хлюп-хлюп-хлюп...» — прогудел на пределе слышимости шальной троллейбус.

«Стало быть, доберется», — с тоскливой заботой подумалось о Малянове. Заезженным шлягером крутилось: «И ты с ними, Брут...», и следом: «Друзей моих медлительный уход той темноте за окнами угоден...» Именно той — за окнами, а не этой, что внутри, которая рада и звезде на горизонте, и светлячку.

Но до чего же мерзко отдавать этой вонючей темноте друзей!

Ведь друзей теряешь не в разлуке и не в смерти, хотя тосклива разлука и непроглядна смерть; друзья умирают в душе. Когда вбегаешь в тайное тайных ее, где всегда обитал друг, и видишь пустоту: сквозняк гоняет пыльные шарики и скребет заскорузлым мусором по шершавому облезлому полу... И гаснет лампада. И хочется напиться до полного вырубона, однако ты никогда не уважал этот способ локального интеллектуального самоубийства. Ты всегда лечил свою душу работой. А ведь именно работать тебе и не дают... Но не на того нарвались!..

© Текст. В. Васильев, 1997
© Оформление. В. Ноздрин, 1997

«Нейтринное сканирование», — сказал Митька. Недурно. На уровне слабых взаимодействий вполне может быть. Только похоже, что он в своей божьерабской гордыне полагает, будто именно ему позволили додуматься до этой гипотезы, но обнародовать ее запретили. А тут этот бес Вечеровский попутал, заставил расколоться. Теперь будет трястись и раскаиваться и любую напасть воспринимать как божью кару за ослушание. У жены сердце прихватит, сыну нос расквасят или ребра пересчитают — всё кара.

Бедный Митька! Как можно так жить?! Неужели он не видит, что, несмотря на его примерное рабство, об него по-прежнему вытирают ноги. И именно благодаря рабству: вытягивается он по струнке или извивается, аки червь, — один хрен «кто-то топчет его сапогами...»

Нет, конечно, видит и даже приводит в доказательство того, что его шпыняют не за науку его, не за прозрение М-полостей звездных, а за помыслы высокие, за чрезмерную этичность целей, червю непозволительную, за потуги уподобиться Богу духом своим. А тот — хрен потусветный, терпеть не может конкуренции и тычет незадачливых соискателей божьей степени в дерьмо их собственного мира.

Неужели можно не замечать юродивости, пародийности этой картины мира? А ведь именно к ней приводят высокоумные маляновские измышления.

Порыв холодного ветра швырнул на незащищенную лысину (эффектный результат одного из экспериментов по контакту с Мирозданием) пригоршню мерзких капель...

«Плевок господень», — поежившись, усмехнулся Вечеровский и вытащил из кармана замурзанного плаща лыжную шапочку с нашитым поверх полиэтиленовым пакетом. Натянул ее на лысину.

«Гондон с крылышками... Уху-ху-ху...» — заухал он филином в темноту, представив себя со стороны. Формулировочка, конечно, не его. Не так воспитан. Но смачно. Хранит «геенна» носителей фольклора...

Не понравился я Малянову, — вернулся он к основному интеллектуальному потоку, — оч-чень не понравился

рабу божьему. Больно и тошно ему стало от вида и тона моего. С запашком-с... так ведь какое лекарство без горечи? Горечь-то и лечит. А тошнит — так тем паче... Прочистится... Пилюли от дурости сладкими не бывают. Только помогут ли? Сможет ли он превзойти такую спасительную, такую удобную, такую убаюкивающую идею Бога? То, что он уперся в нее рогом, — естественно. Не он первый, не он последний. Психика раба защищается от ужаса свободы... Свободы выбора. Вот и достанет ли сил превзойти то самое, что «дóлжно превзойти» по рецепту Ницше? Или Чехова, если милее звук имени... Когда твое «Я» вмещает не только твою бренную плоть, обремененную трясущейся душонкой, но и плоть души ближних твоих, а то и относительно дальних — соплеменников, сограждан, сопланетников, с которыми ты независимо от воли своей энергетически связан. И давление на тебя отзывается на них. Где болью сердца, где «этническими конфликтами». «Всё в мире связано с тобой...», и не метафорически, как у поэта, а физически — через полевую компоненту, если ты помнишь, что твоя, может быть, не слишком уютная, но вполне обжитая вселенная Ньютона-Эйнштейна погружена в пространство Козырева, где через энергетические потоки времени идет информационный обмен Мироздания...

Эх, Митька-Митёк, неужели ты думал, что я, положив жисть свою жестянку на наковальню Мироздания, не допру до общеизвестного «закона цефализации», то бишь закона усложнения информационных структур Универсума, а буду долдонить о своем разлюбезном Гомеостатическом Мироздании? Какого черта ты с пеной у рта орешь мне, что «не в гомеостазисе мы живем — в развивающейся системе!»? А то твой Филя-простофиля популярных книжек не читает, где это написано... Конечно, не читает. Потому что есть книжки посерьезней. Да и своя, хоть и лысо-рыжая, голова на плечах есть. Еще кой-чего и она могёт...

Нейтрино, конечно, заманчиво. Однако ты, Митрий, забыл о скорости обмена информацией. Скорость света при вселенских расстояниях никак не может обеспечить

информационного обмена твоему боженьке. Твой Бог обитает в твоей родимой вселенной Евклида-Ньютона-Эйнштейна, и ее константы делают его слепо-глухо-немым. Без информационного-то обмена... Ведь и нейтрино не могут преодолеть светового барьера. Так что ваша гипотеза, товарищ Малянов... Да-да, вам на роду написано быть товарищем. И никогда не стать господином. Как и мне, впрочем. Вот Вайнгартен — да! Он могёт! Всегда стремился. Не зря же его не любовницами пужали, как Захара, хотя у него их тоже — пруд пруди, и не бедами ближних, как тебя, а директорством соблазняли с пути истинного. И к «нобелевке» всю жизнь тянулся. Мне мое лауреатство до лампочки. А ему покоя не давало. Человек такой. Не плохой и не хороший, так устроен...

Черт возьми! Как я сразу не допер! Очень смахивает на то, что его ожидаемая «нобелевка» — новый вариант директорства!.. Он-то думает, что свободен, а его просто на более длинном поводке ведут. Ну не получилось с ревертазой. Утечка информации. Не он, так другой бы сделал. Лучше уж — он. Известно, как им управлять. Но это означает только то, что за его «ревертазой» открываются такие горизонты, которые ему еще и не снились. Я не спец, но, может быть, перспективы генетической трансформации «Хомо сапиенс» в «Хомо космикус». Освобождение от естественной, животной, как ты говоришь, экологической ниши. А за этим неизбежно грядет космическая инженерия, приспособление под себя новой экологической ниши. Тут-то и оказываются полезны твои, Дима, М-полости. Просто как элемент истины. Правильное понимание космических процессов, необходимое космическому инженеру, то бишь Богу, как его нынче понимают... А размышления Глухова, тростничка этого, весьма мыслящего, быть может, дают алгоритм взаимоотношений космических цивилизаций, хотя и на простеньком американо-японском примере. Есть в них нечто такое... Читал, вникал, не могу не признать... За что я его не люблю? За то, что был так высок и так быстро сломался? Да нет — тростник же. Ничего не стоит его палкой перешибить, а тут Мироздание... А за то, что отражение мое... Тут Ма-

лянов меня порадовал — не совсем тростничок-то, оказывается, сдался. Еще мыслит, хотя и с переломанным хребтом. Возродил веру в человека. Хитер Глухов — провел не только меня, но и Мироздание — так глухо лег на дно, несколько лет осознанно шел к одиночеству, чтобы обрести свободу.

«Свобода — это одиночество. Других свобод на свете нет...»

Правда, пока лежал на дне, потерял четкость мышления. Ничтоже сумняшеся, обосновал богоугодность российского скотства, то есть переложил ответственность за это скотство со стада и его поводырей на Господа Бога. Ему не привыкать расплачиваться за грехи человеческие — для того и сотворен, а человеку легче...

Похоже, пришла пора посетить сей тростничок, наложить шины... Глядишь, и выпрямится дух богатырский.

А Малянов-то, Малянов. Как ни тужился стать червем, не поддался его стараниям дух маляновский. Говорить он боится, писать он боится. Будто для Мироздания или для Бога есть какая-то разница в форме хранения информации! Главное, что эта информация появилась в мире... А торчит ли она в башке Малянова или в его записях — несущественно. Тем более когда он сообщает ее другому поднадзорному. Бедняга! Да на нем лица не было от страха, когда он выкладывал мне свои «откровения». И даже формулами подтвердил. Формулами на грязи, которые смоет ночной дождик. Нашел чего бояться... Но был прав, когда боялся думать. Контролируется именно процесс мышления, именно его глушат, прерывают, искажают, к нему не подпускают...

Только что толку? Жить — значит мыслить. Для человека. С прекращением мышления наступает кома. Затем — смерть.

Ты уже почти понял. Не до конца — потому что боишься понять со всей очевидностью, что попытки твои бесполезны. От того, что ты стал червем, ближние твои счастливей не стали. Уверен. Ты только попробуй, Малянов, представить, каково быть женой или сыном червя. Особенно женой. Каждую ночь ложиться с ним в постель

и ощущать змеящийся вдоль тела холод. Тот самый, нутряной — от трупа убитого тобой собственного духа. Я не спец по части женщин, но успел понять, что они очень чутки к излучениям духа мужского. Недаром говорят: «Женщины любят победителей». А побежденных жалеют. Потому «победители» так часто одиноки... Впрочем, таковых поблизости не наблюдается... Разве что Вайнгартен. Так он далеко, и женщины всегда его любили. Ну и вкус у них, однако... Хотя, если сейчас нас с ним поставить рядом, их вполне можно понять.

Вечеровский шел не торопясь. В этом пространстве ему некуда было торопиться. Да и больная нога не позволяла особенно разбежаться... Еще несколько шагов тогда... и сейчас бы его не беспокоили маляновские проблемы и вайнгартеновские успехи. Лавина прошла стороной, но один камешек таки знатно его припечатал. Кое-как, вслепую дополз до передатчика... После этого с метеостанции пришлось уйти. После нескольких месяцев больничной койки... А жаль — очень было удобно соблюдать технику безопасности при интимном общении с Мирозданием. Вероятность того, что «зевесова стрела», направленная в него, ненароком попадет в кого-нибудь другого, там была близка к нулю. Да и сердце в горных высях перестало пошаливать. Экология плюс физическая нагрузка — и Мироздание на этом направлении спасовало. А в Питере сколько раз прихватывало. Значит, все-таки и с Мирозданием можно бороться, хотя бы лишая его рычагов воздействия.

А много ли у него этих рычагов?

Инстинкт самосохранения, инстинкт охраны потомства, инстинкт сохранения вида, стремление к удовлетворению биологических, социальных и духовных потребностей. И это практически всё. Сиддхартха Гаутама, более известный как Будда, давным-давно, когда о «богоизбранной России» еще и слыхом не слыхивали, понял, что истинно свободен тот, кто более не страждет, то бишь кто поднялся над своими потребностями и инстинктами. Ну не поднялся, так отодвинул их в сторону. Тут пространственная терминология не вполне адекватна. Но в этой

истине два сомнительных момента. Малянов бы мне на них непременно указал. Однако сами с усами...

Кстати, не забыть побриться!..

Момент первый — свобода для чего? (От чего — понятно.) Отвечаю: свобода для выяснения взаимоотношений с Мирозданием. Другое дело — стоит ли вообще выяснять с ним отношения. Но это проблема личного выбора. Если уж решил выяснять — будь добр... Правда, в нашем случае оно само навязалось.

Момент второй — остается ли человек человеком, если он лишен человеческих страстей и инстинктов? Не лишен, конечно, ибо если лишен, то никаких проблем не возникает, но является властелином их... Это твой коронный вопрос, Дмитрий Александрович, не так ли? Ты очень обеспокоен сохранением «человеческого» в человеке!

Отвечаю: разумеется, не остается! Он становится богом. Нет, не вселенским держимордой — Богом с большой буквы, о карающей деснице и указующем персте которого так молят рабы божьи. А обыкновенным богом, которым и стать трудно, и быть почти невозможно, ибо стоит «высунуться», как тут же на крест волокут. А убоишься «креста», так и богом быть перестанешь. Выход — не высовываться. Только «боги» — они ведь априори высунуты.

Ты, Митяй, их поскромнее называешь — «праведники» они по твоей теории, этические идиоты. Или, в другой формулировке, — шизанутые на этике. И главная твоя неразрешимая проблема: почему этих святых людей «наказывает Бог», то есть награждает их мученической жизнью и смертью. Иова вспомнил... Что ж ты Прометея, распятого на скале, забыл? Или с ним все ясно: богу — богово?.. И про Христа ни слова... Не созрел еще? Ничего, скоро созреешь и вспомнишь, и воодушевишься, и «обретешь Христа в сердце своем». На это, может быть, и ставит ТО, ЧТО ПРОТИВ НАС. Потому что тот, кто обрел в сердце рекомендованного свыше Бога, сам уже никогда не станет богом.

Вектор целей изменился...

Хотя я тебя, Малянов, люблю и все еще надеюсь, что ты выкарабкаешься из этой западни. Я не могу тебя

вытащить. Предостеречь — да! Но ведь ты глух. Это и понятно, ибо каждый должен сам в себе «превзойти то, что должно». Это самое «человеческое»... Почему-то мне кажется, что тебе даже Христос не может помочь, потому что у тебя свой Христос — копия Малянова, но «без дурных привычек». В том числе и без привычки бояться тени своей. А единственная реальная тень наша — это мысли. «Сухой остаток» нашей духовной деятельности.

Если Христос справится с этой благородной задачей, я даже пожму его продырявленную руку своей поломанной.

Но сие — лишь мои надежды. Суждено ли им сбыться? Я направляю тебя как могу, хотя тебе это страшно не нравится. Я переживу. Пережил бы ты...

Ты слишком добрый человек, Малянов. На том и горишь. Доброта, конечно, не плохо, если бы она не делала из тебя интеллектуального импотента, если бы она не лишала тебя объективности. По крайней мере, по отношению к ближним. Вот ты всю нашу гоп-компанию, ничтоже сумняшеся, записал в праведники. Потому что, ежели б не записал, лопнула бы твоя стройная теория этического контроля свыше. Боженькой то бишь, зело боящимся конкуренции тварей земных, особливо, когда они лыка не вяжут... Это бабник Захар — праведник? Ну пусть не бабник, а жалостливый современный Дон Жуан, спасающий женщин от любовного голода. Во всех смыслах — ДСП (добровольная сексуальная помощь). Ты считаешь его этическим идиотом, помешавшимся на моральных императивах? Чушь собачья! Единственное, что Захар умеет, — это любить. Женщин, работу, вообще жизнь. А не это ли признак твоих ненаглядных «животных целей»? И в гробу он видал и коммунизм твой, и даже счастие всего человечества со всеми императивами вместе. Для него реально здесь и сейчас. Никакой оптимизации Мироздания ни в сознании, ни в подсознании.

Так что, уважаемый Дмитрий Александрович, на Захаре твоя теория садится в лужу. Уж ты поверь своему старому облезлому другу Филу. Я на этих теориях знаешь сколько «собак съел»! До сих пор в животе тявкают...

Ну конечно же! Как я забыл?! Валька Вайнгартен — циник, бабник, без всякого намека на Дон Жуана, паяц, алкаш, в глубине души — карьерист и, извини за откровенность, крыса... Вот уж кто без всяких сомнений — праведник из праведников, ангел божий, да что там стесняться — натуральный боженька!

Да, понимаю: его бегство из Царства Божия, из социализма, где ставят божественные цели в укор целям животным, то есть увольнение по собственному желанию из числа праведников и последовавший успех с реверта-зой, — служит чуть ли не главным доказательством твоей теории.

Мог бы служить, с громадной натяжкой, если бы Валька хоть когда-нибудь был «этическим идиотом», как все... Увы, увы... «Советские парни» нынче лаптем дерьмо хлебают...

К сожалению, все это с большим успехом может служить доказательством совсем другой, и не теории, мой друг, а весьма успешной практики. О которой тебе говорить бесполезно, пока сам не допрешь. Только сколько раз тебя надо тыкать мордой в грязь, чтобы ты наконец допер?! Потому я и промолчал. Сам, Дима, сам. Все сам.

Ничего утверждать не буду, но несколько наводящих вопросов задам. Ты же, как вдруг выяснилось, веришь в телепатию, вернее, «стопроцентно не исключаешь». Так вот, я тебе малость протелепаю, а уж воспримешь или не воспримешь — это твои проблемы. Со своей стороны обеспечу всё необходимое — не впервой... Телепатия, как любая передача информации, предполагает наличие источника информации, носителя ее и приемника. Триада, необходимая и достаточная для существования информационной системы. Поскольку тебя со страшной силой заносит в теологию, полагаю, когда дотумкаешь, ты это назовешь Святой Троицей и страшно возрадуешься Божественному откровению. А не дотумкать не можешь. На здоровье, радуйся, мне не жалко... Ежели тебя вдохновляет роль датчика-передатчика, рецептора Божьего. Но если ты будешь думать, то рано или поздно (надеюсь, что не слишком поздно!) поймешь, что информационная система, о

которой мы с тобой так борзо рассуждаем, куда как посложнее Святой Троицы...

Но оставим эти сантименты. Я обещал несколько наводящих вопросов. Получай!..

Не слишком ли много чести для Фила Вечеровского и Димы Малянова — противодействие со стороны Мироздания или Бога? В данном случае термины не принципиальны. Помню, помню — ты с самого начала считал, что не слишком много. Это я, нехороший человек, вылез с гипотезой о берегущем свое статус-кво Мироздании. Виноват, но до последнего времени никто не мог предложить ничего иного. Так что приходилось работать с этой гипотезой. Собственно, работать приходилось только мне... Если быть точным. Но я никогда не утверждал, что Мироздание интересуется кем-то из нас лично. Говорилось о рефлекторной реакции на продукты нашего метаболизма. Конкретно — на наши научные изыскания. Но под давлением фактов я должен был признать, что идет и личностная обработка, учитывающая глубинные психические особенности каждого субъекта воздействия. Тогда я вынужден был пересмотреть свою гипотезу. Как и вы... Но об этом позже. Если будет время и желание. А точнее — возможность.

Пока — наводящие вопросы.

Кому выгодно, чтобы Малянов не занимался своими М-полостями, по крайней мере здесь, а зарабатывал на сухари дурацкими переводами идиотских книжонок? Чтобы Вечеровский не развивал свою область математики, а вел существование бомжа? Чтобы Глухов не докапывался до тайны механизмов воздействия одной страны на другую, то есть до секретов Кукловода? Чтобы оборонщик Снеговой не добился результата, а пустил себе пулю в лоб?.. Или куда там он ее пустил... Чтобы супердержава за несколько лет растеряла весь свой научный потенциал, оплаченный миллионами жизней, высокие технологии и вообще собственные технологии, и приобретала готовую продукцию, произведенную с помощью этих технологий, у других стран? Чтобы стало невыгодно производить свою продукцию, а значит, платить зарплату своим рабочим, а

выгодно покупать импортные товары? Кому выгодно, чтобы интеллектуальная элита страны с Валькой Вайнгартеном во главе покинула свою страну, где у нее не было никакой возможности для работы, и получила потрясающие результаты, достойные «нобелевки», совсем в другой стране? И своим примером с личным дружеским обаянием перетащила бы за собой упорствующих патриотов Маляновых?.. Кому выгоден «инфаркт у конкурента», как смачно сформулировал твой Вайнгартен?.. Думай, Дима, соображай. Уверен, что отыщешь очень этический ответ на эти дурацкие вопросы. Ты же у нас очень добрый, чистый, гражданин Вселенной, где «несть ни эллина, ни иудея». Тебе не понять кайфа, когда Япония затягивает петлю на горле США, а США проделывает то же самое с Европой. Ты даже не понимаешь, кто и за что душит тебя. На Мироздание, с моей подачи, бочки катишь, уже до Бога добираешься. Оно и понятно: Мироздание велико, до Бога далеко. Все равно ничего не поделаешь. Можно сидеть на своем задрипанном диванчике в задрипанных шлепанцах в окружении задрипанных чад и домочадцев и размазывать сопли по голодной морде... Чтобы в конце концов «обогатиться вселением Христа» и успокоиться, «беседуя с Богом, как с другом». Как с Глуховым, например, за бутылкой какой-нибудь гадости, от которой утром жить не хочется. Да нет, с боженькой такого похмелья не будет. Даже на душе полегчает. Только куда ты денешь свой интеллект, который не позволит тебе слишком долго благорастворяться на этих иллюзорных воздусях?!

Что ж, тогда ты поймешь, что истинный Христос вовсе не тот сусальный боженька, какого тебе подсовывают в церковной упаковке, и даже не тот, кого ты сам пустил в сердце, сотворив истосковавшейся душой своей, а старый, вонючий, облезлый, зараженный шпиономанией Фил Вечеровский. Несгибаемый фанатик, не купившийся ни на посулы Сатаны, ни креста не убоявшийся. Христос — тот, кто не способен предать своей Идеи, потому что он и есть эта Идея, обремененная болезненным рыжим прахом.

Вот как я о себе без излишней скромности... Но ты, наверное, заметил, что я никогда не страдал этой болезнью.

Как и Христос... Не пророк, не учитель, не царь иудейский, а сын Божий, следовательно, сам Бог.

Я все же поскромней. С меня достаточно самоуважения. И поэтому я — более самодостаточная система, чем он.

Кстати, о шпиономании. Вспомним Тайную Вечерю... У него были основания предполагать предательство. А нас с тобой, Малянов, давно уже предали и продали! Разве ты этого не понял, когда твоя астрономия, моя математика, чья-то физика в одночасье оказались никому не нужны?! Здесь — в России, на Украине, в Узбекистане — не нужны. А ну-ка, махани к своему Вайнгартену — посмотрим, как обернется. Твои М-полости будут покруче, чем его ревертаза. Это я тебе говорю. И там они весьма придутся кстати. Возможно, даже давление прекратится...

Ты меня хорошо подловил: «научиться освобождаться от давления и научиться управлять давлением — это совсем не одно и то же». Я и сам это давно понял, только не сразу сориентировался, когда ты сообщил столь сногсшибательную новость про Вайнгартена. Собственно, это тривиально. Нельзя управлять гравитацией (во всяком случае, пока), но построить приливные электростанции можно... Я ведь никогда не ставил себе цели отменить давление, но уворачиваться от него — да. Хотя поначалу, может, и тешил себя иллюзиями... До «приливных электростанций» здесь еще очень далеко. А тут ты сообщаешь, что Валька увернулся. Впрочем, это всегда было его главным талантом... А я все это время и не пытался уворачиваться. Я изучал действие, а не бездействие. Что ж, эксперимент Вайнгартена подтверждает мои догадки. И заметь, Дима, я не дрожу, аки лист осиновый, формулируя их. Ты тоже формулируешь, ибо не можешь не формулировать, но в рабском страхе. А я свободен, Дима, хотя нищ, лыс и болен. Так ведь и ты нищ и не слишком здоров, как я успел заметить. Так в чем же смысл той выделки, которую ты позволил произвести над овчинкой твоей жизни?..

Вечеровский оглянулся по сторонам. Деревья царапались корявыми пальцами безлиственных ветвей в черную

стену ночи. Может быть, они таким образом пытались вскарабкаться к звездам? Это не поэтическая метафора. В результате своих экспериментов Фил пришел не к выводу пока, но к догадке, что некорректно, с научной точки зрения, лишать духовной компоненты растительный мир. Вообще все живое. И деревья могут мечтать.

Он представил удивленную физиономию Малянова, если бы тот услышал такую сентенцию из уст махрового фанатика-материалиста и инквизитора Вечеровского, и довольно заухал в темноту. И подумал за деревья: «За отсутствием филина и Фил сойдет...»

Не смущайся, Димчик, мысленно утешил он Малянова, на твоем месте я бы тоже повесил на себя такую бирку. Все, кто не предает идеи, выглядят для предающих фанатиками. А ежели они при этом еще и отстаивают их, то уж непременно и инквизиторами. Все нормально. Только тошно.

Резиновые сапоги уверенно разбрызгивали грязь из лужиц, а портянки, намотанные на шерстяные носки, отлично предохраняли от холода. Впрочем, до морозов было еще далеко. Поработав на метеостанции, Вечеровский научился чувствовать погоду и вообще природу. Все его многочисленные переломы, органы и системы давали гораздо более точные прогнозы, чем метеоприборы. Он и с метеостанции так передавал: «Ваши приборы обещают то-то, а мои — вот это». И к его «приборам» прислушивались, окрестив их показания «филигранным вечерним прогнозом». Но сам-то Фил понимал, что дело тут не в переломах и болячках, а в его болезненном контакте с Универсумом. Кстати, вот и извлечение пользы из контакта! Чем не «приливные станции» в своем роде?

Когда-то он, по убогости своей, выдвинул совершенно ребяческое обвинение против Универсума. Но тогда оно казалось вполне солидным. Достаточно «безумным», чтобы его можно было рассматривать всерьез. Пацаны!.. Хотя все эти рыжие карлики в черном, представляющие сверхцивилизацию, сумасшедшие красотки, вещающие от имени «Союза Девяти», молнии, выжигающие юдоль одинокого математика, «баобабы», выскакивающие посреди двора, и

вполне реальный труп Снегового — для вящей убедительности, чтобы не сомневались. Только кто из нас, подвергшихся психической обработке, видел этот труп?! А никто... В том-то и дело. Даже такой суперлогик, как ваш покорный слуга, допер до этого очень не скоро. Чего же тогда требовать от трепетного Малянова или непрерывно оптимизирующего свое бытие Вайнгартена, в затруднительные моменты заливающего проблему спиртным?..

Способны ли мы были тогда догадаться, что никто от нас ничего не требует. Никто, кроме нас самих?..

Нет, не были мы на это способны. Слишком крупными категориями мыслили. Звездными туманностями, судьбами человечества и прочими абстракциями. Если кто-то и мог нам противодействовать, то только сверхцивилизация, Гомеостатическое Мироздание, сам Господь Бог... Для нас было слишком унизительным предположить, что все эти катаклизмы — следствие того, что отшельнику Вечеровскому обрыдло его отшельничество, карьеристу Вайнгартену — его научное подвижничество, что его подсознание пинками гонит его в директора, что патологическому (а на самом деле нормальному) семьянину Малянову больше всего на свете хочется все свое время проводить в кругу семьи, а не внутри своих звездных М-полостей, что Глухову давно по фигу американо-японские отношения, а дух его жаждет одиночества и самосозерцания, а Захару обрыдли электронные штучки, которыми он вынужден заниматься, а жаждет он быть азиатским султаном с необъятным гаремом любвеобильных пери... Про Снегового трудно сказать. Практически незнакомы. Но можно предположить, что и ему надоело убивать свою единственную жизнь на «оборонку», ибо на самом деле он очень мирный человек. Но подневольный...

О, как мы зауважали себя, как быстро приняли гипотезу о том, что само Мироздание противостоит нашим жалким интеллектуальным потугам! А как же — ведь это гораздо приятней, чем согласиться с «давлением» собственной лени, безалаберности, животных (это не ругательство!) инстинктов, трусости, неспособности смотреть правде в глаза и изменить собственную жизнь в том направ-

лении, какого внутренне жаждем! Рабы условностей и, более всего, рабы собственного о себе мнения и мнений окружающих, рабы идеала, сотворенного из себя для себя...

Мы никогда не были способны признаться себе в собственных слабостях. И они возымели над нами власть, сопоставимую с властью Мироздания... Когда я это понял? Да там, на осыпи в горах после лавины, когда осознал, насколько слаб и насколько близок к смерти. У меня просто не осталось сил красоваться собой. Я умирал, но еще хотел жить. Тогда я и увидел себя в «истинном свете».

Да-да, Димуля, как еще Ликург, а за ним Сократ советовали: «Познай себя!» Это трудно и неприятно. Проще все валить на Мироздание. У ребенка проблемы с речью, потому что его после гриппа не показали врачу — лень, некогда, авось обойдется (ведь были же намеки!), но не ты с Ириной виноваты — Мироздание. У той же Ирины проблемы с сердцем, потому что она смолит сигареты одну за другой — нет, опять же Мироздание зловредное до твоей семьи докопалось. Ты не способен стать «человеком», торговцем, «спекулянтом», банкиром, рэкетиром, чтобы твоя семья купалась в роскоши, — Мироздание на Россию порчу навело. Однако насчет России особый разговор.

А в то несчастное лето — вспомни — жара стояла несусветная. Нормальные люди сидели в водоемах и тенистых кущах и пущах, а ты чем занимался? Ты жарился в бетонной жаровне, как и твой друг Вечеровский, еще ближе к солнцу на несколько этажей, и насиловал свои извилины М-полостями и звездными туманностями. А чего тебе хотелось на самом деле?.. В кущи и пущи тебе хотелось, свеженькой бабы тебе хотелось. В подсознании! Сознательно ты ни-ни... Вот и получил чего хотел. Очень хотел...

Допустим, можешь ты сказать... А как же тогда наши ирреальные заморочки? Баобабы, просто бабы и все прочее?..

Ирреальные, Дима! В этом ключ! Кажущиеся!..

Ну уж, нет! — хмыкнешь ты, вспомнив про лифчик, который обнаружила Ирина, и про баобаб, реальность которого удостоверила милиция.

Верно, бабу свою ты мог пощупать, и баобаб был. Но где они теперь? Я заходил к тебе во двор. Ни бабы, ни баобаба, ни рыжего карлика... Были и сплыли, как не было. Да и не было! Одно слово — заморочки! Не случайно оно у нас закрепилось.

Но механизм?! — воскликнешь ты.

Я тоже заорал там, в горах. Может быть, желание разгадать этот механизм и дало мне силы доползти до рации?.. Не хотелось подыхать идиотом и лопухом. Очень я высокого о себе мнения, как, наверное, успел ты заметить. А тут такая пруруха...

Говорят, путь часто интереснее результата. Но нет никакого смысла телепать тебе о закоулках, о тех самых «окольных тропах» на моем пути. Если суждено тебе их познать, то у тебя они будут свои. От моих же толку тебе нет. Поэтому сразу о результате.

Да, Дима, ты правильно понял. Я утверждал, что во всех наших заморочках виноваты мы сами. Но я никогда не утверждал, что только мы. Так суслик виноват в том, что его сожрал орел, тем, что он суслик, которыми питается орел.

Мы привлекли к себе внимание своего «орла», который не заглотил нас одномоментно, а как Прометея по печени, так и нас долбил по извилинам и нервам. «Жилы тянул», садюга...

Вопрос первый — чем мы его привлекли?

Отвечаю: «запахом жертвы», который чуют хищники. И запашок этот сомнительный, амбре, так сказать, проистекает от повышенной напряженности нашей психики... Если угодно, психополя... Вызванной критическим ее дискомфортом.

Как орлам, волкам, тиграм и прочим хищникам достаются наиболее слабые особи в стаде, так и нашего «орла» интересуют наиболее несчастные... Санитары, черт их подери!.. А психологический дискомфорт, «запах жертвы», несчастность — называй как хочешь, образуются в столк-

новении, в нестыковке рационального идеала «праведника» и иррациональных инстинктов — всей той «подсознанки», которая остается вне контроля нашего разума. Сшибаются два мощных разнонаправленных психических вектора: «луч Ормузда» и «стрела Аримана». В одной психике! Как же ей не подавать сигналов тревоги, на которые реагирует наш «орел»?

Я тут употребил твой термин «праведник», но лишь для единства терминологии. У нас с тобой разные «праведники». У тебя праведник — понятие этическое, у меня — психическое. У тебя он строит свою жизнь, исходя из императивов этики, у меня — исходя из законов логики, из сотворенного с их помощью рационального идеала. Твой праведник — преимущественно эмоционал, поэт, мой — интеллектуал, ученый. Общее у них то, что они строят свою жизнь, а не бегут на поводке инстинктов. Но это общее, это противостояние инстинктам настолько существенно, что можно обозначать столь разных типов одним термином.

Праведник — тот, кто живет согласно неким правилам, этическим или логическим и, тем самым, осознанно противостоит инстинктам.

Вопрос второй — почему праведник несчастен?

Да потому, что счастье — ощущение духовного (психического) комфорта. А психика, в которой бушует «вечный бой», не может испытывать такового. Счастлив, то бишь вполне комфортен, может быть либо тот, кто окончательно победил инстинкты, что почти невозможно, либо тот, кто и не помышлял о борьбе с ними. Правда, некоторые, говорят, находят кайф в борьбе, но это уже психопатология — мазохизм.

Отсюда легко объясняется синдром твоего любимого Иова. Он не истинный праведник, а праведник становящийся. Да, он пытается жить по правилам, в его случае — по Божьим законам, но ждет за это награды или хотя бы снисхождения от Бога, а если говорить реально — от мира, ибо несчастия, им испытываемые, — мирские. Но как мир может быть снисходительным к тем, кто отверг его законы? Происходит естественный отбор — кто может

жить по законам мира, живет, а кто не может, — отбраковывается с помощью всяческих напастей. Иов, как любой праведник, отказывается от участия во всеобщей борьбе за существование, но хочет, чтобы оное было если и не комфортным, то хотя бы сносным. Совсем как ты, Дмитрий Александрович. Не врубаясь в рынок, ты не против иметь рыночные доходы. Я, кстати, врубаюсь, но не хочу от него ничего.

Не Бог метит шельму, то бишь праведника, как ты полагаешь, за его слишком фанатичную антиживотную этичность, а человеческое стадо изгоняет его из своих рядов как чуждый, мешающий жить и не способный к самостоятельной жизни элемент. Ты это почти сформулировал, но зачем-то привлек на помощь божественные сферы, кои здесь совсем ни при чем.

Трагедия Иова в том, что он не победил свои инстинкты. Его уничтожают, а он вопиет. Истинный праведник этого просто не заметит, ибо у него отключен инстинкт самосохранения. И уверяю тебя: тогда-то стадо и падет на колени, ощутив сверхъестественную, то есть не животную силу.

А пока Иов вопиет, его будути топтати! Что с него возьмешь — даже Христос на кресте возроптал...

Ну что, Димуля, не притомился? Да нет, ты у нас пытливый мыслитель. Если уж наткнулся на эту мою телепатограмму, то уж не оторвешься, пока не раскумекаешь до конца... Если, конечно, Ирина с кухни не кликнет...

Так вот, сам понимаешь, нам осталось осветить два вопроса: первый (в общем списке — третий) — что это за зверь такой «орел», терзающий прометееву печень и наши хилые мозги?

Второй (четвертый) — механизм этого терзания...

Итак, какие гипотезы мы навыдвигали насчет личности «орла»? Дай бог памяти... Сверхцивилизация — раз, Союз Девяти Бессмертных — два, Гомеостатическое Мироздание — три, ну и Господь Бог, твоими, Дим, стараниями — четыре... Так сказать, дом о четырех углах. И на сем иссякли. Однако недурной списочек — есть за что себя почитать. И есть кого бояться.

Но вот тебе, мой боязливый, еще одна гипотеза: наш «орел» — инстинкт самосохранения биологического вида «Homo». Насчет того, что он еще и «sapiens» — бабушка надвое сказала. Но при этом нет оснований сомневаться в том, что человечество — сложная живая система, обладающая собственным интеллектом — Социальным или Коллективным Разумом; собственной психикой, весьма сложно иерархически организованной, где есть место и для Над- или Сверх-сознания, и для Под-сознания, и ряда внесознательно выполняемых биологических программ, которые условно назовем Коллективными Инстинктами, главный из которых, разумеется, как у всех гомеостатов, — инстинкт самосохранения, стремление к состоянию устойчивого равновесия.

Надеюсь, мне нет нужды растолковывать тебе, что человечество — гомеостат третьего рода: гомеостат гомеостатов второго рода, коими являемся мы с тобой и прочие человеки, оснащенные второй сигнальной системой. В свою очередь, оно — элемент гомеостата четвертого рода — планетарного, и далее — в космос: гомеостат Солнечной системы, Галактики, Метагалактики, Вселенной.

Когда-то мы в своей гордыне замахнулись на персональное внимание к нам гомеостатов высшего уровня — аж Мироздания!.. Ну да! Я замахнулся. Признаю, но покажите мне того, кто меня опроверг? Твой Бог — то же Мироздание, только, может быть, более разумное, потому что тебе очень хочется с ним подружиться, ибо, как известно, друзей не трахают... Бог, Гомеостатическое Мироздание — вопрос терминологии, функционально разница незаметна.

И нам почему-то даже в голову не пришло, что сложная иерархическая система управления просто не сможет существовать, если в ней гомеостаты десятого уровня будут регулировать поведение гомеостатов второго уровня. На кой хрен тогда вся эта управленческая иерархия? Это просто нонсенс, чушь, полная безграмотность в теории управления! Прямые и обратные информационные связи могут существовать только между соседними иерархическими уровнями.

А какой уровень для нас ближайший?

Верно, Малянов! Человечество. Ну, в крайнем случае, планетарная экосистема, но на правах внешних условий.

Очень важно понять, Дима, что человечество не есть внешняя относительно нас духовная субстанция, так же, как человеческий организм не есть что-то внешнее для клеток, его составляющих.

Человек и человечество, клетка тела и тело — есть нерасторжимое единство, без которого не могут существовать составляющие его стороны, человечество есть в каждом человеке, каждый человек — в человечестве. Без него оно уже другое. Этим и обеспечиваются непосредственные информационные связи и эффективность управляющих импульсов.

Но мы с тобой интересовались именно механизмами этих связей и импульсов, которые нас шандарахнули и продолжают шандарахать. «Механизм терзания»...

Ну что ж, Дим Саныч, давай порассуждаем вместе, как бывалочй за чашкой чая или кофе... Посотрясаем ноосферу, мысленно прихлебывая и отдуваясь...

Вдруг издалека донесся протяжный душераздирающетоскливый вой.

Вечеровский прислушался.

Волк или собака?.. Сколько их теперь, бездомных! Взвоешь, когда люди озверели. Да и какая разница — волк или собака, если они голодные? Ты что-то там, Димочка, лопотал о волчаре, пробегающем мимо косули, усматривая в том божественное провидение. Вынужден огорчить тебя. Сие — типично гомеостатическое поведение. Сытый хищник и не посмотрит в сторону пасущейся пищи — в таком виде она сохранится наилучшим образом и даже преумножится, в отличие от наших холодильников с их усушкой, утруской, вообще порчей и воровством.

И не надо заглядывать в «святые книги», чтобы увидеть лань рядом со львом. Достаточно изредка смотреть «В мире животных» или что-то в этом роде. Гомеостат, Димуля, — великая вещь!..

Кстати, как пить дать, ты сейчас побледнел от этого воя. Предупреждение — не думай об этом! Тем более

что... — Фил посмотрел на небо. Из-за рваных краев туч выглядывала идеально круглая луна, — точно, полнолуние — время оборотней. Не перестанешь думать — придет серенький волчок, Волколак Вервольфович, и укусит за бочок!.. Эх, Малянов...

Итак, Дмитрий, мы уже сделали первый глоток, когда выяснили, что человечество как живая информационная система имеет рациональные и иррациональные (внесознательные) каналы передачи информации.

Сознательные каналы — это тривиально: культура, социально-политические институты, морально-этические императивы, экономические отношения и др., и пр. Однако не стоит вычеркивать их из рассмотрения за тривиальность, ибо не тривиальны носители информации, источники энергии и первоначальные импульсы к передаче ее по этим каналам. Как и в случае человека, они внесознательны. Это, конечно, дикое упрощение — уподоблять человека и человечество. Гомеостат третьего рода нельзя свести к гомеостату второго рода и даже к их сумме. Разные качественные уровни. Однако это уподобление, будучи всего лишь рабочим приемом, не лишено смысла. Мироздание не слишком разнообразно методически и любит подобия. Как говорили гностики: «что наверху, то и внизу...»

Я не отрицаю осознанного движения человечества к определенным, рационально поставленным целям. Было бы примитивным переть против очевидности: только разумные цели могут так часто оказываться ложными.

Ты можешь поинтересоваться способом различения ложной и истинной цели. Изволь... Критерий — результат. Если человечество удовлетворяет результат, то цель была истинна. Удовлетворение надо понимать в буквальном смысле удовлетворения каких-нибудь потребностей, осознаваемых и неосознаваемых. В кибернетическом смысле — это соответствие результата глобальной программе гомеостата третьего рода по сохранению гомеостазиса. Кстати, эта программа, очевидно, должна требовать и соответствия программе гомеостата второго рода. Проще говоря, чем меньше сумма страданий на пути к цели и при

ее, что редко бывает, достижении, чем меньше страдает каждый человек (тут особая математика, где сотня радостей не перекрывает одного горя), тем цель ближе к истинной. То есть мера истинности — индивидуальное счастье, интегрированное в благополучие вида.

Это очень важно для понимания нашего случая. Глобальная программа самосохранения человеческого вида настроена на контроль состояния индивидуальной психики по показателю его счастья или, скромнее, комфортности. И когда она обнаруживает, что у товарища Малянова по этой части не все в порядке, хотя он сам этого еще не осознает, а иже с ним не в порядке и у всех граждан его великой родины, то она принимает кардинальные меры по восстановлению равновесия, используя (обрати внимание, Дмитрий Александрович!) как сознательные каналы, так и внесознательные.

К примеру, группа стран или одна страна, где с психокомфортом дела получше, оказывается заинтересованной в смене социального строя «неблагополучной» страны.

В сфере сознания этому находится множество «красивых» обоснований: и права человека, и безопасность человечества, и другие «общечеловеческие ценности», требующие защиты. Не так явно обнародуется интерес и стремление «страны-спасительницы» к захвату рынков сбыта и источников ресурсов «спасаемой страны», к установлению контроля над ее экономикой для обеспечения интересов своей экономики. Об этом не говорится с высоких трибун, но именно это движет умами и эмоциями «сильных мира сего».

Но это сфера сознания. А в глубине — внесознательный импульс самозащиты Коллективной Психики вида от «источника боли». Так лейкоциты и прочие антитела устремляются к ране или к источнику заражения. Может образоваться нарыв, который благополучно прорвется, а может случиться и гангрена. Тогда без ампутации — смерть. Грубая, но наглядная аналогия...

Мы с тобой, Малянов, — чирьи на не слишком чистом теле человечества. Психические прыщи. А наша бывшая «шестая часть Земли», ныне развалившаяся на куда более

мелкие дроби, — та самая «гангренозная конечность», которую пытаются ампутировать или, по крайней мере, лечить хирургическими методами. Нравится это конечности или нет, но речь идет о самосохранении вида. Гомеостату для сохранения равновесия нужны альтернативы, а не антагонизмы.

Какова методика «лечения»? Ничего сверхъестественного. Любой социум (а страна — это социум) — гомеостат третьего рода, сохраняющий равновесие за счет достоверного обмена информацией между его элементами. Что надо сделать, чтобы вывести его из равновесия и толкнуть к саморазрушению? Правильно, Малянов, — исказить потоки информации. Как это сделать при неизменности фактологического материала? Да проще пареной репы — подменить «шаблон», шкалу критериев оценки поступающей информации. Прежние цели, средства, результаты объявить ложными, то есть ведущими к несчастью каждого человека, и в качестве «соломинки» или «спасательного круга» подбросить новые цели и средства. А результаты когда еще обнаружатся! Тогда уже будет поздно хвататься за голову. Впрочем, когда нет собственной головы, и хвататься-то не за что...

Но эта терапия-хирургия возможна только для тех «пациентов», которые лишены способности к самостоятельному концептуальному методологическому мышлению. Наша беда, Дмитрий, в том, что нас тренировали мыслить, как кому-то надо, но не учили мыслить самостоятельно.

Только теперь, оказавшись на свалке Истории, мы начинаем, в меру убогих интеллектуальных сил своих, учиться этому. Ты додумался до идеи Бога — приемника информации, использующего тебя в качестве датчика таковой. Не слишком оригинально, однако — концепция. Я — допер до Гомеостатического Мироздания, правда, для корректности выводов ограничил его нашей планетой. Тоже не зело оригинально: Джеймс Лавелок уже выдвигал концепцию Геи, то бишь планеты, как единого одушевленного организма. Но ученый должен стремиться не к оригинальности гипотезы, хотя оная тешит его самолюбие, а к ее работоспособности.

Вот ты, Малянов, теперь уверен, что найдешь общий язык со своим обретенным Богом, пообщавшись с ним как «друг с другом». А критиковал мои надежды использовать «рычаг Мироздания» в корыстных целях. Чем мой гомеостатический рычаг хуже твоего теологического? Да ничем, Митюня, окромя терминологии и личного отношения к рычагу. Ты жаждешь пасть перед ним на колени и только потом осмелиться переключить, а я хочу понять, как он функционирует, и переключать понимая.

Но это сейчас. А в недавнем прошлом, вскоре после того, как нас выбили из равновесия «заморочками» (только ли нас?! может быть, всех и каждого?), помнишь, с каким упоением мы крушили старый «изм» и запихивали на его место — «новый», который нам подсунули? Наверняка помнишь, Малянов, эту пьянящую сладость ниспровержения кумиров. И под эту эйфорию мы потеряли, вслед за концептуальной самостоятельностью, рынки сбыта, обороноспособность, высокие технологии, науку, культуру, возможность зарабатывать собственным квалифицированным трудом и, главное, Малянов, — смысл и перспективы жизни.

«Не хлебом единым!» — вопиешь ты, ибо иначе жизнь не в радость, но у тебя нет времени больше ни на что, кроме погони за куском хлеба. Новому социуму не нужны твои благородные порывы, ибо ты — раковая клетка иной концепции мироустройства, с которой решено покончить, дабы ликвидировать антагонизмы. В этом гомеостате треклятом движущей силой «исполнительных органов» являются их интересы, а не благородные порывы. Ампутировать!..

А теперь вернемся к моей параноидальной «шпиономании».

Если по приказу инстинкта самосохранения вида одна страна заинтересована в подчинении другой путем включения ее в свою экономико-политическую систему, то должны быть и исполнители этих интересов. Кем они должны интересоваться в первую очередь? Теми, кто пытается противодействовать «позитивному» всемирно-историческому процессу, или сомневается в его «позитивнос-

ти», или просто не желает в нем участвовать. То есть люди с иными ценностными ориентирами. Полагаю, что имею основания причислять себя к таковым. И тебя, Малянов. Даже Глухова. А вот Вайнгартена — уволь. Как бы он ни напивался там, в своих Юннатских Штатах в советские праздники, он — чужой. Это представитель иной шкалы ценностей, которая жаждет уничтожить все другие шкалы вне зависимости от «изма». Достаточное основание для уничтожения — инакость. Это не Вайнгартен уговаривает Малянова предать свои идеалы, а потребительская цивилизация соблазняет цивилизацию альтруистическую, самодарящую. Именно дарящую, а не жертвующую. Я не к тому, что все «совки» были альтруистами и энтузиастами, а к тому, что таковые были идеалом. Теперь у Вайнгартена совсем другой идеал. И он жаждет, чтобы и ты, Малянов, уподобился ему. Тогда бы его атавистическая совесть совсем заткнулась. Раз уж сам Малянов здесь!..

Парадигма Вайнгартеновского бытия: жизнь ради удовлетворения потребностей. Совсем не обязательно низменных.

Парадигма нашей с тобой житухи, Малянов: осмысление жизни, выход за пределы «животных» потребностей.

Я не хочу сказать, что какая-то из этих концепций лучше или хуже. Суть в том, что они принципиально отличны.

Ты, Димчик, можешь резонно заметить, что ЦРУ и прочие «их» шпионские бюрократизации видели нас с тобой в гробу в белых тапочках вместе с нашей идиотской парадигмой. Что начхать им на Малянова с Вечеровским.

Насчет гроба вполне с тобой согласен, а вот насчет «чиха» сомневаюсь. И вот почему: семьдесят лет противоестественная (противоживотная) экономико-политическая система реального социализма продержалась в мире, и не только продержалась, но и коренным образом изменила его, не благодаря «теоретикам коммунизма» и «тончайшей прослойке» практиков из партийной элиты, а титаническими усилиями энтузиастов и идеалистов социализма. Это именно они, как Атланты, держали «социалистическое небо» на своих плечах, не позволяя ему рухнуть.

И только когда они разочаровались в прежних идеалах, «небо» рухнуло.

Но идеалы преходящи, а психическая организация личности неизменна, пока личность существует. Можно потерять цель, но нельзя уничтожить стремление ее отыскать! Малянову никогда не стать Вайнгартеном. Его можно только уничтожить, чтобы своим существованием не угрожал ценностям насаждаемой цивилизации.

Вот тебя и уничтожают, Малянов. Вкупе с прочими идеалистами и энтузиастами. А также персонально, ибо по своим интеллектуальным способностям ты резко выделяешься из толпы. Трудно не заметить, особенно когда знаешь, куда смотреть. В нашем с тобой интеллекте, Дмитрий Александрович, очень реально заинтересованы вполне конкретные люди и служащие их интересам структуры. И дело тут не в шпиономании, а в стремлении завладеть твоим интеллектом. Мы с тобой всегда считали, что наш интеллект бесценен. Идеалисты! Умные люди знают точную ему цену. Иначе бы тебе не звонил Вайнгартен, да и меня бы не зазывали мои бескорыстные коллеги. Они, конечно, прекрасные люди, но отлично умеют считать и никогда не предложат того, что им невыгодно.

Это нормально. Ненормальны мы с тобой, потому что нас всю жизнь тошнило от того, что нам выгодно. Как завещал твой шизанутый Иисус: «...не ищите, что вам есть или что пить, и не беспокойтесь. Душа больше пищи, и тело — одежды...»

И мы такие же шизанутые. В полном соответствии... Для нас «не хлебом единым» — абсолютная истина. Потому без хлеба и сидим. Нас проще уничтожить, чем переделать. Что и происходит, уважаемый Дмитрий Александрович. Либо изменяйся — наступай ближним на горло и ломай им хребты, либо подохнешь. Мы с тобой скорее подохнем. Но этот процесс затянулся. И нас поторапливают. Но сначала все же попытаются выдавить в иную парадигму. Так что не у шпионов мы на приеме, а у покупателей, у работорговцев. Мы же с тобой — идеальные рабы: нас хлебом не корми, только дай поработать.

Потому-то я тебя и позвал. Я был уверен, что выдавливать будут не только меня, но и тебя. И, как видишь, не ошибся. Я только надеялся выяснить путем сопоставления фактов, что здесь играет роль поршня, кроме социальной системы.

Те самые «рациональные» каналы Коллективного Духа, о которых я говорил, действуют через конкретные социальные организации и конкретных людей, исполняющих их волю. Ты думаешь, им трудно приставить к тебе «алкаша», который неотступно будет следовать за тобой в транспорте? Или организовать для твоего сына ночевку в кутузке? Уверяю тебя — цента ломаного не стоит!

Я не утверждаю, что именно так происходит на самом деле, но было бы глупо отвергать такой вариант. Даже в прошлом, когда эти «заморочки» только начались. Памятуя о «сознательных» каналах Коллективного Инстинкта.

Но этот вариант был бы слишком прост: рано или поздно мы бы их раскололи. Может, когда-нибудь и расколем... Только это нас не спасет, ибо по нам палят из двух стволов, потому что мы попали «на мушку» иррациональным каналам. Их нельзя уговорить, их невозможно уничтожить и обнаружить удается только по разрушительным результатам их деятельности.

Вспомни, Малянов, хрестоматийные примеры «животной мистики»: то крысы бегут с корабля, которому уготовано утонуть через какое-то время, то сами топятся, то киты выбрасываются на берег и т. д. Совершенно очевидно некое информационное воздействие, даже с временным упреждением. А люди?! То заключают договора о дружбе и сотрудничестве, то начинают истреблять друг друга без счета. Куда крысам до нас!.. Очевидный коллективный психоз? Или инстинктивный спазм гомеостата третьего рода?.. Опять разница только в терминах. Налицо коллективные психические процессы. Хоть они и имеют более или менее (все же менее, чем более) убедительные рациональные оправдания: переполнение экологической ниши, борьба за рынки, самосохранение этноса (хорошее сохранение, когда лучшая, дееспособная часть этого этноса

гибнет!) и прочая чушь, — но истинная причина этих процессов иррациональна.

Так неужели трудно предположить, что для духовной субстанции, ворочающей психикой таких огромных масс, составит проблему организовать психический сдвиг отдельным человеческим особям? Например, подруге твоей жены, которой вдруг понадобилось к тебе явиться? Она не смогла бы разумно объяснить, какого черта притащилась, но не была способна противиться внутреннему импульсу. Или захаровские пассии. Ведь налицо психическая одержимость, принуждение к действию. Эта информация, которую им поручили передать, — типичные «голоса», о которых сообщают шизофреники. Позволю себе дилетантское предположение, что шизофрения есть следствие отсутствия защиты от Коллективной Психики социума, когда мозг превращается в «радиоприемник», ручки которого самопроизвольно (или несамопроизвольно, как в нашем случае) гуляют по всему диапазону волн или застревают на какой-то одной. Информация поступает, а ее смысл и источник неизвестны. Это и страшно. Это и есть болезнь.

И подруга твоей жены, и пассии Захара, и странный пацан при нем, скорее всего, временные биороботы, чья психика была подключена к некоему управляющему информационному каналу. После того как они выполнили задание, то есть сообщили нам то, что требовалось, их психика возвратилась в исходное состояние, и они, полагаю, ничего не запомнили.

Вайнгартеновский «рыжий карлик», который возник и исчез, если он вообще был, «баобаб», объявившийся в нашем дворе, и прочая чертовщина — это феномены другого порядка, а именно — индивидуального и коллективного гипноза. Если это могут делать Вольфы Мессинги и прочие гипнотизеры, то почему бы Коллективному Духу не побаловаться такими же эффектами? Коллективные наваждения, которые не раз случались в истории человечества и засвидетельствованы в религиозных источниках как проявления Божьей реальности, на самом деле — феномены психической реальности.

В нормальном состоянии, повторяю, индивидуальная психика защищена от прямого контакта с коллективной, по крайней мере, контакт этот осуществляется на уровне слабых взаимодействий и не обнаруживается явно. В особых, граничных состояниях, достигаемых специальными способами со стороны человека или прямым вмешательством со стороны Гомеостата, защита снимается, и информационный канал «человек — Гомеостат» работает с достаточной для создания ощущения реальности нагрузкой. Так среди нас появляются привидения, оборотни, черти, ангелы и даже боги. А в нашем случае — баобабы, рыжие карлики и прочая нечисть, о которой мы не склонны сообщать друг другу...

Но это все — разговор на уровне феноменов, который тебя вряд ли убедит. Ведь ты для доказательства реальности своего Бога привлек и астрофизику, и математику. Что ж, с кибернетической точки зрения можно обосновать теоретическую возможность Бога как некоего Суперкомпьютера, управляющего Мирозданием. Но тебе-то, Малянов, электрончику в этом Суперкомпьютере, от существования такого Бога ни жарко, ни холодно. С ним ты не можешь общаться как «друг с другом», а тебе именно этого надобно.

По поводу твоей «нейтринной гипотезы» я уже высказывался, не буду повторяться. Замечу только, что использование Коллективной Психикой нейтринных потоков для передачи информации маловероятно — слишком сложно с точки зрения физики. Модуляция нейтринных потоков и все такое... Природа предпочитает простые решения, потому что они надежнее.

То есть, Дмитрий Александрович, мы таки добрались до механизмов воздействия Мироздания-Бога-Гомеостата на нас, грешных. Без этого моя телепатограмма для тебя — пустой звук. Ты ее просто не воспримешь.

Ну, изволь внимать, товарищ Малянов, которому никогда не стать господином!..

Где-то совсем рядом послышался волче-собачий вой.

«Слышу, слышу, у-ху-ху-ху...» — проухал он в темноту. Только это страшилки-пугалки для Малянова. Со мной они не проходят, у-ху-ху... Самое время Соловья-

разбойника выпускать... Соловей, соловей, пташечка! Тьфу ты!.. Пущай перевернется, пока я с Маляновым балакаю... Вот же мусору в голове!..

Вообще-то, Митёк, это ты как астрофизик должен был бы просветить меня в свое время по поводу концепции твоего старшего коллеги Козырева. Не может быть, чтобы ты ее не знал. Не принимал всерьез — допускаю. Слишком она экстравагантна, чтобы молодой астрофизик вроде тебя оставил ее без внимания. Ну ладно — вообще, но когда начались «заморочки»!..

Это сейчас, так сказать, «собаку съев», я понимаю, что идея твоих М-полостей генетически связана с «пространством Козырева», где вселенная Евклида-Эйнштейна «плавает» в океане временных потоков, через которые осуществляется информационное взаимодействие всех сущностей Мироздания. Мгновенное взаимодействие! Ибо «пространство», разделяющее взаимодействующие сущности, осталось внутри евклидово-эйнштейновской вселенной, а время перестало быть характеристикой интенсивности физических процессов, а является самостоятельной фундаментальной полевой формой материи, осуществляющей информационный обмен между сущностями мира, то есть их организацию. Как и другие поля, время имеет свою напряженность, направление, обладает энергией, то есть способностью совершать работу. Как говорят в народе, «время лечит», но лечит оно изменением информации о событии.

Преобразование информации, в том числе ее прием и передача, есть работа времени. Чем интенсивней преобразование, тем выше напряженность времени. Если преобразование идет в сторону информационного усложнения, то есть большей организованности, то вектор времени имеет положительное направление. И попадающие в это поле сущности также вступают в процесс образования информационных структур и систем. Если преобразование движется в сторону информационного упрощения, распада сложных информационных систем, к росту энтропии и хаосу, то время отрицательно, и сущности, попадающие в его поле, также стремятся к распаду.

Разумеется, все эти «плюсы» и «минусы» — чистая условность.

И что особенно важно в этой модели Мироздания: время не является ниточкой, на которую в определенной последовательности нанизываются события! Время — информация о сущности событий, в том числе и об их последовательности, и о вероятности их свершения!

Ты же умный, Малянов! Я чую, что разгадал феномен крыс, бегущих с обреченного корабля: они бегут от повышенной вероятности негативного события, а не от самого события. Они чуют направление вектора времени. Ведь и они, как и все во Вселенной, погружены в «пространство Козырева», и какие-то полевые структуры их клеток реагируют на пронизывающие их потоки информации. Вне разума, Дима, на клеточном уровне!

И мы с тобой погружены!

И наши клеточки реагируют! И если бы только реагировали молча, возможно, забот у нас было бы поменьше. Но ведь они, сволочи, еще и орут — поставляют информацию о своем состоянии растреклятому Гомеостату, с которым связаны через «пространство Козырева» информационным полем времени!

Мы сами на себя доносим, Малянов!..

Наша психика, испытывая дискомфорт (мягко сказано!), вопит на клеточном уровне: «SOS!». И спасатели приходят. Их, как и родителей, не выбирают. Да и они не слишком церемонятся — не та обстановка. Вопрос жизни и смерти... А нам с тобой спасения нет: мы блаженствуем, погружаясь в работу, а наш животный гомеостат — инстинкты наши задавленные — сопротивляется — дискомфорт! Мы плюем на работу — погружаемся в семью, пьем водку, боремся за выживание, а дух наш, растоптанный магнитом, тянет нас к письменному столу — опять дискомфорт! Поэтому «давление» и не прекращается. Сигнал «SOS!» не замолкает. «Спасатели» трудятся, не щадя живота своего... Да и нашего тоже...

Наша беда не в том, что мы слишком «праведники», как тебе кажется, а в том, что нам слишком далеко до «праведников». Мы — неравновесные системы. Наш

«гомеостат второго рода» вышел из состояния устойчивого равновесия и не может в него вернуться. Даже я, как ни пытался. Ты-то вообще прикрылся семьей, как моллюск створками раковины. И думаешь, что в безопасности. Хотя бы семья...

Не виню — констатирую. Ибо не в сознательных действиях суть, а в подсознательном состоянии психики. Ты сделал свое рефлекторное движение, я — свое. Результат одинаковый. Ты не потому не можешь заниматься М-полостями, что Мироздание возражает (можешь не сомневаться — Мирозданию глубоко наплевать и на тебя, и на твои М-полости... Но Мирозданию, а не Инстинкту Самосохранения Вида!), а потому, что твой «моллюск» запрещает, ибо подчинен Инстинкту. И отсюда — элементарный практический вывод, Малянов: тебе не с Богом надо находить общий язык, и не с Мирозданием, и не со Сверхцивилизацией, а со своим собственным «моллюском». А мне — с моим...

С той самой сутью нашей безмозглой (вру — мозг тоже в ее власти), что прячется в нас невидимой в евклидово-эйнштейновском пространстве, но единственно существующей в «пространстве Козырева» нашей информационной сутью. И главная задача ее — самосохранение в видоизменяющихся мировых условиях. А уж об этих изменениях, не беспокойся, Димуля, она получает точную информацию через потоки времени.

С самим собой, Малянов, научись беседовать, как с другом. Тогда, быть может, и выкарабкаешься... Если суть свою перевоспитаешь... Мне пока не удается. Зело трудно мне с собой подружиться. Уникально мерзкий экземпляр... Но не будем об этом.

Вопрос в другом: раковые клетки мы с тобой и иже с нами, или же наше существование — необходимость?.. Говоря твоим высоким штилем, на кой ляд с таким завидным упорством на протяжении всей истории человечества появляются и не переводятся праведники, неизменно подвергаемые остракизму, распятию, осмеянию и прочим способам уничтожения и унижения? Другой вопрос: почему Пилат во все века распоряжается судьбой Христа, а не наоборот?..

Хотя нет — это один и тот же вопрос. И ответ — один. И состоит он в том, что Гомеостат, который нас достал, — дух от плоти мира сего. Дух Геи, то бишь психическая компонента планетарной жизни в ее белково-нуклеиновой ипостаси. И эта психическая компонента, как ей и положено, пытается таким образом организовать жизнь на планете, чтобы сохранить эту белково-нуклеиновую ипостась, обеспечивая максимальный приоритет «животным» целям, страстям, резонам. Поэтому праведники и попираются теми, кто следует «животным» побуждениям, — приоритет не тот! Арии, с точки зрения нынешнего Коллективного Духа, — парии... Они и сами, в большинстве своем, пребывают в психическом дискомфорте, и у окружающих вызывают его самим фактом своего существования. Как соринка в глазу. Вот от нее и избавляются. Но совсем их уничтожить нельзя. Постоянно тревожащая информация о «конце света», должном свершиться где-нибудь через миллиард лет, не позволяет. Коллективный Дух человечества через информационное пространство Универсума видит и знает, что «животная» его ипостась обречена погибнуть вместе с планетой в космическом катаклизме, либо с Солнцем, либо с Галактикой, либо со Вселенной, стремящейся в точку.

Ты у нас, Малянов, спец по этим вопросам. Получше меня можешь обрисовать эти печальные перспективы. Так вот, наш растреклятый планетарный гомеостат, следуя инстинкту самосохранения, стремится подготовиться к «историческому моменту», точно зная, что единственное спасение — своевременный отказ от белково-нуклеиновой компоненты и переход к полевой компоненте жизни, способной сохраниться в «пространстве Козырева», пока вселенная Евклида-Эйнштейна бьется в агонии перерождения, чтобы возникнуть из очередного «первовзрыва» в соответствии с информационной матрицей мироздания, хранящейся в «пространстве Козырева» вместе с полевой компонентой жизни и разума. Вечной жизни, Малянов!

«Своевременный отказ» — значит, не в результате насильственной смерти во время вселенского катаклизма, а планомерный, продуманный, организованный переход от

одной формы жизни к другой. Тут и сохранение, и передача всей необходимой информации, и обеспечение преемственности сознания, и подготовка новой психики и новой плоти (хотя полевая, но все же — плоть!) к новому способу существования, и осознание новой цели бытия, и максимизация числа «избранных». Не архангелы или другие божественные бюрократы будут отделять «агнцев» от «козлищ», а сами люди осуществят свой выбор. Но это надо сделать вовремя. Если и не за миллиард лет, то уж за миллион — наверняка. Хотя это глупые грубые прикидки.

И никаких богов, Дмитрий Александрович. Только информационно-полевая компонента Вечной Жизни, обретающая время от времени белково-нуклеиновую, а может, и кремний-органическую или иную минерально-органическую плоть, как наша матушка Гея... Все боги от Шивы и Вишну до Яхве и Христа — лишь фрагменты литературной записи мифа о Вечной Жизни. О различных аспектах ее, ипостасях, этапах. Оттого и разночтения, нестыковки, противоречия. Человеческий мозг, получающий информацию о сущности Вечной Жизни через «пространство Козырева», просто неспособен адекватно выразить ее на языке человеческих понятий...

Да, о несчастных праведниках я опять забыл! Они нужны для того, чтобы постепенно готовить Коллективную Психику Вида к отказу от белково-нуклеиновой своей сущности. Чтобы к моменту «конца света», столь литературно-символично описанному в «Откровении Иоанна», хотя бы часть человечества психически и физически была готова и способна осуществить переход от бренной плоти к вечной во имя сохранения Духа в ином пространстве. Того самого Духа, который будет возрождать в новой Вселенной жизнь в ее плотском варианте. Каждому пространству соответствует своя форма жизни. Праведники по назначению своему не от мира сего, потому-то им так неуютно в сем мире. Но их муки имеют смысл...

Бедняга Иешуа, получив информацию о будущем мира во время медитации в гипомагнитной тибетской пещере, где «пространство Козырева» оптимально контактирует с полевыми структурами мозга, ошибся со сроками «конца

света», пообещав его «нынешнему поколению». Или его не так поняли? Может быть, он имел в виду тех, кто живет на ЭТОЙ Земле в ЭТОЙ Вселенной? Впрочем, что гадать. Модель поведения он построил в принципе верную: отказ от ценностей мира сего и переход духовной, то есть полевой, компоненты в мир иной. Только всему свое время — время жить и время умирать. Идея «жизнеотрицания», которую он провозгласил вслед за Сиддхартхой, уместна в эпоху «конца света» и ложна в иных исторических условиях. Поэтому так тяжко праведникам — их цели ложны в этом мире. Пока ложны — в течение ближайшего миллиарда лет...

И все же без них нельзя. Переход в иное пространство не может совершиться вдруг, по мгновенному желанию — он должен подготавливаться всей историей развития психики человечества, индивидуальной и коллективной. Психика человечества должна созреть для жизни в информационном пространстве мира, дабы не раствориться в шуме его. Да и не только психика... Но, черт возьми, как больно созревать!..

Может быть, понадобится и сознательная трансформация биологической сущности вида, возможно, не только человека. Конечно же! Не бросать же братьев наших меньших!.. Хотя они ближе к природе и, вероятно, способны обойтись без нашей помощи... Тут-то и могут пригодиться наши ревертазы, М-полости и прочие математические выкрутасы... Против которых так активно выступает Инстинкт Самосохранения Вида — трепещет, зверюга, жить хочет, понимает, откуда угроза — ведь мы можем и не дождаться «конца света»...

Да, Малянов, сам чувствую — мысль моя становится все более сумбурной. И ни фига до тебя не дойдет. Ничего, сам не мальчик, но муж, — допрешь! А я, похоже, притомился. И ощущение какой-то спешки, боязни не успеть... Куда? Высказать тебе всю эту чушь? А даже если и не чушь, все равно ни бита информации тебя не достигнет... Одна надежда на твою ослабленную защиту от «пространства Козырева» и его энергий — без этого наши заморочки не могли бы тебя коснуться.

Но мне хотелось бы, чтобы ты понял: я — не психодиночка, свихнувшийся на бредовой идее, а участник всемирного эксперимента по осуществлению психического контакта в «пространстве Козырева». После гор я отправился в Новосибирск. Институт экспериментальной и клинической медицины. Там стал сначала «подопытным кроликом», а убедившись в реальности эффекта, взялся за математическое описание процессов психического взаимодействия через «пространство Козырева» в среде «пространства Евклида-Эйнштейна». Если со мной что случится... Да что крутить — ежели подохну, мои записи найдут тебя. Я все предусмотрел. Сам будешь решать, как с ними быть. Твоя очередь... Можешь и с Богом своим посоветоваться, как с другом... Нашел кореша... уху-ху-ху...

Только когда разберешься в моих каракулях, тебе станет ясно, что Бог — это ты сам в идеале. Он — лучшее, что есть или может быть в тебе. И никакого другого Бога ты не признаешь и, тем более, не пустишь в свое сердце. И никто не признает...

Это Бог как субъект...

А Бог как объект — это то, что останется от Коллективной Психики человечества после «конца света» — информационный геном нового человечества. И до момента «конца света» он существует только как потенциальная возможность. И от каждого из нас зависит, станет ли он реальностью, окажемся ли мы в критический момент способными освободиться от белково-нуклеиновой плоти во имя сохранения Духа... А это, как я уже говорил, эвтаназия Гомеостата третьего рода, эвтаназия матери Геи, хотя и обреченной на смерть законами Вселенной. Как же она должна относиться к своим будущим умертвителям? С пониманием? Поставь себя на ее место, Малянов, — не уверен, что тебя хватит на это понимание. Впрочем, ты у нас — святой...

Сознательно она, может, и готова понять, но инстинкт!.. Сознательно порождает, инстинктивно мучает...

Вот такие дела, Дмитрий Александрович. Так я это объясняю.

Умозрительно, говоришь?.. Да нет, ты еще не был в моей избушке-на-курьих-ножках. Впрочем, ножки ей давно пообломали — теперь в землю вросла. Обитаю я в лесу. Не в глухом, но все же... Твой Питер, кстати, тоже — джунгли... И между прочим, моя избушка — клочок «пространства Козырева». Во-первых, гипомагнитность — защита от электромагнитных помех, во-вторых, стены, пол, потолок — «зеркала Козырева». На нашей свалке нашлось достаточное количество алюминиевых листов, чтобы обшить ими мою каморку. Сначала в эффективности этого нехитрого на первый взгляд сооружения я убедился в Новосибирске, потом изобразил его и здесь. Помогли, конечно...

Так что все время, когда нахожусь в избушке, я напрямую общаюсь со всеми субъектами и объектами, способными генерировать и принимать сигналы «пространства Козырева». Впрочем, генерирует все сущее, хотя и бестолково. А вот с приемом проблемы. А с сознательным обменом информацией совсем тяжко. Сам видел, на кого я стал похож — очень изматывает. Особенно когда общаешься с озверевшим Гомеостатом, будь он неладен. Но, черт возьми, когда перед тобой, как любимая женщина, открывается Мироздание, все можно вынести...

Я видел, как ты воротил свою аристократическую нюхалку. Да, запашок-с... Амбре... Так я же к тебе прямо с работы. Я — главный бизнесмен на городской свалке. На той самой, что ты был вынужден видеть, когда отрывал свой высокий взор от звезд в своей обсерватории, когда еще бывал в ней. На той самой, с которой начинается Пулковский меридиан, на который мы прежде равнялись... Я пребываю именно на том месте, какое определила нам с тобой История, то бишь наш идиотский Гомеостат со своими животными инстинктами. Во всяком случае, определила для интеллигенции нашей незабвенной, но уже не существующей Родины...

Вечно дымящая и вечно смердящая «геенна огненная», которой так обожал стращать своих диссидентов твой Иисус.

Однако там тоже свой социум и свой психиум. Причем такой, что твой ненаглядный Спаситель не случайно тяготел

к этим отбросам генерального социума: «нищие духом» люмпены — те, кто более всех свободен от социальных потребностей мира сего: их легче уговорить устремиться в «мир иной», разумеется, за определенную мзду. И у плоти их вынужденно меньший уровень животных потребностей. Только самые исконные. Правда, зачастую в гипертрофированных размерах. Вот и я, следуя великим образцам, обратился к сим «несчастным». Организовал, насколько возможно организовать эту аморфно-анархическую массу, в подобие производственного коллектива, нашел потребителей нашей продукции и заключил с ними договора. Между прочим, номенклатура не так мала: металлы, черные и цветные, даже изредка и драгметаллы, макулатура, посуда, древесина, приборы и детали, тара... Не буду утомлять тебя столь вонючими подробностями.

Пригодились мне тут и мои иностранные языки, и шарм, и даже лауреатство, а главное — умение хорошо считать и логически мыслить. Я убедил инвесторов. Теперь на счету нашего «мусорного» предприятия достаточно весомая сумма. Недавно соорудили минизаводик для перегонки пищевых отходов в спирт. Отличная технология! Сам интеллект свой приложил. В общем, когда решите с Глуховым в очередной раз погудеть, рекомендую обратить внимание на водку «Вечерний звон». Гарантирую, что утром звенеть не будет. Гудеть тоже.

Так что в принципе есть в чем пойти на прием к английской королеве, к которой ты меня усиленно посылал. Но я принадлежу другой Прекрасной Даме — Вселенной. А ей плевать на мои костюмы. Мне, следовательно, тоже. Доходы предприятия идут на лечение сотрудников, среди которых нет здоровых, на устройство их жизни, что не так просто — они не желают возвращаться в общество, и в оборот, — как на нормальном капиталистическом предприятии...

Однако, само собой, «чистота — залог...». Можешь не сомневаться. Не совсем я еще опустился. Вот сейчас доберусь до своей избушки, включу газовую колонку, искупаюсь, побреюсь и отдамся своей Даме. У меня есть электромагнитный экран, с помощью которого легко заслонить-

ся от «пространства Козырева». Хотя я редко к нему прибегаю — очень уж любопытно, о чем «звезда с звездою говорит». Преинтересные, доложу тебе, Малянов, разговоры. Ежели не сдрейфишь, может, когда-нибудь и сам сподобишься услышать...

Но, пожалуй, сначала я попробую отправить тебе эту телепатограмму через «пространство Козырева». Хотя что там отправлять — все и так давно известно: «Не хлебом единым...», да «пока не умрешь, не воскреснешь». Главное, чтобы дух твой это воспринял. Тогда бояться перестанешь и будешь самим собой, а не тем, в кого тебя пытается превратить Коллективный Животный Инстинкт Человечества. От тебя зависит, каким в «час Омега» станет Бог (и станет ли вообще), а от несуществующего пока объективного Бога вовсе не зависит, каков ты.

Ну а со своим «субъективным Богом» дружи на здоровье, если тебе так лучше жить. Только не навязывай его окружающим, чтобы боги не передрались...

Вечеровский вынырнул из беседы и огляделся. Ноги привели его куда надо. Знакомый лес одобрительно покачивал облысевшими, как у него, и вечнозелеными головами. Луна выглянула в прореху между тучами и осветила раскисший от дождя ручеек тропинки.

— Благодарю, — кивнул Вечеровский и пошел по обочине. Конечно, жаль травинки-былинки, да в темноте на раскисшей тропе хуже, чем на льду, — так можно лечь, что больше не встанешь. А он всегда опасался за свои переломы.

Отличное место, жаль, от «работы» далеко. Зато воздух чистый.

Выйдя на полянку, где кособочилась его чудо-избушка, Вечеровский сразу почувствовал чье-то присутствие. Он уже давно без «зеркал Козырева» «слышал» сигналы этого «пространства».

«Не человек», — быстро понял Вечеровский. И тогда он обратил внимание на две мерцающие желто-красные точки на крыльце избушки.

— А-а-а, — сказал он вслух, — сидели звери около двери... Плохо ели — вот и сидели...

Мерцающие точки чуть переместились.

«Голодный пес, — решил Вечеровский и пошел к крыльцу. — Сейчас, зверюга, мы тебя накормим...»

И вдруг хлюпающую от его шагов тишину прорезал исполненный нечеловеческой тоски вой.

Вечеровский не испугался, но проснувшийся инстинкт пробежал ознобом по спине. Вблизи вой звучал не столь абстрактно, как давеча.

Видимо, и луна заинтересовалась происходящим, выглянув в очередную прореху.

— Ого! — воскликнул Вечеровский, хорошо рассмотрев зверя. — Мать-волчица!.. Тяжелы твои сосцы, да брюхо пусто?.. Где ж твои вечно голодные Ромул и Ремул?.. А, мне все равно, что пес, что волк — накормлю чем богат... Заходи, гостем будешь. — И потянулся рукой к двери.

И тут притихшая было волчица, взъерошив шерсть на загривке, утробно рыкнула и черным снарядом выстрелила в грудь Филу. Челюсти профессионально сомкнулись на его горле. Защищающиеся ладони судорожно ткнулись в набухшие сосцы...

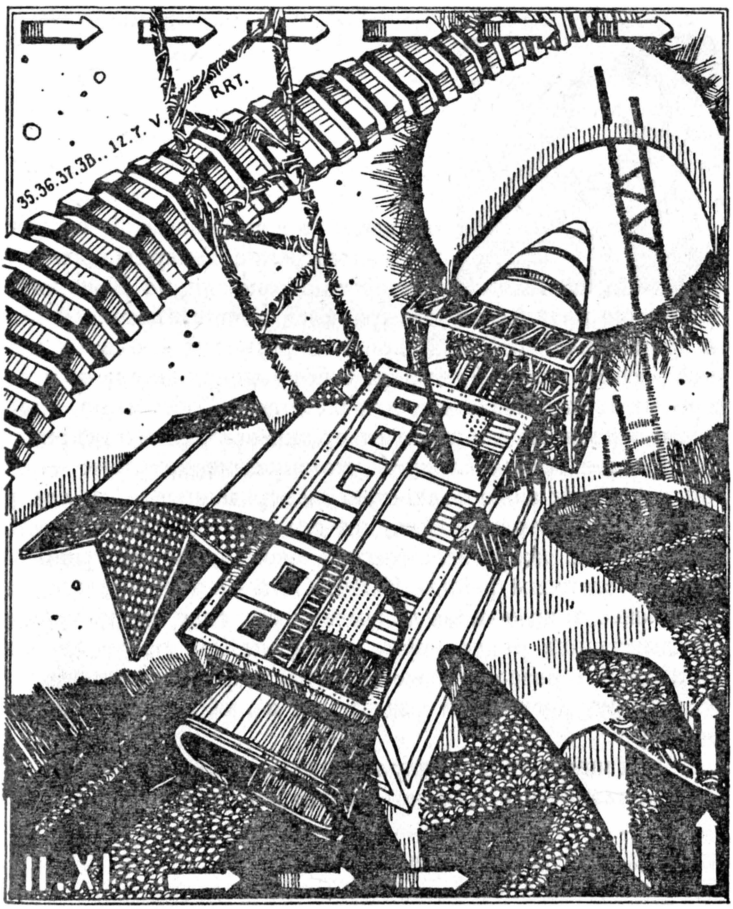
— Ма-а... — выдохнул Вечеровский.

— Ух-ху-ху-ху-у-у... — заухал со старой облезлой березы невесть откуда взявшийся филин и, тяжело шумя крыльями, полетел в темноту...

14.12.1996
Ташкент

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

Лишь разумные свободны

Художник Игорь Куприн

От публикатора

окумент, представляемый сегодня на рассмотрение Генерального Директората Комиссии по Контролю, в течение пятидесяти лет хранился в запечатанном файле в архиве КОМКОНа-2. Гриф секретности «ноль» и личное распоряжение Рудольфа Сикорски сохраняли этот документ от любопытствующих взглядов. Собственно, более всего сохраняло документ от преждевременного вскрытия то простое обстоятельство, что никакие каталоги — ни открытые, ни даже полностью засекреченные — не содержали ни названия файла, ни его индекса, ни адресата. Содержание документа было в свое время рассеяно по многочисленным файлам КОМКОНа-2 в общемировом киберспейсе, и приданная документу вирусная подпрограмма предписывала ровно через пятьдесят лет после архивации собрать разрозненные единицы информации в единую структуру, доступную для чтения в любом текстовом редакторе.

Действием этой подпрограммы и объясняется то обстоятельство, что именно сегодня, 8 октября 2230 года,

© Текст. П. Амнуэль, 1997
© Оформление. И. Куприн, 1997

документ под названием «Мемуар-2», подписанный бывшим руководителем отдела ЧП Максимом Каммерером и запечатанный личным кодом бывшего руководителя КОМКОНа-2 Рудольфа Сикорски, стал доступен для прочтения.

Поскольку никого из участников описанных в мемуаре событий в настоящее время уже нет в живых, содержание «Мемуара-2» предлагается для обсуждения членам Генерального Директората, как чрезвычайно важное для развития цивилизации.

Руководитель отдела ЧП
Комиссии по Контролю
Григорий Серосовин
8 октября 2230 года
Свердловск

22 ноября 2180 года

Звонок видеофона оторвал меня от чтения весьма занимательного документа — отчета моего агента Кирилла Костакиса о его пребывании в Институте неопознанных структур. Институт уже несколько месяцев привлекал внимание не только мое, но и отдела исторических изысканий. Там происходили события, которые, с моей точки зрения, могли быть связаны с несанкционированной деятельностью на Земле миссии голованов, а с точки зрения начальника отдела исторических изысканий Рони Мдивани, сотрудникам Института удалось-таки расшифровать и заставить действовать древнюю, еще двадцатого века, программу инициирования искусственного интеллекта. Отчет Кирилла оставлял достаточно большое поле для обеих интерпретаций, а также предлагал свою, которую я и изучал, когда неожиданный звонок заставил меня оторваться от этого увлекательного занятия.

Лысина, появившаяся на экране, могла принадлежать только Экселенцу.

— Я полагаю, ты не занят, — сказал шеф, не поднимая головы. Интересно, подумал я, есть ли у него на лысине третий глаз, или ему просто неинтересно смотреть на мою мрачную физиономию?

— А если и занят, — продолжал Экселенц, — то передай дела Панову. Час назад в системе ЕН 200244 потерпел катастрофу пассажирский звездолет «Альгамбра». Предположительно — взрыв реактора. Тебе надлежит расследовать это происшествие на месте.

Я недовольно дернул плечом. «Альгамбра», насколько я помнил, была старой транспортной посудиной, не предназначенной для перевозки пассажиров. Троекратное ускорение при старте и отсутствие удобств при переходе в нуль-режим и обратно — все эти прелести дешевого межзвездного фрахта делали «Альгамбру» непригодной для нетренированного человека. Возможно, корабль успели переоборудовать — хотя я и не понимал причины. И уж совсем нелепым было предположение о взрыве реактора — такого не случалось уже лет семьдесят, а с новыми типами переходников — вообще никогда.

— Сколько погибших? — спросил я.

Экселенц соизволил наконец поднять голову и бросить на меня косой взгляд.

— Восемь, — сказал он, — включая экипаж.

На кораблях типа «клон», к которому принадлежала «Альгамбра», экипаж составлял семь человек. Значит, на борту был всего один пассажир. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что именно личность погибшего пассажира заставила Экселенца оторваться от деловой текучки. И поскольку позвонил он не кому-нибудь, а именно мне, то сделать вывод не составляло труда. Впрочем, я не стал сразу выкладывать свои соображения.

— «Альгамбра» шла через систему ЕН 200244 транзитом, и на единственной обитаемой планете этой системы, Альцине, взяла на борт пассажира по имени Лучано Грапетти...

Экселенц уставился на меня своими пронзительными голубыми глазами — хотел проверить мою реакцию. Полагаю, что отреагировал я адекватно.

— «Детонатор»? — спросил я.

Экселенц хмыкнул.

— В том-то и дело, — сказал он. — Никакой реакции... Но это лишь одна странность. Вторая: Грапетти, работавший в Институте биоформирования, не имел ни малейших причин бросать на середине начатый на прошлой неделе эксперимент, мчаться в космопорт, договариваться о месте на первом же звездолете, весьма далеком от комфортности, — а через неделю, кстати, к Земле должен уйти «Магеллан», — и, заметь, он даже не переговорил с женой, лишь оставил сообщение на автоответчике.

Конечно, это выглядело странным. Еще более странным выглядело то, что «детонатор» под номером четыре — именно под таким номером значился в списке «подкидышей» Лучано Грапетти — никак не отреагировал на трагедию. Вариантов было два: либо Грапетти не было на борту в момент взрыва, либо «детонатор» разрушится несколько часов спустя — именно это произошло после гибели Томаса Нильсона.

— Вопросы есть? — спросил Экселенц, тоном своим давая понять, что ни на какие вопросы отвечать не намерен.

— Нет, — ответил я. Вопросов у меня было множество, но задавать их Экселенцу не имело смысла — ответов он, как и я, не знал.

— Через час сорок стартует «Арбель», — сказал Экселенц и провел ладонью по лысине. Редкие волосинки немедленно встали торчком, будто наэлектризованные. — Он пройдет через систему ЕН 200244 и высадит тебя на базовом спутнике. Космодром «Мирза-Чарле», стартовая башня шесть-а.

Такими мелочами, как заказ для своих сотрудников места на транспортах, Экселенц не занимался никогда. Очевидно, он хотел, чтобы мой отлет остался в тайне даже от моих подчиненных. Я не стал лишний раз убеждаться в этом, задавая наводящие вопросы.

— Панова предупрежу, что отправляюсь в миссию голованов, — сказал я раздумчиво, краем глаза оценивая

реакцию собеседника. Экселенц кивнул. — Обычно это занимает у меня три-четыре дня. Полагаю, этого времени мне хватит, чтобы разобраться в ситуации.

— Надеюсь, — буркнул Экселенц. — Докладывать будешь каждые сутки через нуль-И. Успеха.

Экран погас.

* * *

Посидев минуту в раздумье, я вызвал на дисплей ввод общемирового киберспейса и, назвав свой личный регистрационный номер, затребовал информацию из сектора «КОМКОН-2 / ЧП / близнецы / детонаторы». Естественно, пришлось набрать на клавиатуре еще несколько кодов, включая последний, введенный лично Экселенцем около года назад исключительно для моего пользования. Похоже, что система не желала расставаться с информацией, как алкоголик не хочет даже под страхом смерти расстаться с единственной оставшейся бутылкой.

На экране появился наконец базовый каталог, и я вызвал сведения по четвертому номеру. Меня интересовали данные за последний месяц, но для полноты картины я заставил себя проглядеть карт-информ Лучано Грапетти с самого начала.

Родился, естественно, как и все «подкидыши», 6 октября 38 года. Единственный, кто, в порядке эксперимента, увидел свет не на Земле, а в родильном отделении клиники Теплый Сырт, Марс. В качестве посмертных родителей записаны Анна-Луиза Мончинелли и Карло Грапетти. Анна-Луиза погибла при сходе оползня в провинции Аккамарель, южнее марсианского Большого Разлома. Произошло это весной 35 года, и Карло ненадолго пережил жену — осенью 36-го он был очень неосторожен при отладке лучевого ружья, собираясь охотиться на марсианских пустынных пауков. Исключить самоубийство не смогли, но и доказать ничего не сумели.

До семи лет Лучано рос в семье Джемисонов, работавших врачами в клинике Теплого Сырта, а затем, когда на локтевом суставе появился знак «подкидыша» («Сабля» в случае Лучано), был отправлен на Землю — не столько

по собственному желанию, сколько по решению Комитета Тринадцати, против чего приемные родители, естественно, возразить не могли. Далее: интернат Монтевидео, колледж Стемацки на острове Аранаком у западного берега Африки, высшая школа биотехнологии в Джезказгане и, конечно же, назначение на работу в колонию, только что организованную на планете Альцина в системе красного карлика ЕН 200244. Семь с половиной парсеков от Солнца. Апрель 59 года.

С того времени Лучано Грапетти ни разу не бывал на Земле. Никаких сомнений по поводу своего происхождения Грапетти не высказывал никогда. К родителям своим (не зная, естественно, о том, что они — приемные) он относился снисходительно, регулярно беседовал с ними по нуль-И, но вовсе не рвался ни на Марс, ни даже на Землю, где провел лучшие годы детства и юности. Сначала это обстоятельство казалось нам с Экселенцем странным, но впоследствии мы пришли к выводу, что характер Лучано, выкованный сначала Джемисонами, а затем Учителем Соловиным и Наставником Ле-Кардо, обладал высочайшей степенью приспособляемости к условиям среды. Он достаточно быстро и очень сильно «притирался» к местным условиям — так было и в школе, и в колледже, — и менять их на что бы то ни было иное даже на непродолжительное время казалось ему мукой мученической, на которую он мог пойти лишь в крайнем случае, каковой ему, конечно же, стараниями Экселенца никогда не представлялся.

Информ-блок месячной давности ничем не отличался от предыдущих. Грапетти работал в Институте биоформирования экологии Альцины, ставил рутинные эксперименты, жил вот уже полтора десятка лет с любимой женой Таней и не имел детей, как не имел их никто из «подкидышей». Ни странное родимое пятно на локтевом сгибе, ни некоторые детали собственной биографии, похоже, Лучано Грапетти не интересовали. Номер «04» всегда был идеальным объектом для наблюдения и среди всех «подкидышей» единственный ни разу не доставил хлопот. Даже после гибели Льва Абалкина.

Особенно после гибели Льва Абалкина, когда надзор за оставшимися в живых «подкидышами» был многократно усилен.

Что же произошло в последние двадцать четыре часа?

* * *

Я вышел из кабинки нуль-Т в двухстах метрах от стартового поля номер шесть-а, где транспортный «мираж» под названием «Арбель» уже, как говорится, разводил пары. Сравнение было к месту, поскольку весь комплекс был окутан белесыми парами гелия-2, которыми корпус «промывался» перед прыжком в нуль-пространство. Пока я шел, не торопясь, к разинутому зеву главного трюма, гелий растаял и исчез, оставив корпус блестеть на солнце будто елочную игрушку.

Я прошел в предоставленную мне каюту и заперся, поскольку за время перелета хотел освежить в памяти не только биографию погибшего Грапетти, но и сведения об остальных «подкидышах» — я был практически уверен в том, что операция, перешедшая после гибели Абалкина (убийства Абалкина, если быть честным хотя бы наедине с собой) в латентную фазу, по каким-то причинам вновь активизируется, и мне придется играть в принятии решений не последнюю роль.

Не хотелось.

Ни разу после того трагического дня в Музее внеземных культур мы не разговаривали с Экселенцем о Льве Абалкине. Служебное расследование, предпринятое Комитетом Тринадцати, прошло на удивление быстро и закончилось принятием решения о том, что действия Рудольфа Сикорски были хотя и необратимыми, но единственно верными в сложившейся ситуации. О том, что сама ситуация сложилась именно так во многом благодаря действиям того же Сикорски, в решении Комитета не было сказано ни слова.

На следующий день после трагедии, вскоре после вскрытия, не обнаружившего никаких отклонений ни в анатомии, ни в физиологии — с точки зрения патолого-

анатомов Абалкин оказался патологически зауряден, — Экселенц поручил мне какое-то немыслимо занудное дело, о котором я сейчас помнил только то, что решать проблему мне пришлось, пролеживая бока в киберспейсе Валдайского института негуманоидных культур. Я даже не помнил, в чем, собственно, состояла проблема, — решал я ее, как говорится, «на автопилоте», мысли были заняты Львом Абалкиным, а крик Майи Тойвовны Глумовой — страшный, как вопль короля Лира над телом Корделии, — не отпускал меня даже в ночных кошмарах.

Потом это прошло — всё, как известно, проходит. Остались другие «подкидыши», и опасность, аналогичная «синдрому Сикорски», вовсе не стала меньше. Но Экселенц то ли предпочитал контролировать ситуацию сам, то ли полагал, что ситуация не нуждается в особом контроле, — но, как бы то ни было, за два года, прошедшие после выстрелов в Музее, ни разу шеф не упоминал при мне Абалкина и ни разу не заводил разговор об оставшихся в живых «подкидышах». Но информацию по проблеме для меня открыл и предоставил свободу для размышлений. Действия, естественно, не предусматривались.

Сейчас, удобно расположившись в противоперегрузочном кресле с кибер-виртуалом, нацепленным на манер старинных очков, я запустил информационный блок от даты 4 июня 78 года, предполагая заполнить лакуны в собственных знаниях.

* * *

Номер 1. Рахман Аджеми. Знак «Крыло» — удлиненная фигура, напоминающая крыло самолета. Инженер коллекторных сетей, воспитывался в интернате «Пальмы», Дубаи. В день завершения операции «Подкидыш» находился на своем рабочем месте (энергетическая фабрика на Радоване в системе ЕН 94813). На изменение ситуации (смерть Льва Абалкина) реакции не последовало. В 79 году получил повышение, стал директором той же фабрики, в каковой должности пребывает до сих пор. Женат. Дважды изъявлял желание посетить Землю —

оба раза с целью показать жене заповедники Северной Америки и музеи Парижа, Лондона и Москвы. Оба раза поездки срывались из-за «неожиданных» сбоев в производственном процессе на фабрике. В настоящее время живет в Арден-сити, Аппермановский континент Радована. Согласно агентурным данным, ситуация полностью стабильна и находится под контролем. («Интересно, — подумал я, — понял ли агент КОМКОНа-2, приставленный к Аджеми, почему, собственно, надлежит держать под наблюдением этого спокойного и ничем особым не примечательного человека?»)

Номер второй — Томас Нильсон — в списке отсутствовал: знак «Косая звезда» погиб двадцать три года назад на Горгоне при обстоятельствах, не исключавших возможность самоубийства.

Третий номер — Мелия Глоссоп, знак «Ф удлиненное» (вообще-то говоря, фигура эта лишь отдаленно напоминала русское «Ф», но любые другие буквы любого другого алфавита она напоминала еще меньше). Воспитывалась в интернате «Ручьи», Норвегия. С 57 года живет на Марсе, долина Эскориала, поселок Малые Сфинксы. В день окончания операции «Подкидыш» находилась в отпуске — путешествовала с компанией друзей по предгорьям Никс Олимпика. На изменение ситуации реакции не последовало. За все время наблюдения ни разу не изъявляла желания посетить Землю, а равно и другие планеты, входящие в современный ареал человечества. По характеру домоседка. (По-моему, агент-наблюдатель должен был покрыться волосами от безделья и видимой бессмысленности своей работы.)

Номер 4 — Лучано Грапетти, знак «Широкая сабля». Это можно было пропустить, о бедняге Лучано я уже знал всё. Или ничего — в зависимости от того, имела ли усвоенная мной информация хоть какое-то отношение к его поступкам и гибели.

Пятый номер — Алекс Лурье, знак «Омега-плюс», подобие греческой буквы с крестиком посредине. Воспитывался в интернате «Дюк», Одесса. Закончил экономический колледж при Одесском университете и сразу по окон-

чании получил лестное предложение работы в Экономической миссии на Тагоре, куда и отбыл незамедлительно. На Тагоре, однако, не ужился — точнее говоря, попросту сбежал от неудачной любви. После чего переквалифицировался в Прогрессоры. В день окончания операции «Подкидыш» работал на Гиганде, используя в качестве прикрытия должность экономического советника при одном из многочисленных сыновей Герцога Алайского. Оказалось, что именно такая жизнь была Алексу Лурье больше по вкусу. В 79 году женился на Альбине Алайской, особе, судя по донесениям, предельно вспыльчивой и имевшей на беднягу Алекса непреодолимое влияние. На Земле после окончания колледжа Лурье побывал один-единственный раз — по служебной надобности, причем за все время своей двухнедельной командировки (май 76 года) не интересовался ни Музеем внеземных культур, ни вообще какими бы то ни было земными достопримечательностями, предпочитая им многочасовые диспуты с коллегами-экономистами о путях и методах решения экономических проблем монархических цивилизаций.

Номер 6 — Татьяна Додина-Привалова, знак «Раскрытая книга» (хотя, на мой взгляд, фигура на локтевом сгибе этой удивительно красивой женщины больше напоминала птицу в полете). Воспитывалась в интернате «Левкой», Вологда. Работник Мирового киберспейса, отделение на Прибое (система ЕН 343293). Единственный, кстати, случай, когда «подкидыш» использовал все доступные средства для того, чтобы нацело свести «проклятое родимое пятно», почему-то мешавшее Татьяне Приваловой (Додин — фамилия ее первого мужа, которого она оставила сразу после медового месяца) жить на этом свете. Похоже, Татьяна решила, что синяя птица на локте играет в ее жизни роковую роль — в 61 году она даже пыталась попросту вырезать этот участок кожи вместе с мышцами и мясом, операция варварская, решился на нее некий абориген с Прибоя, наученный хирургии первым еще поколением Прогрессоров. В результате Татьяна едва не умерла, «процесс изъятия», естественно, ни к чему не привел. Точнее, результатом был лишь очередной брак Татьяны —

она вышла замуж за незадачливого хирурга и хотя детьми, по естественным причинам, не обзавелась, но мужа своего, по-видимому, любила по-настоящему. Не думаю, что Акрус Второй Седьмой (так звали мужа-прибойца) мог по-настоящему оценить нордическую красоту своей супруги. Как бы то ни было, Татьяна никак не отреагировала ни на окончание операции «Подкидыш», ни на сегодняшнюю гибель Грапетти. (Агент-наблюдатель, кстати, был заменен после того, как допустил ошибку — позволил Татьяне совершить варварскую операцию по снятию родимого пятна.)

Номером седьмым был Лев Абалкин, и, конечно же, этот информационный блок был из системы изъят.

Восьмым номером шла Матильда Генриховна Геворкян, знак «Контурный интеграл». С равным успехом я мог бы назвать этот знак «Морской волной». Или «Морским коньком». Фантазия у Экселенца и его коллег по Комитету Тринадцати была в свое время несколько изощренной. Матильда Геворкян, хотя и числилась посмертным ребенком Марты и Генриха Геворкянов, имела столь явно выраженную монголоидную внешность, что это обстоятельство должно было ее не просто беспокоить, но очевидно — наводить на мысль о существовании тайны личности. Здесь не было просчета Комитета — до десятилетнего возраста Матильда, имевшая нос с горбинкой и огромные черные глаза, вполне соответствовала своей армянской фамилии. Но после появления на локтевом сгибе родимого пятна странным образом на протяжении полутора лет изменились и форма носа, и цвет глаз (черный сменился зеленовато-карим), а лицо расширилось и приобрело монголоидные черты. Менять фамилию и анкетные данные было уже поздно, и потому за развитием ситуации КОМКОН-2 следил особенно тщательно. После интерната («Каньон» в Швеции) был колледж, потом университет (Калифорния), специализация по негуманоидным культурам. Затем — Пандора. Прогрессором Матильда не стала, но много лет работала в орбитальных штабах, работу свою любила, личная жизнь ей, конечно же, не удалась, но, похоже, это ее не беспокоило. В день

окончания операции «Подкидыш» Матильда находилась на борту флаг-звездолета «Астарта» — штаба Прогрессоров в системе Пандоры. На изменение ситуации никак не отреагировала. Сегодня, когда погиб Грапетти, Матильда Геворкян, согласно донесению агента-наблюдателя, занималась составлением рутинного отчета и оторвалась от этой малоинтересной работы лишь для того, чтобы пропустить в баре «Астарты» стаканчик смородиновой наливки.

Судьба девятого номера оказалась печальной, о чем я узнал с огромной грустью. Ю Ю-Ма, маленькая японка (знак «Изогнутый меч»), умерла несколько месяцев назад на Надежде от быстротечного рака легких, который распознали слишком поздно для того, чтобы отправить женщину в стационарный госпиталь на одну из развитых планет.

Обнаружив эту информацию, я затребовал подтверждение по медицинским директориям и получил требуемое. Все оказалось именно так — совершенно нелепая ситуация в наше время, когда от рака умирают лишь явные самоубийцы. Похоже, что Экселенц был поражен не меньше меня, и медики Надеждинской миссии крепко поплатились за свою ошибку. Оправдывало их лишь то, что Ю Ю-Ма работала с обнаруженными на Южном материке Провалами Странников, к врачам не обратилась даже тогда, когда появились боли, не явилась на стационарный осмотр и лишь после третьего напоминания прибыла в медслужбу, где сразу же и обнаружилась страшная болезнь. Сразу — но поздно.

Детонатор с символом «Изогнутый меч» исчез из своего гнезда через пять часов после того, как экстренным рейсом на Землю было доставлено тело Ю Ю-Ма (через двадцать три часа синхронизированного времени после ее смерти). Для специалистов — богатый материал по исследованию связи «подкидыша» с детонатором. Похоже, что никакие определенные выводы сделаны не были.

Номер 10 — Ганс-Дитрих Фихтер. Знак «Растянутая бесконечность». Интернат «Грибница», Прикарпатье.

Институт экспериментальной истории в Москве. Прогрессор по призванию. Похоже, что призвание это было тщательно вылеплено Учителем, а затем Наставником. Как бы то ни было, сам Ганс-Дитрих никогда не сомневался, что рожден Прогрессором. Мы не были знакомы с ним по естественной причине — с самого начала своей профессиональной карьеры и по сей день Фихтер работал на Сауле, где мне не пришлось побывать ни разу. Он пребывал там и сейчас, и на нем никак не отразились ни окончание операции «Подкидыш» в 78 году, ни сегодняшняя гибель Грапетти.

То же самое можно было сказать и об одиннадцатом номере — Корнее Яшмаа (знак «Эльбрус»), единственном из «подкидышей», который знал правду о своем происхождении. Он никогда не ощущал себя «автоматом Странников», за долгие годы работы Прогрессором достиг наибольших возможных высот в своей специализации, а его достижения во время пребывания агентом-двойником в лесах Гиганды (69—77 годы) вошли в учебники. Похоже, что Яшмаа более других ощущал свою принадлежность к человечеству, несущему, с позволения сказать, свет истинного прогресса в отсталые миры... и все такое.

Номер 12, Эдна Ласко, знак «М готическое», погибла еще в 50-м году в Северных Андах — предположительно, в результате эксперимента по разрушению детонатора. Эксперимент такого рода был единственным, впоследствии не делалось даже попыток каким бы то ни было образом воздействовать на детонаторы или на гнезда, в которых эти детонаторы располагались.

И наконец, номер 13, Джордж Полански, знак «R с полумесяцем». Странная личность, никогда и ничем толком не интересовавшаяся. Интернат «Вечер» на Миссури. И Учитель, и Наставник считали Полански своим педагогическим провалом — мальчик учился, не прилагая усилий, но было похоже, что применять приобретенные знания он не собирался. После интерната странствовал по странам и континентам, нигде не задерживаясь дольше чем на два-три месяца. В конце концов Комитет Тринадцати решился на крайнюю меру — Джорджа попросту

сплавили с Земли, сагитировав на путешествие по Леониде. Это было вполне безопасно — и в характере Полански. С тех пор Джордж никуда с Леониды не отлучался, благо на планете было достаточно места для путешествий. Никакой полезной профессией Полански не обзавелся, его никогда не интересовало, что происходит за пределами его мирка, который он ограничивал сам. Было высказано предположение об его умственном нездоровье, но все обследования (на Леониде с этим не было проблемы) показывали, что здоровее Джорджа Полански может быть разве что киборг, да и то не первого, а более поздних поколений.

Как бы то ни было, Полански никак не отреагировал на окончание операции «Подкидыш», а весь сегодняшний день провел на естественном пляже в обществе двух дам неопределенного возраста, явившихся на Леониду с Земли погулять и поглазеть на «зеленых человечков».

Я не представлял, как могла бы вся эта информация помочь мне в расследовании гибели Лучано Грапетти, но мысленно поблагодарил Экселенца хотя бы за то, что он позволил мне узнать то, что, как мне казалось, я должен был знать с самого начала.

* * *

«Арбель» пришвартовался к стационарному спутнику, и мне пришлось добираться до планеты на челноке — одноместной посудине, больше приспособленной, по-моему, для перевозки небьющегося груза. Автоматика посадила челнок на самом краю поля, никто и не подумал меня встретить (думаю, что никто и не был предупрежден о моем приезде — очередная причуда Экселенца), и я, зарегистрировав свое прибытие в информ-блоке и назвавшись, по старой памяти, журналистом, перекинул через плечо походный рюкзак и побрел к вокзалу, соображая на ходу, к кому было бы естественней всего обратиться, чтобы, не теряя времени, приступить к работе.

Комиссия по расследованию причин катастрофы — самое естественное, что можно придумать, но туда мне путь заказан. У них свои проблемы, у меня свои.

С тихим шелестом с неба прямо на меня опускался звездолет-разведчик класса «дельфин». Впечатление было, конечно, обманчивым — посадочная площадка находилась более чем в двухстах метрах, — но я все же поспешил укрыться под порталом космовокзала. И лишь тогда ощутил на себе всю прелесть пониженной силы тяжести Альцины. С трудом затормозив, я схватился обеими руками за колонну и услышал рядом с собой тихий смешок.

Это была женщина невысокого роста — она едва доставала мне до плеча, — с длинными светлыми волосами, совсем не по моде опускавшимися до талии, и с чуть раскосыми глазами, которые казались не на своем месте, потому что лицо женщины было типично русским.

— Простите, — сказал я, улыбнувшись. — Я только что прилетел и еще не адаптировался к вашей силе тяжести.

— Да, — отозвалась женщина. — Челнок. Собственно, я вас здесь дожидаюсь. Мое имя Татьяна Шабанова.

Ну конечно. Жена (теперь уже — вдова) Грапетти.

— Простите, — еще раз сказал я, мрачнея. — Это так ужасно... Приношу свои соболезнования. Собственно, я здесь для того, чтобы разобраться, как это могло произойти.

— Разбираться будет комиссия Шабтая, — сухо сказала Татьяна, повернулась и пошла ко входу в здание космовокзала. — Я не понимаю, зачем Земле нужно было присылать еще и своего представителя.

— Где сейчас члены комиссии? — спросил я, полагая, что это сейчас самый естественный вопрос.

— На орбите, где же еще? — Татьяна повела плечом. — А мне запретили. Почему? Я жена. Я имею право видеть. Мы с Лучано жили пятнадцать лет. Я люблю его, хоть это они понимают?

Татьяна почти кричала, я топал за ней, как напроказивший школьник, мы прошли в небольшую дверь и оказались в комнате, напоминавшей прихожую обычной квартиры — здесь был диван, журнальный стол, окно-экран

с видом на лесную поляну и бар, который при нашем появлении мягким перезвоном напомнил о том, что имеет полный набор напитков. Я не сразу сообразил, что дверца, в которую мы вошли, была на самом деле нуль-Т-мембраной, и Татьяна привела меня, скорее всего, к себе домой. А может, и куда-то в иное место, где, по ее мнению, можно было поговорить без помех и свидетелей.

— Таня, — сказал я минут пять спустя, когда мы сидели друг против друга, и взаимное разглядывание привело к взаимному же решению быть друг с другом предельно откровенными, — Таня, что происходило здесь в последние дни? Что могло стать причиной неожиданного решения Лучано отправиться на Землю? Вы не знали об этом?

— Мне ничего не было известно. — Татьяна налила себе какой-то багряного цвета напиток и выпила залпом. — Ничего, — повторила она. — Вечером мы, как обычно, смотрели новости, потом читали. Лучано заканчивал эту жуткую книгу... Поливанов, «Златые горы», знаете? Там просто невыносимый киберспейс, выбираешься, как из вонючей клоаки... Мы как-то начали вместе, но я не смогла дальше третьего кадра... О чем это я? Да... Я уснула, Лучано еще читал. А ночью проснулась от странного ощущения... Как вам объяснить? Будто все пусто кругом... Лучано не было ни в спальне, ни в квартире, нигде. Я обратилась к следовому файлу и узнала, что Лучано поехал в порт. Это было в два сорок. В четыре со стационара уходила «Альгамбра», и он как раз успел на челнок...

Она замолчала.

— Вы пытались связаться с «Альгамброй»? — спросил я.

— Конечно... Я не могла выйти на прямую связь, поскольку шли предстартовые операции. Но потом мне дали линию, это было уже после того, как «Альгамбра» покинула стационар и шла с ускорением. И я...

О, Господи! Экселенц не сказал мне об этом (вероятно, и сам не знал). Она видела, как все произошло. Она видела, как...

— Таня, — сказал я, — если вам трудно об этом... Я вовсе не хочу, чтобы вы... Я уйду, и мы встретимся позднее. Завтра.

— Нет, — неожиданно твердо сказала Татьяна, но взгляд ее, брошенный на меня, вовсе не был твердым. Она боялась остаться одна. — Максим... Вас ведь Максим зовут, верно?

— Простите, — пробормотал я в который уже раз, — так все... Я даже не назвал себя.

— Я знаю, — отмахнулась Татьяна. — Вы Каммерер, сотрудник КОМКОНа.

Интересно, какую информацию скормил ей уважаемый Экселенц?

— В последнее время, — я делал вид, что рассуждаю вслух, — Лучано не проявлял какого-то интереса к Земле?

— Никакого, — покачала головой Татьяна. — Мы довольно часто смотрели видовые передачи — Алтай, Северная Америка... Несколько раз — Италия, Рим, Помпеи. Знаете, Лучано с гораздо бóльшим, по-моему, интересом смотрел репортажи с Пандоры или с какой-нибудь там Цирцеи.

— Ну почему же, — раздумчиво сказал я, — он ведь провел на Земле лучшие двадцать лет...

— Лучшие? — подняла брови Татьяна. — Да какие там лучшие! В первые наши годы он рассказывал мне о своем детстве. Это был кошмар! Я просто не понимала, что за Учитель был у Лучано! А Наставник — еще хуже.

— Простите?

— Учителем был Альдо Вахана, науки у Лучано действительно шли хорошо, но он терпеть не мог сверстников, все они казались ему каким-то быдлом, стадом, и этот Вахана помогал Лучано культивировать в себе мизантропию. Вы можете это представить — в школе первой, а потом и второй ступени! Наставник продолжал ломать характер Лучано, ведь тот по натуре вовсе не был таким. В результате после колледжа Лучано ни минуты не захотел оставаться на Земле — они сделали из него просто

невыносимого в общении человека... Вам налить, Максим? Это хороший тоник, очень рекомендую с дороги.

— Налейте, — согласился я. Эта женщина поражала меня. Такая экспрессия, и неожиданно — совершенно спокойное предложение. Рекомендую с дороги. А Учитель — просто негодяй. У Ваханы было задание, и он это задание выполнил.

Татьяна налила мне в бокал на полпальца багряного напитка, и я отхлебнул. Нужно было предупреждать, однако. Здесь было градусов шестьдесят, не меньше.

— Таня, — сказал я, откашлявшись, — давайте подумаем вместе. Лучано не имел желания побывать на Земле. Значит, что-то произошло. Причем именно в последние часы, иначе вы бы это давно заметили, верно? Какие-то контакты? Встречи? Книги? Передачи? Любая мелочь могла... Или не могла?

— Не могла, — уверенно сказала Татьяна. — Ни мелочь, ни что-то более существенное. Да ничего и не было. Я имею в виду — внешне. Работа, работа, у него шли эксперименты... Мы работали в разных лабораториях, хотя и в одном отделе. Я знала, чем занимался Лучано, а он знал, что делаю я. Сканирование мультиклонированных биополимеров — вам это о чем-нибудь говорит?

— Нет, — вздохнул я. — Но, Таня, так мы не сдвинемся с места. Что-то должно было быть... Ну хорошо. Я понимаю, что сейчас вам... Давайте встретимся завтра. Или лучше — послезавтра. Дни вам предстоят нелегкие, и я вовсе не хотел бы... А послезавтра обсудим. Хорошо?

Я встал. Татьяна смотрела на меня снизу вверх, я только теперь заметил, что под глазами у нее набухли мешки — похоже, их и не было час назад, когда она встречала в космопорту посланника КОМКОНа-2.

— Хорошо, — сказала она равнодушно. — Рекомендую гостиницу «Аква».

Я подхватил рюкзак и пошел к двери, пробормотав на прощание какое-то вполне бездарное выражение сочувствия, в котором Татьяна, судя по всему, не нуждалась.

— Послушайте, Каммерер, — сказала женщина мне в спину, — может, хотя бы вы скажете мне — почему? Почему, черт возьми, моему мужу нельзя было лететь на Землю? Вы ведь это хотели сказать своими вопросами?

Я остановился на пороге. Разве это объяснишь в двух словах? Да и не в двух не объяснишь тоже.

— Тайна личности, — пробормотал я, злясь на самого себя. — Он не должен был знать тайну своего рождения.

— И только-то? — поразилась Татьяна. — Но Лучано прекрасно знал эту вашу проклятую тайну. И о близнецах своих знал. И это всё?

Я осторожно положил на пол рюкзак и вернулся к столу.

* * *

В номере гостиницы «Аква» было слишком жарко, и я раскрыл все окна, а также дверь, которая вела на широкий балкон, откуда открывался замечательный вид на город Альцина-Прим, на речной порт Альцина-Секунда и на космическую гавань. Здесь наступил вечер, бордовое солнце Альцины — красный карлик ЕН 200244 зацепился краем за крышу какого-то небоскреба, да так и застыл, раздумывая, видимо, продолжить ли путь к горизонту или лучше вернуться назад, к зениту. Нужно было срочно звонить Экселенцу, и я уже заказал охраняемый от помех канал нуль-И. Но мысли в моей голове еще не вполне отложились. Конечно, я понимал, что Экселенцу на данном этапе расследования плевать на мои мысли, ему нужны факты, мысли он приложит свои. Но мне очень не хотелось играть, как во время операции «Подкидыш», нелепую и очень неприятную роль дурака-коверного, лишь в последний миг гала-представления прозревающего для того только, чтобы воскликнуть «ах!» при финальном выстреле укротителя.

Сигнал вызова прогудел, когда я стоял посреди салона в чем мать родила и растирался после холодного душа махровым полотенцем. Обернув полотенце вокруг бедер, я сел к аппарату. Сигнал шел с запаздыванием — не из-за

нуль-И, конечно, просто волна должна была еще пройти от передатчика на Земле до спутника на стационарной орбите, где был нуль-передатчик, а потом, в системе ЕН 200244, расстояние от местного спутника-приемника до информ-центра в Альцине-Прим. В результате несколько секунд после включения Экселенц мрачно смотрел в пустой еще экран, а я любовался его физиономией со следами бессонной ночи под глазами. Черт, подумал я, в Свердловске же сейчас даже не рассвело, нужно было звонить позднее.

— А, это ты, — сказал Экселенц, когда на его экране появилось изображение. Интересно, кого еще он ждал в эти минуты? — Докладывай.

— Татьяна Шабанова, жена погибшего, встречала меня в космопорту и знала, чьим представителем я являюсь.

Я сделал паузу, чтобы увидеть реакцию Экселенца. Реакция превзошла даже мои завышенные ожидания. Экселенц придвинул лицо к камере, так что его огромный, в синих прожилках, стариковский нос занял чуть ли не все поле зрения. Он произнес что-то вроде «Ну, черт их...», и, похоже, стул, на котором он сидел, свалился на пол — если судить по грохоту и по тому, как Экселенц, отодвинувшись от экрана, начал совершать странные телодвижения, нащупывая нижней частью туловища потерянную опору.

— Второе, — продолжал я. — Татьяна Шабанова, прожившая с Лучано Грапетти в любви и мире больше пятнадцати лет, вовсе не выглядит потрясенной смертью мужа. Она собранна, спокойна. Временами даже улыбается.

Я сделал еще одну паузу, поскольку Экселенц вовсе исчез с экрана. Он наконец поднял стул и уселся на него верхом, показав мне свою знаменитую лысину. Ну хорошо, от вопросов он отгородился, да я и не собирался их пока задавать. У меня еще не закончился запас разоблачений.

— Третье, — сказал я. — Лучано Грапетти не интересовался тайной своего происхождения по очень простой причине: ему эта тайна была известна.

— Как? — прокаркал Экселенц несколько секунд спустя. — Ты уверен в своих словах?

— Тайна личности Грапетти была известна и его жене.

Лысина Экселенца продолжала совершать на экране странные возвратно-поступательные движения. Экселенц думал. Трех предложений, сказанных мной, ему было достаточно для того, чтобы делать выводы.

— Подробнее, — потребовал наконец он, явив на экране свое лицо и глядя мне в глаза, — не упускай никаких мелочей. И сначала.

Мне стало прохладно, ржавое солнце скрылось-таки за соседним небоскребом, и свежий ветерок обернул меня холодным сухим листом. Я встал и, дав Экселенцу возможность еще немного подумать, скинул на пол полотенце, набросил лежавший на постели халат, перевязался поясом и вернулся к аппарату. Экселенц сидел неподвижно и ждал продолжения.

— Года полтора назад, вскоре после гибели Абалкина... — я сделал паузу, но не дождался реакции Экселенца, — Лучано сказал ей, что у него есть несколько братьев и сестер, живущих на разных планетах. На вопрос жены, почему он не поддерживает со своими родственниками контактов, Лучано ответил, что контакт между ними осуществляется постоянно, они просто чувствуют друг друга. Он знал, что одна из его сестер погибла в двенадцатилетнем возрасте. Он знал, что один из его братьев покончил с собой, но не знал причину. Он знал, что другой его брат отправился на Землю и там погиб.

— Стоп, — сказал Экселенц. — Знал или чувствовал?

— Знал, — подтвердил я. — Именно это слово использовала Татьяна. Но это было интуитивное знание. Догадка. Озарение. Ситуация Кекуле-Менделеева. Насколько я понял, контакты между «подкидышами» в течение многих лет происходили на подсознательном уровне и лишь в критические для этой... м-м... семьи моменты знание осознавалось.

— Откуда Шабанова узнала о твоем прибытии? — каркающим голосом спросил Экселенц. Перевел разговор, решил обдумать информацию.

— Не поверите, Экселенц. От астролога.

— От... кого?!

— От астролога, — с долей злорадства повторил я. Похоже, что Экселенц ожидал любого ответа — от начальника космопорта до резидента Странников на Альцине, — но не того, который услышал. Впрочем, Экселенц не был бы самим собой, если бы пребывал в изумлении больше чем долю секунды, необходимую, чтобы привести в порядок мимику.

— Ну-ну, — сказал он иронически. — В таком случае ответь мне, от кого узнал о твоем прибытии этот... м-м... специалист. Мне нужно конечное звено цепочки, а не промежуточные.

— Боюсь, что конечным звеном цепочки в данном конкретном случае является расположение планет системы ЕН 200244 в небе Альцины.

Экселенц потер лысину обеими руками и скосил глаза куда-то в сторону. Проверяет, подумал я. Вызвал на соседний дисплей информацию о развитии астрологии. Это я уже проходил — сразу после разговора с Татьяной. Шеф мог бы спросить у меня — узнал бы о том, что на Земле в настоящее время насчитывается 27 астрологических обществ, профессиональная корпорация астрологов имеет в своих списках 2966 специалистов, работающих на 14 планетах. Меня лично эта информация ни на йоту не приблизила к пониманию простого факта: именно Ванда Ландовска, астролог-консультант, сообщила Татьяне Шабановой, что расследовать гибель «Альгамбры» будет представитель с Земли, который прибудет сегодня. Рассчитать, когда и куда прибудет означенный представитель, Татьяна сумела и без посторонней помощи.

— Ну хорошо, — пробормотал он. — Астролог так астролог. Ты с ним говорил?

— С ней, — поправил я. — Пока нет. Меня куда больше заинтересовал рассказ Татьяны Шабановой. Согласитесь, шеф, что, если она правильно поняла мужа, мы вели в отношении «подкидышей» с самого начала неверную линию расследования.

Мы. Нужно было сказать: вы, дорогой Рудольф Сикорски. И Абалкина вы застрелили напрасно. Вы просто убийца, вы думали, что вы на войне, но это было не так, и то, что вы об этом не знали, нисколько не снимает с вас вины. Ну хорошо — с нас, пусть будет с нас.

Экселенц посмотрел мне в глаза, и я понял, что сейчас наконец-то последуют точные указания, и мне — во всяком случае, сегодня — больше не придется раскидывать собственными мозгами, чтобы принимать решения.

— Вот что, Максим, — жестко сказал он. — Мистикой я сыт по горло. Займись обстоятельствами гибели звездолета. Причина. Где Грапетти. Детонатор под номером четыре не разрушился до сих пор. Это говорит либо о существенном ослаблении связи — что, как ты понимаешь, имеет важнейшее значение, — либо о том, что сведения о смерти Грапетти, мягко говоря, преувеличены. Поведение его жены подтверждает эту гипотезу. В таком случае — куда направился Грапетти, и был ли он вообще на борту звездолета. Займись этим, все остальное выкинь из головы.

Я хмыкнул.

— Пока выкинь, — повторил Экселенц. — Сегодня вечером получишь дополнительные инструкции.

— Завтра утром, — поправил я.

Экселенц поморщился:

— Да, у тебя там дело к ночи... Черт, потеря темпа.

— Журналисты работают и по ночам, — флегматично отозвался я.

— Похвально, — пробормотал Экселенц.

Он еще раз вперил в меня свой взгляд — не столько по-обычному пронзительный, сколько, как мне показалось, растерянный — и отключил связь.

* * *

Видеофон астролога Ванды Ландовской не отвечал. На автоответчике не было записи изображения, только голос, низкий, с бархатными обертонами, голос женщины лет сорока, я представил себе черноволосую красавицу с крупными чертами лица и полными чувственными губами.

— Меня нет дома, — произнесла госпожа Ландовска дежурную фразу, — оставьте, пожалуйста, свое сообщение, я свяжусь с вами при первой возможности.

У меня не было что сообщать астрологу, и я, подумав, отправился в космопорт — почему бы журналистам, действительно, не работать по ночам?

Татьяна провела меня к себе домой через нуль-Т, и я, по сути, не успел увидеть, как выглядит изнутри космопорт Альцины-Прим. Выглядел он плохо — захолустный вокзал, не рассчитанный на пребывание даже сотни пассажиров. Наверняка пропускная способность порта была не более трех-четырех кораблей в сутки.

Я поднялся на второй этаж и, приоткрыв дверь, на которой было написано «Руководитель полетов», заглянул в комнату. Здесь было шесть человек — пятеро мужчин и женщина. Мужчины расположились за круглым столом с планарным дисплеем, на котором я увидел несколько проекционных схем звездолета (по-видимому, «Альгамбры») и ежесекундно менявшиеся блоки чисел. У всех мужчин были нацеплены чипы мультимедиа, и разговаривать с ними — по крайней мере, сейчас — было бессмысленно.

Женщина, сидевшая в углу за журнальным столиком, заинтересованно посмотрела в мою сторону и сделала приглашающий жест.

— Проходите, Каммерер, — сказала она знакомым уже контральто. — Проходите, садитесь.

По-моему, росту в госпоже Ландовской было не больше метра шестидесяти, разве что у нее были необыкновенно длинные ноги. Светлые — точнее, осветленные — волосы, короткая стрижка, маленький рот и огромные глаза, цвет которых было трудно определить, мне показалось, что гамма ежесекундно менялась, проходя весь спектр — от черного до светло-голубого. Пожалуй, я не ошибся только в возрасте, но и в этом я теперь не был уверен — выглядела она на сорок, но не было ли это просто искусной работой визажиста?

— Вы меня знаете? — искренне удивился я, присаживаясь на угол кресла. — Я журналист, прибыл сегодня —

гибель «Альгамбры» всех на Земле потрясла, и вот я хотел...

Похоже, я избрал неправильный тон — Ландовска бросила на меня удивленный взгляд, явно не понимая, зачем я валяю перед ней ваньку.

— Вот уж не ожидал, — сказал я, — встретить здесь и сейчас представителя вашей профессии. Вы ведь Ванда Ландовска, астролог?

— Вот и познакомились, — улыбнулась Ландовска. — Чтобы нам быть откровенными друг с другом, скажу, что ваше имя я узнала от информ-блока «Арбеля» — вы были единственным пассажиром. Только не говорите мне, что принадлежите к журналистской братии, не тот тип, вы ярко выраженный Стрелец, а журналисты, по большей части, Близнецы. Так вот, причину вашего приезда вы объясните, если будет желание. А я здесь пытаюсь повышать свою квалификацию.

— Есть что-то новое о причинах гибели «Альгамбры»? — спросил я, чтобы не продолжать разговор о разнице между Стрельцами и Близнецами. Вообще говоря, я родился в феврале и был, следовательно, типичной Рыбой, но на этом мои познания в астрологии кончались.

— Нет, — покачала головой Ландовска, бросив взгляд на столпившихся у стола-дисплея мужчин.

Что ж, по крайней мере один вопрос прояснился сам собой. Мою фамилию госпожа астролог узнала не от светил небесных, а от нормального информа — другое дело, для чего ей понадобилось запрашивать эту информацию. Остальное уже было делом техники — сделать вывод о том, что Каммерер, записавшийся журналистом, прилетает для того, чтобы написать о трагедии или узнать об этой трагедии что-то новое. Ландовска сообщает об этом Татьяне, с которой, скорее всего, поддерживает дружеские отношения, а та... Дальше ясно.

— Вы давно здесь? — задал я вопрос, многозначность которого осознал лишь секунду спустя.

— В этой комнате, — сказала Ландовска, — я четвертый час. В этом городе я второй год. А на этой планете — шестнадцать стандартных месяцев.

— И есть практика? — спросил я, не столько задумываясь над смыслом вопроса, сколько следя за выражениями лиц людей, сосредоточенно глядевших куда-то в пространство и слушавших сообщения, поступавшие, скорее всего, с места трагедии, где все еще работали спасательные группы.

— Практика? — переспросила Ландовска. — Практика у меня на Земле. А здесь я учусь.

— Чему, если не секрет?

— Астрологии, конечно, — с досадой сказала Ландовска. — Послушайте, Каммерер, не нужно спрашивать просто потому, что не хотите молчать. Нам есть о чем поговорить, уверяю вас, но не сейчас. Если вам нужна информация об «Альгамбре», подключитесь к информу.

Вот результат моей многолетней дружбы с Экселенцем! Вот что делает работа в КОМКОНе-2 с мыслительными способностями. Мне и в голову не пришло, что вся деятельность спасателей, да и комиссии по расследованию тоже, становится достоянием общепланетного информа и любой житель Альцины может, войдя в общий для планеты киберспейс, узнать все то, что знают на данный момент самые осведомленные люди. Девиз КОМКОНа-2 — «секретность, ибо враг не дремлет» — не довлел над жителями Альцины.

Я встал и, подойдя к столу, взял лежавший на поверхности планар-дисплея свободный чип. Один из мужчин покосился в мою сторону, но не сказал ни слова, лишь кивнул головой. Я прилепил чип к мочке уха и слегка надавил, включая трансляцию.

* * *

Два часа спустя мы вышли из здания космовокзала — стояла ночь, и площадь была пуста, как марсианская пустыня перед началом самума. Я предполагал, что Ландовска захочет распрощаться и предложит встретиться утром или даже днем. Честно говоря, мне зверски хотелось спать. Именно зверски — так, наверное, хочет спать уставший после долгой охоты, но уже насытившийся тигр.

— Вам хорошо, — сказала госпожа астролог, зябко поведя плечами. — В гостинице есть нуль-Т, а мне вот придется махать крылышками аж десять километров.

— Махать крылышками? — удивился я, и Ландовска кивнула в сторону стоянки, где в ряду новых и потрепанных глайдеров выделялась посудина производства, по-моему, конца прошлого века. Махолет-ротоплан типа «стрекоза» для двух пассажиров с оркестром. Сравнение с оркестром эта штука заслужила в свое время за мелодичный свист, который издавали крылья и от которого конструкторы так и не сумели (или не захотели?) избавить свой аппарат. Управлять «стрекозой», несмотря на ее небольшие размеры, было трудно, крылья — вообще конструкция неповоротливая и неудобная, я убедился в этом на Пандоре в 57-м, когда пришлось вывозить с Южного материка попорченное взрывом вулкана оборудование местной пересадочной станции КОМКОНа.

В общем-то, намек Ландовской был более чем прозрачен, и я галантно сказал:

— Если позволите, я доставлю вас домой.

— Вы можете управлять этой штукой? — удивилась Ландовска.

— Я могу управлять всем, что летает, — несколько самонадеянно ответил я, поскольку такой ответ был запланирован ходом нашего диалога.

В результате еще через минуту я, надев нарукавники, выворачивал крылья в рабочий режим, а госпожа астролог прижалась ко мне справа, поскольку в тесноте кабины просто не было места для соблюдения светских условностей. На самом деле все оказалось не так сложно, как я предполагал. Аппарат переоборудовали по новейшей навигационной технологии, и домой — в какое-то темное пригородное строение — мы долетели со свистом за каких-то пять минут.

Я даже не спросил, замужем ли госпожа астролог, и приготовился к процедуре знакомства с каким-нибудь шаманом, ибо кто же способен взять в жены представителя оккультной науки, если не профессиональный шаман, целитель или экстрасенс?

Как только Ландовска поставила машину в «стойло», в доме включились огни, и мы вступили в прихожую под тихие звуки старинного вальса.

— Штраус? — показал я свою эрудицию.

— Ну что вы, Каммерер, — улыбнулась Ландовска, — это полонез Огинского.

Дожидаясь в салоне, пока хозяйка приготовит кофе, я печально думал о том, что если наш разговор не даст никакой дополнительной информации (а я был уверен, что именно так и произойдет), то, проведя бессонную ночь, утром придется глотать спорамин и ломать голову над планом дальнейших действий.

Стены салона были размалеваны изображениями зодиакальных знаков — я узнал Стрельца, Рака, своих родных Рыб. Присутствовали еще какие-то звери, явно не из земной мифологии, скорее всего, астрологические символы местной зодиакальной фауны. С нее я и начал разговор, чтобы не отдавать инициативу в руки Ландовской.

— Это ведь аквапилот? — показал я на изображение двухголовой крылатой рыбки. — Он что, на Альцине вознесен в астрологические символы?

Ландовска села напротив меня на пуховую подушку и сразу превратилась из стройной женщины в грибок, закрывшийся от меня вместо шляпки густой копной волос. Она отпила из фарфоровой чашечки несколько маленьких глотков, посмаковала и лишь после этого ответила:

— Это Аквапилот, он до некоторой степени соответствует по своему влиянию земному Водолею. А всего местный Зодиак содержит не двенадцать, как на Земле, а девять астрологических символов.

— И что же? — спросил я, стараясь, чтобы в моем голосе не было слышно и следа иронии. — Что же, вы можете предсказать мою судьбу, пользуясь этими знаками?

— Вашу — нет, — сухо сказала Ландовска. — Вы родились на Земле, и в вашей натальной карте впечатаны влияния земных зодиакальных знаков и планет Солнечной системы, которые находились на небе во время вашего рождения. А судьбу вашу на ближайшие сутки я могу

предсказать и без астрологии. Вы будете безуспешно пытаться понять, что произошло с Лучано Грапетти.

— Давайте говорить прямо, Ванда, — сказал я, отхлебнув наконец начавший уже остывать кофе. — Что вы узнали обо мне? Для чего? И что, в конце-то концов, произошло с Лучано Грапетти? Вы ведь это знаете — знаете, например, что он не погиб при взрыве «Альгамбры», знаете, вероятно, где он находится, жена его тоже знает, я так полагаю, но постаралась ничем не выдать своей осведомленности. И вы знаете еще что-то, какую-то очередную ступеньку на этой лестнице, до которой я еще не поднялся и потому не могу задать конкретного вопроса. Иначе Татьяна Шабанова не встречала бы меня в космопорту, а вы не ждали бы меня в ЦУПе и не зазвали бы к себе.

Ландовска выслушала мою тираду внешне совершенно безучастно. В правой руке Ландовска продолжала держать кофейную чашечку, а указательный палец левой руки медленно поглаживал странную брошь, висевшую на груди Ванды: отлитое из густо-красного сплава изображение существа, наверняка принадлежавшего к сонму зодиакальной фауны, причем, не исключено, вовсе даже не этой планеты.

Если она скажет, что информацию ей поставили светила, мне не останется ничего иного, как предъявить свои истинные полномочия, что бы по этому поводу ни думал Экселенц. В конце концов, он в свое время тоже поступал не по правилам и нарушал им же составленные инструкции.

— Мне кажется, — сказала Ландовска и заглянула на дно чашки. Только гадания на кофейной гуще мне не хватало, подумал я. — Мне кажется, — продолжала Ландовска, — что Лучано действительно жив. Хотя бы потому, что его гороскоп... — Она запнулась, натолкнувшись на мой взгляд. — Ну хорошо, я думаю, что Лучано жив, потому что Таня это знает. Женское сердце, интуиция, если вам угодно...

Этот ответ удовлетворил меня так же, как и первый. Я продолжал смотреть на Ландовску, иронически выгнув

бровь, — должно быть, так смотрели на подследственных комиссары из старых, двухсотлетней давности, чрезвычайных комиссий. А может, их называли как-то иначе? Неважно.

— Знаете, — мирно сказал я, — почему я не люблю литературу даже в ее стереоверсиях? Потому что от главного героя обычно всё и всегда скрывают до самого последнего момента — чтобы поддержать сюжет. Между тем обычно уже в первой главе герой может задать прямой вопрос и получить не менее прямой ответ. Читатель это знает, автор это знает, и следовательно, герой это знает тоже. Но не спрашивает. А если спрашивает сдуру, то ему не отвечают, хотя никаких резонов для сокрытия фактов нет и не предвидится. Сюжет! Но мы-то с вами...

— Ну так давайте для начала я задам прямой вопрос вам, — улыбнулась Ландовска. — У вас ведь тоже нет оснований ломать комедию.

— Задавайте, — кивнул я, предвидя, что именно она спросит.

— Кто вы, Каммерер? Вы ведь не журналист, верно? И не эксперт по чрезвычайным ситуациям. И тем более не праздный турист. Вы прибыли с конкретной целью и добиваетесь этой цели, задавая вопросы Татьяне и мне. Так кто же вы? И в чем ваша цель?

Я откашлялся. Суровый взгляд Экселенца. Тайна личности. Общечеловеческие интересы.

— Меня зовут Максим Каммерер, — сообщил я. — Должность: начальник отдела чрезвычайных происшествий, так что в некотором роде все же эксперт. Организация, в которой я работаю, называется Комитет по Контролю.

Я сделал паузу, оценивая реакцию Ландовской. Реакции не последовало, женщина слушала внимательно и ждала продолжения. Она первый раз слышала о КОМКОНе-2. В этом-то как раз не было ничего удивительного: о КОМКОНе-1 знали девяносто пять процентов населения Земли и всех прочих миров, о КОМКОНе-2 знали процента два-три, а то и меньше.

— Комитет по Контролю — это Прогрессоры? — спросила Ландовска, не дождавшись продолжения.

— Прогрессоры — это Комитет по Контактам, тоже КОМКОН, но под номером один, — пояснил я. — А мы занимаемся... В общем, тоже Прогрессорами, но не нашими. Согласитесь, что если мы осуществляем прогрессорскую деятельность в иных мирах, то не исключена ситуация, когда кто-то занимается аналогичной деятельностью на Земле. Эту деятельность мы должны выявлять и пресекать всеми доступными способами.

— Ну... — протянула Ландовска и пристально посмотрела мне в глаза. — И какие же способы вам доступны?

Я неопределенно махнул рукой.

— Разные, очень разные.

— Такие же, какие доступны органам контроля на тех планетах, где работают наши Прогрессоры?

— У всех свои методы...

— Не считаете ли вы, Каммерер, что ситуация, какой вы ее описали, выглядит по меньшей мере аморально? Главная заповедь, записанная еще в Библии и, насколько я понимаю, общепринятая в нашем цивилизованном мире, это — не делай другому того, чего ты не хочешь, чтобы сделали тебе. Вы же поступаете прямо противоположным образом. Вы не желаете, чтобы кто-то делал на Земле то, что сами спокойно и расчетливо делаете на десятках других планет.

— Это долгая история, — вздохнул я. — Этой истории почти двести лет. Противоречие, о котором вы сказали, действительно непреодолимо. Но... А есть ли выход, госпожа Ландовска? Во все времена, когда на Земле существовали отдельные государства, были и разведка, и контрразведка.

— Господи, о чем вы говорите, Каммерер? Вы хоть слышите сами, о чем вы говорите? Какое отношение разведка имеет к прогрессорству? Что, эти разведчики двадцатого века, они занимались прогрессорской деятельностью? Они стремились подтолкнуть чье-то развитие? Я читала книги! Я видела фильмы! Да что там, в школе я сама

играла в спектакле, мы его ставили по книге... не помню названия... сейчас... Да, вот: «Во имя мира на Земле». Автора уж точно не помню, не в нем дело. Был там такой разведчик, то ли из Советского Союза, то ли из Америки. А может, оба... Они охотились за секретами. Называлось это секретными службами. Прогрессорством и не пахло, обыкновенный грабеж средь бела дня. Разведчиков, конечно, ловили. И правильно. Ваши Прогрессоры тоже грабежом чужих секретов занимаются?

— Прогрессоры не наши, — ощетинился я. — Но согласитесь, что нельзя исключить ситуации, когда на Земле...

— Не суди о других по своему образу и подобию, — заявила Ландовска и неожиданно замолчала, хотя, казалось, фраза, которую она хотела сказать, только началась. Она нахмурила брови, но взгляд от меня не отрывала — тяжелый взгляд, давящий.

— Погодите, Каммерер... — протянула она. — Не хотите ли вы сказать, что бедный Лучано... Вы думаете, что он...

Она даже выговорить вслух не могла того, что пришло ей на ум. И если я ей скажу сейчас, что она близка к истине, Ландовска швырнет мне в голову тяжелую статуэтку, изображающую то ли сатира, то ли просто чертенка. Статуэтка стояла на столике, и ладонь Ландовской непроизвольно сжимала фигурку за кривые ноги. Не нужно было мне раскрываться. Прокол. Сам виноват. Поверил в рассудительность и открытость. Но теперь, когда контакт исчез безвозвратно, продолжать разговор просто не имело смысла.

— О чем вы говорите, госпожа Ландовска! — с искренним возмущением воскликнул я. — Грапетти — инопланетный агент?! Чушь. Но гибель звездолета — это серьезно. Это первый случай за несколько десятилетий.

— И вы решили, что не обошлось без вмешательства иного разума. Господи, спаси и помилуй, — театрально вздохнула Ландовска, опустив статуэтку на стол. — Каммерер, вы либо псих, либо дурак, либо не говорите мне правду. Когда я жила на Земле, у меня был сосед, он

летал на транспортниках куда-то в систему то ли звезды Барнарда, то ли на Тау Кита. Так он мне все уши прожужжал в свое время о пресловутых Странниках. Он мечтал с ними встретиться. И всё, что не мог объяснить у себя в космосе, он сваливал на Странников. Это было бы смешно, если бы не его глаза — он этих пресловутых Странников боялся! Туннели Странников. Циклопические сооружения Странников. Странники спасают жителей Надежды и исчезают. Странники, Странники... Хорошо, что здесь, на Альцине, я перестала слышать эту чепуху, здесь люди куда прагматичнее. Это ведь религия, Каммерер, религия, где богом являются Странники, которых никто никогда не видел и авторство которых во всех случаях никогда не было доказано.

— Я вовсе не утверждаю, что «Альгамбра» погибла по вине Странников, — сказал я, но Ландовска, похоже, меня не слышала.

— У каждого века, — продолжала она, — свои безумства. В двадцатом помешались на этих... тарелках. Все их видели, кто-то летал на них, наука даже такая была — уфология, которая объясняла непонятные явления в атмосфере вмешательством пришельцев. Не похоже? По-моему, то же самое. Удивляюсь, как в те времена не создали какую-нибудь секретную комиссию по отлову пришельцев и насильственному вступлению с ними в контакт. Знаете, Каммерер, тогда воображали, что высокоразвитые инопланетяне, конечно же, принесут людям одно лишь благо. Это потом, когда мы... точнее, вы сами занялись прогрессорством, когда Гарднер основал Институт экспериментальной истории... Кстати, вы не помните, когда это было?

— В тридцать втором, — механически сообщил я.

— Значит, еще до... Ну вот, видите! Да, так с тех именно времен, как мне кажется, общественное мнение на Земле изменилось радикально.

— Подождите, Ванда. — Я решил наконец прервать ее эмоциональную речь и внести свежую струю в нашу пикировку. — Я могу представить ваше отношение к моей организации, я могу даже разделить это мнение. И я не

стану доказывать, что, если есть хоть один шанс из миллиарда, что Странники или кто-то иной вмешиваются в нашу историю, мы просто обязаны сделать все возможное и невозможное, чтобы выявить и пресечь. Это очень серьезный и отдельный разговор...

— Боже, какая риторика... — пробормотала Ландовска.

— Да, отдельный разговор, — настойчиво сказал я. — Но согласитесь, что, кого бы я ни представлял, цель у нас с вами сейчас одна. Я хочу знать, что произошло с «Альгамброй», почему это произошло и что случилось с Лучано Грапетти, мужем вашей, насколько я понимаю, близкой подруги.

— Подруги? — подняла брови Ландовска. — Мы познакомились с Таней на прошлой неделе.

— Вот как... Ну хорошо. Как бы то ни было, у вас есть своя версия того, что произошло. И похоже, вы знаете что-то о судьбе Лучано. И я не вижу причин, по которым вам нужно скрывать эту информацию от меня.

— Вот разговор не мальчика, но мужа, — усмехнулась Ландовска. — Конечно, я могу вам сказать все, что знаю, и поделиться тем, чего не знаю, но предполагаю. Но вы мне не поверите, вот в чем штука. Если я вам скажу, что Лучано Грапетти совершил то, что он совершил по той простой причине, что у него не было иного выхода? Что единственным его побудительным мотивом было желание доказать необходимость возврата к полному детерминизму, к миру, каким он был десять тысяч лет назад? Вы мне не поверите, потому что ни в грош не ставите мою науку. А иных доказательных идей у меня нет и не было.

— Хорошо, — согласился я. — Давайте пока без доказательств. Грапетти жив?

— Думаю, да.

— Вы или Татьяна знаете, где он находится?

— Понятия не имеем, — совершенно искренне сказала Ландовска.

— Почему произошел взрыв на «Альгамбре», и где в это время был Грапетти?

— Понятия не имею, — повторила Ландовска.

— Татьяна вам рассказывала о... ну скажем, братьях и сестрах ее мужа?

— Она — мне? Да нет же! Это я ей рассказала, а она подтвердила.

— Вы? — Я, пожалуй, действительно, перестал ориентироваться в ситуации. Оставалось надеяться, что удивление на моем лице не было выражено слишком явно.

— Я, Каммерер. И не спрашивайте, откуда я взяла эту информацию.

— Естественно, — пробормотал я. — Вы скажете, что она вам явилась с неба, и я действительно не поверю, потому что на небе нет ничего, о чем бы люди иных профессий не знали куда больше любого астролога.

— Ну-ну, — неопределенно произнесла Ландовска. — Вам не кажется, Каммерер, что ваш брат Прогрессор...

— Я не Прогрессор, — поднял я обе руки. — Во всяком случае, не Прогрессор уже почти десять лет.

— Неважно. Образ мыслей не изменился. Так вот, не кажется ли вам, что для вашего брата куда легче и интереснее устанавливать контакт с охранниками Герцога Алайского или, скажем, с расой голованов, чем с землянами, которые придерживаются иных, нежели у вас, взглядов на мироздание? Голованов вы скорее поймете, потому что признаете за ними право быть другими.

— Давайте, Ванда, поговорим об этом в следующий раз, — взмолился я, понимая, что, отказываясь от дискуссии, в глазах этой женщины признаю поражение не только свое, но и обоих КОМКОНов, и всей науки, не имеющей чести нести перед собой на вытянутых руках определение «оккультная». — Сейчас меня интересует только Грапетти. Если он жив, я хотел бы с ним встретиться.

— Он жив, — пожала плечами Ландовска. — Вы думаете, я знаю больше?

* * *

Мой утренний доклад Экселенцу был вынужденно сжатым и не содержал позитивной информации. Я скорее слушал, чем говорил. Предварительное расследование показало, что «Альгамбра» погибла от редчайшей случай-

ности — прорыва метеором энергетической защиты в момент изменения режима полета. В субсветовом полете внутри планетной системы защита надежна абсолютно — за полтораста лет использования дисперсных двигателей не было ни единого случая нечаянного столкновения с метеором. В нуль-полете, естественно, метеоры тоже не опасны. Но есть несколько микросекунд в момент перехода из одного режима в другой, когда защита снята, система нестабильна и открыта внешним воздействиям. Вероятность столкновения с метеором в этот момент, однако, настолько ничтожна, что ее никогда, насколько я знаю, во внимание не принимали — шанс столкновения был таким, что произойти оно могло не чаще одного раза в полтора триллиона лет. Или три триллиона? Во всяком случае, число это намного превышало возраст Вселенной, и конструкторы, естественно, полагали, что звездолетам ничто не грозит.

Но — случилось.

Поскольку корабль в течение семи с половиной микросекунд превратился в излучение, то исследовать можно было только характеристики этого излучения, и ничего более. Естественно, станции слежения зафиксировали взрыв во всех деталях, и главные результаты многофакторного анализа были готовы уже спустя двенадцать часов после трагедии. Первое — взрыв произошел в результате попадания метеора. Второе — в момент взрыва на «Альгамбре» было семь живых существ. Их и должно быть семь, если считать, что на борту находился только экипаж. Но не существовало (и не могло существовать) доказательств этого предположения. Теоретически можно было допустить, что отсутствовал один из звездолетчиков, а Грапетти находился на борту и погиб. Хотя, конечно, вероятность этого события была значительно ниже естественного предположения, что звездолет отправился в рейс, не взяв на борт пассажира.

Но тогда — куда и как исчез Грапетти? Он стартовал с космодрома Альцины на орбитальном челноке, и диспетчеры вели аппарат до момента его выхода на стационарную орбиту. Затем, убедившись, что режим выведения

соблюден, диспетчеры передали челнок автоматике звездолета, которая и должна была провести стыковку. В нужный момент маяк «Альгамбры» дал «плюс», то есть сообщил, что полет проходит в штатном режиме. Состоялся недолгий разговор по телеканалам порта с командиром «Альгамбры» Алексом Завадским. Разговор фиксирован, его много раз прослушали, речь шла только о подтверждении полной готовности систем к старту. О пассажире диспетчер порта не спросил — и это понятно, он уже получил подтверждение маяка, процедура была стандартной и рутинной. Тепло попрощались, Завадский отключил телеканалы и дал команду на старт.

И вот тогда-то...

— Два обстоятельства, — завершил Экселенц свой краткий обзор, — заставляют предполагать худшее. Первое: детонатор номер четыре не разрушился. Второе: в момент взрыва на борту «Альгамбры» было семь человек.

Он замолчал и уставился на меня своим совиным взглядом, ожидая, видимо, что у меня уже готовы выводы и предложения. У меня не было ни того ни другого. Более того, с некоторых пор у нас с Экселенцем, видимо, перестали совпадать понятия о плохом и хорошем в нашей жизни. Худшим при сложившихся обстоятельствах Экселенц полагал то, что Лучано Грапетти остался жив и, по-видимому, даже не попал на борт звездолета. Да, это было странно, это было необъяснимо, в этом была некая несообразность, смысл которой пока ускользал, но — было ли это страшно? Экселенц, судя по всему, полностью находился во власти идеи, которую я и во времена Абалкина считал недоказанной и, скорее всего, недоказуемой: Грапетти, будучи на самом деле автоматом Странников, подобным Абалкину, делает все, чтобы попасть на Землю и... что? Воссоединиться со своим детонатором? И... что тогда?

В доме человечества опять, как два года назад, запахло серой, и разве не ясно было, что этот запах будет появляться каждый раз, когда кто-нибудь из оставшихся «подкидышей» совершит странный, трудно объяснимый или вовсе не объяснимый поступок? Радикальным решением

при нынешней ситуации было убить всех «подкидышей». Но поскольку такое решение проблемы не представлялось возможным даже теоретически — а лишь в ответ на действия самих «подкидышей», не оставлявших для КОМКОНа-2 никаких иных возможностей, то о нем никто и не заикался.

После разговора с Татьяной Шабановой я не был убежден и в том, что кому-либо из «подкидышей» было так уж необходимо «воссоединяться» со своим детонатором. Если программа была включена в момент рождения Тринадцати, если детонаторы были на самом деле вовсе не детонаторами, призванными взорвать устойчивое бытие человечества, но всего лишь какими-то мультипространственными ретрансляторами, связывающими «подкидышей» друг с другом, если все обстояло именно так, то и поступки того же Грапетти нужно оценивать совершенно иначе. В доме пахло серой, но Дьявол ли был тому причиной? А может, всего лишь неисправность канализационных сетей?

— Худшее, Экселенц? — спросил я. — Я не вижу, как Грапетти мог остаться в живых при полном атомном распаде. А детонатор... Когда погибла Эдна Ласко, ее детонатор разрушился лишь несколько часов спустя.

— «Альгамбра» погибла сутки назад, — буркнул Экселенц, думая, похоже, о чем-то своем.

Я пожал плечами, и прошли почти десять долгих секунд, прежде чем Экселенц отреагировал на мой жест.

— Максим, — сказал он с ноткой раздражения в голосе, — я знаю твое отношение к гибели... м-м... Абалкина. Если ты думаешь, что я неспособен разбираться в настроениях своих подчиненных, как бы тщательно они их ни скрывали, то грош мне цена как руководителю. Не будем спорить. Я... Ну ладно. Но попробуй дать рациональное объяснение произошедшего, не привлекая гипотезу о том, что в одном из автоматов Странников включилась новая программа. Я не знаю — согласен! — какая программа гнала Абалкина в Музей, а теперь я не знаю, какая программа заставила Грапетти сделать то, что он сделал. Отчаянные поступки приходится совершать от

незнания. И я полагаю, лучше ошибиться, чем допустить непоправимое.

Он протянул руку и отключил изображение. Звук исчез через две секунды, и эти долгие две секунды я слышал тяжкий вздох, который не мог принадлежать Экселенцу.

Потрясенный, я несколько минут был не в состоянии собрать свои мысли. Впервые я видел Экселенца не растерянным даже, не мрачным, не охваченным инфернальным испугом перед Неизвестным, но — сомневающимся. Экселенц никогда не сомневался, выбрав решение. Представ перед Судом справедливости после убийства Абалкина, он отвечал на вопросы без тени сомнений.

Судьи были объективны, насколько можно быть объективным в ситуации, не до конца поддающейся формализованной оценке. Экселенц даже сохранил свой пост. По-моему, это был самый большой провал в юридической системе за два с лишним столетия — один человек убил другого и не понес наказания не потому, что был оправдан, а потому лишь, что суд увяз в определении для данного конкретного случая понятия о необходимой самообороне. Если человек убил, спасая свою жизнь, — это понятно. Если человек убил, спасая жизнь своего ближнего, — это понятно тоже. А если он убил, спасая человечество от опасности, которую сам же не смог ни определить, ни доказать?

Только один человек оставался и на суде, и после него уверенным в однозначной правильности сделанного — сам Экселенц. Собственно, я не представляю, как бы он жил дальше, если бы эта уверенность поколебалась. Разве что — пустил бы себе пулю в лоб из того же «герцога».

И вот — сейчас. Я подумал, что, пытаясь разобраться в поступках Грапетти, я спасаю не человечество от Странников, но Экселенца — от самого себя. Экселенца — от смерти.

Это была реальная задача, и я сказал себе, что решу ее независимо от того, существует ли в природе однозначное решение.

* * *

Арнольд Швейцер, начальник космопорта Альцины, вовсе не горел желанием говорить со мной. Все изложено в официальных документах, которые доступны каждому, в том числе и Каммереру. Ему интересны нюансы, детали, психология? Неужели Каммерер полагает, что сейчас, сутки спустя после трагедии, нужно говорить о деталях, нюансах и психологии? Пусть все уляжется — у погибших есть родные, и не кажется ли Каммереру, что бесчеловечно сейчас задавать им, а равно и представителям комиссии по расследованию, те вопросы, которые он подготовил?

— Только один вопрос, — настаивал я. — На «Альгамбре» погибли семеро. Но там было восемь человек, включая пассажира. Чем объясняется это несоответствие?

— Ну хорошо... — сказал Швейцер, помолчав. — Приходите в ЦУП, но я смогу уделить вам не более пяти минут.

После таких разговоров (а их было немало в моей жизни) я ненавидел не только свою профессию, но и все человечество, для блага которого моя профессия была необходима. Самое печальное заключалось в том, что в необходимости этой профессии я не сомневался никогда — как и в необходимости существования профессии, ей противоположной. Прогрессорство возникло бы в истории человечества хотя бы потому, что свойство помогать ближнему, даже если ближний полагает, что не нуждается в помощи, — это свойство присуще людям изначально. Каждый понимает эту помощь по-своему и часто называет вмешательством в личные дела, но суть от этого не меняется. Однако, если ты делаешь нечто, то изволь признать право делать то же самое за своим соседом по космическому общежитию. А если так, то, естественно, становится необходимой профессия борца с чужим прогрессорством — крайности, как известно, сходятся. В разные времена всё это называлось по-разному, но не потому, что разной была суть, а всего лишь в силу различия в масштабах явления. Прогрессор на уровне семьи вмешивается в дела соседа, потому что ему кажется, что сосед живет недостойно, и из

лучших побуждений надо бы этому соседу, для его же блага, помочь — доложить, например, что жена изменяет, а дочь так просто шлюха. Прогрессор на муниципальном уровне полагает для себя обязательным явиться в соседний город и доказывать губернатору, насколько тот не прав, возводя здания выше трех этажей. Прогрессор на уровне государства — о, это особая статья, это даже поэма, не одну сотню раз слагавшаяся и в прошлые века не только развлекавшая, но и возмущавшая многочисленных читателей и зрителей. Благородный разведчик, удачливый диверсант, наш человек в тылу врага... Помню, Экселенц обязывал меня смотреть эти, на мой взгляд, пародийные ленты, и мне это было неинтересно, но я все равно смотрел, убеждая себя в том, что если я принадлежу к такой древней профессии — почти такой же древней, как проституция и журналистика, — то быть Прогрессором Земли, а равно бороться с проникновением Прогрессоров извне — задача почетная, необходимая и... Да, еще и гнусная, но разве это меняет суть дела?

Почти ничего не изменилось за тысячи лет, кроме масштабов — но именно изменение масштабов и привело к появлению нового качества: во времена Иосифа Сталина в тогдашнем Советском Союзе никто не сомневался в том, что иностранные Прогрессоры — реальность. Выдумывали в те времена не само явление, а лишь масштаб. Сейчас никто, включая, по-моему, и бóльшую часть сотрудников КОМКОНа-2, не убежден в том, что какая бы то ни было внеземная цивилизация реально ведет на Земле прогрессорскую деятельность. Не убежден и я. Один лишь Экселенц высится среди нас неколебимой скалой, не ведающей сомнений, — хотя мог ли я утверждать однозначно, что, оставшись наедине с собой, отключив даже медицинский браслет, Экселенц не бьется лысиной о стену и не вопрошает себя: «верю ли?».

Но когда начинает пахнуть серой, все мы принимаем привычную стойку и говорим: «лучше перебдеть, чем недобдеть». Ибо несоизмеримы масштабы — один человек и все человечество. Суд может позволить себе придерживаться стандартной юридической доктрины: «лучше не

наказать виновного, чем по ошибке осудить невинного». Мы себе такого позволить не можем. Как бы я ни ненавидел в эти минуты свою профессию, не согласиться с ее бесчеловечной формулой я не мог. Масштаб, масштаб... Лучше не наказать виновного, и пусть погибнет род людской?

Политика не ведает морали. Люди, обслуживающие политику, не ведают морали, поскольку подчинены Системе. Но наступает момент, когда масштаб изменяет явление настолько, что начинаешь спрашивать: не обслуживаем ли мы самих себя? Свою параноидальную подозрительность, взращенную нашей любовью к роду человеческому? Лучше погибнуть одному невинному, чем пятидесяти миллиардам столь же невинных...

Лучше погибнуть двум, чем... Или тринадцати... И когда, на каком таком таинственном числе, наступает предел? И наступает ли? И не придет ли момент, когда ради блага одной половины человечества нужно будет пожертвовать другой его половиной?

Хорошо, что эти мысли посещали меня не столь уж часто. Вообще говоря, они никуда не исчезали из моего подсознания — но я не позволял им выходить из-под контроля, они лежали себе смирно, создавая ощущение дискомфорта, как тяжелый рюкзак за плечами, к которому привыкаешь в долгом походе.

Почему я начал думать об этом по дороге в космопорт? Не потому ли, что, кроме серы, в доме запахло еще и паленым? Пороховой гарью от выстрела из пистолета системы «герцог»?

* * *

Наш разговор с Арнольдом Швейцером продолжался триста секунд, как и было обещано журналисту Каммереру.

Вопрос: Неужели кто-то из летевших на «Альгамбре» все-таки остался в живых? Это было бы замечательно...

Ответ: Конечно. Но, к сожалению, мы не имеем доказательства того, что кто-то выжил. Расшифровка спектро- и темпограмм вспышки пока предварительна. Да, эта

расшифровка показывает, что в процессе взрыва были деструктурированы семь сложных биологических объектов. Разделить энергетические пакеты пока не удалось, и мы не знаем, кто именно погиб. Это, однако, не исключает возможности того, что восьмая структура не прочиталась — она могла, например, быть слабо ориентирована относительно вектора взрывного...

Вопрос: Простите, мне не очень понятны столь специфические...

Ответ: Да, извините. Иными словами... Вы же должны понимать, Каммерер, что никто не мог выжить, когда звездолет попросту испарился и температура плазмы достигла трех миллионов градусов! Надеяться на то, что кто-то спасся, к сожалению...

Вопрос: Это я понимаю. Но уверены ли вы, что в момент взрыва пассажир Лучано Грапетти был на порту «Альгамбры»?

Ответ: Вы получили данные диспетчерской службы? Тогда ваш вопрос излишен.

Вопрос: После того как диспетчер порта передал челнок коллеге на «Альгамбре», Грапетти мог изменить курс и не подчиниться командам о стыковке. Разве это исключено? Или это было проверено тоже?

Ответ: В мегакилометровой окрестности «Альгамбры» не зафиксировано ни одного тела массивнее нескольких граммов. Челнок не мог удалиться на большее расстояние за минуты, которые предшествовали взрыву.

Вопрос: Даже если Грапетти, отключившись от диспетчера порта, перешел на аварийную систему разгона?

Ответ: Вы думаете, что, если бы Грапетти (кстати, он что, был идиотом?) действительно сделал нечто подобное, капитан Завадский не доложил бы о чрезвычайном происшествии диспетчеру порта?

Вопрос: Не мог ли, скажем, Грапетти причалить к «Альгамбре», а потом покинуть ее — буквально перед взрывом, так что капитан просто не успел...

Ответ: Вы сами-то верите в этот... м-м... Каммерер, у вас еще двадцать секунд. Избегайте, пожалуйста, домыслов. Пятнадцать секунд.

Вопрос: Согласен, это домысел... Грапетти знал, что будет взрыв, покинул корабль за полминуты до начала нуль-перехода и сразу же включил нуль-установку челнока. Это опасно, да, но это была единствен...

Я не успел закончить слово — Швейцер повернулся ко мне спиной и мгновенно забыл о моем существовании.

Собственно говоря, последняя моя фраза была чистейшей воды импровизацией — интуитивная догадка, не более того. Да, ничто в моей догадке не противоречило ни законам природы, ни конструктивным особенностям орбитальных челноков. Кроме одной мелочи: откуда Грапетти мог узнать о грозившем «Альгамбре» столкновении? И почему его потрясающая интуиция проявила себя лишь в последние секунды перед катастрофой?

Не говорю уж о том, что чисто по-человечески было нужно, почуяв опасность шестым или двадцатым органом чувств, сначала поднять общую тревогу, а уж потом броситься спасать свою шкуру. Да, чисто по-человечески. Если чисто человеческие категории могут быть приложимы к деятельности автомата Странников.

* * *

После выводов по необходимости следуют практические действия. Практических действий я совершить не мог. Я даже не смог убедить Швейцера в том, чтобы комиссия со всей серьезностью проанализировала идею, которую я вскользь упомянул в разговоре — вероятность подобного поведения Грапетти была, с точки зрения любого здравомыслящего человека, близка к нулю. Мог ли я сказать Швейцеру, что, вообще говоря, Грапетти никогда человеком в полном смысле слова не был?

Оставалось поступать в рамках открытых для меня возможностей. Первая, естественно, — информировать Экселенца, что совершенно не решало проблемы, поскольку ничего путного подсказать мне в сложившейся ситуации Экселенц не мог. Вторая возможность — попытаться еще раз поговорить с Татьяной. Я был убежден, что, если Грапетти жив, он непременно даст о себе знать любимой жене.

Идея Экселенца (поддержанная, впрочем, почти всеми членами Директората КОМКОНа-2) о том, что «подкидыш», восприняв программу, теряет свободу воли, представлялась мне по меньшей мере спорной. Лев Абалкин поступал вовсе не как автомат, но как свободный гражданин, имеющий право на любую информацию, тем более — информацию о себе. Что привело его в Музей внеземных культур? Программа? Или желание увидеть предмет, с которым была накрепко сцеплена его, Абалкина, судьба?

Если это было действием программы, то я готов поднять руки и согласиться — поступок Экселенца был единственно возможным решением проблемы. Если автомат угрожает стабильности, автомат подлежит разрушению.

Но если... Если, черт возьми, Абалкину каким-то образом стало известно, какую роль в его судьбе, как и в судьбе остальных двенадцати «подкидышей», отводят этим цилиндрическим предметам, спрятанным в футляре, который, в свою очередь, спрятан в запасниках ничем не примечательного музея? Если бы я, допустим, стремился стать космонавтом, а меня под любыми, в том числе и нелепыми, предлогами не выпускали с Земли? И если бы я неожиданно узнал о том, что причиной (все человечество против меня!) является некий предмет, с которым, по мнению каких-то неизвестных мне людей, я неразрывно связан? Как поступил бы я? Да вполне определенно: начал бы этот предмет искать. И нашел бы, уж я-то себя знаю. Не программа вела бы меня, а обыкновенная злость на весь белый свет. И стремление быть свободным в выборе. Именно стремление быть свободным заставляло бы меня поступать подобно автомату. Это очень простой парадокс, но неужели два года назад никому не пришло в голову, что дело могло обстоять именно так?

Мне это тоже в голову не пришло. Я подумал о такой возможности после слов Татьяны о том, что Лучано Грапетти знал о тайне своего рождения.

В своих расчетах я должен был учитывать эту ситуацию. И тогда исключительно малая вероятность, какой оценивал Швейцер побег Грапетти с «Альгамбры» за ми-

нуту до катастрофы, возрастала до вполне реального значения. Если не до единицы.

Родственники погибших на «Альгамбре» собрались сейчас в зале ожидания космопорта — некоторые находились там со вчерашнего вечера, а двое (жена штурмана Ягупова и сын второго пилота Джексона-Мейринка) прибыли только что специальным рейсом: «Трирема» привезла еще и экспертов по чрезвычайным ситуациям в космосе. Видеофон в доме Грапетти не отвечал, автоответчик мягким голосом самого Лучано просил оставить информацию. Я не очень представлял себе Татьяну в обществе родственников, ее тихая улыбка была бы там совершенно не к месту. Но, вероятно, она все же решила хотя бы не нарушать традицию.

Журналист Каммерер явился в зал ожидания с очевидной целью: сделать репортаж. Он понимал, конечно, что его присутствие, и тем более — вопросы, которые он намерен был задать, не принесут никакой радости погруженным в свои переживания людям. Однако — профессия обязывает, читатель желает знать.

Татьяны Шабановой в зале не было. Это я понял сразу, но все же потолкался несколько минут, ожидая ее появления. Я даже ухитрился вполне профессионально расспросить Армена Ваганяна, брата бортинженера Самвела Ваганяна, об их детских годах. Армен, низкорослый, но крепко сбитый мужчина лет тридцати пяти, рассказывал быстро, вспоминал детали, которые мне вовсе не были нужны, он просто хотел отвлечься от мучивших его мыслей, и я чувствовал себя пиявкой, присосавшейся к больному органу. Вот напьюсь крови и отвалюсь, а человеку, возможно, станет легче.

Я записал рассказ Ваганяна, сунул фон в ячейку компа, переводя информацию на диск, и со скорбным выражением на лице покинул зал. Как раз пронесся слух (вроде бы никто не входил и никто ничего не сообщал, но слух возник, как самозародившийся тайфун), что в десять Швейцер сообщит окончательные результаты экспертизы.

Где могла быть Татьяна? Не на работе — в институте мне сказали, что не ждали ее сегодня, и очень сочувствуют,

и вообще, такое горе... Да, конечно. Я уж начал было подозревать, что тайна исчезновения Татьяны Шабановой может стать столь же интригующей, как тайна исчезновения Лучано Грапетти. Мысль была неприятной, последствий ее я еще не мог оценить. Оставалась еще одна (во всяком случае, из известных мне) возможность, и я позвонил Ванде Ландовской. С этой женщиной я мог не придуриваться и потому спросил прямо:

— Татьяна Шабанова не у вас ли?

Ландовска только кивнула в ответ, и я ощутил, как с моих плеч свалился камень.

— Могу я поговорить с ней?

— Таня сейчас в ванной, но, если вы будете через двадцать минут, мы сможем вместе выпить чаю.

Я опоздал на минуту.

* * *

— Почему вы не сказали сразу? — настороженно спросила Татьяна, когда мы сели за низкий журнальный столик, на поверхности которого были инкрустированы странные знаки в количестве девяти, расположенные по кругу. — Почему вы обманули? Почему, едва речь заходит о вашей организации, я слышу одну только неправду?

— Враг не дремлет, — усмехнулась Ландовска, подливая масла в огонь, — и, если враг узнает, что против него ведется борьба, он изменяет тактику и становится еще более коварным.

— Видите ли, Таня, — сказал я, обращаясь скорее к Ландовской, поскольку, как я понял, в этом женском дуэте именно Ванда пела первым голосом, — я летел сюда, чтобы узнать подробности этой... ужасной трагедии. Это было проще сделать, не прибегая к долгим объяснениям — почему КОМКОН-2 интересуется именно вашим мужем, когда на «Альгамбре» погибли еще и другие люди.

— Нет, — Татьяна покачала головой. — Вы говорите не то. Знаете, Каммерер, кем был мой предок по материнской линии? Прадед с четырьмя пра? Жил он в двадцатом веке, и во время «Большой чистки» его, как это

тогда говорили, посадили. А потом убили. Из-за этого у моей четыре раза прабабушки был только один ребенок, а она хотела пятерых, по тем временам — подвиг. Мой четыре раза прадед был убит как английский шпион. Вы же понимаете, что он им не был. Но такое было время, и тогдашний комитет, вроде вашего КОМКОНа, полагал, что лучше убить одного невинного, чем погубить страну.

Одного невинного... Похоже, Татьяна знала историю России на уровне пятого класса — наверняка у ее Учителя было свое специфическое представление об истории. Я не стал спорить, тем более что она вовсе не намерена была слушать мою лекцию.

— Таня, — мягко сказал я. — Я действительно прилетел для того, чтобы узнать подробности. И только поговорив с вами, я пришел к выводу, что Лучано не погиб. Таня, вовсе не я скрываю от вас правду, но вы — от меня. Почему? Только потому, что имеете о КОМКОНе-2 превратное представление?

— У мужа был брат, — усталым голосом сказала Татьяна. — Его убили два года назад. Вы убили, Каммерер. Не лично, но все равно вы. И вы хотите, чтобы я была с вами откровенна?

— Брат-близнец?

— Не изображайте недоумение. Лев Абалкин. Я понятия не имею, кто из ваших его убил, этого и Лучано не знал, но разве это имеет значение?

— Таня, то, что вы сейчас сказали, очень важно. Расскажите мне о его братьях-близнецах. Что Лучано о них знал? Что знаете вы?

Татьяна бросила беглый взгляд на Ландовску, и Ванда, вовсе от меня не скрываясь, кивнула головой.

— Собственно, — сказала Татьяна, — о близнецах Лучано рассказал мне в ту ночь, когда... когда убили Льва. У него случился сердечный приступ... точнее, это врачи определили, а сам Лучано уверял, что дело вовсе не в сердце, сердце у него здоровое, просто когда что-то случается с одним из них, это отражается на ретрансляторах, и тогда все остальные могут почувствовать... а могут и не

почувствовать, как получится... все зависит от... как он это называл... интерференции уно-полей. Вы знаете, что такое уно-поля, Каммерер?

Я покачал головой.

— Я тоже не знаю. Поля и поля... Но Лучано было плохо, и я ему сказала, что если он хочет, чтобы я была ему не просто бабой в постели... ну... короче, или вся правда, или я сейчас же складываю свои вещи... А жили мы тогда на станции разведки в Арзаче, от ближайшего жилья триста километров, пустыня и горы. И он понимал, что я никогда ничего не говорю просто так... Я не думаю, что он рассказал мне всё, что знал сам. Точнее... Что значит — знал? Не знал он ничего. Ощущал. Интуитивно. Это было, Лучано говорил, как вскрытие пластов наследственной памяти. Началось это, когда у него появилось на локте родимое пятно... Вы знаете, что у Лучано на локте большая родинка в форме кривого ятагана?

Я кивнул.

— Откуда? — подозрительно спросила Татьяна. — Откуда вам это известно, Каммерер?

— У Лучано, — объяснил я, — родимое пятно проявилось, когда он учился в интернате. Естественно, это зафиксировано в медицинской карте.

— Вы хотите сказать, что наблюдали за Лучано еще с...

Похоже, она действительно не знала всей истории «подкидышей». Видимо, и сам Грапетти знал ее отрывочно — интуиция, а точнее программа Странников, если она была, подбрасывала сознанию лишь информацию, необходимую для выживания индивидуума. И возможно, даже скорее всего, не каждый «подкидыш» обладал такой интуицией, ведь, насколько я знал, Корней Яшмаа, номер одиннадцатый, не имел ровно никаких подозрений о своем происхождении до тех пор, пока ему не рассказали об этом люди из КОМКОНа-2. Не знал ничего о себе и Нильсон — иначе он не впал бы в депрессию и не покончил бы с собой. А остальные? Лев Абалкин? Знал что-то, частично, неполно, на уровне ощущений, которые и вели его, и привели, наконец?..

Похоже, я так задумался, что пропустил обращенную ко мне фразу Ландовской.

— Так да или нет? — спросила она.

— Извините, что вы сказали? — очнулся я.

— КОМКОН определял судьбу своих подопечных или только следил за этой судьбой?

— Это сложная история, — сказал я. — Давайте обсудим ее потом, когда будет время. Вы говорили, Таня, что знание о себе появилось у Лучано одновременно с... этим родимым пятном.

— Да... Сначала туманные подозрения о том, что у него есть братья и сестры. Будто вспоминаешь что-то, долго не вспоминается, и ты даже мучаешься из-за этого, а потом — раз! — и что-то вспыхивает в мозгу... Это было уже здесь, на Альцине. Лучано прилетел сюда сразу после колледжа, подвернулась хорошая работа, и он согласился. Потом он думал, что его намеренно... Ну, как Абалкина, как всех остальных...

— Что он знал об остальных?

— Не думаю, что много... Имена, места, где они жили, кое-какие мысли, точнее, не мысли, а желания, надежды... Ну, то, что может подсказать интуиция. О некоторых знал больше, о некоторых почти ничего.

— О нем тоже знали?

— Да.

— Они... переговаривались друг с другом?

— Только после гибели Абалкина, и настолько, насколько позволяло прохождение сигналов от ретрансляторов... Иногда связь практически исчезала, правда, ненадолго... Иногда была очень четкой.

— Имена, — сказал я. — Он называл их вам?

— Да, конечно. Я знаю всех.

— Корней Яшмаа, например.

— Да, Корней... Конечно. Он сейчас на Гиганде, верно?

— Таня, — сказал я, чувствуя, что нарушаю все инструкции и предписания, и если после моего возвращения Экселенц лично пристрелит меня из своего «герцога», это будет справедливо и однозначно оправданно. — Таня,

Корней Яшмаа знал о себе все — ему рассказали. Только ему и еще Джону Нильсону. Нильсон...

— Он умер, я знаю.

— Лучано говорил вам — почему?

— Я... не помню. Честно, не помню... А о Корнее помню: муж говорил, что ему труднее всех, потому что он один.

— Один? — не понял я.

— Видите ли, Каммерер, Корней в свое время согласился на ментоскопирование и тем самым нарушил равновесие. Лучано говорил, что он перестал чувствовать остальных, ретранслятор работал только в одну сторону...

— Вернемся к вашему мужу, — предложил я. — Вы уверены, что он не погиб на «Альгамбре».

Это был не вопрос, а утверждение, и Татьяна промолчала.

— Что же произошло, и где сейчас Лучано? Чтобы не возникло недоразумений, Таня, я вам скажу: КОМКОН-2 считает вашего мужа и его, как вы говорите, братьев и сестер потенциальной опасностью для Земли. Возможно, это ошибка. Но пока не доказано обратное, мы... простите, Таня, я тоже... вынуждены считать именно так. Вы понимаете, что будет сделано все, чтобы найти Лучано, где бы он ни находился. И тогда... может случиться непоправимое.

— Вы его убьете, как Абалкина, — кивнула Татьяна. — Но я не знаю, где сейчас Лучано. Не знаю, понимаете вы это? И не знаю — зачем! Не знаю, не знаю, не знаю!

У нее началась истерика. Пожалуй, только сейчас Татьяна позволила себе расслабиться, а может, не выдержали нервы. А может, это была искусная игра — чтобы не дать мне ответа, возможно, считала она, хороши все средства. Женская истерика — лучшее из них.

Татьяна колотила кулачками по столу, выкрикивала «не знаю!», слезы катились из ее глаз, смывая косметику — лицо сделалось некрасивым, но я вовсе не собирался приходить ей на помощь, это стоило мне немалых усилий,

я даже вцепился обеими руками в подлокотники кресла, чтобы инстинкт не поднял меня в воздух, не перебросил на противоположный конец стола и не заставил утешать эту женщину, промакивать платком слезы и прижимать к крепкой мужской груди. Я знал — если я сделаю это, будет только хуже. Тем более что и Ландовска не пыталась помочь Татьяне — сидела спокойно, только брови нахмурены, и ждала какого-то известного ей момента или сигнала, чтобы тогда, и ни мгновением раньше, начать действовать: подать платок, принести напиться или что там еще можно сделать, чтобы привести в чувство женщину.

— Каммерер, — сказала Ландовска, не оборачиваясь ко мне, — именно так добивались признания ваши предшественники по профессии?

Я молчал. Я налил себе из кофейника уже остывший кофе и начал пить его мелкими глотками. Кофе был горьким.

Минуты три спустя, когда Татьяна продолжала всхлипывать, но уже сидела спокойно, я сказал:

— Знаете, Таня, мне-то, в общем, все равно, где находится сейчас ваш муж и почему он так поспешно покинул планету. Возможно, это интересно знать моему начальству. Но скажите вы мне, ради Бога, чисто по-человечески, почему Лучано, зная, по всей видимости, что звездолет погибнет, бежал, не сказав ни слова экипажу? Они могли спасти себя и корабль, и сейчас родственники этих людей не сидели бы в зале ожидания космопорта — вы их видели, и неужели их глаза оставили вас равнодушной?

Эффекта я, пожалуй, добился, но вовсе не такого, на какой рассчитывал. Я думал, что нащупал в защите Татьяны слабое место, струну, которая просто не могла не зазвенеть. Но вместо чистого звука струны послышался иной — искристый, но, по-моему, совершенно нелепый при данных обстоятельствах смех.

Смеялась Ландовска, но и Татьяна уже не смотрела на меня волком, ей было, конечно, не до смеха, но слезы на щеках высохли мгновенно, и взгляд стал скорее даже

участливым. Будто ребенок сморозил глупость, даже не поняв, насколько это смешно.

Я переводил взгляд с одной женщины на другую и действительно ничего не понимал. Оставалось ждать, пока кто-нибудь из них не успокоится и не соизволит объясниться. Первой пришла в себя Татьяна. Она поднялась и подошла к зеркалу, висевшему у входа в холл. На ходу бросила:

— Вы что, Каммерер, думаете, что Лучано действительно мог их предупредить?

— Но если он знал... — озадаченно начал я.

— Видите ли, Каммерер, — сказала Ландовска, — ничего Лучано не знал и знать не мог. А тот, кто знал, не мог сказать.

— Ванда, — с досадой сказал я, — может быть, хватит ходить вокруг да около? Можете вы сказать, в конце концов, что означают все эти недоговорки?

— Могу, — кивнула Ландовска. — Но сначала вопрос: вы доверяете пророчествам и астрологическим прогнозам?

Я очень надеялся, что вопрос имел хоть какое-то отношение к делу. К здравому смыслу он, во всяком случае, отношения не имел.

— Извините, нет, — сказал я. — Да и что это за занятие в наш-то век?

— Вот я о том и говорю, — пробормотала Ландовска. — Я не смогла сказать Лучано ничего утешительного. Ничего. А Фарамон уже третий раз просит Швейцера принять его и получает отказ. Швейцеру, видите ли, не до шарлатанов.

— Кто такой Фарамон? — спросил я. — И при чем здесь Швейцер?

Татьяна, успевшая привести в порядок свое лицо (нет даже следа былой истерики, тонко подведенные брови, четко обрисованные губы, русская красавица на все времена), вернулась на свое место и ответила мне вместо Ландовской:

— Фарамон — председатель Астрологической лиги Альцины. А Швейцер здесь действительно ни при чем, и

напрасно Фарамон так стремится встретиться с этим чиновником.

— Нельзя ли получить горячего кофе, я больше не могу пить эту бурду, — заявил я, и Ландовска, забрав кофейник, отправилась за новой порцией напитка.

Когда Ванда вышла, я сказал:

— Таня, вы же видите, что я ничего не понимаю. Вы же видите, что я не желаю зла ни вам, ни Лучано. Неужели нельзя говорить прямо?

— Каммерер... Простите, как ваше имя?

— Максим, — сказал я, ощутив желание вскочить и щелкнуть каблуками.

— Максим, Ванда все время говорит прямо, и я тоже. А если вы не понимаете, то ведь вы и не слушаете. Вы слышите не нас, а себя, вы слышите свои вопросы, но не воспринимаете ответы.

— Пока я не слышал ответов, — сухо сказал я. — Одни обвинения.

— Но это и есть ответы, — заявила Ландовска, появляясь с подносом. — Простите, Каммерер... Максим?.. простите, Максим, но для того, чтобы во всем разобраться, вам нужно понять одну простую вещь, которая вам кажется нелепой: все, что произошло, не имеет ни малейшего отношения к этому вашему КОМКОНу или как он там называется. Ни малейшего отношения к безопасности чего бы то ни было.

— Вот в этом я и хотел бы убедиться, с вашего разрешения... И я даже задал немало конкретных вопросов.

— Я помню все ваши вопросы, — сказала Ландовска. — Напоминаю свой: доверяете ли вы астрологическим прогнозам?

Мы действительно говорили на разных языках. Мы — представители одной цивилизации, но мне показалось в тот момент, что мои беседы с Щекном, в которых недоговорок было куда больше, чем осмысленного текста, являлись образцом диалога и ясности по сравнению с тем, что говорилось в этой комнате на протяжении уже почти часа.

— Я не верю астрологическим прогнозам, — отчетливо произнес я. — Вот четкий ответ на вопрос. Очередь за вами.

— Татьяна не знает, где сейчас Лучано. Лучано не имел никакой возможности предупредить экипаж «Альгамбры» об опасности. Лучано понятия не имел, почему он покинул Альцину. Вот четкие ответы на ваши вопросы. А если хотите подробнее...

— Вы еще спрашиваете!

— Тогда я приглашу Фарамона, и он придет, хотя и без энтузиазма, потому что сейчас считает самым важным объясниться со Швейцером.

— Приглашайте, — сказал я, поглядев на часы. Через полтора часа меня опять вызовет Экселенц, за это время я вполне успею выслушать еще одного астролога и получить еще одну порцию чепухи, произнесенной уверенным голосом. Лучано Грапетти между тем находится сейчас неизвестно где и делает неизвестно что. И хотел бы я знать, для чего эти две женщины стараются представить себя более безумными, чем они есть на самом деле. Или они обе действительно, подобно экзальтированным девицам девятнадцатого или какого-то иного века, не только верят всей этой доморощенной чепухе, но и воображают, что сумеют задурить мне голову?

Ландовска назвала тихим голосом несколько цифр в микрофон, вшитый в воротник ее платья. Подождав ответа, она сказала так, чтобы я мог услышать:

— Фарри, я жду вас у себя. Дело очень важное и срочное.

Выслушав, что сказал собеседник, она добавила:

— Хорошо.

— Давайте пить кофе, — сказала она, обращаясь ко мне, — и молчать, потому что слова, сказанные без смысла, увеличивают пропасть.

Хорошо сказано — и, главное, к месту.

* * *

Фарамон оказался уроженцем Альцины — карлик с руками, достававшими почти до пола, и носом, который был такой же длины, как нос Сирано де Бержерака, не

реального Сирано, а такого, каким его изображают в спектаклях не очень опытные актеры. И еще у Фарамона была шевелюра, волнами спадавшая до пояса, и цвет волос был почти таким же черным, как цвет лишенного звезд пространства в пылевом облаке Ориона. Как бы я ни стремился найти точные слова для описания внешности этого существа, все равно это было «почти» и какой-то малости недоставало. Возможно, потому, что и человеком Фарамон был с той же приставкой «почти» — на Альцине цивилизация находилась на той примерно стадии, на которой были мои земные предки во времена фараонов или даже еще раньше — шумеров и ханаанцев.

Обычно цивилизации подобного уровня (а их не так уж мало в исследованном космосе) не способны воспринять здраво и, главное, правильно явление с неба богоподобных пришельцев. Поэтому исследователи из Института экспериментальной истории предпочитают в таких случаях пассивное наблюдение, не предпринимая никаких прогрессорских попыток. Единственная такая попытка на планете Галаха (система ЕН 2201) привела к гибели всей группы, состоявшей из пяти человек, — высококлассных специалистов по истории развития ранних культур. Тогда же КОМКОН засекретил эту информацию, опасаясь нежелательной для себя реакции со стороны общества и разных институций, имевших в Мировом Совете влияние и способных заблокировать принятие бюджета, необходимого для развернутых исследований на планетах типа Саракша, Гиганды или Надежды. Нам, в КОМКОНе-2, эта информация была, естественно, доступна в полном объеме, и когда, вернувшись с Саракша и начав работать с Экселенцем, я ознакомился с подробностями той давней операции, то, помню, пришел в негодование. Как? Почему? Нарушен Закон об информации, причем самым варварским образом — КОМКОН решал свои внутренние проблемы, а историки оказались отрезанными от источников важнейших сведений, необходимых для структурного и перекрестного анализа гуманоидных цивилизаций раннего периода. Экселенц остудил мое возмущение, задав единственный встречный вопрос: «Скажи-ка, мой мальчик, чем

бы сейчас занимался ИЭИ и все твои друзья-прогрессоры, если бы информация о провале на Галахе стала доступна каждому?» — «Да их бы закрыли и потом сто лет разбирались бы, нужно ли открывать опять!» — воскликнул я прежде, чем осознал собственный ответ. «Ну вот, — удовлетворенно сказал тогда Экселенц. — Прогрессорство не могло зависеть от мнения членов Совета. Да, согласен, это был поступок наверняка не очень красивый с точки зрения морали. Да и закон нельзя нарушать безнаказанно. Но есть высшие интересы человечества, иногда они вступают в противоречие с моралью и законом, и приходится выбирать. В истории не раз возникали подобные ситуации, и, как бы ни оценивали их историки много лет спустя, разрешались эти ситуации всегда одинаково: мораль и закон приносились в жертву. История — наука. А наука вне морали».

Тезис сей мне показался спорным, но мои соображения Экселенца не волновали ни в малейшей степени. Я знал, что мои соображения не волнуют его и сейчас. Он прислушивается к моему мнению, включает его в свои расчеты в качестве одного из множества параметров, и не более того...

Цивилизация на Альцине, обнаруженная самим Сидоровым, который тридцать два года назад вознамерился разместить в системе ЕН 200244 станцию для исследования мировых постоянных, принадлежала к классическому типу Броксона-Эйве и находилась, как я уже упоминал, на уровне близком, если вообще в данном случае можно пользоваться аналогиями, ко времени фараонов или вавилонских царей. Но странным образом ни один из местных народов (а всего их экспедиции КОМКОНа насчитали на сегодняшний день около двухсот) не прошел в своем развитии ни эпохи рабовладения, ни даже эпохи абсолютизма. Пожалуй, ближе всего местное самоуправление приближалось к первобытному коммунизму землян. Тому были свои причины, в частности, изначально здесь не существовало проблемы огня — трава, покрывающая долины Альцины, воспламенялась при малейшем трении и столь же быстро затухала, но на возвышенностях росли

деревья, которые можно было таким образом поджечь, а потом поддерживать огонь неограниченно долгое время. Равно не было здесь проблемы с изобретением колеса, да и другие технические идеи, на осуществление которых у людей ушли тысячелетия, возникали здесь со скоростью смены листков календаря и быстро распространялись по планете — похоже, что аборигены обладали достаточно мощной третьей сигнальной системой, которой пользовались в случае необходимости.

Общение с аборигенами Альцины вовсе не входило в мои планы, тем более что сами планы возникли за полчаса до вылета. Поэтому и знания мои о местных жителях были по меньшей мере отрывочными. Неудивительно, что Фарамон произвел на меня не меньшее впечатление, чем в свое время первый увиденный мною голован.

— Фарамон к вашим услугам. Дорогой мастер. И уважаемый гость, — сказало это существо странным голосом, в котором верхний регистр был подобен трелям соловья, а нижний звучал будто гул из глубокого колодца. Обоими регистрами Фарамон пользовался мастерски, и речь его производила впечатление пения дуэтом — бас соревновался с контратенором.

Сев в кресло, Фарамон стал похож на яркую детскую куклу.

— Сагаль Фарамон, — сообщила Ландовска, — является главой Астрологической лиги, объединяющей все народы Альцины. Лига насчитывает одиннадцать тысяч членов, это очень мощная организация.

— У вас не получится. Ничего, ничего, — неожиданно заявил Фарамон, ткнув тоненьким длинным пальчиком в мою сторону. — Ничего, ничего. Пока вы будете врагом самому себе. Ничего.

— Что вы имеете в виду? — спросил я, стараясь не улыбнуться.

Фарамон повернулся к Ландовской и заговорил так быстро, что слова начали сливаться для моего слуха в одну беспрерывную и очень прихотливую мелодию. Татьяна, безучастно сидевшая до того в углу дивана, вытянула шею, нахмурилась, — она старалась не пропустить ни

слова, но, судя по всему, ей это не очень удавалось, в отличие от Ландовской, которая кивала головой, а когда Фарамон наконец закончил свою речь-песню, сказала коротко:

— Так я это и имела в виду.

Она повернулась ко мне:

— Послушайте, Максим, Фарамон вовсе не расположен был с вами общаться, но я уговорила. Поэтому очень прошу, не делайте резких движений. Задавайте вопросы, но прежде семь раз обдумайте, что вы хотите спросить. И учтите, что Фарамон не просто астролог. Он — пророк.

— Если вы думаете, что у меня есть что спросить у местного астролога-пророка, то вы ошибаетесь, — произнес я по-польски, очень надеясь, что Ландовска знает этот язык. — А если ему действительно что-то известно о поступках Грапетти и о том, где тот сейчас находится, то почему не спросить прямо и не покончить с этой проблемой?

— Спрашивайте, — пожала плечами Ландовска.

— Вам легче с ним общаться, — сказал я. — Спросите сами. Если вы не спрашивали раньше. А если спрашивали, то зачем нужна эта комедия?

— Я спрашивала, конечно, но это было вчера, а положение светил меняется, как вы понимаете, и в оценки к тому же вторглись две кометы, выпавшие из местного облака Оорта. Ну хорошо...

Она, конечно, говорила на языке Фарамона куда хуже, чем астролог-пророк, речь Ландовской напоминала фальшивое пение провинциального сопрано, но карлик понял и пропел в ответ песню сирены.

— Когда вы родились, Каммерер? — спросила Ландовска. — Точное время и место.

— Двенадцатое сентября тридцать седьмого года, — чувствуя себя полным идиотом, сообщил я. — В городе Симеизе, Крым, Российский департамент Восточно-Европейского округа. На Земле, как вы понимаете.

Все эти сведения были перепеты Фарамону, который, по-моему, понял меня и без посредничества Ландовской. Астролог-пророк пожевал губами, поглядел мне в глаза,

разве что пассов не произвел и не вызвал из воздуха духа какого-нибудь местного святого.

— Грапетти, — сказал он. — Живой. Но вы не сможете. Найти. Пока сам. Вам рекомендую. На Землю. Вернуться. Там будете знать. Здесь нет. Безопасно. Там.

— А здесь, значит, опасно? — хмуро сказал я. Если эта троица собиралась таким образом выжить меня из города, то акция их была задумана и осуществлена весьма неумело. На что они, собственно, рассчитывали?

— Почему опасно? — удивился Фарамон. — Безопасно. Там.

— Я спрашиваю — здесь? — Пришлось и мне перейти на телеграфный стиль.

— Здесь. Безопасно. Для вас. На Земле. Для Грапетти. И всех.

Ему надоело подыскивать отдельные слова, и он опять запел, а Татьяна придвинулась ко мне и прошептала на ухо:

— Пожалуйста, Максим, если вы действительно хотите что-то узнать, не смотрите на него как на привидение. Фарамон пророк, может быть, единственный в этой части Вселенной, и вы должны понимать, что пророкам нужно или верить, или...

— Или побивать камнями и распинать на кресте, — закончил я.

— Вот поэтому я и не могу вам объяснить... — Татьяна отодвинулась. — Вы не слышите, не понимаете, вы... чужой.

Теряем время, подумал я. Глупо теряем время. И почему это я решил, что общение с Ландовской приблизит меня к решению проблемы? Она такой же шарлатан, как и все прочие представители ее древнейшей профессии.

— Спасибо за угощение, — сказал я, вставая. — Было очень мило. Передайте уважаемому Фарамону, что я весьма благодарен за сообщенные им сведения.

Татьяна смотрела на меня растерянным взглядом, Ландовска — удивленным, а сам гадатель оставался спокоен, и во взгляде его мне почудилась насмешка. Естественно, это была игра воображения — что я мог понять во взгляде

существа, с которым встречался в первый и, надо полагать, в последний раз?

Я обернулся на пороге.

— Таня, — сказал я, — мне непонятна роль госпожи Ландовской, но вы-то знаете о своем муже гораздо больше, чем сказали. Я буду признателен, если вы захотите этими сведениями поделиться. В конце концов, не думаю, чтобы безопасность Лучано была вам менее дорога, чем мне.

И вышел. Никто не бежал мне вслед. Никто даже не пошевелился.

* * *

В гостиницу я отправился по нуль-Т, обнаружив кабинку в десяти метрах от дома Ландовской. Зачем нужно пользоваться махолетом, имея под боком современное транспортное средство? — с недоумением подумал я, входя в кабину.

Возможно, я неправильно набрал код. Возможно, код отеля был изменен за то время, что я отсутствовал. Может быть, сеть нуль-Т оказалась неисправной. Не исключено, что была иная причина. Как бы то ни было, я вышел не в коридор гостиницы, а в огромных размеров ангар, абсолютно пустой и гулкий настолько, что даже дыхание отзывалось под высоким потолком странным многократным эхом. Свод был прозрачным, и видно было небо — сине-зеленое, с серо-золотистыми облаками.

— Черт! — сказал я и шагнул назад. На этот раз, набирая номер, я сверил его с записью в моем блокноте. Все было правильно, но, открыв дверцу после зеленого сигнала, я обнаружил, что все еще нахожусь в том же ангаре, а возможно, в каком-то очень похожем — индексатор нуль-Т показывал, что переход произошел согласно набранным координатам.

Значит, номер, который я записал и запомнил, был неверен. Досадно, конечно, но не смертельно. Я набрал номер операторской, и в воздухе возникло стереоизображение молодой женщины. Легкое подрагивание плеч показывало, что женщина не настоящая — конструкт-информатор.

— Прошу нуль-Т-координаты гостиницы «Аква», — сказал я ровным голосом во избежание ошибки.

Девица улыбнулась загадочной улыбкой Моны Лизы и назвала номер, записанный в блокноте и дважды приводивший меня в ангар, расположенный неизвестно где.

— В таком случае, — сказал я, — прошу номер кабины нуль-Т, в которой я нахожусь в настоящее время.

Улыбка показалась мне еще более загадочной, но номер тем не менее был все тот же. Может быть, у них на Альцине все пункты нуль-Т имеют с некоторых пор одинаковые номера?

Неважно. Мне нужно было отсюда выбраться.

— Номер нуль-Т космопорта, — потребовал я.

Все тот же номер был завернут девицей все в ту же улыбку, которая, по третьему разу, показалась мне ехидной. Мое идиотское предположение, похоже, сбывалось.

— Номер приемной Президента.

— Номер аэровокзала.

— Номер квартиры Шабановой Татьяны, Альцина-Прим...

Все то же самое.

— Ну хорошо, — сдался я. — Мне нужно совершить нуль-Т-переход в любую другую точку Альцины, исключая ту, в которой я нахожусь.

— Назовите пункт прибытия.

— Пультовая космопорта, первый блок.

— Пожалуйста, наберите номер...

Номер был тот же.

— Могу я попасть куда бы то ни было, не набирая номер? Вы можете подать нужную команду централизованно?

Показалось мне, или улыбка стала растерянной?

— Вопрос вне компетенции.

— Могу я поговорить с главным оператором? Есть проблема.

Стандартный вызов, который должен быть понят любым автоматом, если его заранее не запрограммировали на приступ идиотизма.

— Вопрос вне компетенции.

Если эта троица решила меня изолировать, то сделано это было весьма умело. Даже слишком умело. Вряд ли у кого-то из них есть нужные познания в нуль-Т-системах, и вряд ли у них есть доступ к кодировочным файлам.

Я вышел из кабинки и пошел вдоль стены ангара в поисках двери или любого отверстия, через которое можно было бы выйти наружу. Стены были гладкими — обычная керамитовая поверхность, никаких отверстий. Не исключено, что проникнуть внутрь ангара можно было только через нуль-Т. Неясно, кому пришло в голову строить подобное сооружение, но раз уж оно существовало, то спрятать сюда человека, от которого нужно избавиться на время или навсегда, — блестящая идея.

Я попробовал покричать, но крик вернулся ко мне, многократно усиленный, со множеством реверберированных модуляций, и долго еще, отражаясь от углов, метался, затихая. Минут за десять я обошел ангар по периметру. Периметр оказался равен двумстам тридцати метрам, и это была единственная полезная информация. Пустой ангар и нуль-кабинка. Здесь можно было умереть от голода, и я не был уверен, что местные бактерии позволят моему будущему трупу нормально разложиться, чтобы археологов грядущего века встретил злой оскал моего черепа.

К тому же голод давал о себе знать, не говоря о жажде и кое-каких иных человеческих потребностях. Спрашивать об этом квазидевушку-оператора было бессмысленно, я и не пытался. Вернулся в кабинку и попробовал разобраться в устройстве пульта. В конце концов, принципы нуль-Т я изучал в школе и впоследствии, более детально, в институте — кое-что я еще помнил. К примеру, я знал, что, какой бы разветвленной ни была местная сеть, должен существовать аварийный канал, автоматически срабатывающий при возникновении нештатной ситуации — например, при изменении конфигурации внешних магнитных полей или при резком изменении напряжения в кабелях энергопитания.

Работать пальцами было очень неудобно, я потратил не меньше получаса только для того, чтобы снять верхнюю плату. Внутри была обычная симфония микрочипов

и плотного биокристаллического раствора. Если я не ошибался, нажимать нужно было сюда вот, справа, где в темном кубике пересекались десятки тысяч линий-волокон. А если ошибался...

Подумать об этом я не успел, потому что по изменению освещения в кабинке понял, что нуль-переход совершен. Оставалось надеяться, что аппаратура сработала штатно и я, как и положено, оказался в базовом накопителе сети.

Я поставил плату на место и выглянул из кабинки.

Мог и не выглядывать. Ангар был в точности таким же, а может, и тем же самым. Нет, тем же он быть, конечно, не мог, потому что небо оказалось темным, почти черным, с каким-то звездным узором — я не настолько знал конфигурацию созвездий в небе Альцины, чтобы утверждать с уверенностью, что нахожусь именно на этой планете. Если на Альцине, то на ее ночной стороне, в десяти тысячах километров от космопорта и моих гостеприимных хозяев — Шабановой, Ландовской и этого клоуна Фарамона.

Проводить контрольный эксперимент я не захотел. В кабинке было единственное сиденье для пассажира. Я присел на скамеечку и задумался.

* * *

Как сказал бы Экселенц, «произведенное действие является следствием преступного намерения». Нелепо было предполагать, что все произошедшее со мной являлось игрой случая. Не то чтобы я считал, что в нуль-Т-системе никогда не происходят сбои — на моей памяти бывали случаи и куда трагичнее: в 59-м году, к примеру, когда из-за внезапно возникшей неисправности в контурной задержке одного из микрочипов оказалась отрезанной от сети группа туристов на отдаленном горном перевале в марсианской Фарсиде. Люди погибли от удушья и переохлаждения, прежде чем до них успели добраться спасатели. Естественно, больше подобное не повторялось.

К моему случаю это отношения не имело. Троица — Шабанова, Ландовска и Фарамон — хотела от меня избавиться и сделала это наиболее эффективным образом.

Сейчас я полностью зависел от их доброй воли — захотят, выпустят. Я был уверен, что выпустят — в конце концов, вряд ли в их планы входило отправить меня к праотцам, могли бы, в таком случае, избрать менее изощренный способ. Поскольку здесь нет ни воды, ни пищи, то, не желая уморить меня, они будут вынуждены открыть нуль-Т-линию хотя бы через неделю. К тому же они должны быть уверены, что за эту неделю никто не наведается в этот ангар — случайно или в силу необходимости. Вывод: ангар (точнее — оба ангара) расположен в достаточно удаленной от людей местности и к тому же не используется никем и ни для каких целей.

Если бы я был лучше знаком с планетографией Альцины или с ее научно-промышленной системой, я, возможно, даже сумел бы ограничить зоны, в которых мог находиться. Вряд ли это что-то мне дало бы, но — кто знает?

Почему меня нужно было изолировать? Это ясно: троица причастна к исчезновению Лучано Грапетти, они знают, что и где он делает сейчас, и не хотят, чтобы я помешал. Надо полагать, не я лично — вряд ли они успели проникнуться ко мне столь лютой ненавистью, — но КОМКОН-2. Следовательно, наиболее вероятный пункт назначения Лучано Грапетти — все-таки Земля.

А наиболее вероятное действие — новая попытка воссоединения «подкидыша» с его детонатором.

Грапетти знал о том, чем закончилась миссия Абалкина, и свои действия наверняка готовил куда тщательнее. Лев поступал, как велела интуиция, он попросту не понимал многого из того, что стало потом известно Грапетти и другим «подкидышам». Бедняга Лев действительно мучился, не понимая ни собственных устремлений, ни влекущей его силы. В случае с Грапетти все обстояло иначе. И потому, в отличие от Абалкина, миссия которого могла закончиться успехом разве что по чистой случайности, сейчас Лучано имел значительную фору и мог не позволить Экселенцу опередить себя.

Впрочем, что он может сделать? Экселенц тоже не лыком шит, трагедия научила его осторожности. Повторись

сейчас история, аналогичная абалкинской, он не стал бы ждать последнего момента и «взял» бы Льва либо в своем кабинете, когда Абалкин явился выяснять отношения, либо сразу при выходе из помещения. А сейчас Музей внеземных культур наверняка не просто закрыт на ремонт, но и оцеплен плотным кольцом сотрудников КОМКОНа-2, роботов-наблюдателей, роботов-полицейских и даже роботов-убийц, хотя использование в земных условиях этого оружия было давно запрещено Конвенцией Одиннадцати. Экселенц пошел бы на нарушение любого писаного закона, если бы речь шла о явной опасности для человечества.

Сейчас, даже по моему мнению, возник именно такой случай.

И потому у Грапетти не было шансов проникнуть незамеченным в Музей. Чего он, собственно, добился, совершив столь экстравагантный поступок? Он действительно полагал, что его сочтут погибшим на «Альгамбре»? Если да, то мог бы проинструктировать собственную жену — Татьяне следовало куда более правдиво изображать горе. Да что там — правдиво! Она должна была хотя бы просто изображать, но Татьяна даже этого не делала, я ведь с первого взгляда понял, что никакой скорби эта женщина не испытывает. И разве она это скрывала?

Значит, либо тактика Грапетти в этом пункте дала сбой, что маловероятно, ибо наверняка Лучано продумал все на много ходов вперед и не мог допустить такого прокола в самом начале, либо... Либо он вовсе не собирался убеждать кого бы то ни было в собственной гибели. Но тогда провисала логика его поступков. Если у КОМКОНа-2 возникали сомнения в гибели Грапетти, то КОМКОН-2 обязан был (и Грапетти ли это не знать?) принять все меры. Вплоть до...

Возможно ли, что рефлексии Грапетти погружались на куда более глубокий уровень, и он, просчитав реакцию КОМКОНа-2 с учетом возникающих подозрений, придумал некое действие, о сути которого я сейчас не догадываюсь?

Скажем, убедить Экселенца в том, что Грапетти жив, что он на Земле, заставить Экселенца организовать охрану Музея, а самому в это время... что? Если цель Грапетти — вовсе не Музей...

Возможно, что целью все-таки является Музей, но Грапетти играет роль подставки и вовсе не собирается проникать в Спецсектор объектов невыясненного назначения. Кто-то другой, пока все внимание привлечено к личности Грапетти...

Не проходит. Если Экселенц закрывает Музей, то — наглухо и от всего, что может двигаться и хотя бы отдаленно напоминает человека. Разве что...

В Музее сейчас находятся лишь мои сотрудники, люди самого Экселенца и жестко запрограммированные роботы. Только они имеют сейчас доступ... Может, так и было задумано? Но из этого следует, что в моем отделе есть человек, который не просто в курсе ситуации, но который эту ситуацию и спровоцировал! Человек, «обыгравший» и меня (что трудно, но выполнимо), и самого Экселенца (что представляется практически невероятным, учитывая, с какой придирчивостью, граничащей с паранойей, Экселенц отбирает сотрудников).

Враг в КОМКОНе-2? Еще один автомат Странников? Или человек, когда-то общавшийся с кем-то из «подкидышей», ущученный им, обработанный и посланный на Землю...

Вообще говоря, эта идея была близка к бреду, но когда сидишь в одиночной камере, даже если она размером со стартовую панель звездолета, мысль не склонна придерживаться стереотипной логики. А сознание не склонно сдерживать мысль. Возможно, это к лучшему — в нормальном состоянии идея о диверсанте в рядах КОМКОНа-2 мне бы и в голову не пришла.

Кто?

Кто это мог бы быть, рассуждая чисто теоретически? Мне ничего не оставалось сейчас, как рассуждать чисто теоретически и надеяться на то, что Экселенц, не получив от меня вызова в контрольное время, не просто насторожится, но начнет думать в том же направлении, что и я.

Биографии собственных сотрудников я знал, начиная от дней рождения. Мне и вспоминать не нужно было: никто из них ни разу не был в контакте ни с одним из «подкидышей». И нужно еще учесть, что если права Татьяна, то и сами «подкидыши» лишь после трагедии с Абалкиным достаточно полно осознали собственные возможности. Значит, нужно выделить последние два года. А за последние два года в моем, к примеру, отделе не появился ни один новый сотрудник. И никто из старых не покидал Землю, кроме как для выполнения достаточно кратких по времени заданий. Да, в том числе и на планетах, где жили «подкидыши» — Горелов, к примеру, полгода пробыл на Сауле, но, насколько я мог судить, с Гансом Фихтером не встречался ни разу. Если, конечно, в донесениях Горелова не зияли лакуны, которые я не смог определить.

Горелов? Или Авелиди, который еще до гибели Абалкина бывал на Марсе и мог, в принципе, встречаться с Мелией Глоссоп, номер третий? И женщина так охмурила беднягу, что тот забыл, на каком свете живет? А я, старый дурак, после возвращения Авелиди не заметил ни малейшего изменения в его поведении?

Пожалуй, паранойя, в которую я впал, сидя на скамейке в кабине нуль-Т, перешла в неуправляемую стадию. Но разве не бывало в истории криминалистики, что именно бредовые умозаключения приводили к однозначно правильному выводу? Помнится, какой-то классик в темные еще времена говаривал: «если все возможные варианты оказываются неверными, берите вариант невозможный — он-то и будет истинным».

Что самое невероятное в данной ситуации?

То, что кто-то из моих ближайших помощников сейчас входит в помещение Спецсектора объектов невыясненного назначения, открывает стеклянную витрину, берет в руки янтарного цвета футляр...

Стоп. Любой из моих помощников мог это сделать в куда менее экстремальной ситуации — за последние годы у каждого из них было множество возможностей, ибо вовсе не от сотрудников КОМКОНа-2 нужно было охранять детонаторы!

Но, может быть, раньше в том не было необходимости? Может быть, раньше никто из «подкидышей» не был готов к действиям? Что я, в конце-то концов, знал о ситуации, сложившейся в отношениях между «подкидышами» в последние два года? Я и о самих отношениях узнал от Татьяны лишь вчера вечером.

Кстати, почему именно вчера? Почему Татьяна, изображая наивное неведение, рассказала мне о событиях, о которых мы с Экселенцем не догадывались? И не догадались бы, если бы Татьяна не соизволила исповедаться.

Почему? С ведома Грапетти, надо полагать. Грапетти нужно было, чтобы наше с Экселенцем неведение закончилось. Грапетти нужно было, чтобы мы узнали то, что не могли бы узнать даже при тщательном наблюдении за поведенческими реакциями «подкидышей».

Во всех этих достаточно сложных действиях был какой-то простой смысл, очевидная цель. Я пока не видел ни цели, ни смысла — кроме все той же попытки нового овладения детонаторами. Синдром Сикорски в чистом виде.

И синдром этот, избавляться от которого в данном конкретном случае я не видел необходимости, побуждал меня к действию, а не к рефлексии, которой я вынужден был предаваться.

В конце концов, и есть хотелось все сильнее.

Я совершил еще один обход своей тюрьмы — на этот раз шел медленно, вглядываясь в каждую выпуклость, в каждую возможную щель: может, это дверь, открыв которую, я смогу выбраться на белый свет, а точнее, применительно к обстоятельствам, — в темную ночь? Любопытно было, вне зависимости от способа моего пленения: кому и зачем пришло в голову строить на Альцине подобие ангаров (в количестве не менее двух), попасть в которые можно только с помощью нуль-Т-кабинок?

Не ответив ни на один из вопросов, я вернулся в свой карцер, мысли мои за это время тоже, видимо, совершили полный оборот, и, усаживаясь все на ту же лавочку, я понял, что обдумываю в точности ту же мысль, которую обдумывал час назад: что намерен предпринять Лучано

Грапетти для воссоединения с детонаторами и (или) с братьями и сестрами-близнецами?

Поскольку этот путь рассуждений я уже проходил и не пришел ни к какому выводу, то задал себе для разнообразия иной вопрос: почему я вообще уверен, что побег Грапетти на самом деле является побегом? Почему я уверен в том, что Грапетти, как и Абалкин, стал автоматом Странников? Могла ли у него быть иная цель, не имевшая никакого отношения ни к «тайне личности» — тайне, для него несущественной, ни к проблеме Странников — проблеме, которая не интересовала его, судя по его поступкам, всю предшествующую жизнь?

Сбежал от надоевшей жены, допустим. А Татьяне не хочется в этом признаваться. А Ландовска попросту покрывает подругу. Что до астролога-аборигена, то его привлекли и вовсе для отвода глаз. Чтобы увести следствие с пути его.

Но почему, если так, женщинам нужно вообще бояться какого бы то ни было следствия? Ну, сбежал, со всеми бывает. Я в свое время тоже сбежал и вовсе не собирался по этому поводу держать отчет перед Экселенцем. С Аленой мы прожили почти три года — тысячу дней с небольшим. Алена была замечательной женщиной, и даже на сеансе суггестивного психоанализа я не сумел бы найти в ее характере существенных отрицательных черт. Но через сотню дней совместной жизни я ощущал глухое раздражение от ее бархатного голоса, через триста — не мог видеть, как она суетится, перебегая из комнаты в комнату в поисках какой-нибудь никому не нужной безделушки. Через пятьсот дней я уже понимал, что долго так продолжаться не может. На семисотый мы попробовали крупно объясниться, и закончилось это слезами (не моими) и объяснениями в любви (на этот раз — двусторонними). На восьмисотый день я ощущал то же, что и на сотый, и переходить на второй круг ада не видел ни основания, ни смысла. На тысяча восемнадцатый день мы расстались — и оба испытали облегчение.

Алена говорила потом: «Это потому, Максим, что у нас не было детей». «Конечно, — думал я, — только де-

тей нам недоставало». А вслух не говорил ничего: молча соглашался. Рассуждая сам с собой о возможном побеге Грапетти от любимой женщины, я понимал, конечно, что просто тяну время. Логически версия не выдерживала критики. Даже если Лучано решил уйти от Татьяны, неужели для этого нужно было неожиданно мчаться в порт, добираться на челноке до звездолета, и к тому же эта версия никак не могла объяснить странное, если не сказать больше, поведение Грапетти — его второй побег, на этот раз с борта «Альгамбры» за полминуты до катастрофы.

Как он мог знать о том, о чем не знали даже сверхчувствительные приборы экспресс-звездолета?

Конечно, будучи автоматом Странников, Грапетти — не исключено! — мог обладать талантом предвидеть маловероятные события. Допустим. Странники могли наделить свой автомат повышенной способностью к выживанию. Допустим и это. Трагедия Абалкина этому выводу противоречит, но не могли ли определенные изменения в программе последовать уже после гибели автомата номер семь — как реакция на его уничтожение? Допустим, допустим. Но это означает, что мне, хочешь — не хочешь, придется вернуться к первоначальной идее и возродить синдром Сикорски на новом витке параноидальной спирали.

По моим часам я просиживал штаны в этом ангаре уже сто восемьдесят минут. За это время с планеты могли исчезнуть и Татьяна с Ландовской — если женщины связаны с Грапетти и подчиняются его желаниям. За это время Экселенц просто обязан был объявить розыск пропавшего сотрудника и поднять на ноги весь КОМКОН-2.

А я не продвинулся ни на шаг в решении загадки.

Что, если, подумал я, что, если я был не прав с самого начала? Что, если женщины устроили мне этот нечаянный отдых вовсе не из желания отстранить от расследования, а, напротив, чтобы дать мне возможность заняться единственным делом, каким я мог здесь заняться, — сесть и подумать? Сначала Татьяна, потом Ландовска старались меня в чем-то убедить — путанно, неубедительно,

но старались. Я вбил себе в голову, что они скрывают за словами нечто, чего мне не нужно, с их точки зрения, знать. Я хотел действий, и ничто иное меня просто не могло заинтересовать. А им было нужно, чтобы я посмотрел на ситуацию иначе. Совсем иначе. Они хотели, чтобы я сел и подумал. Никакие действия не нужны, потому что решение проблемы лежит в совершенно иной плоскости.

Возможно это?

Нет, но допустим. Допустим, что возможно. Допустим, что именно этого они и добивались. Я посидел и подумал. Я не пришел ни к каким выводам, только разозлил себя, настроив против женщин и против Грапетти, и против всех «подкидышей» вместе взятых. Ну хорошо, поскольку делать все равно нечего, попробую пройти по этому пути — что же сначала Татьяна, а потом Ванда хотели мне внушить?

Первое. Татьяна не скрывала своего знания о природе «подкидышей». Татьяна была убеждена в том, что ее любимый Лучано не замышляет ничего дурного. Ландовска пыталась мне доказать, что астрология — это наука, способная предсказать будущее с точностью до минуты.

И эту идею я должен принять за основу своего рассуждения?

Да, был еще Фарамон — местный шаман. Его роль в этой пьесе выглядела и вовсе не нужной. Старик Оккам перевернулся бы в гробу, услышав о таком рассуждении. Что-то было здесь, очевидно, лишним, и, возможно, если я догадаюсь, что именно, то увижу всю картину. Может быть, она даже окажется красивой...

Небо над ангаром начало светлеть, по нему медленно проплыли зеленоватые волны рассвета, будто начался океанский прилив. Я знал об этой особенности атмосферы Альцины — на высоте около сорока километров здесь располагался слой легких газов, и в момент, когда лучи ЕН 200244 касались этого местного аналога ионосферы, происходила взрывная ионизация, фронт которой перемещался по небу вслед за линией терминатора. Вечером,

с заходом светила, процесс шел в обратном направлении, — атомы рекомбинировали, выделяя энергию, и в течение примерно часа после захода местного солнца небо озаряли сполохи полярного сияния. Я знал, что это должно быть удивительно красиво, но прошлым вечером мне было не до небесных красот. Сейчас они меня тоже не очень интересовали, волны скорее даже действовали на нервы, и я решил переселиться в ангар номер один — там, по идее, сейчас должна была наступить вторая половина дня.

Я отстучал на клавиатуре какой-то немыслимый номер, количество цифр в котором по крайней мере вдвое превышало нормальное количество цифр в нуль-Т-наборе. Какая, собственно, разница — что набирать, если результат от этого не зависит?

И действительно, стало светло. Свет был, впрочем, странным — скорее искусственное освещение, а не мягкий, обволакивающий свет красного карлика. Я секунду помедлил, прежде чем открыть дверцу кабины. Мелькнула мысль: что, если на этот раз меня забросили в какую-нибудь всеми забытую даль?

Я шагнул в прохладный коридор гостиницы «Аква» — именно туда, где намерен был оказаться пять часов семнадцать минут назад.

* * *

Комиссия по расследованию причин катастрофы запустила в сеть файл с предварительными результатами своей работы. Как и предполагалось, непосредственной причиной гибели звездолета стал неконтролируемый распад нейтрон-кваркового субстрата с огромным выделением энергии. В свою очередь, реактор пошел вразнос в результате нештатного выхода на запредельный режим. А это произошло потому, что, находясь уже в стартовом режиме, за четыре миллисекунды до нуль-Т-прыжка, «Альгамбра» столкнулась с метеором, масса которого оценивалась в одну седьмую грамма.

В отчете содержались и сведения о погибших. Масс-структурный анализ вспышки еще не закончили, но уже

было ясно, что все семеро — члены экипажа «Альгамбры». Масс-спектра Лучано Грапетти на эхограмме не обнаружили — даже следов! — из чего следовало, что в момент катастрофы пассажира на борту не было.

Собственно, ничего принципиально нового я из прочитанного не узнал. Наверняка этот же материал лежал и на столе Экселенца — докладывать мне было нечего, разве что сообщить о своей отсидке по решению неизвестного мне трибунала. Делиться с шефом своими соображениями я пока не собирался.

Я переключил канал и попросил номера видеофонов госпожи Ландовской, госпожи Шабановой-Грапетти и господина Фарамона. Два числа мгновенно высветились в плоскости экрана, а на месте третьего канала повисла надпись — «в списках не значится». Фарамон, будучи существом по-своему принципиальным, предпочитал, видимо, обходиться без современных средств связи. Ну, еще бы, будучи пророком по специальности, он мог...

Да. Именно. Будучи пророком. И связь ему, значит, ни к чему.

У Тани аппарат не отвечал, а в доме Ландовской отозвались сразу.

— Где вы пропадаете?! — нервно воскликнула госпожа астролог. В руке она держала ароматизированную палочку и, похоже, курила ее перед моим звонком: от палочки тянулся вверх сизый дымок, завиваясь в причудливое кольцо. Я не мог видеть, что находится за ее спиной, лицо Ландовской заняло весь экран, но был уверен, что и Татьяна, и Фарамон ожидали моего звонка с неменьшим нетерпением.

— В очень интересном месте, — добродушно сказал я. — Видимо, были какие-то неполадки в нуль-канале. Меня выбросило в какой-то совершенно пустой ангар, представляете, и я просидел там больше пяти часов, пока неполадки не устранили.

— О чем вы говорите, Каммерер? — воскликнула Ландовска. — Не было никаких неполадок!

— Ну значит, кому-то сильно хотелось от меня на время избавиться. — Я перешел на мрачный тон. — Кстати,

у меня за это время не было во рту даже росинки, не говоря уж о маковом зернышке.

— Поняла, — сказала Ландовска. — Если вы не против, я угощу вас и тем и другим.

Она отключила связь, так и не дозволив мне увидеть, что находится за ее спиной.

* * *

Честно говоря, у меня мелькнула мысль, что, войдя в комнату, я увижу Лучано Грапетти собственной персоной, после чего мне будет разъяснено, что все случившееся — розыгрыш с целью проверки боевой готовности службы безопасности. Разумеется, мысль была нелепой. Ландовска сидела за журнальным столиком, на котором были разложены, насколько я мог судить, карты звездного неба, видимого с Альцины. Татьяна стояла у окна, выходившего на поле, запаханное и чем-то, скорее всего, засеянное. А красавец пророк Фарамон, по-моему, спал, развалившись на диване. Во всяком случае, на мое появление он не отреагировал и продолжал мирно посапывать, уставив в потолок неподвижный взгляд.

Еда ждала меня на круглом столике у дивана — ломтики прожаренного мяса, яйца, кофе в высоком кофейнике. Завтрак джентльмена. Обильный купеческий обед оказался бы более ко времени.

Я сел и принялся за еду. Ландовска, не обращая на меня внимания, раскладывала свой астрологический пасьянс, Татьяна рассматривала пейзаж, а Фарамона можно было не принимать в расчет.

Я допил кофе, и тогда Ландовска сказала:

— О'Генри писал, что нельзя говорить с мужчиной, если он голоден.

— И еще он писал, — добавил я, — что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Вопрос: через какие дебри лежит путь к его разуму?

— У вас было пять часов на размышления. — Похоже, Ландовска была на этот раз настроена серьезно. — К какому выводу вы пришли?

— Интересно, — сказал я, — как вам удалось это организовать?

— Очень просто, — отмахнулась Ландовска. — Если вы нашли правильный ответ на первый вопрос, то должны были понять и это. Итак?

Я оглянулся на Татьяну. Она смотрела на меня так, будто от моего ответа зависела жизнь или смерть ее мужа.

— Я не смогу убедить собственное начальство, — медленно сказал я. — У Рудольфа Сикорски свой взгляд на проблему. И он не провел пять часов в пустом ангаре. Кстати, где это сооружение находится, и почему в него можно попасть только с помощью нуль-Т?

— Понятия не имею, — заявила Ландовска. — Я просто задала общий поиск, и система решила, что лучшего храма для уединенного размышления не придумаешь...

Система, как же. Приняла задачу к выполнению, отправила человека неизвестно куда и даже не сообщила «заказчице» координаты.

Я уселся поудобнее, но так, чтобы, если будет нужно, не теряя ни мгновения, приступить к решительным действиям. Впрочем, я вовсе не был уверен, что мне будет дозволено приступить не только к решительным действиям, но хотя бы к каким-нибудь. У меня — особенно после возвращения из вынужденной отсидки — создалось впечатление, что от моего желания вообще ничего не зависит и понимание проблемы придет тогда, когда Ландовска решит, что для этого настало время. Почему — Ландовска? Я не мог бы ответить. Интуиция. Экселенц в таких случаях говорил: «подкорка контрразведчика». У меня с этим всегда были проблемы, я предпочитал ясно видимую логику фактов, в таком случае меньше опасность ошибиться. Но сейчас все было настолько зыбко, туманно и ненадежно, что оставалось положиться только на эту самую подкорку, а точнее — на предположение о том, что, в отличие от меня, Ландовска, а может и Татьяна с Фарамоном, в достаточной степени контролируют ситуацию или хотя бы знают, что происходит в каждый момент времени с досточтимым и неуловимым Лучано Грапетти.

— Ванда, — сказал я, — понятно, что на прямой вопрос: «где Лучано?», вы не ответите. — Ландовска пожала плечами, Татьяна шумно вздохнула. — В таком случае, я расскажу вам, какой вижу эту ситуацию сам.

Женщины молчали, и я продолжил:

— Лучано Грапетти — один из тринадцати близнецов. Полагаю, что эта часть жизни Лучано вам, Ванда, известна со слов Татьяны.

— Поправка, — спокойно сказала Ландовска. — Эта часть жизни Лучано известна Татьяне с моих слов.

— Не понял, — озадаченно сказал я. — Татьяна утверждала, что Лучано рассказывал ей свою историю еще до...

— Лучано, — перебила Татьяна, — рассказывал мне только то, что понимал сам. Господи, Максим, я вам все четко изложила, а вы поняли по-своему... Лучано начал полностью контролировать связь с братьями после... ну...

— После гибели Абалкина, да, продолжайте, Таня.

— Вот... Он знал об этих... яйцах, которые, как кощеева смерть, хранятся где-то на Земле. Но как это все появилось и где... Откуда было ему знать, если этого не знал никто из... То есть Абалкин... Лев, да?.. Лев догадался первым, и... Но его...

— Хорошо, — сказал я, помогая Татьяне выбраться из лабиринта недосказанных предложений, — хорошо, допустим, Ванда вам рассказала о происхождении этих, как выразился Лучано, яиц. Вы-то, Ванда, откуда о них узнали?

— Дорогой Каммерер, — устало произнесла Ландовска. — Из астрологических изысканий, конечно.

Естественно, откуда еще?

— Ваших собственных? — спросил я и, кажется, на этот раз попал в точку.

— Нет, — коротко сказала Ландовска. — Мне рассказал Фарамон. Я вас уже познакомила, но эта личность не произвела на вас ни малейшего впечатления.

— Почему же? — удивился я. — Очень колоритная личность. Пророк, как вы его представили. Почему бы

пророку не напророчествовать будущее Лучано Грапетти? В том числе и его побег. А может, даже и то, что произошло на «Альгамбре»?

— Конечно, — кивнула Ландовска. — Вы делаете успехи, Каммерер. Именно это мы пытаемся вам внушить уже вторые сутки, и наконец вы начали понимать.

Я начал понимать, что мне здесь морочат голову. Вполне вероятно, что в разыгрываемой комбинации Фарамон играл не последнюю роль. Но не ту, конечно, в которой его пытались изобразить.

Пожалуй, теперь этим милым женщинам нужно было дать время подумать.

— Отлично, — сказал я, вставая. — Приму к сведению ваши слова. Если не возражаете, я зайду попозже. Кофе у вас прелестный.

Никто не пошевелился, когда я выходил. Только Татьяна в очередной раз вздохнула.

* * *

Я попросил информ представить мне карту аэрокосмических объектов Альцины и получил ее на стерео. Ангары, предназначенные для ремонта звездолетов класса «призрак», были обозначены странными значками, похожими на перевернутую русскую букву «д». Всего таких ангаров было три, и я посмотрел на них изнутри и снаружи. Ничего похожего. Нормальные промышленные объекты — аппараты, люди, гомон, движение. В общем, дело.

Спутников у Альцины не было, и я не думал, что обычный планетный нуль-Т способен перебрасывать объекты даже в пределах ближних орбит — не те энергетические возможности. Ландовска понимала, конечно, что я заинтересуюсь расположением ангаров. Ее это не волновало. Значит, скорее всего, я просто не там ищу.

Я задал более широкий поиск — всех сооружений, превышающих определенный размер. Список оказался довольно внушительным, но даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: моей временной тюрьмы нет и здесь. Если целью Ландовской было задать мне еще одну

задачу, она этого с успехом добилась. Вот только боюсь, что решение новой задачи увело бы меня в совершенно ненужную сторону.

Подумав, я связался с инфоцентром и попросил дать мне нуль-канал с Саулой.

— Какого порядка приоритет? — спросил оператор, судя по выражению лица, сконструированный еще при мультисистемном подходе.

— Первого, — сказал я. — Приоритет КОМКОНа.

— Наберите свой личный код, пожалуйста.

Я быстро отстучал одиннадцатизначную комбинацию цифр.

— Принято, — подтвердил оператор. — Связь в течение пятнадцати минут.

Чтобы настроить систему, нужно было от силы минуты три. Значит, у них сейчас идут каналы с нулевым приоритетом. Скорее всего, информация, передаваемая комиссией по расследованию.

На экране появилась таблица линий связи Саулы, я должен был выбрать нужную и набрать номер абонента. Еще через полминуты я услышал мягкий высокий голос, который с равной вероятностью мог принадлежать как мужчине, так и женщине. Изображение, впрочем, не появилось, абонент желал знать, с кем имеет дело. Его право.

— Слушаю вас, — раздался голос. — Представьтесь, пожалуйста, я вас не вижу.

Моя камера была включена, на пульте горел зеленый глазок. Возможны были помехи на линии, а может, Фихтер не желал говорить, показывая себя. Я пожал плечами — почему, однако, любое действие, которое могло быть следствием десятка независимых причин, немедленно вызывало у меня подозрения?

— Максим Каммерер, — представился я. — Сотрудник Комиссии по Контролю. Если можно, прошу Ганса Фихтера. Срочно, приоритет один.

— Фихтера? — Мне показалось, что человек на той стороне линии пожевал губами. — Видите ли, Ганса нет на планете.

— Давно? — насторожился я. Экселенц не сказал мне ни слова о том, что один из «подкидышей» произвел непредусмотренное действие.

— Полчаса... — В голосе послышалось сомнение. Похоже, что он и сам (сама?) не знал точно, когда покинул Саулу Ганс Фихтер.

— Куда он направился, не скажете ли? — вежливо поинтересовался я.

— На Альцину, — радостно сообщил голос. Или радость в голосе собеседника мне лишь послышалась?

Разговор был похож на растягивание резины — паузы составляли около десяти секунд, и я не мог понять: то ли это было естественное запаздывание сигнала при передаче с одного ретранслятора на другой, то ли собеседник намеренно затягивал паузы, обдумывая ответы. Трудно говорить, не видя лица.

— На каком корабле, не скажете ли? — спросил я. Это я мог узнать и в порту, на самом деле меня интересовало совсем иное.

— Простите, — сказал голос. Судя по быстроте реакции, он еще не слышал моего вопроса. — Простите, я тороплюсь. Извините...

Зеленый сигнал связи погас.

Фихтер будет на Альцине завтра — быстрее не успеет никакой корабль.

Это была важная информация, я обязан был сообщить о ней Экселенцу. Вполне возможно, даже наверняка, он уже знает. Вполне возможно, даже наверняка, он знает гораздо больше — как обычно, держит в руках нити и хочет сам делать выводы, предоставляя сотрудникам оперативный простор для решения тактических задач.

Я набрал номер Экселенца, но канал был занят, мне было сказано, что абонент ведет разговор по более приоритетной линии, и, как только она освободится...

Ожидая, я произвел эксперимент — попросил канал связи с Гигандой. Я не собирался разговаривать с Яшмаа, хотел лишь удостовериться, что ризничий Герцога Алайского не производит лишних движений. Для этого

достаточно было задать вопрос нашему наблюдателю Нату Широверу, второму секретарю посольства Империи в Герцогстве.

С Шировером мы были знакомы давно, но не коротко. Это был веселый толстенький человечек не более метра семидесяти ростом, Герцогу Алайскому он и до плеча не доставал, не говоря уж о своем подопечном Корнее Яшмаа. Я не знал, что думает Корней о постоянном наблюдении за его персоной, я бы реагировал весьма бурно. Но Яшмаа, узнав о тайне своего происхождения, согласился проходить в нужное время все необходимые проверки, включая полное ментоскопирование, которое, впрочем, еще ни разу не дало сколько-нибудь ценной информации. Яшмаа даже дружил одно время с Шировером, потом они рассорились, но вовсе не потому, что Корнею было неприятно иметь дело со стукачом, причина была сугубо личной — так сказал Экселенц, и я мог только строить предположения о том, в чем эта причина заключалась.

Второй секретарь был на обеденном приеме по случаю рождения второго сына у третьей жены Герцога. «Очень срочно?» — спросил оператор орбитального штаба. Я представил себе, какие ухищрения потребуются Широверу, чтобы выбраться из-за стола при большом стечении народа, и как Герцог нахмурит бровь, недовольный нарушением этикета...

— Не нужно, — сказал я, — но, если возможно, я хотел бы получить информацию о Корнее Яшмаа, личном ризничьем Его Высочества...

— Корней Яшмаа, — расцвел оператор, довольный тем, что может оказаться кому-то полезным. — Примерно час назад я видел его у нас на станции.

— Так... — протянул я. — Скажите, сегодня есть внешние рейсы?

— Внешние? — Оператор не был готов ответить, ему пришлось бросить взгляд на расписание, которое висело где-то справа и выше передающей камеры. — Есть. «Раменда» только что стартовала. «Фуга» уходит вечером... э-э... я хочу сказать, через шесть часов.

— Куда направляется «Раменда»?

Это был, насколько я помнил, пассажирский корабль класса «заря».

— Рейс Гиганда — Альцина — Прометей. И обратно.

— Спасибо, — сказал я.

* * *

У Экселенца было наконец свободно, и я задал вопрос в лоб. Точнее, в лысину, поскольку Экселенц, кажется, не изменил позы с нашего последнего разговора.

— Двое близнецов, — сказал я, — покинули свои планеты и в настоящий момент находятся на пути к Альцине. Не кажется ли вам, Экселенц, что вовсе не Земля является в данном случае объектом интереса Странников?

Через десять долгих секунд Экселенц изволил поднять на меня глаза — удивления во взгляде не было, только уверенность.

— Зачем тебе остальные близнецы? — спросил он в свою очередь. — Я поручил тебе разобраться в деле Грапетти. Ты не выходил с докладом почти девять часов. Я слушаю.

Очень коротко я пересказал события, которым стал свидетелем. Описание моего пустопорожнего сидения в ангаре заняло полминуты.

— Похоже, — заключил я, — меня хотели временно изолировать, чтобы беспрепятственно совершить некие действия.

— Ну и как? — заинтересованно спросил Экселенц. — Совершили?

— Похоже, что нет, — признался я. — Во всяком случае, мне такие действия неизвестны. Очевидно, что Шабанова с Ландовской причастны не только к бегству Грапетти с Альцины, но и к катастрофе «Альгамбры».

Лысина Экселенца опять заняла весь экран, и потому слова его прозвучали глухо, будто из подземелья:

— Объясни. Ты обнаружил связь?

— Экселенц, Грапетти наверняка находился на борту модуля, когда произошло столкновение. Между тем после его прибытия на борт «Альгамбры» прошло всего десять

минут. По всем правилам, Грапетти должен был пройти без промедления в пассажирский отсек и занять место в амортизаторе. Капитан Завадский или его помощник должны были это действие проконтролировать. В случае, если пассажир не занял положенного места, стартовые операции должны быть прекращены. Ничего этого не произошло. Вывод: командир полагал, что Грапетти нет на борту. Вопрос: для чего же он в таком случае направлялся на «Альгамбру»? Вывод: чтобы привести в действие некое устройство, которое можно было активировать, находясь в непосредственной близости от него. Какую систему корабля можно было активировать только таким образом? Ответ: систему безопасности. Но система безопасности была уже активирована в связи с предстартовыми операциями. Следовательно, действием, для совершения которого Грапетти направлялся к «Альгамбре», было отключение системы. Этим я объясняю как поведение самого Грапетти, так и действия капитана, а также тот факт, что защита звездолета не отреагировала на приближение метеора.

Я замолчал, сложил руки на груди и принялся ждать реакции Экселенца. Реакции не последовало, лысина продолжала освещать тусклым отраженным светом половину комнаты. Видимо, мои рассуждения не показались Экселенцу завершенными, да так оно и было. Я вздохнул и продолжил:

— Учтите неожиданное желание по крайней мере двух близнецов явиться на Альцину. Об остальных у меня нет сведений, но не исключаю, что и они тоже находятся сейчас на пути сюда. Поскольку никто из них не собирался на Землю, нашим наблюдателям не было нужды чинить им препятствия. На Землю отправлялась лишь «Альгамбра». Она и была уничтожена. Вывод: на звездолете находилось нечто смертельно опасное для близнецов и подлежавшее обязательному уничтожению любым пригодным способом. В данном случае единственным способом было, видимо, уничтожение звездолета. Для придания этому действию видимости естественной катастрофы было имитировано столкновение с метеором в момент перехода в

нуль-Т-режим. Поскольку опасность для близнецов, возможно, не была окончательно устранена, они впервые решили провести прямую встречу и принять какие-то меры... Надеюсь, вы не забыли, Экселенц, что близнецы уже в течение двух лет поддерживают друг с другом некое подобие мысленного контакта?

— Не забыл, — буркнул Экселенц через десять секунд. — Послушай, мой мальчик, — продолжал он, — ты так и не ответил на мой вопрос. Я поручал тебе дело Грапетти и ничье больше, верно? Ты можешь мне сказать, где сейчас номер четвертый?

— Не могу. — Я пожал плечами, надеясь, что Экселенц даже лысиной сумеет уловить это мое движение. — Но из сказанного мной следует, что Грапетти должен быть на Альцине или в ее окрестностях, поскольку встреча близнецов...

— Встреча близнецов, — перебил меня Экселенц так, будто находился в соседней комнате и не было никакого запаздывания сигнала: очевидно, что говорить он начал, не дожидаясь моего ответа. — Встреча близнецов не имеет к твоей миссии никакого отношения.

— Вы думаете, Экселенц? Именно в месте проведения встречи я и должен искать близнеца номер четыре.

Экселенц молчал, лысина его то приближалась к экрану, то удалялась от него, похоже, что шеф раскачивался на стуле.

— К сожалению, — добавил я, — мне не удалось получить информацию у Шабановой. Уверен, что ей известно, где находится ее муж.

— Ну конечно, — буркнул Экселенц. — Применить бы к ней сейчас допрос третьей степени... Максим, послушай меня внимательно. Мне уже приходили в голову идеи, которые ты сейчас излагал. Наши эксперты этот вариант развития событий проанализировали и не сумели исключить полностью. Все это возможно. Тем не менее ни на Альцине и нигде в системе ЕН 200244 челнок, на котором находился Грапетти, из нуль-Т-режима не выходил. Если поведение Грапетти связано с предстоящей встречей близнецов, то место этой встречи находится не в системе

Альцины. Ты понимаешь, что сейчас самая важная задача — найти Грапетти? Ты понимаешь это, сынок?

Честно скажу, у меня мурашки побежали по коже. Экселенц поднял на меня глаза, произнеся последнюю фразу, и, в сочетании с заданным вопросом, взгляд поразил меня какой-то потаенной беспомощностью. Мне пришло в голову, что, по сути, Экселенц оказался сейчас куда в более худшем положении, чем два года назад. Тогда на Землю прибыл автомат Странников — так полагал Экселенц. Абалкин был один. Сейчас, судя по всему, девять оставшихся в живых близнецов намерены были устроить свою конференцию. Неизвестно где и неизвестно с какой целью. О том, что эта цель сопряжена с опасностью для человечества, можно было судить по тому, что близнецам пришлось уже пойти на совершенно немыслимое действие — уничтожение звездолета с экипажем. Место встречи — неизвестно. Что, если каждый из близнецов устроит небольшой фейерверк вроде того, что натворил Грапетти?

Что предпринять? Экселенц мог следовать за Абалкиным со своим верным «герцогом». А сейчас? Черт возьми, если разобраться, то именно на мою долю пришлась сейчас эта миссия — найти и предотвратить. Кого найти — ясно. Но — что предотвратить?

И почему, если именно мне решать и определять главные действия, Экселенц по-прежнему не намерен сообщать мне полной информации — о поведении всех близнецов, в частности?

— Да, вот еще что, — сказал Экселенц, не опуская головы, но глядя куда-то в сторону. — Если тебе это поможет... Корней Яшмаа не далее как неделю назад отказался от очередного сеанса ментоскопирования. Наблюдатель сообщил об этом в информотеку КОМКОНа-2, но этому поступку сначала не придали значения. Это мой прокол... — Экселенц пожевал губами, продолжая смотреть на какую-то точку справа от камеры. — Дело в том, что подошло время обычного контроля, но оно оказалось на редкость неудачным — Яшмаа готовился к поездке со свитой Герцога и дорожил каждой секундой... Сегодня мне доставили полную запись разговора Яшмаа с Широ-

вером. На предложение пройти сеанс Яшмаа ответил, что не станет этого делать, потому что хочет еще пожить.

Экселенц замолчал, и я, опасаясь, что он, сказав все, что хотел, отключит связь, поспешил задать последний вопрос:

— Я бы тем не менее хотел знать, Экселенц, все ли близнецы покинули свои планеты, и сколько из них направляется к Альцине.

Экселенц посмотрел мне в глаза и произнес только одно слово:

— Все.

* * *

Ясно, почему он не хотел говорить мне этого. Он боялся. Боялся, что, осознав ответственность, я не смогу думать без оглядки на последствия своих поступков. Одно дело — принимать решение по частной, пусть и важной, проблеме. Совсем иное — решать, зная, что от твоего решения может зависеть ни больше ни меньше, как судьба человечества.

Допрос третьей степени, сказал он. Естественно, Экселенц иронизировал. Он полагал — надеялся или действительно был уверен? — что я сумею найти подход к Татьяне (или Ландовской, поскольку она наверняка была в курсе всего). Он ошибался — ни с Татьяной, ни тем более с Ландовской у меня уже не было такого контакта, как в первые минуты знакомства. Холод ощущался на протяжении всей нашей последней беседы. Я не понимал причину. Догадки меня сейчас не устраивали.

Но иного пути — во всяком случае, для меня лично — просто не существовало.

Я надеялся только, что женщины не разбежались куданибудь по своим делам и мне не придется вылавливать каждую по информационным сетям Альцины.

* * *

Естественно, оправдались мои худшие предположения. В холле у Ландовской сидел на диване, странно, будто раненый кузнечик, подогнув ноги, господин астролог-пророк Фарамон, смотревший на меня пронзительным

взглядом филина. Возможно, Ландовска была где-то в другой комнате — ответить на этот вопрос Фарамон затруднился. Он вообще затруднялся давать точные ответы, даже если мог обойтись любимыми им простыми предложениями.

— Так могу я поговорить с госпожой Ландовский или нет? — спросил я в третий раз.

— Да, — твердо повторил Фарамон и добавил, как и прежде: — Но нет. Отсутствует.

— Она в доме?

— В доме? — опять затруднился пророк. — В доме, да. Не в этом.

Так, уже кое-что.

— А в каком?

— Дом? — Фарамон задумался на несколько секунд. — Да. Дом Эстарба, вторая позиция, возвратное движение.

Дом Эстарба — это где? Ну, да неважно. Расспрашивая, потеряю больше времени. Информ подскажет. Я мысленно проклял Фарамона — похоже, что и сам я начал думать односложными предложениями.

— Спасибо, — сказал я и на всякий случай поинтересовался: — А Татьяна Шабанова? Ее тоже нет?

— Нет? — удивился Фарамон. — Есть. Не здесь.

— Тоже в доме Эстарба? — спросил я наобум.

— Нет! Нет! — Испуг пророка был столь очевиден, что я подумал было, что дом этого неизвестного мне Эстарба представляет собой пыточную камеру для женщин определенного рода занятий.

— А где? — Если Фарамон знает, где Татьяны нет, то почему бы ему не знать, где она есть? Или будет — пророк он, в конце концов, или не пророк?

— Где, где... — запричитал неожиданно Фарамон. — Неопределимо! Нет ответа! Лучано Грапетти! Полный веер! На весь круг!

Он затряс головой и умолк.

Надо ли было понимать это так, что Таня находится сейчас там же, где ее муж, а где сейчас находится ее муж, Фарамон сказать затрудняется? Полный веер — лучше не

скажешь. Впрочем, я бы выразился иначе, было такое старинное ругательство, но у меня сейчас совершенно вылетело из головы, какая часть тела использовалась в нем в качестве подлежащего.

Спрашивать для того лишь, чтобы получать нелепые ответы, было бессмысленно, и я отключил связь, не попрощавшись. В конце концов, я и не знал, принято ли прощаться в обществе местных пророков.

На вопрос о том, где расположен дом Эстарба, информ ответил прямо и честно: нет такого дома в схеме жилого фонда, а равно и в списках нежилых помещений или иных конструкций. Похоже, что либо я опять не понял того, что имел в виду Фарамон, либо пророк пользовался какими-то местными названиями, не вошедшими в реестр, составленный земной администрацией на Альцине.

Я задал информу общий поиск по вектору связи госпожи Ландовской и госпожи Шабановой и немедленно получил ответ: обе женщины отключили свои личные информы, но медицинские браслеты показывают, что и Ванда, и Татьяна находятся в полном здравии. В полном здравии — где? Где, где... — как сказал господин пророк Фарамон.

Я все делал не так с самого начала. Нужно было не изображать из себя то журналиста, то идеалиста-комконовца, а сразу связываться с местным отделением КОМКОНа-2, приставлять наблюдателей сначала к Татьяне, а потом и к Ванде и следить за каждым их шагом. Тогда я сейчас не находился бы в глупейшем положении.

Нет, не мог я этого сделать. Я приехал на Альцину, имея определенные инструкции Экселенца, которые он, кстати, до сих пор не отменил. Я не имел права выходить ни на кого из моих коллег. Я должен был действовать сам. Все это было глупо. Я не мог исключить даже, что Экселенц по иным каналам давно уже поставил наблюдение за моими подопечными и сейчас лучше меня знает, где они находятся и что делают. Но не говорит. У него своя стратегия и своя тактика, которую я порой абсолютно не понимаю. Не понимаю даже тогда, когда проблема

оказывается решенной. Экселенц обычно отделывается фразой «Так было нужно, сынок», и мне не остается ничего иного, как, поджав хвост, отправляться в свой кабинет и на досуге обдумывать, какое из моих личных действий помогло решению задачи и помогло ли вообще, и почему отсутствие полной информации не всегда вредно для дела, а иногда очень даже полезно.

В сложившейся ситуации я мог сделать три вещи: во-первых, отправиться к Ландовской лично и в обществе Фарамона ждать ее возвращения; во-вторых, отправиться к Шабановой-Грапетти и ждать ее возвращения на скамеечке перед домом; и в-третьих, отправиться искать женщин куда глаза глядят. Я выбрал вариант номер один по трем причинам. Во-первых, в дом Ландовской, в отличие от дома Татьяны, я мог войти. Во-вторых, Ландовска, по моим впечатлениям, играла в этой истории роль существенно бóльшую, нежели бедная Таня, беспокоившаяся о судьбе мужа. И в-третьих, если Фарамон не покинул гостеприимный дом, я смогу, коротая время, задать ему еще несколько вопросов.

* * *

Я отправился на «стрекозе», как и в первый раз. Мне хотелось подумать. Собственно, последние сутки я в основном занимался только тем, что думал. Но мне казалось сейчас, что все мои предшествовавшие мыслительные конструкции были скроены на скорую руку и представляли собой набор штампов. Синдром Каммерера. Синдром Сикорски. Штамп КОМКОНа-2. Штамп современного обывателя. Штамп специалиста по научной криминалистике. Обычно этих штампов бывает достаточно для того, чтобы сделать нужные (и правильные!) выводы — в конце концов, в подавляющем большинстве случаев наша жизнь состоит из набора блоков, которые варьируются, подобно сюжетным конструкциям беллетристики. Я читал, что лет двести назад было обнаружено, что все сюжетное многообразие мировой литературы состоит примерно из тридцати или сорока (не помню точно) блоков. И не более того. Миллионы произведений, в том числе и гениаль-

ных, — и сорок камней, из которых все это многообразие сложено. Между тем литература лишь отражает жизнь. Отсюда следует, что и жизнь наша, как бы она ни была сложна и удивительна, складывается все из тех же блоков-сюжетов, и, как бы мы ни тщились доказать обратное, тот, кто следит за нами оттуда, сверху, будь то Высший Разум, Странники или иная сверхцивилизация, с усмешкой отмечает наши потуги втиснуть уникальные переживания личности в стандартный блок номер семнадцать. Или двадцать четыре. Сейчас я, скорее всего, рассуждал, следуя сюжетному блоку номер тридцать девять. Или какому другому, близкому к концу списка.

И дальше — пустота.

Так мне казалось, когда я подходил к дому Ландовской, и надо полагать, заблуждение мое было столь же велико, сколь велика была уверенность в том, что для решения проблемы мне непременно нужно выйти за рамки сорока сюжетов и придумать свой, сорок первый. Которого вовсе и нет в природе.

Фарамон сидел на диване в той же позе, в какой я видел его полчаса назад во время телевизита. В мою сторону он даже головы не повернул, сказал в пустоту:

— Кофе. Чай. Сами. Будете ждать.

Первые три предложения не нуждались в интерпретациях. В последнем я засомневался: имел ли в виду Фарамон вопросительную интонацию или просто констатировал факт? Поскольку он был пророком, то, вполне вероятно, предвидел, что мне придется-таки сидеть здесь в его обществе, и потому мог и не задавать ненужного вопроса.

— Вы будете чай или предпочитаете кофе? — Я взял на себя роль хозяина.

— Нет, — отозвался пророк. — Не пью жидкости. Опасно.

Я пожал плечами. Вполне возможно, что питье чего бы то ни было отрицательно сказывалось на метаболизме местной фауны, включая ее разумных представителей. Хотя и сомнительно. Я приготовил себе чай и, пригубив, понял, что совершил ошибку — это был настой из

местных трав и высушенных листьев, обрывки которых плавали в чашке, будто мусор в сточной канаве. Вкус был соответствующим. Но, поскольку Фарамон прервал медитацию и принялся разглядывать меня с бесцеремонной откровенностью исследователя-натуралиста, я надел на лицо маску удовольствия и пил эту бурду, будто нектар с полей Леониды.

— Почему опасно пить жидкости? — спросил я, осушив чашку до дна.

— Мешает. Не могу. Только завтра.

Что — завтра? Завтра можно будет пить? Может, у него пост? Какой-то ритуальный праздник?

— Скажите, уважаемый Фарамон, вы можете мне сказать как можно более односложно, знаете ли вы, что произошло с Лучано Грапетти?

— Да, — не замедлил с ответом пророк. И добавил, чуть подумав: — Но нет.

Ответ достойный Нострадамуса. Масса интерпретаций, и все верные.

— Почему «да»? — спросил я. — И почему «нет»?

— Да — что. Нет — где. И почему.

— А еще есть «когда», — подсказал я.

— Когда? — с подозрением переспросил Фарамон. — Не ответ. И не вопрос. Истина.

Так. Попробую интерпретировать. Он знает, что произошло. Не знает, где произошло то, что произошло. А когда — вообще нет смысла спрашивать, это и так известно. Если, конечно, я правильно понял. По-видимому, лучше всего задавать Фарамону такие вопросы, на которые он мог бы отвечать «да» или «нет». Причем без возможности свернуть на «да, но нет».

— Лучано Грапетти, — сказал я, — покинул планету по своей воле?

— Да, — пожал плечами Фарамон и посмотрел на меня как на ребенка, который неожиданно для взрослых наделал в штанишки.

— Он знал о том, что звездолету «Альгамбра» угрожает опасность?

— Да. Но нет.

Ну вот, опять... Как же мне разделить этот вопрос на два, чтобы получить два разных ответа? На мой взгляд, вопрос был подобен элементарной частице, разделить которую можно, только уничтожив ее свойства. Попробую иначе.

— Звездолету угрожала опасность?

— Да, — Фарамону казалось, что это очевидно.

— А Грапетти?

— Да. Но нет.

Еще один полный оборот.

— Кто-нибудь, — задал я вопрос абсолютно риторический, — знает, что происходит на этой планете?

— Да, — ответствовал Фарамон.

— Именно да? — тупо спросил я.

— Да. — Фарамон ответил, будто одним ударом забил в доску гвоздь.

Я решил, что исчерпал вопросы типа «кто знает?» и «знает ли?», и перешел к другой группе.

— Грапетти жив?

— Да.

— Его жизни угрожает опасность?

— Да. Но нет.

— Если опасность есть, она исходит от человека?

— Да.

О, это уже нечто конкретное!

— Вы можете назвать имя?

— Да. Но нет.

— Однако вы его знаете?

— Нет.

Не знает, но может назвать. Правда, и не может тоже. Чушь. Или я опять задал вопрос не по существу?

— Послушайте, — сказал я, решив идти напролом, — может, вы думаете, что опасность для жизни Грапетти исходит от меня лично?

— Нет, — сказал Фарамон с откровенным изумлением в голосе.

— Тогда — от Тани?

— Нет!

— От Ванды Ландовской?

— Нет!

Что мне теперь, перечислять все население Земли и исследованного Космоса? Стоп, есть ведь люди, с которыми...

— От Корнея Яшмаа?

— Нет!

— Рахмана Аджеми? Мелии Глоссоп? Алекса Лурье? Татьяны Додиной? Матильды Геворкян? Ганса Фихтера? Корнея Яшмаа? Джорджа Полански?

Восемь раз Фарамон сказал «нет!» и, по-моему, окончательно подорвал свое здоровье. Откинувшись на спинку дивана, он закрыл глаза и отрешился от мира.

— От Рудольфа Сикорски? — спросил я по инерции, почти уверенный в том, что уж теперь-то услышу «да».

Фарамон не реагировал. Дышал он ровно, возможно, спал.

Я встал и подошел к домашнему терминалу Ландовской. То, что я собирался сделать, было, вообще говоря, нарушением закона, и если бы Ванде захотелось доставить мне неприятности, она бы легко это сделала. Но у меня просто не было иного выхода. Я разблокировал систему и ввел свой личный код, поставив гриф «0» для получения информации.

Меня интересовали две вещи: профессиональные файлы госпожи Ландовской (они должны были присутствовать наверняка) и ее личные записи (мне почему-то казалось, что женщины подобного типа не могут жить, не записывая в дневник свои соображения, жизненно важные для человечества). Уровень, куда Ландовска запрятала то и другое, располагался, по-моему, где-то в центре компьютерного мироздания. Во всяком случае, моя программа сначала провалилась в киберпространство общепланетной сети и долго (минуты три — и это при полной загрузке!) шарила в ней, прежде чем натолкнулась наконец на подобие колодца, на дне которого и находились личные файлы госпожи Ландовской.

Не став дожидаться, пока программа опустится до нужного мне уровня по лестницам декодирующих подпрограмм, я вытащил из-под панели терминала шарики био-

датчиков, налепил их себе на мочки ушей и вошел в киберспейс, оказавшись практически без привычного модального перехода на краю пропасти.

Пространство вокруг было черным, как мироздание в момент акта творения — ну, это естественно, я ведь отрубил все каналы, по которым файловая система Ландовской связывалась с виртуальным окружением. Пропасть, в которую мне предстояло опуститься, выглядела жерлом действующего вулкана, из нее несло жаром, пахло паленым, но свет, который шел изнутри, был не красным, как следовало бы ожидать, но сине-зеленым, будто на дне плескался океан, а не кипела лава.

Моя программа уже опустилась на несколько уровней и проложила для меня дорогу в виде прорубленных в вертикальной стене ступеней. Ждать у меня не было времени, хозяйка могла вернуться, и я бросился с обрыва вниз, рассчитывая, что ведущей программе ничего не останется, как ринуться следом, а точнее — чуть впереди меня, опережая на одну раскодировочную подпрограмму. Это было опасно — если возникнет сбой (вполне возможный при столь варварском обращении с многоярусным киберспейсом), то мое сознание просто вывалится на поверхность, в самой же системе могут возникнуть необратимые изменения: я больше не смогу получить никакой информации — любой компьютер будет воспринимать меня как чужака. Ну и ладно. Вернусь на Землю и восстановлю допуск, сейчас нужно плавно опуститься и...

Плавно не получилось. Один подпрограммный уровень — не та подушка, на которую имеет смысл падать с высоты десятого этажа. Мозг будто стянуло обручем, боль была страшная, но и прошла быстро.

Я увидел себя стоящим на дне колодца. Стены были гладкими и синими — значит, я не нарушил ни систему кодов, ни содержимое базы данных. В обе стороны вели два тоннеля, вход в которые был закрыт заглушками. Заглушки можно было открыть, подобрав ключи, но я не хотел терять время.

Я ударил кулаком, брызнули осколки, и проход открылся. Несколько шагов, и я оказался в просторном

кабинете, стены которого представляли собой панно с изображением эклиптического круга Альцины. Профессиональная мастерская астролога. Не то, что мне нужно в данный момент.

Я отступил и ударил по другой заглушке. Второй коридор оказался чуть длиннее, и...

Когда бьют по голове, это всегда болезненно. Даже если находишься в виртуальном мире.

* * *

Открыв глаза, я обнаружил, что сижу под тенистым деревом. Было тепло, даже жарко. Голубое небо бесконечной высоты. Густая тень — черная, как вечность. Я поднял руку, чтобы пощупать затылок (мне казалось, что там должна быть рваная рана), и неожиданно обнаружил, что совершенно обнажен. Более того, тело было не моим. Мне, Максиму Каммереру, руководителю Отдела чрезвычайных происшествий Комиссии по Контролю, месяц назад исполнилось 43 года. Мне, сидевшему под деревом, было от силы двадцать.

— На, поешь, очень вкусно! — сказал тоненький, но одновременно глубокий, как Марианская впадина, женский голос, и я увидел гибкую руку, появившуюся из-за моей спины. На изумительно красивой ладони женщины лежало яблоко, форма которого и цвет наводили на мысль: если и вкус будет столь же совершенным, то существует лишь одна возможность достичь вечного блаженства — съесть этот плод.

Я обернулся. Улыбка, возникшая на моем лице, была, несомненно, улыбкой идиота. Могло ли быть иначе? Рядом сидела обнаженная женщина. Она была совершенна. Точнее, она была совершенна ровно настолько, чтобы соответствовать моим представлениям о женской красоте. Черные волосы до плеч. Карие глаза. Ямочка на подбородке. Крепкие груди, будто две церковные маковки.

— На, поешь, — повторила женщина и улыбнулась.

Из-за ствола дерева на мгновение появилась и тут же исчезла хитрая мордочка, и я сразу пришел в себя.

Модельный мир. Ситуация выбора в компьютерной игре, куда меня вовлекли против воли. Почему именно эта игра оказалась запечатанной и помещенной на дно блокированной памяти в виртуальной системе госпожи Ландовской, мне еще предстояло выяснить, хотя я был почти уверен в том, что к решению моей проблемы именно эта ситуация отношения не имела. Но, не отреагировав должным образом на приглашение Евы, я, Адам, вряд ли смогу сделать хотя бы один шаг — и даже мой личный код-допуск не сможет помочь по той простой причине, что все, что могло быть этим кодом взломано, было уже взломано и дальнейшее зависело не от мощности системы, а от моей личной сообразительности и понимания ситуации.

Я мог протянуть руку и взять яблоко из руки Евы, но мог и отказаться. Мог, к примеру, встать, обойти дерево, за которым ждал результата своего эксперимента Змей-искуситель, и прямо спросить у этого нахального пресмыкающегося, зачем ему нужен этот искус. Нет, «зачем» — это понятно. Нужно спросить, что произойдет, если я откажусь от яблока, поскольку вообще не ем фруктов.

Ева смотрела на меня требовательно и в то же время лукаво. Она не спрашивала, хочу ли я надкусить поганый плод. Она сказала «на, ешь» и ждала, что я исполню ее желание. По сути, выбор мой состоял вовсе не в том, чтобы съесть или не съесть яблоко и — совершить или не совершить грехопадение. Грехопадение уже было совершено, на кожуре ясно видны были следы Евиных зубов. От моего поступка ровно ничего не зависело. Я мог взять яблоко и съесть — и Творец прогнал бы нас с Евой из Рая за нарушение Его воли. Я мог ударить Еву по прекрасной руке, и яблоко покатилось бы в сочную зеленую траву, доставшись червям. Но Ева была бы все равно изгнана из Рая за нарушение Его воли, и мне ничего не оставалось бы, как последовать за ней. Точнее — пойти с высоко поднятой головой впереди своей половины. Потому что я отвечал за поступки Евы перед Творцом. Из моей сути была создана мне женщина. И именно мое, а не

собственное, невысказанное и даже непродуманное желание Ева выполнила, сорвав плод.

Единственное, что я мог сделать сейчас во искупление греха, это — убить Еву. Хотя бы вон тем кривым суком, который валялся неподалеку, будто специально созданный для убийства и оставленный Творцом на видном месте. Я убил бы не Еву, не первую женщину. Я убил бы ту свою суть, которая изначально была греховной. Ту суть, которую Творец намеренно отделил от меня и немедленно поставил эксперимент, желая проверить, действительно ли я, Адам, первочеловек, лишился всего греховного, что было во мне. Действительно ли, удалив женское начало, Творец получил во мне самое совершенное свое создание.

Чтобы доказать свою верность Ему, я просто обязан был лишить Еву жизни. Уничтожить грех в самом его зародыше. Любое другое решение было половинчатым и потому решением проблемы считаться не могло. Оставив Еву жить, я, даже отобрав яблоко, даже ударив жену свою, даже прочитав ей дюжину проповедей о пользе воздержания, все равно стал бы соучастником греха, ибо сама суть греховности, выделенная из меня, — Ева, жена моя, — продолжала бы существовать и не сегодня, так завтра нашла бы повод для новой провокации.

Ситуации выбора в действительности не существовало. Выбора не было — я обязан был убить.

Но убить я не мог.

Нет, не потому, что заповедь «не убий» тоже была Его указанием — прямым и точным. Заповедь эта стала нравственным императивом гораздо позднее, а сейчас, в Раю, отягощенном одним-единственным грехом, убийство не могло быть оценено Им как грех. По очень простой причине: убивая Еву, я не убил бы человека. Не убил бы женщину. Пока между нами еще не существовало никаких человеческих отношений (кроме единственного обращения «на, ешь!»), Ева была не женщиной еще, но лишь формой женщины. Содержание же, суть Евы, были моими. Тем, что Творец извлек из меня и что еще не успело измениться, живя собственной жизнью.

Убив Еву, я убил бы свою суть.

Убив Еву, я убил бы себя, поскольку, лишенный сути, не мог бы жить.

Творец создал меня — человека, — потратив целый день. Он сказал: «и вот хорошо весьма». И я, самое совершенное Его создание, сразу же покончил бы с собой, доказав Создателю, что труд его был напрасен.

Я протянул руку и взял яблоко. Я улыбнулся Еве — моему отражению-антиподу — кислой улыбкой, куда более кислой, чем оказался вкус плода, когда я вонзил в него зубы.

Змей-искуситель захихикал за деревом. Ему казалось, что он унизил Творца. Бедняга. Он выполнил Его волю, сам о том не подозревая, — только и всего.

Яблоко хрустело на зубах, мягкая рука Евы перебирала мне волосы, и я не ощущал ничего, кроме тихого бешенства. Я терпеть не могу ситуации, в которых выбор предопределен. Особенно ситуации, когда предопределенность выбора становится понятной лишь в тот момент, когда ты собираешься совершить действие, изначально запрещенное и неосуществимое.

Если Ландовска играла в эти игры со своими клиентами, я не хотел бы стать ее клиентом. Если она играла в эти игры сама с собой, мне было ее жаль — нелепо играть в игру, в которой от игрока ничего не зависит.

Я доел яблоко, встал и, не глядя на Еву, пошел искать выход из Рая. Я знал, что Ева, суть моя, последует за мной, потому что выбора не было и у нее.

Мягкая трава щекотала пятки.

— Эй, — сказал я вслух, обращаясь то ли к госпоже Ландовской, то ли непосредственно к компьютерной программе, — нет ли чего-нибудь поинтереснее? И желательно без теологических экскурсов!

* * *

Меня поняли буквально.

Я стал Вселенной.

Я был сжат в математическую точку. Для меня не существовало времени, потому что никакие процессы не про-

исходили. Для меня не существовало пространства, потому что математическая точка не обладает измерениями. Что при этом могло означать само понятие «существования», я не в силах был определить, поскольку для описания понятия пришлось бы выйти за его пределы, а это было невозможно.

Я был, и меня не было.

Нормальное противоречие, для решения которого изначально существует лишь одна альтернатива, один выбор. Быть или не быть.

Да?

На самом деле выбора не было. Я не мог выбрать «не быть» по очень простой причине: тогда некому было бы разбираться в последующих альтернативах, игра потеряла бы смысл — главный игрок признал бы свое поражение, не сделав даже первого хода.

Значит — быть.

И стало так.

Кокон взорвался, возникло пространство, события понеслись, последовательность их стала временем. И ничего в этом процессе от моего выбора не зависело тоже. Все было предопределено начальными и граничными условиями в момент взрыва, и состоянием вещества, и состоянием полей, и даже принцип неопределенности, возникший одновременно с Мирозданием, не мог повлиять на выбор пути развития Вселенной.

— Эй, — сказал я, обращаясь к компьютеру, будто к партнеру в шахматы, который с самого начала принялся жульничать, оставив противнику для игры только одну пешку и окружив ее со всех сторон своими тяжелыми фигурами, создав ситуацию цугцванга. — Эй, нельзя ли играть без форы? Я тоже хотел бы сделать ход!

Сказал и только тогда понял, что компьютер вовсе не создавал для меня обычных игровых ситуаций. Не стала бы Ландовска запечатывать на дне колодца, будто смерть Кощея, некую игру, в которую играла на досуге.

Она имела, что сказать, и сказала то, что имела. Теперь это было очевидно. В начальных ситуациях со-

здания Мира — в материалистической и идеалистической их трактовках — проблемы выбора не было. Задана была не только начальная ситуация, но и вектор развития. Единственный и не зависящий от человеческой воли.

Похоже, что компьютер следил за ходом моих мыслей, и для общения с ним мне не нужно было кричать. Едва я сделал свой вывод, игровая ситуация резко изменилась. Ощущение было болезненным, а мир, в который меня ввергла программа по воле Ландовской или, возможно, вопреки ей, оказался ужасен.

* * *

Я стоял перед большим плоским камнем и в правой руке сжимал нож. Хороший нож, из обсидиана, обточенный до той степени остроты, когда уже не нужно думать, удастся ли совершить этим ножом то, для чего он предназначен.

Я стоял перед большим плоским камнем, а на камне лежал лицом вверх юноша лет семнадцати. Юноша смотрел мне в глаза, он ждал. В глазах не было ни страха, ни покорности, ни ненависти, — только любовь. Мой сын Исаак любил меня, отца своего Авраама. Он готов был принять смерть от моей руки, поскольку выбора у него не было. Я не предоставил собственному сыну права выбора.

Право это было только у меня.

Творец потребовал, чтобы я принес Ему в жертву сына своего Исаака. Я мог исполнить требование, но мог и отказаться. Он не сказал об этом прямо, но я знал, что Творец испытывает меня. Он хочет знать, насколько я верен Ему, насколько люблю Его, насколько покорен Его воле.

Я мог выбрать. Принести сына моего в жертву, как требовал Творец, — доказав свою безусловную верность. Или отказать Ему в этой жертве, возвысив свою гордыню до предела, далее которого путь мой в этом мире стал бы непредсказуем, ибо никто не смог бы предвидеть всех последствий Его гнева.

Отдать сына и следовать дальше по пути ясному, предсказуемому на многие века — пути верности Ему, единения с Ним. Только на этом пути смогут существовать Пророки.

Или нарушить Его волю, сохранив Исааку жизнь, лишиться Его поддержки, — и путь мой, и путь всех потомков моих станет неясным, скрытым во тьме времен.

Я мог выбрать между Смыслом и его отсутствием. Правда, выбор этот означал и другое — рабство или свободу. Стать Ему рабом и видеть дорогу впереди. Или стать свободным, но погрузить будущее рода в туман неведения.

По сути, выбора не было и здесь. Я мог рыдать, я мог рвать на себе остатки волос, я мог проклинать Его, зная, что вопли мои, достигнув Его уха, никак не смогут изменить Его решения подвергнуть меня этому испытанию.

Я занес над Исааком нож и, опуская лезвие, проклял Его самым страшным проклятием.

И в это мгновение я прозрел.

Нож опускался медленно-медленно, рука моя будто лежала на мягкой пуховой подушке и продавливала ее, а память ринулась вверх, и я увидел, что произойдет со мной в следующее мгновение, и через год, и через десять лет, и что случится с сыном моим Исааком, и с именем моим, которое мне предстоит изменить, добавив к нему всего одну букву, и с племенем моим, и со всеми людьми, к моему племени не принадлежащими, — через год, сто, тысячу лет и еще позже; я увидел города, страны, корабли, ракеты и бомбы, я увидел всё, что, как мне казалось, видел и раньше, но всё же никогда не видел, потому что ничего еще не произошло, всё только предстоит, и всё будет именно так, как я увидел, потому что решения определяют путь.

Это было не мое решение, но выполнить предстояло — мне.

Твердая рука перехватила мою ладонь, когда острый кончик лезвия коснулся груди сына моего Исаака там, где

сквозь кожу видна была слабая пульсация сердца. Он. Он остановил меня. Он не позволил мне. Он испытал меня, и я выдержал. Я был покорен Ему. И Он позволил мне увидеть будущее.

Будущее, о котором я никому не смогу рассказать...

Нож выпал из моей руки, и я заплакал.

* * *

Виртуальная реальность оказалась выполнена настолько профессионально, что я ощутил вкус соли на губах. Я слизнул собственные слезы и подумал, что Ландовска слишком увлекается историей религий. Наверняка на самом деле все происходило иначе, и если кто-то из древних пророков когда-то стоял перед дилеммой Авраама, то причиной наверняка было не испытание, предложенное Творцом. Причина была сугубо земная.

Должно быть, компьютер ощутил мое сопротивление. Что-то переключилось, мир сначала вспыхнул белым, а потом излился черным, и в смешении этих двух цветов возникла комната. Келья. Высокий потолок. Большой дубовый стол, заваленный листами пергамента. Перо в моей руке.

И мне опять предстояло выбрать. В игре явно просматривалась система. Программа ставила передо мной ситуации выбора, взятые из истории человечества и Вселенной. Более того, программа убеждала меня, что в предложенных ситуациях выбор был чрезвычайно прост, поскольку его не существовало вовсе. Программа желала, чтобы я сделал ход, но не предоставляла мне такой возможности, лишая игру смысла.

Чего она хотела от меня сейчас?

Мое имя было — Мишель де Нострадам. Я сидел, откинувшись на высокую спинку жесткого стула, и прозревал будущее.

Я наблюдал. Я не вмешивался в ход событий (да и как бы я мог это сделать?), но от моего дыхания что-то непрерывно менялось в этих картинках, и я никак не мог ухватить суть. Я не понимал того, что видел. Я должен был это описать, но у меня не было нужных слов.

Я должен был назвать даты, сроки, страны, ню все это ускользало, расплавлялось в намеки, сползавшие с кончика пера на пергамент и оставлявшие свой след в форме странных четверостиший, возникавших, будто отражения виденных мною картин. Отражения получались кривыми, и иными быть не могли.

Я увидел, как ровно через двести тридцать лет в Париже поведут на эшафот французского короля, я заглянул в его расширенные от ужаса глаза, но, когда я обмакнул перо в чернила и занес руку над пергаментом, видение расплылось, оставив в мозгу нечеткий отпечаток, а в памяти — затухающий след. И я сумел вывести только:

«Ночью через Королевские вороты в путь отправится она,
Королева, белый драгоценный камень, и Король, весь в сером,
Путь через Варенн — неверный путь, и выбор Капетинга
Приведет к огню и буре, крови и ножу...»

Перечитав написанное, я и сам не понял, что означали эти слова на самом деле. Варенн? Почему — Варенн?

Со злостью на себя я отбросил перо и, шепча какие-то странные слова, которые всегда приходили мне на ум в такие мгновения, погрузил свой взор в такую даль времен, в какую мне прежде пробиться не удавалось. Я хотел испытать себя. Я мог умереть от такого испытания. Но я должен был понять свой предел.

В тысяча девятьсот девяносто девятом году от рождества Христова я узрел страшную войну между мусульманами и христианским миром. Я видел десятки странных металлических птиц, взлетавших в воздух на огненных хвостах. Я видел, как плавятся камни в моем родном Париже, и как проваливается сквозь землю прекраснейшее здание собора Святого Петра в Вечном городе, и как птицы, взлетевшие, чтобы поразить хищников, плюют огнем на мечети Багдада, и как корчатся люди в этом всесжигающем пламени, но, когда я поднял перо, мозг мой опустошился, и только слабый намек на грядущие события перетек на пергамент, оставив трудно объяснимый след:

«Объявится в Испании король, король великий,
И покорит он Юг своею силой,
И полумесяц скроется в тумане,
И люди Пятницы сдадут свои знамена...»

Господи, — крикнул я, — почему ты так поступаешь со мной? Почему я, Мишель де Нострадам, зная все, ничего не могу сказать?

Не первый и даже не сотый раз я задавал Господу этот вопрос, но отвечал всегда сам — с тех пор, как ответ впервые пришел мне на ум. Я неоднократно хотел занести на пергамент и мой вопрос, и мой же ответ, но странная сила удерживала меня от этого.

Послушай, — сказал я себе, — а здесь-то где выбор?

Этот вопрос был новым. Мне даже показалось, что его задал не я, а голос во мне, не зависевший от моей воли. Что, — переспросил я, — что ты сказал о выборе?

Ты прозреваешь будущее, — терпеливо объяснил голос. — Ты пророк. Это — ситуация. Игровая ситуация, в которой ты должен сделать ход. Но правила игры тебе не известны. Прежние правила, по которым ты пытался играть, требовали: сделай выбор. Ты пробовал. Выбор был прост, потому что не существовало альтернативы. Но сейчас нет и ситуации выбора, не так ли? Ты смотришь. Ты видишь. Ты прозреваешь. Ты пишешь. Что выбирать?

Ну как же? — удивился я. Этот выбор был передо мной всегда. Почему, скажи на милость, сегодня я вижу будущее не так ясно, как видел его в юности? Почему прежние пророки были куда сильнее меня, Мишеля де Нострадама? Почему Авраам прозревал будущее человечества на десятки тысяч лет? Почему пророк Моисей прозревал будущее на тысячелетия? Почему я, Мишель де Нострадам, будучи сильнее их (я знал это, был в этом убежден), не способен видеть дальше какой-то жалкой половины тысячелетия?

Где же здесь ситуация выбора? — спросил голос.

Ну как же? — удивился я. Выбор был всегда, но разве выбирать путь должен был только я, Мишель де Нострадам? Выбирают люди. Все, сразу и всегда. Вода, вытекающая из узкой трещины в скале, не выбирает себе

пути. Но, оказавшись в долине, поток растекается рекой и впадает в океан, и где же в океане — выбор? Выбора не было в скале. Но равно его нет и в океане. Просто потому, что...

Боль обручем охватила голову и швырнула меня в красную пустоту прежде, чем я успел додумать мысль. Я даже не смог ухватить ее и нырнуть в боль вместе с ней.

— Каммерер! — позвал глас Господень.

* * *

— Каммерер! — сказал голос. — Вам не кажется, что вы превысили полномочия?

Я поднял руки и потер пальцами пылающие уши. Нащупал два прохладных шарика и сдернул их. Возвращение из виртуального мира мне всегда давалось не без усилий, особенно если, как сейчас, меня выдергивали без предупреждения.

Я положил чипы подключения на их место под панелью терминала и лишь после этого обернулся. Ландовска стояла, уперев руки в бока, Фарамон мирно спал на диване, а Татьяна прислонилась к дверному косяку, переводя взгляд с меня на Ванду.

— Вовсе нет, — сказал я спокойно. — Я всего лишь пытался понять то, что вы от меня скрывали.

— Вы до сих пор уверены, что мы от вас что-то скрывали? — удивилась Ландовска.

Я промолчал, боль в висках продолжала пульсировать, хотя и с гораздо меньшей амплитудой. Я закрыл глаза, сжал виски указательными пальцами и, надавив в точках Чанга, мысленно произнес обезболивающий пароль. Пульсация прекратилась сразу, будто ее выключили. Подождав секунду, я открыл глаза и обнаружил, что Фарамон, проснувшись, сидит прямо и смотрит на мои манипуляции, а Ванда с Татьяной расположились за столом напротив меня и, очевидно, ожидали, когда я изложу свои обвинения. Или оправдания — это уж как смотреть.

— Хотелось бы попить, — сказал я. — После погружения у меня всегда такая сухость во рту, будто в пустыне...

Удивительно, но в кухню отправился Фарамон, женщины продолжали сидеть неподвижно и смотреть на меня. Сел и я. Мы молча подождали, пока астролог-пророк принесет поднос с чашками, я отпил глоток — это оказался чуть подсахаренный сок какого-то растения, наверняка из местных, вкусом чуть похожий на сок манго, но менее густой и куда более приятный. Я уже успел уложить на полочках в своем сознании все, что мне показал компьютер в освобожденных файлах, успел прийти к определенным выводам — тем более что, как мне казалось, именно к таким выводам меня подталкивала и госпожа астролог. Я надеялся, что подсознание мое, обычно куда более раскованное, не пришло к иному, противоположному, заключению и что, начав говорить, я не почувствую нелепицы своих рассуждений.

— У вас мощная фантазия, — с уважением сказал я, и Ландовска сделала знак рукой, давая понять, чтобы я обошелся без комплиментов, а сразу переходил к делу.

— Возможно, вы и правы. Возможно, действительно, мир, Вселенная, человечество в прежние времена имели куда меньше степеней свободы, куда меньше возможностей выбора, и потому предопределенность событий была значительно более высокой, чем сейчас. Возможно. Но я не понял, какое отношение эта ваша философская идея-фикс имеет к исчезновению Лучано Грапетти, гибели «Альгамбры» и проблеме близнецов в целом.

— Правильно заданный вопрос, Максим, — сказала Ландовска, — это уже половина ответа.

— Тривиально, — заявил я. — Вы хотите сказать, что сейчас я задал вопрос правильно?

— Почти. Вы ведь все равно не делаете различия между мной и Фарамоном. Для вас мы оба — просто жулики, паразитирующие на потребностях наименее развитой части населения.

— Какие слова! — воскликнул я. — И какой пафос! Послушайте, Ванда, я ничего подобного не думал с самого начала. Меня попросту не интересовали ваши профессиональные достоинства. Я занимался и занимаюсь иной проблемой...

— Не иной, Максим. Той же самой.

— Лучано исчез потому, что это было ему предсказано?

— Не потому что... Как по-вашему, Максим, кто из нас двоих лучше умеет предвидеть будущее — я или Фарамон?

— Фарамон, — ответил я, потому что Ландовска ждала именно такого ответа.

— Конечно, — согласилась она. — Цивилизация на Альцине находится на гораздо более примитивном уровне развития, чем человечество. Именно поэтому здешний пророк способен предвидеть и собственные поступки, и поступки клиентов, которых у него немало, на многие годы. Безо всякой астрологии. Астрология лишь помогает, служит доказательством, если Фарамону нужно кому-то что-то доказать. Для меня же единственным способом оценивать будущие события является именно астрология, интуитивное знание мне лично мало что дает. Понимаете?

— Пожалуй, — с сомнением кивнул я. — В момент возникновения Вселенной, в момент, когда взорвался кокон, состояние Мироздания было полностью определено от Начала и навеки, вы это хотите сказать? Согласен, но этой теории уже лет двести...

— Не только состояние... — начала Ландовска.

— Я продолжу, — перебил я. — Конечно, не только состояние в момент «нуль». Были определены все векторы развития. Возникнув, Вселенная могла развиваться единственным способом. Никакого выбора. И так продолжалось долго — миллиарды лет. Неразумная Вселенная летела в собственное будущее по узкой колее, с которой не могла свернуть. Механистическое мироздание Лапласа. Давно пройденный этап. Забытая модель.

— Так уж и забытая, — сказала Ландовска. — Вы-то ее помните. И я тоже.

— Наука ее забыла, — пояснил я.

— Ну и напрасно... Давайте, Максим, я продолжу сама. Вы уже почти подошли к правильной идее, но готовы опять свернуть в сторону. Сейчас, я надеюсь, вы меня поймете.

— В отличие от прошлого раза, — вставил я.

— Именно. Тогда ваши мысли перемещались в иной плоскости, вы совершенно неправильно интерпретировали всё, что я говорила.

— Давайте, — я сделал приглашающий жест и поднес к губам чашку с напитком.

— Мир был полностью предопределен в момент «нуль». Через миллиард лет на Земле появился человек. Существо со свободой воли.

— До этого были животные, — напомнил я.

— Ах, бросьте! Это у животных свобода воли? Поведение животного имеет причины, которые натуралист может, в принципе, вычленить и описать. Если ученые этого не умели делать, то это была беда науки, но вовсе не объективная истина. В животном мире предопределенность просто менее явная, поскольку причины переплетены гораздо более сложным образом, и их переход в единственно возможные следствия скрыт за огромным числом одежд... Только человек, да и то не сразу, смог стать свободным.

— Свобода воли невозможна без разума?

— Конечно. Невозможна в принципе. Но даже разум не сразу освобождает человека. Только постепенно. Именно это я хотела вам доказать...

— Намеренно провоцируя меня, чтобы я погрузился в ваши файлы... А потом еще и обвинили меня в нарушении Закона о приватности информации.

— Ну да, — улыбнулась Ландовска. — Так вы же меня раскусили. Иначе не забрались бы в этот колодец, верно?

Она, пожалуй, переоценивала мою деликатность, но я не стал ее разубеждать. Пусть говорит, а то еще собьется с мысли, а я пока так и не понял, куда, собственно, Ванда меня ведет.

— Адам не имел никакой свободы выбора. Он не мог отказаться от яблока, предложенного Евой, — убежденно сказала Ландовска. — Это было предопределено. И потому Адам был пророком. Он прозревал будущее на много тысячелетий. Не в его силах было нарушить созданную Творцом гармонию связи прошлого и будущего.

— А Ева? Она могла и не сорвать плод...

— Не могла. Это было задано изначально, так же как и реакция Адама. Змей был не личностью, а элементом программы.

— Ну, допустим... А потом был Авраам, казнивший Исаака. У него-то уже был вполне очевидный выбор.

— Нет! Выбора не было и у него. Это еще слишком ранний этап развития разума. Авраам мог, в отличие от Адама, размышлять о возможности выбора. Он мог представить себе иной путь, но еще не мог по нему пойти. Отношения между ним и Творцом были отношениями программы и программиста. Понимаете? Лишь тот, кто подчинен Господу полностью, тот, кто сам себя лишает выбора, становится Пророком.

— Допустим... Потом вы мне подсунули этого Нострадамуса, который писал свои катрены так туманно, что вложить в них можно было любой смысл.

— Положим, не любой, — обиделась Ландовска. — Но Нострадамус, действительно, сделал довольно много ошибок. И видел будущее в тумане, без четких оттенков. И не на тысячи лет, как праотец Авраам, а только на триста или четыреста. Собственно, Максим, вы поняли всё, что я хотела... Может, сами приведете примеры?

— Да, пожалуйста, — согласился я, включаясь в игру. — Древние пророки могли предсказывать будущее на гораздо бóльшие отрезки времени, чем пророки Средневековья. Моисей описал свою грядущую жизнь и жизнь народа после своей смерти. Пророчество это передавалось из уст в уста, а потом было записано, потому что всё сбылось. Так появилась письменная Тора, Ветхий Завет. До Моисея наверняка жили пророки еще более сильные. Они видели на десятки тысяч лет, но не могли описать то, что видели. Если Ной или кто там еще видел через двадцать тысячелетий появление звездолетов, полеты на ракетопланах, телевидение... как он мог рассказать об этом соплеменникам? Никак. Общие фразы. Туман.

— Вот-вот, — сказала Ландовска. — Продолжайте, у вас это хорошо получается.

— Могу продолжить. — Я пожал плечами и посмотрел на Фарамона, который, кажется, опять заснул, голова его болталась из стороны в сторону, будто тряпичная. — Я могу продолжить, но у меня нет времени вести эту любопытную дискуссию о свободе воли. Если вы мне скажете, при чем здесь судьба Лучано...

— Максим! — Ландовска была разочарована моей очевидной тупостью. — Максим, если вы мне скажете, что еще не поняли, при чем здесь судьба Лучано...

— Да понял, — с досадой сказал я. — Понял после того, как побывал в шкуре Нострадамуса. Но мне сейчас нужно действовать, а развивать теоретические идеи мы сможем потом. Вы-то, Ванда, разве не понимаете, что ситуация все больше выходит из-под контроля? Спросите хотя бы у этого вашего пророка... А то ему скучно нас слушать.

Голова Фарамона немедленно приняла вертикальное положение.

— Да, — сказал он, будто и не спал вовсе. — Именно да.

Ландовска повернулась к нему и пропела какую-то длинную фразу. Татьяна внимательно прислушивалась и, по-моему, приходила в тихое отчаяние. Интересно, что могла сказать Ландовска? О чем спросить?

Неожиданно Фарамон пришел в возбуждение. Фарамон вскочил на свои короткие ножки, Фарамон бегал вокруг стола и несколько раз обежал вокруг Ландовской, Фарамон жестикулировал и вращал глазами, что и вовсе производило комическое впечатление. Но главное — Фарамон говорил. Без остановки, не прерывая фразу даже для того, чтобы перевести дыхание. Впрочем, я мог ошибаться, и пророк вовсе не был возбужден, а дыхание у него было спокойным, что я знал о физиологии аборигенов Альцины?

Прошло минуты три, прежде чем пророк замолчал, повернулся в мою сторону и произнес:

— Ты. Да. Только.

— Это понятно, — сказал я. — Конечно, только я, кто же еще? Вопрос — что? И еще, — я повернулся

к Ландовской, — если вашему пророку для предвидения результата нужна информация, то пусть он примет к сведению, что братья и сестры Лучано Грапетти покинули свои планеты и, судя по всему, направляются к системе Альцины. И если в течение максимум двух суток я не найду Грапетти, может случиться беда. Мое начальство на Земле вряд ли будет спокойно смотреть, как...

— Да это все понятно, — прервала меня Ландовска. — Фарамон сказал и об этом тоже. Но, видите ли, Максим... Он хороший пророк, но каждый пророк хорош в пределах своей системы ценностей. В конце концов, Нострадамус, если вы помните, тоже не занимался предсказаниями будущего жителей Надежды...

— Не знал он ни о какой Надежде, — с досадой сказал я.

— Вот именно, — подхватила Ландовска. — И Фарамон не знает ни о ком из тех людей, кто вас интересует. Кроме Лучано, который, поселившись на Альцине, был включен в ее ареал. И только в связи с личностью Лучано Фарамон может...

— Ванда! — воскликнул я. — Мы увязнем в очередном споре. Что сказал этот пророк — в двух словах?

— Фарамон утверждает, что Лучано нет в астрологических домах Альцины. Сегодня в полдень Кусбар входит в знак Бресо, и при этом аспект Переная приходится на восьмой дом — дом Ферна. Еще утром он не мог этого утверждать точно, потому что тогда знаки стояли иначе. Всё изменилось примерно в девять утра по времени Альцины-Прим. Вы можете сказать, что произошло в это время?

Я подумал. Пять часов назад... С Экселенцем я говорил позднее... Корней Яшмаа покинул Гиганду вчера. Остальные близнецы, похоже, вылетели еще раньше. Пять часов назад... Пожалуй...

— Звездолет «Антиной», рейс с Пандоры, должен был выйти из нуль-Т в системе Альцины примерно в это время, — сказал я медленно. — Это легко проверить — свяжитесь с информом космопорта. Если я прав, сейчас «Антиной» маневрирует на расстоянии де-

сяти астрономических единиц, готовясь к посадочному прыжку.

Татьяна, не дожидаясь просьбы Ландовской, поднялась и подошла к терминалу. Наверняка всё так, подумал я. По времени совпадает. Матильда Геворкян вот-вот прибудет. Ну и что? Что это нам дает? Я и так знал после разговора с Экселенцем, что близнецы устремились на Альцину. Наверняка у начальника космопорта есть указание держать «Антиноя» на внешней орбите до получения дальнейших распоряжений. Сейчас Татьяна в этом убедится, только и всего.

— «Антиной», — сказала она, читая с экрана, — вышел из нуль-Т в девять тринадцать по времени Альцины-Прим. Выведен на траекторию ожидания. Посадка не разрешена, на борту объявлена тревога-ноль.

— По какой причине? — спросил я, зная заранее, что ответа не будет.

— Здесь не сказано... Что-то произошло, да? — Она обращалась к Ландовской, будто та могла знать, что происходит на борту «Антиноя».

Я мог это сказать. Экселенц не хотел рисковать. Капитан «Антиноя» получил распоряжение КОМКОНа и Мирового Совета (нужна была обязательно совместная санкция, иначе приказ не имел бы юридической силы) арестовать пассажирку Матильду Геворкян и содержать в каюте до получения новых указаний. Всё это время звездолет должен находиться на орбите ожидания. Дорогое удовольствие, но Экселенц был в своем праве.

Фарамон заговорил опять, на этот раз — октавой ниже и гораздо более спокойно. Я даже уловил в его речи несколько раз повторенные названия Кусбар и Бресо — это были местные зодиакальные знаки.

Лицо Ландовской потемнело.

— Он... Влияние двух домов, которые...

— Ванда! — взмолился я. — Пожалейте непрофессионала!

— Всё рушится, Максим, — тихо сказала Ландовска. — Гороскопы, только вчера составленные, нуждаются в пересмотре... Слишком много внешних факторов... Не-

зависимых... Не включенных в динамику планетных сил... Единственное, что, по словам Фарамона, можно сделать...

Она замолчала.

— Ну? — поторопил я.

— Убить этого вашего Экселенца, — выпалила Ландовска и с вызовом посмотрела мне в глаза.

— Почему? — ошарашенно спросил я.

— Потому что он может совершить нечто... Это стало Фарамону ясно только сейчас, когда знак Бресо в Кусбаре... Простите. Он не видел раньше судьбы этого человека, а сейчас, когда знаки легли... В общем, если его не остановить, то будет плохо.

Остановить Экселенца? В чем? Что он мог сделать, находясь на Земле, такого, чтобы здесь, на Альцине, изменились расположения знаков и аспектов?.. Тьфу ты. Я тоже перешел на этот идиотский язык, будто он что-то означал в реальности.

Остановить Экселенца. Два года назад я уже пробовал его остановить, не понимая, что происходит. Я и сейчас толком не понимал. Догадка — да. Почти уверенность. Единственное, что я мог — сообщить о своей догадке Экселенцу. Собственно, я даже обязан был это сделать. А решать будет он. Все равно он. Хотя именно сейчас ему лучше этого не делать. Вообще не делать ничего. Ждать. Иногда лучше всего — ждать. Чтобы случайности накопились и проявили себя. Да, потом может быть поздно. А сейчас рано. И мгновение, когда еще можно принять решение и не погубить мир, — очень краткое.

Я раздумывал, но это не мешало мне набирать на терминале коды срочной связи.

— Спросите у Фарамона, — сказал я, не оборачиваясь. — Если он включил Рудольфа Сикорски в свою знаковую систему... Сколько времени у нас в запасе, прежде чем знаки опять переменят позицию?

Несколько быстрых слов, я услышал за спиной чьи-то шаги, и голос пророка сказал над моим ухом:

— Нет. Время. Нет. Вижу.

— Что значит — нет? — спросил я сквозь зубы. — Минута? Две? Пять?

— Минута, да. Но нет.

Чтоб тебе...

Экран осветился, но Экселенц предпочел не показывать посторонним свою лысину, не на всех она производила благоприятное впечатление. Он сидел за столом и смотрел куда-то в сторону, демонстрируя свой профиль, и в профиле шефа я углядел нежелание разговаривать. Естественно. Он ждал (если ждал) моего доклада, а не общего собрания следователей с подозреваемыми. Выбирать, впрочем, не приходилось. Ни мне, ни ему.

— Экселенц, — сказал я. — Разрешите познакомить вас с женой Лучано Грапетти Татьяной (я затылком ощутил, что Татьяна подошла и встала за моей спиной рядом с Ландовской), а также с Вандой Ландовской, астрологом.

О Фарамоне я не упомянул, полагая, что в разговор он вмешиваться не станет, да и сидел он сейчас вне поля зрения камеры.

Экселенц медленно повернул голову и внимательно оглядел обеих женщин.

— Очень приятно, — сказал он десять секунд спустя, хотя лицо его говорило скорее об обратном. — Максим, ты не мог бы выбрать иное время для связи? Я сейчас занят...

Он хотел сказать не «другое время», но «другое место». А занят он был всегда.

— Экселенц, — продолжал я, поняв уже, что разговора, какого я ожидал, скорее всего, не получится, — у меня есть соображения по поводу происходящего. Не буду терять время на изложение, я отослал материал по нуль-И. Сейчас необходимо принять решение...

— Материал я получил, — прервал меня Экселенц. — Максим, я повторяю, у меня нет сейчас времени. Я свяжусь с тобой позже. Извини. Ты слишком внушаем, сынок.

Щелчок, и мы остались одни. Ощущение было именно таким: мы с Вандой и Татьяной остались одни во всей Вселенной. Экселенц получил мой материал, но даже не стал с ним знакомиться — у него на это не было времени. Возможно, он видел проблему шире, чем я. Возможно,

он обладал большей информацией, нежели я. Но пророком он не был. Он не был пророком, когда убивал Абалкина. И не был пророком, когда именно меня посылал на Альцину разбираться с делом Грапетти. Возможно, я действительно слишком внушаем. Абалкин в свое время внушил мне, что жизнь человека дороже благополучия человечества. А еще раньше некий Странник на планете Саракш внушил мне, что блага можно достичь только терпением. Ангельским терпением. Вселенским терпением. Даже если стоишь под дулом скорчера. Сейчас у Экселенца не было ни терпения, ни желания вспоминать свои же уроки.

И что же я мог сделать в этой ситуации?

— Наверное, Максим, — сказала Ландовска, — мы вам помешали. Он не захотел вас слушать в нашем присутствии.

— Наверное, — неохотно признался я.

— Вы пойдете к себе, — продолжала Ландовска, — или уйти нам?

Похоже, она передавала инициативу в мои руки. Наверняка я мог сейчас воспользоваться кабинкой нуль-Т без опасения оказаться внутри замкнутой клетки для размышлений. Но и я должен был продемонстрировать, что у меня больше нет секретов.

— Один звонок сначала, если позволите, — пробормотал я.

Только бы застать на месте... В Ясиновской сейчас, кажется, раннее утро. Может, даже еще ночь. Я задал нулевой приоритет и принялся ждать. Недолго, впрочем. И в Ясиновской действительно было раннее утро — камера стояла перед входом в дом, и я увидел замечательный пейзаж: восходящее из-за холмов солнце, вымытые росой березки, а на переднем плане гамак, в котором лежала женщина. Женщина только что проснулась, а может, ее разбудил звонок, я заметил на ее лице тоненькую сеть морщин, которых не было прежде, но я ведь и не видел эту женщину долгих два года. Лицо Майи Глумовой окаменело, едва она узнала Максима Каммерера.

— Вы... — вздохнула она разочарованно.

— Майя Тойвовна, — сказал я с нажимом. — Майя Тойвовна, чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня... Вам известно имя Лучано Грапетти?

Естественно, оно было ей известно. Не хуже, чем имя Льва Абалкина.

— Это его жена, — я ткнул пальцем в пространство через правое плечо, надеясь, что там стоит именно Татьяна, а не Ванда. — Лучано грозит смертельная опасность.

Майя Тойвовна слушала молча, я ничего не мог прочитать в ее глазах.

— Вопрос, который я хочу вам задать, имеет прямое отношение к жизни и смерти Лучано. Вам покажется, что это не так, но, поверьте мне, что...

— Спрашивайте, — коротко сказала Майя Тойвовна. — Я сама решу, захочу ли отвечать вам.

— Кто и когда предложил вам работу в Музее внеземных культур?

Майя Тойвовна ждала продолжения, а я ждал ответа.

— Это всё? — удивленно спросила она. — А что, в моем досье этих данных нет?

— Насколько я помню, — сказал я, — вы работали в Экзобиологической экспедиции, а потом в Музее открылась вакансия старшего научного сотрудника, и ее предложили вам. Почему — вам? И почему вы согласились?

— Каммерер, — вздохнула Майя Тойвовна, — у вас всегда была привычка задавать не те вопросы. Даже когда вы перестали изображать из себя дурачка-журналиста. Вы же хотите спросить, не повлиял ли на мое решение Лёва...

Я хотел спросить вовсе не это, но и такая интерпретация вопроса меня вполне устраивала.

— Это была длинная цепочка... Я разобралась только потом, когда Лёвы уже... Меня пригласил директор Музея, потому что открылась вакансия, и ему меня рекомендовал Николай Стечкин.

Стечкин... Этнолог, специалист по негуманоидным культурам, член Мирового Совета с сорокового по пятьдесят третий годы. Звено номер один. Дальше...

— Со Стечкиным я никогда не была знакома, знала по работам и очень удивилась, когда... В свое время Николай Андреевич сказал мне, что имя мое услышал от Кима Бата...

Ким Бат, член Совета до пятидесятого года, ксенобиолог, много лет работал на Саракше. Уже теплее. Звено номер два.

— И только потом, когда... В общем, я встретилась с Кимом на конгрессе в Руанде и узнала, что его очень просил Лёва. Даже не просил, а, можно сказать, требовал. Буквально, как выразился Ким, с ножом к горлу. Или Ким сделает всё, чтобы некая Глумова начала работать в Музее внеземных культур, или он, Лев Абалкин, потребует, чтобы его перевели с Саракша. Куда угодно, хоть на край Вселенной.

— И Бат поддался такому откровенному давлению? — удивился я.

— Поддался... Похоже, Лёва безумствовал. Это у него получалось, вы знаете... Если нужно было кого-то убедить, а аргументов недоставало... Он безумствовал. Он добивался своего не логикой, а энергией... Знаете, Каммерер, мой Тойво объявил, что, когда вырастет, станет Прогрессором.

Переход был совершенно неожиданным, и я не сразу сообразил, какого еще Тойво она имела в виду. Ну конечно, своего сына. Прогрессором? Я произвел быстрый расчет. Два года назад Тойво было лет шесть или семь. Значит, сейчас около девяти. Самое время принимать решения.

— Он еще передумает, — уверенно сказал я. — А хотите, я его отговорю?

— Вы? Да он именно из-за вас и решил... Каммерер на Саракше. Вы для него — герой революции... Нет, с этим я справлюсь сама. Как и со всем остальным. Я сказала вам, чтобы... Видите ли, я всю жизнь была для Лёвы вещью. Он распоряжался моей судьбой, как хотел. Я не понимала. Мне не хотелось этой работы. Я упиралась. Но что-то внутри говорило мне, что нужно соглашаться. Внутри, понимаете? Что-то, чему нет объяснения,

никакой логики, будто команда... Я поняла, в конце концов, что это он... Что это Лёве нужно... Впрочем, это я поняла уже после... Ему нужно было, чтобы я находилась при этих проклятых детонаторах. Присматривала. Я — за ними, а он — за мной. Он меня чувствовал всегда, понимаете? За световые годы... Вы скажете, что это невозможно, а он чувствовал. Мы не виделись, я не хотела его видеть, а он чувствовал всё равно. Я потом поняла... Это они.

— Они — кто?

— Детонаторы, что же еще? Вы что, не понимаете, Каммерер? И Тойво тоже... В его возрасте дети хотят стать дрессировщиками. Или космонавтами. Вы понимаете? Но его будто гонит... Ему будто приказывает кто-то. Как когда-то Лёва приказывал мне.

— Господи, Майя, — воскликнул я, — но Тойво еще ребенок, какое он имеет отношение к детонаторам? Он даже...

Я вовремя прикусил язык. Я хотел сказать: «он даже не сын Льва Абалкина». Конечно. Но он сын Майи Глумовой. А Майя была рабой Льва. Что это такое? Какая-то генетическая связь, в которой детонаторы, конечно же, играли свою зловещую роль?

— Никакого, — сказала Майя Тойвовна. — Но у него тоже есть хозяин. Понимаете? Некто, кому он подчиняется беспрекословно. Голос внутри. Я не знаю — чей. Я ничего не знаю сейчас о своем сыне, Каммерер. А вы меня спрашиваете о Лёве.

— Я не спрашивал вас о...

— Спросили. Задавая вопрос о Музее, вы прекрасно знали, что я вам отвечу, просто хотели убедиться.

— Спасибо, Майя Тойвовна, — сказал я. — Спасибо и...

Майя Глумова будто очнулась от транса. Провела ладонями по лицу, и мне показалось, что морщины разгладились. Лицо стало другим, и взгляд стал другим.

— Таня, — сказала Майя неожиданно звонким голосом. Она смотрела не на меня, а на Татьяну, а может, на Ландовскую, я ведь не сказал, кто из них кто. — Таня,

вам просто дико повезло, что ваш муж не клюнул на эту удочку.

Я ждал, что Татьяна спросит: «на какую?». И я бы, возможно, услышал что-нибудь полезное. Но Татьяна произнесла только одно слово:

— Да.

— Каммерер, — неприязненно сказала Майя, — вам КОМКОН оплачивает эти бесполезные разговоры по нуль-И на семь светолет? По моему уровню допуска мне о таком и мечтать не приходится. Единственное, что в моих силах, это сказать вам «прощайте». Два года мы с вами не общались, и я не испытываю по этому поводу неудобств.

Она протянула руку и отключила связь.

* * *

За ту неуловимую долю секунды, в течение которой мое физическое тело перемещалось поперек пространства-времени, решение созрело и отлилось в слова. Во всяком случае, нажимая клавишу старта, я еще не знал, что стану делать, если Экселенц запретит мне вмешиваться в его действия, а обнаружив себя в кабинке нуль-Т гостиницы «Аква», я уже представлял всю последовательность собственных поступков — от альфы до омеги.

Гудок вызова я услышал, еще не переступив порога. Аккуратно закрыл за собой дверь, сел перед экраном и принял разговор.

Экселенц, по-моему, не спал неделю. Вряд ли кто-то другой, кроме меня, сделал бы такое заключение, посмотрев на бодрого, уверенного в себе, с горящим взглядом и сложенными на груди руками руководителя КОМКОНа-2. Но я-то хорошо знал своего начальника — если Экселенц действительно был уверен, готов к неожиданностям и принятию решений, то сидел, опустив голову и предоставив собеседнику лицезреть лысину. Чем более неуверенно ощущал себя Рудольф Сикорски (такие эпизоды можно было пересчитать на пальцах, но они все же случались), тем выше он поднимал голову и тем яснее становился его взгляд. Похоже, что сейчас шеф вовсе не был

уверен в своих решениях. Но все же готов был принять их и поступать в согласии с теми решениями, которые примет.

— Экселенц, — начал я, не дожидаясь, пока шеф возьмет инициативу в свои руки. — Докладываю о результатах расследования.

— Ты не нашел Грапетти, — перебил меня Экселенц. — И всё, что ты можешь сказать по этому поводу, меня не интересует. Он жив, и это делает ситуацию чрезвычайно опасной.

— Вы позволите, Экселенц, изложить свои соображения без того, чтобы меня прерывали на каждом слове?

— Я не могу позволить, чтобы... — Он наконец услышал мою последнюю реплику и запнулся. — Разве я тебя прервал, мой мальчик? — удивился Экселенц. — Говори, если ты воображаешь, что есть время разговаривать. Но не обессудь, если я буду одновременно принимать и передавать по другим каналам.

Взгляд его скользнул вбок, вверх, он смотрел, что ему показывали другие передатчики — не со звездолетов ли, на которых находились сейчас остальные близнецы?

— Экселенц, — сказал я, — детонаторы не являются программными модулями Странников. Это всего лишь ретрансляторы, с помощью которых «подкидыши» осуществляют связь друг с другом. Сначала это происходило на подсознательном уровне, потом, после гибели Абалкина, перешло на уровень вербального общения. Ретрансляторы — и только.

Экселенц кивнул. Он услышал пока только первую сказанную мной фразу, но был с ней совершенно согласен. Он был согласен с любой чушью, которую я сейчас мог нести, — потому что он принял решение. Он слушал меня, но слышал ли?

— «Подкидыши» — не автоматы Странников, — продолжал я с тихим отчаянием, мне всё яснее становилось, что ни убедить в чем-то, ни тем более заставить Экселенца изменить свою точку зрения мне не удастся. — Это нормальные пророки, которым просто нет места в нашем мире.

Я сделал паузу, ожидая реакции Экселенца. Он не мог проигнорировать мое заявление, но сделал именно это — смотрел мне в глаза и ждал продолжения.

— Пророкам давно нет места в нашем мире. Именно эту мысль и хотели Странники довести до нашего сознания. Если вы посмотрели мой доклад, посланный около часа назад, то вам должна быть ясна последовательность. Мир был полностью детерминирован в момент взрыва кокона. Он оставался таким вплоть до появления первичного разума. Только разумное существо способно принимать и выполнять полностью немотивированные решения. Только разумное существо в ситуации выбора способно ответить «нет», если все причины ведут к единственному ответу — «да». В тот момент, когда это произошло впервые — миллиард лет назад или раньше, — во Вселенной начался процесс, который не остановлен до сих пор и который, возможно, в принципе нельзя остановить. Вероятно, Странники были первой в истории нашей Вселенной цивилизацией. Самой древней. Они первыми поняли, к чему ведет свобода воли разумных существ. Вселенная была познаваема до появления разума. Потом равновесие сместилось. И по мере развития разума — любого разума! — состояние Вселенной становилось все менее и менее стабильным. Я понятно излагаю?

Подождав, я услышал ответ:

— Нет. Но продолжай.

Экселенц опустил голову, и я перестал видеть что бы то ни было, кроме знаменитой лысины. Так. Пока я говорил, он принял-таки какое-то решение. Он был вне себя в начале нашего разговора, а потом я сказал нечто, позволившее ему сделать выводы. Что я сказал? Что? Не было времени анализировать собственные слова.

— Познание Вселенной было возможным, когда некому было ее познавать. С появлением разума, свободного в поступках, всякое познание стало процессом относительным.

Лысина Экселенца застыла на экране, будто кто-то остановил картинку. Трудно говорить, абсолютно не понимая, слышат ли тебя, но что оставалось?

— Вероятно, это общий закон природы. Познающий субъект влияет на познаваемый объект. До сих пор мы встречались с этим явлением лишь на атомарном уровне. Как проявляется этот закон природы в масштабах Вселенной? Следствие определяется не причиной, а свободным выбором разумного существа, и это разрушает экологию Вселенной, разрывает естественные связи прошлого и будущего. Выход? Выхода нет — природная система ищет состояние нового равновесия, и развитие разума неизбежно должно остановиться на том уровне, который это новое равновесие обеспечит.

— Максим, — прервал меня Экселенц. Там, на его экране, я еще продолжал говорить, но здесь мне пришлось замолчать, потому что Экселенц не собирался больше меня слушать, у него не было на это времени, а у меня не было никакой возможности посадить шефа в пустой ангар или запустить в киберспейс с заранее отобранными программами.

— Максим, — сказал Экселенц, продолжая заниматься своим делом, — всю эту философию ты мне расскажешь потом, когда вернешься. Сможем поспорить. Операцию ты провалил. К сожалению. Грапетти — единственный из «подкидышей», о местонахождении которого мне сейчас ничего не известно. Идея о ретрансляторах любопытна, но у нас нет времени ее обсуждать. Философствовать можно в спокойной обстановке, а не в состоянии цугцванга.

И только тогда я понял, что должно произойти. Шеф полагал, что в его распоряжении остался единственный ход. По моей вине. Я не обнаружил Грапетти. Грапетти мог находиться где угодно, в том числе и на Земле. «Подкидыши» направлялись на Альцину — встреча, которую Экселенц предотвращал много лет, приближалась с неумолимостью камнепада. Выход? Экселенц решил, что выход только один.

— Нет! — воскликнул я. — Экселенц, вы не должны этого делать!

— У тебя полчаса, Максим, — сказал Экселенц, не слушая. — Три звездолета уже вышли из нуль-Т в системе

Альцины. Остальные в пути. Через час будет поздно изменять решения. Полчаса.

Он отключился, не дожидаясь моих возражений.

* * *

Полчаса, и у меня тоже оставался единственный выход. Кабинка нуль-Т в коридоре гостиницы была занята, горел красный сигнал. Я не стал ждать, вернулся к себе и вызвал терминал Ландовской. Связи не было. Я набрал номер Татьяны. Не отвечали.

И тогда я заметался. Куда они могли деться? Неужели Фарамон, этот пророк, единственный, может быть, во всей Вселенной, кто еще мог предвидеть не на шаг, а хотя бы на два, неужели он не сказал Ванде с Татьяной, чтобы они не отлучались, потому что от их присутствия сейчас зависела и судьба Лучано, и судьба остальных «подкидышей»?

Решение, о котором я подумал, едва прервался разговор с Экселенцем, вновь пришло мне в голову. Я не мог предвидеть последствий, но это и не было сейчас нужно.

Я сел перед пультом и вызвал планетный киберспейс, затребовав селекторную связь по номерам, которые я назову после получения дополнительной информации. Загнав в программу собственный допуск, я налепил на мочки ушей датчики киберспейса.

* * *

Упал, как в ледяную воду. Заболело все — от кончиков волос до ногтей на ногах. Вывернуло наизнанку и скрутило винтом. Я никогда не позволял себе такого резкого погружения, я не знал, чем это может закончиться, и сейчас держался лишь на одной мысли — успеть.

Мой личный код, будто таран перед атакующей когортой, расчищал дорогу — нависавшие надо мной стены подпрограмм открывали для меня узкий, в ширину единственной мысли, проход, а небо оставалось темно-лиловым, на нем вспыхивали багровые молнии, и всё мое тело пронизывало разрядами, молнии проходили сквозь ме-

ня, пригвождая к скалам-подпрограммам, но я срывался, падал на узкую ленту, которая тащила меня в глубину, и каждое падение отхватывало от моей физической структуры изрядный невосполнимый кусок.

Кажется, от моего «я» не осталось почти ничего, кроме единственного желания — выжить, когда скалы раздались, открыв наконец долину, на которой, будто вбитые в поверхность стола гвозди, возвышались личные декодеры. Три декодера были раскрыты, приглашая войти, и еще пять были подобны гробницам, в которые еще предстояло отыскать вход. Я должен был сказать слово, и мой поводырь отыскал мне его, высветив над головой в форме изогнутого Млечного пути.

— Дентафет! — произнес я. Слово было бессмысленным — для меня, но не для компьютерной программы. Наверняка это и словом-то не было в физическом пространстве, а только цифровым кодом, который мой поводырь представил в виде букв, пригодных для произношения.

Три декодера, приглашавшие меня войти, взорвались, а остальные пять выплюнули из себя плоские плашки, открыв темные отверстия. Теперь я мог вести переговоры даже с теми кораблями, которые еще находились в нуль-Т или готовились к возвратному переходу. Я представил, какая сейчас расходуется энергия — наверняка садятся аккумуляторы половины энергостанций Альцины.

— Рахман Аджеми! — позвал я и продолжил, не дожидаясь ответа: — Мелия Глоссоп! Алекс Лурье! Татьяна Додина! Матильда Геворкян! Ганс Фихтер! Корней Яшмаа! Джордж Полански!

И, помедлив секунду, добавил без надежды на положительный результат:

— Лучано Грапетти!

Процесс вызова абонентов занял в физическом времени не больше полуминуты. На каждом из звездолетов каждый из «подкидышей» получил сигнал вызова, и я очень надеялся, что они не станут искать на борту нужную для подключения компьютерную систему. У них была иная возможность соединиться в цепь, я не был уверен, однако,

что им удастся подключить к этой цепи и меня. Я не был уверен, но я очень надеялся, что им это удастся.

Это должно было удаться.

В физическом пространстве прошла минута. По моему личному ощущению, миновали все десять. Хорошо. Мы сможем поговорить не торопясь. Это будет стоить им нескольких лет жизни — и мне тоже, если на то пошло, — но мы поговорим.

— Взялись, — сказал чей-то голос. По-моему, женский, но я не смог бы утверждать наверняка: голос казался бархатным и глубоким, голос Далилы, охмуряющей своего Самсона.

По долине от воткнутого в стол гвоздя (кажется, это был декодер «Экситора», пассажирского звездолета класса «корвет») в моем направлении шла женщина. Пропорции тела были чуть нарушены, женщина выглядела ненормально широкой в плечах, и рот был чуть больше, чем следовало ему быть на таком изящно сконструированном лице. Женщина улыбалась, но глаза смотрели серьезно. Я видел фотографии «подкидышей», я мог узнать каждого.

— Матильда, — сказал я. — Нужно поговорить.

— Да, — сказала она. — Но нет.

О Господи, и она туда же! Или это Фарамон говорит со мной голосом Матильды Геворкян? Пророк, для которого кибернетическое пространство — все равно что пространство его потаенных мыслей, которые мне так и не дано было понять?

Возможно, я задал вопрос вслух, а возможно, на этом уровне киберспейса программы могли обмениваться и мыслями, но Матильда ответила, улыбнувшись, и улыбка ее была загадочнее улыбки Моны Лизы Джоконды.

— Да, — сказала она, — в том смысле, что без разговора не обойтись. И нет — потому что смысла в этом разговоре не будет.

— Верно, — повторили еще несколько голосов, и я обнаружил, что окружен со всех сторон: восемь «подкидышей» появились в киберспейсе, присоединившись к нашему разговору. Рахман Аджеми возвышался надо мной

подобно скале, подпирая низкий свод этого мира, он был похож на Атланта, согнувшегося под тяжестью небесной тверди. Мелия Глоссоп сидела на пуховой подушечке и сама казалась маленькой пуховой фигуркой — куклой Мальвиной, девочкой с голубыми волосами из старой детской сказки. Алекс Лурье явил только свое лицо, на котором ярче всего блистала улыбка — улыбка жила своей жизнью, это была улыбка Чеширского кота, и казалось, что если она сейчас растает в воздухе, то сгинет и весь мир, у которого просто исчезнет стимул к существованию. Татьяна Додина стояла рядом с Корнеем Яшмаа, они держали друг друга за руки, и невозможно было ошибиться в характере их взаимоотношений. Но и признать эти взаимоотношения тоже было невозможно: я точно знал, что Татьяна и Корней никогда не встречались друг с другом в реальном мире.

Джордж Полански тоже явил себя в том воплощении, которое, видимо, наиболее точно отражало его духовную суть. Это был рыцарь в латах, опиравшийся на тяжелый двуручный меч.

— Почему? — спросил я. — Почему наш разговор необходим, но бесполезен?

Отвечала за всех Матильда — женщина-вамп, героиня телесериала о битвах со злобными пришельцами.

— Потому, Каммерер, что ваша организация на протяжении сорока лет не сделала ни малейшей попытки понять ситуацию. Вы исходили из предвзятого мнения, которое казалось вам единственно верным. Объяснить за оставшиеся минуты то, что вы не сумели понять за сорок лет, — невозможно.

— Попробуйте, — сказал я.

— Вам, Каммерер, объяснить можно. Вашему руководству — нет.

— Синдром Сикорски?

— Именно.

— Но если, — сказал я, — если вы понимаете ситуацию и если понимаете, что КОМКОН-2 почти полвека пребывал в заблуждении относительно вас, почему никто и никогда не делал попыток объясниться?

— Лев пытался.

— И это вы называете попыткой? Он ничего не знал о тайне своего рождения! Он стремился в Музей с настойчивостью автомата, и Экселенц не мог интерпретировать это иначе, чем...

— Лев пытался, — повторила Матильда. — Он пытался сделать два дела сразу: понять себя и объясниться. В то время никто из нас еще не осознал своего назначения. Наше общее сознание только рождалось, первым был Лев, потому он метался и делал глупости. После его гибели наше взаимопонимание осуществилось практически мгновенно. Я пока говорю только о нас как о личностях, но еще не о цели, ради которой мы появились в мире.

— Да, — сказал я. — Я слушаю.

— Вы должны помнить — появление локтевого знака у каждого из нас происходило в разное время. Полный процесс занял почти два года.

— Да, — повторил я. — Эти знаки соответствовали знакам на детонаторах...

— На ретрансляторах, — поправила Матильда. — Будем называть вещи своими именами.

— Мы не знали, — сказал я. — Мы думали, что это именно детонаторы, активирующие некий процесс, запущенный Странниками много лет назад.

— Ретрансляторы, — повторила Матильда. — Пока все мы не подключились к сети, общая программа не могла заработать.

— Все? — спросил я.

— Все, — сказала Матильда.

— Но ведь Эдна погибла, — напомнил я.

— По вашей вине, — неприязненно сказала Матильда, и на меня дохнуло ледяным ветром. — Если бы Эдна осталась жить, если бы ее ретранслятор не был уничтожен, то связь, о которой я говорила, проявилась бы гораздо раньше. Тогда не погиб бы Лев...

— А Томас Нильсон? — напомнил я. — Он...

— Вы сделали очередную глупость, — резко сказала Матильда. — Цепь еще не работала, ретрансляторы осу-

ществляли связь только на уровне глубоко бессознательных ощущений. Нельзя было открывать правду кому-то одному, оставлять его наедине с истиной, которую он в одиночку не смог бы осмыслить.

— Корней... — напомнил я, повернувшись к Яшмаа. — Корней, вам было сообщено всё, и вы сами согласились на регулярное ментоскопирование...

— Да, — кивнул Яшмаа. — Я человек психически куда более устойчивый, нежели Том. Матильда сказала: в те годы каждый из нас был еще сам по себе, и никто ничего не знал. Я воспринял информацию, пережил ее и позволил сделать себя подопытным. Но, Максим, из этого не следует, что результаты ваших экспериментов соответствовали истинным процессам!

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что никакое ментоскопирование не могло проникнуть на уровень бессознательного, на котором ретрансляторы в то время поддерживали контакт. А потом, по мере того как этот уровень повышался, будто река, выходящая из берегов, я выталкивал из подсознания ваши пронизывающие программы. Сначала я не понимал этого — нужные действия производил мой ретранслятор. Но по мере того как каждый из нас осознавал себя и всех вместе, мы уже и сами могли контролировать любые процессы вмешательства в нашу жизнь. Сначала это происходило очень медленно. Возможно, в иных условиях цепь заработала бы эффективно только лет через двадцать... Не знаю. Но когда вы убили Льва...

— Я...

— Вы. Вы могли помешать.

— Не успел... — сказал я, понимая, насколько жалко звучит попытка оправдания. Впрочем, мои оправдания были никому не нужны, Корней пропустил их мимо ушей.

— Но почему? — воскликнул я. — Если вы понимали, кто вы и что вы, то почему продолжали молчать и жить, будто ничего не произошло?

— Вы полагаете, что любой из нас, явившись к Сикорски, был бы правильно понят?

— Безусловно!

— Безусловно — нет! Психология контрразведчика...

— Корней, на Земле есть сотни человек, кроме Сикорски, которые могли бы понять вас!

— В той степени, как мы сами понимали себя и могли объясниться? Да. Мы узнали о себе всё — я сказал. Но полное понимание пришло лишь в последние дни. И объясниться полностью мы можем только сейчас. Но сейчас у нас для этого уже нет времени...

— Сколько? — спросил я, вспомнив, что хотя время нашего разговора во много раз превышает реальное физическое время и в физическом пространстве прошла, возможно, только доля секунды, но всё же время шло и там, и я не знал — сколько его минуло и сколько осталось.

— Двадцать три минуты, — сказал Яшмаа. — Осталось двадцать три минуты, и не будем их терять.

— Говорите, — сказал я, смирившись.

Они подошли ближе — все восемь. Я понимал сейчас, что слушаю вовсе не Корнея Яшмаа, точнее, не только Корнея Яшмаа. Я слышал сейчас голос того существа, каким стали близнецы-«подкидыши», ощутив впервые свое полное единение.

— Максим, — произнес Яшмаа, и его слова отозвались восьмикратным эхом, — вы уже поняли, надеюсь, к чему ведет развитие любой цивилизации. Всеобщий закон: определенность и познаваемость Мироздания тем выше, чем меньше в этом Мироздании разумной воли.

Странники — да, Максим, Странники, те самые, о которых почти ничего не известно и которые, по мнению многих, реально не существовали... Цивилизация Странников возникла задолго до того, как жизнь на Земле вышла из океана на сушу. И предела своего Странники достигли задолго до того, как на Земле родился один из первых пророков по имени Моисей. Странники летали к звездам, обустраивали планеты, до которых мы еще не добрались, проявляли свободу своей воли, разрушая закономерности окружавшего их мира. И постепенно мир, в котором они жили, становился все менее предсказуемым.

Разум познавал мир и менял его, расшатывал и размывал, как размывает русло горный поток.

Странники поняли в конце концов, что на каком-то из этапов развития — это было неизбежно — Мироздание станет бесповоротно непредсказуемым. Максим, вы не захотели выслушать ни Фарамона, ни Ванду. Между тем Фарамон — единственное существо на Альцине, а может, и во всей ближней Вселенной, кто способен еще предвидеть на тысячи лет. Не всегда, конечно. Часто эта способность ему изменяет, как изменяла она почти всем пророкам Земли, никогда не умевшим управлять этим своим умением. А Ванда — один из немногих оставшихся профессионалов в умирающей науке. Будущая смерть астрологии была предопределена изначально — свобода воли разрушает связи явлений, разве это не очевидно?

Футурология закончилась как наука еще в начале XXI века, поскольку утратила способность предвидеть дальше чем на несколько лет. Это ведь было известно, но как интерпретировалось? Мы не можем предсказывать открытия, потому что открытия непредсказуемы. Слышал бы это какой-нибудь пророк древности. Тот же Моисей, к примеру.

— Моисей, — прервал я, — мог предсказать открытие атомной энергии?

— И атомного оружия, и нашего нуль-Т тоже... Он видел всё, но, Максим, это очевидно: Моисей не смог бы описать увиденное, даже если бы хотел — он не знал, какими словами описывать, он не понимал того, что видел...

Я посмотрел вверх — прямо над головой, в сером небе, где, казалось, плыли из будущего в прошлое наполненные пустотой серые зеркала, отражавшиеся друг в друге, в этом небе, будто сквозь занавес, просвечивал циферблат, и, хотя на нем не было ни стрелок, ни чисел, я понял, что разговору нашему осталась еще двадцать одна минута. Много? Достаточно ли для того, чтобы понять, каким был мир миллион лет назад и каким он станет через миллион лет?

— Научная фантастика умерла даже раньше футурологии, — продолжал между тем Яшмаа, — поскольку утратила способность предвидеть качественные скачки. Произошло это на грани двадцатого и двадцать первого веков, и кто, скажите мне, Максим, правильно понял то, что случилось?.. Говорили: научная фантастика исчерпала запас идей... Все было проще и страшнее: те авторы, кто писал научную фантастику, ощутили внутреннюю пустоту, потому что перестали видеть даже на десятилетие вперед. Остатки пророческого дара испарялись, как вода, покрывающая тонкой пленкой поверхность камня в жаркий полдень... Человек становился все более свободным, и лишь свобода от научных представлений способна была отразить в литературе этот процесс...

А потом? Экспоненциальное увеличение числа катастроф (в том числе и природных), и всё это начинало угрожать самому существованию человечества. Двадцатый век — Чернобыль. Двадцать первый — Оклахома, Воронеж, Бомбей. Двадцать второй... Перечислять или вспомните сами? И как все это объясняется? Новый ледниковый период, технологические опасности, неумение людей работать в новой сложной среде, что угодно, только не то, что происходит на самом деле!

— А что же, по-вашему, происходит на самом деле? — нетерпеливо спросил я.

— На самом деле Мироздание переходит к новому равновесному состоянию, вызванному присутствием разума. Мы стремимся реализовать свою свободу воли, разрушая предопределенность Мироздания.

Странники достигли этой ступени развития много веков назад. В мире, где они проявляли свою свободную волю, начали меняться природные законы, зависевшие от времени. Законы эти меняются, естественно, и в нашем мире, мы просто не подозревали об этом до последнего времени... Мы разрушали первичную гармонию, мы шли по пути, которым уже прошли Странники, и воображали, что этот путь и есть путь разума.

Собственно, по мнению Странников, существовала единственная альтернатива: либо остановить прогресс, на-

вязать цивилизации полную стагнацию, либо... Либо уйти из этого, уже разрушенного ими мира. Куда? Не знаю. Никто из нас не знает этого. Ясно только, что Странники ушли, когда обнаружили способ уйти. В иные измерения пространства-времени? Или во Вселенную, где понятия пространства-времени не существует и, следовательно, не существует свободы воли в нашем привычном понимании?

Но прежде чем уйти, Странники оставили послание. Не только человечеству, надо полагать, но всем цивилизациям, какие были ими обнаружены, — тагорянам, к примеру. Как распорядились тагоряне этим посланием, вам известно. Они его не приняли. Как распорядились земляне, вам, Максим, известно тоже. Вы испугались. Вы решили, что Странники запрограммировали своих роботов на прогрессорство. Люди — а за людей, как вы знаете, Максим, решал Мировой Совет, КОМКОН-2 и лично Рудольф Сикорски, — люди не желали делать то, что, как им казалось, могли предложить Странники. Свобода воли, Максим, всё та же свобода воли. Право выбора.

Почему так называемые детонаторы после обнаружения были перевезены на Землю? И почему изначально Странники оставили их не на Земле (если речь шла о создании роботов для порабощения человечества!), а в системе ЕН 9173? Чтобы люди смогли добраться до детонаторов лишь на определенном уровне развития? Уверяю вас, Максим, Странники вовсе не задавались такой целью. Местоположение детонаторов (ретрансляторов, если быть точным) не играло никакой роли — оно было столь же случайным и непредсказуемым, как все поведение Странников перед их уходом в Иное. Странники ничего не подкидывали людям, Максим! «Подкидыши», говорите вы? Но люди, связанные друг с другом с помощью ретрансляторов, всегда рождались и жили на Земле. С древних времен — для нас древних, а для Странников — с последних дней, проведенных ими в этой Вселенной. Был запущен случайный процесс (а какие еще процессы были доступны Странникам в те времена, кроме случайных?), согласно которому на Земле время от времени должны

были рождаться люди, обладавшие максимальным для данного времени даром предвидения.

— Лев Абалкин, — сказал я. — Зачем он...

— Процесс самопознания, Максим, — отозвался Яшмаа. — У каждого из нас он проходил по-разному. Лев опережал события. Он торопился. Если бы он сдержал внутренний порыв и остался на Саракше, то очень скоро понял бы, что нет никакой необходимости лететь на Землю. Нет никакой необходимости находиться в непосредственной близости к тому, что вы называете детонаторами... К сожалению, сейчас уже никто не скажет, какие чувства владели Львом на самом деле. Он ведь и Майю Глумову, подчинявшуюся во всем его неосознанной воле, заставил пойти работать в Музей, чтобы иметь там своего человека — на тот случай, если сам не сумеет справиться с проблемой... Он не сумел, но совсем по иной причине.

— Почему, — сказал я неожиданно хриплым голосом, — почему ни он и никто из вас, хотя все вы должны предвидеть лучше, чем кто бы то ни был... Почему Лев не понимал, что Экселенц убьет его? Не понимал даже тогда, когда я его предупредил. Он действовал как робот, а не как существо с полной свободой воли! Если бы он дал себе труд подумать...

— Максим, а не кажется ли вам, что он все-таки дал себе труд подумать, и именно свобода воли позволила ему сделать выбор? Он знал уже, в отличие от Сикорски, что такое эти так называемые детонаторы. Он знал уже, в отличие от вас, Максим, что Сикорски готов убить его, но не допустить до ретрансляторов. Но, черт возьми, именно потому, что он всегда был человеком, а не роботом, Лев не мог вообразить, что на его свободу воли кто-то способен покуситься!

— Он знал, что его убьют...

— Наверняка знал, — уверенно заявил Корней. — Уж на час-другой каждый из нас умел в те годы предвидеть, это потом стало проблемой, когда...

— Когда что? — нетерпеливо спросил я, потому что Яшмаа неожиданно замолчал и поднял голову, всматриваясь в повисшие над нами зеркала.

— Да, — произнес Яшмаа, обращаясь вовсе не ко мне, — да, я понимаю...

Он перевел взгляд на меня, будто увидел впервые, и странно улыбнулся. Улыбка была не его, это была улыбка с другого лица, я видел точно такую недавно, но не мог сразу вспомнить где, а потом Корней заговорил опять, но и голос его изменился тоже — стал гуще, будто застыл патокой, и предложения получались короткими, как выстрелы очередями.

— Лев мог предвидеть. И предвидел свою смерть. Потом стало труднее. Процесс развивается очень быстро. Часть ретрансляторов уничтожена. Мы узнали, что собой представляем. Но потеряли определенность. Свобода воли — ее стало слишком много.

— Вы хотите сказать, что существование ретрансляторов, как вы их называете, поддерживало в вашей группе необходимую степень детерминизма? А уничтожение части... я хотел сказать, гибель Льва, а прежде Нильсона, Ласко... Это разрушило систему, и вы лишились умения предвидеть?

— Примерно так. Более того, мы стали совершать поступки, полностью непредсказуемые.

— Поступок Грапетти — из их числа? — догадался я.

— Лучано? — Яшмаа искренне удивился. — Нет! Максим, похоже, что вы всё еще не поняли. Или не приняли.

— Я понял, — мрачно сказал я, — что так и не знаю, где Грапетти и чего от него можно ожидать. Я понял, что понятия не имею, чего ожидать от вас всех. И понял, что вы не пытались говорить с Сикорски.

— Лев сделал такую попытку, — возразил Яшмаа. — Восстановите разговор по памяти или в записи, наверняка она сохранилась... Вы поймете. Мы тоже пытались — безрезультатно.

— Мне об этом ничего не известно, — заявил я и прикусил язык. Я об этих попытках не знал — ну и что? Обычная манера Экселенца сообщать лишь сведения, необходимые для расследования. Возможно, мне и не нужно было ничего знать. Но все равно — неприятное ощущение.

— Пытались, — повторил Яшмаа. — Я сам пять недель назад связался с Сикорски. Попросил его о встрече. Не о разговоре по нуль-И, но о встрече с глазу на глаз.

— На Земле?

— Все равно где. Пусть прилетает на Гиганду, если хочет... Сикорски сказал, что я паникую совершенно зря. Самое глубокое зондирование, которому меня подвергали, не обнаружило никаких отклонений от нормы. Главное — не паниковать, повторял он. Разговор не получился. Но от последующих сеансов ментоскопирования я отказался.

— Зря, — заявил я. — Вы не могли насторожить Экселенца сильнее...

— Возможно. После меня с Сикорски говорила Матильда.

Он повернулся в сторону Матильды Геворкян, которая, как и остальные «подкидыши», оставалась совершенно неподвижной во время этого разговора, даже глаза ее не двигались — не женщина, а статуя, которая, однако, несмотря на полную неподвижность, выглядела живой, не знаю уж за счет какого компьютерного выверта, способного вдохнуть жизнь даже в мрамор.

— Да, — сказала Матильда, не шевеля губами. Разговор достиг такой степени напряжения, когда забываешь создавать видимость внешнего правдоподобия. — Да, я покажу вам...

Из почвы, на которой я стоял, неожиданно повалил густой серый туман, мгновенно заполнивший все пространство до горизонта. Я перестал видеть и почему-то перестал еще и слышать. В полной тишине что-то гулко щелкнуло у самого уха, а потом передо мной возник аналог экрана — изображение было плоским, но цветным и очень детальным.

Экселенц сидел в своем кабинете в привычной позе, читал что-то и был погружен в свои мысли настолько, что не сразу ответил на сигнал вызова. На дисплее перед ним высветился код аппарата, с которого поступило сообщение. Экселенц нахмурился. Абонент находился на Пандоре и требовал прямой видимости. Подумав секун-

ду, шеф дал согласие на включение визуальной линии. Появилось лицо Матильды, и мне пришло в голову, что разговор то ли подредактирован, то ли сокращен вырезанием пустот — между включением линии и появлением изображения не было привычной десятисекундной заминки.

— Здравствуйте, — сказала Матильда. — Моя фамилия Геворкян, и мне хотелось бы поговорить с вами о ситуации, сложившейся вокруг людей, которых вы называете «подкидышами».

— Матильда! — воскликнул шеф, расплываясь в улыбке. Нехорошая была улыбка, очень радостная. Это была искусственная улыбка, Экселенц мысленно прокручивал варианты — почему позвонила, чего хочет на самом деле, как понять ее истинные побуждения... Контрразведчик божьей милостью. Ему звонит женщина, хочет поговорить по душам. А шеф убежден, что в этом есть нечто скрытое от его понимания (о, конечно, есть!) и потому опасное, и понять нужно больше, чем Матильда способна выразить словами, больше, чем она, возможно, понимает сама. Просчитывая варианты, шеф упускал то, что лежало на поверхности.

— Матильда! — воскликнул Экселенц. — Конечно, я готов вас выслушать. Только — почему я? «Подкидышами» занимается Комитет Тринадцати, и если вы знаете мое имя, то должны знать и это.

У него на языке явно вертелся другой вопрос: откуда, собственно, Матильда узнала о «подкидышах»?

— Никто из членов Комитета не владеет информацией так, как вы, — пояснила Матильда. — Я уполномочена просить, господин Сикорски, не препятствовать никому из нас, в том числе и в тех случаях, если кому-либо понадобится посетить Землю.

— Кому-либо из *вас*? — поднял брови Экселенц, делая ударение на последнем слове.

— Я имею в виду так называемых «подкидышей», оставшихся в *живых*. — Матильда тоже, в свою очередь, подчеркнула последнее слово. — Никто из нас, и все мы вместе, не представляли, не представляем и не можем

представлять угрозы для Земли и человечества. Напротив, наша миссия состоит в том, чтобы такую угрозу предотвратить.

— Значит, — бросил Экселенц, — вы признаете, что угроза существует?

— Угроза существует с того момента, когда на Земле возник разум. Разум сам по себе является угрозой для себя и окружающего мира. Я и мои... братья и сестры... хотели бы встретиться с представителем, которого назначил бы Мировой Совет. В любом выбранном Советом месте. В любое назначенное Советом время.

— Вы говорите от своего имени или?.. — Экселенц скосил глаза, и я понял, что он сейчас делает: шеф вывел на вспомогательный дисплей сведения о статусе каждого из «подкидышей». Естественно, он видел, что статус этот никак не изменился за последние недели — никто не предпринимал действий, могущих представлять угрозу, никто не пытался покинуть свою планету, никто не давал понять, что в его жизни хоть что-то изменилось. А поскольку и друг с другом никаких контактов у «подкидышей» никогда не было, то Экселенц сейчас должен был сделать неминуемый вывод о том, что Матильда блефует. Что-то она узнала о самой себе. Возможно, что-то — о детонаторах. Или об Абалкине. Что-то, заставившее ее позвонить Экселенцу и попробовать прояснить ситуацию, пусть даже с помощью такого примитивного шантажа.

Я лучше знал своего шефа, чем Матильда Геворкян. Именно тогда, когда я бы сам на его месте принял аналогичное решение, Экселенц едва заметно улыбнулся одними уголками губ и перестал косить глазом на боковой экран.

— Дорогая Матильда, — сказал он. — Я готов с вами встретиться, хотите, прилечу на Пандору... скажем, через три недели, раньше просто не получится...

— Господин Сикорски, — твердо сказала Матильда. — Речь идет о судьбе Земли и человечества.

— Это я понимаю, — вставил Экселенц.

— Речь идет о судьбе человечества, — повторила Матильда. — Странники поручили нам операцию спасения.

О, Господи! Теперь я знал, что произошло! Матильда не могла сказать фразу, более неудачную. Неудачную? Просто катастрофически провальную! Странники? Ах, так вы признаете, Матильда, что являетесь одним из автоматов Странников, против которых он, Рудольф Сикорски, уже не первый десяток лет ведет ожесточенную борьбу! Поручили? Ах, так вы признаете, Матильда, что выполняете миссию не так, как вам хочется, а так, как вас, извините, запрограммировали! Операцию спасения? Ах, так вы признаете, Матильда, что намерены спасти человечество, о чем вас никто не просил! Мы подозревали, что Странники пытаются вести на Земле прогрессорскую деятельность. Потому вас, Матильда, и остальных «подкидышей» держали на отдаленных планетах (откуда, каким образом и когда, кстати, вам стала известна информация о собственном происхождении и о наличии у вас «братьев и сестер»?). В частности — потому. А еще потому, что здесь, на Земле, хранятся детонаторы, и опыт Абалкина показал, насколько опасно дать вам — любому из вас — возможность...

Мысль Экселенца была для меня очевидной, но Матильда не понимала, она продолжала идти напролом, так, как ей казалось лучше всего.

— Странники поручили нам операцию спасения, — повторила она. — Когда свобода воли, свойственная разуму, стала самой большой из возможных опасностей, единственный выход заключается в полном — по крайней мере, временно — отказе от технического, культурного и прочих видов прогресса. Ситуация нуждается в детальном обсуждении, и я повторяю свое предложение — встретиться с представителями Мирового Совета в удобном месте в удобное время.

Матильда не могла выразиться яснее — в столь краткой речи. И она не могла выразиться более неудачно. Каждое ее слово подтверждало самые худшие опасения Экселенца. Матильда говорила очевидные для нее истины и думала — наверняка не сама, а после обсуждения с остальными «подкидышами», — что никто не сможет понять сказанное превратно. Но Экселенц, черт побери,

понимал все с точностью до наоборот. И с его точки зрения, понять речь Матильды иначе было просто невозможно!

— Конечно, Матильда, — сказал Экселенц с вежливой улыбкой. — Ваше предложение принято. Мне не очень понятны ваши опасения (ну-ну, старый лис, подумал я), но я сегодня же свяжусь с Сидоровым и Комовым, и мы обсудим всё, что вы сказали. Спасибо. Я свяжусь с вами. м-м... в течение недели.

Матильда несколько секунд смотрела на Экселенца странным взглядом, в котором читалось ошеломление от того, что ее предложение принято без единого возражения, и удовлетворение от того, что руководитель КОМКОНа-2 оказался вовсе не таким монстром, каким его рисовала ее фантазия, и еще целая гамма ощущений промелькнула на ее лице прежде, чем она попрощалась и отключила связь.

Теперь я понял, по крайней мере, чем занимался Экселенц до того, как произошла нелепая трагедия на «Альгамбре», которую он воспринял, конечно же, как логическое продолжение угрозы Матильды Геворкян.

Серый туман вокруг меня сконденсировался дождем и был поглощен почвой за две-три секунды. Матильда опять обратилась в жену Лота, а Корней Яшмаа приблизился ко мне на метр и теперь мог дотянуться до меня рукой.

— Что вы должны были сделать? — резко сказал я. С меня достаточно было объяснений, возможно, очень важных в исторической перспективе, но совершенно несущественных, по-моему, для интерпретации текущих событий. — Я имею в виду вы все. Вместе. Стратегия.

— Убедить, — сказал Яшмаа. — Теперь мы понимаем, что это была безнадежная затея.

— Убедить — кого и в чем?

— В чем — вы уже знаете, Максим. Вселенная — точнее, та ее часть, в которой живет человечество, — переходит к новому равновесному состоянию. Зависящие от времени законы природы, возникшие в начале расширения, уже разрушены. Свобода воли — то, чем так гор-

дится род людской, — привела к бессмысленности дальних прогнозов еще сто лет назад. Сейчас становится бессмысленно прогнозировать даже на год. В наши дни лишь цивилизация невысокого уровня способна предвидеть собственное будущее. Похоже, что единственным пророком в нашей Вселенной остался этот полубезумный Фарамон...

— Да, — сказал я. — А также нет. Он хороший пророк, но его трудно понять. Это он предсказал Грапетти, что «Альгамбре» грозит гибель?

— Конечно. И вот тут-то столкнулись два мира — наш, человеческий, и мир цивилизации Альцины, куда более примитивной и, следовательно, значительно более детерминированной. Если бы акцию спасения звездолета взял на себя сам пророк, возможно, она и имела бы успех. То есть почти наверняка имела бы. Но пророк — не исполнитель. И он понимал, что прямые указания заставят Грапетти проявить присущую ему, как человеку, свободу выбора, Лучано поступит по-своему и, следовательно, почти наверняка вопреки...

— Что же придумал этот хитрец для того, чтобы Грапетти оказался на «Альгамбре»?

— О, вы наконец поняли логику? Что ж, мне будет легче объяснить... Единственное, что наверняка заставило бы Лучано поступить однозначно, не задумываясь, это угроза кому-то из нас...

— А угроза жизни других людей, — прервал я, — не заставила бы Грапетти поступить аналогично? Есть ситуация, когда свобода выбора отсутствует, — это ситуация спасения человеческой жизни. В таких случаях все люди поступают одинаково.

— Вы ошибаетесь, Максим, — покачал головой Яшмаа. — И лучший тому пример — Рудольф Сикорски. У него, как он полагает, нет выбора: он действует во имя спасения человечества. В данном случае, от пагубного вмешательства Странников, поскольку Сикорски полагает пагубным любое вмешательство. Выбора у него нет, но на самом деле он поступает вопреки собственному выбору, поскольку действия его не спасают человечество,

а приближают к той границе, когда бороться с распадом Мироздания станет бессмысленно.

— Нет, Корней, — сказал я. — Вы говорите о ситуации очень неоднозначной. А я имею в виду самое простое — горит дом, и в окне плачущий ребенок. У вас есть выбор?

— Выбора нет, — согласился Яшмаа, — но знаете ли вы, что описанная вами ситуация повторялась за последние двадцать лет семьдесят два раза на всех освоенных планетах? И ровно в половине случаев люди поступали вовсе не так, как вы думаете.

— Чепуха! — воскликнул я, но Корней отодвинулся в сторону, открыв мне странный лаз — это была, скорее всего, щель в каком-то статистическом массиве, куда он меня приглашал, чтобы убедить в своей правоте. Меня не нужно было убеждать — я уже знал то, что хотел сказать Яшмаа. Семьдесят два случая, и в тридцати шести люди не бросились спасать ребенка! Точнее, они, как им казалось, делали то, что было единственно возможным в данной ситуации. Они были убеждены в том, что поступают правильно. Но подсознание оказывалось сильнее. Орел—решка. Выбор всегда оказывался случайным!

Собственное знание ошеломило меня. В окне кричал ребенок, а единственный свидетель бежал к нуль-Т, чтобы вызвать помощь. В окне кричал ребенок, а единственный свидетель... ошибся окном, бросаясь в огонь. В окне кричал ребенок, а единственный свидетель кричал ему в ответ, чтобы он отошел от окна, потому что в проеме сильные потоки воздуха... Тридцать шесть событий — необъяснимых с точки зрения нормальной логики и принципа детерминизма. В двадцати девяти случаях впоследствии были проведены расследования — ведь погибали дети! — и свидетель доказывал (сам будучи убежден в правильности своих поступков), что выбора у него не было. В семи случаях и спрашивать было некого — спасатели погибли вместе с детьми, поступив странно, необъяснимо и непредсказуемо.

— Хотите иные примеры? — спросил Яшмаа, выпустив меня из темного лаза на равнину.

— Нет, достаточно. — Голова у меня шла кругом. — Грапетти... Он что, тоже поступал как машина случайных чисел, воображая, что спасает людей с «Альгамбры»?

— Боюсь, что так, Максим. Видите ли, каждый из нас — человек. Возможно, даже больше подверженный действию этой статистической ловушки, чем вы или Сикорски. Только вместе, когда наши действия связаны через ретрансляторы, мы поступаем не вопреки логике эволюции, а согласно ей. Если говорить о программе Странников, которую так боится Сикорски, то, объединяясь, мы способны поступать лишь однозначно, и наши совместные действия предсказуемы, как предсказуемо сложение двух единиц. Точнее, так должно было бы быть — если бы мы все были живы... Фарамон сообщил Ландовской, что «Альгамбра» погибнет. Назвал число и час. Он ничего не мог сказать о причине — она была выше его понимания. Как, на ваш взгляд, должна была поступить Ландовска, имея такую информацию?

— Предупредить дирекцию космопорта! — воскликнул я, сразу, однако, поняв, что сморозил глупость.

— Конечно, — с иронией произнес Корней. — Приходит профессиональный астролог, над которой снисходительно посмеивается весь персонал, потому что ее гороскопы стали притчей во языцех, приходит и говорит: господа, «Альгамбра» погибнет, так утверждает некий Фарамон, а Фарамону об этом сказало расположение планет в созвездии Ольмейды... Кстати говоря, — добавил Яшмаа, — Ландовска так и поступила, если хотите знать. Единственный, кто обратил на слова Ванды внимание, это компьютерный автоответчик космопорта, зафиксировавший сообщение. И как должна была поступить Ландовска в таком случае?

— По вашей логике — неизвестно как, — пробормотал я. — Ведь поступки непредсказуемы. Она могла искать иной путь к спасению. А могла — с той же вероятностью и теми же последствиями для реальной ситуации — отправиться спать.

— Она бы и отправилась спать, Максим, если бы не Грапетти. Лучано, в отличие от других, понимал, что если

вообще к чьему-то мнению стоит прислушиваться, то именно к мнению Фарамона... О том, что происходило потом, мы тоже можем пока только догадываться. Грапетти отправился на «Альгамбру». Этот поступок, согласитесь, немного напоминает ситуацию, когда в горящем доме спит в постели ребенок. А пожарные и не подозревают о том, что где-то горит...

На мой взгляд, аналогия выглядела несколько иначе. Грапетти бросился спасать спящего ребенка, не имея представления о том, где будет гореть, когда и что именно... Да и спас он, в конечном счете, не ребенка, а себя самого, и что же — в этом и заключалось проявление его свободной воли?

Должно быть, в виртуальном мире — на компьютерной плоскости, где зеркала подпрограмм с гулким шорохом отражали вовсе не то, что находилось на серой равнине, — можно было читать и мысли. А может быть, я произнес вслух то, о чем подумал. Во всяком случае, Яшмаа прервал свой монолог и ответил на мой невысказанный вопрос.

— Свобода воли? Скорее всего, именно так. Думаешь одно, готовишь себя к этому, а в последний момент будто какая-то подсознательная сила толкает сделать нечто иное... С вами такое бывало, Каммерер?

Я хмыкнул. С мной такое бывало не раз. С каждым бывает такое. Поступаешь вопреки сознательному решению и долго потом мучаешься, особенно если поступок оказывается глупым, нелепым или просто лишним. И почему, думаешь, я поступил так, когда хотел поступить иначе? На Саракше, помнится, когда мы с Экселенцем разбирались в завалах дел, оставшихся после гибели Неизвестных Отцов, было принято решение о блокаде Промышленной зоны. Я был тогда молод и горяч, но после знакомства со Странником сдерживал свои порывы. Думал, что научился сдерживать. Что же толкнуло меня вызвать на связь главаря мятежников, до умопомрачения дурного Саву Дырявого, и рассказать ему план блокады, так что вся его компания ушла в горы, и нам достался пустой заводик, приведенный в совершенную негодность?

Я стоял пред пронзительными и беспощадными глазами Странника, взгляд распинал меня и размазывал по стене, Экселенц был в бешенстве, да я и сам бесился не меньше, потому что не понимал собственного поступка. Но нужно было объяснять, и я пробормотал, глотая окончания слов, что, дескать, интуиция подсказала, а сам я ни сном ни духом... И Экселенц сказал, куда я должен засунуть свою интуицию, если она говорит глупости. «Молод ты еще интуицию слушаться, — сказал Экселенц. — Интуиция — это опыт. А ты еще дурак, и опыт твой мне известен».

Возможно, что интуиция — это действительно опыт. Точнее, некая подсознательная переработка жизненного опыта, я не большой специалист в подобных вопросах, давно отработанных в редуктивной психологии творчества. Меня это не занимало никогда. Но если интуиция — это опыт и не более того, что заставило Грапетти за минуту до столкновения бежать с «Альгамбры» в неизвестном направлении?

— Возможно, что он только за минуту до столкновения и понял, в чем именно заключалась опасность, о которой говорил Фарамон, — предположил Яшмаа, правильно истолковав выражение моего лица, а может, услышав эхо моих мыслей. — Предупреждать кого-либо или тем более предотвращать столкновение уже не было ни времени, ни возможности. Он спас себя, потому что понимал, что его гибель в таких обстоятельствах окажется бессмысленной.

— А гибель экипажа, значит, имела смысл? — пробормотал я.

Яшмаа поднял брови и оставил мой вопрос без ответа.

— Где же сейчас Грапетти? — задал я второй риторический вопрос, понимая, что ответа, как и прежде, не дождусь. Если бы Лучано находился в физической Вселенной, он — точнее, его компьютерный двойник — сейчас наверняка стоял бы передо мной.

— Верно, — кивнул Яшмаа. — Вы правы, Максим. То, что Лучано нет здесь, означает, что его нет в реальном мире.

— Он мертв? — вырвалось у меня.

— Жив, — покачал головой Яшмаа. — Иначе его ретранслятор уже разрушился бы. Собственно, из ситуации следует, что челнок так и не вышел из нуль-Т.

Пожалуй. Эта идея мне в голову не приходила и, надо думать, Экселенцу тоже. Предположив, что человек скрывается, сначала расследуешь именно эту версию, а остальные, значительно менее вероятные, в голову не приходят. Вполне предсказуемая прямая логика. Что бы ни говорил Яшмаа, мы, люди, достаточно прогнозируемые существа. Даже лучшие из нас.

— Вы так думаете, Максим? — отозвался Корней. Черт, подумал я, неужели я настолько открыт в этой программе, что не могу удержать ни единой мысли внутри собственной виртуальной оболочки? Почему же тогда я не читаю мыслей этих людей?

— Как? — неожиданно удивился Корней. — Но вот наши мысли — перед вами. Мы открыты, как и вы.

И лишь тогда я понял, чем были висевшие над нашими головами звучащие зеркала. Господи, подумал я, да они же были открыты всё это время, и мне достаточно было вглядеться, чтобы отпала необходимость выслушивать неспешное течение устного рассказа, и я бы давно уже всё понял, а из-за собственной глупости потерял огромное количество времени, его и без того мало, остались всего три минуты с секундами.

Три минуты!

Не успеть.

Нужно было задать Корнею последний вопрос, самый главный, тот, что уже вертелся на языке и наверняка отражался в моем зеркале...

Я поднял руки, и зеркала опустились, я погрузил ладони в плотную среду — и ушел от самого себя...

Куда?

* * *

Я был Странником, и я шагал между звездами. Я переступал со звезды на звезду, как переступают с камня на камень, перебираясь через быстрый ручей.

Я не видел своего тела. Вероятно, его просто не было. Я был мыслью, и шаги мои были шагами воображения.

Скоро мне придется покинуть эту Вселенную, потому что она стала мала мне, мелка и узка. Разум развивается быстрее, чем какие бы то ни было иные сущности, населяющие мир, — от атомов до высших животных. И поэтому неизбежно противоречие.

Но осознание приходит лишь тогда, когда разрешить это противоречие становится невозможно. И нужно уходить. Нужно искать иной мир, равновесие которого поддерживается на ином, гораздо более низком уровне свободы воли. Мир, в котором еще можно (пока еще можно!) предвидеть дальние следствия собственных идей, проектов и воплощений. Потом придет срок уходить и оттуда. Но — будет отсрочка.

И найдем ли мы мир, в котором можно остаться навсегда?

Навсегда.

Боюсь, что такого мира нет, как нет вечности во Вселенных, движущихся во времени.

Еще несколько звезд, и я уйду.

Уйти — оставив всё?

Здесь жили мои пророки. Каждый из нас был пророком на заре цивилизации. Мы знали цель, знали средства, видели путь. Мы шли по этому пути — в тупик.

Пророки наши понимали это — они видели. Они видели потому, что у них не было выбора. Они видели, что выбор станет всё более свободным, пока не обратится в хаос равных возможностей. Они видели это, но не понимали.

Вот парадокс и беда каждой цивилизации в этой Вселенной. Сначала видеть путь до конца — и не понимать. Со временем — больше понимать, но меньше видеть. Знание и понимание познанного. В сумме — постоянная величина.

Я останавливаюсь. Звезда. Желтый карлик. Планетная система. Жизнь. Разум. Примитивная цивилизация. Настолько примитивная, что их пророки еще умеют читать книгу будущего. Они видят, они знают, но они, естественно,

не могут понять. Они верят (мы тоже верили в свое время) в Единого Бога, который ведет их. Естественно. Когда видишь путь и не понимаешь его, что ж остается, кроме веры в высшее существо, направляющее тебя именно по этой дороге? Когда начинаешь понимать свой путь, но меньше видеть дорогу, вера исчезает, ибо никто на самом деле не ведет тебя, ты выбираешь сам, и выбор твой случаен.

Я смотрю. Я размышляю. Оставить их в этом неведении, чтобы они прошли путь, которым шли мы, и сделали все ошибки, которые мы сделали?

Я не знаю, что сделаю сейчас. В этом мире я уже не могу прогнозировать свои поступки. Я хотел бы... Или лучше уйти, оставив их?..

Я собираю из атомов нечто, чему сам уже не в состоянии подобрать название. Точнее — выбрать название из миллиарда известных мне слов или придумать новое название из миллиардов слов, мне еще неизвестных.

Теперь в каждом поколении будут рождаться на этой планете разумные существа, способные видеть дальше всех. За счет других, конечно, как же иначе? Другие будут более слепы. Но других — миллионы, а этих существ во всех поколениях будет одинаковое число — тринадцать.

И связь. Они будут связаны друг с другом. Иначе пророки растеряют свою способность: жидкость быстро растекается, если у сосуда нет стенок...

Я собираю прибор, роняю его, и он медленно опускается на поверхность какой-то планеты в какой-то системе — я уже сделал следующий шаг, я уже у другой звезды, шаги мои случайны, и я не знаю, как далеко успел уйти от планеты, которой я оставил шанс.

Я вспоминаю, что уже не впервые даю шанс молодым цивилизациям. Кажется, эта — восьмая. И последняя, потому что я не вижу... Я слепну... Я должен уйти немедленно, иначе погружусь в...

Я ухожу. Мы все уходим. В надежде, что есть мир, равновесие которого стабильно.

Химера.

. . . . . .

* * *

Я стоял на равнине и смотрел вверх — в зеркала. Странник, ушедший из этого мира последним.

Я приходил в себя медленно. Мне казалось, что миновали годы. На самом деле, как я понял позднее, прошли две и семь десятых секунды. Если бы я задержался всего на три секунды...

Поверхность, на которой я стоял, вздрогнула. Зеркала над моей головой выгнулись и лопнули с грохотом, который не имел к звуку никакого отношения. Это был грохот боли. Я не услышал его, но ощутил в себе.

Корней Яшмаа протягивал мне руку — и ее не стало. Я еще успел увидеть его глаза. Взгляд. Мысль. За что? — хотел спросить он.

Матильда Геворкян успела улыбнуться. Аджеми — прикрыть ладонью глаза. Мелия Глоссоп — вздохнуть. Лурье — наклонить голову в прощальном поклоне. Додина — широко раскрыть глаза и удивиться смерти. Фихтер — протянуть мне сложенные лодочкой ладони. Джордж Полански не успел ничего...

* * *

Экселенц сжег ретрансляторы скорчером. В предвидении критической ситуации это действие было продумано и неоднократно отрепетировано.

Естественно, он не предвидел всех — и даже достаточно близких — последствий своего поступка.

25 ноября 80 года

Я вошел в кабинет и остановился на пороге, потому что меня опять качнуло. Я еще плохо ориентировался в пространстве. После возвращения с Альцины прошло три дня, в клинике Сантарены мне вернули утраченную было координацию движений, и я уже не пытался опускаться

на четвереньки, открывая дверцу шкафчика, расположенную на уровне моих глаз.

Я вошел и остановился. Экселенц встал из-за стола и обнял меня. Я не ожидал этого и заплакал.

Я не ожидал и этого — и смутился.

Мое смущение поразило Экселенца больше, чем мои слезы, он оставил меня стоять у двери, вернулся за свой стол и сказал скрипучим голосом:

— Врачи говорят, что это пройдет. Декомпрессионный шок. Ты слишком рисковал, пойдя на такое глубокое погружение... Садись, мой мальчик.

Я прошел к столу и сел. Слезы высохли сами собой, прошло и смущение. Не осталось даже злости — той, что владела мной все эти часы после того, как я пришел в себя. Ничего не было. Пустота.

— Мне никто не захотел сказать, как они погибли.

Должно быть, пустота была и в моем голосе — Экселенц поднял глаза и посмотрел на меня внимательно, но без сочувствия, спасибо и на том.

— Я запретил, — дал он исчерпывающее объяснение.

— И долго будет действовать запрет? — спросил я.

— Считай, что уже снят, — буркнул Экселенц. — Что ты хочешь узнать?

Я молчал, и Экселенц, вздохнув, потянулся к дисплею, чтобы повернуть его в мою сторону. Потом, передумав, решил ограничиться вербальной информацией:

— Корней Яшмаа умер от инсульта. Приступ случился, когда «Раменда» маневрировала, все находились в противоперегрузочных креслах, оказали помощь слишком поздно... Матильда Геворкян задохнулась в скафандре во время пересадки со звездолета на посадочный челнок. Скафандр оказался неисправен, эксперты утверждают, что подобный случай может произойти примерно раз в полторы тысячи лет. Если, конечно, в течение полутора тысяч лет пользоваться одним и тем же дефектным скафандром...

— Рахман Аджеми, — продолжал Экселенц сухо, будто зачитывая сводку погоды, — направлялся в свою каюту, чтобы переодеться перед выходом на перрон пассажир-

ского спутника. Он споткнулся о лежавший поперек коридора кабель и при падении ударился виском об острый угол коллекторной тумбы. Смерть наступила мгновенно. Татьяна Додина умерла от обширного инфаркта миокарда на глазах у встречавших ее Шабановой и Ландовской. Алекс Лурье...

Губы Экселенца продолжали шевелиться, но я перестал слышать. То есть я не оглох, мне были слышны звуки из коридора, кто-то прошел мимо, кто-то уронил тяжелый предмет, возможно, собственную голову, из-за окна донесся характерный шелест пролетавшего на большой высоте стратоплана... а голос Экселенца увяз в воздухе комнаты, как в вате.

— Я принес прошение об отставке, — прервал я течение неслышимых звуков и положил на стол оптический диск. Прошение получилось кратким, я мог и на бумаге изложить свою мысль — получилось бы, наверное, даже более связно. Но еще час назад я не мог удержать дрожь в пальцах.

Экселенц взял диск, положил перед собой и уставился на его прозрачную поверхность, будто хотел прочитать взглядом.

Сейчас он скажет: «Максим, мальчик мой», и начнет рассуждать о том, как велика была лежавшая на нем ответственность, и о том, что я не имею доказательств, и что всё показанное мне в виртуальной реальности и сказанное мне на Альцине — не более чем гипотезы и слова, а за Экселенцем стояла многовековая история человечества, и перед Экселенцем маячило продолжение этой истории, в которой для Странников места не было и быть не могло. И что он выполнил свой долг, и выбирать ему не приходилось.

А я скажу, что выбора у него не было именно потому, что он уже много лет назад решил, что у него нет выбора. Он выбрал тогда, когда убил Льва Абалкина, когда спорил со стариком Бромбергом и заставлял Корнея Яшмаа соглашаться на глубокое зондирование мозга. Он выбрал даже раньше, когда решил, что «подкидыши» — механизмы Странников. Он выбрал для этих людей жизненные роли и не спрашивал их, хотят ли они эти роли играть.

И в выборе своем Экселенц был абсолютно свободен, как уже много сотен лет было свободно человечество, выбирая между добром и злом, между истиной и заблуждением, между правдой и ложью, между жизнью и смертью. Мы почитали возможность такого выбора благом цивилизации, а на самом деле...

Насмотревшись на лежавший перед ним диск, Экселенц взял его в правую руку, размахнулся и запустил в окно. Раздался треск, стекло, конечно, не поломалось, да и диск не мог получить повреждений, он лишь отрикошетил и закатился куда-то — то ли под стол, то ли за стоящую у окна высокую вазу с единственным цветком.

— Если ты скажешь мне, Максим, — Экселенц выставил на обозрение лысину и положил руки на стол ладонью на ладонь, — если ты скажешь мне со всей убежденностью, что нет никакой альтернативы тому, что тебе показали... Если ты скажешь мне, что человечество с вероятностью сто процентов — не меньше! — одним своим присутствием в этой Вселенной раскачивает ее законы и делает мир все более случайным...

— Вы знали это раньше... — пробормотал я.

Экселенц опустил голову еще ниже.

— У меня были достаточно обширные данные ментоскопирования Яшмаа. Не такая детальная информация, какую удалось получить тебе, но, повторяю, достаточная, чтобы сделать кое-какие выводы... Но ты не дослушал вопроса. Если вероятность того, что, создавая в каждом поколении группу пророков, Странники намеревались спасти человечество, а не погубить его, если эта вероятность равна ста процентам и никак не меньше... Тогда я приму твою отставку, и тогда я сам уйду со своего поста. Более того. Нам с тобой не останется иного выхода, как покончить жизнь самоубийством... Итак?

Экселенц поднял голову и посмотрел мне в глаза.

Он действительно ждал от меня ответа и намеревался поступить так, как скажу я.

Я встал и пошел к двери. Ноги заплетались, мне казалось, что я бреду по болоту, постепенно погружаясь в трясину. За спиной была тишина.

— Грапетти... — сказал я у двери, не оборачиваясь. — Что я скажу Татьяне?

— Ничего. — Пауза, легкий вздох. — Боюсь, мы никогда не обнаружим следов челнока.

— Он действительно остался в нуль-Т?

— Похоже.

Я повернулся всем туловищем, иначе мне было не справиться со своими ногами, разъезжавшимися в разные стороны.

— Тогда должно было... — начал я.

— Да, — сказал Экселенц. — В полупарсеке от ЕН 200244 взорвалась черная мини-дыра. Из тех, чье время полураспада чуть меньше возраста Вселенной. Характеристики взрыва изучаются.

Я кивнул и открыл дверь.

— Максим! — крикнул Экселенц мне вдогонку. — Не нужно тебе говорить ни с Татьяной, ни с Вандой.

Я вышел и прикрыл дверь за собой.

Я не собирался говорить ни с Татьяной, ни с Вандой. Мне нечего было им сказать.

Но если заказать связь немедленно... Сколько сейчас времени в Альцине-Прим? Неужели ночь?

Я не выдержу до утра...

От публикатора

Согласно описи экспозиции Музея внеземных культур, 23 ноября 80-го года произошло спонтанное саморазрушение экспоната номер 15/156А, повлекшее также повреждения в хранилище. Акт экспертизы был изъят из архива 2 января 81 года согласно постановлению Мирового Совета, подписанному лично Геннадием Комовым.

Что можно сказать в заключение о смысле мемуара? Вообще говоря, в мои обязанности не входит комментировать содержание документа, представляемого на рассмотрение Генерального Директората КОМКОНа-2. Но, предвидя, какие дебаты данный мемуар вызовет на объединенном

заседании, я хотел бы предварительно высказать свою точку зрения в надежде, что никто не сочтет ее попыткой навязать личное мнение, пользуясь правом первого слова.

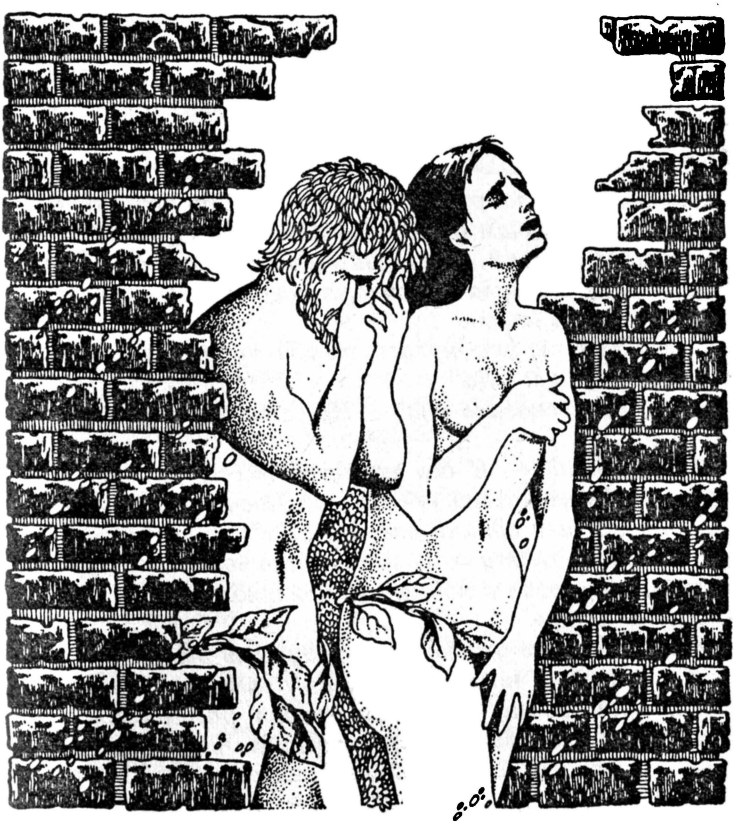
Человечество, на мой взгляд, никогда не обладало той степенью свободы выбора, которой так боялись и от которой бежали Странники. Выбор определялся законами сохранения — всегда и везде. Да, отдельный человек мог выбирать между добром и злом, и со временем этот выбор становился все более свободным и непредсказуемым. Но человечество в целом выбирает добро, ибо иначе не выживет. Человек мог выбирать — заниматься наукой или плавать брассом. Человечество в целом вынуждено заниматься наукой, ибо иначе не выживет. И так далее. У человечества нет свободы выбора — есть инстинкт самосохранения. Значит, нам далеко до Странников, которые уже могли выбирать свободно между добром и злом, между наукой и ее отсутствием, между порядком и хаосом...

Но в тот момент, когда мы впервые изменим какой-нибудь закон природы, для нас тоже наступит эпоха полной и абсолютной свободы.

И придется выбрать — в последний раз.

АЛЕКСАНДР ЕТОЕВ

Изгнание из рая

Художник Яна Ашмарина

1

вуки прыгали из воды и застывали смоляными брызгами на одежде, на губах набухала пена, а я нес мою бедную девочку на руках — по воздуху, по мертвой воде, по ржавым пятнам травы, по каким-то шевелящимся и смердящим тварям, — и когда мы вышли на плоский холм, который не сожрала трясина, я поцеловал ее и сказал:

— Я тебя люблю.

Она даже не улыбнулась, только чуть открыла глаза и тихо сказала: „Да“

— Да, — сказала она. — Не оставляй меня, я тебя люблю.

— Да, да! — Я сел на сухое место и положил ее голову себе на колени. — Шейла, девочка, выпей воды.

Она сказала одними веками: „Да“

Я поднес флягу к ее губам, приподнял ее горячую голову, поцеловал в лоб, и она кончиком языка слизнула с ободка каплю.

Надо было ее успокоить, придумать что-нибудь бодрое и простое, но земля у края холма начала давать крен, край холма изогнулся, потом рассыпался серой крошкой и провалился в проснувшуюся трясину.

© Текст. А. Етоев, 1997
© Оформление. Я. Ашмарина, 1997

Опять. Я взял ее на руки и пошел, почти побежал к короткой дуге подлеска. За спиной ухала и умирала земля, съеденная волной прилива. Небо было серое и пустое. Без легких голубков-птерокаров, без серебряных стрел аэробусов, без облаков, без ангелов, без людей. Лишь тусклое вечернее солнце, и то уходит за горизонт.

Лес был тот же, что и всегда, только тихий и какой-то покорный. Нести ее стало трудно, мешали ветки и темнота. Сзади уже трещало, трясина вгрызалась в лес, и деревья, цепляясь кронами друг за друга, падали и исчезали бесследно в вязкой, гнилой воде.

Полоса леса оборвалась внезапно, сперва я даже не понял — перед моими глазами стояли призраки обреченных стволов, но сквозь их прозрачную плоть просвечивало мутное небо.

Я вынес Шейлу на ровное открытое место; трясина шла по пятам, но не быстро — можно было передохнуть. Я сел, Шейла дремала у меня на коленях, я не чувствовал тяжести ее тела, потому что она была частью меня, продолжением моих рук, моих мыслей, моего сердца.

Я прислушивался к слепому молоту, крушащему в темноте стволы. Трясина продвигалась рывками — то замирала, переваривая добычу: камень, дерево, мертвых птиц, — то накатывала рыхлой волной и упорно текла вперед на багровую пелену заката.

Надо было подниматься и уходить; лес редел, черная гребенка стволов таяла, проваливаясь в болото.

— Шейла?

Она молчала. Я поднял ее и не почувствовал никакого веса. Голова ее странно запрокинулась вниз, и руки свешивались к земле.

— Шейла! — Я легонько ее встряхнул, потом сильнее, потом, прижав к себе, побежал к слезящемуся осколку света.

Свет погас. Я был один. Я сидел на твердой земле и гладил ее тихие плечи. Я ждал, когда из черной бурлящей тьмы вылезет голодный язык и больше не останется никого...»

2

«...Я открыла глаза. Было тихо. Грудь уже не горела, и дышалось почти легко. Женя спал, откинув в стороны руки, голова его повернулась набок, и щека уперлась в гладкую подушку земли.

Ночь была какая-то неживая, и небо, смутное по краям, вырастало чернильным парусом и било чернотой по глазам.

— Жень.

Он вздрогнул, резко приподнял голову, потом вскочил и молча уставился на меня. Такого Женьку я еще не видела никогда. Взгляд дикий, глаза испуганные, губы белые, веки пляшут.

— Ты... — Он начал, но голос лопнул: вылетел только хриплый вздох.

Мне сразу сделалось неуютно, как будто это я была виновата, как будто я надела на себя маску, а он, сдуру не разобравшись, принял меня за страшный сон.

— Женечка, просыпайся.

— Да? — Он пальцем дотронулся до моей руки, и вдруг улыбнулся той прежней своей улыбкой — дурацкой, косоватой, смешной, — вцепился в меня как бешеный и стал целовать, целовать, живого места на мне не оставил, пока не обцеловал всю.

— Шейлочка, я...

— Знаю. Я тоже.

Женя вдруг встрепенулся и глазами забегал по сторонам.

— Идем, — сказал он и потянул куда-то в густую липкую тьму.

— Куда? — спросила я, но пошла. Под ногами было ровно и сухо. — Подождем, когда рассветет.

— Там... — Он будто меня не слышал, тыча пальцем назад, в тишину за нашими спинами. Потом замер, остановившись, и стал прислушиваться к ночной пустоте.

— Я думал, надо спешить. Смешно. С чего это я так подумал? Я долго спал?

— Не знаю, Женечка. Я тоже спала.

— Тебе... — Он на миг замолк, глаза его стали щелками, из которых глядел испуг. — Тебе ничего не снилось?

Я пожала плечами:

— Не помню. А тебе?

— Темно. — Он передернул плечами. — Я не понимаю, где мы. Где звезды?

— Наверное, тучи, — сказала я.

И тут появился свет. Белая нитка света прошила край темноты, и стало видно, где небо и где земля. Небо ожило, в нем закрутились вихри, Женя сильно сжал мою руку и молча глядел вперед.

Перед нами, насколько хватало взгляда, тянулась гладкая одинаковая равнина и светилась голубоватым светом. И больше не было ничего.

Я посмотрела под ноги — твердая серая корка, ни теплая, ни холодная, никакая.

Женя поймал мой взгляд и удивленно помотал головой.

Я не ответила; что я могла ответить, только молча прижалась к нему и слушала, как дрожит его сердце.

Потом появилось солнце...»

3

«„...Кто-то сошел с ума. Я?“ Женя потрогал голову и виновато взглянул на Шейлу. Надо было срочно опоминаться, не то действительно умом тронешься.

— Шейла, — он внезапно сделался хмурым, — помнишь, мы поклялись, что не будем ничего друг от друга скрывать? — Она кивнула, в глазах ее застыл странный блеск. — Знаешь... нет, не могу.

— Женя, что-то... случилось?

Она вцепилась в него глазами, как будто то, что было вокруг, всего лишь легкая перемена погоды, что-то мелкое и пустое, а главное — та щепка, на которой держится мир, — скрывается за его насупленным взглядом.

— Нет, Шейлочка, ничего. Ничего серьезного, приснилась какая-то дрянь, и потом — это... — Он кивнул

головой на то, что было внизу и вокруг, и вдруг замер, споткнувшись на полуфразе.

— Смотри. — Он показал глазами вперед.

Серая однородная плоскость, которую трудно было назвать землей, словно покрылась сыпью, на ней вспухали мелкие блестящие пузыри, их было много — тысячи, сотни тысяч, на глазах нарождались новые — рядом, около, под ногами, и Шейла брезгливо отдергивала ступню, когда упругие и твердые зерна упирались в ее подошву.

— Совсем весело. — Женя опустился на корточки и тронул бугорок пальцем.

— Женя, — нервно сказала Шейла, — не надо. Я боюсь.

— Нечего тут бояться. Пусто и голо. Как говорит наш общий друг Леонид Андреевич, бояться надо только себя.

Шейла взглянула на него удивленно.

Дождь полил из пустого неба — мелкий, теплый, бесцветный, — и Шейла, уже ошалевшая от этих тайн и чудес, только устало выдохнула и ладонями зажала виски.

Солнце продолжало светить, и стало жарко как в бане; Женя содрал рубашку и стал хлестать ею себя, как веником.

Шейла сперва смотрела, потом сказала с невеселой улыбкой:

— Спинку не потереть? Я могу.

— Шейлочка, надо пользоваться моментом. Когда еще здесь помоешься. Давай. — Он подошел к ней и отщелкнул кнопочку „молнии" на вороте Шейлиного комбинезона.

Она хлопнула его по руке и показала язык.

— Не хочу.

— Ну и ходи грязной. — Женя ей подмигнул.

— Ладно. Только ради тебя. — Она ловко сбросила комбинезон и осталась в одних узеньких трусиках.

— Шейла, я тебя тысячу лет не видел такой красивой. Этот дождь тебе очень идет.

Она вдруг застеснялась, но не его, а чего-то страшного и чужого, тени, которая набежала на ее сердце и

оставила темный след. Потом махнула на тень рукой и скинула с бедер трусики.

Тело ее искрилось, она шлепала по коже ладонями, и белые точки брызг легко летели по сторонам.

Она смеялась, она была прежней Шейлой, она любила солнце, небо и дождь, она любила его, и Женька прыгал как сумасшедший рядом и дудел на сложенной из губ дудочке, как какой-нибудь козлоногий Пан.

Почему-то не стало страха, и даже заболевшая сыпняком земля не казалась больше чужой и жесткой, и они свалили в кучу свою одежду и ловили друг друга пальцами и влажной мякотью губ, а позже, когда уже не хватало сил и слова сделались простыми и вялыми, Женя сонно раскрыл глаза и увидел Новую Землю...»

4

«...Дождь кончился. Небо было влажное и большое. Из земли тянулась трава, пузыри лопались на глазах и из каждого вылезали стебли. Они быстро меняли цвет и из бледных, немощных и невзрачных превращались в зеленые и тугие. Между ними, обгоняя их в росте, поднимались тонкие пружинистые стволы, мужали, обрастали корой и кроной и взрывались пеной листвы.

Я обнял Шейлу за плечи. Она почему-то плакала. Потом она потянулась к одежде, остановилась на полдороге и повернула ко мне лицо.

— Зачем? — спросил я. — Ты — Ева, а я — Адам. А змея я что-то пока не вижу.

— Женечка, слишком все хорошо, чтобы это могло быть правдой. Мы просто друг другу снимся.

— Тогда у нас удивительно похожие сны. По-моему, нам снятся дни сотворения мира. И такой, без одежды, ты мне всегда больше нравишься. Представляешь, сколько теперь у нас будет времени для любви?

— Есть хочется.

— Хочется. Посмотрим, что тут у нас съедобного...»

5

«...Вокруг уже шевелился луг, торчали клочья кустов, и неподалеку ходила волнами роща. Женя пошел по траве, оставляя за собой ровную примятую полосу, и на его смуглой блестящей коже плясали светляки солнца.

Я смотрела ему вслед и завидовала: какой он сильный, спокойный, не то что я, трусливая и занудная баба. За что он меня такую любит?

— Жень, — крикнула я ему, — а я? Я тоже с тобой. — И высоко подбрасывая колени, кинулась его догонять.

Трава была мягкая и холодная, обыкновенная земная трава, единственное, чего ей не хватало, это стрекота и жужжания всякой крылатой мелочи. И ветер был обыкновенный, земной, и пахло по-земному цветами, и когда я догнала Женьку, я теснее притянулась к нему, и мы так и пошли в обнимку, прижимаясь друг к другу бедрами и заглядывая друг другу в глаза.

И добром это, конечно, не кончилось — едва теплая тень деревьев упала на наши головы, мы забыли про все на свете и опомнились только тогда, когда что-то маленькое и шумное замелькало в тесной листве.

Мне сразу стало не по себе, и я, как стыдливая дева, хлопнулась задницей на траву и прикрыла руками грудь.

А Женя задрал вверх голову и пальцем приказал мне молчать. Потом сказал, гнусавя и нараспев:

— И сотворил Бог всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо. — Потом добавил, щекотя мне живот травинкой: — И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь.

— Сразу видно в человеке неандертальца, — сказала я. — Одни животные инстинкты. А как же разум?

— Разум имеет место быть тоже. — Женя поднялся. — Вот я дотягиваюсь до ветки, срываю яблоко и — заметь — не пожираю его в одиночку, а преподношу тебе на ладошке как символ разума и нашей вечной любви. — Он подпрыгнул, выхватил из зеленой тени полосатое яблоко и протянул мне.

Я брызнула белым соком, а Женька подпрыгнул снова и, ухватившись за ветку, стряхнул с нее на траву сразу десятка два.

— Яблоки — это, конечно, вещь, — сказал он, доедая четвертое, — но хорошо бы к ним добавить что-нибудь посущественней. Бифштекс, к примеру. Ты как на предмет бифштекса? Или утку, запеченную с яблоками. А однажды Кондратьев нам с Горбовским сварил такую уху... ой, какая была уха — тройная, а потом жарил камбалу на костре. Слушай, надо срочно добыть огонь. Я с голода помираю...»

6

«...Солнце словно приколотили к небу гвоздем, я различил даже зыбкую точку шляпки на круге белого пламени, когда смотрел сквозь узкий полупрозрачный лист не то ясеня, не то ильма.

Потом точка медленно сползла с круга и яркой каплей прыгнула вниз, к земле. Ее сразу же подхватил ветер, вертикаль, по которой она летела, стала косо смещаться к югу, и что-то в этом было знакомое; я напрягся и вспомнил — что.

„Таймыр". Наше с Кондратьевым возвращение. Таким нам показывали его по видео.

Я облизнул губы, словно слизывал с них горькую, кровяную соль — как тогда, на горячей, мокрой после посадки земле.

„Наваждение". Я палкой пошевелил в костре.

Шейла крутила вертел с недопеченными яблоками.

Из-за деревьев вышел олень, вытянул голову в нашу сторону и стал тереться боком о ствол.

Я подумал о жареной оленине, но вслух говорить не стал, мало ли что подумает Шейла.

А та не думала ничего: голая, в чем мать родила, она подошла к оленю и погладила его золотистый бок. Как будто это была кошка или собака.

— Шейла... Жалко, что нету камеры. Вас бы сейчас заснять. Я бы назвал этот снимок „Возвращенный рай", — сказал я и сразу же вспомнил про рай потерянный.

В костре треснула головешка, пепельный уголек выпрыгнул из огня и ужалил меня в лодыжку. Я отдернул ногу и чертыхнулся.

Олень вздрогнул и медленно, боком, отступил в зеленую тень.

Потом мы ели печеные яблоки, молчали и глядели, как умирают угли. Говорить ни о чем не хотелось. Хотелось сидеть так вот рядышком и слушать ее молчание.

— Это была олениха, — сказала Шейла и закрыла глаза.

Потом мы оба уснули, и мне снился Потерянный рай...»

7

Господь Бог был похож на Леонида Андреевича — и голосом, и лицом, — только улыбался он как-то неестественно и сердито, такой улыбки я у Горбовского никогда не видел.

За широким, во всю стену, окном светило солнце XXII века, птицы XXII века растворялись в его сиянии, белели лабораторные корпуса, по малиновому стволу сосны воровато скользила белка; все было привычно и мило — так привычно и мило, что тошно было смотреть.

Только Господь Бог был сердитым. Постаревший, обрюзгший, сутулый. И какой-то слишком земной.

— Тебе нужно отдохнуть, Женя. Ты переработал, устал, и потом... — Он отвел глаза.

Я кивнул. Я знал, что пряталось за этим его «потом».

— Да, — сказал я, — наверное.

Гобовский всегда был прав. Даже когда был не прав.

Он зло ударил по клавише. На широком поле дисплея шла игрушечная война. Вспыхнула стрела выстрела.

Нечеловеческая фигурка в нелепой инопланетной одежке подпрыгнула и, весело дрыгнув ногами, упала и растворилась в ничто. Враги были маленькие и смешные; когда их убивали, они строили веселые рожи и высовывали язык. Потом падали и перед тем, как исчезнуть, делали на прощание ручкой.

— Да, в этом что-то есть: умирая, помахать рукой. — Горбовский устало вздохнул. Похоже, ему не хватало воздуха. — Знаешь, кто получил Нобелевскую по литературе в этом году? Файбушевич, за «Обыкновенную историю XXI века». Напиши новую книгу, Женя. Ты совсем перестал писать. Мне нравятся твои книги, я...

— А мне — нет.

— Что? Ах да. Дух отрицанья, дух сомненья... — Горбовский мрачно оглядел комнату. — Не понимаю, как ты живешь в этом развале. Хоть бы книги с пола поднял.

— Так и живу.

— Опять двадцать пять. Ты что, и говорить разучился? «Да», «нет», «не хочу», «не буду». Хандра, скулеж — мне казалось, что в XXII веке с этим покончено навсегда. Это проклятое наследие прошлого...

— Я тоже оттуда.

— Ох!.. А еще писатель. Не понимаю, ведь это ты написал «Полдень» и «Человека Нового»...

— Не я это написал, не я! И вообще надоели мне все эти святочные истории... вот где они у меня сидят... скучно!

— Нет, Славин, ты очень! сильно! очень сильно не прав. Сказочки, говоришь? Святочные истории? Да, есть немного. Но ты же сам во все это верил. Помнишь, у тебя в «Полдне»: «Мне очень хотелось перестать быть чужим здесь...»

— Вы только за этим сюда приехали? Читать мне проповеди? Так я их и сам за свою жизнь, знаете, сколько перечитал?

— Да? Если не секрет — сколько? — Горбовский хмыкнул. — Не проповеди я тебе читать приехал, а по делу.

— По какому еще такому делу?

— Я уже говорил, — сонным голосом ответил Горбовский.

— Не помню.

— Напиши книгу.

Я пристально посмотрел на него. Он явно надо мной издевался. Как всегда, без единой улыбочки, глаза серьезные, умные, как у серьезной, умной собаки.

Мне стало нехорошо, вдруг потянуло в сон, захотелось, чтобы все оказалось сном — и он, и его дурацкие разговоры и предложения.

— Я больше не пишу книг, не могу. И причина вам прекрасно известна.

Я стиснул зубы, чтобы не дать вырваться обидному слову.

Горбовский молчал и ждал. На его бесцветном, вытянутом лице не играло ни желвака, ни жилочки. Словно его выточили из дерева.

Стало тихо, и убавилось света. Солнце XXII века затянула полоса облаков. Белые корпуса поблекли, в соснах загулял ветер.

Осторожно подалась дверь. В этом мире все осторожно. Все смазано, все без скрипа.

В комнату заглянул Ламмокс. Шейла его называла «медведь». Когда его нам привезли с Харибды, зверю уже было лет сто. Почти мой ровесник. Маленький, похожий на рыжего медвежонка, теплый, ласковый Ламмокс. Шейла его любила. Шейла... Любила...

8

— В одной далекой-далекой галактике, на далекой-далекой планете жила девочка по имени Шейла. Пошла она как-то в лес, по-моему, по грибы. Или нет. Грибы в этом лесу были жутко как ядовитые. Пошла девочка по цветы...

— Женечка, по цветы не ходят. Тоже мне литератор.

— Гений, Шейла, на то он и гений, чтобы ломать языковые барьеры, прививать к засохшему древу литера-

туры новые здоровые черенки... И вообще — да здравствует «дыр-бул-щир»!

— Все, Славина понесло. Я схожу принесу сока. Тебе апельсинового?

— Мне апельсинового. И пожалуйста, коньяка. Грамм двадцать пять. Коньяк можно отдельно.

— Нет уж, Славин, обойдешься соком.

— Знаю, знаю. Шейла, а поцеловать? Раз нельзя коньяка.

Шейла чмокнула меня в губы, я схватил ее и обнял, и с минуту мы не отпускали друг друга, потому что все, что мы говорили до этого, было не важно. Важно было другое: завтра Шейла от меня улетает. Далеко. Надолго. И я остаюсь один.

Мы пили холодный сок и глядели друг другу в глаза — прощались. За окном была осень, все слова были сказаны, вещи собраны, я гладил ее теплую руку, запоминая это тепло, этот рубчик на большом пальце — воспоминание о нашем давнем альпийском походе, эти плечи, эти губы, это лицо...

Потом наступило завтра.

9

— Какого только наукообразного бреда не прочитаешь в нынешней периодике. «Эволюция эмблематики Следопытов», представляешь? — Горбовский хлюпнул, — наверное, усмехнулся. — От семиугольной гайки к черному семиугольнику на красном поле. И сколько там умных слов. И кого там только не приплетают. Даже Пикассо с его теряющим плоть быком.

Горбовский постарел еще больше. Я, наверное, тоже. Судя по облику моего двойника в голозеркале, которое я включаю по утрам, когда бреюсь.

Мы шагали по петляющей между хвойных стволов дорожке, осторожно переступая корни и снующих по корням муравьев.

Разговор шел медленно, петлями, как эта медленная тропа под ногами, все время убегая от главного, цепляясь за мелочи и крючки, которые нам подсовывала природа: сосновый бор, вбирающий чахотку и солнце и выдыхающий кислород и свет; небо в редкую облачную полоску; рыжую больную сосну, которая вблизи оказалась кедром.

Горбовский покачал головой, жалея раненый ствол, отломал от него засохшую ветку и сказал, изучая оспяные пятна смолы:

— «Стрела» опоздала на шесть часов. Спасать уже было некого...

10

Первое, что он увидел, это выпяченные глаза Камилла. Они глядели мимо него, пустые, ни света, ни удивления, окольцованные буграми век.

Воздуха не хватало, а может быть, его было слишком много — пустого, тяжелого воздуха, настоянного на гибели и тоске.

Горбовский попытался вдохнуть, в легких лопнули пузырьки, и сердце обожгло болью.

Он лежал под открытым небом, в котором плавали две луны — два глаза человека-нечеловека, и больше не было ничего.

— Все кончилось. — Голос Камилла прозвучал спокойно и сухо; таким, наверное, говорят ящерицы и рыбы, если их обучить человеческому языку. — Волны больше нет.

«Люди?!» — взорвалось в мозгу Горбовского. Тень чего-то прошла по его лицу, и он почувствовал липкую холодную тяжесть, навалившуюся на лоб и виски.

Это была рука, его собственная и одновременно чужая. Он провел рукой по лицу, нащупал ворот сорочки, потеребил пуговицу.

— Люди? — спросили губы.

Глаза Камилла исчезли, и на их место взошли другие, испуганные и очень знакомые.

— Леонид Андреевич, как вы? — спросили эти глаза.

— Я? — сказал он и вдруг понял, что он — живой, что Волны больше нет, *все кончилось*. «Кончилось?» Он попробовал приподняться, было трудно, но получилось. Чьи-то руки хотели ему помочь, но он резко замотал головой: — Я сам, не надо.

— Леонид Андреевич, вам нельзя. — Он узнал эту женщину, и все сразу легло на свои места.

— Шейла? «Стрела» успела?.. — Он не договорил, увидел, как опустилось ее лицо и на черных спутанных волосах играет дневное солнце.

— Плохо. — Это был голос Камилла; Горбовский повернул голову и увидел его неестественно переломленную фигуру; Камилл сидел, глядя в сторону, и медленно шевелил губами; это был какой-то другой Камилл, что-то в нем было ненастоящее, непривычное, и Горбовский долго не мог понять что. Потом понял: на Камилле не было шлема.

Матово-бледный череп в мозаике темных точек был похож на яйцо какой-нибудь фантастической птицы из сказок о мореходе Синдбаде, а купол здания Института пространства, который белел за ним, походил на призрачный минарет.

Горбовский снова попытался подняться.

— Леонид Андреевич, вам нельзя резких движений. Сейчас вас перенесут на «Стрелу»... — быстро заговорила Шейла, но Горбовский ее оборвал:

— Кто еще?..

Шейла вздрогнула, увидев его глаза:

— Группа поиска вылетела на юг, в тропики... Есть надежда...

Он ее слушал плохо, он смотрел на лицо Камилла, как тот медленно, неестественно медленно, поворачивает свой фарфоровый череп и скрипучим, как у сказочной птицы, голосом выдавливает из себя слова:

— Леонид... Радуга... умерла... ловушка... Сигналы с севера.

Камилл повторил отчетливо, голос его стал другим:

— Устойчивые сигналы с севера. Координаты...

Он встал, белое здание Института сделалось игрушечным, маленьким, Камилл снова был в своем вечном шлеме, его переломленная в спине фигура покачиваясь плыла по воздуху, взмахивая крыльями рук...

11

«Кротом» управлял Камилл. Шейла сидела сгорбившись на неудобном заднем сиденье и смотрела, как на обзорном экране плывет им навстречу черная выжженная земля. Волна прошла здесь давно, но пустыня еще дымилась, хотя гореть было вроде нечему — все, что могло, сгорело.

До солончаковых озер езды оставалось часа четыре. Камилл молчал, он молчал почти всю дорогу и только раз, когда флаер перевалил Горячую параллель, неразборчиво произнес:

— Помехи... Я ничего не слышу.

От Столицы до контрольной станции Пост Рубежный они тянули на флаере, в машине постоянно что-то портилось и трещало, Камилл раз пять сажал ее на корку земли и копался в приборном блоке.

На станции пахло смертью, хотя люди ее покинули часа за два до Волны. В лаборатории было пусто и голо: все, что можно, обитатели станции увезли с собой — у них еще было время.

В ангаре они нашли «крота» с перекрещенными желтыми молниями на борту — эмблемой строителей-энергетиков. Они влезли в его утробу и продолжили путь на север.

Натужный, сдавленный голос двигателя больно отдавался в висках; Шейла чувствовала, как она жутко устала. Белая куртка Камилла сливалась с белым пятном экрана, машина влезла на невысокий холм, зачерпнув краешек неба, потом помедлила на вершине и поползла вниз.

Экран оставался пустым и белым, словно земля впереди кончилась, превратилась в туман, и в кабине сделалось жарко. Камилл щелкнул тумблером охлаждения, температура упала.

— Гейзер, — сказал он бесцветным голосом, и Шейла подумала: «Откуда здесь взяться гейзеру?», — но тут машину качнуло, и Камилл резко сдал вправо.

Шейла вцепилась в поручень, двигатель жутко взвыл, каменная спина Камилла перекосилась на сторону, и он сказал, ощупывая макушку шлема:

— Я ничего не слышу.

— Где мы? — спросила Шейла.

Камилл ткнул пальцем в экран, словно хотел пробить белую восковую корку, и сказал, обращаясь неизвестно к кому:

— Будем обходить стороной.

Машину опять качнуло, и так, медленно и вразвалку, они двигались еще с полчаса, пока экран не расчистился и они не увидели неровную истерзанную равнину, прикрытую здесь и там молочными клубами тумана.

— Раньше здесь было много озер. — Тихий голос Камилла стал по-человечески мягок; он словно видел перед собой эти выпитые Волной озера, слышал, как звенят тростники и перебрасываются словами птицы.

— Вы думаете, мы кого-нибудь здесь найдем? — неуверенно произнесла Шейла, вглядываясь в однообразную панораму.

— Не знаю, все может быть. Был сигнал, значит, здесь кто-то есть.

Шейла ничего не ответила. Она не жалела, что отправилась в этот безумный поиск. Хотя заранее сомневалась, что им удастся кого-нибудь отыскать. Но Камилла было не удержать, с Камиллом что-то произошло. Словно он один был ответствен за гибель планеты и этим броском на север хотел искупить вину.

— Там. — Он уперся взглядом в какую-то точку в пространстве, и тут белый клок тумана вырвался откуда-то сбоку и экран подернулся рябью. — Я вижу.

— Кого? Где? — Шейла пялила глаза в пустоту, потом недоверчиво перевела взгляд на Камилла, а тот повторял, однообразно, как испорченная пластинка: — Там, там, я их вижу...

Он напрягся, коротким броском руки остановил двигатель и повернулся к Шейле:

— Оставайтесь здесь, вам нельзя. Я приказываю, то есть нет... — По лицу его пробежала тень. Пару секунд он молчал, разглядывая какую-то складку на ее помятом комбинезоне. Потом сказал тихо и обреченно: — Не ходите, я сам.

Она кивнула, сглатывая в горле комок, словно знала, что он собирается делать, проследила, как он открывает люк и впускает в кабину холодный солоноватый воздух.

Звук его башмаков отгремел по броне машины, и в наступившей вдруг тишине отчетливо пропел сигнал вызова.

Шейла вздрогнула, во рту сделалось сухо. Срывающимся голосом она зашептала:

— Я слушаю... Шейла Кадар слушает, отвечайте.

Эфир молчал, Шейле стало не по себе. Тишина давила, накатывала глухими волнами, в невидимой эфирной пустыне, населенной тенями звуков, происходило что-то опасное, человеческого там не было ничего.

— Я слушаю, говорите, — повторила Шейла, пытаясь голосом отогнать страх.

Ответом был прерывистый вздох, так умирают звери, огромные допотопные существа, гибнущие в водовороте времени.

Потом где-то на грани слуха, далеко, за безднами звездных миль, послышался тихий звук, протяжный, на одной ноте, словно плакал ребенок.

В этом звуке было что-то усталое, до боли знакомое и земное; она напрягала память, вспоминала, наконец вспомнила.

Ночь, Женина голова, мечущаяся на больничной подушке. И где-то в безвоздушной ночи плавает детский плач.

Шейла встала, глотнула воздуха и распахнула люк.

12

Камилл лежал на земле. Сложенные в улыбке губы светились пергаментной белизной. На лице не было ни кровинки, глаза, пустые и белые, отражали пустоту неба.

Камилл был мертв. Нелепо вывернутая рука тянулась к стене тумана, поднимающейся над невысокой каменистой грядой. Шлем его сбился на сторону, и на голом черепе, над виском, словно крохотные метеоритные кратеры, темнели гнезда разъемов.

Шейла уже не пыталась ему помочь, она просто сидела, обхватив колени руками, с мертвым сердцем и неподвижным взглядом.

Далеко, в полукилометре к югу, ее ждал оставленный «крот». Надо было возвращаться к нему, выходить на связь со Столицей; там «Стрела», друзья, там Горбовский, они должны ей помочь, прилететь, забрать отсюда, спасти.

Но что-то ее держало. Не это мертвое тело, бывшее еще недавно живым. Какая-то неуютная мысль, слабая, как голос того ребенка, пришедший из эфирных глубин. Надо было ее понять, надо было придать ей форму, она знала, что сейчас это самое главное, иначе жизнь ее не стоила ничего, не стоила даже смерти, которая глядит в упор на нее неподвижными глазами Камилла.

— Нет, — прошептала Шейла и не узнала своего голоса.

Белая волнистая нить потянулась к ней из тумана. Она искрилась каплями света, это было весело и не страшно, и Шейла протянула к ней руку, улыбнулась и закрыла глаза.

Тепло, мягкое и живое, коснулось ее ладони, медленно растеклось по коже, ласково спеленало тело.

И сразу мир раздвинулся в стороны, она почувствовала, как растет вместе с ним, сливается с каждым атомом, с каждым сердцем, с каждым мигом этой бесконечной вселенной.

Потом она увидела солнце. Солнце было рыжее и большое.

— Женя, — сказала она, — прости меня, я тебя люблю.

13

Я устал.

Я тону в своем «Возвращенном Рае», как краулер в марсианской каверне.

Краулеры, каверны — сказка моего детства. Уже нет ни тех ни других. Марс частично терраформирован, в кавернах разводят карпов, можно дышать без маски и не бояться, что справа из-за бархана на тебя набросится летающая пиявка.

Сейчас я рассказываю другую сказку.

Человек, перелетевший на атомном ковре-самолете из прошлого в настоящее. Получивший в награду принцессу со странным именем Шейла. И не сумевший ее уберечь.

Я нашептываю свою сказку внимательному пространству ночи. В руке моей зверек-диктофон. Ламмокс спит, ему снится мама. Прости, Ламмокс, в Раю ты превратился в оленя. Даже не в оленя — в олениху. Но в жизни это не самое страшное — превратиться во сне в оленя.

У нас ночь, в сказке тоже настала ночь. Хоть солнце и застыло в зените. Оно вечно будет стоять в зените, потому что я в этом мире — Бог. Я сам его создал и сам в нем воскрешаю из мертвых.

Я не знаю, что с нами будет, когда мы с Шейлой проснемся на планете с названием Возвращенный Рай. Такие уж нынче боги — не отвечают за собственное творение.

14

«...Лес вокруг изменился. Он сделался тревожным, насупленным, и когда Шейла проснулась, первое, что она сказала, было: „Где моя олениха?“

Она приподнялась на локте и принялась водить рукой по траве — искала одежду.

Откуда-то издалека донесся тихий протяжный свист; Шейла вздрогнула и прислушалась. Она тоже почувствовала тревогу.

По кронам пробежала волна: ветер. Солнце стояло, где и стояло — не сдвинувшись ни на дюйм — в зените. Костер погас — угольное пятно на траве темнело, как мертвый глаз великана.

— С добрым полднем, — сказал я бодрым, нарочито веселым голосом, хотел сорвать с ближайшей яблони яблоко, потянулся и ощутил в руке сморщенный холодный комок. Несколько плодов упали с потревоженной ветки и с мягким тяжелым стуком утонули в траве. Все они были дряблые, разбухшие, скользкие, с черными недужными черенками.

Шейла смотрела, как я брезгливо ковыряюсь в траве, потом запрокинула голову и стала смотреть на солнце.

— Что снилось, моя волшебница? — сказал я, чтобы наполнить звуками тишину.

— Сон, — ответила Шейла, и лицо ее потемнело. — Женя. — Она подбежала ко мне и обхватила мои плечи руками. Ее холодные губы уткнулись в мою ключицу, волосы щекотали лицо, влажные подушечки пальцев холодили мои лопатки.

— Ну, Шейлочка, успокойся.

— Сон, — повторила Шейла. Улыбка медленно поднималась от краешков ее губ к глазам, моя девочка успокаивалась, пальцы ее сделались теплыми, тело мягким, напряжение спало; она снова была такой, как прежде.

Что-то легкое коснулось моей руки; на траве у ног закачался лодочкой узкий потерявшийся лист. Потом еще и еще — они летели и падали, прорастая на притихшей траве искусственными кладбищенскими цветами. Я подхватил один на лету и почувствовал укол осени.

На планете настала осень.

Зеленая плоть деревьев таяла, превращалась в золото. Это было красиво и страшно, и солнце, вырезанное из желтой фольги и наклеенное на пустое небо, тоже было красивым и страшным.

— Пойдем. — Шейла потянула меня к одежде; растерявшиеся Адам и Ева оставили поляны Эдема и зашагали прочь от опадающих райских кущ.

Я помог Шейле одеться; она все оглядывалась на рощу, словно ждала, что оттуда вылезет что-то темное и чужое, чтобы отнять ее у меня, меня у нее.

— Все нормально, — сказал я, расправляя складку на ее рукаве, — главное — не стоять на месте, — и повел ее по пологому склону холма, по ленивой сонной траве с печальным отливом осени...»

15

«Главное — не стоять на месте». Я знал, что ждет их за этим холмом. Я слышал, как за стеной леса ворочается проснувшаяся трясина. Рай кончился. Это было изгнание из Рая.

Я отложил диктофон и подошел к окну. На меня равнодушным взглядом смотрит полночь XXII века. Я смотрю в ее слезящиеся от звездной пыли глаза и пытаюсь разглядеть будущее.

ЛЕОНИД ФИЛИППОВ

День ангела

(ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ)

Фотограф Леонид Филиппов

Тот же цвет, аромат,
Как и прежде, у вишни цветущей,
только я уж не тот —
год за годом любуясь цветеньем,
постарел и переменился.

Ки-но Томонори,
старший секретарь Двора
Его Величества Дайго

ЛЕОНИДУ АНДРЕЕВИЧУ ГОРБОВСКОМУ, ЛЮБИМОМУ УЧИТЕЛЮ

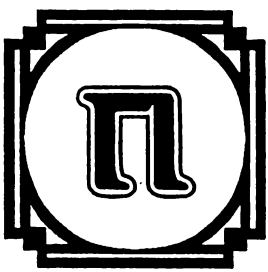
Именно то, что наиболее естественно, — заметил Бол-Кунац, — менее всего подобает человеку.

Я был очень разочарован, когда выяснилось, что расшатать инстинкты у человека еще труднее, чем расшатать наследственность.

...ведь в них, в детях, не было никаких следов и задатков этой гадости. Иногда он думал, как здорово было бы, если бы с планеты исчезли все люди старше десяти лет.

ВВЕДЕНИЕ

Так что же такое человек, — немедленно осведомляется он, — что такое человек совсем?

редлагаемые материалы из архива Даниила Александровича Логовенко (известного также как Акушер) публикуются в соответствии с его волей и в указанный им срок: по истечении ровно ста лет со дня отказа Логовенко от предложенной ему, первому из землян и тогда еще человеку, ЗИП-инициации. Результатом этого отказа, твердого и осознанного, как и все действия Даниила Логовенко, человека и — позже — метагома, стала целая цепь событий, приведших, в частности, к информационному взрыву конца прошлого века — так называемому Большому Откровению.

Того немногого, что стараниями участников и исследователей тех событий стало «достоянием масс», оказалось более чем достаточно: отношение землян к идеям «вертикального прогресса» вообще и ко всему, так или иначе связанному с понятием «людены», было сформиро-

© Текст, фотография. Л. Филиппов, 1997

вано. Самое мягкое обозначение этого отношения — «осторожный скепсис». Не говоря уже о серьезных проблемах просто с принятием подобной информации — такое ощущение неполноценности она вызывала.

Однако Большое Откровение — не единственное следствие отказа двенадцатилетнего Дани Логовенко стать первым ЗИП-инициированным из людей. Да, он рос и шел по тому пути, который привел его к роли Акушера; шел, ведомый верой в свою миссию и миссию метагомов. Но сегодня мы осознаем то, что Учителя видели уже сто лет назад: метагом, скорее всего, необходимый шаг в истории человечества, только шаг не вперед и, уж конечно, не вверх, а, скорее, — в сторону. И, понимая это, они продолжали искать — искать нового кандидата и, возможно, новое решение.

Впрочем, события развернулись так, что выбора у Учителей не оказалось. Первые двое из детей человечества, принявшие ЗИП-инициацию, не были не только добровольцами, но даже землянами в точном смысле слова.

Публикуемая подборка текстов из Архива позволяет более или менее полно воспроизвести события, давшие начало нашему движению и сформировавшие его в нынешнем виде. При подготовке к публикации, в соответствии с указаниями хозяина Архива, были отобраны материалы, относящиеся только к успешным работам группы «ЗИП» — из-за ограничений, связанных с тайной личности.

Я взял на себя языковую адаптацию текстов и, по мере необходимости, снабдил сухое перечисление фактов комментариями — как участник большинства событий после двухсотого года и координатор группы Проекта на Земле. Все имена, даты, а также географические и астрономические названия приведены к системе, принятой на Земле, и являются подлинными.

Кир Костенецкий,
координатор группы «Здравствуй и прощай».
24 ноября 242 года. Лагерь «Ковчег-Полюс»

Текст 1

Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих.

Поступление в Архив: 16.11.150

Отчет по базовой части операции «Маленький принц»

Исполнитель: Гимел, играющий Учитель

Координатор-стажер: Д. Логовенко, интерн Проекта, Земля

Начало операции: 14.05.149

Передача на ведéние координатору: 8.10.150

Решение о начале операции «Маленький принц» принято под давлением форс-мажорных обстоятельств. 14 мая 149 года в так называемой «теневой» области зоны «Ц» при попытке проникновения в атмосферу планеты ЕН 7316-2 (современное наименование — Ковчег) спутником-автоматом Старших был выведен из строя звездолет ГСП с тремя землянами на борту. Сигнал был получен немедленно, однако двоих землян спасти не удалось, третий же — годовалый младенец — выжил, хотя и получил серьезные травмы. Как эвакуация мальчика, так и информирование о его местонахождении землян означали бы немедленную деконспирацию хотя бы части Проекта, то есть исключались априори.

В то же время возможность получить в распоряжение планируемой группы «ЗИП» годовалого землянина, не нарушая этических табу, сулила такие перспективы, что Учителями было принято исключительное решение: временно снять вето Старших на контакты с разумом типа «меторг» и допустить симбиотическую связь меторга планеты Ковчег и мальчика с Земли — Пьера Александрови-

ча Семенова — для подготовки его в будущем к ЗИП-инициации.

В этом же году еще одно событие сыграло на руку Проекту. 8 августа 149 года в результате слепой попытки землян исследовать одну из тринадцати «пуповин», осуществлявших контрольно-связующие функции в проекте Старших «Ихтиандр», та была необратимо повреждена. Наблюдение за субъектом вживания — десятилетней Эдной Ласко (девизный знак «Вода») — стало невозможным, и решено было использовать девочку в операции на Ковчеге — в качестве скрытого посредника между меторгом и ребенком с земли. Поэтому Учителями была синтезирована и адаптирована для этой цели новая «пуповина», а на Земле 10 августа организована дубль-инсценировка гибели ребенка. В дальнейшем Эдне Ласко был присвоен новый девизный знак. И именно Эдна, а не Пьер, как предполагалось, стала первой, прошедшей ЗИП-инициацию. Это, разумеется, многократно упрощало всю процедуру контроля и наблюдения и позволило в дальнейшем избежать и громоздких перестраховочных действий, и этических ошибок. Таким образом, фактически «человеческая» часть Проекта начала свое существование 6 октября 150 года — в день двенадцатилетия первого члена группы «ЗИП» Эдны Ласко (новый девизный знак «Мама»). А временная база группы была размещена на полюсе планеты Ковчег, вне сферы действия полей меторга.

Текст 2

Когда бог, спустившись с неба, вышел к народу из Питанских болот, ноги его были в грязи.

Горан Ирукапский

Поступление в Архив: 2.06.160

Отчет по операции «Маленький принц» — завершение базовой части

Исполнитель: Д. Логовенко, группа «Метагом», Земля
Координатор-стажер: Э. Ласко, группа «ЗИП», Ковчег

Работа по завершению базовой части: с 21.04.160
Передача на ведéние координатору: 27.05.160

ЗИП-инициация Пьера Семенова проведена 21 апреля 160 года — в день его двенадцатилетия. Вообще говоря, та процедура, которая была опробована на Эдне и в дальнейшем принята — в упрощенном виде — на всех гуманоидных планетах, входящих в Проект, для Пьера не подходила. В этом вопросе Акушер целиком доверился «компетенции» меторга — симбиота Пьера. Впрочем, результат был получен вполне адекватный, и к двенадцатилетней Эдне Ласко присоединился ее ровесник и второй член группы «ЗИП» Пьер Семенов (девизный знак «Маленький принц»).

Отличие второй инициации было не столько технологическим, сколько этическим. Пьер, прожив на Ковчеге 11 лет в биоэнергосимбиозе с меторгом планеты, не был осведомлен о его существовании, как и о присутствии в зоне общения Эдны. Он считал себя единственным обитателем мира. В планы Учителей, согласованные с меторгом *(лучшей формулировки я не нашел, а эта — лишь грубая аналогия. — К. К.)*, входила встреча Пьера с людьми. Это, безусловно, исключало любое общение с меторгом — существом негуманоидного, мягко говоря, типа. Напротив, в бессознательную сферу ребенка удалось заложить достаточное количество земных архетипов, чтобы будущая встреча с себе подобными не стала для него проблемой. Вопрос же о роли Пьера как посредника между землянами и меторгом был снят, как бесперспективный, после модельного проигрывания.

Таким образом, Пьер Семенов был инициирован без его ведома, и это — первый и последний случай в истории Проекта.

Текст 3

Вы знаете, у человечества есть по крайней мере два крупных недостатка. Во-первых, оно совершенно не способно созидать, не разрушая. А во-вторых, оно очень любит так называемые простые решения. Простые прямые пути, которые оно считает кратчайшими.

Поступление в Архив: 5.03.162
Отчет об операции «Третий — лишний»
Исполнитель: Э. Ласко, группа «ЗИП», Ковчег
Контроль: Д. Логовенко, группа «Метагом»

Начало операции: 11.02.161
Завершение операции: 1.03.162

Появление на планете людей с Земли, естественно, не было неожиданностью для Акушера, уже включившего к тому времени в Игру почти полсотни метагомов. Задача операции сводилась к тому, чтобы аккуратно показать землянам Пьера, а уж выводы они должны были сделать сами: и о невозможности использования планеты, и о наличии на ней чуждого разума. Все так и получилось, и если в чем-то земляне не оправдали ожиданий, то только в лучшую сторону. Это относится как к действиям ксенопсихолога Геннадия Комова, сумевшего удивительно быстро и адекватно включиться в работу с Пьером на вербальном уровне, так и к решению земного руководства о необходимости покинуть Ковчег, оставив лишь информационный канал.

Работа Эдны почти целиком сводилась к наблюдению — если не считать нескольких штрихов в картине этого мира, увиденной глазами землян. Что же касается

Пьера, то реакции его были вполне человеческими. Это подтвердило правильность формирования в его мышлении антропоморфной установки.

* * *

(Сведения о том, как вся эта история виделась «с другой стороны», интересующиеся могут получить в отчетах об операции «Ковчег-1» на Земле — через БВИ — доступ открытый. — К. К.).

Текст 4

Чтобы быть борцом, нужно уметь ненавидеть, а как раз этого вы не умеете. Так же, как и мы теперь...

Поступление в Архив: 14.01.168
Отчет о развертывании базы операции «Питер Пэн»
Исполнитель: Э. Ласко, группа «ЗИП», Ковчег
Координатор-стажер: Ир Сепритуан, группа «ЗИП», Надежда

Начало операции: 16.03.165
Передача на ведéние координатору: 22.01.168

Третьим в списке группы «Здравствуй и прощай» стал одиннадцатилетний Сепритуан с планеты Надежда. История его появления и введенного для детей с Надежды изменения возраста вкратце такова.

В 125 году Старшие получили сигнал о пандемии на Надежде. Мутантный вирус (условное наименование, принятое позже для базовой разновидности, выделенной на Земле — «Прокруст») вызывал болезнь Мациейра-Коэл-

хо в неизлечимой злокачественной форме по достижении примерно двенадцатилетнего возраста. Уровень развития цивилизации Надежды не давал шансов на контакт, а следовательно — и на организацию лечения. Времени на поиски мягких решений не оставалось: пандемия длилась уже больше двух лет, человечество Надежды шло к катастрофе. Поэтому в 126 году Старшими была проведена эвакуация населения (операция «Красное море»). Дальнейшие действия известны нам лишь по эту сторону Занавеса: Старшие продолжали изъятие и переброску людей с Надежды — теперь уже только детей — используя имеющийся в Зоне арсенал фантомных средств.

С мая 164 года координация этой работы перешла к Учителям, и они сразу же подключили к ней группу Проекта «ЗИП». А уже через три месяца появился первый доброволец: десятилетний Ир Сепритуан, в будущем — один из лучших и активнейших работников Проекта. Ни родных, ни каких-либо привязанностей среди эвакуированных или оставшихся на планете у Сепритуана не было, и он не только не колебался, а, напротив, очень обрадовался новому содержанию жизни.

Моделирование показало, что при одновременной вакцинации от «Прокруста» и ЗИП-инициации достаточно велика вероятность осложнений на иммунную систему. Поэтому инициация Сепритуана (а в дальнейшем — и всех добровольцев с Надежды) была проведена по достижении одиннадцатилетия, то есть 16.03.165 (с присвоением девизного знака «Питер Пэн»). Таким образом, иммунитет против вируса ни Сепритуану, ни другим детям с его планеты, вступавшим в Проект, был уже не нужен.

* * *

(Особая ситуация на Надежде определила и тот факт, что во второе десятилетие существования группы «ЗИП» именно с этой планеты в группу вошло подавляющее большинство добровольцев — и были это чаще всего мальчишки, к своим одиннадцати годам — почти

профессиональные бойцы, жесткие и целеустремленные. Потеряв образ конкретного врага (то есть «плохих людей» — собирательное наименование на Надежде для всех фантомов Старших), эти ребята остро нуждались в точке приложения сил, что и сделало их на долгое время лидерами группы. Именно их энергия и оптимизм позволили в течение трех десятилетий — со 165 по 194 годы — включить в ареал действий такие разные планеты, как Гиганда, Саула, Цурэнаку и Саракш. — К. К.)

Текст 5

Воспитание его было поставлено из рук вон плохо, и потому он был сообразителен, не жесток...

...людей с совершенно иной психологией, с совершенно иными потребностями, а эти люди не могут существовать и тем более функционировать в прежней атмосфере низкого корыстолюбия, кухонных интересов, тупого самодовольства и сугубо плотских потребностей. Им нужна новая атмосфера...

Поступление в Архив: 8.08.198
Отчет о ходе операции «Питер Пэн»
Исполнитель: Ир Сепритуан, группа «ЗИП», Ковчег
Контроль: Далет, играющий Учитель
Координаторы-стажеры:

Токива дон Хару — Цурэнаку, Мира Мусаи — Саракш, Бригг — Гиганда, Ул Арвиан — Надежда, Митайра-су — Саула	группа «ЗИП»

Отчетный период: с 18.05.168 по 30.07.198
Дальнейшее ведéние — координаторы на местах

За время стажировки Сепритуана в качестве координатора сразу по пяти планетам были отобраны кандидаты на каждой из них, и самые одаренные стали координаторами Проекта:

Токива дон Хару, Цурэнаку, Арканарская область,
ЗИП-инициация 8.11.166, 12 лет, девизный знак «Флейтист»;

Мира Мусаи, Саракш, Республика Ода,
инициация 19.02.167, 12 лет, знак «Пеппи»;

Бригг, Гиганда, Герцогство Алай,
инициация 3.01.168, 12 лет, знак «Леопольд»;

Ул Арвиан, Надежда, Загорье,
инициация 11.07.167, 11 лет, знак «Атрайо»;

Митайра-су, Саула, Империя Долин,
инициация 15.01.168, 12 лет, знак «Алиса».

Все время становления координирующей сети группа проекта «Метагом» постоянно консультировала Эдну и Сепритуана, а позже — и местных исполнителей, и, конечно, помогала транспортом и связью.

* * *

(По мере освоения членами группы «ЗИП» минимальной технической базы Проекта сами метагомы стали все реже «появляться на горизонте». А к концу 198 года, когда в каждой из зон были задействованы уже десятки ЗИП-инициированных и сотни кандидатов-добровольцев, общение изредка поддерживал лишь Акушер. Однако канал связи как с метагомами, так и с Учителями

(через контролера) оставался постоянно доступным для всех.

К тому времени само слово «группа», как и термин «ЗИП» давно вышли из употребления в живой речи. И по сей день о члене сообщества «Здравствуй и прощай» говорят: «он из команды», или просто: «наш», а обращаются в команде друг к другу по имени или с традиционным уже «Хэй, ребенок» — на любом из языков наших шести планет или — для новичков — на линкосе. — К. К.)

Реконструкция 1
Цурэнаку

Как это так: барон — товарищ?

Токива отлепил от висков кристаллы и потянулся. Внешний мир медленно овладевал органами чувств. За занавесками портшеза шумел город — явно одна из центральных улиц.

Так, до переулка Каты — рукой подать. Вздохнув, Токива оглядел внутренность носилок и собственное пестрое одеяние — все ли находится в соответствии — и занялся лицом. В последнее время это давалось все труднее. Ушла легкость, с которой он не так давно одним усилием перескакивал из своего настоящего «я» в образ капризного глуповатого барчука. Что ж, удивляться нечему. Маловато практики. Когда последний раз был в городе не ночью? Вот именно. Вылезу в один прекрасный день пред дворцом с кристаллами на физиономии или вовсе в мнемошлеме — то-то радости будет любителям колдунов и оборотней. И не только любителям...

Юный баронет Токива дон Хару-но-Пира-но-Арканара отдернул занавеску и тупо уставился на текущую мимо толпу горожан. Нижняя челюсть благородного отпрыска непрерывно работала, совершая круговые движения, губы издавали чмокающие звуки, взгляд, видимо от регулярного кондитерского обжорства, был осоловелый. Баронет

высунулся из портшеза и крикнул верховому слуге, расчищавшему дорогу через толпу, что-то невнятное. Процессия остановилась. Огромные бронзовокожие носильщики одновременно опустились на мостовую и замерли, словно неживые.

Переулок Каты Праведного. Для парадного портшеза с гербами замка Хару — место не совсем подходящее. Впрочем, если кто-то из прохожих и обратил на это внимание, то лишь мельком: хватает забот и без чудачеств баронов. Им-то небось не приходится отдавать своих сынков в учение к мясникам или золотарям, чтобы хоть одним ртом в семье было меньше.

Баронет Токива неуклюже выбрался из портшеза, отпихнул слугу, сунувшегося было помогать, и пошел в направлении уж вовсе странном — как раз к мясной лавке. На пороге ее он имел короткую беседу с Мацу, учеником мясника — полной своей противоположностью, насколько это вообще возможно для двух двенадцатилетних мальчишек одного народа.

Юный баронет вернулся к своей свите и двинулся дальше. Через некоторое время его можно было видеть подъезжающим к площади святого Кэру, расположенной на севере и в непосредственной близости от нового монастыря. В монастыре Токива пробыл совсем уж недолго — никак не более двух минут. Он лишь перекинулся несколькими фразами с одним из служек — младшим братом Амой, мальчиком странной внешности, напоминающим скорее аристократического отпрыска времен регентства. После этого он покинул монастырь и площадь, пошире распахнул занавески портшеза и направил слуг в сторону дворца — к резиденции Магистра. Впрочем, к самому отцу Наке он не собирался — да, пожалуй, и не пустили бы. Зато в задних помещениях старого Дворца дел нашлось, видимо, немало, так как появился баронет не скоро и совсем с другой стороны здания, к тому же — в сопровождении маленькой пестрой свиты. Как и первые двое его собеседников, новые спутники баронета были одного с ним возраста.

На площади дон Токива дождался свиту, после чего отпустил верхового слугу и варваров-носильщиков

с портшезом, сам же, с легкостью, неожиданной в толстом разряженном в кружева мальчике, вскочил на запасную лошадь и, наклонившись к своим товарищам, сказал им еще несколько слов. Толчея на улицах была очень велика, и баронет на своем коне потерялся в потоке прохожих и всадников. Дальнейший путь его никому не известен.

* * *

Славные мальчики и девочки, подумал он. Странные, но славные. Жалко их, вот что... подрастут, полезут друг на друга, размножатся, и начнется работа за хлеб насущный... Нет, подумал он с отчаянием. Может быть, и обойдется.

— Слышь, братик Ама, тебя опять не было с месяц, верно?

— Да, около. Я в тот раз в канун Богоявленья приходил. А что сделаешь — монастырь. Орден — это тебе не отец с мамкой, ночью в окно не сиганешь.

— Это-то мы понимаем. А вот тренировок ты, ангел божий, почитай уже с дюжину промотал. Все небось в молитвах о нас, грешных.

— Эй, Пикка, брось, чем он виноват.

— Верно, бросьте парни — не его дело воевать. Его дело — монастырская братия. Одних новых послушников только этой весной вон сколько приняли. А, Ама?

— Да, девятнадцать. И из них трое — верный крест дают на Детекторе.

— Ну вот, а вы — тренировки. К тому же кто у нас лучший лазутчик, когда надо через посты или, хуже того, к девчонкам в монастырь? Ты-то, Мацу, небось не больно-то согласишься в платье щеголять!

— Ха, да если б он и захотел, кто его, дылду, за девочку примет — вон ручищи одни...

— Ребята, хватит, я все равно больше девчонкой не пойду — с того раза тошно. А вы бы слышали, как Тана хохотала, когда я перед настоятельницей врал... Нет уж.

— Ты, брат, не обольщайся — еще придется. Сам виноват — зачем ты такой, на ангелочка похожий? — вот тебя всюду и пропускают. Да и не тренируешься почти — разве это плечи? Молитва небось мышц не добавит.

— Точно-точно, Амка, вчера баронет опять платье из замка притащил — ясно, у сестер тягает. Благо, они из всего выросли, верблюдицы, только и на уме: ах, офицер, ах, вон поехал...

— Ладно, Мацу, ты у нас зато больно здоровый, орясина.

— Ну дак, не кинжальчиком по воздуху небось — топором косточки по пяти часов кряду рубаем — в лавке-то. Зато и Амку, когда надо, могу на плечах подвезти. Как тогда, в Белом Бору, — и платьице чистенькое осталось. А быстроты у меня не меньше вашего — мускулы делу не помеха.

— Всё-всё, дети, хорош. Что *нам-то* делить? А вот кто, братцы, сегодня — то бишь с утра — во дворец пойдет?

— Я, наверное. Баронету-то нельзя, он на этой неделе уже дважды мелькал.

— Ага, причем один раз — днем без слуг!

— Мало, Токива, болтают о тебе?

— А что, разве новое что-то?

— Да нового-то немного, всё о том же: колдовство, дескать, детей ему на глаза не показывать — души из них вытягивает, мороком заменяет — и сам не растет, и рядом с ним... А то вот еще нынче о призраке стали толковать: мол, не живой он, а так — видимость одна.

— Ну, это всё вариации. На то и языки мамашам, чтобы чесать ими. А что же наша пропаганда?

— Есть и наша — легенду, что Учитель посоветовал, удалось вроде пустить.

— Это о святом отроке?

— Ну-ну, не зазнавайся так, твое благородие. Уж и о святом! О праведном пока только.

— Мальчики, а что за легенда?

— Амка, расскажи, ты ведь перекладывал — вон Лина не слыхала.

— Ну что, легенда о праведном отроке Каве. Не такая и новая — было что-то похожее — только там языческие

святые. В общем, Кава этот так истово верил и себя блюсти стремился, что просил, значит, Творца не дать ему стать большим. Дескать, взрослые все как один в грехе, а он хочет прямо на небо — пока безгрешен.

— То есть жить неохота было парню — и все дела.

— Ладно, ты будто не сам к нам пошел.

— Ого, сравнил! То — к вам, а то — на небо!

— Чё-то я не пойму, Такка, сам-то ты что предпочитаешь?

— Парни, парни! Ну что вы все на себя мерите — это ж пропаганда. Вы вон у нас второй год, книг одних сколько прочли. А народ любит, когда красиво — со слезой. Ну не о вакцине же этот Кава молился! Во что верят — то и плетем.

— Верно, Токи. А вы — хорош перебивать. Пользуетесь, что Амка у нас кроткий, он и ругаться-то не умеет.

— А что, мальчики, это разве плохо?

— Лина, кончай, не наигрывай, ты ж не в городе.

— Ладно, Ама — доскажи. Мы не будем больше.

— Верно. Что там по сценарию дальше со святым отроком?

— С праведным.

— А, один черт!

— Ну так молитва его, значит, была услышана — даже знамение ему было — но переработана творчески. Дескать, такое дитё пускай несет свет своей праведности заблудшим взрослым — и, значит, оставлен он был среди смертных в виде вечного отрока. И по сей день бродит по землям и странам, несет, стало быть, свет веры.

— Что ж, красиво. А, баронет? Тянешь на несущего свет?

— Но-но, без намеков! Шутки шутками, а мы будто не для того тут...

— И что, верят?

— Да кто их знает. Главное, пошло в массы. Особенно женщины такие байки любят. А уж от себя — чего только не надобавляли. Я вот вчера только у хозяина сам этот фольклор слышал. Соседка наша, тетушка Уки, в очереди излагала. Слушают, кстати. Так у нее там Кава этот мало

что по воде аки по суху не ходит, а уж и светится он ночью, и звери лесные ему служат, и птица Сиу на себе возит... Я бы прослезился, честное слово, да работы было невпроворот.

— Так что пошла сказочка в народ. Глядишь, и о колдунах подзабудут. А то детишек, вишь, повадились запирать от ихнего баронетства.

— Да ладно, много ли нашего брата назапираешь! Вон на той декаде в замок Хару, даром что полдня верхом, — полторы дюжины городских, кто как, а добрались. Девчонок — и тех четверо. Прятать! Нынче в Арканаре ночью и монаха-то редко встретишь, а уж мальцу много ли надо: проскочил — ладно, а ежели патруль — так какой с сопляков спрос...

— Однако и расслабляться не очень стоит. Монахи, они ведь тоже, знаете, разные.

— Да ладно, что эти попы против акса возразить смогут! Помните, как баронет прошлой весной копье у того здоровенного в воздухе перехватил? А тот аж отключился — варежка нараспашку, узду бросил, слюнки пускает. Так, снулый, и сполз с седлом в канаву. У Ниги-то кинжал отцовский, любую упряжь — как масло...

— А что, пацаны, у кого та лошадь сейчас?

— Да нет, она не у нас — в Соане у ребят. Еще в канун Великого мученика в караване ушла — не было ж гиперсвязи, а там эпидемия.

— А, верно, пятеро уехали тогда. Учитель еще потом появлялся, двоих сам забрал — без цепочки, прямо на Полюс.

— Это, выходит, с тех пор никого не присылали? Сколько прошло-то?

— Да уж полсезона точно.

— Ага. Так что скоро Капитан подтянется. С ревизией.

— Что ревизия! Тренировки будут новые, книги, кристаллы свежие, вот — да!

— А как зелье-то у нас, не все вышло?

— Здрасьте! Проснись, дитё малое, неразумное! Два раза с прошлой доставки сверх нормы по гипер добавляли — видишь же сам, сколько новеньких.

— Ну чё, здорово. Эдак мы что ж, дыру сию чертову без взрослых оставим?

— Ах, старший брат Мацу, твои бы слова — да кому-нибудь в уши. Жаль, некому. Куда там! Дойти бы хоть до половины отобранных Детектором. А ты — без взрослых! Мечты, брат, розовые.

— Да что вы, мальчишки, все о вечном. Мы воевать будем сегодня? Утро ж скоро. Еще вон кристаллов на час каждому! И поесть — раз уж не спали совсем.

— И то дело! Дама права. Еду́ — на потом. Кто вчера вел тренировку? Баронет? Ну тогда я — сегодня. Давайте по пятеркам — четверо на одного — без касания. Девчонок, девчонок разберите — а то вон они опять друг с дружкой — хиханьки одни. Нет, с кинжалами — потом. Ленты для глаз кто убирал? Ну так раздай. До пикового акса — полчаса. Разминаемся...

Реконструкция 2
Саракш

Я никогда не верил во флогистон. И я никогда не верил в сверхцивилизации. И флогистон, и сверхцивилизации — все это слишком человеческое... Не от разума. От неразумия... литература в ярких дешевых обложках. Это все попытки натянуть фрачную пару на осьминога. Причем даже не просто на осьминога, а на осьминога, которого на самом деле не существует.

Старший советник Годи

До конца обеденного перерыва оставалась едва ли минута, а я всё стоял посреди кабинета. Да еще в плаще. Это я-то, который всегда начинал работать раньше всех, а уходил — последним.

Нет, я был всё тот же. И ни любви к своей работе, ни хватки не потерял ни на волос. Тот же незаменимый спецпомощник Генерального по прозвищу Клещ, про которого все знают: если вцепился — всё, не отдерешь. Самые глухие, самые гробовые случаи они приберегали для меня. И заключали пари. Правда, в последние год-два всё реже: мало, ох как мало было шансов у ставивших против меня. Но вот это новое дело...

В нашем Департаменте вообще трудно кого-либо удивить. Особенно в последние годы. Уж каких только судебных процессов мы не повидали! Нередко случалось и такое, что явственно попахивало чертовщиной. Но это — всегда лишь на первый взгляд. А покопаешь — глядь, а вон и вполне материальное объяснение. Только успевай ордера выписывать. А уж там, как говорится, решит суд.

Впрочем, вся эта мистика и прочая метафизика — не по моей части. Чаще всего подобные дела шли в отдел мошенничества — к Фокуснику Мануту. Ну а если он не вытягивал — что ж, тогда последняя надежда — специальный помощник Генерального прокурора, старший советник юстиции Годи. Он же Клещ. Однако на этот раз они, видно, сразу усекли, что дело не из простых. Чтоб не сказать — стенка. Так что прямо с меня и начали. Причем даже не Генеральный приказывал — он только перебросил прочую работу на потом или на вторых спецов. А приказ был аж от самой Четверки — то есть, попросту говоря, позвонил Второй. И не через референта, а сразу сам. Ну, это-то ладно, это нам не впервой, мы себе цену знаем. А вот дальше — дальше сразу начались странности. Казалось бы — звонит кто-то из Четверки. Бывает. Чаще всего Второй и звонит — ну, или приказ приходит за его подписью. Он ведь нам кто — он шеф по внутренним делам — раз, ну и, само собой, контрразведка — тоже его ведомство. А тут вдруг — извольте — я, говорит, к вам, Годи, как глава ведомства образования и охраны детства обращаюсь. Однако, думаю. То есть не то чтобы я не знал, кто в Четверке за что отвечает. Но чтоб шеф моего шефа говорил со мной так,

будто я директор школы... Бывают, правда, и дела по нарушениям прав детей: беспризорные там, сироты, разврат всякий, потом опять же киднэппинг. Но это ведь все семечки, никак не наш уровень. Ладно, думаю, послушаем, что дальше будет.

А дальше так. Дело сверхсекретное, в одном экземпляре. (Что ж, бывает.) Подчинение — лично ему, Второму. Помощников, посвященных в суть дела — ноль. Изволь крутиться, как хочешь. Зато полномочия — по классу «ого». Ну и машина там, пропуска, охрана — само собой, на то мы и при Генеральном. Сроки? Так, думаю, сейчас, как всегда: лучше бы, конечно, к началу прошлой недели, но в крайнем случае — ко вчерашнему вечеру. И такое бывало. А вот и нет. Представьте, и тут что-то новенькое — работайте, Годи, я вашу хватку знаю, не тороплю. Дело не из легких (удивил!), спешить не надо. Однако, если почувствуете, что что-то и вправду «горит» — ну тут уж действуйте по обстановке. Да что я — не мне вас учить. Всё. Понятно? Так точно, как не понять. Ну вот и ладненько, а материалы я вам сегодня же и подошлю. С курьером. Есть-понял. Жду. Тут надо знать Второго. Его «сегодня» означает чаще всего — в течение пяти минут. Вон она, Резиденция-то, стену из окна видать. Не заждешься. Но на этот раз он и вовсе подгадал — не иначе, отослал курьера, а потом уж звонить принялся. Так что папку с делом я получил секунд эдак через десяток после его «желаю успеха». Ну и, значит, за оставшиеся до обеда два часа всё и прочел. Три раза. Сперва — по диагонали. Второй раз — внимательно. А когда уже начал понимать, что́ они мне подсунули, — и совсем не спеша.

Обедать я и так редко хожу, а тут и вовсе аппетит пропал. Так что прогулялся я по парку, пытаясь думать о постороннем, дабы вся эта мистика поискала себе объяснения не в сознании, а где-нибудь поглубже. И вернулся в кабинет — как был, пустой, без единой мысли. У меня не то что версий, у меня и вопросов-то не было. Постоял так, вроде любимца читающей публики мудрого инспектора Кане Патеру, глядя в Мировой Свет — разве что без

папиросы в зубах, снял плащ и принялся за чтение в четвертый раз — будто бы впервые.

Что ж, думаю, раз нет версий, будем делить факты на группы. По полочкам. Но ведь это только говорится так — «факты». А в деле этом кроме голых фактов было и еще кое-что. Анализ, что ли. Так что начал я с разбиения дела на информацию как таковую — это то, что с именами, датами и местом действия, — и дополнительные, так сказать, сведения.

Итак, что мы имеем реально. Без эмоций и прочих комментариев. Имеем мы целую систему интернатов для детей-сирот. Дело ясное — всего десять лет, как исчезла Сеть башен и — вместе с ней — Отцы. Восемь — как кончилась война, и только пять — как были задавлены последние путчи «бешеных». Так что сирот, сами понимаете... Но среди всех интернатов обычного, так сказать, типа есть один особый. Точнее, было два, но как раз пять лет назад, в первый год более или менее нормальной жизни, их объединили. А необычны эти интернаты тем, что жили в них не просто дети-сироты, то есть дети войны, дети эвакуаций, дети всеобщей драки всех со всеми. Нет. В них собрали когда-то, еще при Отцах, детей тех, кого называли тогда выродками — и только их. Причем в первый интернат попали дети выродков легальных, и не просто легальных, а — правящих. Ну а во второй, понятно, — каторжников, подпольщиков, уничтоженных: словом, врагов. Ясное дело, и качество жизни и обучения в этих заведениях слегка различалось.

Всё это я, впрочем, знал и раньше. По долгу службы, так сказать. А вот о том, как и зачем эти интернаты были созданы, прочел только сегодня — и, надо сказать, не без интереса.

Оказывается, всеми этими делами — выродками то есть — занималась целая наука. Даже группа наук. В частности, изучали и такое явление, как наследственная предрасположенность. Дело ведь было хитрое: с одной стороны, врагами системы в Стране Отцов были исключительно выродки. А с другой — уничтожить их совсем Отцы никак не могли — должен же кто-то и править.

Куклы-то, то есть те, на кого Сеть действовала «позитивно», уж никак в правители не годились. Вот они и исследовали — искали, как бы взять это дело под контроль. Ну, чтобы их дети, значит, были не куклы, а все прочие — в общем строю...

И показали эти исследования вот что. Дети выродков в девяноста восьми случаях из ста — в родителей. Надо ведь учесть, что браки «обычных людей» с выродками не то что были редкостью — их просто не было. Вообще. Это, впрочем, понятно. Так что вывод был сделан простой: всех детей «не кукольного типа» — под контроль. Детей элиты — в руки элитных же педагогов и в элитные условия — растить из них смену. А тех, что наоборот, то есть детей «воспитуемых» — отдельно. Но там — поинтереснее. Те, которые постарше и уже что-то соображают, те — всё, враги, мстители — их просто изолировать. Правда, умники местные и там пользу нашли: использовать детей подпольщиков и беглых как приманку-наживку. Точнее — хотели использовать. Никто не клюнул и не приплыл. Тут в деле даже выписка есть — некто большого ума и весьма сведущий в психологии доказывает на сём примере всю патологичность психики выродков-родителей. Дескать, готовы даже своих детей бросить на растерзание. Ну конечно, а как же... И там же приложена копия решения штаба подполья о запрещении акций по освобождению детей — разумеется, знали, чем такая акция обернется.

Однако были ведь и дети до двух лет — несмышлёныши еще. Никак не враги. Почти все — сироты. Ведь таких малышей не бросишь — только силой разлучить можно. Чаще всего и гибли, не отдавая. Вот... И этих Отцы тоже решили на свою сторону — своих-то в элитном заведении было немного: мало кто из верхушки доверял Отцам настолько...

Ну а когда Сети не стало, все эти идеи о воспитании элиты, о контроле над будущими врагами — всё это, понятно, ушло, кануло вместе с башнями. И многих детей постарше разобрали. Кого — родители, кого — родня дальняя или друзья. Остались только самые малолетки:

имена-то им сменили, родни никакой, так что — под опекой Департамента образования и охраны детства. И был бы интернат как интернат — один из многих. Но... Но вот тут еще тетрадочка, а в ней уже не факты — с местом и временем, в ней — анализ. Отцы сгинули, а наука их, хоть и на голодном пайке, а кое-что делать продолжала. Да и власти новые помогали: интерес-то был, хоть и иного рода. Надо было кукол бывших лечить, в людей превращать.

Я эти времена помню — хоть и молодой был. Нас тогда долго думать учили. И не всегда грамотно — так, вслепую шли, методом тыка. Отсюда и путчи: и «бешеные», и прочее подобное. Но — к делу. А в деле — вот тетрадочка эта. И в ней — данные науки. Излучение-то ушло, а разделение на выродков и «нормальных» — нет. Куда ему деться — вот так-то сразу? И оказалось, что за годы работы Сети башен нас не просто оболванили и голову нам задурили. Нас сделали — как это у них там? — ага, вот — гипнабельными. То есть, говоря человеческим языком, есть излучение — нет его, а верить нам во что-то надо. Я говорю «нам», но это так... В смысле — большинству. Я-то, похоже, как раз из тех, кого умные головы, писавшие эту тетрадочку, зовут «лабильно-устойчивыми». То есть обучению поддаюсь, и после года-двух битья мордой о факты способен начать думать сам по себе, башкой. В отличие от большинства. Те, согласно строгим научным данным, всё больше ищут, во что бы поверить — и желательно слепо и навсегда. А думать — это нет, поздно.

Но и это бы не беда. Настоящая беда в другом: ведь и дети их тоже такими растут: учителей-то где на всех наберешь, чтобы думать заставляли?

Вот и выходит, что как были дети из этого интерната надеждой нации, так и остались. Не единственной — многие ведь с родителями живут. Но всё же. Тем более что выяснили умники мои — позже, конечно, уже не при Отцах — что *генетическая* обусловленность «вырожденности» крайне маловероятна. Проще всё: не в генах дело, а в атмосфере. Книги там, разговоры — ну понятно, какая

уж там вера пропаганде, скорее голова заболит. Так что вывод в тетрадочке такой — нужны учителя. Сперва для этих, интернатских, — самые лучшие, из бывших — из выродков, само собой. А там, глядишь, и всех будем на выродков учить — вот подрастут интернатские, они и будут. А было их тогда — пять лет назад, в объединенном интернате — полторы сотни, от пяти до семи с половиной лет от роду.

Это вот всё, значит, присказка была. Интересно, может, чисто по-человечески, но не для спецпомощника, не для Клеща. Хоть, понятное дело, и секретно. Совершенно. Не портить же нации настроение — оно и так-то...

А вот сказка идет дальше. Опять факты. Без научных тетрадочек. Листы одни: дата, подпись, печать. Итак. В интернате Департамента образования и охраны детства (бывшее закрытое заведение «Масхон», предместье Баалтак) за последние девятнадцать месяцев имели место следующие происшествия. Количество воспитанников уменьшилось на семнадцать человек. Из них: пропали без вести — двое, погибли в результате несчастных случаев — пятеро, умерли от различных болезней — девять, и, наконец, один — несомненный беглец, пойман и опознан в столице, препровожден к инспектору Департамента, откуда и исчез уже окончательно и бесследно. Ни в одном случае из семнадцати *никаких* признаков криминала не обнаружено. Ни одно уголовное дело не заводилось. Ни один из несчастных случаев (одно падение с высоты, одно отравление угарным газом и три — консервами) сомнений не вызывает: показания свидетелей, акты экспертизы, даты, подписи, печати...

Нет, я понимаю, статистика — наука неточная. Если она вообще наука. Но чтоб семнадцать детишек из полутора сотен за такой срок... Это что ж, выходит, почти по штуке в месяц? Стоп-стоп. Не так. Последний-то когда умер? Ага, нет, последний — без вести — вот, четыре месяца назад. Так что — больше даже чем по одному. А что там с этим последним? Здесь дописка — особое мнение социолога Гойды — в уголке, неофициально. Смотри

на обороте. Смотрю. Ишь, ну и почерк у социолога! Так. Между первым и последним случаями прошло пятнадцать месяцев и восемь дней. Так, ну это мы уже усекли. После чего смертельные случаи и исчезновения прекратились, во всяком случае на три месяца. Ага, это он когда пишет? Ну верно, теперь уже больше четырех месяцев — раз ничего не добавлено. Обращаю внимание — это всё Гойда, — что начало цепочки имело место после поступления в интернат нового воспитанника — смотри лист 4-бис. Так. Ири Сеприту, одиннадцати лет, переведен из интерната для сирот «Зартак» Департамента образования и охраны детства — по рекомендации медкомиссии. Копия прилагается. Вот. Угу. Вон как — особые способности наряду с отрицательной реакцией на тест Зашку. Смотри примечание — лист 4—бис-бис. Тэк-с, примечание: поправка — реакция на тест *не отрицательная, а нулевая* — эксперт такой-то, дата, подпись. Что ж, понятно. Нашли вундеркинда-сироту да еще решили, что из выродков. Ну и по возрасту как раз. Так что принимайте — дескать, ваш контингент, просмотрели, или война забросила. А при проверке на аппаратуре высшего класса в «Масхоне» выясняется, что паренек-то, может, и вундеркинд, но никак не выродок. Хоть, однако, и не обычный человек. *Нулевая — на тест Зашку.* Это что ж за тип еще? Стоп, Клещ. Где-то у нас такое было. Где? А, массаракш, сейчас всё равно не вспомню — давно. И не по моим делам — точно. Свои-то я, как гимн, — наизусть... Ладно, отметим. Всплывет.

Что дальше. Значит, пошло всё с появлением этого Ири Сеприту. Ага, не сразу — через три месяца. Однако что-то этот социолог тут мудрит — срок-то великоват. Ну-ка. Да нет, вот и аргументы у него. Массаракш, что за почерк — как у врача. Так. Гм, убедительно. Последний-то, который без вести, — этот самый Ири и есть. Выходит, приютили на свою голову, он свое дело сделал — и в кусты. Да, социолог-то — глазок-смотрок. Я бы ещё и не сразу заметил. Ладно. Пусть. Но что это объясняет? Что ж этот не-выродок, не-человек, сопливый пацаненок вот так вот запросто творит чудеса? Э, нет,

Клещ, нам, брат, не для того дела подбрасывают, чтоб колдунов искать. Как раз наоборот. Дети — они дети и есть, пусть хоть какая реакция на тест — но ни устраивать «чистые» пожары, отравления и утопления своим ровесникам, ни прятать их бесследно — да еще не выходя из интерната — они не умеют. Или выходя? Что там по этому Ири Сеприту? Лист 18. Вот ведь живчик какой, а — ты гляди, это ж он не в первый раз удрал и даже не во второй. За время проживания дважды исчезал: на пять и на восемь месяцев. Что ж выходит — из восемнадцати месяцев парень тринадцать отсутствовал? Однако! И где же изволил пребывать? Так, данные — с его же слов. Да уж, здорово искали мои коллеги — он сам оба раза и возвращался. Что ж, есть у нас и такие бродяги — кто их считал?.. И всё же, как это ни любопытно, а мнение социолога пока — побоку. И вообще! Где тут, скажите, моя работа? Кого искать-ловить-вычислять? Выгодно — кому?..

Ладно, что мы имеем еще? Факты кончились, дальше — одни идеи. И все — как на подбор — гениальные. Первая версия — экспертная оценка (ишь ты!) советника первого ранга Лаана, Департамент безопасности. Слыхали-слыхали, кабинетная чернильница из контрразведки. Теоретик. Ну-с, что нам присоветует теория? А у теории для нас две версии — одна другой чище. Ладно-ладно, не буду, попробуем всё же непредвзято.

Версия первая: действует некая глубоко засекреченная группа ученых, проводящих в жизнь идеи доктора Иду. Как же, помню доктора, читал. Всех выродков — под корень, спасем чистоту нации, не дадим нечисти (или сорной траве? — подзабыл уже) занять нашу экологическую нишу. В едином порыве нация должна... И так далее — два газетных подвала. Это уж года три как. Что ж, доктор был не одинок — народ, помнится, с энтузиазмом... Дело ясное: насчет «под корень» и насчет «в едином порыве» — это мы завсегда — только укажи. Как это у гвардейцев было? «Пусть капли свежей крови сверкают...» Вот и Сети давно нет, и Боевой Гвардии, и даже самые твердокаменные «бешеные» больше четырех лет как ушли

в небытие — а всё равно что-то такое в нас сидит, в народе нашем. Башен, башен хотим — и вместо хлеба, и вместо книг — чтоб не думать, массаракш, ничего не решать, ни за что не отвечать. Дайте нам Отцов-Творцов, врага дайте. Войны-то нет! Где же наши лучшие и самые верные враги, где выродки? Кто теперь, без них, будет *во всем* виноват? Не мы же, массаракш-и-массаракш!

А выродки-то вот они, никто их и не отменял. Напротив, вроде как виноваты мы перед ними, так что — и на работу их, и в города — из лагерей-то. А потом глядишь — уже и браки пошли смешанные, и дети. Даже, помнится, мода была — за выродков замуж — дескать, дети от них сплошь талантливые. Еще только в прошлом году было дело — мой практикант вел — тайное проникновение в здание Департамента науки и попытка кражи из хранилища аппаратуры для тестирования старого образца — проще говоря, передвижного излучателя. Хотели детишек своих проверить. Дело прекращено — просто бабское тщеславие, глупость. Но это ведь так, исключение. Большинство-то, народ то есть, всё равно как боялись выродков, так и боятся. Даже считают их заразными, какие уж там браки, какие дети! А ведь давно и запись в документах отменена, и миграции огромные, а всё равно всегда известно — выродок. Даже слово само... Это вот я тут сам с собой так спокойно могу. А на людях вроде бы и неудобно, как ругательство какое. Иной и образованный, а произнести стесняется, мямлит, ищет замену. И глядишь, дети его уже так ругаются — когда папы, конечно, рядом нет. И жена — дама вполне порядочная, ясное дело, без предрассудков, — но в очереди или с подругой за чаем, тихонько: «И всё же что-то в них такое... Вот вроде и тихий, и приличный, а какой-то не как мы. Подальше бы от них. Жили бы они отдельно где-нибудь. Город или провинцию им выделить, что ли...» Да и сам глава семьи, так сказать, в кругу друзей за стаканчиком хонтийского: «Вот мы им и жилье, и работу, и дети их с моими в одной школе — а ведь зря, попомните мои слова — зря! Где они были при Отцах? А нынче — мало что всюду вверх лезут, того и гляди —

в пешках у них же и окажешься. Индекс у них, говорят, выше. Слова это всё, наука. А вот что держатся они друг за друга — куда уж нам — это точно. И своих вверх так и прут. Потому и индекс. Нет, вы попомните-попомните мои слова, мы еще поплачем, да поздно будет плакать — всё подгребут...»

Так что народ и тогда идеи доктора Иду вполне одобрял, и сейчас, думаю, не против прополкой заняться — только кликни. Но ведь то — народ. Массы. А вот как, господин контрразведчик, реально действует ваша «группа ученых», практически? Это ж какие силы надо привлечь, чтобы вот так чистенько сработать — и всё из-за семнадцати сопляков? Нет, увольте, не тот масштаб. Очень уж мышление у вас в департаменте одномерное — кругом «группы» мерещатся. Да такое дело вся агентура Островной — и та не потянет.

Впрочем, а вот и мы. Явление второе. Те же и шпион. Версия бравого контрразведчика, чернильницы первого ранга Лаана — номер два. Все исчезновения и смерти — результат действий агентуры Островной Империи. Цель — лишить нацию будущего посредством выбивания интеллектуальной элиты. Ну что ж, по крайней мере, не лишено некоторой оригинальности. Для своего департамента работник, можно сказать, неординарный, с фантазией. Экий размах-то, оказывается, у Адмирала: десятилетних вундеркиндов оправляет к нам: в будущее, значит, смотрит. Эх, мне бы ваши заботы, господин *эксперт*! Проще, проще надо быть, а то мы эдак долго протеоретизируем.

Так. С Лааном вроде всё. Еще *эксперты* есть? Ну как же. Вот. Наука ведь еще. Вторая тетрадочка...

Как, еще секретнее?! А, нет, это их внутренний гриф. Ишь, круто как: «Только для специально допущенных. Из здания лаборатории не выносить». Однако же вот она, вынесли. Выходит, наш Страшилка вашего перестрашил. Итак, что у нас по части науки?

Результаты ретроградного ментоскопирования одиннадцати трупов. Основание для работы: запрос лично Второго. (Небось тут-то уж он в своем основном качестве...)

Так-с, а почему одиннадцать? Ага, вот: один — упавший с пятнадцатиметровой высоты, повреждение черепной коробки не позволяет подключить... Понял. И еще двое: обгоревший и вирусная пневмония. Трупы кремированы. Что ж, хоть одиннадцать. Но вот дальше... Дальше совсем нехорошо. Собственно, тут-то по-настоящему чертовщиной и запахло. Это что же за сила такая, что у *мертвого тела* стирает все следы даже остаточной памяти. Нет, о всяком там магнитном стирании мы слыхали. Но чтоб у трупа!.. Вот ведь — черным по белому: во всех одиннадцати случаях мозг без следов ментограммы. Без следов! То есть вплоть до двигательного стереотипа! А ведь последние два — вообще в течение часа после смерти, да плюс глубокое замораживание.

Кстати, это означает, что дело не новое. Второй-то его, оказывается, еще до обрыва «цепочки» на контроль взял, если такие научные силы и так оперативно... Но — чистый мозг, без следов какой бы то ни было памяти... Ведь ретроментоскоп даже при эксгумации через неделю и то еще многое читает. А при заморозке — так и через месяцы. Вот тебе и островные агенты: часть детей, значит, сперли целиком, а с остальными возиться не стали, спешили наверное — только души вынули — и были таковы.

Тьфу ты, вот ведь задачка. Понимаю я Второго — потому-то он и подбросил ее не кому-нибудь из контриков-асов, а мне. Знает, как мистики не люблю, а, напротив, люблю из нее, из мистики, ловких гадов за уши таскать. Да уж, что-что, а мистика тут прямо-таки напрашивается.

Ну-с, вот и вся папка. И изволь с *этим* приступать к осмыслению. Нет, брат Клещ, эдак мы далеко не уедем. Точнее, давай-ка именно что уедем. Отрывай свой зад от стула, и вперед — на место. А то еще одна такая читка — и начнешь ты подумывать о бланке заказа на первую партию амулетов, оберегов и заклинаний...

Заодно и воздухом подышу. Предместье Баалтак хоть и недалеко от столицы — часа три по железке, а если по шоссе — и за два доехать можно, однако там, помнится,

и озерцо, и рощица. Не бог весть что, но и не город. Курортов-то нынче по всей стране всего два, и те новые, после искусственной очистки. А на месте и видно всё иначе, и интуиция, глядишь, чего подскажет.

И кстати, что это там Второй насчет машины говорил с охраной? Ну, охрану эту мы ему пока оставим — от нечистой силы много не наохраняешь, что им автоматы, когда они память у мертвых детишек вчистую постирали. Ладно, это шутки. А вот красный «Оллу-пан» с мотором двойной мощности из резерва Четверки — это серьезно. На нем я и за полтора часа домчусь. Ну-с, вот и ладненько. Поехали.

* * *

Окружной комиссар Данти

Комиссар очнулся, открыл глаза и потряс головой. Который час? Массаракш, да я проспал почти полчаса — вот так, сидя за столом, на краю стула. Загонял меня этот фанатик из прокуратуры, сил нет, видеть его не могу. Да что я — вся полиция страны и половина неофициальной агентуры пятый месяц живет как на иголках — он, один, держит всех в постоянном напряжении и страхе. Да и то сказать — с его-то полномочиями!.. Вот теперь и до нашего отделения очередь дошла — какой уж тут сон, так, часа два-три за ночь перехватишь. И это — уже вторую неделю.

Вот и сегодня: время к вечеру, самый пик, горячка, обычно в эти часы в отделении пыль столбом — дым коромыслом, а сейчас — всё как вымерло. Едва ли еще три человека — кроме самого комиссара — в здании. Да и те — внешний пост и дежурный на пульте. Остальные — в разгоне, пашут на этого фаната Годи, Генерального инспектора Прокуратуры — с полномочиями класса «А» — проще говоря, личного представителя Четверки. Всё же прочее — побоку. Подумать страшно, какие дела творятся на территории: грабь-воруй — не хочу.

Вчера, вон ребята рассказывали, у самого, почитай, отделения — в одном квартале — половина нашего контингента путан устроила выездную торговлю телами. Выставка-продажа, массаракш! Ну и, ясное дело, зрителей — полный зал, включая галерку и приставные места. Аншлаг. Понятно — проверяют, сами в толк не возьмут, где мы и что мы. А мы — ни гу-гу, строгая установка: все силы — на операцию «Сирота». Ищем мало что иголку в соломе, так ведь и иголки-то не было. Сами не знаем толком, что искать. Так, в общих чертах...

Что нам теперь проститутки эти, я и жены-то родной четыре дня не видел и, что интересно, даже не вспоминаю о ней почти — не до жен, аврал.

Будем, однако, честны — должное этому Годи отдать следует. Хваточка — ого, даром что мальчишка, — я в его годы еще в постовых уполномоченных ходил. Одно слово — Клещ. За эти четыре с мелочью месяца он успел немало. Да ладно, что уж там «немало» — успел столько, сколько на его месте не сделали бы и два десятка мастеров высшего класса. Две полнопрофильные тюрьмы уже заполнены его уловом, третья, насколько мне известно, — больше чем на четверть. А это — для круглого счета — полторы тысячи душ. Местные суды давно перестали справляться. Так что следом за Годи по стране курсирует специальный выездной трибунал. Но куда там — на месяц уже отстали. Он — как молния — всюду один. И всегда — неожиданно. И никто и никогда не видел его спящим или просто отдыхающим; он, похоже, не ест, не пьет и, соответственно, не нуждается в обратном. Зато вот в двух местах сразу встретить Генерального инспектора — обычное дело. Я и сам уже не раз слышал от подчиненных: мол, видели его тогда-то и там-то — в то время как был он как раз совсем даже и не там, а вот тут, за перегородкой. А вчера я и вовсе видел и слышал, как инспектор Килагу и уполномоченный Пилеш, каждый сидя за своим столом, разговаривали с Клещом этим каждый по своему телефону, причем оба больше слушали, едва успевали вставить словечко...

С этаким поспишь! Если подобный темп продержится еще пару дней...

Комиссар не успел додумать, что случится через пару дней. Входная дверь хлопнула, и ровно три секунды спустя в его кабинете уже стоял, а еще через секунду — сидел и раскрывал блокнот крепенький полноватый человечек с располагающим к доверию румяным лицом. С такой фотографией лучше всего продавать сладкие булочки — вразнос. Или, скажем, вести телепередачу «Детское время». А очки-то — ну просто добрый дядюшка из провинции — мамин старший брат. Сейчас конфетку из кармана достанет.

Однако комиссар слишком хорошо знал, насколько обманчиво такое впечатление. Нет, не будет конфетки. Ибо за несерьезными круглыми очками, на круглом красноще-ком лице он видел главное — цепкие, всевидящие, беспощадно-стальные глаза. Глаза Клеща. И лучшее, чего может пожелать человек, встретивший взгляд этих глаз — это не оказаться в числе врагов их обладателя. Тут уж не до конфеток. А просто только успевай исполнять, и наградой тебе будет его отъезд. Пусть другие дрожат, а мы, хвала Мировому Свету, отстрелялись. Ну, или почти отстрелялись. Что ему там еще вздумалось, массаракш — опять с блокнотом!

Генеральный инспектор Годи осклабился, и комиссар не выдержал — в который раз опустил глаза, опять почувствовал себя маленьким и виноватым. Массаракш, вот ведь наваждение, и что в этом молококосе такого?..

— Итак, комиссар Данти, на сегодня у нас остались еще три квадрата. Через пару минут здесь будут бригады Зайды и Килагу, плюс моя пятерка — мы только что закончили в южном секторе, они сдадут «материал» и — сразу сюда. Наручники еще остались? Хорошо, распорядитесь выдать. Хватит половинной нормы. Главное гнездо, как я и полагал, мы накрыли. Так что остальные сектора — для очистки совести. И, если ничего непредвиденного, завтра освобождаю вас от своей опеки. Вы что-то хотели спросить? — Генеральный инспектор откинулся на

спинку стула и позволил себе нечто человеческое: снял очки и, прикрыв глаза, двумя пальцами потер переносицу. Впрочем, на этом сходство с существом из плоти и крови закончилось: никаких следов усталости ни в глазах, ни в движениях инспектора не наблюдалось. Наоборот: вот поспал человек — хорошенько так, часиков с десяток, — потом душ, кофе и — сюда.

Да нет, не человек, человек так не может... Массаракш, неужели же всё? Завтра — всё?

— Ну-с, комиссар, извольте, я слушаю ваш вопрос.

— Нет, собственно, всё ясно. Значит, завтра люди могут отдохнуть?

— Гм, отдохнуть. Этого я не говорил. Впрочем, решать вам. *Люди,* как вы изволили выразиться, переходят снова в ваше распоряжение. И если вы полагаете, что у вас всё столь спокойно... — Генеральный инспектор приподнял мягкие бровки и опять заглянул собеседнику в душу. И комиссар Данти в очередной раз смутился.

— Нет, я не это хотел... Конечно, мы не собираемся... — Он поймал себя на том, что суетится. Еще минута, и он покраснеет и примется оправдываться. В чем, массаракш-и-массаракш?! Ни за эти сумасшедшие дни, ни за все годы — никогда он не давал повода, чтобы... Да что он со мной, в самом деле, как с курсантом?

Однако, как ни пытался комиссар Данти вызвать в себе столь привычную злость — рабочую, холодную злость, которая так помогала в трудные минуты, — на этот раз не получалось. Да и с чего злиться? Странный этот человечек вел себя вполне корректно, никогда ни на кого и голоса не повысил. А что все от одного его взгляда начинают метаться — что ж, видно, на этой службе именно такой и нужен...

Генеральный инспектор между тем с явным интересом изучал мимику собеседника. Он даже слегка улыбался. Такое комиссар Данти видел впервые — именно улыбка, а не этот его жутковатый кукольный оскал.

— Ладно-ладно, комиссар, извините. Дальнейшее и в самом деле меня не касается. Правда — не надо обижаться.

Не думайте, будто я не знаю, что́ обо мне тут говорят. Что поделаешь — амплуа. Вы ж видите масштабы. Как еще всё это заставить шевелиться — вам ли не знать своих людей. И смею вас заверить, ваше отделение — далеко не худшее.

— Спасибо на добром слове, шеф, — пытаясь попасть в тон, выдавил Данти. — Рады стараться на благо отечества.

— Я не шучу. Видели бы вы, что делается в настоящей глубинке. Да и результаты у нас здесь явно лучше средних. Вот, извольте, — он заглянул в блокнот. — Так, за девять суток — сто семнадцать человек. Ну, вы знаете: киднэппинг, растлители, нарко, потом эта жирная свинья с порностудией, плюс — одиночки. Будем думать, что подчистую. Дальше уж вы сами. Так сказать, берегите детей — наше богатство. Впрочем, вы ведь в курсе — результат побочный. Главного-то так и нет — ни у вас, ни...

Генеральный инспектор замолчал и вдруг на секунду раскрылся, приподнял забрало. И комиссар не то что увидел, а шестым чувством старого сыскного волка *взял* в стальном неустанном автомате-Клеще совсем другое. Там, за доспехами, был живой человек. Да, умный — умнее многих и многих. Сильный — почти как никто. И умеющий делать три дела одновременно. Наделенный невероятной работоспособностью и быстротой. И всё же — растерянный. И вся его бешеная активность в последние месяцы — результат именно этой растерянности...

* * *

Ибо того, что он искал, не было. Не было вовсе — ни следа, ни зацепки. И чем дольше он искал, тем яснее понимал, что задача эта — впервые, может быть, за все годы службы — ему не по зубам. И не потому, что он слаб — о, он в такой форме, как никогда. И не потому, что ему мешали — напротив, все эти астрономические попытки подкупа и изощренные покушения только помогали ему идти вперед. И не из-за недостатка людей — таких сил в его распоряжении не было еще

никогда. Просто задача не решалась *вообще*. Здесь вообще.

И чем ближе он подходил к этому пониманию, тем яростнее гнал и гнал людей — а с ними и себя — на новые операции, на чистку и облавы. За эти четыре месяца треть страны была освобождена от всех видов преступности, имеющих хоть какое-то отношение к детям. В том числе — от преступности детской.

На него работали суды, тюрьмы и специальные интернаты. На него писались сотни жалоб и рапортов. В него стреляли — два десятка раз — и дважды почти попали. Сумма, изъятая только у его личных взяткодателей и только наличными, превышала годовой бюджет Департаментов Образования и Здоровья вместе взятых. Всё это было не просто хорошо, это было отлично, это потрясало и вдохновляло. Он стал героем газет и телевидения — заочно, ибо вот уж кого-кого, а прессу он никогда не жаловал. Его боялись, уважали и ненавидели коллеги. Его деятельность находилась под постоянным наблюдением пяти различных Департаментов и самой Четверки — в полном составе. Еще бы — впервые за годы, прошедшие с Великого Пробуждения, в борьбе с преступностью было сделано что-то настоящее, видимое простым глазом, не из рапортов и сводок. В больших городах люди начали отпускать детей на улицу после наступления темноты! В столице ни один подросток не мог купить не то что *травку* или *стекло*, но и просто сигареты — ни за какие деньги и нигде. Страх был сильнее жажды наживы. И это боялись *его*!

Не то чтобы его всё это не радовало. Что ж, такой побочный результат стоил любых усилий. Однако затмить *понимание* это не могло. Понимание того, что *здесь* задача не решается. И что все эти кликуши, вопящие в газетах и по телевидению о пришельцах из-за Мирового Света: злых — что принесли Башни, и добрых — тех, что их уничтожили, — что они, массаракш, правы! Ибо никто — теперь он это *знал*, знал уже давно — никто из смертных под Мировым Светом не способен на дела, которые он, Клещ, пытается распутать.

Исчезали люди — дети, не дети — не это главное. Исчезали они и раньше. Умельцев по таким делам хватало. Но то было не так, то всегда бывало иначе. И когда людей — тела — находили, всё равно было понятно: *кто* — хотя бы примерно, *как* — в общих чертах, и *зачем* — абсолютно точно. И ведь всегда исчезали *люди*. Массаракш, люди целиком! А не души!..

А три месяца назад он и вовсе чуть не впал в ступор — даже два дня нигде не появлялся, — когда вдруг понял, что его *ведут*. Мягко, не слишком навязчиво, но вполне явно и без каких-либо чудес, кто-то направлял его, обращая внимание на определенные факты. Сначала он сопротивлялся и упорно шел по графику, известному кроме него только Второму. Но профессионализм взял свое: уж больно факты были *в строку*. И он сдался — взял подброшенную нить. И вышел на «гнездо», на нервный узел целой сети нарко- и порнобизнеса. На который сам не вышел бы никогда. А потом — еще и еще — в делах с «киношниками» и «перевозчиками». Потом — «медики»...

Они были хорошими ведущими, они знали его силы и его темп. И они помогли ему сделать то, что он сделал и чего без них не сделал бы никто. А за это, за *послушание*, подбрасывали факты — факты по главному делу. И он убедился, что «исчезновение душ» не так локально, как виделось вначале: были случаи и вне интерната. Однако проверить такое можно было, лишь имея замороженный мозг. Свежезамороженный! И это *они* тоже сделали — вывели на такие два случая. Если только не организовали условия хранения тел сами... Он не слишком вникал.

Они будто пытались остановить его, упереть мордой в стенку... Или всё не так, наоборот? И они — тоже *не знали* и хотели иметь его в союзниках? Вербовали?.. Сегодня он ясно видел: ни на один вопрос ответа не будет. Никогда. И остается утешиться тем, что без его энергии и полномочий — и без *их* информации — он вряд ли спас бы те десятки тысяч детских жизней... Утешиться и забыть наконец о своем скептицизме. Что ж, пусть так — пришельцы так пришельцы. А он, массаракш, выходит, нужен и *им*! И отлично. На том и порешим.

* * *

...Пауза затянулась. Комиссар Данти, смущенный внезапным пониманием еще больше, чем прошлым неприятием, рассматривал пейзаж за окном кабинета: кусочек неба в клетку и глухая стена — с тем же незатейливым орнаментом. Генеральный инспектор захлопнул блокнот.

— Что ж. Напоминать вам о степени секретности основной задачи излишне. Последние операции начинаем — в квадратах восток-3, восток-5 и восток-6 — одновременно, в шесть ноль-ноль. Схема прежняя. Координирую я. Ну, словом, как и на юге. Если что — я здесь, за стенкой. Да, и подайте мне ближе к вечеру списки на награждение. Особенно — по утренней операции с «киногруппой». Вас лично я также отмечу в рапорте. Всё. Не прощаюсь. — Генеральный инспектор привстал — и его уже не было в кабинете. Оставшись один, комиссар Данти посидел еще минуту, покачал головой, пожал плечами и встал, чтобы включить кофеварку и позвонить наконец домой.

Ладно. Пусть. Пусть дальше он сам. А у нас — всё. Завтра — всё!..

Текст 6

Поступление в Архив — 16.12.172
Извлечение-копия из документации КОМКОН-2

Слишком это парадоксально: джутовые мешки и нуль-транспортировка...

ДОКУМЕНТ А. Радиокарточка

164.12.08. — 10.18. Лаборант — Ферзю

На запрос о моделировании ситуации на Саракше докладываю: моделирование проведено мною по схеме «инэкс» с расчетом на сорок земных лет в обоих направлениях.

Допустимая погрешность установлена в пределах максимального допуска из-за недостаточности и противоречивости краевых данных.

* * *

Биг-Баг! Неофициально. Ты просил выяснить в первую очередь возможные истоки волны изобретательства в области ментоскопирующей техники. Так вот, проследить эти истоки в хаосе, который мы можем предложить Большому Оракулу — я говорю о данных на тридцатые годы, к которым относится открытие ментотехники на Саракше, — практически невозможно. То же и со вторым твоим вопросом — о первооткрывателе «излучений» и их действия на людей Страны Отцов. Однако, в порядке компенсации, могу предложить тебе кое-что, на мой взгляд, крайне любопытное — из выданного Оракулом. Я отбрасываю шелуху: судя по нашей беседе, тебе важна не история, а техника как таковая.

Так вот, главное ты подметил абсолютно точно. Как всегда, впрочем. Уровень развития науки на Саракше вообще и в Стране Отцов в частности являет достаточно серьезное несоответствие с таким аппаратом, как ментоскоп. Тем более не укладываются в нормальную выборку данные о том, что изобретение и его практическая реализация вместе заняли не более полутора-двух десятков лет. Уж не знаю, как никто на это раньше не обратил внимания — и без машины ясно, что серийный цветной ментограф третьего поколения должен быть отделен во времени от первой, примитивной модели не менее чем на полвека — да и то никак не в мире, где только-только научились расщеплять атом. Одним словом, можешь не секретничать. Куда ты клонишь, догадаться нетрудно. *Им подсказали.* Похоже, на горизонте в очередной раз замаячили наши обожаемые Странники. Понимаю тебя — опять мы не первые. И не только ты, Робинзон, но и Земля вообще.

Так же и с излучением. Случайное открытие в общем-то не исключается. Но Оракул утверждает (97% достоверности!), что весь спектр изобретений — три вида воздей-

ствий, сами излучатели, система сети башен — не укладывается в такое предположение. Наконец, есть и третье, хоть ты об этом и не спрашивал. Локальность двух этих явлений. Ни в Хонти, ни в Пандее не только нет ментоскопов и башен. Кому как не тебе знать, что на их жителей и само излучение практически не действует. Во всяком случае — белое. Война 157 года, при твоем, помнится, участии, это показала. Что же касается Архипелага, то тут моих данных недостаточно. Я бы обратился по этому поводу к некоему Белому Ферзю. Советую.

Так вот, локальность. Я собрал всё воедино. Оракул предлагает единственное решение (76%): внешнее воздействие двух видов. Во-первых, перестройка организмов людей Страны Отцов: что-то вроде генетико-биологического оружия, использованного Китаем в кризисе 032 года на Филиппинах. И во-вторых, информационный толчок: здесь конкретный вариант сколько-нибудь достоверно не моделируется.

Далее — зачем всё это. А вот тут, представь, как раз довольно ясно. Оракулу, во всяком случае. Данные моделирования: без появления в Стране Отцов сети башен тотальная ядерная катастрофа на планете прогнозируется уже на сороковые годы с достоверностью более 98%! Осталась бы только Островная, с ее дикой структурой ханойской пирамиды экологически обреченная: максимум 14—15 лет, и — тоже конец. И при наличии сети инертность истории (мы ведь программировали Оракула заново — не по «базисному» варианту, а по теории Лерковского) всё равно привела бы к тому же, и не позже чем в конце шестидесятых — начале семидесятых годов. Почти точно время твоего и Экселенца там пребывания! Таким образом, торможение общего потока, вызванное появлением державы «роботов», — не более двадцати лет. Так что еще одно заведомо нарушающее плавный ход истории событие было «им» необходимо. Без появления на Саракше нас, земляң, модель дает ту же неизбежную катастрофу.

Итак, внешнее, строго дозированное воздействие. *Их для нас притормозили.* И всё: дальше — мы. Это, так

сказать, к вопросу о свободе воли. Извини уж, я тут ни при чем — ты ведь сам хотел знать.

* * *

Официально. Рекомендация: обследование жителей бывшей Страны Отцов на предмет генетических отклонений, вызывающих восприимчивость к «излучениям». При обнаружении таковых — организация лечения или защиты наследования: во избежание повторения истории с башнями — в любой форме.

Лаборант

— Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

— Сердце мое полно жалости,— медленно сказал Румата. — Я не могу этого сделать.

ДОКУМЕНТ Б (фрагмент)

Из отчета Лоцмана (Майкл Присби, он же начальник отдела статистики Департамента науки, Гота, Саракш).

Стилевая манера: «генерал».

Далее: большой круг вопросов, возникших в послевоенный период во всех странах — участницах кампании 157 года. В первую очередь, в Республике Ода (бывшая Страна Отцов), ибо там весь спектр послевоенных сложностей наложился на ситуацию социо- и психологического кризиса, связанного с падением правительства и полной сменой общественной структуры. Помимо общегуманитарных проблем технического характера (медицина, миграции, питание, идентификация и т.д.) конкретно в Оде перед группой была поставлена задача борьбы с преступ-

ностью: масштабы ее распространения и темпы роста в этой стране превышали все известные нормы для подобных ситуаций. В течение двух послевоенных лет общая либерализация и неразбериха, связанная со сменой силовых структур, привели к потере контроля не только над правопорядком, но и над торговлей, образованием, транспортом, медициной. Огромные силы, брошенные Землей на спасение страны, работали с КПД не более 30% — средства и техника исчезали бесследно в карманах мафиозных структур всех уровней.

Борьба с организованной преступностью велась по двум направлениям: во-первых, непосредственная работа переподчиненных мне после отбытия Странника мобильных групп по обезглавливанию основных сил противника, и во-вторых, скрытая помощь местным правоохранительным структурам — прежде всего информацией.

После падения системы тоталитарного правления в органах правопорядка выдвинулись (в частности, с нашей помощью) молодые способные кадры. В результате отбора и скрытого обучения многие из сотрудников контрразведки, прокуратуры и полиции стали нашей пятой колонной — разумеется, не зная об этом. (Хотя, по имеющимся у меня сведениям, по крайней мере двое из таких агентов через некоторое время догадались о наличии внешнего источника информации, что, несомненно, сделало их еще более ценными сотрудниками.)

Не останавливаясь на конкретных деталях всех проведенных операций (они полностью содержатся в очередных рапортах группы), считаю важным обратить внимание Центра на обстоятельства, возникшие при разработке подтемы «Дети». Наибольших успехов в этом направлении мы добились благодаря удачному выбору агента влияния: работника Генеральной прокуратуры Годи. Ему, в частности, было поручено высшим руководством расследование дела о всплеске серийных пропаж и смертей детей-сирот с необъяснимыми патологическими изменениями мозга у трупов. Сочетание энергии, ума и высоких моральных качеств Годи с предоставленной ему

широкой свободой маневра привели к отличным результатам в борьбе с преступностью, ориентированной на детей и подростков. При этом именно он был одним из тех, кто принимал нашу информационную помощь явно сознательно, что также повышало точность и результативность его действий. Тем не менее выяснить причины серийной детской смертности, сопряженной со «стиранием карты личности», ему не удалось. Более того, созданная для параллельной работы оперативная группа наших сотрудников-землян также ни к каким результатам не пришла.

На сегодня мы вынуждены констатировать, что силы, способные вызывать подобные явления, лежат вне сферы компетенции земной науки. Также без ответа остается вопрос о целях того (или тех), кто эти явления вызвал. Материалов же для дальнейшего исследования нет: серия смертей и исчезновений детей продолжения не имела.

Рекомендовать что-либо руководству в данной ситуации не считаю возможным.

Лоцман

* * *

(Думаю, причины, по которым я собрал воедино тексты из разных частей Архива, очевидны. Отдавая должное проницательности советника юстиции Годи, ребята из группы «ЗИП» тем не менее ничего изменить не могли: техника изъятия, использованная на Саракше (инсценировка смертей с помощью дублей), даже на Земле не вызвала проблем (операция с Эдной). Однако предвидеть возможность ретроградного ментоскопирования на Саракше было, конечно, трудно. Позже, спасаясь от всепроникающей интуиции Годи, Сепритуан и Мира долгое время избегали изъятий вообще. А к 182 году была разработана новая схема, позволяющая обмануть и ретроментоскоп. Интернат «Масхон» пришлось всё же оставить в покое, тем более что к тому времени «нашего» контингента там почти не оставалось.

Работа же «в массах» — как и в других странах Саракша и на других планетах — обычной статистики нарушить не могла. Даже несмотря на то, что «нашими» в бывшей Стране Отцов еще долго становились почти исключительно дети «выродков», и лишь к девяностым годам статистика стала медленно выравниваться.

Всё же, как ни парадоксально, деятельность группы «ЗИП» и по сей день считается наиболее результативной именно в тот период на Саракше. Ведь семнадцать сирот-«выродков» из «Масхона» своим исчезновением инициировали мощнейший фактор: совместную работу Прокуратуры Республики Ода в лице Клеща и землян-прогрессоров. Сам того не ведая, тогдашний координатор планеты Сепритуан пробудил к действию поистине титаническую энергию — энергию убежденного атеиста-прагматика, столкнувшегося с осязаемым чудом нос к носу! И Годи сделал всё, что было в его силах, чтобы от этого чуда убежать, найти ему материальное объяснение. А силы его были велики!

Всё это привело к уникальным результатам: еще долгие годы ситуация с детской преступностью и преступностью против детей в Республике Ода находилась под особым контролем Прокуратуры, контрразведки и советника (а позже — Генерального прокурора Республики) Годи лично. Таким образом, мы получили куда больше потенциальных кандидатов, чем «недобрали», отступившись от интерната. А Ода — десятки тысяч нормальных, здоровых психически и физически детей. Тех детей, кого, не будь кампании Годи, «ждали» бы банды всех сортов и мафии всех оттенков, а большинство — и попросту морг.

Вообще же, говоря о работе на Саракше в те времена, и Сепритуан, и Мира вспоминают обычно не столько Страну Отцов, сколько Островную Империю. Там еще долгие годы, несмотря на прямую помощь метагомов, работа шла туго — мягко говоря.

Но это, впрочем, совсем другая история... — К. К.)

Текст 7

> ...и они будут охранять тебя, весь мир загонят за колючую проволоку, чтобы не мешал тебе старый мир... Будут самым предупредительным образом точить топор, которым ты рубишь тот самый сук, на котором они восседают, сверкая шитьем и орденами.

Поступление в Архив — 11.02.174
Извлечение-копия из личного архива генерала Фрагга, Алайское Герцогство, Гиганда

Совершенно секретно. Лично.
Сохранять не более суток. Копирование запрещено.

Старший наставник Кригг, лагерь «Заггута» — генералу Фрагга, штаб «Алогг».

Содержание: о событиях в полевом лагере Его Высочества закрытой Гуговской военной школы.

Брат-воин! Еще с тех времен, когда я был для тебя просто Волком, а ты для меня — Ястребом, ты знаешь: Кригг не терпит болтунов и паникеров. Это к тому, что фактов у меня мало, можно сказать — одни подозрения. А напуган я более чем всерьез. Именно напуган. Так что ты уж поверь старому Волку — дело не дутое, и масштабы его — не школьные.

Наши тритончики, птенцы и волчата с котятами, сам знаешь, не просто сопливые пацаны-воспитанники. Это — элита, будущая верхушка армии. И если *здесь* запахло гнильцой, то давай бояться быстро и по-деловому. И пусть лучше потом мы назовем себя трусами и перестраховщиками, чем... Нет, без всяких «чем»!

Итак. Сегодня я могу уверенно констатировать: в школе действует тайная организация курсантов подразделения «А», то есть младшего звена (11—13 лет). Именно так, в точном смысле: не игры какие-нибудь и не вербовка детей взрослыми резидентами врага, а *детская* замкнутая и отлаженная группа. И немалая. И действует давно.

Помни, пожалуйста, с чего я начал это письмо. Поверь, мне не до шуток. Знаю, так не бывает. И всё же — есть!

За последний месяц я предпринял две попытки внедрения в организацию наиболее доверенных курсантов. Оба — дети моих боевых товарищей, высших чинов штаба. (Ты их знаешь, конечно, но ведь бумага имен не терпит.)

В обоих случаях действовали их отцы, мое имя не упоминалось, секретность предельная. И в обоих случаях внедрение как будто удалось.

Как будто... Переход на сторону организации обоих «резидентов» ныне не вызывает сомнений. Все поступающие от них — через отцов — сведения — явная дезинформация.

Деятельность организации: достоверных фактов нет. Предположительно — направленность пацифистская. Структура, похоже, примитивнейшая: нет «пирамиды», нет «троек» или иных принятых в подполье схем. Все знают всех. При этом конспирация на удивление действенная: само существование группы как бы не очень и скрывается, о деятельности же ее — ничего. Ни одного «перебежчика» и ни одного согласившегося что-либо сообщить. И ведь ты понимаешь, *чьи* у нас учатся дети. Это тебе не рядовая воинская школа. Так что в средствах воздействия я ограничен, чтобы не сказать связан по рукам и ногам.

Состав группы мне известен более чем на треть. И что с того? Нет данных о главарях, о способах вербовки, истоках идеологии, уставе, целях...

Твердые же факты таковы. *Все* достоверные члены организации — отличники учебы и боевых дисциплин,

лидеры по всем видам тестов. Причем это не метод «их» отбора: показатели начинают расти именно поле вступления в группу. Для конспирации, согласись, это было бы слишком сильно. А вот идея внедрения в высшие военные сферы «снизу» просто напрашивается.

Далее: достоверное отставание членов группы в росте и весе от средних показателей. Гипотеза о самоограничении в питании или об отказе от части продуктов не подтвердилась. Все виды нагрузок — общие. Тайные изнуряющие тренировки практически невероятны. Курение, как и прием любых токсинов или стимуляторов, абсолютно исключаются.

Как тебе такое, брат-воин? Однако и это еще не самое... «Работаю» я над темой уже не первый месяц. И могу ручаться: обычные виды связи с внешним миром, особенно в условиях полевого лагеря, — под абсолютным контролем. Общие собрания или хотя бы собрания части группы почти невозможны. Связь внутри группы перепиской — исключается...

Тем не менее организация несомненно действует и растет — это подтверждает и психотестирование, и мнение опытных контрразведчиков из числа наставников школы. Да и просто нюх — не мне тебя учить, что это значит, — когда подполье есть, тут уж не усомнишься, просто знаешь, и всё.

Итак, резюме: официально запрашиваю о разрешении на электронный контроль и, соответственно, о выделении полной схемы аппаратного обеспечения высшей категории и техперсонала к нему, снабженного чистой легендой. Выходи на высшую контрразведку и сочиняй что хочешь, но добудь.

Генерал, главная угроза сегодня — не с Запада! Она здесь. Ну и чтобы не быть голословным и дать тебе почувствовать мои дела, прилагаю одно письмо: тринадцатилетнего Волчонка, несомненного члена организации — родителям и младшему (10 лет) брату. Год назад этот курсант был категорически против появления брата в школе, входил в список «Z» — кандидаты

на отчисление по нелояльности к идеалам школы. Последние месяцы — резкое изменение. Скачок в учебе, контактен, полное исчезновение признаков депрессии. Впрочем, суди сам. (Для справки, информация не секретная: отец — заместитель начальника штаба группы «Арихада» Северо-Западного округа. Ты его должен помнить — шел на два курса старше нас — Кузнечик.)

* * *

Приложение. Письмо родителям. Фотокопия.

Мама, отец, Фанг, здравствуйте. Из лагеря пишу второе письмо, а от вас пока ничего. Жду. Мои дела прежние: всё в норме. Как и обещал, взысканий не имею, получил значок за успехи в спорте — первое место в беге и третье на полосе препятствий. Наш Белый Волк, кажется, наконец перестал удивляться и думать, будто я морочу ему голову, а сам вот-вот снова служить расхочу. Верьте и вы: лесным егерем, офицером я стану. И бригадиром стану, и генералом. Если будет нужно. Во всяком случае, учиться я буду столько, сколько нужно, чтобы знать и уметь много.

Фанги, малыш, я не шучу. Помнишь наш разговор ночью, когда я приезжал в отпуск? Так вот, всё, что я рассказывал — сбылось. И это ты сможешь получить только здесь, в Гуговской школе. Таких знаний, таких перспектив ***настоящего*** *роста ни на какой гражданке нет. Пока нет. Надеюсь, ты меня понимаешь. Вот мы научимся, нас станет больше — и тогда мы сможем принести эти знания другим — тем, кто захочет помогать Алаю победить его настоящих врагов и сделать жизнь на Гиганде счастливой. А пока — поступай в Гуговскую, и нас уже станет больше. Давай. Жду тебя.*

С приветом и жду писем.
Ваш Бригг.

* * *

Как видишь, генерал, если не знать, не вчитываться в мелочи — письмо как письмо. Веселый, уверенный, спокойный парень. Любой психолог с легким сердцем занесет его в список «А» — искренне лояльные, в коррекции не нуждаются. Но когда ищешь, понимаешь то, чего цензор, конечно, не заметил. Братишка-то уже в курсе, и Волчонок этот ему едва ли не прямым текстом сообщает: дело, мол, идет, всё хорошо, присоединяйся. Дорого, ох дорого я бы отдал, чтобы услышать, что́ он говорил младшему брату той ночью — когда бригадный с женой спали, счастливые и гордые, что воспитали такого сына: вот, перебесился и теперь выйдет в люди, станет опорой отечества...

Но тот разговор — ладно. Ведь не последний же он был такой. Так что нужны «клопы» — и не какие-нибудь списанные, а самый высший класс! Наши ребятишки — это тебе не деревенщина-дикобразы, которые не замечают микрофонов величиной с орех.

Короче. Надеюсь на твою быстроту, но — без спешки! Привлекать ли к этому делу кого-нибудь еще — смотри сам, тебе там виднее. Однако Лиса я бы пока не беспокоил: он ведь не электронику пришлет, он сам заявится. А дело хоть и серьезное, но не из таких, где нужно гнать. Я уж на что дышать боюсь, а по три раза на дню всё же думаю: спугнул или пока нет? Из активных действий только на «засылку» двоих ребят и решился — так ведь тихонько как, они и сами не знают, на что пошли, папочки аккуратно сработали, дело не новое для них. А Лис, он, конечно, мастер, не нам чета, но — ты ж его знаешь — ждать он не любит.

Всё. Не звони! Только так — пакет с курьером.

Здоровья и силы!

Волк

Реконструкция 3
Надежда

Мы с детства знаем о том, как снимали проклятия на баррикадах, и о том, как снимали проклятия на стройках и в лабораториях, а вы снимете последнее проклятие, вы, будущие педагоги и воспитатели. В последней войне, самой бескровной и самой тяжелой для ее солдат.

Ено Вакудиан, младший кандидат Храма Времени, Йядра, Надежда

...вот ведь чепуха какая опять они меня запутали пятый день я здесь завтра говорят и испытательный срок кончается а как не знал ничего так и до сих пор... болтовни об этом Храме было столько и всё разное поди-ка проверь а интересно же вдруг хоть что-то правда вряд ли конечно хорошее и вдруг правда редко и обычное-то хорошее случалось а уж сказки эти нет не бывает да и страхи тоже если честно сказочные и всегда всегда разное как же верить если ничего почти не совпадает то будто в Храме нет времени то есть нет вообще живут там значит кто попал а время у них не идет ...а как в Храм этот попасть а никак он сам выбирает но только чтоб дети не очень большие но и не мелочь и они там не растут и понятное дело *не заболевают* и не надо ходить за едой в эти их лагеря где пока анализ не сдашь и лекарство не проглотишь еды не дают или в город где еды почти уже и нет... только никто ведь из знатоков этих крысоголовых сам ни Храма ни дороги к нему не видал байки одни а те кто видел якобы те совсем другое говорят только верить-то им мало кто торопится больно уж складно выходит прямо хоть бросай тут всё и рви во все лопатки за ними сам-то дороги никто пока что не находил а пытались и не раз и я сколько раз пробовал вслед за ушедшими нет в Храм дороги... а те что соглашались и

увести себя давали их потом долго никто не видал так что ясное дело слухи всякие идут дескать наоборот всё и ничего этот Храм не спасение на самом деле там детей в жертву Духу Времени приносят а коли так что ж тогда они потом ходят и зовут туда других если в жертву а это не они ходят это куклы ходят точь-в-точь как они но куклы вроде тех *плохих людей* с бубенчиками вид один...да мало ли еще наболтают и понятно что врут всё а только интереснее делается вот я и пошел как один остался дней с десять протерпел без сестры и пошел пусть в жертву а все-таки вдруг правда лечат там какая у меня жизнь что одному что в Общину податься всё одно через год *заболеешь* как все или ходи каждый день за таблетками этими от которых потом не голова а орех пустой и ноги ватные зато говорят дольше будешь *здоровым* а зачем дольше... психовал конечно когда меня вели тоже ребята и с виду люди как люди а все-таки страшно *плохие люди* они тоже ведь с виду... когда входили стыдно стало что трушу ну их думаю пусть хоть съедят а бояться не буду мы и не такое видали даже запеть себя заставил но это всё так видимость одна а как карабин велели отдать всё скис не человек я без оружия даже вспотел всё кругом обычное дом как дом а меня колотит всё равно как голый по гнездам змеиным идешь... сейчас-то смешно вспоминать и стыдно никто меня тут понятно не съел и никому в жертву не принес да и некому тут жертвы приносить и вообще ничего тут нет то есть дом есть большой огромный даже дом и где они его прятали ...ребята есть пацаны в основном а волшебства или хоть чего-то эдакого ни на чих и чего они это Храмом называют чтоб мы что ли шли сюда так я бы лично и так пошел за одной надеждой только ...сперва я думал прячут главное срок испытательный проверка понятное дело а теперь вижу нет вот кончится завтра этот срок и всё так и останется как в том лагере за озером когда еще почти все наши были... утром значит тут бегать и плавать потом еда тоже обычная кстати потом не как в лагере вместо стрельбы книги и кино больше всего про то как жили до *Болезни* и *Угона* какие были города моря страны в общем история ох и тошно от этого всего хоть и интересно ужасно и читать и особенно смотреть хоть

плачь... нас жалко себя была же жизнь красивые места просто мурашки по спине какие красивые и никаких ни у кóго карабинов а людей-то всюду полно и выходит сами они всё это запачкали сожгли и испортили а потом и *Болезнь* и *Угон*...так ведь не ради же этого меня так в Храм звали-тянули змеиный хвост нет узнавать всё интересно книг-то у них ого у нас даже тогда за озером и сотой доли того не было а фильмов я таких и вовсе отродясь не видал в старом доме была установка но дряхлая и записей мало а потом и она сломалась я-то не умею чинить сестра раньше копалась когда еще могла... и все-таки Храм для чего-то же если бы нас просто учить собирали зачем тогда все эти секреты, тайны... ладно день еще потерплю дольше терпел а там пойду к этому Арвиану он сам говорил спрашивай только как спросишь смешно вроде у такого же пацана вот в лагере был из *колдунов* один он *не заболел* и теперь такой как все были до *Болезни* он много знал и учил всех а тут дети одни правда если приглядеться Арвиан этот все-таки малость не такой его тут слушают все но не как мы подчинялись старшему в лагере или там дежурному а вроде как самого умного что ли и он так и ведет себя не командует спокойно так скажет а они уже глядишь и пошли выполнять... говорят надо привыкнуть не знаю похоже кое-что все-таки есть в этих рассказах про время которое не идет не бывает таких мальчишек ...как ни верти а Арвиан и еще эти трое его помощники должны быть старше меня хотя бы лет на пять но ведь это даже если все они такие что *не заболели* всё равно видно бы было не может же человек не расти если только и вправду время тут не остановилось ...короче запутали меня совсем вроде и нет ничего о чем болтают ни храма никакого ни молитв ни жертв ни колдовства а вроде что-то и есть хоть и без чудес особенных а необъяснимое и даже без оружия вполне можно ...все так и я так ну раз никто не боится и ничего не случается... первые дни я не решался так думать даже и про себя а теперь вижу карабины и там снаружи были не так уж нужны сколько времени никто ни одного *плохого человека* не видел только готовность всегда была а сами они вроде как попрятались так что выходит здесь я только жить и стал

нормально и учиться ...не стрелять учиться во всё незнакомое а чему-то интересному другие кто здесь давно учатся больше намного и даже уходят куда-то в другое здание странно только домик совсем маленький а ребят туда влезает человек тридцать и долго там целый день иногда а ведь почти будка что за фокусы... ладно терпи всё узнаешь другие тоже терпят ...пацаны молча девчонки ясное дело сплошная стрекотня но всё равно как-то чувствуется что всем здесь лучше видно же ни богов здесь нет никаких ни Духа этого Временно́го только мы ну и хорошо и ладно подождем ...а пока кино начинается сегодня про войну...

Текст 8

...с каким бы наслаждением я объявил всё это цепью идиотских случайностей!.. Нам разрешается прослыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одного не простят: если мы недооценили опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто не имеем права пускаться в рассуждения о молекулярных флюктуациях — мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах.

Поступление в Архив: 24.04.173
Извлечение-копия из документации КОМКОН-2

Ян Елитов, консультант-наблюдатель. Надежда
Зона ответственности: юго-восточный материковый сектор
Фрагмент отчета. Стилевая манера: «артист»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, изрезанные, словно бы ранами, глубокими трещинами. Весь пейзаж был залит желтым бледным светом, делавшим местность еще более унылой. Ни строения, ни даже деревца не виднелось до самого горизонта.

Близился рассвет, следовало бы двигаться скорее. Мой сопровождающий, однако, спешить не думал. Казалось, обо мне он вовсе позабыл. Поторопить же его не было никакой возможности: языка я по легенде не знал вовсе. Кроме того, мне не вполне было ясно, должен ли вожатый видеть во мне человека или же только беречь как груз. За всю ночь он ни разу не поглядел в мою сторону.

А ведь я знаю, что гость с лицом, подобным моему, и моей манерой в этих краях — явление нечастое. То есть лицо такое тут встретить можно. То же — и манеру поведения. Но не в одном человеке, а только по раздельности. Ибо внешностью по здешним меркам я похожу на пятнадцатилетнего, а значит, и держаться должен соответственно. А отнюдь не так, будто мне за сорок. Чего, впрочем, тут вовсе не бывает, если не считать «колдунов».

Несколько времени спустя мы выехали на неширокую полосу сухой глины между двумя оврагами. Двигаться стало легче. Вдруг сопровождающий стал посматривать в сторону и наконец, оборотившись ко мне, сказал безо всякого выражения: «Следует здесь объехать, краткий путь опасен». Я же, как и полагается, его не понял, а только изобразил на лице по возможности добродушное выражение.

Увидев причину его беспокойства, я про себя согласился с его намерением. В стороне от нашего пути одна из овражных расщелин была с водою. Выглядела эта вода, или, точнее, жижа, неприветливо, и мы наконец свернули.

Между тем час от часу становилось светлее. Первые лучи, предвещавшие восход, уже облизывали верхушки дальних гор, делая их словно бы хрустальными. Ехать стало веселее.

Обогнув опасное место, мы вновь вернулись на прямую дорогу. Солнце показалось над горами, и я увидел невдалеке лагерь. Несколько убогих хижин, обнесенные частоколом, да два дозорных шалаша на подходах составляли его весь. Впрочем, такую примерно картину я и ожидал. Эх, видно, и тут мне ничего не сыскать — решил я про себя. Распрощавшись жестами с вожатым, я направился к наиболее пристойному из строений, полагая в нем дом местного «колдуна» или иного начальства. Проход между хижинами служил единственной здесь «улицей». Он был неширок и зажат между тяжелых старинных заборов, поставленных, наверное, еще в те времена, когда здесь верили в действенность столь убогой защиты.

Хозяину было, наверное, за сто — на вид. Он едва ходил, так что я помог ему подняться по ступеням крыльца. Внутри дома было, впрочем, чисто и ухожено, и имелась вполне приличная аппаратура для связи — нашего производства. Нашлись и более молодые с виду аборигены. Толку от них, правда, было ненамного больше, чем от старшего, каковому оказалось то ли двадцать пять, то ли двадцать шесть лет. Не то чтобы никто из них не хотел мне помочь. Желание-то было, да вот знать о моем деле они ничего не могли. Выяснил я у них лишь то, что своего *колдуна* в лагере нет, редкость это — *колдун*, не в каждом и большом поселке имеется, а есть таковой у соседей с севера, и можно ему позвонить, ежели есть такая надобность, потому что просто так, без дела беспокоить *колдуна* никак нельзя, очень он на это, значит, сердится. Так что вот тут видеофон и вот его номер, да вот беда, как его набирать, знает один только Охотник, а он как раз сейчас ушел, змеиный хвост, вчера еще ушел или даже третьего дня — видать, охотиться он ушел, потому что зачем же еще Охотнику вдруг уходить, как не на охоту; нужно, чтобы каждый делал свое дело, иначе что же тогда получится, если, скажем, Охотник возьмет и станет просто так вот, змеиный хвост, уходить — ведь если вдруг *человеку* позвонить надо, а как номер набирать, никто здесь, кроме Охотника... Ну и так далее. Одно слово — лес. Лагерь.

Это не *солдаты* из города — из тех-то, наоборот, слова не вытянешь.

Что ж, и это была удача. На экране появился обычный человек: я настолько отвык тут от подобного явления, что в первые секунды «не включился», а просто смотрел на него и улыбался. Со стороны это, вероятно, выглядело довольно глупо, но я ничего не мог с собой поделать. Он и вправду ничем особенным не выделялся и в других условиях вполне бы подошел под столь любимое писателями и нашими психологами определение «незаметный». Но это — в других условиях. Здесь же вид спокойного, немного усталого пятидесятилетнего мужчины, без всех этих атрибутов непрекращающейся игры в войну, без этой всеобщей ауры клиники для неизлечимых шизофреников, когда уже на второй день тебе начинает казаться, что, кроме совсем маленьких детей, кругом нет ни одного нормального — здесь вид такого человека всё же поражал.

Мой собеседник, видимо, понимал это и молча терпеливо ждал, пока я освоюсь. Наконец, увидев, что я «включился», он склонил голову в приветствии.

— Мы ждали тебя, Ян. Ваши, из Центра, мне сообщили. — Голос у него был тоже обычный: усталый голос усталого человека лет пятидесяти. Человека, измученного грузом постоянной ответственности за тысячи других, помочь которым он не может почти ничем.

А мы? Что можем здесь мы?..

— Приветствую тебя и желаю здоровья, — произнес я готовую формулу. — Прости, но твое имя мне неизвестно.

— Для всех здесь я гаттаух. Однако ты можешь называть меня по имени: Багуан, ведь для них ты тоже *незаболевший*, один из нас. Как ты добрался?

— Благодарю, — я поклонился и прикрыл глаза, — мне дали сопровождающего и транспорт.

— Что ж, будем кратки. Боюсь, о твоем деле мне известно мало. Что-то связанное с этой легендой о «Храме Времени»?

— Да, с легендой. — Я помолчал, подбирая слова. Мне очень нужна была его помощь, и я слишком хорошо

знал, как легко обидеть и без того издерганного, вечно невыспавшегося «колдуна». К тому же — годы абсолютной власти...

— Багуан, мы имеем основания думать, что эта история с Храмом — не легенда. Во всяком случае, не совсем легенда. Что-то всё же происходит реально — есть факты. — Я помолчал выжидающе, но он только поморщился при слове «факты», ничего не сказав. Что ж, попробую надавить на святое — не забыл же он за эти пару лет, чего они тут все так боятся.

— Ты гаттаух, ты за них отвечаешь, за всех. Они могут лишь знать, а ты — *помнишь*. Помнишь *Всеобщий Угон*, помнишь, как они охотились за детьми. Последнее время этого нет — ни «плохих людей», ни прочего. Вас стало больше, и *болеете* вы меньше — мы уже кое-что можем. И мы, и вы немного расслабились. Начали надеяться...

— Да, будь *они* прокляты, мы — начали! — вдруг выкрикнул он, весь подавшись к визору, так что его лицо заполнило экран — я даже отпрянул. — Да, вы продлеваете жизнь тем, кто к вам приходит. Но прошу тебя, думай, прежде чем говорить дальше! Ибо если ты скажешь, что *они* снова взялись за наших детей и что эти легенды — не легенды... — Он замолчал и прикрыл глаза, заставляя себя успокоиться. — Прости, землянин, я тебя слушаю.

— Тебе не за что просить прощения. Это твой мир, и мы слишком мало можем вам дать, чтобы иметь право вмешиваться. — Я снова поклонился, — Поэтому без полной уверенности я бы не пришел. Храм Времени — или что-то подобное — существует. И это — нечто действительно новое в *их* арсенале. Если, конечно, это *они*...

Багуан поднял глаза и спокойно выдержал мой взгляд.

— Полная уверенность! — Он горько усмехнулся одним уголком рта и покачал головой. — Дорого бы я отдал за уверенность хоть в чем-то, что творится в этом полумертвом мире. Что ж, давай свои факты, что там такого нового, и будем думать вместе.

— Факты таковы. Во-первых, дети действительно уходят. Но — и это во-вторых — многие из них позже возвращаются — чтобы увести за собой других. При этом для увлечения новых адептов они сами пользуются сказкой о Храме, в котором никто якобы не взрослеет. Пока что мы располагаем только этим. Точное местонахождение Храма неизвестно. Возможно, их несколько, или же, что более вероятно, он меняет положение. Тем не менее дети туда дорогу находят. Последние вот сведения — из ваших краев.

Мы помолчали. Потом гаттаух медленно заговорил:

— Ян, мы знаем, ты здесь уже не чужой. Наши беды тебе не безразличны. Не обижайся на меня, но всё же, может быть, ты ошибаешься? — Вежливые интонации в его голосе едва скрывали раздражение. Ну да, конечно, «не чужой»... И все-таки пришелец, благополучный человек из благополучного, здорового мира. Что он может понимать в наших делах, как ему почувствовать боль того, кто всё видел, всё *помнит*...

— Я хотел бы ошибаться, — ответил я, — но факты точны.

— Однако послушай и меня. — Он снова говорил ровно, без эмоций. — За эти годы — годы эпидемии — нас не просто стало мало. Нет — нас нет вообще. Я и еще горстка долгожителей — это же ничто, ты понимаешь. Но в этот мир пришли они, наши дети, и они заполняют его на глазах, словно... Ладно, не о том речь. Они ведь ничего почти не знают и не умеют — только выживать, плодиться и ждать, надеясь, что их детей — или внуков, правнуков — *болезнь* когда-нибудь отпустит. Теперь вот есть вы, и надежда стала реальнее. Но главное-то — главное осталось: они — не мы. Нашего мира нет, он не вернется, и даже мы, те, кто *помнит*, давно забыли о нем, заставили себя забыть. А у них свой — странный, больной, дикий — но свой, новый мир. Большинство из них неграмотны. Всё, чему они успевают научиться — не считая инстинктов, — это выживать, добывать пищу... Ну, теперь — еще и выращивать. Но ведь *человеку* этого мало! Вот они и создают дикие, нелепые суеверия, страшные

сказки — и сами в них верят. Слышал ты о культе Черного призрака?

— Это под Приной, когда они себя сожгли? — Я прикрыл глаза и закинул голову в знак скорби.

— И там тоже. Мы ничего не могли сделать: не было еще даже ваших видеофонов, не то что летающих машин. И это — только самое страшное. Поклонялись чему угодно и играли во что угодно. Пойми же, Ян, это не дети, но это и не взрослые Они уже и до *болезни* растут в сумасшедшем мире, они стрелять по живому учатся раньше, чем читать — те немногие, кто вообще учится читать. Да по сравнению с нашими дикари из ваших фильмов о прошлом Земли — уже цивилизация! Боюсь, мне тебя не переубедить, но, честное слово, этот твой Храм Времени — мелочь, эпизод. Ну да, слышал я о нем, давно уже слышал. — Он поморщился. — Так ведь я тут о таком слышал и такое повидал... Ну хорошо. Я обещал помочь — и помогу. Что ты, собственно, предлагаешь?

— Предлагай ты, я готов слушать, — сказал я.

— Ладно, Ян, — он просто улыбнулся, — будем считать, что этикет ты знаешь. Забудем эти глупости, я с тобой не с первым работаю из землян.

— Принято, Багуан. И всё же — сначала ты.

— Что ж, — он обернулся и подозвал кого-то жестом, — тогда ты, Ян, подожди моего человека, он привезет тебя сюда. А мы тут пока попробуем выйти на свидетелей. Поедешь на юг, в лагерь Гелидиана, привезешь вот этого *человека*, — обратился он к появившемуся в поле зрения парню лет пятнадцати — с поправкой на наши лекарства. Выглядел он, соответственно, вдвое старше. — Спеши.

Багуан снова повернулся ко мне:

— А ты помоги мне пока своими фактами. Легенда — плохой источник информации. Правда ли, что в Храм берут только старших из детей до *болезни*?

— Да, у нас такие же данные. К детям младше восьми адепты не обращались, и никто из них в Храм не уходил.

— Ладно, будем искать среди старших. Но скажи, землянин, ты сам-то, просто сам — ты веришь?

Я помолчал. Очень хотелось его успокоить, ведь я его отлично понимал. После нескольких лет тишины появилась надежда — и принесли ее мы, земляне. А теперь прихожу я и сообщаю ему, что всё начинается снова. Или — еще хуже. Потому что раньше детей можно было оградить, научить, предупредить. А что делать, если за ними начнут приходить не куклы — пусть сколь угодно мастерски выполненные, — а их знакомые, настоящие, живые сверстники? Что, снова стрелять? В кого, друг в друга?.. Не удивительно, что он так много говорил. Не меня же он надеялся переубедить... И всё же я сказал правду:

— Да, верю. Мы тоже прорабатываем не первую легенду. И всегда наши машины говорили: нет, это — не факт... Ты правильно говорил: суеверия здесь простые, бесхитростные. А тут — уходят, а потом, через долгое время, возвращаются *непостаревшими* и уводят за собой других. Если бы даже сами выдумали — место мы давно бы нашли. А эти-то — как сквозь землю... — Я вдруг увидел, как изменилось его лицо, и осекся. — Прости, я не это имел в виду.

— Что ж, землянин, будем искать. Боюсь только, что, если ты прав, найти этот Храм будет не легче, чем войти в те дыры в земле. Но помощь моя тебе обеспечена. Всё, что в наших силах. Жду тебя в моем доме. — Он поклонился.

— Спасибо, Багуан. До встречи, — ответил я и нажал клавишу отбоя.

Итак, часа на полтора я свободен. Поспать бы — да нельзя. Не попросишься на отдых. Не то амплуа. Это сколько же я ролей за сегодня перемерил? В городе, когда ходил по инстанциям, искал провожатого в эти края — «высокий чин дружественной армии». Тупой — ужас! Аж скулы свело за час работы на публике. Потом — дорога сюда. «Иностранец-сопровождаемый». Тоже работка еще та: языка-то не знаешь. Да если бы и знал — о чем с *солдатом* беседовать. Потом здесь, с аборигенами,

«горожанин-*долгожитель*». И это нелегко: попробуй только заговорить с акцентом — потом еще и помощь вызывать придется. Это, выходит, уже три. Ну и четвертая роль, с гаттаухом. Самая простая — только чуть приглушить эту нашу дурацкую отеческую заботливость, быть как бы на равных. Как бы. А что сделаешь — мы ведь и вправду здесь чужаки, правил не устанавливаем.

Но это-то ладно, это всё семечки, нам не привыкать. А вот Храм... Не одному мне, многим он спать не дает. И тут, и на Земле — в Конторе. Вчера, перед выходом, еще в костюмерной — поймал меня Сам, по видео. Особый случай, сверхвнимание и сверхсобранность. Если это — то, что я думаю, то возможность уникальнейшая. Раньше мы ИХ не встречали и встретить не могли, — он и слово-то само «Странники» боится произносить, и это — по спецканалу! Ну ясно — чтоб не сглазить. И вижу же по глазищам его, даже по ушам вижу: всё бы он отдал, чтоб быть на моем месте, самому пойти — и нельзя, не его это зона, не успеть *включиться* — языки, культура — никак не успеть, месяцы нужны. — Так что ты, Ян, возможно, идешь по ИХ следам, по теплым следам! — Он помолчал, глядя на меня своими немигающими зелеными фарами. — Здесь мы появились почти через сорок лет после них. Мы видели их работу и видели, как они исчезли. И всё — вслед. Но тут, тут-то нечто новое — это не муляжи, это живые вернувшиеся — возможно от НИХ — дети. Детей у *нас*, сам понимаешь, нет. Да и раскололи бы ОНИ нашего в момент. Так что надеяться на личную встречу не приходится. Но — свидетели! Дай мне встретиться или сам сумей поговорить хоть с одним, кто вернулся, кто *видел*! Черт возьми, у меня есть к НИМ вопросы! ОНИ подошли слишком близко, пусть уж хотя бы поговорят, не глупее же мы детей! Ян, я посылаю тебя, ты знаешь почему: ты здесь самый молодой и самый пластичный. Надеюсь, если придется, твоей способности к импровизации достанет. Успеха тебе.

И всё. И это — задание! Иди, мол, Янушка, туда, не знаю куда, прихвати там то, не знаю что, а лучше бы — лучше языка Странников — в бутылочку можешь налить

или там в шарик воздушный закачай: импровизируй по обстановке. А то и вовсе внедрись — пластичность свою, значит, продемонстрируй.

Вот уж воистину похвалил. Подумаешь — что нам стоит прикинуться не имеющим формы — словно вода или пар. Или варенье на худой конец. Ну ладно, это я так, от беспомощности. Прав он. Но однако завелся-то как, а: за год, бывало, и половины не скажет от того, что тут одним залпом выдал. А я теперь сиди и психуй за него и за себя вместе: что-то еще получится.

Одно утешает — думать особенно не о чем, фактов новых не наблюдается. Так что будем, как начальство и приказало, полагаться на импровизацию. А пока вот что: свяжусь-ка я пока с Айрис, благо видео у них тут налажено, а из комнаты — если сие можно так назвать — все деликатно вымелись. Еще бы, личная беседа с гаттаухом. Этикет.

Поболтаем хоть этот час без спешки: она тут уже четыре года с лишком, а виделись мы только в Центре — о работе, стало быть, ни гу-гу! Вот Айрис-то мне и подбросит сплетни — без амплуа, напрямую. Узнаю положение дел в городе — не из сводки. Жаль только, говорить придется на загорском: услышать-то меня они всё же могут, вон стенки какие. Ну-ка, как тут на этой штуке набирают номер, когда рядом нет Охотника?..

Информация Тагора

> ...и тихонько произнес: — Сказали мне, что эта дорога меня приведет к океану смерти, и я с полпути повернул обратно. С тех пор всё тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы...

(За время существования Проекта было предпринято четыре попытки установления контакта группы «ЗИП»

с детьми планеты Тагора. Несмотря на принципиальное качественное различие всех четырех сценариев, ни одна из попыток не увенчалась успехом. Работу в этом направлении решено свернуть и более к той зоне не возвращаться.

Что ж, в конце концов, они счастливы и так. А со своим уставом в чужой мир... — К. К.)

Текст 9

Разве бог имеет право на какое-нибудь чувство, кроме жалости?..

...будем спокойны, как боги. Богам спешить некуда, у них впереди вечность...

Поступление в Архив: 1.03.200
Отчет об операции «Матиаш»
Исполнитель: Д. Логовенко, группа «Метагом»

Начало операции: 8.05.199
Завершение: 29.02.200

Первым из людей Земли, добровольно принявшим ЗИП-инициацию, стал Кир Костенецкий — в день своего тринадцатилетия 5.12.199 — с присвоением девизного знака «Матиаш».

С марта 200 года Кир — координатор группы по планете Земля.

* * *

События того времени опишу поподробнее. Все же изнутри видно чуть иначе.

О существовании команды я узнал в сентябре 98-го. Было мне тогда одиннадцать, учился я в петрозаводской школе «Восход» и ничего такого особенного собой не представлял. По-моему.

К тому времени команда существовала уже почти полвека, в ней насчитывалось более сотни «действительных членов». И ни одного — с Земли! (Это не считая Принца и Мамы, каковые — каждый по-своему — все же не земляне.) Странного тут ничего нет: попробуйте-ка с такой благополучной планеты незаметно вытянуть целого человека, к тому же — ребенка! Это вам не Арканарское средневековье. (Собственно, и Эдна изъята с нарушением принятых в Проекте норм, так ведь у нее и обстоятельства были не самые рядовые — это раз, а второе — не было еще в те времена главного Хранителя Этики, нашего бескомпромиссного Маленького Принца — Пьера.) Но кроме трудностей этико-технических, имелись и более серьезные: изымать-то надо было всё же добровольца! Да и не в изъятии дело. Изъятие, как позже выяснилось, требуется для землян редко. Можно сказать, исключительно редко. Был бы мальчик...

Так что Учителя не прекращали поиски. Поиски не просто ребенка, а второго случая «дубля Логовенко». Только как бы наоборот. То есть кандидат должен был: а) иметь зубец Т на ментограмме; б) подходить для ЗИП-инициации по всем параметрам и, наконец, из двух путей — превращение в метагома или уход в команду — выбрать второй. В отличие от самого Акушера. Этим-то землянином и стал я.

Конечно, при необходимости среди миллиардов землян можно было найти детей, исчезновение которых никого не сделало бы несчастным. Но как раз необходимости-то и не было. Учителя не спешили. Что же до детей с других — не столь благополучных — планет, то большинству из них уход в команду попросту спасал жизнь. А на родине ничего и никого у них не оставалось.

И все же главная идея Проекта требовала действий — действий по Разделению. Вот только метагомы, отделив-

шись, уходили насовсем, наша же команда как раз затем и создавалась, чтобы стать частью человечества: дети все-таки, не в Космосе же обретаться... Собственно, некоторые *наши* — кто послабее и ожидания не выдержал — уже живут среди вас... Однако — все по порядку.

Итак, в сентябре 96-го 11-летний школьник из Петрозаводска получил предложение вступить в группу «ЗИП» и стать ее координатором на Земле — в соответствии с выявленными скрытыми способностями. На размышление — три месяца. Результат — отказ. Без всяких размышлений. Причина — мощная мотивация к конкретно-взрослой деятельности.

Ну не хотел я останавливаться — с чего вдруг? У нас с ребятами в исторической секции вон какие были планы... (Полагаю, не раскрою тайны, сказав, что от первого отказа — Д. Логовенко — до меня были еще случаи: восемь мальчиков и три девочки.)

Как и во всех подобных ситуациях, память о контакте с Учителем была изъята. И никогда бы будущий историк с Земли Кир Костенецкий не узнал, что́ за судьбу он отверг, если бы не два события.

Первое произошло примерно в это же время — в конце 96-го. В «Лаборатории» Проекта при исследовании вируса «Прокруст» (искали причины невосприимчивости некоторых надеждян к болезни Мациейра-Коэлхо) было почти случайно обнаружено нечто странное. Кровь вроде бы вполне здоровых землян давала положительную реакцию на наличие этого вируса! Ошибки быть не могло, и после широкого тестирования выяснилось: ослабленная форма вируса выделяется в крови практически *у всех* людей с Земли (исключая тех же примерно десять человек на миллион, что и на Надежде). В наиболее подавленной форме вирус находили у прошедших фукамизацию. В более сильной — у тех немногих, кто ее избежал. И хотя до катастрофических последствий, какие «Прокруст» вызвал на Надежде, здесь далеко, тем не менее можно уверенно констатировать: практически все земляне в течение сотен поколений были заражены болезнью преждевременного раз-

вития и старения, и лишь фукамизация немного смягчила этот процесс.

(Это открытие привело к возникновению проекта метагомов под кодовым наименованием «Назад к Мафусаилу». Однако информация о темпоральных экспериментах — исключая единственный случай — остается для нас закрытой.)

Второе из названных событий относится к деятельности уже самой команды «Здравствуй и прощай». Выяснилось (это обнаружили ребята-биохимики на базе Ковчег-Полюс), что вакцина для ЗИП-инициации, получаемая от Учителей, и лекарство от «Прокруста», оставленное Старшими для людей с Надежды, практически идентичны!

Так что стали ясны мотивы Старших, внесших в Проект раздел «Здравствуй и прощай». Инициация — не искусственная ломка нормального развития организма, а, наоборот, — его возвращение к естественному функционированию. То есть — *лечение*. Мы ведь и сегодня не знаем, сколько продлится то состояние, которое для «обычного» человека выглядит как детство, а для нас давно стало просто нормой существования.

Что же до меня лично, то я обо всем этом думаю так: когда-то человечество было сознательно подвергнуто заражению «ускоряющим» вирусом, что и спасло его от вымирания в быстроменяющемся мире периода катастроф. Сегодня же настало время вернуться к истинной природе Homo sapiens sapiens.

И уж конечно, я бы не удивился, узнав, что в обоих случаях действовала одна и та же рука. Рука Старших.

Так или иначе, эти открытия привели к активизации поисков на Земле. Команда стала получать данные не только о детях с импульсом Т, но и обо всех случаях потери родных и, главное, информацию из харьковского филиала ИМИ (заместителем его директора был Акушер). Именно эти данные в мае 99-го снова обратили внимание нашего Питера Пэна на некоего Кира Костенецкого, тогда уже двенадцати с половиной лет. Кроме известного

«дубля» Логовенко, этот самый Кир дал резко положительную реакцию в слепом тесте на ксенофилию, проведенном метагомами в Малой Пеше — и попал на контроль в Харьковский филиал.

(Вообще-то, я эту историю помню отлично. Но вижу все как бы с двух точек. Ясно ведь, если здраво рассуждать: испугаться было чего. Не дурной же я был — понимал, что новое, незнакомое весьма вероятно может оказаться опасным. Но это *если рассуждать*. От ума. А так, в жизни, я бы и сейчас их, зверей этих тестовых, с удовольствием потрогал. Вот ракопаук — тот да, тот может кого хочешь пугнуть одним видом. Так что, возможно, я и вправду был не совсем обычным мальчиком. А может, и нет — ведь других детей в Малой Пеше тогда не оказалось...)

Более чем тридцатилетняя работа в Проекте приучила Сепритуана к абсолютному детерминизму мышления. Он знал, что означает слово «совпадение» в подавляющем большинстве случаев и чьи это, говоря его языком, штучки. Поэтому, в порядке особого исключения, ко мне обратились вновь — и на этот раз показали настолько больше, чем полгода назад (и чем обычно принято показывать нашим кандидатам), что я свою былую твердость потерял. Историю тоже ведь по-разному изучать можно... Решающим же аргументом стал разговор с Пьером, согласившимся ради этой беседы оторваться от своего Ковчега. (Летопись Проекта и по сей день знает всего два случая подобного подвижничества Принца, а так-то всё больше мы к нему.) Одним словом, согласие было дано, и в свой день рождения — 5 декабря 99-го — я стал первым землянином в команде. А через полгода — и координатором, частично сняв с плеч Сепритуана и его помощников заботы об этой зоне Проекта.

Все это вовсе не означает, будто вслед за мной земляне пошли в команду валом. И по сей день с Цурэнаку, например, Земле не сравниться. Там, в Арканаре и его окружении, действуют ребята баронета Токивы — «Флейтиста» — да так, что Ковчег-Полюс порой едва успевает поставлять вакцину. Нам, землянам, такие тем-

пы и не снились. И это — одна из причин выхода Проекта «из подполья». Очень уж сильны этические ограничения. Достаточно вспомнить хотя бы мои отношения с родителями в первые четыре года после того, как они поняли... Впрочем, тут мне как раз здорово помогли Учителя.

* * *

Передо мной еще два текста из Архива, отобранные для публикации. Я пытался адаптировать и их, но ничего путного не вышло: слишком многое не имеет аналогов в менталитете землян. Да и «закрытых работ» в Проекте немало. Тем не менее основная суть проделанной группами «ЗИП» и «Метагом» работы вполне поддается описанию простым языком.

Информация Пандора

Я же все-таки человек, и всё животное мне не чуждо...

Июнь 183 года. Первый успешный опыт по распространению практики «Здравствуй и прощай» на негуманоидных разумных класса «Н». ЗИП-инициированный — Чикр Апрш, трех с половиной лет — голован из миссии на Пандоре.

Довольно долго голованы не давали знать о результатах эксперимента, однако после почти двух лет молчания запросили технологию (разработанную, естественно, для них специально). Нельзя сказать, что наши «попутчики» с Пандоры слишком склонны к общению, тем не менее сегодня известно точно: идея нашла своих последователей, и группа на Пандоре растет. Впрочем, это практически и всё, что мы знаем от них самих.

Информация
Земля

Шоссе было анизотропное, как история. Назад идти нельзя. А он пошел. И наткнулся на прикованный скелет.

В августе 209 года по рекомендации группы «Метагом» и при ее техническом содействии мы приняли участие в пробном опыте темпорального типа. Наш наблюдатель-координатор был включен в группу Проекта «Колледж». В результате совместных действий условным членом группы «ЗИП» стал землянин из 48 года XX столетия: Иосиф Кацман, школьник из Ленинграда, 12 лет (девизный знак «Маугли»), отобранный в качестве кандидата уже после прохождения им, взрослым, двух первых «кругов» Колледжа.

На сегодняшний день он и еще четырнадцать *наших* — землян из разных временных точек — принимают активное участие в работе группы Проекта «И грянул гром».

(Для внимательных работников внешних служб КОМКОНа на Земле, да и для всех грамотных пользователей БВИ существование этой группы фактически тайной не является — после «прокола» 141 года с Савелом Репниным.)

Из темпоральных «командировок» в свои времена ребята возвращаются чаще всего к нам на базу Ковчег-Полюс — для отдыха и рекондиционирования. Остаться, впрочем, никто пока не захотел. Но трое колеблются.

В перспективных планах Проекта — подготовка таких работников из нашей среды — при выявлении способностей к прогрессорской работе. (Первыми, разумеется, снова окажутся надеждяне — у них и с памятью, и с реакцией, и с имперсонацией все в порядке.)

* * *

И, наконец, последнее. Текст обращения, приведенный ниже — во втором приложении, — принят нами под условным названием «Меморандум Кира». Он будет опубликован отдельно и предоставлен всем желающим.

Приложение 1

Было нечто удивительно фальшивое в том, как отечески он держал руку на плече этого мальчика, который не мальчик.

Запись 10.07.214. Курорт. Городок аттракционов, 93-й уровень.

Диалог:
К. Костенецкий, координатор группы «ЗИП», Земля;
Г. Комов, ксенопсихолог, член Мирового Совета.

Интерес для Проекта:
А. Повышение уровня имперсонации членов группы «ЗИП»;
Б. Вопрос о возможном привлечении Г. Комова к сотрудничеству в Проекте.

Цель встречи:
отсутствует; встреча случайная.

Форма фиксации:
«Пуповина», девизный знак «Матиаш»

* * *

(Я привожу здесь именно эту запись — одну из нескольких десятков подобных ей — не как типичный пример. Скорее напротив: случай столь быстрого и точного проникновения в суть дела при незапланированном контакте уникален. Так что публикация разговора — прежде всего дань профессионализму и интуиции Геннадия Комова, истинного психолога и единственного из землян-взрослых — нашего союзника. Геннадии Юрьевич принял предложение Учителей и вот уже больше девятнадцати лет — наш консультант и активный помощник. До сегодняшнего дня — втайне от землян.

Запись диалога целиком — вместе с видео — я здесь не привожу из-за технических сложностей. Перед вами — словесная расшифровка с необходимыми пояснениями-ремарками. — К. К.)

* * *

КОМОВ. *(Вид имеет отсутствующий, смотрит поверх головы собеседника.)* Я, похоже, занял твое место.

КИР. Да нет, просто здесь па́рная игрушка. А то, может, партию?

КОМОВ. *(Явно механически, думая о своем.)* Игрушка. Да. Да нет, брат, какой из меня нынче партнер. *(Пауза.)* Впрочем — что тут надо делать?

КИР. *(Снисходительно.)* Да ничего особо трудного. Смотрите, все само идет, а вы думайте только, куда эти лучи — они и свернутся. Вот так.

КОМОВ. Ладно, уговорил. Попытка не пытка. Что, начали?

КИР. Угу.

КОМОВ. Э, стоп-стоп! Это я не туда въехал. Давайка сначала. Извини, брат. Сейчас соберусь. Зовут-то тебя как?

КИР. Кир меня зовут. Полетели.

КОМОВ. *(Почти сразу проигрывает зону за зоной, но не из-за отсутствия навыка или реакции, а потому, что отвлекается от игры — его заинтересовал собеседник.)* Да, брат Кир, поздно мне с вами тягаться. Эк ты их... Небось насобачился тут. А я этих штук почитай лет с пять не видел. Вон и визор чудной какой-то.

КИР. *(Еще не видя, что его изучают. По-прежнему свысока.)* Что ж чудно́го? Это не самый новый зал, вот на сто восьмом — там да, там игрушки. Только сейчас занято все. Еще не хотите партию?

КОМОВ. *(Притворно-рассеянно блуждая взглядом с пульта на лицо Кира и обратно.)* Да нет, зачем, и так все ясно. *(Пауза.)* Послушай, Кир, а что здесь вообще-то любопытного — ну, кроме игрушек этих?

КИР. В городе?

КОМОВ. Ну, и в городе, и вообще в округе...

КИР. Да как обычно все: море, пляж штормовой, нырялки эти новые летающие. Вам-то неинтересно, наверное. Вы отдыхать сюда? Извините, как вас называть?

КОМОВ. *(Вдруг коротко и жестко взглядывая в глаза и сразу опустив веки, слегка кивая. Как бы сам себе.)* На два хода запоздал.

КИР. *(Начиная понимать.)* Что вы сказали?

КОМОВ. *(Покусывая нижнюю губу. Всё в той же позе, смотрит вниз и чуть в сторону, без интонации.)* Ты можешь называть меня дедушка Гена. Ничего?

КИР. *(Пытаясь собраться и не выходить из образа. Видно, что дается ему это с трудом.)* Да ничего — вам виднее. А может, все же по имени-отчеству?

КОМОВ. *(Явно принял какое-то решение. Встряхнувшись, серьезно и по-деловому. Глаз от лица собеседника не отрывает.)* Идет. Но тогда уж и вы, сударь. А то что ж — «Кир» — как ребенок в самом деле.

КИР. *(Потерял инициативу. Растерянно.)* Но ведь и не взрослый же...

КОМОВ. Да. Вроде не похоже. *(Вдруг резко придвигается, крепко берет Кира за локоть, разглядывает его в упор. Быстро и тихо.)* А кто?

КИР. *(Тоже приняв решение. Отстраняется. Спокойно.)* Стоп. Полный назад. Отпустите, Геннадий Юрьевич! Люди ж вон.

КОМОВ. *(Лишь чуть приподняв брови.)* Однако, сударь. Мы знакомы?

КИР. Не совсем. Я только сейчас сообразил — ведь с той записи больше пятидесяти лет прошло. Я на кристалле вас видел.

КОМОВ. Больше пятидесяти? Постой-ка!.. Или как — «постойте»? *(Кир машет рукой: ерунда!)* Где ж это получается. «Ковчег-два»?

КИР. Информация — в обмен на неразглашение.

КОМОВ. *(Серьезно.)* Чем прикажете клясться?

КИР. Договорились. Нет. Не «два». «Ковчег-один». *(Пауза.)*

КОМОВ. Помнится, те записи пока не раскрывались. Через КОМКОН добирался?

КИР. Это не **те** записи. **Ваши** записи мы не используем.

КОМОВ. *(Тихо.)* Ах вот даже как. *(Пауза.)* Да, так сразу и не берусь... Людены?

КИР. Нет. Точнее, не совсем. Да не могу я так вот сразу все вам объяснить.

КОМОВ. Однако обещал же. Ну хорошо. *(Пауза. Неуверенно.)* Но хоть не Странники?

КИР. Геннадий Юрьевич! Фи! Вы б еще черта помянули! Что за суеверия, и не стыдно вам?

КОМОВ. Ладно-ладно, тут и вправду ошалеешь: столько лет ничего — и вдруг... Ты-то сам хоть человек, парень?

КИР. Да человек, человек. Ну что вы, ей-богу! *(Утвердительно.)* Вы ведь Логовенко знали. *(Комов кивает.)* Так вот, **мы** — просто люди, не метагомы.

КОМОВ. Мы? Давай-давай, договаривай!

КИР. *(Вверх.)* Да уж. А еще прибеднялись давеча — «не партнер». Геннадий Юрьевич, раз уж так вышло, давайте я посоветуюсь с ребятами и все вам потом расскажу подробно?

КОМОВ. *(Кивает.)* Ага. «Потом». Ищи **потом** ветра в поле!

КИР. Мне чем поклясться?

КОМОВ. Ладно, убедил. Сколько тебе надо времени?

КИР. Через два часа — устроит вас? *(Комов кивает.)* Тогда назначайте место.

* * *

(Окончание этого разговора и другие беседы — мои и ребят из команды — с Геннадием Комовым уже не столь интересны. Я-то лично получал от их просмотра такое наслаждение, что многое просто помню наизусть, особенно вот этот диалог — вплоть до выражения глаз «раскалываемого» — моих то есть. Но здесь я хотел показать главное — проницательность Комова, а для этого достаточно и фрагмента.

Можно было бы смело назвать обе встречи группы «ЗИП» именно с Комовым — в 161 и 214 году — поистине удачными совпадениями. Боюсь только, что в подобные ***случайности*** *я верю сегодня не больше, чем ребята с Надежды. — К. К.)*

Приложение 2

Какими бы вы хотели видеть нас в будущем?..

Вопрос был сильный. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь сказал мне, каким я хочу видеть самого себя в настоящем, подумал он.

Я знаю только одно: человек есть объективный носитель разума; всё, что мешает человеку развивать разум, — зло...

Мир не может меняться вечно, — возразил Будах, — ибо ничто не вечно, даже перемены... Мы не знаем законов совершенства, но совершенство рано или поздно достигается.

Меморандум Кира

Мы — дети. Без каких-либо «а кроме того», «но» или других добавлений. Просто дети: люди одиннадцати-двенадцати лет. Становясь метагомом, землянин, как известно, человеком быть перестает. Наша же инициация не меняет ничего. В самом полном смысле этого выражения: человек перестает меняться. Биологически, физически, психологически — как угодно. Это не исключает, разумеется, роста и развития любых навыков, уровня знаний и интеллекта. Прогресс каждого — в его руках. Нет регресса — регресса взросления и старения.

И сколько бы мы ни знали и ни умели, сколько бы ни прожили — от Эдны, которой четыре года назад стукнуло сто — календарных сто! — до неофитов, еще только привыкающих к новому ощущению жизни, — все равно, детство не уходит. И это не внешний эффект, не фокус и не уродство. Это — **нормально**! Просто Старшие исправили какую-то поломку — и всё встало на свои места. Не бойтесь — вы привыкнете. И помните: никто никого ни к чему не принуждает! Ясно уже и сегодня, что лишь ничтожное меньшинство захочет встать в наши ряды — ксенофобию ведь никто не отменял. Так что исчезновение вашему взрослому миру не грозит. Просто среди вас теперь будем и мы — всего несколько сотен, а к концу столетия, возможно, тысяч. И не только *среди* вас, но и рядом с вашими детьми, а значит — и с вами тоже. Например — во исполнение Императива Горбовского — у края пропасти, как и метагомы. Только мы — на Земле.

Вы ведь все еще хотите «осваивать» Вселенную? Извольте — космическая экспансия — не наша область. Как раз там вас метагомы и прикроют. Если что. Однако не мы ведь первые заметили, что полеты к звездам как-то не очень решают вечные вопросы здесь, дома. Да, банально. Вот и давайте пробовать тут что-то новенькое. Вместе.

В конце концов, во все века по-настоящему любящие родители мечтали, чтобы дети в чем-то их переросли.

Что же до нашей работы, то ни на какие области *земной* деятельности мы не посягаем. Кроме одной. Мы — *учителя*.

Обучение — добровольное. Вход — свободный. Пожалуйста, не забудьте дома ваше чувство юмора. И захватите детей. Ведь нас так мало на всю планету, а надо же и нам с кем-то играть.

От имени группы «Здравствуй и прощай»
Кир Костенецкий
5 декабря 242 года

ЭПИЛОГ
Саула

Да и какая же мать
Согласится отдать
Своего дорогого ребенка —
Медвежонка, волчонка, слоненка...

А ребенку не нужен хороший отец.
Ему нужен хороший учитель.

— Пять! — сказал Саул, поднимая руки к потолку. — А пятьсот пятьдесят пять не хотите? Тоже мне просветители!

Из архива группы «ЗИП». Рабочий материал
Дневниковая запись

Митайра-су, координатор-стажер
Саула, база «Океан-2». 1.08.2170, суббота

Установку дальней гипер-Т чинили всю ночь. Когда я следующим утром явилась в здание Проекта, там по-прежнему было пусто и темно — никто не прибыл, гипер не работала. Так. На Ковчег-Полюс я не попадаю — Игры начнутся без меня. Ну, без меня-то — полбеды. А вот что на Сауле застряли сразу пятеро «старичков» — целая выездная «учебка», включая Маму и Капитана — это беда. Для них.

Я даже чуть-чуть обрадовалась. Хоть денек, а побуду среди мэтров без всей этой суеты, поспрашиваю. У меня есть что спросить, хватит и не на один день. Главное теперь — не дать им заняться любимым делом: решать наши проблемы. Точнее, брать их штурмом. Тем более что кроме Капитана здесь еще один надеждянин, Арвиан. Вот кого хлебом не корми — дай поштурмовать. Потому они и здесь, что по войне скучают. Но у нас-то другое. Тут много не

навоюешь. Тут — политика. И не то чтобы они этого не понимали, не новички давно. А всё же хочется, как и всегда, побыстрее. Да и аргументы налицо: только от голода и только в лагерях ежедневно умирают сотни. Ладно, в это вмешиваться мы не можем, привыкли уже — и я привыкла, и даже мальчишки с Надежды. То есть привыкли не показывать внешне, *какие* это вызывает эмоции... Однако сколько смертей в лагерях — столько сирот на Материке. Что же, смотреть, как их поглощает Система — тех, кто вообще выживет?.. Так что понять наших воинов можно.

Всё это так. Но и мы кое-чего добились. Без штурма. Нигде, кроме Саулы, такого нет: с нами сознательно сотрудничает целая сеть подполья. *Взрослого* подполья! Где еще — на какой планете Проекта — можно найти таких взрослых, чтобы сами вели отбор и агитацию, сами переправляли и «сдавали» нам детей? Ясно — не от хорошей жизни, но все-таки!..

Так что воспользуюсь-ка я этим временем, и пусть «старички» помозгуют над нашими политическими делами — не всё ж войны воевать. Вот и новые тексты листовок пора составлять. Да и газета становится какой-то... однообразно-слезливой, что ли. В штабе подполья уже были намеки: мол, плохо работаете, детишки, мы так не договаривались, даешь высокий уровень общения с угнетенными массами.

Нет, определенно это судьба. Капитан, правда, от одного этого слова мгновенно превращается в воинствующего материалиста — на трибуне. Что ж, вот и используем его навыки: со стороны-то оно виднее, как у нас тут агитировать.

Я шла от здания Проекта к куполу, где еще спали ребята, и обдумывала тактику аккуратной переориентации наших воинов на мирные цели. Погода благоприятствовала вполне: над лагуной царили именно мир и покой, и ветер дул какой-то совсем уж мягкий — даже есть расхотелось. А захотелось, наоборот, всех разбудить и лезть купаться. Имеем мы, в конце концов, право?.. Так я и поступила, не стала очень уж бороться с искушением.

После завтрака Ковчег-Полюс вышел на связь и подтвердил отсутствие гипер-Т минимум на двое суток. При-

чем — суток Ковчега. Так что по-нашему и того больше. Не теряя времени попусту, я приступила к вербовке. Парни, вопреки ожиданиям нацелившиеся устроить прямо на песке турнир по аксу, вяло отругивались. Что мне оставалось? Пришлось брать Сепритуана «на слабо». Чтобы Капитан да не сумел выдать пару зажигательных листовок или сочинить какую-то жалкую передовицу в ежемесячную «Наше завтра»? Да делов-то! А ну-ка, где тут у вас фронт работ? Кем руководить, куда вести, где вражеские укрепления? Пришлось его даже немного остудить, особенно насчет врага...

Дело пошло. За Капитаном понемногу раскачались и остальные. Эдна, правда, попыталась было увиливать, но была пресечена и мобилизована в качестве комиссара — вдохновлять Сепритуана и Арвиана на великое. А заодно следить, чтобы они в своем творчестве не отклонялись от генеральной линии — на мирное решение проблем. Так что этим троим досталась газета. Мирка с Саракша от писания агиток как самая неразговорчивая была отстранена и занялась наглядной стороной работы с массами: распределением фотографий ужасов и их противоположностей — типа «наш рай».

Убедившись, что все и вправду занялись делом, я с чистой совестью заарканила дона Токиву и погнала его в авангард — писать листовки и прочие воззвания. Он, правда, слегка закусывал удила, фыркал и ворчал что-то насчет голубых кровей и утонченного мировосприятия, но, по-моему, это так, для порядка: просто не хотел легко сдаваться — и я не стала с ним разговаривать.

Мы сели к отдельному линго-принту, и Токи, окончательно приручeнный и усвоивший, что путь к военным играм лежит через битву словесную, деловито осведомился:

— О чем писать-то надо? Всё о голодных?

— О голодных тоже надо, — сказала я. — О голодных, о сытых, о том, как получаются из обычных детей носители мечей и копий. О Великом Утесе — обязательно.

— Слушай, Су, сделай одолжение, — Токива потянул меня за локоть. — Ты когда заводишься, не говори с этими

вашими вывернутыми интонациями. А то я тебе тут насочиняю — получится похоронка вместо призывов. Или наоборот. А то, хочешь, перейдем на линкос.

— Ой, я опять, да? Нет, не надо — я послежу. Да и что — линкос? Тексты-то всё равно наши. Ладно. С чего начнем?

Токи зажмурился, будто пытался выжать из себя первую строку. Успеха, впрочем, не последовало. Вредная Эдна хихикнула.

— Э, девчонки, я так не могу. Где творческая атмосфера? Су, ну правда, ну чего она подслушивает? — Токива надул губы: точь-в-точь капризуля-братишка Дайрысу из Холмистого.

— Ага, — сказала Эдна. — Это пойдет. Это у тебя получилось. Творческая удача. Вот особенно та, предыдущая пауза на десять тактов. А я ее, значит, подслушала. Теперь непременно опубликую под своим именем.

— Давайте работать, — предложила я. — Что за пример вы подаете стажеру? Как не стыдно, а еще мэтры!

Мы снова замолчали. Ребята, похоже, давно набрали темп и нас не слышали — гнали тексты своих передовиц. Токива снова весь сморщился и вдруг выдал — мрачным голосом земного стереоведущего из программы «Абсолютно конкретно»:

— С ногой на небе наш Утес, он страх и голод нам принес!

— Какой голод? — спросила я. — Разве в Империи Межгорья голод?

— Нет, — сказал Токива. — Только страх. Голод в лагерях. Это я для ритма.

Мы снова помолчали. Ничего, кроме этого ритма, не возникало. Да и ритм что-то не завораживал.

— Слушай, Токи, — сказала я. — Может, не нужна эта ритмовка, а? Проще никак нельзя?

— Нельзя, — сказал Токива. — Ты ж не в Проект, ты к массам обращаешься. А массы сиры и убоги. Нет у масс культуры, и посему они жаждут хлеба и зрелищ. Или иных развлекалищ. Эта проза народу не нужна. Народ любит стих и песню. А стих — это ритм.

— Вот-вот, давай. Напишем им марш.

— А что. — Токива оживился. — Это идея. «Марсельезу». Даешь межгалактический Интернационал! На чем тут у вас играют — в массах?

— В массах у нас тут не играют, — сказала я. — В массах, как ты верно подметил, только жаждут. А утоляют сию жажду менестрели. Ну, у золоченых, понятно, свои музыканты. Но это — для избранных. От избытка денег.

Токива мечтательно возвел очи горе.

— Менестрели!.. — Всё, готово, он уже представлял себя с венком на голове и чем-то струнно-щипковым в руках — среди толпы, громадной и рукоплещущей. — Эх, а в Арканаре вообще петь запретили — только каноны, будь они неладны. Зря все-таки, Эдна, вы земное средневековье ругаете — вот где развернуться...

— Погоди, — сказала Эдна, не поднимая головы от экрана принта, — будет и у вас эпоха менестрелей, напоешься еще. Народный трибун. Акын. Баронет — золотое горлышко. Или — серебряное? Флейтист гаммельнский пестрый.

— Ну право, королева, вы мне льстите! — Токи сорвал несуществующую шляпу и, метя пером по полу, исполнил ряд затейливых па. — Недостоин. Счастлив уже только лицезреть. — Он согнулся в поклоне.

— Ладно-ладно, не отлынивай, агитатор! — Эдна махнула на Токиву рукой, пытаясь спрятать улыбку. Любит она его: артист!..

Я подперла голову руками и стала вспоминать — какие у нас люди. Массы. Да. Это вам не Эдна с Токивой...

Надеждяне творили: на экранах бежали страницы текста. Эдна подключилась к машине Арвиана — читала готовое. Мира выводила на свой экран всё написанное и монтировала в текст фотографии. Бездельничали только мы с баронетом.

— Нужна идея, — сказала я. — Ключ. Стержень. А то мы так весь день просидим.

— Ну и что за идея? — спросил Токива.

— Да не знаю я! Давай предлагай всё подряд — вдруг всплывет что-то. Мозговой штурм.

— Штурм унд дранг, — сказал Токива, ухмыляясь. — Это вон к Сепри и Арви. А я лучше так, по старинке. Впрочем, изволь, но только уж без шуток: всё, что в голову, всё — в дело. Так... Голод — холод... молот — весь исколот, нет — заколот. В смысле — копьем заколот. Или мечом. Дальше: молод — во, гляди, уже почти со смыслом! Давай-давай, Мита, не спи!

— Голод? — Я попыталась попасть в темп. — Пусть в родительном: с голода — из золота? Нет, плохо. Голодный — холодный — народный — тьфу ты, вот теперь будет лезть «Марсельеза» твоя. Ладно — мимо! Что там еще? Утес — принес: было. В нос — гм, что, тоже копьем? Задравши нос — ну, это уже для считалочки.

Токива поморщился:

— Да не думай ты! Гони, сама ж сказала — штурм. Пусть хоть «понос» — потом отсеем. Что еще? Пёс — нёс. «Нёс» было. Нёс — не донёс. Не, «Утес» — это не то слово. «Голод» и то лучше.

— Подожди-подожди, — сказала я. Я чувствовала что-то... Смутно, не вытянуть. — Сейчас, помолчи, Токи, не звени. Одну минуту.

Опять стало тихо. Слышно было, как баронет шевелит мозгами. Я тоже старалась изо всех сил, пытаясь нащупать проскользнувшую по краю сознания мысль. Или образ. Ну!.. И тут меня осенило. Вот же оно.

— Джек! — сказала я. — Спираль с рефреном.

— Так... Митка. — Токива положил мне руку на лоб. — Ты не переусердствовала, сестричка?

— Точно, — откликнулась Эдна, не оборачиваясь. — Шли бы вы окунулись еще разок. Пииты. «Мечом заколот»! Работать только мешаете.

— Да ну вас, — сказала я, — перестаньте. Это стишок такой — «Дом, который построил Джек» — вы ж, наверное, учили.

— Верно. — Токива наморщил лоб. — Было. Сейчас. Земля, Британия... Не, век не помню. Как раз, между прочим, считалочка. Перевод еще был... Точно — спираль. И что?

— Подожди, подожди, — сказала я. Меня уже несло. — Вот мир, в котором царит Утес. Ха, и рифмы почти не надо. А это народ, который в долинах зеленых живет...

— Это пойдет, — признал Токива. — Только отчего же без рифмы. Больше — не меньше. Не забывай про массы. Народ — наоборот. Урод. Недород. Еще корни есть? Сброд. Не, это — тот же. Ну и ладно. Склеивай давай! А то что это — «живет»?

— Ладно, — сказала я. — Пусть в рифму. А это народ, который не сверху, а наоборот... Или что-то вроде.

Эдна гулко сглотнула, однако промолчала.

— Который здесь называется сброд, — сказал Токива. — В мире, в котором царит Утес.

— Отлично! — сказала я. — Фиксируй. Именно сбродом их в Межгорье и называют. Ну, еще цикл.

— А это начальники разных пород. Или — над ними начальником этот урод? — Токива явно вошел во вкус.

— Позорят они человеческий род, — сказала я. — Черт с ним, пусть все однокоренные, зато созвучно.

— Созвучно, — отозвался Капитан, подходя. В руках он держал гранки — еще теплые. — Род *они* точно позорят. Это я знаете о ком? Исключить из класса гуманоидов за надругательство над языком. Посмертно. А пепел — в космос. «Не сверху, а наоборот»! Поэты вы наоборот. А ну марш купаться, борзописцы грошовые. Мита, завтра без нас допишешь, не век же на стариках паразитировать. Мы и так вон сколько нашлепали. Всё. Приказ — отдыхать.

* * *

Мы лежали на песке у самой воды и лениво отфыркивались. Блажен тот час, когда сломалась гипер-Т. Через некоторое время я спросила:

— Капитан, а вы раньше так где-нибудь работали?

— Ты про агитацию? Да случалось.

— Расскажи.

— Работали-работали. И не такое, покруче бывало, — сказал Сепритуан.

— Ну?

— Вот тебе и ну. Ты сколько в Проекте, три года?

— Чуть больше двух с половиной, — сказала я. — По-земному.

— И не знаешь? А, ну верно, это у нас на Надежде было, ты еще мальком была. Салажонком. Помнишь, Арви? Ту кампанию агитации в Долине.

— Да, мой Капитан, — вздохнул Арвиан. — Как не помнить. Они тут и не мечтали о таких масштабах. Им и не снилось, что такое серьезная, тщательно организованная агитация. И пропаганда.

На лицах надеждян появились благостные улыбки — мальчишки вспоминали. Они жмурились, словно котята на солнышке. Они переглядывались. Они хихикали. Потом Капитан вдруг сказал:

— Месяц они шли косяком — как на нерест. Все мощности — включая Лабораторию — гнали вакцину круглосуточно. И все равно не хватало. Даже мальки восьмилетние вывелись в Долине подчистую. Не то что в куполах — в шатрах селили: и на Ковчеге, и у нас — на Островах...

Токива вдруг ожил, вскочил и встал в позу. Он был прокурор — и он обличал:

— Социалисты, — прогремел он. — Утописты дремучие. «Город солнца» как опиум для народа. Не стыдно — бедных детишек обманом уводить! Фи! Флейты бы еще взяли!

— Да, — сказал Капитан с сожалением, — массовая агитация — это не предмет для подражания. Тут никто таким, как у нас, не болеет. Ищите новые подходы, Мита. А пока — побоку наглядные методы. Смотаемся-ка на Южный Материк, раз застряли. Что у нас тут с транспортом?

— Да есть транспорт, — сказала я. — Местный-то пожалуйста. Будем лететь или как?

— А что, можно «или как»? — быстро спросил Токива.

— Да можно. У нас многое можно — Океан ведь. Хотите на подводных крыльях — за три часа доползем. А то вон недавно Учитель субмарину наладил.

— О! — Токива снова ожил. — Хочу суб! Никогда не ходил *под* морем. Тут красиво *под*? И эти водятся у вас... Оо-ика? Хочу к ика!

— Дались тебе эти ика! Они тебя придушат, — сказала я и осеклась. Это была ошибка.

— Серьезно? — прошептал Токива с тихим восторгом. — Субмарину! Желтую. Я устрою охоту. — Он пал в песок и пополз во все стороны сразу. Он был гигантский ика — гроза океанов. Он поражал воображение и вселял ужас.

— Под водой, Токива-сан, везде красиво, — сказала Эдна. Он заставил-таки ее снова улыбнуться. — А ика твои людей не душат — ни тут, нигде. Фильмы надо чаще смотреть. Неуч благородный. Словоблуд. А ну вставай! — Она пошевелила его ногой.

— Ага, вот еще. — Баронет Токива дон Хару не терпел фамильярностей. — Фильмы! Не к лицу благородному дону осквернять зрение дьявольскими игрушками. Хочу лицезреть воочию, ибо не верую, пока не узрею. Субмарину мне. Наиболее лучшую. Эй, кто-нибудь! — Он перевернулся на спину и пощелкал над головой пальцами.

Большинство, похоже, было «за», не считая, конечно, Миры. На Саракше — во всяком случае, в Оде — не слишком верят в красоты морских глубин. И понятие «субмарина» ни с чем хорошим не ассоциируется. Но в конце концов Мира тоже поддалась общему настрою, и я пошла выводить корабль. Мне и самой было интересно. Подумаешь, на пару часов дольше добираться. Зато — Океан!..

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА (ГРАНИЧНЫЕ УСЛОВИЯ)

Он учит детей страшным вещам. Он учит их, что работать гораздо интереснее, чем развлекаться. И они верят ему. Ты понимаешь? Ведь это же страшно!

*

— Ваня, а каких людей вы больше всего не любите? Жилин немедленно ответил:

— Людей, которые не задают вопросов. Есть такие — уверенные...

*

Здесь всё хорошо. Тревоги учебные, аварии понарошку. А вот кое-где похуже. Гораздо хуже. Туда и надо идти, а не ждать, пока тебя поведут...

*

Но тут вы зашли в тупик. Есть сила, которую даже вам не побороть... Мещан не победить силой, потому что для этого их пришлось бы физически уничтожить. И их не победить идеей, потому что мещанство органически не приемлет никаких идей.

*

И не подумай, пожалуйста, что я намекаю на разницу в наших годах. Нет. Это ведь неправда, что бывают дети и бывают взрослые. Всё на самом деле сложнее. Бывают взрослые и взрослые.

*

Это всегда так. Если не знаешь того, кто совершил подвиг, для тебя главное — подвиг. А если знаешь — что тебе тогда подвиг?

В частности, выяснилось, что в Мировом Совете — шестьдесят процентов учителей и врачей. Что учителей все время не хватает, а космолетчиками хоть пруд пруди.

*

Экипаж слушал так, что Тенину было жалко, что мир слишком велик и нельзя рассказать им сейчас же обо всем, что известно и что неизвестно.

*

Учитель колебался. То, что он собирался сделать, было, в общем, дурно. Вмешивать мальчишек в такое

дело — значит многим рисковать. Они слишком горячи и могут всё испортить.

*

Короче говоря, она летела на Венеру, чтобы внимательно изучить местные условия и принять необходимые меры к деколонизации Венеры. Миссию же землянина она понимала так, что на чужих планетах нужно ставить автоматические заводы.

*

— Всякому времени своя мечта, — сказала Шейла. — Ваша мечта унесла человека к звездам, а наша мечта вернет его на Землю. Но это будет уже совсем другой человек.

*

— Да, — сказал Горбовский. — Наверное. Всё равно это было очень дерзко.

И опять Кондратьев не понял, одобряют его или осуждают.

*

— Родных у меня нет, — сказал Сидоров. (Горбовский поглядел на него сочувственно.) — Плакать по мне некому.

— Почему — плакать? — спросил Горбовский.

*

Психологический шок... Не будет никакого шока. Скорее всего, мы просто не заметим друг друга. Вряд ли мы им так уж интересны.

*

В Комиссии желчные и жестокие люди. Например, Геннадий Комов. Он наверняка запретит мне даже лежать. Он потребует, чтобы все мои действия соответствовали интересам аборигенов планеты. А откуда я знаю, какие у них интересы?

Но уже теперь здесь есть люди, которые желают странного. Как это прекрасно — человек, который желает странного! И этого человека, конечно, боятся.

*

— История, — хрипло сказал Саул, не поднимая головы. — Ничего нельзя остановить.

*

Так помните, что начинать нужно всегда с того, что сеет сомнение.

Бедная Дева Катя, подумал Антон. Это тебе не сайва.

...терпеть не могу людей, неспособных удивляться.

*

И они приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании и смысл жизни в том же.

*

Бессмыслица — искать решение, когда оно и так есть. Речь идет о том, как поступать с задачей, которая решения не имеет. Это глубоко принципиальный вопрос, который, как я вижу, тебе, прикладнику, к сожалению, не доступен.

*

Во-первых, мы приняли постулат, что происходящее не является галлюцинацией, иначе было бы просто неинтересно.

*

Найдут ли рецепт всеобщего счастья? Умрет ли когда-нибудь последний дурак?..

Снизить скорость и повысить внимание. Очень точно сказано.

*

Вы знаете, Поль, у меня такое впечатление, что мы можем чрезвычайно много, но мы до сих пор так и не поняли, что из того, что мы можем, нам действительно нужно. Я боюсь, что мы не поняли даже, чего мы, собственно, хотим.

*

Разве вам не хочется возвести ограду вдоль пропасти, возле которой они играют? Вот здесь, например, — он ткнул пальцем вниз. — Вот вы давеча хватались за сердце, когда я сидел на краю, вам было нехорошо, а я вижу, как двадцать миллиардов сидят, спустив ноги в пропасть...

*

— Чего вы, собственно, боитесь? — сказал Турнен раздраженно. — Человечество всё равно не способно поставить перед собой задачи, которые оно не может разрешить. — Леонид Андреевич с любопытством посмотрел на него. — Вы серьезно так думаете? — сказал он. — Напрасно... Вы спрашиваете, чего я боюсь. Я не боюсь задач, которые ставит перед собой человечество, я боюсь задач, которые может поставить перед нами кто-нибудь другой. Это только так говорится, что человек всемогущ, потому что, видите ли, у него разум.

И думать за вас я не буду, думайте сами, а я уеду. Уеду. Уеду. Все равно вы никогда не поймете, что думать — это не развлечение, а обязанность.

*

И всех я здесь знаю. Будете слоняться от хрустальной распивочной до алмазной закусочной.

*

Если это вообще страшно, подумал он. Необходимость не может быть ни страшной, ни доброй. Необходимость необходима, а всё остальное о ней придумываем мы.

*

Конечно, все запутано в клубок, но только за какую ниточку ни потянешь, обязательно придешь или к любви, или к власти, или к еде...

...и нельзя ли в ней переменить плюсы на минусы, чтобы она двоечников превращала в отличников.

*

Наше дело — научить их думать, — сказал Эдик, — а не помогать им думать, но они не учатся...

*

...теория позитивной реморализации. Из нее следует, что любое существо, обладающее хоть искрой разума, можно сделать порядочным.

— Я мог бы возразить, что космос членистоногим ни к чему, — произнес он. — Однако и людям он тоже ни к чему, и поэтому об этом говорить не будем.

...тут у меня объявилась дочка двенадцати с лишним лет, очень славная девочка, но мать у нее дура и отец тоже дурак, так вот, надобно ее пристроить куда-нибудь подальше от глупых людей...

*

Боже, спаси взрослых, Боже, спаси их родителей, просвети их и сделай умнее, сейчас самое время... Для твоей же пользы прошу тебя, Боже, а то построят они тебе

вавилонскую башню, надгробный памятник всем дуракам, которых ты выпустил на эту Землю плодиться и размножаться, не продумав как следует последствий акселерации...

*

...ты, конечно, взрослый, здоровенный, можешь меня выпороть, однако как ты был с самого детства дураком, так дураком и останешься, помрешь дураком, но тебе этого мало, ты еще и меня дураком хочешь сделать...

*

Этих ребятишек пока еще очень мало... К тому времени, когда их будет много, я уже, даст бог, благополучно помру. Как это славно — вовремя помереть!..

*

Должен вам сказать, что родители двенадцатилетнего ребенка — это всегда существа довольно жалкие, обремененные кучей забот. Но здешние родители — это что-то особенное. Они мне напоминают тылы оккупационной армии в районе активных партизанских действий...

*

...но человек-то учит детеныша: «Думай как я», а это уже — преступление...

*

И вообще всё это уже было, всё это уже пробовали, получались отдельные хорошие люди, но главная масса перла по старой дороге, никуда не сворачивая. По-нашему, по-простому...

*

И уж во всяком случае, ни Бол-Кунац, ни Ирма, ни прыщавый нигилист-обличитель никогда не наденут золотых рубашек, а разве этого мало? Да черт возьми — мне от людей больше ничего и не надо!..

...использовать башни по-старому, но для других целей.

— Для каких — других? — мрачно сказал Максим. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза.

*

— Кто это подарил мне жизнь? Жизнь моя! Принадлежит мне!

*

Ваш затуманенный и оглушенный совестью разум утратил способность отличать реальное благо масс от воображаемого, продиктованного вашей совестью. А разум нужно держать в чистоте. Не хотите, не можете — что ж, тем хуже для вас. И не только для вас.

*

И нечего на меня орать, если вы виноваты, проспали свой мир, массаракш, оскотинели, как последнее зверье! Что теперь с вами делать? — Он вдруг оказался возле Гая, схватил его за грудь. — Что мне теперь делать с вами? — гаркнул он. — Что? Что? Не знаешь? Ну, говори!

Человечество в целом — слишком стационарная система, ее ничем не проймешь.

*

И здесь они меня обвели, без языка оставили, гады... Шпана... Как был шпаной, так шпаной и состарился... Вот этого не должно быть! Ты, слышишь? Чтобы на будущее это раз и навсегда было запрещено! Человек рожден, чтобы мыслить.

*

Он знал, что все это надо уничтожить, и он хотел это уничтожить, но он догадывался, что если все это

будет уничтожено, то не останется ничего — только ровная голая земля.

— Я — это жрец. А ты — потребитель... И не кривись, дурак! Это же очень здорово! Ведь храм без потребителя был бы вообще лишен человеческого смысла. Ты, балда, подумай, как тебе повезло! Ведь это же нужны годы и годы специальной обработки, промывания мозгов, хитроумнейшие системы обмана, чтобы подвигнуть тебя, потребителя, на разрушение храма... А такого, каким ты стал теперь, и вообще нельзя на такое дело толкнуть, разве что под угрозой смерти!.. Ты подумай, сундук ты с клопами, ведь такие, как ты, — это же тоже малейшее меньшинство!

— Еще бы! — ядовито произнес Щекн. — Ведь стоит вам попасть в другой мир, как вы сейчас же принимаетесь переделывать его наподобие вашего собственного. И конечно же, вашему воображению снова становится тесно, и тогда вы ищете еще какой-нибудь мир, и опять принимаетесь переделывать его...

Тут, видимо, все дело в контрасте. На фоне злобного идиота даже самый обыкновенный человек выглядит ангелом...

*

Ему пришлось учиться рассказывать... И очень скоро обнаружилось в нем четвертое вожделение: жажда делиться знанием. Это было что-то вроде любви.

*

...но образование вооружило их логикой, скепсисом и пониманием извечной невозможности объяснить необъяснимое.

*

Дай бог каждому из вас на протяжении всей жизни заставить задуматься десять человек. Не к народу ты должен говорить, — продолжал он, возвысив голос с иронической торжественностью, — но к спутникам. Многих и многих отманить от стада — вот для чего пришел ты...

Так Я возвестил тебе знанье, более тайное,
чем сама тайна;
До конца обдумай это и тогда поступай, как хочешь.

Бхагавадгита, XVIII, 63

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

От составителя

(продолжение)

Название третьего раздела говорит само за себя. Если первый раздел составляют вещи, «линейно» (пусть даже и с определенными вариациями) продолжающие или дополняющие миры братьев Стругацких, второй — произведения, содержащие те или иные существенные отклонения от «первоисточников», то в третий я включил тексты, для авторов которых и миры, и герои Стругацких стали не более чем поводом для собственных литературных конструкций.

Автор первой повести этого раздела Андрей Измайлов — писатель известный, хотя в последнее время преимущественно среди поклонников «крутых» боевиков. (Вспомним хотя бы роман-трилогию «Русский транзит», который стал первым национальным бестселлером в постперестроечную эпоху и даже был экранизирован на телевидении.) Тем не менее начинал Андрей именно как фантаст и именно как член Семинара Бориса Стругацкого. Впрочем, он уже в то время гордо считал себя «слугой двух господ», ухитряясь совмещать в одной вещи родовые признаки двух популярных жанров, и поэтому в начале девяностых, когда отечественная фантастика вдруг перестала пользоваться спросом со стороны новоиспеченных российских издателей, легко открестился от признаков одного из них и переквалифицировался в «детективщика» — этот жанр уже тогда был более «хлебным» — и, по-видимому, достаточно успешно. Хотя боевики, вышедшие из-под его пера, на мой взгляд, все же слишком «интеллигентны» для сегодняшнего книжного рынка, где в последние годы доминируют сплошь «чернуха», «мокруха» и «пор-

нуха». Впрочем, Бог с ними, с боевиками. Лично мне кажется симптоматичным тот факт, что свой последний на сегодняшний день роман, «Покровитель», Андрей Измайлов написал с существенными элементами фантастики. А теперь вот еще и надумал отметиться повестью для нашего сборника. Не означает ли это, что Андрей решил-таки «завязать» с «криминальным» прошлым и вернуться на круги своя — к своей первой литературной любви? Если да, могу только приветствовать такое решение: Измайлов — автор весьма и весьма своеобразный, таких в нашей фантастике немного. Да, присущая ему творческая манера может кому-то нравиться, кому-то не нравиться, однако *так* пишет он и только он. Не хочу оценивать представленный им на суд читателей более чем вольный парафраз на мотив «Хищных вещей века», замечу лишь, что, насколько мне известно, до сих пор еще никто не смог разобраться толком, где же проходит граница между сном и явью. Во всяком случае, в литературе. И повесть Измайлова — убедительное подтверждение этому.

Ну и наконец, последнее произведение сборника, жанр которого точно определить затрудняюсь — то ли это художественная публицистика, то ли публицистическая проза. Короче говоря, эссе. Впрочем, его автор Эдуард Геворкян, один из самых известных фантастов «четвертой волны», увенчанный в этом качестве многими премиями и литературными наградами, автор знаменитой повести «Правила игры без правил» и известного романа «Времена негодяев», будучи профессиональным журналистом, в последние годы уже не раз доказывал, что он большой специалист по испеканию вполне пригодных к употреблению блюд и в жанре публицистики (тем, кто не в курсе, напомню два его предыдущих опуса в этом жанре — «Книги Мертвых» и «Бойцы терракотовой гвардии»). По поводу последнего его произведения с витиеватым, но вполне конкретным названием, мне писать довольно сложно: автор и сам по ходу повествования более чем жестко и умело препарирует собственные замыслы и выворачивает душу перед читателем наизнанку. Причем, что характерно, говорит он во многом о тех же вещах, что и я на протяжении почти всего сборника, — только, разумеется, у Геворкяна на всё своя собственная точка зрения, во многом не совпадающая с моей. (Ну и что? Не хватало еще, чтобы все думали, как я!) Поэтому остановлюсь лишь на одном моменте — а именно на реакции составителя сборника, когда он прочитал в рукописи упомянутого сочинителя лихие наскоки в его, составителя, адрес. Да нормальная была реакция, скажу я вам. Слава

Богу, с чувством юмора у составителя все в порядке. Разве что сформулировал ворчливо про себя «наш ответ Чемберлену»: мол, тоже мне писатель выискался — вместо того чтобы романы и повести кропать, все больше в жанре критико-публицистики экспериментирует. И даже премии за это получает. Лучше бы за роман засел, который вот уже три года никак закончить не может.

Кстати, хочу обратить ваше внимание на то, как удачно финальное эссе Эдуарда Геворкяна перекликается с открывающим сборник рассказом Василия Щепетнева, тем самым как бы «закольцовывая» книгу. Честное слово, я так не задумывал — это получилось само собой. И мне это нравится.

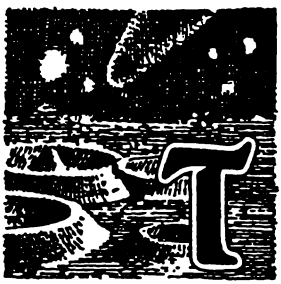
АНДРЕЙ ИЗМАЙЛОВ

Слегач

Художник Владимир Ноздрин

Глава первая

Тогда иди, Иван, сказал Римайер...

Да, действительно. Пора! Намерения Жилина вполне явственно отражаются у него на лице.

А вознамерился Жилин заставить Римайера умолкнуть.

Манера общения Римайера не годилась никуда. Вел он себя неподобающе. Не подобает коллеге общаться с коллегой в манере «Ты вообще-то ничего, но как спец — НИКАК...».

Высокомерие не изъявлялось, но присутствовало. Как бы помимо Римайера. Как бы самоочевидное. И возрастная разница, а также разница в росте, весе, длиннорукости-длинноногости — не имеет ни малейшего значения при встрече двух коллег, КОЛЛЕГ...

Жилин превосходил старину Рима по всем перечисленным параметрам, но Школу оба они прошли одну и ту же. Так что драться глупо. И не потому, не только потому, не столько потому, что силы равны.

Сила есть — ума не надо... Силы-то равны. Что же касается ума, то здесь Жилин очевидно уступал. Уступал, да. Здесь. И теперь.

© Текст. А. Измайлов, 1997
© Оформление. В. Ноздрин, 1997

Прежний опыт, обретенный в одних... э-э... условиях, абсолютно бесполезен и чаще вреден в других... э-э... условиях.

Потому спец по прибытии — tabula rasa, чистая доска. А вот на то, чтобы исписать ее и при этом не допустить ошибок, — за все про все отпущено тебе, коллега, несколько часов, не больше.

Разумеется, речь не о дисциплинах, так сказать, прикладных.

Разумеется, речь об адаптации в местных условиях — одних ли, других ли, таких ли, сяких ли, разэдаких ли.

И никаких «домашних заготовок» аналитического центра — они там сидят, пишут бумажки и выдумывают, их всех надо гнать к чертовой матери!

И никаких заранее разработанных легенд — это все бред, понимаете?!

И никаких «граждан встречающих» — ничего нового у них для вас нет, ибо предвзятость нежелательна.

Сам и только сам! Вникни в ситуацию, проанализируй, поставь диагноз. Сам и только сам...

Там и тогда Жилин поставил диагноз: Римайер, наверное, спился.

Здесь и сейчас Римайер, не вдаваясь в анамнез, опровергал жилинский диагноз хотя бы тем, что превосходил коллегу на голову. И само обращение «коллега» звучало издевательски. Мол, какой же ты коллега, коллега! Если даже самое идентифицируемое (спился? не спился?) ты осторожно предваряешь в рапорте: НАВЕРНОЕ... Далее и вовсе сплошь лирикоидно: видите ли, резидент обрюзг, резидент пахнет водкой, к резиденту зачастили девки, резидент объясняется путано и неясно... И что из всего этого следует?! Ага!

Ага. Из всего этого следует, что коллега Римайер — подлинный спец. Он, Римайер, не ГЛАЗИТ в предложенных условиях.

А вот ты, Ваня, именно ГЛАЗИШЬ. Там и тогда. Не пьет он, видите ли! Не курит он, видите ли! Не вступает он, видите ли, в случайные связи! Ишь, высоконравственный тип, руссо-туристо, облико-морале (идиот!).

И удовлетворяешься уже тем и только тем, что девушки, внимая твоему балагурству, видите ли, хохочут, дрыгают ногами, сползают под стол, заходятся. И максимум, дозволенный самому себе при даме (даже если она СПОЛЗЛА ПОД СТОЛ!), — «озорная частушка». Нет желания послушать пленочку, Ваня? Нет? А придется:

— Вы тунгус?

— Нет, я русский!

— Жаль. Я всем нашим сказала, что — тунгус. Вот что! А докажите, что вы не тунгус, что — русский! Прямо сейчас!

— Что ж! Кха-кха! Исконннно-русссская чааастушка! Исполняется впервые! Ннепереводимо!.. «Моя милка-некрофилка так и лазит по гробам! По сиреневым...» Нет, дальше совсем непотребно...

— Хватит, хватит! Верю! Ой, ну вааще! Слушайте, а вы что, некрофил?

...Узнаете? Да, коллега, да. Разумеется, вас писали. Или для вас — не разумеется? Сами-то вы как, Жилин, — хотя бы предположили такую возможность? Нет? Не надо, не надо! Не предположили. И даже не проверились. Конечно, вы болтали сущий вздор именно и только потому, что страховались от возможного «уха»! Исключительно в целях конспирации! Вы у нас молодцом! Столь убедительно разыграть идиота способен только подлинный спец или... идиот, которому ничего не надо разыгрывать. Когда и если вы вернетесь, непременно в рапорте отметьте: болтал чепуху типа «гы!» в целях скорейшего врастания... Мария почует фальшь, ну да обратного не доказать, даже имея и расшифровку, и непосредственно аудио. Впрочем, не важно...

Римайер отмахнулся столь пренебрежительно, что Жилин на секунду забыл, где он и когда.

— Римайер! — сказал Жилин, угрожающе вздымаясь из глубочайшего кресла. — Меня мог писать только ты, Римайер! А, Римайер?!

В этом «А?!» не было вопроса — мол, ты или все-таки не ты? Ясно — ты.

А было в этом «А?!» требование: теперь объяснись, сукин кот! объяснись поубедительней, иначе плевать на субординацию, на иные условия, на место пребывания.

Впрочем, как раз место пребывания и усмирило. То есть не в смысле — Москва. И не в смысле — явка. В менее глобальном смысле — кресло. Глубочайшее — что да, то да.

Римайер изначально утвердился на откровенно кухонном табурете, простеньком, но крепком. А более в комнате не было ничего. Кроме кресла. И — всё. Да! Еще тяжелые-сплошные шторы. Теперь всё. И правильно! Потенциальному покупателю однокомнатной, зато крупногабаритной квартиры в престижном районе столицы (метро «Аэропорт» — «Сокол») не нужна чья-то прежняя мебель б/у, разве для присесть, оглядеться, с риэлтером обсудить с глазу на глаз то... сё... (стул и кресло) и сугубо приватно (шторы).

«Риэлтерская фирма „Этаж — Ltd" предлагает вашему вниманию широкий спектр...» — далее номера телефонов...

...один из которых хронически занят.

Но если набрать этот номер умеючи, то в трубке отзовутся. И предложат вашему вниманию широкий спектр...

И так далее, и тому подобный белый шум, из которого умеючи вышелушивается информация: что-где-когда.

Старо как мир. Но столь же надежно. Так же старо и надежно, как понятие «явка». Вот и не надо изобретать велосипед. Способ связи — все тот же. Явка — она и есть явка, сколь бы ни подыскивался термин-заменитель.

Так вот, Римайер, открыв Жилину дверь, ритуально обозначил жестом: входи, Ваня! располагайся по своему усмотрению!.. Но сам успел занять табурет. Волей-неволей Жилин погрузился в кресло. По самые уши, если можно так выразиться. Можно, можно! Аккурат по самые уши. Удивительно уютное креслице! Так и хочется в него погрузиться. Зато если вдруг приспичит выгрузиться — и внезапно, и на раз! — то... не сможется.

Жилин отдал себе отчет в том, что вздымание из кресла — н-неубедительное, скорее барахтание... со стороны выглядит забавно. Он преобразовал угрожающее вздымание

в невинное ерзанье, вроде бы просто устроился удобней в ожидании ответа. Ну? Вопрос был задан. «А? Римайер?»

— Тебя писал Рюг... — сообщил старина Рим тоном, будто озвучил трюизм, зная, что это трюизм.

— Рюг. Рюг, значит... Ну да, конечно, хоть два Рюга... Здоровое нездоровое подростковое любопытство: о чем говорят и чем занимаются взрослый приезжий дядя и сестра друга-Лэна, будучи наедине... Он, этот Рюг, по собственной инициативе поставил «уши»? А что сказали его родители после? Или у него не бывает родителей? Или у него все-таки БЫВАЮТ родители? Которые говорят ему не после, но до? Мол, пойди туда, сам знаешь куда, сделай то, сам знаешь что?!

Жилин впал в жесткий сарказм без малейшего оттенка вопросительности. Тем более что Римайер ощутимо потерял темп.

Римайер... не сказать: помертвел лицом... или: глаза выразили невыносимую боль... или: гримаса горечи на миг исказила черты...

Будь то pulp fiction, или будь то не Римайер, не спец, — тогда, конечно! И помертвел, и невыносимую, и гримаса.

Но Римайер — спец, и происходящее... м-м... происходит не в pulp fiction, а в самой что ни на есть реальной реальности. Хотя... насчет реальности... здесь Жилину еще не все окончательно ясно. Ну да ориентироваться надлежит за считанные часы, и он почти сориентировался. Во всяком случае, он, Иван Жилин, добрался до явки. Попутно наломал дров, да. Не без того, не без... Если верить Римайеру. Можно ли верить Римайеру?!

Судя по отрешенности, да, можно. По той отрешенности, с которой любящий отец говорит об ушедшем сыне, ушедшем навсегда. Он, отец, вообще затабуировал эту тему, но если обстоятельства вынуждают вспомнить, то — вот так, отрешенно, посторонне.

Итак, родители у Рюга БЫВАЮТ... Как минимум папа. Папа-Рим. И папе-Риму мешает, очень мешает плохой дядя, замышляющий... А вот и надо послушать, что именно замышляющий!

«Это Рюг. Можно, он тоже будет ночевать здесь?»

Хм! Ну да, конечно, хоть два Рюга!..

Если бы такое было возможно!

Какое-такое?

А вот то самое — два Рюга...

Вот и ответ... Когда бы Рюг остался жив! Нет, не там и тогда!

Там-то он здравствует и дурью мается, изображая из себя вместе со сверстником Лэном агентов-суперменов... И расшифровку, и аудио Римайер, конечно, у сына отобрал. И к Марии эти, с позволения сказать, секретные материалы, конечно, никогда не попадут...

М-мальчишки! Они, пацаны, уверены: подлинные спецы только и заняты тем, что постоянно перехватывают друг у друга агентуру, бьют друг другу физиономии и сплошь и рядом стреляют друг в друга, и довольно метко. Не работа, а игра в сыщики-разбойники, ну их всех в болото...

Мы-то с вами знаем — все перечисленные действа характерны для спеца провалившегося, то есть НЕ спеца, дилетанта от нашей Работы, не так ли, коллега?

Мы-то с вами знаем — спец тот, кто из года в год пахнет водкой, водит к себе девок, изъясняется невнятно, и никто не заподозрит в этом обрюзгшем типе элитного профи, не так ли, коллега?

Мнить себя суперменом, изображая такового, допустимо в отрочестве, не так ли, коллега?.. Достойно снисхождения, извинительно. Да?

Да. Но лишь там и тогда. Но не здесь и теперь!

Римайер ни за какие коврижки не стал бы возвращаться (и раз за разом — возвращаться и возвращаться) в мир, где не хочется немедленно взяться за дело, а хочется поваляться на пляже, покидать шары в кегельбане, принять порцию старого доброго коньяку, рухнуть в койку — и не одному, а утром спросонья снова брести на побережье, чтобы сладко додремать свое на песочке, а спросонья потому, что ночью выбирай одно из двух — выспаться или переспать... это не одно и то же, старина!.. (Жилин, я же просил тебя как человека: ко мне должен прийти человек! у меня с ним встреча! эта стерва добилась через суд, чтобы

после развода мальчик был у нее, а отцу запрещено с ним видеться! и только тайком, только так...)

Римайеру не хочется немедленно взяться за дело отнюдь не потому, что внешний мир располагает к лености твоего мира внутреннего. В отличие от вас, коллега, Римайер мобилизован всегда и везде. Ибо дело есть дело. Ибо мастером стать нетрудно, трудно оставаться мастером. Истина справедлива не только для парикмахеров...

Вопрос — а есть ли дело? Вот в чем вопрос!

Вот и ответ: для нас, коллега, там нет никакого дела. И до нас, Ваня, там никому нет никакого дела... И значит, подлинным спецам там просто нечем заняться, нечем помочь. Остается бездействовать... и терять квалификацию. И чувствовать, что теряешь ее, теряешь, теряешь, теряешь. А когда встряхиваешься и начинаешь методично восстанавливать навыки, то волей-неволей... вредишь. Автоматически вредишь, что бы ты ни предпринял в качестве спеца — подлинного, само собой, а не воображенного-подросткового. Отроческие игры в сыщики-разбойники там и тогда не пугают даже пуганой вороны, даже всемерно поощряются — чем бы дитё ни тешилось... да хоть бы и не дитё, хоть бы и великовозрастный пижон! Пусть их! Это ведь там и тогда! Помнишь, Ваня, каково — там и тогда?! Сытно, тепло, пьяно, скучно, да, Ваня?

Вот и усвой, коллега, — здесь и теперь не всегда и не всем сытно-тепло-пьяно, зато не скучно! И стреляют здесь и теперь не из ляпника и не ляпой — даже в мальчишек. Даже в пацанов, Ваня, даже в пацанов... Рюг погиб в ночь Путча, Ваня, в ту самую ночь. Ты-то хорошо помнишь ту ночь, а, Ваня?

Глава вторая

Жилин хорошо помнил ту ночь.

И хлипкие баррикады из арматуры, из щербатых бетонных обломков, из пары-тройки опрокинутых троллейбусов, из каких-то и вовсе глупых деревяшек.

И мерзнущие, но бодрящиеся пацаны и пацанки, потрясающие прутьями, дубинками, гитарами, а то и голыми кулаками. Скандирующие, поющие чего-то героического, истово целующиеся — взасос, демонстративно — ведь напоследок, да?!

И занудный дикторский баритон, сотрясающий децибелами ночную столицу в пределах чуть ли не Кольца:

— Товарищи москвичи и гости нашего города! Убедительная просьба! Не скапливайтесь! Вы мешаете полноценному отдыху своих же сограждан! Убедительная просьба! Немедленно разойтись каждому по месту прописки! Отказ подчиниться будет квалифицирован как злостное нарушение общественного порядка! Товарищи москвичи и гости нашего города! Не скапливайтесь! Вы меша... — Монотонно, нескончаемо, одинаково.

Жилин с безысходной тоской профессионала прикидывал, что достаточно взвода профессионалов — и баррикады вместе со всеми так называемыми защитниками будут сметены в нормативную единицу времени.

Он, Жилин, спец, но против взвода профессионалов, пожалуй, не устоит. Пожалуй, и вдвоем с Пеком они бы не устояли. И даже втроем — он, Пек и Римайер — тоже... не наверняка. Хотя... втроем? Сложившись «горынычем»? Тогда можно и со взводом потягаться.

К черту! Брысь! Во-первых, если эта засевшая в Кремле шваль все-таки решится на штурм, то одним взводом не ограничится. Во-вторых, и он, и Пек, и Римайер должны быть в разных местах, и задачи у них разные. Вместе им сегодня как-то никак... Всяко не на баррикадах.

Пек, единственный, кому Центр милостиво позволил легализоваться, в данный момент деморализовывал шпану, засевшую в Кремле, — безоглядно, рискованно, лично. Нахрапом. Один и без оружия. У Пека раньше всегда получалось. Не принуждать, но убеждать — и через это подчинять. И сегодня... Должно получиться! На то Пек Зенай и есть Пек Зенай. Даже если он просто вломится к этой шпане в кабинет и с порога заявит: «Привет, сволочи! А что я вам принё-о-ос! Ультиматум! Одно из пяти! Или вы безоговорочно сдаетесь! Или — четыре раза по

морде. Каждому! После чего вы безоговорочно сдаетесь!» — не исключено, и тогда бы подчинились... столь подавляющ — но и дружелюбен — Пек...

У Жилина бы так не получилось. То есть подавлять — это пожалуйста, это на счет раз. Но — шпану. То есть очаровывать — это ради бога, это на счет два. Но не шпану. Никак не удается Жилину по-настоящему очаровать настоящую шпану... Намерения, Ваня, истинные намерения отражаются на лице, улыбайся ты хоть на ширину приклада... И потому, Ваня, у тебя другая вводная...

Лобная площадь. Была выбрана именно Лобная. Разумно, что ж. Где зверь меньше всего ждет жертву? В собственном логове! Жилин должен нейтрализовать посторонних, буде таковые обнаружатся в контролируемых границах предполагаемого выхода, и гарантировать беспрепятственный отход, «зеленый коридор» группе, когда и если группа таки выйдет на поверхность.

Хочешь выйти на площадь?! Можешь выйти на площадь?! В тот предутренний час!..

Хотеть-то хочется, но вот сможется ли?

Когда бы группа Римайера шла сама по себе — в подземельных кишках!

Когда бы группа Римайера состояла только из спецов!

Тени сомнения не мелькнуло бы.

Конечно, сможется!

Невзирая на собакоподобных стайных крыс-мутантов, на гигантских пауков типа «торшер», на лучевые занавесы и нажимные НВУ, на кислотные лужи неуточненной глубины (от сантиметра до трех метров).

Наконец, не взирая ни на что в буквальном смысле, потому что тьма кромешная, и фонари не включить — иначе обнаружишься для возможного противника, готового встретить тебя во всеоружии.

А строго сосчитанный «инфракрас» — только для VIP, для особо важных персон, которых в последний момент вдруг оказывается вдвое больше разумного и достаточного.

Подлинный спец должен и умеет видеть в темноте как днем. «Инфракрас» и Римайеру, и Саваде, и Гроверу, и Боасу — что попу гормон.

Но VIPы, которым дефицитный «инфракрас» не достался, панически слепы. И они, бредущие нестройной цепочкой, спотыкаются, матерятся в полный голос, аукаются в истеричном веселье. В общем, демаскируются. И сокровенное желание каждого спеца в группе: пропадите вы пропадом, VIPы долбаные!..

Три желания, три! Самые сказочные! И я вам их исполню. Ну-ка?

Ага! Пропадите вы пропадом ТРИЖДЫ! VIPы долбаные!

Но работа есть работа. И группа должна выйти на поверхность. Не столько даже выйти, сколько вывести — эту самую ораву особо важных персон, это самое... будущее свободной России, этих... г-г... гарантов... Из Белого дома — к Лобной площади.

Жилин не попал в группу. У него — иная задача. Встретить. На Лобной площади. И обеспечить «зеленый коридор» — погрузить в машину со спецномерами, увезти... вот адрес... И значит, в заданной точке нужно оказаться хотя бы на час раньше, хорошо бы — на два.

А он все околачивался у стен Белого дома в ожидании обусловленного дробного светового сигнала в обусловленном окне. Бардак! Все наспех! Все экспромтом! Причем неизменно неудачным!.. Страна такая, сэр!.. Ч-черт! Чего ни хватишься, ничего у вас нет! А нужен всего лишь простой, прямо скажем, примитивный «уоки-токи». Что может быть проще примитивного «уоки-токи»? Только примитивный световой сигнал...

Их, группу, сбросили только под вечер, а ведь шпана объявила о себе из Кремля в шесть утра и повторяла о себе через каждые два часа. Ну?!

Гну! Приказ вышестоящего не обсуждается, но выполняется. Tabula rasa. Предвзятость мешает. Прежний опыт вредит.

Жилину пришлось не просто околачиваться у Белого дома, но вынужденно содействовать укреплению... м-м... укреплений. Взрослый дядя специфической комплекции на баррикадах должен заниматься чем-либо общественно полезным. Иначе он — засланный, он — оттуда, не наш!

Точно, не наш! Вот, сеет панику, говорит, что если пойдет «Альфа», то баррикады не задержат их и на секунду.

— Предъявите документы, гражданин! — Юнец, эдакая сопля в полете, вцепился в жилинский рукав и упорствовал: — Документы! Документы!

Пальцем шевельнуть — и юнец обездвижился бы всерьез и надолго. Но... К тому же вокруг них моментально образовалось плотное кольцо сплошь из эдаких соплей. Не такое уж плотное — для спеца класса Жилина работы секунд на шесть-семь. Но... М-да, бей своих, чтоб чужие боялись.

Дались вам, дурашки, жилинские документы! (Не дались! Спец, приступая к делу, не имеет при себе ни единой бумажки.) Вот у лазутчика, объявись он здесь, документы бы топырили карман, как накладной бюст! Эх, мальчишки! Сыщики вы, разбойники лопоухие!..

Выручил Айова Смит. Из Си-Эн-Эн. И пацанов выручил, и Жилина. «Ванья! — заорал Айова Смит. — Ты тоже здесь! Манифик, Ванья! Это история, Ванья! Проведи меня туда, Ванья! А то ваши не пускают!»

Туда — в Белый дом. Ваши — наши. Айова Смит — Си-Эн-Эн.

И пацанята сразу забыли про документы, про лазутчика, про бдительность-бдительность-и-еще-раз-бдительность. И очкастый кузнечик-голенастик, еле удерживая, передал Жилину лом в знак солидарности: «Держи, дед!»

Угу, дед!.. Ну, верно. Красоваться в полный рост, выпятив грудь, размахивая российским «бесиком», — удел молодых и глупых. (Не Рюг ли то был?) Надрывать ломкий голос и нестроящую гитару: «Хочешь выйти на площадь?! Можешь выйти на площадь?!» — тоже удел молодых и глупых. (Не Рюг ли терзал струны?) А ты, дед-Иван, — ломиком, ломиком! Инициатива наказуема! Баррикады, говоришь, неправильные? Поправь!

Айова Смит, не снимая с плеча камеру, не отрываясь от окуляра, пытался обнять Жилина, возбужденно голосил: «Ванья! Ванья!». Для Айовы Смита Жилин всегда был просто отличным русским парнем Ваней, собратом-репортером на вольных хлебах. «Ванья! Проведи меня туда,

Ванья!». И от Айовы Смита Жилин был вынужден избавиться совсем некрасиво — ткнуть наугад пальцем в окно Белого дома и гаркнуть: «Снимай! Снимай же! Сейчас будет! Сейчас!», а когда Айова Смит не дождался обещанного «сейчас» и обернулся к Ванье за разъяснением, тот исчез.

Да, нехорошо получилось, но — не до церемоний. Дробный световой сигнал. Вот он! Наконец-то!

Отсчет. Группа пошла! Он — тоже. Задача, в принципе, одинаковая. Выйти к Лобной площади. Римайеру с группой — подземными коммуникациями. Жилину — в одиночку — поверху. Тик-так, тик-так!

Миновать цепь бэтээров и бээмпэшек, стянутых к Белому дому в непотребном количестве, — проще простого. Его почему-то никто ни разу не окликнул, не остановил. Ну да, комплекция, выправка, скользящая походка. Здесь его приняли за своего, в отличие от малолеток на баррикадах.

Далее и вовсе просто. Москва была на удивление пустынна и безмолвна. Только бронетехника — но она шла центральными магистралями, в переулках же и улочках — никого. Только занудный дикторский баритон, призывающий не скапливаться, чтобы не мешать полноценному отдыху своих же сограждан.

Жилин проторчал не менее двух часов (более, более!) по прибытии в заданную точку. Заданная точка для непосвященных выглядела обычной трансформаторной будкой. Но то — для непосвященных. Строго говоря, это не совсем на площади, на Лобной... А на углу Фуркасовского и Мясницкой. Там же, в ряду служебных легковушек, парковалась вроде бы серийная малоприметная «Волга»...

«In detail?» — потребовал бы дотошный Айова подробностей.

«No comment!» — охладили бы его.

«Си-Эн-Эн!» — козырнул бы Айова.

«Дэ-Эс-Пэ!» — побили бы козырь Айовы загадочной русской аббревиатурой.

Как-то там Айова Смит? Как-то там сопляки и соплюхи?.. Они там плохо...

Жилин откровенно коченел в заданной точке.

Эта шпана, заявившая о полном переходе власти в ее, шпаны, шкодливые руки, просто-напросто не распорядилась насчет Службы Безопасности. То есть распорядилась, но: а) устно, мандражируя ставить подпись под конкретным и суровым документом; б) даже устно и то бестолково-глубокомысленно, типа «вы знаете, колонель Туур, что вам надо делать! с богом, женераль! на вас смотрит вся страна!». Ну вас всех в болото, право слово! Спецмудрость номер один: не спеши с исполнением команды «выполнить», ибо тут же последует команда «отставить». И вся Служба Безопасности, сосредоточенная в комплексе тяжеловесных зданий на Лобной площади, просто заперлась по кабинетам, ожидая развязки... или, как минимум, завязки...

Потому Жилин откровенно коченел в заданной точке. На кой и кому нужен спец-одиночка!

Основное-судьбоносное творится сейчас не на Лобной, а на площади Свободы у Белого дома! (Или она пять лет назад называлась иначе? Как и Лобная, кстати...)

Жилин проклял всех и вся, последовательно, по мысленному обширному списку — начиная с бархатносезонной погоды (произносить сардонически!), кончая шпаной, засевшей в Кремле (дилетанты с присвистом!)... Где-то посередке мысленного списка — Римайер, которого все нет и нет!

И что ты ему скажешь, Жилин, когда и если он появится?

Жилин скажет ему: «Римайер! Пока мы тут соблюдаем азы-буки-веди-глаголь Школы ради дюжины долбаных VIPов, у Белого дома гибнут сопляки и соплячки! И Айова Смит самозабвенно снимает это для Си-Эн-Эн, если не гибнет в данный момент вместе с ними!»

Жилин скажет ему: «Римайер! Ты железный человек! Следовательно... следовательно, ты можешь заржаветь... Нет, не то!.. Римайер! Ты нержавеюще-стальной человек! Ты способен следовать своим курсом, потому что выполнение поставленной задачи — прежде всего. Ты не отвлечешься ни на секунду, ни на шаг в сторону, чтобы подобрать тонущих! И хорошо, если не пройдешь по их головам только потому, что они оказались на линии фарватера. Отсигналишь им приговор „Следую своим курсом!“ и —

вперед, вперед! Дюжина особо важных персон много ценней для матери-истории, нежели тысячи мальчишек и девчонок, верящих, что защищают истинное — Белый дом, в котором осаждены как раз эти самые особо важные персоны, VIPы, которые как раз теперь — вне Белого дома. И не мешало бы хоть это сообщить шпане, засевшей в Кремле, чтобы шпана сдуру не сотворила непоправимое! А, Римайер?!»

Жилин, сказал бы Римайер, мы идем на глубине восьми метров с перепадами уровней до пятнадцати. Карты у нас нет, Жилин, зато есть Савада, Гровер, Боас, Учитель и я. На все случаи жизни — например, замуровали старый лаз, выводящий в основной коридор; например, протянули новую линию огня, без предупреждения «стой! огонь открывается без предупреждения!»; например, VIPы струхнули и дали задний ход, запросившись обратно; например, шпана распорядилась штурмовать Белый дом не явно, но тайно, — именно подземными коммуникациями, именно подразделениями «гоблинов». И все перечисленные случаи (нет, не жизни! смерти!)... случились. А восемь (пятнадцать) метров земли, бетона, металла над головой экранируют намертво. И группа знать не знает о происходящем наверху и знать не желает. Точно так же, как и о происходящем с ней под землей неизвестно никому.

И что, собственно, такого-эдакого чрезвычайного и непредвиденного происходит наверху, Жилин?

— Товарищи москвичи и гости нашего города! Убедительная просьба! Не скапливайтесь! Вы подвергаете опасности собственное здоровье и жизнь. Здание находится в аварийном состоянии! По последним, только что полученным от специалистов данным, здание может рухнуть в любой момент! Товарищи москвичи и гости нашего города! Не вынуждайте применять экстренные меры для обеспечения вашего же здоровья и жизни. Убедительная просьба! Не скап...

Занудный громогласный баритон был хорошо слышен и на Лобной. И не только. Он вещал уже не про «полноценный отдых граждан». Он вещал про «аварийность»

Белого дома. Значит, шпана решилась. А после шпана умоет руки: мы предупреждали! слушайте, слушайте! и не говорите потом, что вы не слышали! После...

«Крокодил» завис над крышей и замер в воздухе. Десяток добровольцев наверху, парни из «Алекса», страховали небо над Белым домом, они нацелили свои декоративные пукалки вверх. Для очистки совести. Опасались выброски десанта... Десант?! «Крокодил», штурмовой Ми-24, иначе — вертолет огневой поддержки. На борт поднимает не больше трех человек. Остальное — боекомплект...

«Крокодил» сбросил бомбу. Надо полагать, кумулятивную.

Белый дом рапидно, как бы нехотя, преобразовался в бесформенную могучую кучку из стекла и бетона.

Гул и грохот.

Занудный баритон продолжал толковать об аварийности здания.

Бесформенная могучая кучка похоронила под собой более тысячи малолеток, не ушедших с баррикад, играющих в войну, отказавшихся взять в толк, что с ними не играют, но воюют.

По разным прикидкам — еще не менее двух тысяч людей погибли, будучи в момент бомбардировки непосредственно в Белом доме.

Эти разные прикидки были потом, после. И запись произошедшего Жилин увидел лишь утром, поздним утром. По ТВ.

«Вот как это было!» — сипло комментировались кадры хроники. Сиплость, перехваченное горло от победного восторга, от ненависти к побежденным, от накатывающей горечи за ушедших. Наконец обычная простудная сиплость — ночь была с ливнями, никто не спал.

Вот как это было...

Пек Зенай выполнил свою миссию. Среди шпаны начались разброд и шатания. Кто-то выговаривал себе более или менее почетные условия сдачи, кто-то просто канючил «а что нам теперь будет?», кто-то угрюмо надеялся до последнего...

На что?!

А вот... на «гоблинов», посланных подземными переходами. Им отдан приказ: «Пленных не брать!»

Когда же стало очевидно, что «гоблины» по каким-то причинам где-то застряли (переметнулись? заплутали? просаботировали?), вояка-психопат потребовал связи.

И Пек Зенай радушно развел руками — мол, вы здесь хозяин.

И вояка-психопат скомандовал не «сдать оружие!», но «пли!» — решающий и сокрушительный удар по Белому дому, чтоб ни дна ему ни покрышки и чтоб все особо важные персоны в том доме — в кляксу, в фарш, в ничто! Нет человека — нет проблемы.

И кумулятивная бомба уничтожает «оплот» вместе с тысячами защитников... за минусом дюжины VIPов, для которых прежде всего и предназначался заряд.

А вот теперь вам полный и окончательный... конец, проникновенно объясняет Пек.

И шпана остатками сознания понимает: да, полный и окончательный...

И вояку-психопата находят через час в сортире — коленопреклоненным, с головой в засоренном и потому переполненном унитазе. Типичный суицид!

А Пек идет к Боровицким воротам один, без прикрытия. Никто даже не страхует спину, а он и не опасается удара сзади — шпана деморализована, да и комби-кевлар — надежная защита.

И первый, кто Пеку попадается у Боровицких, это неизвестный, но бравый полковник, орел! Пек секундно изучает легкий сарказм полковничьей усмешки и требует: фамилия?!

Полковник Туур, рапортует полковник Туур.

Принимайте армию, генерал Туур, без нотки волюнтаризма командует Пек.

Полковник, поправляет Пека Туур.

Да, говорит Пек, принимайте командование, генерал-полковник, — президент рассчитывает на вас!

Президент, многозначительно сомневается Туур.

Президент. Свободной России... уточняет Пек и рявкает: выполнять!!!

Так точно! Господи, музыка сфер! А у нас всегда говорили, что надо непременно разоружаться, но разве можно уничтожать армию? Это дико, это смешно — государство без армии...

...или государство без президента! управляемое «коллективным разумом» — филологическим изобретением шпаны! Это дико и даже не смешно — без президента!..

Римайер тоже выполнил свою миссию. Группа потеряла и Саваду, и Учителя, и Гровера, и Боаса. Они были настоящими спецами, они были лучшими из лучших, и они остались под землей. И вместе с ними там остались «гоблины», элитное подразделение, ориентированное на захват VIP в Белом доме, но не дошедшее до него, но столкнувшееся с искомыми VIP на глубине девяти метров под Воздвиженкой на полпути.

Подробности встречи не известны никому.

Особо важные персоны ничего и не видели, даже те, кто имел «инфракрас», — слишком быстро все, неуловимо... Впрочем, особо важные персоны просто зажмурились от животного и понятного страха, когда НАЧАЛОСЬ.

«Гоблины», упокоившиеся в катакомбах, тоже... н-неразговорчивы. Савада, Учитель, Гровер, Боас — тоже...

А Римайер молчит. Он просто молчит. То есть он молчит о том, что и как было под Воздвиженкой.

Миссия выполнена! Вся чертова дюжина особо важных персон выведена из Белого дома и благополучно препровождена в заданную точку, где и встречена Ваней Жилиным. VIP сдал, VIP принял!

Замечательно! А скажите, Римайер, что произошло под Воздвиженкой?

Римайер молчит. Миссия выполнена? Н-ну?!..

И Жилин тоже выполнил свою миссию. Он, как пугало в первые заморозки, проторчал в чистом Лобном поле. Никого и ничего.

Надо бежать туда, где ахнуло, надо что-то предпринять. Ведь там совсем еще пацаны! Там... Айова Смит, наконец!..

Надо, если на то пошло, рвануть к Пеку в Кремль (благо рядом, под горку, в темпе «гепарда» — полторы минуты хода!), — если ахнуло у Белого дома, значит, у Пека в Кремле не получилось со шпаной, и не может ли Жилин быть чем-нибудь полезен Пеку Зенаю...

Такие мыслишки, недостойные хладнокровного спеца. На то, впрочем, и мыслишки, чтобы гнать их поганым железом, каленой метлой... а самому ждать и ждать, непроизвольно дрожа как банный лист, — то ли от нетерпения, то ли от предутренней мозглости. Ждать, ждать, ждать...

...Дождаться! Трансформаторная будка еле слышно загудела, как гудит обычная трансформаторная будка. Жилин наполовину вставил жетон-код в щель-приемник. Пол провалился. Мгновенная невесомость под ложечкой...

Первый, кого должен был увидеть Жилин, — это либо Савада, либо Учитель. Так условились. Но первым оказался ни тот ни другой. Ни даже Гровер или Боас. И не Римайер... Упитанный тяжеловес. Почти лысый, единственная жидкая прядка — «внутренний заем». И не без выучки.

— Документы! — нервным фальцетом визгнул тяжеловес Жилину и сам мгновенно нырнул рукой себе за пазуху. Явно не для предъявления собственных документов.

Вот ведь доста-а-али! Без бумажки ты букашка...

Жилин клюнул тяжеловеса сложенной щепотью, «цыпленком», в нервный узел предплечья. Погоди, лысый! Не до игрушек.

Тяжеловес, конечно, не без выучки, но не спец, нет, не спец. Обездвижен секунд на десять. Потом часика на три — малоподвижен. Впоследствии — двухнедельные ноющие мучения, типа миозит. «Клюв цыпленка», господа!

Жилин пинком убрал лысого с возможной линии огня — вправо, и сам отпрыгнул — влево. Кто следующий?! Где Савада?! Почему не Учитель?!

— Ну, здравствуй, понимаешь, солдатик! — угрюмо сказал следующий, седой, к левой руке которого был прикован чемоданчик. Что-то у седого еще не так с рукой, помимо «бранзулетки».

Седой — кто?.. Сам седой не сомневался, что «солдатик»-то его сразу признал и вот щас, понимаешь, вытянется в струнку. Ну-ну, tabula rasa... Надо отдать должное старику — когда намерения Жилина, как водится, выразились на его лице (и отнюдь не намерение вытянуться в струнку), седой очень по-детски обескураженно выпятил губу и пожал плечами: «Ну, извини, понимаешь, солдатик!», но не испугался. Или пьян? Вдребезги не вдребезги, но подшофе. Для храбрости принял перед спуском под землю?..

А хрен с ним и со всеми особо важными персонами вместе взятыми! Где?! Где?!!

— Ваши там, полегли, понимаешь. А чернявый — живой. Замыкает...

Римайер замыкал группу. Когда вся чертова дюжина вышла на поверхность, Римайер по плечи высунулся из недр только для того, чтобы сообщить Жилину: «„Гоблины". Пошел обратно. Гровер дышал. Не жди. Всё — сам. И ты, и я».

Римайер пошел обратно оживлять безнадежного Гровера, не зная, что наверху — Рюг... у Белого дома. Впрочем, если бы и знал... Безнадежный Гровер, безнадежный Рюг...

А Жилин очутился один-одинешенек с чертовой дюжиной VIPов на Лобной площади, как дурак с чемоданом без ручки. «Волга» не вместит всех. Она бронированная, не резиновая. А размещать незапланированных VIPов «на броне» у легковушки — балаган Махно... И он почти запсиховал, чего ранее за Жилиным не водилось даже на Тагоре... Страна такая, сэр. Куда там Тагоре! Бардак и бардак! А тут еще баритональное радио всенощно призывает...

Стоп! Радио как раз смолкло. Жилин входил в «трансформаторную будку» — занудный диктор говорил и говорил. А теперь — тишина.

Тишина. Почти светло. Август. Уже утро. Пасмурно, но светло. Московское время — пять часов двадцать девять минут.

— Р-р-р-россияне!!! — взрырыкнули динамики. — Гр-р-раждане свободной Р-р-россии!!! Говор-р-рит Кр-р-ремль!!!

И Жилина отпустило...

Говорил Пек. Он говорил с несвойственным ему пафосом, с ощутимым комком в горле, но и с не менее ощутимым металлом в голосе. Хотя почему — несвойственным? Пек всегда говорил КАК НАДО. ГДЕ НАДО — КАК НАДО. Сегодня, здесь — надо так. И он говорил. Путч подавлен. Шпана, повинная в гибели тысяч москвичей, взята под стражу и предстанет перед судом. Вооруженные силы верны легитимному президенту. Президент в добром здравии и безопасности. По последним данным, он и его ближайшие соратники находятся...

Потом утреннюю тишину пожрал шум. Накатили толпы. Сначала рев, эхо, раскаты. Потом толпы. Восторженные толпы.

А ведь затопчут, неуместно весело подумал Жилин. Любя! «The Beatles», понимаешь! «I want to hold your hand», понимаешь! «Хочу подержать твою руку», легитимный ты наш! Мы, народ!

Пожалуй, и затоптали бы. В эйфории. Но тут Служба Безопасности, дождавшись развязки (или завязки?), глянула из тяжеловесных зданий в окна, а потом в мгновение ока сама по себе очутилась на площади, взялась за привычное-незаметное: рассекать, прореживать, локализовывать, ограждать... В общем, работать умеют, отметил Жилин. И работают на извлеченный из-под земли VIP, а не против. Всё! Миссия Жилина, миссия бодигарда Жилина выполнена. Уф!..

Но проманкировать миссией героя не получилось, не успел.

Творилось нечто. Чугунного Рыцаря в центре площади облепили сплошной муравьиной массой. Копошились, колотили, спихивали.

Если сковырнут, то «ку-ку!» — снова неуместно весело подумал Жилин. Вся площадь прошита подземными переходами. Проломит к чертовой матери! Плюс подавит неосторожных. А осторожных, кажется, здесь нет вообще. Так возникают нездоровые сенсации. Так рождаются «кровавые воскресенья».

Рыцаря действительно сковырнули, но удивительно кстати над площадью завис «крокодил». Тот самый? Такой

же? Дежавю! На сей раз Ми-24 сбросил не кумулятивную бомбу, а трос с петлей. Самые прыткие, забравшиеся выше остальных, накинули петлю на шею Рыцарю. «Крокодил» плавно пошел вверх, натягивая трос, проверяя на прочность. Потом чуть «присел» и «прыгнул» в высоту.

Оглушительный треск, от которого вздрогнули все светофоры на Лобной площади, вздрогнули и отказали, взбесились.

Первая мысль: лопнул трос. Но нет. Рыцарь с треском лишился насиженного места. Рыцарь парил в воздухе, неспешно раскручиваясь вокруг своей оси. Ми-24 забирал вверх и в сторону. Толпа зашлась от священного (или святотатственного?) восторга: вздернули! мы, народ, вздернули Рыцаря! Они хохотали.

И Жилин наконец-то понял, что все это и впрямь необычайно весело. Светофоры меняли цвета скорострельно, без пауз, вразнобой. Красный — желтый — зеленый, красный — желтый — зеленый. Жилин был рядом с Седым. К ним тянулись руки, руки, руки. Из ниоткуда возник Айова Смит с неизменной камерой на плече. Ванья, кричал он, бастард, это манифик, Ванья! И Жилин принял смитовского «ублюдка» в свой адрес и согласился, что это манифик, полный восторг и упоение, и тоже заорал ненормативно, мол, Ай, живой, сволочь, топь твою гать, выкарабкался, засранец! Что там было, Ай?! О-о, там такое было, о-о! Погода была ужасная, принцесса была прекрасная! Погода была прекрасная, принцесса была ужасная! Главное — не суть, а накал эмоций. Это было ужасно! Это было прекрасно! Сейчас не до того, Ванья! Сейчас главное — здесь и сейчас! Рос-си-я! Рос-си-я! Росси-я! Скандировали толпы. Красный — желтый — зеленый, красный — желтый — зеленый. А вот, понимаешь, солдатик, которому все мы обязаны... и вот я прямо здесь и сейчас подписываю указ! Седой захлопал себя по груди в поисках ручки. А Жилин лишился почвы под ногами — его схватили, подбросили, поймали, подбросили. Седого тоже качали. Качали еще с полдюжины неуточненных фигур. Потом Жилин вместе с Седым очутился на постаменте, где до недавнего исторического момента скучал Ры-

царь. Седой зачитывал какие-то, понимаешь, бумажки, а Жилин в полуприседе страховал глашатая от падения с пьедестала. Рос-си-я! Рос-си-я! Долой! Ура! А Рыцаря куда?! В реку! Кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Рос-си-я! Ура! От имени инициативного комитета предлагаем переименовать площадь в Лобную, ура! Друзья, веселился Жилин, лобное — значит, место казни, и уже есть одно лобное место, у Спасских ворот! Вы не филолог, как вас зовут, Иван, хорошее русское имя, но вы не филолог, Иван, и не историк! Вы символ свободы России, ура! Рос-си-я! красный — желтый — зеленый... но не филолог и не историк! Подвысь у Спасских никогда не была местом казни, а царским и патриаршим при беседе с народом, слушайте, Иван, оттуда же, с возвышенности, читались указы, собственно, Лобное — и означает: высокое, приподнятое. Отстань от него, интель! Я — интель?! А по сопатке?! Ваня! Выпьем! Давай с нами выпьем! Ур-р-ра-сси-я-а! Рыцарь — из золота, Усатый весь золотой запас ухнул на отливку Рыцаря и сверху покрасил, а теперь статую своровал вертолет, тот самый вертолет, который Белый дом разбомбил! А иди ты! Красный — желтый — зеленый... Мы победили, Ваня, победили! Да, вы победили! Какие-такие «вы»?! Мы! Вы, вы!.. Такие просветленные, такие замечательные, такие героические — посреди голодной, пасмурной, взвинченной столицы. Красный — желтый, красный — желтый — зеленый. Мария, брызгая изумрудной в светофорных отсветах слюной, орал на Жилина, и Жилин только благодушно ухмылялся, пока Марию не прихватили под микитки с намерением разобраться с этим коротышкой накоротке, — наезжает, понимаешь, на символ! И Жилин смог отстоять Марию только потому, что ему, символу, то бишь Ване, сегодня можно все...

...И Мария продолжил взбучку, только оставшись один на один в любезно предоставленном кабинете Службы Безопасности, благо далеко ходить не надо — угол Фуркасовского и Мясницкой. Теперь Мария не орал, а был дьявольски вежлив и проникновенен.

— Да, — говорил он, — вынужден признать, что разведка как общественный институт окончательно деградировала. Савада, Гровер, Боас, Учитель... Вы доподлинно знаете, что их нет?

— Если верить Римайеру...

— Значит, их нет. А Римайер?.. Что вы изображаете из себя провинившегося дембеля, Иван! Римайер — спец. Он выполнил миссию и пропал, исчез, дематериализовался, черт побери! Он есть, но его нет! Он молодец! Савада, Гровер, Боас, Учитель — их нет и... их нет. Тоже молодцы! Да, они продавались и покупались, у них не было родины, они были подонками, люмпенами, но они работали! Я не испытываю никакой жалости от того, что их больше нет, но, когда я смотрю на вас, Иван, я понимаю, какая это была потеря! Что за фанфаронада, Жилин! Я вас не узнаю! То есть, к сожалению, узнаю! Кто санкционировал вашу засветку?! Или так — какими высшими соображениями вы руководствовались, позируя перед камерами на площади, чем вы мотивируете ваш, с позволения сказать, звездный час?! Вы хоть осознаете, Иван, что никогда, понимаете, никогда не сможете появиться здесь — ни теперь, ни потом, никогда?! Засветившийся спец, а?! Каково!.. Нам и так не хватает людей... Римайер и Пек... Раз, два — и обчелся... А тут еще вы... В общем, так. Садитесь! Пишите!..

Никогда, понимаете, никогда не сможете появиться здесь...

Глава третья

Никогда не говори никогда.

Жилин не успел на похороны.

Марию отнесли на Донское, не на Новодевичье. На плите: «Луис Педрович Марьин. 1937 — 1996». Ничто не соответствовало истине — ни год рождения, ни Ф. И. О.... Разве что год смерти. И то в случае, если Мария действительно это самое... За спецами класса Марии водится

такое — отрыдали, отпели, и вдруг вскакивает с криком: «Всем оставаться на местах! Контрольные похороны!»

Нет, действительно ушел. В землю.

— Сердце? — ритуально полюбопытствовал Жилин.

— НВУ, — пояснил Римайер. — Эквивалент — четыреста граммов тротила. В собственной машине.

— Почему НВУ?! — уже не ритуально, а искренне удивился Жилин. — Мы что, уже не в состоянии классифицировать взрывное устройство? Почему — неустановленное? Почему — НВУ?!

— Мы — в состоянии, — сказал Римайер. — Но делом занимаемся не мы.

— А кто?!

— Милиция.

— А мы?

— А мы — не занимаемся. Принято связывать покушение на Марию не с его прошлой деятельностью, а с нынешней коммерцией. Мария последние два года торговал редкозем...

— Кем принято? Милицией или... нами?

— Да что мы все о нем, старина! Ты-то чем занимался последние годы?!

Культивировал фиалки, разводил пчел, отсыпался в Тульчине!..

Последние годы (количество — пять) Жилин пробыл в Африке, отнюдь не на сафари. Ссылка. Неграм грозят Сибирью. Чем пригрозить урожденному Ване-сибиряку?.. В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы. А также бедствующее, перманентно воюющее друг с другом бармалейное население — все черные, и все за социализм! Курорт!

Чем Жилин занимался последние годы, Римайеру известно лучше, чем Жилину. Вот и чудненько. Отдохнул? С прибытием, Ваня...

Жилин ступил на перрон Ленинградского вокзала из вагона фирменной «Стрелы». Самый «выгодный» вокзал. На Казанский, Павелецкий, тем более на Курский приходят южные — потому там усиленные наряды в камуфляже.

Киевский с Белорусским — попроще, но там из братских славян вытрясают мзду за право торговать в первопрестольной. На Ленинградский приезжают ленингр... петербуржцы. Пиетет сохранился. Москва, конечно, столица, но Питер есть Питер.

И как у вас в Питере?

Жилин, задай кто-нибудь ему этот незатейливый вопрос, ответил бы столь же незатейливо: по-прежнему! как всегда! Он хоть и прибыл «Стрелой», но — не из Питера. А у вас тут в столице что новенького?

Да ничего особенного.

Ну-ну. Tabula rasa.

Пять лет назад было иначе. Заметно иначе. Тоже август. Тоже Москва. Но иначе.

«Уважаемые москвичи и гости нашего города!..» — монотонный диктор, расточающий децибелы на всю площадь трех вокзалов, а то и на всю столицу. Дежавю! Тот, да не тот... Баритон призывал москвичей и гостей нашего города на кладбище.

Спасибо, не сейчас. Все там будем, но желательно еще помучиться.

«Могилы Владимира Высоцкого, Сергея Есенина, лучшего вратаря всех времен и народов Льва Яшина, первого президента Свободной России, Андрея Миронова, Георгия Буркова, Людмилы Пахомовой, Мариса Лиепы!..» — искушал неординарной компанией баритон.

Спасибо, нет. Будь в той компании Луис Педрович Марьин, тогда еще куда ни шло. Мария — на Донском, не на Ваганьковском.

И вообще — что за манеры?! Гость только-только первые шаги сделал, а ему сразу приветливо эдак: «На кладбище не желаете?»

Жилин — мазохист, он еще поживет! Нельзя ли предварительно хотя бы... ну хотя бы позавтракать, что ли?

Киоски ломились от гам-, чиз- и прочих самых причудливых бургеров. Дымились мангалы, мясо на шампурах благоухало подлинной свежей бараниной — не мороженой свининой и никак не собачатиной. Пиво. Оно было. Даже там и тогда Жилин не видел стольких сортов еди-

новременно. Здесь и теперь к традиционным «гиннесам», «туборгам», «будвайзерам» плюсовались неизвестные «тверские», «балтики», «лидские», «черные принцы». Гм, «жигулевского» не было... Количество различных водок Жилин и не сосчитал — водкой он никогда не интересовался (и-иэх! а еще тунгус!). Да-а, прогресс, ребята, движется куда-то понемногу...

Конечно, было грязновато и противновато — ощущение несвежей рубашки — модного покроя, белой, с «кисой», но... несвежей. Но было всё.

У мусорных контейнеров шарили палками, пристально щурились откровенные беспардонные расхристанные бомжи, а также интеллигентного вида стеснительные старушки. Нищета? Однако эти... гм-м... обездоленные выуживали из мусора связки бананов, чуть тронутые старческой крапинкой, ананасы с пролежнями (но ананасы!), помятые, но не вскрытые консервные банки с томатной пастой, рольмопсами, кукурузой. И рылись они не с голодухи. Жилин еле протиснулся сквозь узкий коридор, образованный плотно выстроившимися плечом к плечу стихийными торговцами и торговками. Предлагаемый товар стоил смехотворно дешево и подкупал разнообразием — бананы, ананасы, томатная паста, рольмопсы, кукуруза...

Жилин не возражал бы против хорошего честного завтрака. Но поумерил аппетит, глядя на это все. Спасибо, как-нибудь потом. Позже и не здесь.

А вот у книжного развала он остолбенел.

Их было немыслимое количество. Они были немыслимых акриловых расцветок. Обложки пестрили немыслимыми голо-сисястыми красотками (явными шлюхами), мышцатыми дебилами в черной коже (явными гомиками), толстоствольными стрелятельными орудиями (явно не функциональными), лужами крови (явный кетчуп). Но — неважно. В конце концов, фантик — дело десятое, зависящее от вкуса художника или отсутствия такового. Главное — что внутри!.. Жилин прикинул, как смотрелся бы тут томик Федора Михайловича, хотя бы «Преступление и наказание», оформленный соответственно: Сонечка

Мармеладова во-от с такими... глазами, вся в слезах и больше ни в чем; монструальная оскаленная рожа Раскольникова; топор в кровавых потеках... бр-р! Впрочем, Федор Михайлович на развале отсутствовал. Зато! Зато!..

Жилин взял однотомный кирпичик с голым онанирующим рогатым козлобородом на обложке (пост-Вальехо). Пролистал титульный. Чикаго, 1995. Оглавление. Надо же! И «Нечисть», и «Автонекролог», и «Прибытие»! Шехтман! Почти весь. Надо же!

— Это круто! — доверительно подсказал чавкающий чуингамом продавец, закидывая удочку.

Жилин кивнул: мол, знаю, — и продолжил поиски выходных данных. Да никаких! Просто: Чикаго, 1995... Надо же! Шехтман! В России! Рыжий заика, воспринимаемый многими, даже умницами, как шизоид, рискованный шутник милостью божьей, умерший и воскресший, литература как упорядоченный бред, а что есть жизнь, если не упорядоченный бред... Возьму, сказал Жилин и сунул «кирпичик» под мышку, потому что надо было освободить руки. Которые потянулись дальше...

«Покровитель»! Возьму, сказал Жилин. Не читал дотоле. В Африке как-то не попадался. Но «Покровитель» и в Африке «Покровитель» — никто не читал, в глаза не видел, однако автор заочно приговорен вудуистами к... вудуированию за вудухульство. А также христианами, мусульманами, иудеями — за иисусохульство, аллахохульство, иеговохульство. Хотя «Покровитель» не про то и не за тем. И почитаем! А то, видите ли, я не читал, но скажу!

— Это еще круче! — чавкнул продавец, водя блесну. — Запрещенная везде. Только у нас!

А там? А левее? А внизу? Глаза разбегались. «Энциклопедия третьего рейха», Ф-серия «Локида», весь Жапризо, весь Хеллер, весь папа-Хэм (с «Вешними водами» включительно, псевдоподражанием Шервуду Андерсону, не с издевкой, как полагают литпридурки, а из почтения к учителю)... А во-о-он справа у вас что? Неужто?.. Нука, покажите, затребовал Жилин.

— Братищев, — чавкнул продавец, констатируя неудачу с наживкой. Ему было лень тягать двенадцатитомную

стопку. Во клиент пошел! Захватают товар пальцами, десяток книг переберут, а покупать не купят. — Братищев, ну!

Вижу, упрямо сказал Жилин, покажите! Господи-боже-мой! Действительно Братищев! Полный! С комментариями Минца! И без похабной обложечной пестроты! С иллюстрациями Карапета Ашмаряна!

— Это вообще крутизна! — чавкнул продавец, учуяв: клюет, клюет! подсекай, подсекай!

Возьму, сказал Жилин. Он с сожалением вернул на место Шехтмана, «Покровителя», папу-Хэма... Можно ли объять необъятное? Нельзя объять необъятное!

— Братищева возьму, — сказал Жилин. — Сколько я должен?

Продавец сказал, сколько Жилин должен.

— Как? — переспросил Жилин, отнеся услышанное за счет чавкающей дикции.

Продавец с удовольствием повторил.

— С ума сойти, — честно сказал Жилин.

— Братищев! — в интонации «дык!» чавкнул продавец. — С картинками! Берем?..

— Разумеется, — пробормотал Жилин, опуская глаза, чтобы отсчитать названную сумму и заодно не видеть жующей физиономии. Десятки не хватило. В рублях. — Вы ничего не имеете против долларов?

Можно было отлучиться до ближайшего обменного пункта и вернуться, но Жилину захотелось поскорее уйти и уже не возвращаться. Пять лет назад, помнится, в столице никто ничего не имел против долларов, против рублей — да, но не долларов.

Физиономия продавца разительно изменилась. Чавканье прекратилось. Скулы закаменели, будто чуингам намертво склеил челюсти. «Крепок, как гранит, Варшавский Щит!» Плакат.

— А ну канай отсюда! Валютчик! Гад подколодный! Нет рублей, и не хапай товар! Мы торгуем за рубли, поал, гнида! Только за рубли! Засунь свои баксы себе в задницу и канай отсюда, поал?! — Продавец форсировал голос, явно привлекая внимание прохожих.

Нелогично. Даже если к доллару почему-то здесь охладели, зачем орать-то? И не охладели, отнюдь! Это жвачное говядо предпочло бы... не рубли. Судя по флюидам. Однако демонстративно блажило. Вот-вот. Демонстративно. Будь Жилин блюстителем-провокатором, испытывающим гражданина на благонадежность, и раскуси гражданин подвох, именно так блажил бы гражданин, смачно именуя подставного «валютчика» и гадом подколодным, и гнидой, а то и козлом в клеточку. Собственно, так оно и... Кроме того, что Жилин — не блюститель-провокатор.

— У меня просто мало рублей, — дружелюбно сказал Жилин. Дружелюбие далось с усилием. — А долларов много. Я просто бедный турист. Богатый.

— Проблемы, мастер? — Детина с перебитым носом спросил участливо, но с отчетливой куражливостью. Их откуда ни возьмись за спиной Жилина возникло трое — все трое массивны, коротко стрижены, пустоглазы. — Проблемы?!

Вопрос как бы к продавцу, но Жилина поприжали, не плотно и тем не менее давая понять... справа-слева-сзади.

— Баксы хотел мне втюхать! — обвинило говядо.

— Я турист, — прикинулся Жилин смиренным дурачком. Ясно, что ПОПАЛ, но во что? Надо посмотреть. — А что, ребята, у вас валюту разве не принимают?

— Принимают, братан, принимают, — разъяснил Нос, — но только через обменный пункт. Тебя как звать-то, братан?

— Ваня, — прикинулся «Ваней» Жилин.

— Ид-ди ты! Сам — Ваня, а хочешь национальный рубль подорвать... — Сокрушенность была почти неотличима от искренней.

— Да не хочу я! Я просто не знал. Просто у меня рублей не хватило! — Жилин прижал руки к груди, играя лоха. Почему бы и нет? Вы со мной играете, я с вами сыграю!

— А чего ему надо? — выяснил у продавца Нос, будто самого Жилина не было и в помине. — О-о! Братищев! Чукча — чита-а-атель! Сколько ему не хватило? Десятки?! На! Порядок, мастер? В расчете?

Продавец закивал: мол, в расчете, — и безвозмездно предоставил полиэтиленовый пакет с хлипкими ручками. Нос не уложил, ссыпал туда все двенадцать томов — беспорядочно, валом. Ручка тут же порвалась. Держи, сказал Нос. И Жилин вынужденно обхватил в обнимку неуклюжий пакет.

— Должок за тобой, братан! — как бы пошутил Нос.

Дамочка непреклонного возраста приостановилась у прилавка, потрогала пальцем глянцевый покетбук с незатейливым названием «Просто Мария». (Гм! Луис Педрович?.. Зовите просто Мария!)

— Это круто! — чавкнул продавец. Жилин перестал для него существовать.

Подельники новоявленного кредитора подтолкнули должника с боков — в нужном направлении.

Направились, как выяснилось, к пункту обмена. Проблемы? Никаких! В России имеет хождение рубль. И только. Кто не знает, того готовы просветить и даже препроводить к ближайшему «обменнику». Ты ж десятку должен, мастер! В рублях. Щас поменяешь и — рассчитаемся!

Забавно! Троица мордоворотов всерьез решила, что лох полностью смирился и идет куда ведут. Руки у Жилина заняты пакетом с книжками, но что руки... Забавно!

Детины довели лоха не до ближайшей подворотни, где, как предвкушал Жилин, лоха выпотрошат и дадут пинка под зад... как им кажется... Они все вместе действительно пришли в «обменник». Не ближайший. Но в «обменник». Натуральный, без «липы». В бутике. При входе в бутик нес службу закамуфлированный амбал, вооруженный «Дрелью» (шестнадцатизарядный, калибр 5,45).

«Обменник» находился в закутке, изолированный от зала могучей металлической дверью с окошком.

И плакатик над окошком: «Сто долларов — это всегда сто долларов!» — со стрелками, указывающими на различия.

И уведомление: «Осуществляя валютные операции с неизвестными, вы рискуете быть обманутым и совершаете уголовное преступление!»

И курс покупки-продажи мелом на грифельной дощечке...

Оп, стоп! Это что ж за курс бредовый! Одна-а-ако!

В спину давяще дышал кредитор со товарищи. Из окошка снуло глядела идентичная ряха. Потом дверь натужно открылась, и Жилин, теснимый троицей, оказался внутри вместе с троицей же и с ряхой.

— А мы, значит, разве не через окошко будем?

— Не, не через окошко. Так надежней, и шум снаружи не слышен... Да не будет он шуметь. Братан, ты же не будешь шуметь? А, Ванек?!

— Не буду. Я вообще с детства — как мышка.

— Ну?

— Что — ну?!

— У тебя ведь есть доллары?

— Да. Но не по такому же курсу!

— Неужто, братан! А что у тебя есть, кроме долларов? Вытряхивай! У нас принимают любую валюту. Марки, фунты, крузейро!

— У меня нет крузейро. У меня есть макута, квача, тхебе... — Жилин перечислил далеко не все известные ему экзотические афробумажки, и не понаслышке известные. Заир, Малави, Ботсвана. А то еще — нгултрум, даласи, каури, песева?.. Ситуация, ставшая предельно ясной, стала скучной.

— Крутой, что ли? — соболезнующе спросил Нос. — Так все хорошо было, по-честному...

— Ванек не понимает, — поддакнул пустоглазый, и второй пустоглазый поддакнул:

— Учить надо!

— За квачу ответишь! — накатила идентичная ряха, цепляясь к слову.

...Тесновато, конечно. Зато звуконепроницаемо. Впрочем, он пообещал, что не будет шуметь. И впрямь — как мышка. Но должок вернул. Взял из кассового ящика десятку, вместо нее положил эквивалентное количество долларов (по приемлемому курсу! не по указанному на грифельной дощечке!). Десятку он, плюнув, налепил на лоб бездыханному кредитору. С волками жить... А Бра-

тищева Жилин им все-таки не оставит. Опять же, уплочено.

Вышел из закутка, аккуратно защелкнув за собой металлическую дверь. Независимо прошествовал мимо амбала с «Дрелью». До свиданья, сказал Жилин, спасибо. Заходите еще, сказал амбал. Непременно, сказал Жилин, светски содрогаясь...

Доллары он поменял на рубли в ближайшем от злополучного обменника обменнике. Курс там был раз в пять-шесть выгодней, нежели у бандюков. Понятное дело, бандюки. Подлавливают лохов и вынуждают...

Жилин искренне полагал, что эра всяческой шпаны завершилась пять лет назад, тем самым достопамятным августом. Во всяком случае, надеялся. Пек, опять же... Если бы Пек попал в обойму после Августа, то бандюков в столице не стало бы по определению. Это было бы очень удобно, окажись у Пека высокое общественное положение. Хорошо, если бы он оказался, скажем, мэром... Не Пек. Буба. Остывшее зеленоватое тело в джакузи с остывшей зеленоватой водой. Шевелящееся тело. Иллюзия, вызванная массирующими струями джакузи. Мертв. Жилин стряхнул наваждение.

Однако теперь, когда рублей у него более чем достаточно, завтрак не помешал бы. А то и помог. А то и обед. Полноценный, плотный. С бифштексами. И не маленькими (вот ведь подлость! ма-а-аленькие бифштексы!), но большими, скворчащими, истекающими, источающими аромат. И желательно, чтобы вокруг было почище, поуютней, нежели на вокзале...

Вокруг было почище, поуютней, нежели на вокзале. Место называлось «Репортер». Если верить ресторанному рейтингу, кабак не из последних, а то и из первых. Все верно. Где же еще прикажете отобедать репортеру, если не в «Репортере»!

Метрдотель с порога предложил дюжину галстуков — на выбор. Рекомендательно, не задевая самолюбия клиента, но блюстительно. Галстуки были упакованы в фирменные пластиковые коробочки. Фирмы были мало сказать

солидные — французские «Platini», азиатские «Topaz», каунасские «Danga». Цены — соответственные. Жилин крайне редко (никогда не) надевал галстук, не любил, шея, опять же... Но тут покорился. «Репортер» как-никак! Не забегаловка в Мирза-Чарле.

— «Пьер Карден»... — порекомендовал мэтр. — Ручная роспись, промышленных образцов нет в природе. Каждый экземпляр уникален.

Спасибо, нет. Вам шашечки или ехать? Вам галстуки или кушать? Жилин старомодно предпочел шелковый однотонный «Wemlon», англичане — гарантия качества и вкуса. Метрдотель еле уловимо выразил готовность помочь с узлом. Спасибо, нет. Можно не носить галстуки, но повязывать их должен — и с шиком...

О, выразил сдержанное восхищение метрдотель. Прошу вас, уважаемый!

Всего и было репортерского в кабаке, что наименования в карте блюд. «Известия», «Московские новости», «СПИД-инфо», «Савва-ДО», «Коммерсантъ», «МК», «Абсолютно приватно». Это из знакомых Жилину ранее (то есть еще пять лет назад) изданий. Надо понимать, еще полторы сотни наименований тоже подразумевали под собой некие уважаемые печатные органы. Дело вкуса — специфически обзывать кушанья. Одно худо — нигде и никак не расшифровывалось, а что, собственно, рискует скушать клиент, закажи он, к примеру, блюдо «СПИД-инфо» (бр-р!) или «Сегодня», или «Вчера», или «Завтра» (осетрину первой, второй, фьючерсной свежести?!).

В «Репортере» было пусто. Жилин оказался единственным клиентом. Или здесь кормят отвратительно, или баснословно дорого, или неурочный час — настоящие репортеры в бегах, ноги кормят.

Удачно, что здесь и теперь Жилин залегендировался репортером, а не литератором, как там и тогда. Мы все-таки остаемся самой читающей страной в мире, с глуповатым самодовольством отметил Жилин. Назовись в России литератором — и сразу: а что вы написали? Здесь в Муму не поверят. Либо ты есть на книжном развале (как фамилия? как, как?), либо ты... не литератор. Репор-

тер — иное. Что-то я вашу фамилию не помню... Я из горячей точки, из Африки. О-о!

— «Савва-ДО», — наугад заказал Жилин под проникновенно-дотошным взглядом метрдотеля. Мэтр принимал заказ сам, видимо, таким образом оказывая неоценимую услугу. Не люблю метрдотелей, подумал Жилин.

— Придется подождать... — увещевающе сообщил метрдотель.

Жилин выдавил из себя раба, надменно надломив бровь.

— «Савва-ДО», судак, запеченный в раковинах, — пояснил мэтр. — Филе судака припускаем вместе с боровиками... или предпочитаете шампиньоны?.. раковыми шейками... или крабами?.. Белый соус. Молочный соус средней густоты. Тертый сыр. Запекается двадцать минут.

Жилин завсегдатайски плеснул ручкой, мол, боровики так боровики, шейки так шейки (ого! ничего себе заказал! он вообще-то хотел мяса...), подождать так подождать. Но тогда — «Известия». В ожидании «Саввы-ДО».

— «Известия», бабка творожная с орехами на меду паровая, — терпеливо, не моргнув глазом, прокомментировал мэтр. — Сначала «Известия», потом «Савву»?

Не люблю метрдотелей, подумал Жилин.

— Пока я жду ВАШЕГО судака, принесите мне газету «Известия»! — нарочито проартикулировал он. — Свежую, — добавил он.

— У нас все свежее... — покорно сообщил мэтр, но губы поджал.

Не люблю, подумал Жилин, разворачивая шуршащий формат А-3 и пряча в него глаза.

«Известия» извещали, что инфляция за август месяц составила 0,01 процента, то есть как бы ее и нет.

Традиционный курс валют. (Жилин удовлетворенно хмыкнул. Не прогадал. Два к одному!)

Редакционная статья, в которой кто-то ироничный (но верноподданный) в манере «хотите верьте, хотите проверьте» приводил родословную российского президента Петра Колычева аж от Александра Елко, произошедшего наряду с Семеном Жеребцом от Андрея Кобылы. Тем

самым так называемому Народно-Патриотическому Фронту рекомендовалось прекратить бессмысленные кровавые акты так называемого «возмездия» и... нет, не сдаться, но присягнуть на верность законному потомку основателя династии Романовых. Иначе Фронт будет объявлен вне закона... Ирония, да, присутствовала, но черт их всех здесь знает! Насчет «вне закона» — шутка, не шутка?

Разворот — о проблемах Содружества:

«Черноморский флот был, есть и будет черноморским! К такому соглашению пришли представитель российского Президента и глава блока „Незаможность" (бывш. „Незалэжность"), поставив свои подписи под документом, согласно которому Свободная Россия готова к интеграции с Малороссией до 2001 года. Российская сторона подчеркнула, что воссоединение возможно только на условии полной выплаты Малороссией долгов и приведения реального курса гривны к курсу рубля».

«Государственная Дума подавляющим большинством голосов приняла поправку депутата Уссаева, согласно которой АКМ-47 с подствольником наряду с зеленой налобной повязкой приравнивается к деталям национального костюма граждан Какойтостанского автономного края (КАК) при условии, что означенные детали национального костюма лишены боекомплекта. Таким образом депутаты решили сразу две задачи: отныне граждане КАК не смогут обвинять Кремль в ущемлении их национальной чести и достоинства, а остальные граждане Свободной России почти ничем не рискуют при встрече с уроженцем КАК в национальном костюме по причине отсутствия у АКМ-47 боезапаса».

«Министр обороны генерал-полковник Туур, прибывший в Шатун-Курган на встречу всех непримиримых сторон под патронажем ОБСЕ, заявил: если непримиримые позволят себе еще одну провокацию против установившегося мира и порядка, мы готовы в течение сорока восьми часов вывести Какойтостан из состава Свободной России и нанести асимметричный ответ по полной программе — как по вражеской территории».

«Совет Федераций одобрил закон о компенсации морального и материального ущерба, причиненного России Малыми Странами за исторический период Ягелло-Гедиминаса-Кантемира. В случае отказа Россия оставляет за собой право обратиться в Гаагский международный суд, но при таком варианте наболевший вопрос о возвращении Малых Стран под российский протекторат, разумеется, откладывается на неопределенный срок».

«Криминальная хроника. Этой ночью новый взрыв потряс Лобную площадь. Очередной раз покушению подвергся мемориал „Август". Жертв и разрушений нет. Ответственность за акцию пока никто на себя не взял. Подразделение „Кречет" муниципальной милиции, побывав с утра в штаб-квартире организации „Коммунары за коммунизм", известной своим экстремизмом, предупредила оную о недопустимости впредь. „Коммунары" категорически отрицают свою причастность к взрыву на Лобной. О жертвах и разрушениях будет сообщено дополнительно».

И последняя полоса, по традиции — ничто ни о чем:

«Спартаковские мастера кожаного мяча традиционно проиграли питерским садыринцам с неприличным счетом 0:6. Тенденция, однако! Против тенденции не попрешь».

«В ночном клубе „Playman" на сегодняшнее party ожидается прибытие абсолютно неожиданных гостей из самых экзотических уголков Земли и самой экзотической ориентации. Всю ночь! Кабинеты. Общий зал. 9546636».

«И о погоде...»

М-да! Мир сей хорош ли, плох ли, но не скучен.

— Скучаете, коллега?

Собеседника Жилин ощутил еще за минуту, от дверей, еще когда тот только вошел в «Репортер». Пустой кабак! Облюбуй себе свободный столик и закажи какой-нибудь, ну не знаю, «Птюч». Нет, подсел. Скучает... В иное время Жилин погнал бы эдакого взашей. Но tabula еще была почти rasa. Информация ценна сама по себе, независимо от личной патии к источнику информации... Азы Школы. В «Репортер» вхожи репортеры, репортеры любят

рапортовать. Вообще-то журналисты прежде всего должны уметь и любить слушать, а не говорить.

Собеседник был патлат, относительно юн, нахален, типичный... м-м... птюч. Рубашка-апаш, но на голой кадыкастой шее — красная «бабочка» в черную крапинку. И традиции заведения соблюдены, и... как они теперь говорят?.. прикольно. Собеседник был говорлив. Собеседник был априорно уверен: от беседы с ним откажется только полный кретин или последний дикарь, который не понимает своего счастья — беседы с...

— Омар! — представился птюч. Ритуальная дань условностям в ожидании, что Жилин изобразит: «Как же не узнать Омара!»

Как же не узнать Омара, изобразил Жилин.

— Что вы заказали? «Савву»?! Нынче среда, коллега, не четверг! Вы же хотите мяса. Я по глазам вижу, хотите. Э-э, человек! Тормозни заказ! Прими новый! — «Тыканье» могло коробить, а могло толковаться кавказским панибратством.

Мэтр послушно отозвался на щелканье пальцами. Однако Омар бесцеремонно погнал его за официантом. От нелюбви к метрдотелям у Жилина возникло секундное расположение к раскованному Омару.

— Картулат шемцвари суки. Два! — заказал Омар новоприбывшему официанту в смокинге и склонился к Жилину. — Вы ведь не откажетесь?

— Газета? Журнал? — изобразил провинциала Жилин.

— Блюдо. Вся эта дешевая фанаберия с названиями... Голубчик, ты еще здесь?

— Вы хотите сказать, два «Смака»? — заупрямился «смокинг».

— Два картулат шемцвари суки, — напористо повторил птюч-Омар. — И текилы, голубчик! Сначала текилы! — заслал он заказ уже вослед, в спину.

Птюч-Омар был тут, судя по всему, завсегдатаем. Анфан террибль.

— Это — мясо? — осведомился Жилин на всякий случай.

— Вырезка, — пояснил птюч. — Тонко отбивается тяпкой без прорывов, солится-перчится. На середину кус-

ка — лук, зерна граната. Потом завертывается трубочкой, концы перевязываются шпагатом. И — на шампур. Лимон, барбарис, наршараб — отдельно...

Из кухни (надо понимать, из кухни) донеслись мощные звуки ударов, способных нокаутировать... если судить по звукам.

— Без прорывов! — блажно рявкнул птюч-Омар в сторону кухни.

Звуки поутихли.

— Картулат шемцвари суки? Суки? — переспросил Жилин, памятуя о шашлыках на вокзале.

— Говядина, — извинил неудачную шутку птюч. — Грузинская кухня.

— Тогда почему текила? Тогда «Ахтамар». Коньяк с легендой! — Жилин прикинулся Ваней, которому что армяне, что грузины... Просто он предпочитал «Ахтамар» всяческим «Варцихе» и «Энисели».

— От коньяка с легендой осталась только легенда, что он — «Ахтамар». Коньяка сейчас в России нет. Коньяк должен пять лет лежать в земле, и чтобы его не беспокоили. Так что сейчас лучше всего — текила. Вместо коньяка! — наставительно сообщил Омар.

— Я пять лет был в Африке, — пояснил Жилин. — Только сегодня вернулся.

— А! Тогда понятно. И как там в Африке?

— В Африке акулы... — пошутил было Жилин.

—...пера! — подхватил птюч-Омар. Его абсолютно не интересовало, как там в Африке. Он определенно ждал от коллеги признания его, Омара, значимости. Не дождался. Экое захолустье ваша Африка, если там Омара не знают. Чем же вы там занимались, коллега! — Что у вас в пакете? Книги? Вы читаете книги? Книги надо писать, дорогой мой, не читать! А, Братищев! Это же все глупости! Это же все устарело!..

Поспела текила. В замысловатой выпукло-впуклой стеклянной посудине. И грейпфрут, разрезанный дольками, но не очищенный.

— Ага! — отвлекся птюч. — Знаете, как надо пить текилу?

Жилин знал, как надо пить текилу. Но кивнул в смысле «нет».

— Ну да, откуда в Африке текила! Учитесь, пока я жив! Значит, крупная соль. Вот! Теперь щепотку сюда, на сочленение большого и указательного пальцев. Теперь выдавливаем на эту щепотку сок... Грейпфрут должен быть неспелым. Более неспелым! Человек! Принеси неспелый!.. Ага! Вот она, соль, пропитывается... Видите, почти тает, рыхлится! О! Пора! Вот теперь стакашок — глыть! А это вот — слизнуть. Закусь! М-мечта!..

Мечта, да. И еще у меня есть мечта, как говаривал покойный доктор Кинг... У Жилина возникла мечта — заткнуть собеседника. К сожалению, пустышка. К сожалению, информации от птюча — ноль. Хоть внимай ему тысячу и одну ночь. Тысячу не тысячу, ночь не ночь...

Птюч-Омар оказался из акул пера, которые, беря интервью, начинают с «Я, конечно, извиняюсь, но у меня вопрос! Я думаю, что...» — после чего следует изложение собственного кредо минут на шестьсот и кода: «И что вы думаете по поводу сказанного мной? Хотя, конечно, это и неважно!», — конец беседы.

Подали «картулат шемцвари суки». Вкусно.

— Вкусно? — на минуточку осекся птюч-Омар.

— Божжжественно! — преувеличил Жилин в тон говоруну.

— Так вот, я думаю, что...

Посудина с текилой опустела. Потом еще одна. Соль, черт побери, кончилась!

— И при всем при том, дорогой мой, обратите внимание на...

Всё. Ну всё, ну! Час сигары! Жилин не курит, но ради такого случая изобразит аматёра. Благо сигарами можно (нужно!) не затягиваться. Пардон, ради какого случая? А вот этого самого — глубокомысленно молчишь, потому что — сигара.

— И ведь как раз эту магистральную избрало все благоразумное человечество! А вы говорите — Братищев!

— Я говорю — Братищев? — удивился Жилин.

— Неважно! Так вот! Если о вреде алкоголя знает каждый, но каждый же и пьет на протяжении, заметьте, тысячелетий, значит, это хомо сапиенсу НУЖНО, значит, без алкоголя человечество, вполне вероятно, вымерло бы или деградировало. Если никотин — отрава, и курильщик отравляет не только себя, но и своих же детей, однако заставить его бросить невозможно даже под страхом смерти...

— Я бросил... — возразил было Жилин, однако сигара в пальцах есть сигара, даже если не затягиваться.

— Вижу, — тонко ухмыльнулся птюч. — Но таких волевых — один на тысячу. Значит, человечеству и это почему-то нужно! Кстати, не интересовались процентным соотношением раковых больных между курильщиками и бросившими? Поинтересуйтесь. Вас, коллега, ожидают сюрпризы...

— Никотин признан наркотиком, — вставил слово Жилин. Спорить с говоруном было бессмысленно и неинтересно.

— Вы не марксист? — спросил птюч. — Я так и подумал, что вы марксист. Адепты всегда толкуют учение с точностью до наоборот. Религия — опиум для народа! Помните? Ваш Маркс имел в виду не порочность «употребления» религии человеком. Во времена Маркса опиум был единственным средством облегчения боли, наркозом. Вы же пытались искоренить веру в Бога, ссылаясь на завет вашего основоположника, которого к тому же не поняли. Зряшное занятие, коллега! Вы, марксисты, не отменили Бога, но элементарно заменили его своим ставленником — мавзолейным божеством во плоти, пусть и гниющей плоти.

— Я марксист, но я марксист-агностик. Я подвергаю все сомнению... — сказал Жилин и весело приужахнулся про себя: неужто он выглядит таким дремучим хрычом, что патлатым птенчикам доставляет удовольствие читать ему нотации?! — Например, я подвергаю сомнению пользу наркотиков. Вы когда-нибудь вынимали из ванной тело близкого друга? Мертвое тело. С прозеленью.

Бывшего атлета, превратившегося в сорокалетнюю развалину...

— Крэг? Джеф? Чайф? — со знанием предмета уточнил Омар.

— Слег. Вставляшь, значит, тубусоид. Набуровливаешь в ванну горячей воды. Таблетку «Девона»...

Жилин исподтишка цепко следил за птючем: мимика, глаза, жесты. Невербальные сигналы, если ты спец, надежней, чем полиграф. Жилин был спец. Ни черта не знал этот птюч про слег. Хотя головенкой долгогривой кивал: мол, разумеется, слег, как же, как же, только младенец не знает про слег, ну и подумаешь, слег, эка невидаль!

— Отправление естественных нужд, вот что такое слег, — авторитетно брякнул Омар. — Не к столу будет сказано. Эти отправления, конечно, малоаппетитны, но на то и существуют сортиры. Общество в курсе, чем индивидуум занимается в кабинке. Но никто не сносит сортиры бульдозерами на том веском основании, что процедура в кабинке малоаппетитна. Тем более общество не до такой степени глюкнулось, чтобы раз и навсегда запретить индивидуумам испражняться, ибо это неаппетитно. А главное, посмотрел бы я на того законопослушного, который подчинился бы запрету. На вторые сутки максимум.

— Вы — про слег? — показательно изумился Жилин.

— И про слег, и про крэг, и про джеф, и про чайф! Неважно! Вот вы сказали — ванна! Видите, даже сама процедура!.. Ванна! С античных времен длительное пребывание в термах почиталось как занятие полезное и здоровое. А в здоровом теле, извиняюсь за банальность, здоровый дух. Да, коллега, я — про дух лежащего в ванной под слегом или там чайфом, неважно! Дух здоров изначально. А куда этот дух заносит, пока тело отдыхает в первородной водяной среде, решает сам дух. Исключительно для поддержания собственного, то есть духовного здоровья... душевного... Иначе — «вьетнамский синдром», «афганский синдром», «черный август». Да вот хотя бы! Коллега! Вы же — из Африки? А вы уверены, что такая резкая перемена не отразится на...

— Предлагаете попробовать слег? — спросил Жилин в тоне аптечного клиента. М-да, приятные сны, конечно, всегда лучше неприятной действительности. Жилин и сам грешил манерой подхватывать любой разговор, даже не имея понятия, о чем, собственно, речь. Но не до такой же степени, птюч ты глюкнутый! — Именно слег?

— Неважно, — тряхнул патлами Омар. — Джеф. Или чайф. Загляните к нам вечером. Можно будет устроить. Я предупрежу, чтобы вас пропустили. Оттянетесь от души!

— К нам? — переспросил Жилин.

Омар осененно хлопнул себя по лбу: мол, ах да, хрыч из Африки! Он извлек портмоне, выудил оттуда визитку и подал — как щедрую милостыню. Жилин профессионально отметил, что, кроме визиток, в портмоне ничего не было. Визитка — черная с золотом. На ней значилось: «PLAYMAN». Omar. DJ. 9546636.

— Плэймэн. Хомо луденс. Человек играющий... — проконстатировал Жилин. — Просто Омар?

— Я известен как просто Омар, — с ложной (лживой) скромностью пояснил Омар. — А играют у нас действительно все самое последнее, самое лучшее!

— Самое последнее — всегда самое лучшее?

— Неважно! — «Просто Омар» вкусно поел-попил-поговорил. Остальное неважно. В «Плэймэн», что ли...

Официант принес два кофе в чашечках «кошкины слезы». И — счет.

Жилин достал бумажник. Птюч даже не изобразил позыв к аналогичному действу. И даже не заблуждал глазами по потолку в псевдорассеянности. Да уж, невербальные сигналы, да уж. Судя по невербальным сигналам, сама мысль об оплате у «просто Омара» не возникла. «Он же не заплатил! — Они никогда не платят...» Не он должен, но ему должны. За что? Ну как же! Почтил своим обществом неизвестного хрыча, беседой осчастливил. За одно то, что всем известный «просто Омар» назвал Жилина коллегой, тот ему еще и приплатить должен — помимо счета за обед, разумеется!

Выбрал бы птюч с самого начала любой другой столик! Дело не в деньгах (Жилин еще и монетку-червонец сверху

присовокупит, на чай... что по нынешнему курсу куда как ого-го!), но... И ведь пустой кабак!

Впрочем, уже не такой и пустой...

Жилин приметил эту парочку боковым зрением и уловил агрессию.

Почему агрессию? Тривиальная парочка — блонда явно полулегкого поведения и смуглый абрек.

Что может быть тривиальней: южанин снял «дэвищку», привел в ресторан, далее койка в гостинице или у блонды на дому, это как сложится. Не так ли?

Не так.

Блонда не изображала из себя «загадку-недоступ» — презрение к миру, взгляд и нечто, рюмку шартреза и т. п. «Милашку-вульгар» она тоже не изображала — громкий щебет, показной восторг, шампанскова. И «мы с ним друзья детства» тоже не... В общем, блонда ничего не изображала и была напугана искренне. Что немудрено. Южанин никак не соответствовал типажу золотозубого толстосума в кепке «аэродром». Вместо хрестоматийной кепки — зеленая повязка. Атлетически плотен, усмешливо мрачен, иссиня-небрит. Он был опасен. Амплуа «полновластный хозяин». Надо признать, убедительное для окружающих амплуа. Во всяком случае, его пропустили без галстука и не рискнули навязать «Пьера Кардена» — «Топаз» — «Платини». И то! Галстук не гармонирует с френчем поверх камуфляжного комбинезона, с портупеей, с ботинками высокой шнуровки, с автоматом АКСУ на груди, с «макаром», заткнутым за пояс. Гм-гм, детали национального костюма.

Какойтостанец в «национальном костюме» целеустремленно направился к столику Жилина, увлекая за собой блонду, которая не рада была, что связалась, но вдруг обойдется.

Медом здесь намазано?! Или как?!

Не медом, нет. Но у каждого свои пристрастия. К примеру, Жилин пристрастен к метрдотелям, не любит он их — платонически, отвлеченно... и тем не менее не любит. А вот какойтостанец пристрастен к репортерам, не

любит он их. И южный темперамент требует не отвлеченной нелюбви, но конкретной. Потому что они, репортеры, виноваты если не во всем, то в первую очередь. Еще и безоружны!

— Я — Бабек, — сообщил «национал» отнюдь не из учтивости, утонченным хамским тоном, то есть без выявленного вызова, но с уничижающим пренебрежением. — Проголодался что-то. И она тоже. Ты кушать хочешь, эй, тебя как вообще?! Наташа?

Блонда недифференцируемо тряхнула кудряшками, согласная быть и Натащей, и голодной... или сытой... как лучше?

— Очень приятно. Омар! — Патлатый птюч не очень удачно примаскировал мандраж радушием соплеменника: мол, мы с тобой одной крови, ты и я. — Откуда, брат?

— Из Шатун-Кургана, — сказал Бабек, демонстративно изучая Омара взглядом: «брат-Омар! узнаешь своего брата-Бабека? да? узнаешь? а вот я тебя, брат, что-то совсем не помню и не знаю!». — Был в Шатун-Кургане, брат?

— Нет пока, — просожалел Омар, разводя руками. Мол, как только, так сразу, но все никак...

— Там сейчас интересно! Интересней, чем в Котовске! — сказал Бабек. — Не как здесь у вас. Там знаешь, как стреляют! — Бабек вскинул автомат и дал короткую очередь от живота... благо не настоящую, а голосом: — Тратататата!!!

Направлять ствол на человека даже в шутку, даже незаряженный — чревато, господин хороший!.. Особенно если человек этот — спец. Жилин сдержался, мысленно посулив незваному гостю ответную шутку.

— Репортер, брат? — мнимо-добродушно спросил Бабек.

— Не-е-ет, — протянул «просто Омар». — Не репортер. По телевизору меня видел? Ди-джей! Ночной клуб, брат. Просто музыку ставим. Приходи, брат! Отдохнешь!

— Приду, — сказал Бабек. — Эту... брать? Или у вас есть?

«И какие!» — сделал глаза Омар. Блонда чуть слышно выдохнула.

— А он? — спросил Бабек, как брат брата. — Репортер?

Омар угодил в цугцванг. Да? Нет? Затрудняюсь ответить?.. Сдать собеседника? Не сдать собеседника? Что значит «сдать»?..

— Меня пять лет здесь не было, — помог Жилин. — Только сегодня из... Африки. А что — в Котовске?

— Настоящие мужчины, лучшие сыны нации, всего двадцать воинов поставили на колени Россию и заставили ее выполнить все условия Какойтостана! — с издевательским пафосом продекламировал Бабек.

— Не может быть! — свалял заинтригованного Ваньку Жилин.

— Просто... — с нескрываемым удовольствием просветил Ваньку воин-Бабек. — Пришли в роддом. Немножко постреляли. Доктора одного из окна сбросили. Женщин на крышу вывели. Сказали: с ними будет как с доктором, если наши условия не будут выполнены... Брат, ты помнишь? По телевизору передавали.

«Просто Омар» нищенски скалился и согласно кивал. Он не репортер, он ди-джей, но он помнит — по телевизору.

Жилину не единожды встречались типчики, подобные Бабеку. И не только в Африке. Они были переполнены ненавистью. Они готовы были во славу народа и торжества высоких принципов уморить этот свой (и тем более чужой) народ — если понадобится, до последнего человека.

— Зато теперь у нас с вашей Россией настоящая дружба! — глумливо сообщил Бабек. — И она станет совсем крепкой, когда Какойтостан будет не автономный край, а полностью независимый. Искренняя дружба!

— Будет? Независимый? — уточнил Жилин.

— А! Что, в России один роддом? Только в Котовске?!

— И тогда — искренняя дружба?

— Клянусь Аллахом! В гости к вам приедем. Женщин ваших будем иметь. Да, Наташа?.. Хлеб ваш кушать, и не только хлеб. Брат, ты иди пока на кухню, скажи, чтобы стол нам сделали, да-а!.. Жить будем в ваших домах.

Хозяин — ишак своего гостя! Мы сейчас тоже все так делаем. Но вы, русские, про нас плохо пишете. А будете писать хорошо. Настоящий друг разве напишет плохо про своего друга? А, Ванюшка?!

Они обоюдно чуяли: вот серьезный противник. Серьезного противника надобно довести до белого каления, чтоб он первым сорвался, — тут-то и ловить на контрприеме. Оба, в общем, преуспели. Обманчивая придурковатость Жилина, обманчивое добродушие Бабека не могли обмануть даже дуру-блонду. Искренняя, значит, дружба! Клянусь, значит, Аллахом!

— Не входите в искреннюю дружбу ни с кем, кроме себя самих: они непременно сведут вас с ума; они желают того, чтобы погубить вас; их ненависть уже высказалась из уст их; а что скрывают сердца их, то еще больше того... — речитативно произнес Жилин.

— Знаешь Коран? — на миг удивился «национал». — Может, ты еще и НАШ? Ну-ка! Расстегни. Покажи. Не стесняйся! Если ты НАШ! Она и не такой видела. Да, Наташа?! — Ствол автомата нацелился Жилину в пах. — Что, Ванюшка? «Молния» заедает? Давай-давай! Или, думаешь, он без патронов, да?!

Жилин унял бешеную пульсацию. Оно, конечно, ля вибрасьен са моле гош этюн гранд синь! То есть дрожание его левой икры и впрямь великий признак — верный признак того, что сейча-а-ас ка-ак прыгггнет!.. Когда у тебя серьезный противник, нельзя проявлять свои намерения. Жилин нервно потрогал узел галстука, переключая внимание Бабека. Ну в очевидной растерянности «Ванюша»!

Вот оно! «Зеркало» сработало. Бабек, сроду не носивший галстуки (разве что на резиночке?), инстинктивно потянулся щепотью пальцев к собственной шее, оставив в покое спусковой крючок АКМа. На секундочку.

Секунннндочку!

Жилин левой рукой блокировал автомат, правой же ухватил «национала» двумя пальцами за нос и стал с наслаждением выворачивать, терзать, рвать. «Чаевой» червонец сам прыгнул в пальцы. Классические «пассатижи».

— Боевичок! Козлодой! — шипел Жилин. В горле засмыкало от ярости. — С-сукин сын! Тварь дремучая! Животное!

Воин-Бабек был готов ко всему, но к «пассатижам» был, пожалуй, не готов. Впрочем, «пассатижи» — очень болезненно, только ненадолго. Если противник серьезный. Бабек — серьезный противник. Он вырвал изуродованный нос из «пассатижей» ценой обильной кровянки, выдернул из-за пояса «макар».

Ах да! У доблестного воина еще и пистолет имеется, помимо автомата! А разве мы не до первой крови? Нет? Что ж, в знак искренней дружбы...

Жилин дернул узел обретенного шелкового «Wemlon'a» (вот не знаешь, где найдешь, где потеряешь!), превращая галстук в: пращу, гаротту, лассо, бич (выбрать по вкусу, в зависимости от ситуации).

Жилин выбрал «бич» — бабековский «макар» порхнул из рук доблестного воина и канул куда-то под стол.

Жилин мгновенно преобразовал «бич» в «гаротту» — Бабек захрипел, выступила пена.

— Вопрос! — прошипел Жилин в ухо почти удушенному «националу». — Если лучшие сыны нации с автоматами прячутся за спины женщин с младенцами... то каковы же худшие?!

Внятного ответа Жилин не получил. Он ослабил «гаротту от Wemlon'a» — «лучший (худший?) сын» кулем рухнул на пол, попутно сверзив стол. Ну да жилинский вопрос был скорее риторическим. Вот только не переборщил ли спец-Ванюшка?

Блонда застыла соляным столпом. «Просто Омар» как улизнул на кухню «стол делать», так и затаился. Мэтр тоже себя никоим образом не проявлял. Ч-черт! Пустота...

...и ветер! От входных дверей. Даже не просто ветер — вихрь. И уже никак не пустота. Трое громил в бронежилетах, в масках-шапочках, с «Бизонами» на изготовку:

— Стоять! Лежать! Сидеть! Убью, с-сука!!!

Жилин бы выполнил, но, простите, что именно? Уточните! Под прицелом трех «Бизонов» особо не подискутируешь. «Бизон» — пистолет-пулемет, вес всего шесть ки-

лограммов, но емкость магазина в 66 патронов, прицельная дальность 100—150 метров... Между Жилиным и тремя громилами, державшими его на мушке, было много меньше ста метров. Руки он обезоруживающе поднял, признав в громилах пусть странноватых, но все же блюстителей порядка.

— Р-руки так!!! — заорал один из громил, показывая: вытянуть перед собой, пальцы в кулак не сжимать. — Р-руки так!!!

Жилин подчинился. Наручники защелкнулись. Странноватый, однако, у вас тут порядок, подумал Жилин...

Уж какой есть... Подразделение «Кречет»! Пройдемте, гражданин!

— А я-то за что?! — послушно «проходя», спросил Жилин. Не качая права, но и без подобострастия. Точно выбранный тон.

— За разжигание межнациональной розни, дружок! Пошел, пошел!

Да пошел он, пошел. Книжки только возьмите. В пакете... И на том спасибо. «Кречет» и пакет с Братищевым забрал в машину и на вопрос ответил. А мог бы и полоснуть...

Вот ведь по абреку-Бабеку полоснули. Очередью. Стоило тому очухаться и потянуться к АКМу на полу. Один из «кречетов», дождавшись касания ладони «националa» к автомату, хладнокровно всадил в лежачего две пули — меж лопаток и контрольно, в затылок. Потом поднял АКМ с пола, отомкнул рожок и удовлетворенно кивнул: так и есть!

— У него еще пистолет был! — подсказал Омар. — Куда-то туда упал!

— У него? — уточнил «кречет» про Жилина.

— Нет, у него! — поправил Омар про абрека-Бабека. — Это я вам позвонил!

«Пройдемте, гражданин!» Крытый бронированный «фургон». Труп Бабека загрузили туда же. Предварительно загрузив в мешок-ПХВ на «молнии». И впрямь — прогресс движется... понемногу... куда-то... ребята... Трупы

научились упаковывать!.. А куда, собственно, мы с вами движемся, ребята?

Ребята — троица «кречетов». Двое в кузове — с Жилиным и трупом. Третий — за рулем.

Омар, Наташа, мэтр «Репортера» были «взяты на микрофон» и отпущены вплоть до повестки — свидетели... Получается, Жилин — не свидетель, не только и не просто...

Странноватый у вас порядок, ребята. Разжигание, говорите, национальной розни, говорите? Между кем и кем?.. Да, он подпортил носик нацменьшевику-Бабеку и охарактеризовал того н-некорректно: козлодой и все прочее, в запале... Но стрелять на поражение — Жилин в него не стрелял, не Жилин стрелял в него. Жилин только обездвижил — забирайте, «кречеты», злостного нарушителя общественного порядка голыми руками...

Рррразберемся, гррражданин!..

Ну-ну! Почему же не разобраться? Моделирование ситуации, анализ боевого эпизода, многоуровневый просчет мотиваций явного или неявного противника — все это дисциплины знакомые, хорошо усвоенные и не без успеха применяемые на практике... в той же Африке.

Итак! Законодательно закреплено:

а) АКМ-47 с подствольником и, вероятно, иное огнестрельное оружие типа «Макарова», ТТ... наряду с зеленой налобной повязкой приравниваются к деталям национального костюма граждан Какойтостанского автономного края (КАК) («Известия»);

б) непременное условие — отсутствие боекомплекта у специфических деталей «национального костюма» («Известия»);

в министр обороны готов в случае провокации асимметрично ответить какойтостанцам, именуя их непримиримым противником («Известия»).

То есть? А то и есть... Да пожалуйста, блюди, абрек, обычай предков, ходи себе в национальном костюме по всей территории Свободной России, включая Столицу, — никто тебя не ущемляет! Более того! Любой ущемляющий рискует ответить по закону, чтоб впредь неповадно было

рознь разжигать. Но!.. Если твоя, абрек... гм... «деталь» окажется заряженной хоть одним патроном, ты моментально переходишь в категорию «вооружен и очень опасен». Муниципалы и федералы уполномочены сразу открывать огонь на поражение, не дожидаясь, когда против них будет применено оружие. И это правильно. Власть должна защитить себя и своих граждан от преступных элементов! Если же ты вооружен, то автоматически — очень опасен, автоматически — преступный элемент. Насчет того, лишенная боезапаса «деталь» обнаружена у трупа или функционирующая стрелковая единица, — это уже потом, позже... Протокольчиком изымут, на экспертизу направят, результаты представят... Между нами, спецами, говоря, метод пусть иезуитский, но верный. Верный — в смысле безошибочный. Не метод проб и ошибок, нет. Какой абрек будет носить оружие без боезапаса! Мальчик, что ли, — в игрушки играть! Мужчина!.. Вот и «кречет» в кабаке первым делом отомкнул рожок АКМа, проверил? Нет, первым делом «кречет» пристрелил «вооруженного и очень опасного» и только потом проверил боезапас. Но ведь не ошибся. Значит, правильно ррразобрался!

...«Фургон» был снабжен матовыми непроницаемыми стеклами. От водителя Жилин и сопровождающие его маски-шапочки были отделены глухой перегородкой. Куда едем, ребята. На Петровку? На Шаболовку? В УГРО? В РУОП?

Сидеттть!!! Ррразберемся!

Жилину не составило бы особого труда ррразобраться с «кречетами», со всеми тремя, не покидая «фургона». Если по чести, то — составило бы... но все же не особого. Только... зачем? Он — законопослушник. Он — у себя дома, в Москве. Он вернулся. Документы — не подкопаться. Зачем усложнять? Сейчас приедем, все выясним. Если Жилин ненароком что-то нарушил, готов отвечать по всей строгости... что там может грозить?.. штраф?..

(— От семи до пятнадцати, — просветил Римайер, — лет, — пояснил Римайер, — полной изоляции, — уточнил Римайер, наблюдая за Жилиным, чьи намерения, а также реакции, всегда отражались на лице. — Вот-вот, Иван, от

семи до пятнадцати. Для подлинных интелей нет большего греха, чем разжигание национальной розни, Иван, вы же знаете...)

Жилин не знал. То есть не знал про «7-15». Иначе не стал бы покорно трястись в «фургоне» по направлению к Лобной. А направлялись, выяснилось, к Лобной. Не в УГРО, не в РУОП. Дело-то политическое! «7-15»!.. Нейтрализовал бы он «кречетов», будь они трижды блюстителями, и пошел бы себе сам по себе, будь у него руки и в «браслетах». Для спеца, изучавшего «Гудини», избавиться от спецсредства — две минуты неприятных ощущений в запястьях...

А избавили Жилина от неминуемых «7-15»... коммунары. «Коммунары за коммунизм». Помимо его воли, но избавили.

«Фургон» непредвиденно тормознул и застрял. Водитель за перегородкой разразился «малым боцманским загибом». Хорошо излагает, собака, по достоинству оценил Жилин. Что там стряслось? Надо посмотреть!

Матовые стекла отрицали возможность посмотреть, но слышно было хорошо. Точнее — плохо. Громко, да. Но не всегда разборчиво. Мегафон на площади то оглушал до свиста в ушах, то уходил в сторону невнятным далеким тявканьем, то перекрывался многоглоточным скандежем. Суть скандируемого тоже ускользала: «Ря-ря!!! Бу-бу-бу!!! Бу-бу!!! Ря-ря-ря!!!» Да, точно — площадь. Акустика характерная: «Опасность сохраняется!.. -яйца!.. -яйца!.. За нами Москва!.. -ква!.. -ква!..»

«Кречеты» обеспокоились, рефлекторно сжали многозарядные «Бизоны». Ближайший к кабине постучал в перегородку пальцами: мол, доложи обстановку, водила! Судя по «докладу», обстановка не ахти. Рулевой «кречет» отозвался уже «большим боцманским загибом». Ай, что ни говори, а хорошо излагает! Давно Жилин не слышал эдакого! Пять лет Африки как-никак...

«Фургон» застрял. Ни тпру ни ну. «Бу-бу!!! Ря-ря-ря!!!» — грозно шумело вокруг. Потом он, «фургон», взрыпнулся, завыл и... заколыхался на волнах салтанов-

ской бочкой. Надо понимать, охваченный яростью масс. Колеса исправно вращались, но коэффициент трения — ноль. «Ря-ря!!! Бу-бу-бу!!!» Переборки крякнули, «фургон» стал заваливаться. «Бу-у-у!!! Ря-а-а!!!» Скоро грянет. «Бу-у-у!!! Ря-а-а!!!»

Ого! Не пора ли нам пора?! Как бы здесь на двор окошко нам проделать?!..

Двор не двор, но да, Лобная площадь. Площадь и толпа. Толпа и площадь. Будь «кречетов» хотя бы взвод — толпу можно рассеять. И поодиночке они способны продержаться достаточное время — достаточное для прибытия подмоги. Толпа сплошь состояла из пожилых и очень пожилых женщин и мужчин, преимущественно женщин. «Кречеты», выпотрошенные из «фургона», только закрывались и ставили блоки. Главное, не навреди! Тюкнешь рефлекторно — божий одуванчик отлетит... и тогда... Толпою они сильны. Затопчут.

Кто — они?

Черным по красному было: «Коммунары за коммунизм!», «Наше дело правое!», «Август 91-го — это Октябрь 17-го сегодня!». Помимо кумачовых полотнищ, там и сям — самодельные плакаты с кривоватыми буквами, орфографическими ошибками: «Банду интилей под суд!», «Колычева на кол!», «Воры! Верните нам нашу победу!».

В общем, там, на Лобной, было что почитать, выдайся свободный часок. Как раз времени у Жилина не было. Минута? Полторы? Две? Его, в отличие от «кречетов», не колотили. Его «растворили» в массе, и кто-то старчески-хрипато напутствовал: «Беги, сынок! Но пассаран!»

Он бы так и сделал. Собственно, он так и сделал. Но еще минуту (полторы? две?) проторчал на Лобной в остолбенении.

У подножия бывшего монумента бывшему Рыцарю надсаживался в мегафон губошлеп-троглодит, эхо растягивало слова, но понять можно:

— Пееепел рабочего клааса стучит в нашем сееердце! Осииновый кооол! Мыы университетов не кончаааали!

Толпа взревывала в такт. На эти лица смотреть было... н-неприятно. Жилин как-то по-другому представлял себе

коммунаров. Как-то он был о них лучшего мнения. В смысле, о коммунарах. И не без оснований. Да хотя бы глядючи в зеркало!

Вот-вот! Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне мстит. Жилин остолбенел именно поэтому. Монумент. Свято место пусто не бывает. На месте Рыцаря возвышался некто — в застывшем движении, вдохновенный воин, «вперед и вверх! а там!», «еще немного, еще чуть-чуть! последний бой!», «этот день мы приближали как могли!», «что сделаю я для людей, воскликнул Данко».

Да-а, Жилин, как-то ты еще не нарвался на «маска, я тебя знаю!». Хотя... эффект фотороботов «Wanted!». Изуродован так, что ни один самый бдительный прохожий не узнает. Но сам разыскиваемый узнает себя в этом полиграфическом уроде мгновенно и начинает вести себя неадекватно (чем, кстати, привлекает внимание! не сходством с мордой на листовочке, а поведением...). Аналогичный случай. Только наоборот. Не изуродован, а... наоборот.

Первая жилинская реакция узнавания: я как я. Потом он почувствовал, что это не совсем он, что это гораздо лучше, чем он, гораздо значительнее, чем он. И Жилин ощутил стыд, словно умышленно выдавал себя за человека, которому в подметки не годился...

Собственно, так оно и... Если брать события именно той августовской ночи. Здесь, на Лобной, если это мемориал «Август», должен бы стоять... Римайер, к примеру... или Пек... или Мария Луис Педрович... мало ли... но не Жилин. Он ведь только принял группу и даже не вывез ее. М-да. Зато Айова Смит оказался на Лобной. Си-Эн-Эн. А фотогеничность Жилина — притча во языцех. Как же, как же! «В сторонке стоял огромный незнакомый парень, очень красивый, но слишком бледный среди загорелых». (Сразу видно — из Африки!) Как такого не увековечить! Сначала в кинохронике, в фотографиях, потом в бронзе! Символ!.. М-да, обрюзгший, жидковолосый Римайер, грузный коротышка Мария, даже Пек... не то, не модель. А Пек-то почему не?! Ну, знаете... Пек... Что за Пек? Иван лучше. Согласитесь, в центре Москвы уместней Иван, чем Пек...

Жилин, как Нарцисс, стоял перед «Августом» и пялился, пялился. Потом вдруг стало жутко. Жутко стало всем и сразу — «кречеты» наконец-то дождались подмоги, шесть «фургонов» блокировали площадь, бойцы высыпали из машин и... принялись за работу... не кровавую, но тягостную и малопочитаемую.

Жилин прошел сквозь оцепление не моргнув глазом. «Браслеты» он бросил где-то в толпе, под ноги. Запястья ныли, но это ненадолго. Минуя трансформаторную будку на углу Фуркасовского и Мясницкой, он непроизвольно хмыкнул: не воспользоваться ли? все-таки он, Жилин, символ, Данко, выведший особо важных персон к свету! Тьфу ты, пропасть!..

Нет уж, лучше по земле, не под землей. К Римайеру! Что тут у вас делается, друзья мои?! Римайер друг, но истина дороже. Жилин был настроен очень решительно. Хочет того Римайер или не хочет, но ему придется рассказать Жилину все, что его интересует.

Глава четвертая

Я тебе нужен не для этого, сказал Римайер. Тебе нужен слушатель, а в этом, по твоему мнению, бедламе ты можешь пока говорить откровенно только со мной. Правда, я уже не тот, на которого ты рассчитывал, а, Ваня? Чем-то ты мне очень не понравился, да, Ваня? Еще там и тогда. Надо же! Символ. «Юность Мира». «Август». И — не понравился. С чего бы?.. Вернись на Землю, Ваня! Главное остается на Земле, а, Ваня? Там и тогда ты до смерти перепугался в Старом Метро. О чем ты думал в Старом Метро, а, Ваня? Только б не гигантопитек, все что угодно, только бы не гигантопитек!.. Ты плохо соображал в те секунды. Гроздья мертвых крыс, тусклые желтые фонари, свежие округлые следы с раздавленной мокрицей... Впечатляет, да? Зачем он послал меня сюда, думал ты и предвкушал, как спросишь меня об этом, когда и если выберешься... Гигантопитека он испугался! Нежно

морожено, барышня кисейная! А «гоблины» тебе не повстречались, нет? Только устаревший кибер? Тебе там памятник на площади не установили? Рядом с Владимиром Сергеевичем? С Юрковским? Ему за сорванный банк в эрулу — тебе за героический рейд в Старом Метро! Ай, о чем это я! Тебе же не там, здесь — памятник!

Римайер, сказал Жилин... Наверное, ты в этом прав. Но ты прав только в этом. В конце концов, я не позировал для «Августа», просто так получилось. Да, я не был с вами под Воздвиженкой, я не бился с «гоблинами» вместе с Боасом, Савадой, Учителем, Гровером и тобой, Римайер. Но я выполнял ту задачу, которая была передо мной поставлена. И посылать меня в Старое Метро только чтобы ткнуть носом: мы, мол, кровь мешками проливали, а кое-кто в сторонке курил, испытай-ка сотую долю нами испытанного и не обделайся! — это бесчестно, Римайер, это никуда не годится. Я все никак не мог понять, зачем ты меня направил к рыбарям, Римайер. И лучше бы ты мне этого не объяснял. Потому что я все списывал на болезнь, Римайер. Но ты, оказывается, не просто слегач. Ты еще и сволочь, Римайер. Или это одно и то же? Став слегачом, невозможно не стать сволочью, а, Римайер?!

Ну почему же, сказал Римайер... Совсем не обязательно. Ты ведь, Ваня, не сволочь, а? Просто прекраснодушный глуповатый экземпляр с гигантским самомнением. Спец! Какой ты, к богу, спец! Даже там и тогда! Идиотская привычка подхватывать любой разговор, не представляя, о чем речь! Тебе здесь и теперь еще не втолковали местные молодцы: «За базар надо отвечать!»? Значит, все еще впереди... Спец он, видите ли! Только за сегодня понаделал столько глупостей, что... Да, собственно, ничего иного ты сегодня и не сделал. Тебя ищут за ограбление обменного пункта — убыток исчисляется десятками тысяч. Тебе грозит от семи до пятнадцати лет за разжигание межнациональной розни. Ты обвиняешься в инициации волнений на Лобной площади. Нет, не пять лет назад, сегодня. Согласно закону о гангстерах, это — пожизненное.

Гангстеры?

А как их еще называть? Не коммунарами же... «Шайка коммунаров, вооруженных огнеметами, газовыми бомбами и плакатами, осадила муниципалитет». Не звучит, чувствуете, Ваня? И не надо тут мне сопеть! Вы же у нас марксист, не так ли? Во всяком случае, доложились на сей счет в «Репортере» хронической столичной балаболке. Пепел рабочего класса стучит в вашем сердце, а?!

Римайер, сказал Жилин, что-то я не пойму. Здесь у вас плохо, здесь у вас надо навести порядок. Здесь хуже, чем там, Римайер. Хотя вам, Римайер, вероятно, так не кажется. Вы ведь именно там, Римайер, превратились в слегача. Вероятно, на взгляд слегача, я глуповат и прекраснодушен, я как спец убог. Но, Римайер, я очень надеюсь, что все это лишь на взгляд слегача.

Добро пожаловать в наш клуб! Жилин, сказал Римайер, взгляните на мир глазами НЕ слегача, Жилин, трезво взгляните!

Не понял, вскинулся Жилин. Кто слегач? Я слегач? Это ты слегач! Твой идеал — дерьмо, Римайер. Именно так, Римайер. Так. Так... Стало похоже на детскую перебранку... Впрочем, Римайер не подхватил.

Жилин, сказал Римайер, «наводитель порядка» нужен там, где бардак. Там, где все в порядке, мы не нужны. Ни Марии, ни Оскару, ни Пеку, ни мне, ни тебе, вообще прогрессорам просто нечего делать ТАМ И ТОГДА! Мы — золотари. А там и тогда нет дерьма, ну нет его — с точки зрения (внимание!) каждого гражданина, живущего ТАМ И ТОГДА. И тут явление... м-м... тимуровцев: «Мы большие специалисты! Если бы вы знали, как мы умеем выгребать дерьмо! Нет? Дерьма нет? Щас! Надо откуда-то достать или в крайнем случае что-нибудь объярлычить дерьмом — и уничтожить! Чтоб вы оценили уровень нашего мастерства». Не навреди! Ах, видите ли, почему не каждый стремится к высокому? А почему, черт побери, все должны стремиться к высокому! Отстаньте!

Угу, поддакнул Жилин, и «наводители порядка» деквалифицируются и штабелями укладываются в ванну и включают транзистор с вакуумным тубусоидом... Вы виделись с Пеком?

Я и теперь вижусь, пожал плечами Римайер, не так часто, как хотелось бы, но по оперативной необходимости...

Ага, поддакнул Жилин, слегач слегача видит издалеча, ча-ча-ча! Сон разума рождает...

Не юродствуйте, Ваня, сказал Римайер. Вас извиняет недоинформированность, но Петр Александрович — наш президент, извольте соблюдать этикет.

Чиво-чиво, неожиданно по-детски гадко удивился Жилин.

Колычев. Петр Александрович. Заставивший капитулировать шпану в Кремле тогда, в августе. Ну, вы помните, Ваня. Впоследствии — вице-президент. И... как вы понимаете, после внезапной кончины первого президента Свободной России — законный преемник, согласно Конституции. Согласитесь, Ваня, лучшей кандидатуры здесь и теперь просто не найти.

Пек умер, сказал Жилин. Он стал слегачом и умер.

Ну разумеется, сказал Римайер. Что еще Пеку делать там и тогда?! Он, кстати, выдвигал свою кандидатуру в мэры — там и тогда. Я был его доверенным лицом. О, это была песнь песней! Уроженец! Герой, дравшийся с гангстерами! Энергия так и прет! Плюс «визит-эффект» — вот он, вот он!.. Он набрал меньше трех процентов голосов, Ваня. Трубочист набрал восемь процентов, а Пек — меньше трех. Нынешний мэр — бывший пляжный спасатель, смазливый самец и бездарь — набрал семьдесят процентов, Ваня. И знаешь почему? Там никто не тонет. Там не нужны ДЕЯТЕЛЬНЫЕ спасатели. То есть пусть будет на всякий случай, но мы-то с вами зна-а-аем, что он не понадобится. Такие, как Пек, там не нужны. И я там не нужен. И, надеюсь, вы, Жилин. Вы ведь еще не конченый человек? Уже хотя бы потому, что вы — здесь и теперь.

Римайер, сказал Жилин, ты бредишь. Ты живешь в нереальном мире, который считаешь реальным. Тебя надо лечить, Римайер, и впоследствии ни в коем случае не допускать до нашей работы!

Наша работа, сказал Римайер. Ты еще глупый тявкающий спросонок щен, Жилин. К тому же не желающий просыпаться. Я вынудил тебя там и тогда вернуться в

«здесь и теперь». Я втемяшил в твою склонную к анализу головушку мысль о слеге. Я через Пека всучил тебе тубусоид. Я, можно сказать, за ручку подвел тебя к ванне. Личным примером воздействовал!.. И вот — ты здесь. А там... Ты же знаешь, Жилин, в иллюзорном мире все гипертрофировано: мысль? гениальная! шутка? архисмешная! поступки? сверхчеловеческие! И просыпаешься с единственным желанием: только бы не забыть, только бы не... И если не забыл, затвердил, — на поверку оказывается плешь какая-то.

Наша работа, сказал Римайер. Поступки!.. Может быть, я буду его бить. Если понадобится, я буду его пытать. Мы разгромим и сожжем! А их самих мы увезем так далеко, что они никогда не смогут вернуться (не иначе как последним вагоном на Север, однозначно!). Мы выловим всех, и их мы тоже изолируем... Вот, Ваня, твой образ действия, сказал Римайер. Узнаешь? Сверхчеловеческие поступки!

Наша работа, сказал Римайер. Мысли! Умозаключения! Интели — это не гангстеры, это отчаявшиеся люди, патриоты. Они жертвуют собой, они вызывают огонь на себя, пытаются возбудить в городе хоть одну общую для всех эмоцию, пусть хотя бы ненависть... Вот, Ваня, твой образ мысли. Хороши патриоты, культивирующие ненависть, еще и общую для всех! Право слово, Жилин, если бы вы брякнули эдакое в реальном мире, то по физиономии заработали бы моментально! От любого интеля. Нас и так-то веками ненавидят, в землю норовят вбить. Мы с таким трудом ухватили поводья, мы работаем пять лет непрерывно и на износ — и реальный результат только-только забрезжил. А вы, Жилин, откровенных провокаторов и экстремистов называете отчаявшимися людьми. Вы надеетесь, что не все же они там дураки и истерики, что вдруг удастся найти Человека. Вы, Ваня, ищете там, где светлей, а не там, где потеряли.

Наша работа, сказал Римайер. Два изначальных позыва при попадании в иной мир: спрятаться поглубже и найти врага... С такими позывами идти познавать иной мир нельзя. Или вы, Ваня, искренне считаете, что наша работа — не познавать иной мир, но приводить его

к общему знаменателю? Что ты, щен, «символ»... фаллический, знаешь о нашей работе!..

Римайер, сказал Жилин, ты закончил свое to be or not?! Теперь ответь, Римайер... Да, здесь и теперь у тебя не царство теней, это именно бытие, настоящее, без скидок, без грезовой путаницы... А там и тогда мне и самому иногда казалась — недифференцируемая невнятица. Но если ты прав, что мне делать с прошлым? Космос, школы, борьба с фашизмом, с гангстерами — что же, все это зря? Сорок лет я прожил зря? А другие? Тоже зря?

— Вступайте в ряды «Коммунаров за коммунизм», Ваня! Вы слово в слово повторяете их стенания. Им очень не хватает знамени — вот такого, большого, умного, красивого, энергичного, Символа... Вы же коммунар, Ваня, не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь!

— Благими намерениями, благими намерениями... вверх, до самых высот, — обескураженно пробормотал Римайер. — Впрочем, не так и глупо! Жилин, — осенился Римайер, — что если вас действительно внедрить к коммунарам?! Их бы энергию в мирных целях! А мы бы тогда получили шанс сделать этот процесс управляемым хоть отчасти! Жилин!

— Мы... — интонационно переспросил Жилин.

— Хорошо. Если угодно, интели. Чтоб вам, Ваня, было привычней. Но интели — не провокаторы, не дураки, не психопаты. Но интели, умеющие дать в морду тому, кто заслужил в морду. Вы же сами, Ваня, всегда готовы дать в морду тому, кто заслужил в морду. И вы интель, Ваня. Мы пять лет у власти, и... Впрочем, это другая история. Это совсем-совсем другая история. Вам будет предоставлена возможность освоить весь материал. Нет, действительно! А, Жилин?! Вы. Пек. Я... Нас много, нас всё больше. Дети подрастают, они уже пять лет живут при интелях, Жилин. Главное, здесь и теперь у нас, у прогрессоров, обширное поле действия. Свободная Россия не значит Аркадия!

— Пек умер, — упрямо сказал Жилин. — Я сам вытаскивал его из ванны. Вероятно, он умер потому, что там и тогда нигде и никак не мог себя применить, вероятно.

Вы, Римайер, регулярно возвращаетесь к нам по весьма уважительной причине — Рюг погиб у стен Белого дома, но там, у нас, он жив и играет в шпионов. Но я... Римайер, люди, ушедшие в иллюзорный мир, погибают для мира реального. Вы... слушайте, вы не знаете такого Омара?..

— Знаю, — сказал Римайер. — Не старайтесь меня обидеть. Этот болтун как раз доказывает преимущества мира иллюзорного перед реальным. Кстати, точь-в-точь как вы, Ваня. Я вас не обидел?.. Нет, ну я вас где-то понимаю! Там — пляжи, солнце, девочки, «Ахтамар», парикмахеры, Старое Метро для щекотания нервов. А здесь... Ну, вам еще предстоит досконально понять, что здесь и как. Или не предстоит...

Римайер, сказал Жилин, я знаю, что такое слег, я попробовал его, как и ты. Мы знаем, Римайер, что слег превращает иллюзию в реальность и, наверное, наоборот. Но, Римайер, откуда ты знаешь и откуда я знаю, что реальность здесь, а не там... там, а не здесь!

Межпланетчик, сказал Римайер. Какой ты, Ваня, межпланетчик! Ты начитался Братищева, Ваня, и у тебя сдвиг. Иллюзия, Ваня! Да мы до Луны дюжину раз слетали и бросили эти глупости. Дорого и нерентабельно. К Марсу запустили последнюю беспилотную экспедицию — рухнуло все в районе острова Пасхи. Единственная удача — «Триумф-1» с Исмаилом Хакимовым к Плутону за чистым вакуумом в 1982-м!.. И то непонятно, то ли было, то ли нет. Архивы уничтожены в августе 1991-го, а сам Хакимов вроде приземлился в ноябре 1995-го, но не найден... И ты, значит, Ваня, межпланетчик? Ну и как там в Мирза-Чарле?

Интели, сказал Жилин. Интели, умеющие дать в морду. Взявшие всю полноту власти. Пек — президент. Полный Братищев на книжном развале. Рубль к доллару — два к одному. Бандюки, легально устанавливающие курс. Ананасы в мусорных баках. Милиция, отстреливающая небритых гангстеров прямо посреди столицы... Что тут у вас еще... сугубо реального?!

Жилин, сказал Римайер, если бы ты знал, как я устал. Мне надоело спорить. Всю жизнь я спорю и с самим

собой, и с другими людьми. Я всегда любил спорить, потому что иначе жизнь — это не жизнь. Но я устал именно сейчас...

Римайер, сказал Жилин, у меня опять дежавю. Это я говорил тебе — слово в слово, там и тогда, Римайер.

Что ж, Жилин, сказал Римайер. Тогда иди, Иван, сказал Римайер.

Куда, спросил Жилин.

Ну не будешь же ты здесь ночевать, Ваня, растолковал Римайер. Здесь и не на чем... Запоминай адрес. Там тебя примут. Вдове сорок пять, дочери двадцать, сыну одиннадцать. Нешумная семья, почтенная хозяйка. Писáть тебя там никто не будет, точно. Впрочем, вам самому решать, Жилин.

Что решать, свалял Ваньку Жилин.

Ва-а-аня, укорил тоном Римайер. Вот двери. Одна — на лестницу, там можно на такси. Вторая — в санузел. Сейчас опять модно совмещенный. Ванна. Вакуумный тубусоид я вам одолжу — вернете ТАМ. Да, учтите, у нас здесь август, лето... Горячую воду отключили до девятнадцатого включительно. Так что надобно будет потерпеть. Вы не морж, не тунгус? Ах да, вы же сибиряк... Настырные они...

...Жилин грозно запыхтел и принялся выкарабкиваться из глубочайшего кресла.

маюль, здесь и теперь

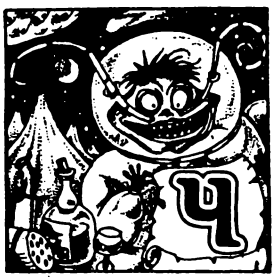
ЭДУАРД ГЕВОРКЯН

Вежливый отказ,

или Как и почему я не написал «Страну Багровых Туч 2»

Художник Кирилл Гарин

1

Чертков уверяет, что первый разговор о Проекте «Время учеников» имел место в 1993 году, в Репино, в самый разгар «Интерпресскона», когда практически всё, что могло быть выпито, — было выпито. Мне вспоминаются иные дни, но я, возможно, ошибаюсь: ложная память порой выкидывает презабавнейшие фортели, причем не всегда отличишь, где истина, а где ее мóроки. Другое дело, что тот же Чертков клянется всеми святыми (однако!), что не помнит, когда идея Проекта пришла к нему голову. Невнятные слова о пролегоменах идеи, которые, мол, витали в воздухе, а ему будто бы давно хотелось чего-то этакого, звучат неубедительно, да и глаза при этом он отводит в сторону, рассматривая этикетку на пивной бутылке так внимательно, словно на ней начертаны знаки конца света или тайные письмена адептов Хонсу, видимые и ведомые лишь ему одному. Впрочем, поначалу я не обращал на все эти детали никакого внимания, ограничиваясь лишь шуточками насчет того, что идеи, витающие в воздухе, — легковесны.

Однако задумка тогда показалась забавной, достойной и вызвала некоторое возбуждение присутствующих.

© Текст. Э. Геворкян, 1997
© Оформление. К. Гарин, 1997

С ходу начали составлять списки участников. Речь шла, если оперативная память мне не изменяет, о том, что приглашение в Проект — своего рода награда, оценка деятельности и высший балл писателю, достойному именоваться учеником. То, что сборник может оказаться полигоном для начинающих или поводом для оттяжки коллег из смежных жанров, не могло присниться и в страшном сне Черткова. Впоследствии, в первой книге Проекта, он изложит в своих комментариях, как это выглядело с его точки зрения. Не нам судить, как всё было в действительности.

Каюсь, тогда я и впрямь воспламенился идеей. Соблазн был велик: во-первых, достойно отметим вклад братьев Стругацких в развитие советской фантастики, а во-вторых, заодно и сами отметимся — вот они мы, продолжатели славного дела. Никто даже не вспомнил слов известного человека: «Эпигоны портят все!» А ведь этот завет нам следовало, как сказал бы другой, не менее известный деятель (не человек), «начертать остриями алмазных игл в уголках наших глаз». Увы, глаза нам застил туман тщеславия.

Начали шумно делить наследство, пардон, произведения — кому что «продолжать». Поскольку было очевидно, что хиты расхватают сразу и пойдет рубка на самых известных вещах, я прикинул, что ранние произведения останутся незалапанными, а значит, на них легче и проще отстебаться. Совесть тогда молчала. Поэтому и остановился на «Стране Багровых Туч».

Надо сказать, что именно к этому произведению у меня было странное отношение. С одной стороны, конечно, перечитал его в свое время немереное количество раз. С другой — не мог забыть первого впечатления, когда в руки мне попала книжка в «золотой серии» или, как сейчас говорится, «в рамочке». Это было самое первое, детгизовское, кажется, издание «Страны». Какую фантастику читал тогда школьник? Жюль Верн, Беляев, Казанцев, Обручев и тому подобное в достаточном ассортименте. А тут мрачная обложка, страшная картинка на форзаце, этакий этюд в багровых тонах, а ко всему еще —

в произведении гибнут наши космонавты! Бррр! Через много лет, когда за вещами АБС я охотился по всем журналам, пару раз ловил себя на ожидании — вдруг в новой вещи будет рассказано, как спасли Богдана Спицына. Спасся же каким-то чудесным образом Горбовский на Радуге!

Вскоре после того, как Чертков объявил о готовности номер один (нашел издателя!), червь сомнения превратился в удава и стал душить муками совести. По трезвом размышлении картина предстала в совершенно ином свете. Были осквернены все традиции российской словесности! Герои АБС пошли оптом и в розницу, как мускулистый кретин Конан-варвар или слюнявые персонажи М. Митчелл. Мародерство, эксгумация, эпигонство, хамство... — это не самые крутые грехи, которые я инкриминировал себе, да и прочим участникам Проекта. Но дело было сделано, и поздно говорить, что ты передумал.

Приступил к работе, втайне надеясь, что Борис Натанович резко негативно оценит Проект и велит прекратить. Но втуне! Гуманизм и воспитание Б. Н. не позволили живому классику поставить на место распаленных «письменников». Не исключаю, что в глубине души ему было глубоко плевать с высоты его положения на все эти мелкие игрища. Позиция, достойная Бога! Не вмешиваться в дела своей креатуры — вот истинное величие. Пусть резвятся, дело молодое. Но нам-то как быть, а?!

Сомнения множились, но и текст потихоньку разбухал своим чередом. Когда незаметно составилось около четырех или пяти авторских листов, я перечитал и ахнул! Несмотря на то что изо всех сил пытался изобразить человеческую трагедию, фантастика здесь и не ночевала, зато со страниц отчетливо несло едким миазмом глумления.

Начиналось повествование с закрытого партсобрания, на котором слушалось персональное дело коммуниста Краюхина. В повестке дня стоял один вопрос: о преступной халатности, которая привела к потере боевой техники («Мальчик» был не только мирным планетоходом, а про-

фессия Быкова, как мы помним, — водитель атомного танка). Человеческие потери тоже были вменены в вину. А то, что ценой невероятных усилий отважные герои все же поставили маяк и худо-бедно вернулись, испытав «Хиус», не бралось во внимание. Ко всему еще партсобрание было лишь формальностью. Сейчас мало кто помнит, что если дело члена КПСС доходило до суда, то к тому времени несчастный уже переставал быть членом, хотя суд порой мог вынести и оправдательный приговор. Собственно говоря, вина Николая Краюхина: недостаточная подготовленность экспедиции, не до конца развернутый маяк (не успели смонтировать систему наведения орбитальных мин) и т. п., — в общем-то уравновешивается заслугами, былыми и настоящими: залежи актинидов сулят небывалые перспективы в разработке подкритических зарядов, да и фотонные отражатели, выведенные в точки Лагранжа, превращались в дальнобойные излучатели с прекрасным сектором поражения. Первоначально я хотел отвести собранию не более двух-трех страниц, но меня вдруг заклинило, и вся эта тягомотина расплескалась почти на лист. Ни с того ни с сего всплывали и нудно мусолились совершенно несущественные детали, диалоги смахивали на фрагменты упражнений из учебника по ораторскому искусству. Из всей этой чепухи сейчас вспоминаю лишь один эпизод. Краюхин держался крепко, отвечал достойно, но сорвался, когда заметил, что парторг в качестве пепельницы использует поставленную на попа хрустальную модель «Хиуса». Происходит безобразная сцена с битьем партийных морд, выкриками, выпадами и метанием партбилета на стол. Случается (или имитируется) сердечный приступ, машина «скорой помощи» увозит Краюхина в спецбольницу. А тут и старый друг из Москвы, такая славная замшелая «рука» в ЦК, вовремя обеспечивает телефонный звонок по «вертушке». Дело заминают и до суда не доводят. Краюхина почетно отправляют на покой — персональная пенсия, генеральская дача аж на двадцать соток и автомобиль «Москвич». На память он прихватывает с собой модель «Хиуса» — тяжелую литого хрусталя блямбу, похожую на садовую беседку

с непропорционально толстыми и короткими колоннами. Подарок от коллектива завода в Гусь-Хрустальном. Сейчас уже не помню, к чему у меня подверстывался этот некогда знаменитый населенный пункт: то ли там разрабатывали технологию фотонного отражателя, то ли это было связано с печально известным 101-м километром. В черновом варианте была намечена некрасивая драка, которую отставник учинит со своим соседом по даче из-за того, что тот нечаянно уронит пепел на модель. Но тут ядовитый дымок фарса начал щипать глаза, и я стер к чертям этот фрагмент.

Быкову, Юрковскому и Дауге повезло меньше. Мягчайший и добрейший Михаил Антонович Крутиков с честью выдержал интенсивный допрос в Особом отделе, но сломался, когда ему показали фотографию семьи и намекнули, что следует хорошо подумать о здравии ближних своих. Он подписал добросердечное признание, в котором каялся во всем, а именно в преступном сговоре с членами экспедиции. Якобы экипаж намеревался захватить «Хиус» и посадить его на заграничном космодроме Вандерберг. Кроме того, разумеется, они по полной программе занимались шпионажем и вредительством. Ну и много еще всякого... Потом он хотел удавиться, но сокамерники вовремя успели вынуть его из петли.

Долго у меня не прописывалась сцена в лагере. В одном варианте экипаж «Хиуса» устраивает побег, захватывает вертолет и улетает навстречу утренней заре... Тут меня потянуло блевать: финалец был в духе дешевых американских боевиков со взрывами казарм и вышек, дракой с хеканьем и поножовщиной, а также с героическими прыгами и скоками через колючую проволоку и финальным объятием боевой подруги.

В другом раскладе Быков расправляется с местным паханом и держит на зоне масть. Он подбивает зеков на восстание. Охрану, которая всячески глумилась над заключенными, зверски истребляют (пять страниц подробного смакования) и устраивают массовый побег. Но идти некуда. На тысячи километров вокруг тайга и лагеря, дороги под контролем, немногочисленное население с удо-

вольствием отлавливает беглых зеков, благо за голову каждого полагается награда. Описание населенного пункта, который кормится тем, что устраивает сначала побеги, а затем поимку зеков, я дал двумя-тремя штрихами, надеясь впоследствии развить эту линию, но так и не вернулся к ней. В конце концов беглецы втихаря рассасываются маленькими группами по другим лагерям, где харч чуть получше, а вертухаи помягче.

Когда я уже прописывал этот ход, то вдруг сообразил, что такой странный побег действительно имел место в пятидесятых, и даже вспомнил, кто мне об этом рассказывал. Пользоваться не своей историей для продолжения не своего произведения — все-таки перебор! Эту линию я тоже не стал разрабатывать.

В последней версии умелец Быков сооружает из бензопилы мотодельтаплан, и они с Юрковским пытаются долететь до реки. Дауге между тем умирает от гангрены, обморозив пальцы на лесоповале, Крутиков же с отбитыми почками остается на холодных нарах. Погоня, стрельба, они уползают в глухую тайгу. После долгих и голодных скитаний выходят к жилью сектантов (хлыстов?), скрывающихся по мере сил от цивилизации. Приживаются, обзаводятся семьями. Порой в густых сумерках после вечерней молитвы они сидят на завалинке, тайком курят (порядки здесь строгие, табачок они выращивают на укромной полянке), смотрят, как кисея ночного тумана укутывает подлески. Они почти ни о чем не говорят. К ним частенько подсаживается увечный геолог, подобранный сектантами. Ему, одноногому, в одиночку отсюда не выбраться. Он рассказывает странные истории, как его с одной ногой носило по временам и странам, забрасывало в места невозможные, но было ли это наяву или после мухоморов, сказать не мог. Геолог все подбивает их уйти вместе до реки, а там на плоту... Он не знает, кто его собеседники, но однажды Юрковский ни с того ни с сего мечтательно рассказывает о том, что сейчас, по его мнению, творится на Венере, как там лихо идет строительство, разрабатываются рудники, вовсю разворачивается освоение. Словом, идет текст его письма из последних

страниц классического текста «Страны». Разумеется, от тоски смертной хочется выть. Они даже спиться не могут, здесь с этим сурово. В самые безоблачные вечера, когда воздух чист и прозрачен, можно иногда увидеть, как бесконечно далеко за горизонтом от земли к чернеющим небесам растет, вытягивается тончайшая спица огня. Это за тысячу километров отсюда с китайского космодрома Лобнор стартует фотонный корабль.

Когда я перечитывал в первый раз всю эту писанину, меня разбирал истерический смех. С одной стороны, было чертовски жаль ребят, с другой — представьте себе сбитый из нестроганных реек и обтянутый грязным брезентом дельтаплан, дико завывающую бензопилу «Дружба», которая стреляет дымом и плюется маслом, Быкова и Юрковского в драных ватниках, героически пролетающих над вышками и вертухаями! Отдает фарсом, не правда ли? Ко всему еще такой шибко политизированный сюжет мог доставить радость разве что какой-нибудь запоздало-демократической газетенке, продолжающей с упорством белорусского партизана воевать с призраками «совка», но никак не знатоку творчества АБС. Политически ангажированная фантастика себя временно исчерпала.

На этом следовало бы остановиться, стереть все файлы и объявить о выходе из Проекта. Но внутренний партизан толкал меня на дорогу. Война на рельсах продолжалась...

2

Чертовски быстро пролетело время, пора было остановиться на каком-либо варианте. Звонок в Питер ничего не прояснил — одни рвались в Проект, другие открещивались. Питерский писатель С. на вопрос, будет ли он участвовать в этом деле, ответил с лаконичностью римлянина: «Несолидно!» Московский писатель С. на тот же вопрос предложил для начала выпить пивка, а там видно

будет. Пиво не помогло, да и с водочки не развиднелось. Тут ко всему еще Чертков объявился в Москве и стал торопить с окончательным решением. Первый том, с мягкой укоризной говорил он, практически составился, правда, в шеренге фигурантов произошли изменения. Танцуют все!

Сомнения всколыхнулись с новой силой, хотя к этому времени я прорабатывал сюжет вполне серьезный и без тени гротеска. Разговор с Б. Н. во время очередного «Интерпресскона» меня не успокоил. Классик был вполне благодушен, хотя, как я и подозревал, поначалу действительно отнесся к идее Проекта негативно. Однако, судя по всему, лихие питерские парни уговорили его не противиться. Не исключаю, что в Б. Н. проснулся интерес естествоиспытателя — посмотреть, как лабораторные мыши будут сновать по кирпичному лабиринту, полагая, что каждая из них движется своим уникальным путем. Надо сказать, что реакция на пересказ моего «лагерного» варианта была вполне адекватной. Б. Н. согласился, что время политических приколов давно ушло, политической же аффектацией никого сейчас не удивишь. Все это унылое пережевывание мифов «совка» навязло на зубах читателей. На мои же вопрошения, нет ли в Проекте изначального «обнажения наготы отца своего», Б. Н. ответил в том смысле, что очень уж большого хамства в этом не видит.

Это меня на некоторое время вдохновило. По возвращении начал окончательно выстраивать вариант, в котором хитроумно связывал сюжетные линии разных произведений. Позже я сообразил, что это вроде бы не по правилам — одно дело оперировать в рамках конкретного произведения, другое — шнырять по книгам, выуживая там то, здесь это... Но причины такого шакальства лежали, очевидно, глубже. Как стало видно из первой стадии реализации Проекта, крепко сколоченное Мироздание по Стругацким обладало такой логической непротиворечивостью, что втягивало любого с потрохами, стоило только пальцем дотронуться до врат. Но в этом и таились ловушки. У «продолжателя» возникал соблазн выпалить

из ружья, которое висело всё действие вроде без особой необходимости. Человеческие судьбы, которые и являлись движителем творчества Стругацких, задвигались почти всеми продолжателями на второй, третий и далее план, а то и вовсе игнорировались. Судьбу заменили событием, что способствовало легкости текста необычайной. Волны вокруг Проекта раздули ветер эпигонства, который развернул мохнатое знамя с начертанным лозунгом «Нэ так все было!». В древко плотно вцепились крепкие пальцы версификаторов. Естественно, и я не избежал соблазна и побрел, держась за шершавый кирпич стены, к этому позорному стягу.

Центральной фигурой на этот раз был Штирнер, большая шишка на венерианской орбитальной станции. Сработала фамилия. Штирнер, как известно, являлся героем-злодеем в незабвенном «Властелине мира» А. Беляева. В беляевском финале ему перековывают извилины и пристраивают к службе на благо мирового пролетариата. Штирнера и я назначил главным злодеем. Он является изобретателем первого гипноизлучателя. На самом деле Венера была вовсе не таким уж и скверным местечком, просто этому мрачному негодяю для коварных замыслов надо было заполучить фотонный корабль. Все злоключения героев в раскаленных песках Урановой Голконды происходят не наяву, а в наведенном галлюцинаторном состоянии. Но наконец одному их них, разумеется, Быкову, удается каким-то образом проснуться: тяжелая пепельница случайно упадет на нужную кнопку, выключив гадский механизм. Быков разбудит остальных, они выберутся из гробовидных келий-кают, разомнут суставы, и тут начнется славный проход с пальбой и ломкой костей по секретным отсекам станции. Герои с боями прорываются к центральной рубке, оставляя за собой штабели из персонала, зомбированного злодеем. И на том месте, когда они врываются в командный сектор, дабы вершить праведный и скорый суд, творческий процесс забуксовал, а потом и вовсе застопорился.

Простой финал, когда злодея схватывают, скручивают и обезвреживают, удручал своей примитивностью. Был

вариант, когда злодей, несмотря на кажущееся поражение, все-таки добивается своего. Многослойный гипноз и так далее... Герои как бы с победой возвращаются к Земле, на подлете собираются докладывать, как положено, партии и правительству, но после выхода на связь срабатывает глубинная программа-детонатор. Хлоп, плюх: и вот они уже не отважные космонавты Страны Советов, а верные наймиты Штирнера. Злодей предписывает им нанести фотонный удар по столицам, дабы... дабы... Снова зависло!

Другой вариант показался более перспективным, этот ход вроде бы снимал противоречие между картиной коммунистического (или, если угодно, коммунарского) будущего и тем, во что мы сейчас вляпались. Штирнер, припертый героями к стенке и немного помятый, рассказывает им о строго секретных планах высшего партийного руководства по размещению на геостационарной орбите нескольких гипноизлучателей. «Хиус» как раз должен был послужить транспортным средством и энергетической базой для этих громоздких устройств. Излучатели, естественно, споспешествовали бы не только бескровной немедленной и окончательной победе коммунизма в планетарном масштабе, но и вечно поддерживали бы иллюзию всеобщего благополучия. А буде сыщутся каковые упрямцы, то означенные упрямцы да вразумятся фотонным ударом главного калибра, то бишь отражателем «Хиуса». Тут как раз где-то в Сибири изнуренные голодом колхозники восстали против власти и на товарных поездах двинулись на Москву. К ним присоединяются войска, посланные на усмирение. Из Кремля поступает команда — остановить, перерезав лучевым ударом с орбиты коммуникации, а заодно и спалить бунтовщиков, без различия пола и возраста. Герои, узнав про эти зловещие замыслы, недолго мечутся между партийным долгом и человеческой совестью...

Но тут я вовремя остановился, боясь закончить произведение этаким попурри из «Обитаемого острова», «Конгресса футурологов» С. Лема с психоделической приправой из Ф. Дика. И этот сюжет пришлось свернуть.

А когда снова объявился Чертков и сказал, что первый том фактически собран и речь о моем участии в Проекте может идти только относительно второго, я понял, что шел не тем путем. И тогда впервые задумался, а кто такой на самом деле Чертков?

3

Чертков буквально на глазах вырос из нормального фэна в главного редактора одного издательства в Санкт-Петербурге. Причем, что отрадно, фэнская сущность его не была поглощена и переварена должностью. Скорее наоборот. Но суть не в этом. Казалось, какие-то силы перемещают его по стране и во времени для выполнения некой миссии, о которой он, возможно, и не подозревает.

Добротная паранойя стоит дюжины мелких фобий, но к тому моменту я до нее еще не созрел. Поэтому первые мысли в духе прикладной конспирологии были вполне примитивными — раз в нашей среде обитания появились светлые личности (АБС), то неизбежно должны возникнуть и контрагенты темных сил. Что говорить, черная клякса поганит лилейность одежд, но она вполне уместна для мировой гармонии и вселенского равновесия. При этом, конечно, игра должна вестись тонко. Многолетние наезды, наскоки и прочие подлянки тоталитарных аппаратчиков в застойные годы привели только лишь к росту популярности АБС. Поскольку мракушникам следовало разрушить харизму, то лучше всего это сделать, надругавшись над монолитом книг, а именно: разбавить, задробить, замазать, сделать произведения неотличимыми от ряда отражений — кривых и потешных. А для этого достаточно индоктринировать коварной идеей энтузиаста и искреннего почитателя АБС. Идею проекта могли как бы случайно проговорить в угарном застолье, а там иди вспомни, кому она первому пришла в голову! Остальное — вопрос техники. В итоге мы имеем энтузиаста,

имеем Проект, имеем его неофитов. Потом, конечно, я посмеялся над собой — если бы такой «молодогвардейский» заговор в действительности имел место, то в Проекте непременно должна была принять участие хотя бы пара-тройка засланных казачков из почившего в бозе ВТО, филиала приказавшей ныне долго печатать «Молодой гвардии».

Тем не менее все эти предположения побудили меня в очередной раз громогласно заявить об этической сомнительности Проекта. Со многими коллегами по перу за последний год говорил я на эту тему, нудно и монотонно твердя одно и то же, в глубине души надеясь, что меня разубедят. Проще всего было окончательно отказаться и выйти из Проекта, но я тянул, оттягивал решение, обещал дать точный ответ не сегодня так завтра в лучшем виде. Что-то мешало обрубить концы. А тут еще и первая книга Проекта вышла в свет и практически в одночасье была раскуплена. Успех книги был несомненный, что, впрочем, не помешало какому-то придурковатому критику с добрым лицом идиота, не прочитав, обругать ее с непринужденностью базарного хама!

Следующая попытка что-то сотворить со «Страной Багровых Туч» провалилась не менее позорно, чем все предыдущие.

На этот раз ключевой фигурой должен был стать Богдан Спицын. В поздней версии его воплощением явился Евгений Славин из «Полдня». Но эта коррекция, вероятно, возникла в результате деятельности неких сил, о которых будет сказано в свое время.

Спицын исчез без следа на Венере во время подрывных работ при строительстве посадочной площадки. Раз уж авторы решили не спасать его, то придется это делать самому, решил я. Ретивое взыграло, и меня понесло.

Разумеется, Спицын не погиб. Он ведь не просто рядовой космонавт, но ко всему еще первый человек, родившийся на Марсе, а это означает... Что, собственно говоря, означает? Ага, тут же сообразил я, на Марсе ведь впервые были обнаружены следы Странников, вот они за всё и

ответят! Итак, руины Странников, как было выяснено впоследствии, вовсе не руины. Никто не знает, что они из себя представляют на самом деле. Мало ли что похожи на строения! Родители Богдана, естественно, не раз и не два хаживали по этим местам, целовались и вздыхали под лунами, подвергаясь воздействию «руин». Даже если врач, принимавший роды, и счастливые родители заметили у маленького Богдаши родимое пятно странной формы, то вряд ли они обратили особое внимание на сей факт. А зря! Он, Спицын, не просто был первым из «подкидышей». Дело в том, что Странники забрали его с Венеры и использовали в качестве исходного органического материала для создания питомцев знаменитого «Саркофага». Разумеется, сей живодерский вариант я отверг, но именно тогда всерьез задумался о Странниках.

Все встало на свои места, когда поздно ночью, работая на кухне, я придавил пепельницей нагло выползшего на свет таракана. «Попался, малыш!» — ласково сказал я, и тут меня осенило. Ключ к разгадке — гигантские тараканьи «усы», наблюдавшие за космическим Маугли, пресловутым Малышом из одноименной повести. Тоже своего рода «подкидыш», только наоборот. Кстати, некоторые персонажи этой повести смутно подозревают, что носители усов и есть Странники, которые угомонились и свернули свою активность во Вселенной.

Что же получается? Странники — это сверхцивилизация тараканов? Почему бы и нет! Наши рыжие и вездесущие генералы пищевых карьеров — их недоразвитые предки. В весьма отдаленном будущем они переживут всех нас и разовьются в супертараканов. Овладеют хронотехнологией и начнут путешествовать во времени, помогая своим предкам сформироваться в расу истинных господ космоса и его окрестностей. Типа данеллиан П. Андерсона. Всё это откроется Богдану во время его приключений на Леониде, когда он примется втолковывать аборигенам, как гордо звучит человек. А ему в ответ и откроют глаза (прочистят уши) на то, как именно он звучит на самом деле. Очень красочно можно расписать роковую беседу Спицына и пернатого аборигена-мудреца в буколическом раю под

сенью кущ на берегу прозрачного ручья близ серых коробок-инкубаторов. Лениво выщелкивая паразитов из оперения, мудрец ему и выложит всю ядовитую правду.

Оказывается, человек во времена незапамятные был эволюционно продвинут (а то и вообще генетически сконструирован) теми же Странниками для того, чтобы подготовить тараканам идеальные условия для развития. Таким образом, жилье всякое — дома и города — нужны были для защиты от птиц и прочих насекомоядных тварей, переход от собирательства к охоте и земледелию — для формирования пищевого изобилия в виде крошек, технологические и научные революции — для скорейшего завершения человеком своей миссии и ухода со сцены посредством самоликвидации. Клопы-симбионты тоже должны были вымереть вместе с людьми. И так далее в духе «Сирен Титана» К. Воннегута. Разумеется, все эти большие и малые откровения звучат не просто для удовлетворения праздного любопытства Б. Спицына. Растерявшегося от чудовищной истины Богдана плавно и без нажима склоняют к сотрудничеству, благо людеповские качества превращают его в великолепную боевую единицу с неограниченными возможностями. Леонидяне, крайне недовольные могуществом Странников-тараканов, готовятся к долгой и изнурительной борьбе с ними, полагая насекомых своими естественными врагами и воплощением сил Великого Мрака. Их цель — загнать этих усатых хозяев Вселенной обратно во тьму чуланов, сумерки антресолей и сырость щелей меж плинтусом и полом. «Вавилон-6».

Тут мне вспомнился расхожий в фантастике сюжет о насекомых как о пришельцах из другого мира. У них, мол, и зрение и дыхалка совершенно неадекватны гравитации Земли, воздушной среде и оптическим параметрам Солнца. Ладно. Ладно, допустим, что действительно путь Странников — это путь тараканов. Но что теперь делать Богдану? Вступить в борьбу со Странниками и их напыщенными клевретами — людепами? Присоединиться к реальной тараканьей силе и пощипать перья мятежных леонидян, лелеющих под кроткой личиной птичек небесных

реваншистские замыслы? Я вдруг обнаружил, что всерьез начал крутить сюжет, аккуратно прорабатывая детали, подыскивая нужные психологические обертоны для того, чтобы показать трагедию отсутствия выбора. А там пошло-поехало! Красивая сцена ночного полета десятитысячного истребительного звена леонидян... Самоубийственная битва люденов, внезапно и непонятно из-за чего свихнувшихся марионеток Странников, друг с другом в одиннадцатимерном пространстве... Прорыв Д-транспортника «Акка Кнебекайзе», под завязку груженного мясными консервами, к блокированной киборгами Радуге... В финале Богдан ценой неимоверных потерь пробирается в цитадель Странников и в лучших книжных традициях жертвует собой, взорвав склад с боевыми генераторами Роршаха. Вспышка разносит по квантам не только бренную плоть храбреца, но и заодно с ним минимум половину обозримой Вселенной. Спицын был ходячей «машиной конца света», реализовавшей программу крутого Высшего Разума, который учинил грандиозную дезинсекцию, очистив Мироздание от насекомых.

Меня спасло от этого маразма воспоминание об одной старой хохме. В свое время в нашей компании была в моде такая добрая шутка: приходишь на новоселье, нормально пьешь-гуляешь, а прощаясь со счастливыми новоселами, задаешь вопрос: тараканы в доме уже есть? Хозяева гордо отвечают: мол, нет. Будут, сообщаешь им, и с демоническим (скорее, идиотским) смехом вытряхиваешь из спичечного коробка специально принесенных с собой усатых ползунов. Главное после этого — быстро унести ноги, пока у хозяев не прошел шок.

4

Черту подвести никак не удавалось. Питерцы с завидной регулярностью концентрировались в Москве каждую пятницу по своим издательским делам. Чертков же с неотвратимостью скверного анекдота домогался рукописи

либо определенности. Велик был искус просто сказать «нет» и поставить на этом деле жирную точку. Но, как и в прошлом году, что-то мне мешало.

Тогда же в одной тесной компании вроде бы в шутку я предположил, что Чертков не так прост, как кажется, а на самом деле он своего рода змей-искуситель, некая демоническая сила, неизбежно возникающая в компенсацию силам светлым, а именно — АБС. Кто-то мне ответил, что я этой борьбой светлых и темных сил всем уже мозги заполоскал, а один издатель, знакомый с Чертковым, высказался в том смысле, что сей Чертков на змея-искусителя не тянет. В лучшем случае ему пристала роль мелкого беса. На это я возразил, что субтильность фигуры — признак несущественный. Как известно, нечистый редко является в виде дюжего амбала, наоборот, росту он, как правило, порой невысокого, да еще ко всему и прихрамывает. «Так Чертков же не хромает!» — удивился собеседник. На это у меня был ответ. Да, сам лично не хромает, но зато те, кто имел с ним дела, калечили ноги. Вспомним легендарного, а потому, вполне вероятно, именно по этой причине в действительности не существующего фэна Б. Завгороднего. Поработал Завгар с Чертковым в Питере — и на костыли. А когда выздоровел — писатель Е. Лукин принял эстафету. Лукин выздоровел, захромали дела. Дела выправились — сломал ногу знатный библиограф Е. Харитонов, имевший неосторожность выпить с Чертковым рюмку или две. И так далее... Шлейф ноговредительства тянется за ним, как алименты за новобрачной. Гипотеза эта была встречена добродушным смехом, кто-то даже задел локтем пепельницу и уронил ее на пол. Один шибко эрудированный писатель сказал, что эта конструкция напоминает ему эпизод в электричке на Петушки у незабвенного В. Ерофеева. Речь там шла о великом Гете, который сам по жизни не пил, но зато как бы напивался посредством возлияний своих персонажей. Все гонят, мрачно подытожил издатель, и на этом разговор увял.

Но мысли у меня закрутились в нужном направлении. Не прошло и двух дней, как мне словно кто-то подсказал:

так ведь Чертков — это Чичиков и есть, в натуре! Ну, во-первых, фамилии из одной колоды, во-вторых, один скупал мертвые души, а второй занимается практически тем же самым, скупая души литературные. Аналогия, конечно, была притянута за длинные хрустящие уши, но почему-то вдохновляла на творческие подвиги. И я принялся обкатывать новый сюжет.

Действие должно было разворачиваться в наши с вами дни. Место действия — Москва. Герой, от лица которого ведется повествование, запутался в делах. В свое время он увлекался фантастикой, даже пописывал, ходил на всякие сборища типа семинаров и тому подобного. Это для того, чтобы не было вопросов, почему он с ходу врубается в нюансы. Когда начались послабления, решил издавать фантастику. Этому порыву, помнится, в свое время многие последовали. В общем, один из нас. Со временем, как водится, издательский бизнес у героя разбух, он обзавелся надежной «крышей». Торговал чем ни попадя — мочевина и сухое молоко, пластиковые пакеты и программные продукты, чуть было не толкнул в «горячую точку» старый крейсер, но покупатели вовремя вспомнили, что водоемы в их краях тянут в лучшем случае на бронекатер. Надувной. Разумеется, герой лезет в сомнительные авантюры из самых высоких помыслов, дабы издавать хорошие книги. Тут пошли отмывки, прокрутки и иные атрибуты частного предпринимательства, густо замешенного на криминале. Семью растерял, отдохновение вкушает с секретаршей. Экспозиция начиналась с того, что герой узнает о покушении на одного средней руки политического деятеля. Герою это вроде бы до груши, но тут у него объявляется мафиозный дон районного значения и объявляет, что ситуация чревата крутыми разборками. На этом политике, мол, аккуратно выстраивали систему, теперь же придется систему ломать. А это большие потери, дело-то завязывалось на нефть, оружие и драгметаллы. Братва нервничает, будет море крови. Советует герою на время исчезнуть, поскольку мочилово пойдет без разбора. Передел, он и в Африке передел. Герой слегка накладывает в штаны. Секретарша исчезает.

Тут по первоначальному замыслу должен был появиться бес-искуситель, который в лучших традициях ранних фэнтези предложит герою слинять в альтернативную реальность. Каковая реальность окажется не обиталищем магов и драконов, а миром ранних АБС. Герой должен был пройти сквозь череду смешных и страшных приключений, пытаясь спасти Спицына, Дауге, Юрковского и др. от их литературной судьбы, но против рока художественного вымысла он оказывается бессилен. В финале упоминается фамилия героя, и читателю остается лишь вспомнить, что он тоже — один из персонажей АБС. Но я почему-то отверг этот вариант, а если быть точным — забыл сразу же, как только начал работать по этому направлению.

Итак, герою надо срочно лечь на дно. Он вовремя вспоминает знакомого лечилу, которого в свое время поддержал материально. После должного нажима знакомый врач устраивает героя в спецбольницу типа психушки.

На всю эту завязку я отводил несколько страниц. Герой как бы вспоминает, кто он такой есть и по какой причине сюда попал, стоя у окна с крепкими стеклами и созерцая стоящую во дворе больницы здоровенную статую вождя мирового пролетариата с отбитыми носом и ушами. Всё идет нормально, поскольку заведение то ли под Министерством обороны, то ли под более крутой «крышей». Парочка забавных ситуаций, столкновение с истинными или притворяющимися истинными психами, молниеносный флирт с сочнейшей санитаркой. Сцена полового акта на операционном столе в мощных лучах бестеневой лампы под ритмичное дзыньканье хирургических инструментов на стеклянных полочках — дань хорошему тону в современной прозе. Потом я добавил одну или две ночные оргии в лучших традициях Тинто Брасса с намеком на кое-какие смачные места из «Улитки на склоне». На фоне пьянства и беспорядочных соитий происходят не вполне понятные события, мелкие нестыковочки в диалогах, исчезновение одних врачей и появление других, изменение цвета халатов и прочая мерцающая ерунда на периферии восприятия. Но герой не обращает на это

внимания, поскольку немного злоупотребляет барбитуратами. Беззаботно вкушает он радостей земных в полный рост, совершенно забыв о существовании мира вне больницы.

Однако ненадолго. Поток воспоминаний у окна прерывает странное движение на крепкой лысине статуи. Герою кажется, что из яйцевидной макушки Ильича вылупилась большая обезьяна и пристроилась тут же по нужде. Пародируя исторический жест, она картинно выставила руку перед собой, а потом развернула вытянутую руку к окну. Заинтригованный герой видит слабый лунный блик на этой «руке», инстинктивно нагибается. В этот же миг над его головой пуля делает дырку в стекле. Снайпер пытается убежать, однако у ограды его догоняют сторожевые псы и долго едят. Герой облегченно переводит дыхание.

Но это только начало. Вскоре в больнице появляются какие-то неприятные типы, один устраивается медбратом, другой в морг, а там еще пара-тройка злодеев подваливает. Означенные злодеи вычислили убежище героя и устраивают в психушке мышеловку для своих конкурентов. Заодно хотят убрать героя, чтоб под ногами не путался. Им помогает купленный и запуганный персонал.

Тут предполагалась кульминация первой части — беготня, поножовщина, массовый отстрел правых и виноватых, несанкционированное использование подручных средств вроде электропилы для трепанации черепа или скальпелей для резекции желудка. Героя практически загоняют в угол, по всем раскладам карачун выходит. Один из негодяев отлавливает его и привязывает к гинекологическому креслу, невесть как оказавшемуся в этом заведении. И когда сексуально дезориентированный медбрат хочет воспользоваться беспомощным положением героя, санитарка бьет в негодяйское темечко хрустальной — тьфу ты, вот привязалась! — пепельницей. Она (санитарка, а не пепельница) помогает герою сбежать. Оказывается, время от времени за особо безнадежными пациентами приходит спецмашина, и этих бедолаг увозят. Машина в аккурат и приехала. Героическая санитарка обкладывает

нашего бедолагу парочкой натуральных психов, обколотых до бесчувствия убойным коктейлем из аминазина, галоперидола и прочей дряни, и вывозит его на каталке из здания. Погрузившись в дуровозку, они долго трясутся по колеям и рвам отечественных дорог и наконец добираются до пункта своего назначения. На этом криминальный триллер заканчивался, начиналось базовое действие.

Сначала герою кажется, что его подло обманули. Он уверен, что машина колобродила по проселкам и вернулась обратно в ту же психушку, где его ждут на предмет убить. Правда, почти сразу же он понимает, что это другое место, хотя очень похожее. Даже статуя Ильича один к одному такая же, только с целым носом, да и уши на месте. Когда героя в сумерках быстро ведут к дверям, он успевает заметить, что это и не Ильич вовсе.

Какой-то сюжетный выверт с этой статуей я держал в памяти, но пока собрался записать, начисто забыл.

Психушка, как сразу же выясняет герой из вроде бы случайно подслушанного разговора, вовсе не заурядный дом для скорбных головой, а суперзасекреченный объект для исследования паранормальных явлений. Герою это не нравится, он вспоминает массу сюжетов фантастических романов и фильмов, где обыгрывается эта тема. Ему не хочется быть персонажем действия, в финале которого он будет испепелен взглядом какой-нибудь адской малолетки, практикующей пирокинез, или окажется заброшенным в джунгли палеозоя озверевшим от социальной несправедливости хронопатом.

Фрагменты, где ученые в белых халатах нудно жалуются на невыплату зарплаты, предлагают задешево купить технологии, редкоземельные элементы или мозги на вынос, стреляя при этом у героя чинарики, я вычеркнул недрогнувшей рукой — это слишком отдавало дешевой журналистикой.

На третий день пребывания на новом месте герой, утомленный интенсивным выказыванием благодарности санитарке за свое чудесное спасение, прячется от ее ласк в местной библиотеке. И с этого момента в нарушение

всех канонов остросюжетной литературы действие практически должно было остановиться. Дальнейший текст я собирался оформить в виде долгих и бессвязных диалогов между героем и библиотекарем. С похвальной регулярностью герой время от времени спохватывается — надо срочно решать свои проблемы. Он хочет покинуть это вместилище книг, но, побродив меж полок, вспоминает всякий раз нечто важное, о чем срочно и всенепременнейше надо поговорить с библиотекарем. Снова возвращается в закуток, к большому столу под газетным абажуром, к скрипучему креслу, в котором уютно устроился старый книжный червь, к электрическому чайнику, к пепельнице, набитой черствыми окурками... В тот момент, когда я задумался, а почему, собственно говоря, наш герой не может выбраться из библиотеки, где он питается и как справляет нужду, и кто, вообще, на самом деле этот роковой библиотекарь — я понял, что тень Борхеса нависла над моими файлами. Ко всему еще это унылое брожение сильно напоминало известные попытки Переца выбраться в Лес, а Кандида — наоборот. Пришлось прекратить.

5

Чертоги помыслов обратились в руины замыслов. Или что-то в этом роде, только менее высоким слогом. В глазах питерцев читался уже и не упрек, а нечто невысказуемое. Сроки истончались, неопределенность становилась неприличной. Но я держался как десять партизан.

Работа над эпизодами в психушке зашла в тупик. То есть сюжет развивался сам по себе, возникали и исчезали несуразные личности, героя медленно оттеснял на периферию повествования отмороженный персонаж по фамилии Синебородый. Ничего общего даже в метафорическом смысле не имевший, прошу заметить, с Жилем де Ре. Это заведующий отделением — циничный жизнелюб и хамоватый альтруист. Синебородый вовлекает санитарку и

героя в авантюру с медикаментами. Пользуясь халатностью персонала, они вывозят грузовик, под завязку набитый ящиками с морфием, промедолом, амфетамином и псилобицином. Грузовик с этой повеселевшей компанией долго блуждает по неопрятной местности, перебирается на паромах через реки и озера, а в итоге оказывается на унылой и безлюдной каменистой плеши посреди бескрайней серой воды. На вопль героя: «Куда нас занесло?» санитарка, внезапно преобразившись в пышногрудую валькирию, отвечает: «Это Гарсигк».

Тут я понял, что дела плохи, а вопрос героя в полной мере относится и ко мне. Какое отношения все эти блуждания в джунглях архетипов имеют к «Стране Багровых Туч», я уже не смог бы ответить и под пыткой.

В поисках сюжетных хвостов я вытянул цепочку слабо мотивированных ассоциаций. Жиль де Ре, от которого я сперва решительно отмежевался, по созвучию вытянул из памяти Ивана Жилина. Приключения Жилина в заброшенном метро, когда он ждет, холодея, столкновения с гигантопитеком, а встречает старого робота, натолкнули на совершенно дурную идею. Действительно, почему бы в запале современного фэнтезийного угара не объявить Жилина воплощением Конана, лица киммерийской национальности? Такой же богатырь, силен, а схватка с роботом в Старом Метро из «Хищных вещей века» — это карнавализация схватки Конана, по большому счету — нашего земляка, с серой обезьяной-людоедом из «Часа Дракона» Р. Говарда. Именно генетическая память его достославного предка и подсказала Жилину, что это может быть гигантопитек. Впрочем, если бы даже в метро оказалась обезьяна, Жилин повторил бы подвиг Конана. Победные аккорды. Памятник Конану в городе Кимры в лучах восходящего солнца. Финальные титры. В главной роли — А. Шварценеггер... Чума!

Позже я вспомнил, откуда взялся Синебородый. Он был персонажем очень старой, почти тридцатилетней давности заготовки, так и не прописанной до законченного произведения. Тогда я ходил под большим впечатлением АБС раннего и среднего периода и сочинял историю

в духе «Второго нашествия марсиан». Действие происходило в наше время (то бишь в те годы). На Земле появились странные существа, напоминающие сожженный комок бумаги. Эти Пеплы летают где хотят, они совершенно неуничтожимы, могут проникать сквозь любые преграды, и с каждым годом их становится всё больше и больше. Все попытки контакта провалились, логики в их перемещениях нет. К ним постепенно привыкают, на них делают научные и политические карьеры. Синебородый был, если мне память не изменяет, жизнерадостным циником наподобие Рэма Квадриги. Он уводит у героя возлюбленную, а взамен сообщает ему в утешение, что Пеплы — это суть души умерших инопланетян, каковые посланы на нашу адскую планетку в наказание за грехи, нам неведомые, да и недоступные. Разумеется, он врал. Там еще много было всяких версий, забавных и не очень. В финале герой приходит к довольно-таки плоскому выводу — Пеплы концентрируются в тех местах, где человеческая ложь достигает большой плотности. Заключительная сцена: возлюбленная с ребенком возвращаются в лоно семьи, а увечное дитя и Пепел гоняются друг за другом по загаженной лужайке, и оба, герой готов в этом поклясться, счастливы. Все рыдают от умиления.

В результате этих археологических раскопок я как-то приободрился и понял, что этическая сомнительность Проекта должна нейтрализоваться маразмом его реализации. И к очередному приезду питерцев я заявил, что да, приму участие в этой безумной акции, но при этом как бы и не приму. Иными словами — вместо продолжения «Страны Багровых Туч» я напишу эссе, в котором объясню, почему я не написал означенного продолжения. Что, собственно говоря, сейчас и делаю.

Итак, продолжаем: а) исповедь; б) проповедь; в) отповедь, — ненужное вычеркнуть.

Синебородый был решительно секвестирован, санитарка лишена хтонических атрибутов. Герой возвращен в библиотеку, его унылые попытки выбраться из нее тоже элиминированы. На санитарку рука не поднялась. Библиотекарь тоже остался. Сохранил я и кое-какие фрагменты

диалогов героя с хранителем книг, на скорую руку связав их с сюжетом.

Разговор о книгах вообще незаметно и плавно переходит на фантастику в частности. У собеседников оказываются сходные вкусы, и они по очереди декларируют всякие умные мысли. Чужие, естественно. Затем вскользь упоминаются АБС. Библиотекарь реагирует неадекватно, он сразу становится холоден, официален, норовит стать во фрунт и доложить, что на вверенном ему участке без происшествий. Герой кое-как вразумляет старого служаку, тот немного успокаивается и снова становится милым старым книжником. Наконец после того, как герой завоевывает его доверие (спасает жизнь, вытолкнув из-под падающего стеллажа, или еще какая-нибудь мелочь), библиотекарь, перебрав успокоительного, колется. В смысле — раскалывается. Он тут не просто формуляры перебирает, отнюдь, и даже напротив, дело государственной — а то и бери выше! — важности. Сюда долгие годы поступали книги, да не все подряд, а по какой-то особой секретной схеме. Но уж если кто из авторов попал сюда, то ни одна книга, ни одно переиздание не будет упущено, всё ляжет на полку.

Здесь у меня должен был пойти первый ложный ход. Библиотекарь тонко ведет героя к мысли, что на самом деле некие «Странники» могут активно вмешиваться в земные дела. Природа их темна. Может, это действительно мутанты с суперспособностями, для которых переместиться куда хочешь в пространстве и времени что в сортир сходить. Может, это эмиссары неких Высших Сил, космического или земного происхождения. Может, это вообще некая имперсонифицированная злокозненная сила, своего рода следствие дисгармонии в мировой среде равновесных сил. Может, люди и есть в совокупности ингредиенты этой злокозненной силы. И так далее... В свою очередь, имеются отдельные товарищи, которые могут восчувствовать деятельность этих сил, каким-то образом оформлять это в образы, а образы вербализовать в художественный продукт. Как вот они это вербализовали, говорит библиотекарь и, развернувшись в крутящемся

кресле, упирает перст в книжную секцию, забитую практически всеми изданиями АБС. В том числе и на иностранных языках.

Поскольку они оба изначально разбираются в фантастике, то без долгого разжевывания и пояснений сразу начинают выяснять, кто такие на самом деле АБС.

Идет второй ложный ход. Всплывают на поверхность странные вещи. Так, многие годы ученые и писатели полагали Венеру мокрой планетой, этакой младшей сестрой Земли, населенной динозаврами вперемешку с красивыми полуголыми особями женска полу. Стоило АБС описать ее в «Стране Багровых Туч» — через энное количество лет водянистое небесное тело обращается в геенну огненную. Планеты-гиганты мирно ползли себе по орбитам, не подозревая, что у них есть кольца, как у Сатурна. Стоило АБС в «Пути на Амальтею»... Аналогичная ситуация случилась, кстати, и с нашей с вами державой. В конце шестидесятых выходит «Обитаемый остров», где описывается, как стоит лишь разрушить «Центр» — он же Телецентр, иными словами, сломать цензуру — и тут же рухнет тоталитарный режим. Кто скажет, что финальный диалог Странника (sic!) Сикорски и Максима Каммерера о необходимости борьбы с инфляцией не ассоциируется с выступлением какого-либо практикующего либерала типа Чубайса, пусть первым кинет камень в экран своего телевизора. А «За миллиард лет до конца света»? Какая, к черту, научная фантастика! Нормальная картина распада науки и культуры, которую мы сейчас имеем. Даже безобиднейший, казалось бы, «Понедельник» звучит многозначительно на фоне нынешних академий высшей магии, институтов астрала, гильдий колдунов и прочего «естествознания в мире духов».

Тут герой приходит к выводу, что либо АБС своим творчеством выкликали демонов из бездны (или призвали ангелов с небес — кому как нравится для политической корректности), либо они оказались типичными пророками в Отечестве своем. Или они и есть истинные Странники, вскользь замечает библиотекарь, а когда герой возражает в том смысле, что «Странники» вроде бы литературные

персонажи, а АБС — реальные люди, его собеседник хмыкает и спрашивает: а какая, собственно, разница? Но герой не слышит эту реплику, поскольку в библиотеку с грохотом и хохотом врывается в сиську пьяная санитарка и уволакивает героя из книжных кущ в юдоль блудилища, а попросту говоря — в душевую.

Они плещутся в большой ванне и всячески резвятся. Но случайно герой узнает, что здесь вообще-то обмывают покойников. Он шокирован и оскорблен, испытание же чувств слово за слово перетекает в грубое рукоприкладство.

Стоп, стоп! Я вовремя поймал себя за руку, погрозил пальцем в монитор и выкинул сцену драки: бетонный пол, кафельные стены, отдающий металлом и холодящий бронхи пар, заплеванное зеркало, мокрые, все в мыльной пене, тела санитарки и героя, сбитая с табурета пепельница, осыпающая их окурками и пеплом. Кажется, эта сцена должна была хитро символизировать рождение Афродиты из пены морской, только не помню, была ли в том надобность. Бред какой-то!

Сцена примирения с санитаркой (эта зараза начала «вести себя» и практически вышла из-под моего контроля где-то в середине повествования) кончается изрядной пьянкой. Герой выкладывает ей о своих беседах с библиотекарем, она задает ему толковые вопросы, отвечая на них, он несколько трезвеет и делает вывод о том, что АБС не только «генераторы идей», но и, что характерно, «катализаторы реальности». Идеи, облеченные ими в форму художественного вымысла, неумолимо наливаются кровью, обрастают плотью, а мы вкушаем эту плоть и кровь.

Санитарка с радостным криком «Какой ты умный, пупсик!» лобызает героя натруженными губами, а затем между забавами ловко уговаривает его пригласить библиотекаря для более тесного знакомства.

Знакомство выливается в вакханалию, распаленный прелестями санитарки библиотекарь выбалтывает остатки тайны. Дело в том, что в его функции входит также отслеживание дериваций. Иными словами, в одном и том

же произведении, но в разных изданиях некоторые персонажи меняют имена, возникают и исчезают мелкие, на первый взгляд несущественные, фрагменты. Не всегда такие изменения мотивированы цензурными, редакторскими или иными коррективами. На резонный вопрос героя, почему тексты не изменяются вместе с реальностью, библиотекарь долго жует губами, а потом популярно разъясняет смысл древней истины о невозможности коррекции текста посредством плотницких инструментов. Суть его объяснений сводится к тому, что любая изреченная мысль, как догадывался некий поэт, есть ложь. Сия ложь, будучи запечатленной, — ложь вдвойне. А уж когда речь идет об изначальном вымысле, фантазии, так эта тройная ложь составляет, как известно, например, из сопромата, настолько жесткую конфигурацию, что любое четное или нечетное количество изменений не в состоянии полностью стереть шлейф предыдущей реальности. Там еще предполагались какие-то слова насчет сакрального значения числа «три», о влиянии денотата на десигнат, то бишь знака на обозначаемое, и все в таком духе. Короче, остаются следы, несовпадения, неувязочки, которые, соответственно, регистрируются, а дальше все эти сведения идут по инстанции. Библиотекарь полагает, что совокупность фиксированных изменений является неким детектором искажения действительности той парочкой... И он указывает пальцем в проход между стеллажами.

С этого места опять должен был начаться триллер. Санитарка выхватывает из-под белого халатика «хорошо ухоженный парабеллум», профессионально скручивает героя, привязывает к стулу колготками, вместо кляпа заткнув ему рот лифчиком. На самом деле это не санитарка, а «Мата Хари» местного розлива, которая работает на чужую разведку (или на родную мафию). Ее задание — выкрасть двух особых пациентов. Уперев ствол в затылок библиотекарю, она ведет его в глубь полок, после некоторой возни и болезненных вскриков часть книг уходит в стену, открывая дверь в секретное крыло больницы.

Время поджимало, и я решил не расписывать приключений библиотекаря и санитарки. Герой просто сидит и страдает от глупости положения, порой он слышит какие-то далекие звуки, буханье металлом о металл, жужжание ламп дневного света. Потом возвращается библиотекарь, один. Вид у него странный, чуть позже герой сообразит, что книжный червь несколько помолодел и раздался в плечах. Освобождает героя. Коридоры, палаты, приборы, затрушенный персонал. Чем дальше они углубляются в закрытый сектор, тем мрачнее обстановка. Двери от отсека к отсеку все капитальнее, потом вообще сплошная броня, ржавые потеки с подпотолочных труб. Зато телекамер больше, чем плафонов. Охраны, правда, нет. Они находят рыдающую у стеклянной перегородки санитарку, она орошает жилетку героя слезами, имеет место сцена в лучших традициях тошнотворных дамских романов. Санитарка из хорошо законспирированной суперагентессы превратилась в слякотную нервическую барышню, исходящую сентиментальностью и истерикой.

Триллер не получился. Но попытка была честная.

Со слов библиотекаря герой выясняет, что за перегородкой находятся два сверхсекретных пациента. Они уже много лет находятся в коматозном, естественно, состоянии. Неизвестно, как они сюда попали, кто они на самом деле. Ясно лишь одно: вокруг них генерируются некие возмущения реальности. Уместен намек на то, что они возникли из ниоткуда давным-давно, во времена, когда проводились испытания известных изделий на Новой Земле. С одной стороны, эти пациенты представляют большой интерес — пребывание рядом с ними порой индуцирует в отдельных людях паранормальные способности, которые предполагается использовать в операциях деликатного свойства. С другой стороны — долговременный контакт ведет к искажению реальности, локальной и глобальной. Аберрация бывает позитивной, но иногда она приводит к безумию — индивидуальному или массовому. Когда я прописывал этот фрагмент, у меня что-то в уме стыковалось с Золотым Шаром, но потом так и не состыковалось. Возникали какие-то натурфилософские идейки

относительно методики исследования объектов, нелинейно воздействующих на исследователей, но все перемешалось в неудобоваримый коктейль из Беркли, Конта и Бодрийяра. Этот фрагмент я тоже зачистил, в сухом осадке остался эпизод, в котором библиотекарь выясняет, что фамилия одного из пациентов — Ермаков. Кто это? — спрашивает санитарка. Командир «Хиуса», погибший на Венере во время атомного взрыва, отвечает герой.

6

Червь сомнения при ближайшем рассмотрении оказался Уроборосом. Круг замкнулся, теперь можно было выстраивать мало-мальски непротиворечивые конструкции, вязать разлохмаченные концы, разрубать узлы, а при большом желании — пару раз плюнуть в колодец. В метафизическом, разумеется, смысле. Но было уже поздно, вежливо отказавшись, хлопать дверью. Хотя...

По инерции я все еще производил какие-то конвульсивные вербализации, оттачивал обороты и изощрялся в изгибах сюжета. Однако, дойдя вот до этого места, я понял, что, например, идея с комментариями не так уж и продуктивна, как мнилось в начале работы. Я задумал к каждому имени или предмету сделать сноску, в которой с юморком или без оного разъяснить, кто есть кто и что есть что. Причем, самое пикантное, объем этих сносок-комментариев должен был возрастать по ходу вот этого самого «эссе», а в финале каждая сноска разбухала аж на пару страниц, в них возникали свои субсноски. Связно объяснить, почему я отказался от этого гипертекста-прикола, не смогу, просто с какого-то момента идея показалась бессмысленной.

Теперь надо как-то выходить из текста. Можно, конечно, опять зарядить в финал диалог библиотекаря и героя. А что делать с санитаркой? Она сейчас все время ноет, жалуется на погубленную жизнь, на какие-то левые профкомовские путевки еще застойных времен, на порочащие

связи с отчимом... Порой в ее глазах мелькает ужас понимания, она героически сопротивляется безысходности маразма и напору деформационной волны, исходящей от двух странных пациентов, но втуне. Герой и библиотекарь вместе с санитаркой пытаются убежать из спецпсихушки (зачем?), никто им, впрочем, не мешает. Они травят сторожевых собак лошадиной дозой ЛСД, перерезают сигнализацию и уходят в загаженные леса Подмосковья. Вот они продираются сквозь густой малинник, по пути объедая кусты. Спелые ягоды раскрашивают их рты и подбородки в боевые цвета вампиров, вышедших на тропу охоты. Когда они вываливаются в сумерках на поляну, где беглый солдатик печет на костерке краденую картошку, дезертира с перепугу кондрат хватает. Они бегут дальше и в конце концов выходят к человеческому жилью. Вламываются в чью-то пустующую дачу. Еда в погребе, электричество, вода, старый телевизор, кассетный магнитофон... Включают ящик, пытаются разобраться, насколько изменилась действительность. Тут хорошо бы дать намек на то, что по каждому каналу, как всегда, идет своя действительность, но это тупой ход. Они отдыхают, собираются с мыслями, решают, что делать дальше.

Сцена наконец выходит на финальную кривую. Идет диалог, поначалу полный недомолвок, библиотекарь пытается связать двух пациентов с АБС. Высокая болезнь, творческое безумие и все такое прочее. В том смысле, что каждый творец — это своего рода пациент, и он творит реальность в духе некоторых персонажей А. Бестера или Р. Шекли. При этом возникает внечувственная связь между творцом и творимым, в котором отражается и сам творец. Герой прерывает долгие и полные мистических вибраций рассуждения библиотекаря, потому что на этом месте я вдруг сообразил, что всю дорогу почему-то держал в голове именно двух участников экспедиции «Хиуса», погибших в «Мальчике» во время рейда на Урановую Голконду. Случилось так, что экземпляр «Страны» у меня давно кто-то оприходовал. Помнил сюжет я хорошо, но вот сцена гибели Ермакова почему-то заклинивала. Некоторых знакомых, в том числе и среди издателей этого

тома, я спрашивал, как фамилия второго погибшего в «Мальчике»? К чести вопрошаемых, никто не вспомнил, хотя все честно пытались, морща лоб. Да и том АБС со «Страной», который должен был выйти первым в серии (так же оформленной, как и первая книга Проекта), почему-то фатально запаздывал, хотя последующие три уже бодро распродавались.

Наконец идея о парности виртуальных осцилляторов сформулировалась приблизительно так: любое изменение реальности отдельно взятым лицом может иметь место только при условии наличия в измененной реальности другого отдельно взятого лица, не существующего в реальности к моменту начала изменения, но обладающего способностями к изменению реальности по отношению к первому лицу. Или что-то в этом роде. Эта бредятина должна была означать что-то шибко умное и хитро связывалась с парной симметрией фигурантов. Но тут Вадим К. на мой вопрос о втором погибшем спокойно заявил, что, поскольку ему в свое время довелось верстать «Страну», то он может определенно сказать — не было второго! Ермаков остался в «Мальчике» один.

Тут я даже удивился — действительно, а разве могло быть иначе! Словно и не я терзал людей, пытаясь заставить их вспомнить то, чего вроде не было. Откуда второму-то взяться! Шутки памяти? Потом, на всякий случай, я на пальцах пересчитал экипаж «Хиуса». Всё сошлось. Но почему долгие годы я был уверен, что там присутствовал еще один, имени которого я вспомнить не мог? Если здесь нет какой-то тайны, то, по крайней мере, есть повод для небольшого исследования. Когда-нибудь я попробую написать о «лишнем» участнике экспедиции.

Итак, герой вовремя приходит к правильному числу фигурантов. Личность второго пациента остается невыясненной. Да и Ермакова они не видели, только табличку на стальной двери. Герой успокаивается, говорит, что теперь им только до города добраться, а там есть пара надежных адресов... Но отдохнувший библиотекарь перебивает его и произносит монолог о том, что корреляция

«автор-персонаж» не настолько детерминирована, чтобы им, герою и санитарке, можно было расслабиться. По его словам выходило, что инкарнации подвержены не только так называемые живые существа, но и выдуманные, литературные персонажи. Отсюда и «бродячие сюжеты», герои, переходящие из одного произведения в другое. Вообще-то все эти материи находятся в ведении историков литературы, отслеживающих, как тот или иной персонаж при очередном переводе-пересказе-адаптации трансформируется в нечто практически неузнаваемо новое. Или наоборот — один и тот же литературный герой остается неизменным, только его деяния интерпретируются по-разному в соответствии с духом времени. Вчерашний мерзавец сегодня оказывается славным парнем, и наоборот.

Далее следовал вяловатый пассаж о том, что литературные герои, неважно, вымышленные или реально когда-то жившие на самом деле, являются некими вполне в своем роде реальными сущностями. Вот эти сущности, настаивает библиотекарь, и есть истинные обитатели нашего Мироздания. Литгерои обладают литдушами, имеют, как известно любому литературоведу, свой генезис, свою эволюцию, могут воплощаться, исчезать, снова возникать. Особо крутые заставляют авторов не только использовать их атрибутики, а даже попросту именовать их полным именем. Отсюда и разгул «сиквелов», всяческих «продолжений», «проектов» и т. п. Откуда такая прыть у литературных героев, спрашивает герой? У них же нет плоти и крови. Так ведь вначале было слово, а не тело, отвечает библиотекарь. И эти сказочки насчет отражения действительности — еще надо как следует разобраться, кто кого отражает.

Все эти словеса прокладываются рассуждениями о богах-близнецах, которые, как истинные близнецы, не похожи друг на друга внешне, да и в своих земных воплощениях появились в разное время. Что-то говорится о демиургических аспектах творчества, о писателях, которые суть отражение божественных близнецов либо же пародия на них. Так что, спрашивает герой, писатели — это

слуги Высшего Разума или Высшего Безумия? Библиотекарь отмахивается от него. Процесс любого творчества, наставительно поднимает он палец, предполагает соавторство. Автор + автор. Автор + Бог. Автор + читатель. Можно продолжить, но не стоит. Всегда нужны двое. В общем, это как зачатие ребенка. Даже если «ребенок» на самом деле вымышленный.

А писатели, иронизирует герой, они кто: дети или боги? Да что писатели, распаляется библиотекарь, эти ребята тоже всего лишь чьи-то персонажи. Хотя, добавляет он под радостное хихиканье санитарки, писатели, скорее всего, лишь посредники-проводники или, бери ниже, своего рода гениталии. Истинное творчество весьма напоминает половой акт: озарение, напряженный труд в поте, допустим, лица своего, вдохновение, экстаз, близкий к оргазму... Неужели и халтурщики тоже в ряду этих «гениталий», саркастически осведомляется герой, на что получает резонный ответ — не всегда же половой акт есть следствие высокой любви! Хватает и дешевых шлюх. Не будем, панове, забывать и о лобковых вшах.

Герой пытается возражать, вспоминает похожие сюжеты, например, машину времени, путешествующую по воображаемым мирам из «Понедельника», но библиотекарь гнет свою линию. История человечества — это история литературных персонажей. Пока так называемый человек не будет каким-то образом отображен в повествовании — его вроде бы и не было, память о нем исчезает, расточается практически мгновенно. Все исторические фигуранты, которые «навеки в памяти народной», первоначально были придуманы и отражены в книгах, соответствие их реальным, «мясным» прототипам ничтожно мало. Где все эти «великие и ужасные»? Где Атилла и Александр, где Сталин и Гитлер? Да вот же они, рядышком стоят с Акакием Акакиевичем и Макаром Девушкиным. И так будет с каждым...

Ну да, криво улыбается герой, книги имеют свою судьбу. Только книги и имеют судьбу, легко отвечает библиотекарь. Книги делают людей, а люди всего лишь переписывают книги. Ошибки накапливаются, возникает об-

манчивое, но упоительное ощущение, будто очередная версификация — это новая книга, а рекомбинация хилой кучки культурных героев — новые персонажи. Чем же мы тогда отличаемся от книжных персонажей, удивляется герой. А вот чем, неожиданно огорчается библиотекарь, мы сдохнем и в прах обратимся, а они, суки, останутся и всех нас переживут. Может, они только и живут, являясь манифестацией божественной воли.

Догадка о том, что боги не имеют и по определению не могут иметь учеников, а потому весь Проект изначально порочен, но порочен в глубоко мистическом смысле, пришла ко мне слишком поздно. Я отвлекся на богатую мысль о том, что все вышеизложенные благоглупости можно свести к простому выводу: есть некий реальный, настоящий мир, в котором истинные АБС, похохатывая, творят очередную нетленку, где описывают ситуацию, в которой оказались все мы вместе с клятым «Проектом». Истинным творцам ничего не стоит создать Мироздание, в котором они же будут присутствовать в качестве сотворенных. И если хорошо поискать в творчестве «отраженных» АБС нашей ирреальности, то мы найдем не одну и не две подсказки на такое обстоятельство. А в том воистину реальном, прекрасном и яростном мире, где нет места скуке и унынию, в мире, единственно достойном для человека, два веселых, молодых и страшно талантливых парня создают вселенные, не ведая, что они творят на самом деле.

Высокий пафос сбила санитарка. Как насчет этих коматозных пациентов, спрашивает она. Это они нас выдумывают, или они сами выдуманные? Библиотекарь не знает, что сказать. Мямлит что-то о бессмысленности таких вопросов, что любая мнимость может породить бесконечное количество мнимостей как внутри себя, так и вовне. Но тут герой ставит вопрос ребром: так реален наш мир, или он чей-то художественный вымысел? Ответа не следует. Мы что, все тут на фиг вымышленные — и те, кто нас придумал — тоже? Молчание. Потом санитарка робко говорит, что, наверно, этого мы никогда не узнаем, и хрен бы с ним. Наше дело — жить себе, как живем и можем, а на всё остальное забить болт. Воображаемый персонаж

тоже ведь хочет пить, гулять, размножаться. Герой свирепо рычит на нее: как, дура, жить, когда всё вокруг иллюзия?

Как жить? — переспрашивает, плотоядно улыбаясь, санитарка, да очень просто — регулярно и с удовольствием. И, сбросив с себя халатик, тащит героя на диван. Библиотекарь громко сглатывает слюну и отворачивается к окну. Чтобы не слышать их пыхтение, включает старенький и теперь уже бобинный магнитофон. Финал идет под ритмичные всхлипы ржавых пружин, в которые вплетается злой голос Кинчева: «Мы вскормлены пеплом великих побед...»

Вот, собственно, и всё.

От составителя

(окончание)

Ну вот и подошел к концу второй том мемориальной антологии «Время учеников» в книжной серии «Миры братьев Стругацких». Очень хочу надеяться, что произведения, включенные в этот сборник, понравились вам так же, как и мне. Авторы старались как могли, пытаясь выполнить те задачи, которые ставили перед собою *сами*. Какие же? Каждый — свои. Читая эти вещи по порядку в процессе редактуры, я думал, что догадываюсь. Однако никого из авторов не спрашивал об этом — принципиально. Пусть это останется тайной каждого из них. Мне же остается сказать лишь немногое. Например, ответить на вопрос, который может задать иной дотошный читатель: *«А почему в этом томе составитель не предоставил слово одному из творцов этих „миров", одному из Учителей, которым посвящена антология — Борису Натановичу Стругацкому?»*

Ответ прост — правда, вам придется поверить мне на слово.

Борис Натанович внимательно прочел рукописи всех произведений сборника, а с некоторыми авторами даже побеседовал лично. Когда же я позвонил, чтобы узнать его мнение, он сказал примерно следующее:

«Андрей, это будет хорошая книга, наверное, не менее, а в чем-то даже и более интересная, чем первая. Все произведения мне понравились. И состав любопытный. Однако мне не хотелось бы комментировать эти повести — это было бы ***непедагогично.*** *Я не делал этого в прошлый раз, не буду и сейчас. А всё, что я хотел сказать о Проекте в целом, я уже сказал в предисловии к первому сборнику».*

Так неужели я имею право настаивать?

И вообще — еще не вечер. Я очень надеюсь, что примерно через год любители фантастики, собирающие серию «Миры братьев Стругацких», смогут поставить на свою книжную полку третий том антологии «Время учеников». Шанс такой есть. Потому что есть еще авторы, у которых имеются интересные замыслы, есть кое-какие идеи и у меня. Но одно могу сказать определенно: третий том антологии будет финальным, завершающим. Красивое число — три. Как сказал один из авторов данной книги Эдуард Геворкян — «сакральное». И мне оно, число это, очень нравится. Пусть вовсе даже не по тем причинам, которые приписывает мне тот же Геворкян.

Однако — всё в жизни случается, и обстоятельства бывают куда сильнее нас. Поэтому я не хочу ничего обещать — чтобы не пришлось потом оправдываться перед читателями, не дождавшимися окончания нашего эксперимента, лукавой цитаткой из знаменитой «Сказки о Тройки»: *«Есть предложение: ввиду особых обстоятельств прервать заседание Тройки на неопределенный срок»*. Нет, мне больше по душе другая великолепная фраза из той же повести. Помните кумачовый транспарант в кабинете, где заседала пресловутая Тройка По Рационализации и Утилизации Необъясненных Явлений? Ну, конечно же, помните:

«Народу не нужны нездоровые сенсации. Народу нужны здоровые сенсации».

По-моему, лучше не скажешь. Поэтому я затыкаю фонтан своего красноречия и просто говорю: «До встречи! Пока».

Искренне Ваш,
Андрей Чертков

Июль-сентябрь 1997 года
Санкт-Петербург — Севастополь — Санкт-Петербург

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Чертков. **Проверка на разумность**
От составителя *(начало)* 7

Раздел первый
ПОЧТИ ТАКИЕ ЖЕ

От составителя *(продолжение)* 14
Василий Щепетнев. **Позолоченная рыбка** 17
Сергей Лукьяненко. **Ласковые мечты полуночи** 35
Николай Ютанов. **Орден Святого Понедельника** . . . 47
Даниэль Клугер. **Новые времена** 85

Раздел второй
КАКИМИ ВЫ БУДЕТЕ

От составителя *(продолжение)* 138
Владимир Васильев. **Богу — Богово...** 141
Павел Амнуэль. **Лишь разумные свободны** 183
Александр Етоев. **Изгнание из рая** 337
Леонид Филиппов. **День ангела** 359

Раздел третий
ПОПЫТКА К БЕГСТВУ

От составителя *(продолжение)* 454
Андрей Измайлов. **Слегач** 457
Эдуард Геворкян. **Вежливый отказ** 519

От составителя *(окончание)* 555

Время учеников 2: Сборник / Сост. и предисл.
В81 А.Черткова; Ил. Я.Ашмариной, И.Куприна, В.Ноздрина и др. – М.: ООО "Издательство АСТ-ЛТД"; СПб.: Terra Fantastica, 1998. – 704 с.: ил. — (Миры братьев Стругацких).

ISBN 5-7921-0222-X (TF)
ISBN 5-15-000774-9 (АСТ)

"Беспрецедентный для отечественной словесности проект..." – так охарактеризовала первую антологию "Время учеников" авторитетная газета "Книжное обозрение". Второй том мемориальной антологии в серии "Миры братьев Стругацких" продолжает уникальный эксперимент с мирами и героями самых знаменитых отечественных фантастов.

В 8820000000 **ББК 84(2Рос-Рус)6**

Литературно-художественное издание

Время учеников 2

Составитель А.Е.Чертков
Ответственный редактор А.Е.Чертков
Редакторы Л.И.Филиппов, А.Е.Чертков
Художественные редакторы А.Е.Нечаев, О.Н.Адаскина
Технический редактор А.Р.Вальский
Корректоры В.И.Важенко, О.П.Васильева, Л.Н.Комарова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.04.97. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Печать высокая с ФПФ. Бумага типографская. Усл. печ. л. 36,96. Тираж 11 000 экз. Заказ 2635.

ООО "Издательство АСТ"
366720, РИ, г.Назрань, ул.Фабричная, 3
Лицензия ПИМ № 01372 от 16.04.96.
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: AST@POSTMAN.RU

Издательство "Terra Fantastica" издательского дома "Корвус". Лицензия ЛР № 040390. 190068, Санкт-Петербург, Вознесенский пр., д.36.
Интернет: http://www.tf.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Производственное полиграфическое предприятие им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная,- 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.

ЛУЧШИЕ КНИГИ
ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО

** Любителям "крутого" детектива – собрания сочинений*

Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Александры Марининой, Владимира Шитова, Виктора Пронина
и суперсериалы **Андрея Воронина** "Комбат" и "Слепой".

** Поклонникам любовного романа – произведения "королев" жанра:*

Дж. Макнот, Д. Линдсей, Б. Смолл, Дж. Коллинз, С. Браун, Б. Картленд – в книгах серий "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига".

** Полные собрания бестселлеров*
Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

** Почитателям фантастики – серии*

"Век Дракона", "Звездный лабиринт", "Заклятые миры", "Координаты чудес", а также самое полное собрание произведений **братьев Стругацких.**

** Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:*

"Всё обо всём", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

** Замечательные детские книги из серий*

"Лучшие сказки мира", "Сказка-сказочка", "Мои любимые сказки".

** Школьникам и студентам – книги из серий*

"Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "250 "золотых" сочинений", "Все произведения школьной программы".

Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам.
А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.
Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: **107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".**

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства "АСТ" по адресам:
Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.
Арбат, д. 12. Тел. 291-6101.
Татарская, д. 14. Тел. 235-3406.

«Беспрецедентный для отечественной словесности проект...» – так охарактеризовала первую антологию «Время учеников» авторитетная газета «Книжное обозрение». Второй том мемориальной антологии в серии «Миры братьев Стругацких» продолжает уникальный эксперимент с мирами и героями самых знаменитых отечественных фантастов.

Что на самом деле искал на Венере экипаж планетолета «Хиус»?

Чем закончилось второе нашествие марсиан?

Что случилось с Александром Приваловым, когда в результате неудачной трансгрессии он оказался в композитной пентаграмме?

Время учеников продолжается...

Павел Амнуэль
Владимир Васильев
Эдуард Геворкян
Александр Етоев
Андрей Измайлов
Даниэль Клугер
Сергей Лукьяненко
Леонид Филиппов
Василий Щепетнев
Николай Ютанов

Составитель и автор предисловия
Андрей Чертков